

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

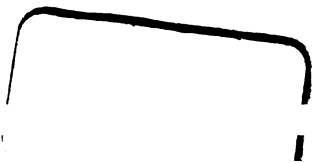
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 3220.897

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Slav 3222.897
v

THIS VOL. INCLUDES
NO. 1, 8-29, 32-36,
40-42

ЗОРЯ

1877-1854

Г А Д И Ц Е В А Я,

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ,

посвященный

ЛИТЕРАТУРНОМУ, ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ,

издаваемый подъ редакцію, сперва:

ЮАННА ГУШАЛЕВИЧА,

потомъ:

БОГДАНА А. АЗАНЦЕГО.

Г О Д Ъ VI.

Въ Львѣ
Іоаннъ Гушалевицъ
И. Гушалевицъ
Издатель и редакторъ
Друж.

Л Ъ В О В Ъ,

Изданіемъ и типою Старажоржійского Цесарскаго Института.

1853.

Slav 3222. 897 (1833
1, 8-29, 32-36)

1853
1-42
incomplete

22 - 27, 30-31, 37-39

2 pages English
SERIALIZED 7/17/57
JUL 1957

UAV 0222.847

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Slav 3222.897
v

THIS VOL. INCLUDES
NO. 1, 8-29, 32-36,
40-42

ЗОРЯ

1877-1854

ГАДИЦКАЯ,

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ,

посвященный

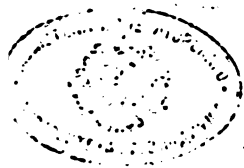
ЛИТЕРАТУРНОМУ, ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ,

издаваемый под редакцію, сперва:

ЮАННА ГУШАЛЕВИЧА,

потомъ:

БОГДАНА А. ГАДИЦКОГО.

ГОДЪ VI.

Co libris
Юанна Гушалевица
Въ году 1854
Изданъ въ г. Львовѣ
1854

ЛВОВЪ,

Изданіемъ и тисненъ Старапольскаго Института.

1853.

Slav 3222.897 (1855
1, 8-29, 32-36, 4

1853
1-42
incomplete

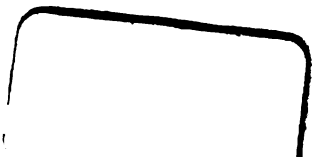
25-27, 30-31, 37-39

Д. ринава Публіка
БІБЛІОТЕКА УРСР
№. 59941

Slav 3222.897

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Slav 3222.897

THIS VOL. INCLUDES
NO. 1, 8-29, 32-36,
40-42

ЗОРЯ

1877-1854

Г А Д И Ц З А Ц,

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ,

посвященный

ЛИТЕРАТУРНОМУ, ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ,

издаваемый под редакціею, сперва:

ЮАННА ГУШАЛЕВИЧА,

потомъ:

БОГДАНА А. АЗАНЦКОГО.

В. А. Азанин

Г О Д Ъ VI.

*Юанна Гушалевица
№ 2, ул. Св. Юрия*

Изданъ въ типографіи...

В. А. Азанин

ЛЬВОВЪ,

Изданъ въ типографіи Старороссійскаго Института.

1853.

Slav 3222. 897 (1855
1, 8-29, 32-36, 4)

1853
1-42
Incomplete

2-7, 30-31, 37-39

3 - -

Д. р. Павлова П. Г.
БИБЛИОТЕКА УРСР
№ 599471

1000 1000. 871

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Slav 3222.897
v

THIS VOL. INCLUDES
NO. 1, 8-29, 32-36,
40-42

ЗОРЯ

1877-1884

ГАДИЦКАЯ,

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ,

посвященный

ЛИТЕРАТУРВОМУ. ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ,

издаваемый подъ редакціею, съерея:

ЮАННА ГУШАЛЕВИЧА,

помощь:

БОГДАНА А. ДЪДИЦКОГО.

С. С. С.

ГОДЪ VI.

*Юаннъ Гушалевицъ
№ 2, ул. Св. Троицы*

Дружину товарищескую

Д. Д.

ЛВОВЪ,

Изданіемъ и тисненъ Старапольскаго Института.

1883.

Slav 3222. 877 (1855
1, 8-29, 32-36)

2nd
1853
1-42
Incomplete

22-27, 30-31, 37-39

3 - -

Д. р. Павлова Публическа
БИБЛИОТЕКА УРСР
№ 599411

0
20p

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Поэзия.

Где дочь есть мой? Б. А. Д. Число 1.
 На смерть А. Бадуянского. — Къ сближающейся
 веснѣ. Б. А. Д. ч. 2.
 Тайна. — Поэтъ. — Къ германцѣ. Б. А. Д. ч. 3.
 Еларь, (баллада). Б. А. Д. ч. 4.
 Жена, (романъ). Б. А. Д. ч. 5.
 Слава во шмивихъ Богу! Б. А. Д. ч. 6.
 Къ Юліи. — Чудакъ. Б. А. Д. ч. 7.
 Воспоминаніе Наддѣстровыи. Н. Г. Н. ч. 8.
 Оглашенный Василино, (историческая дума) Б. А.
 Д. ч. 9.
 Горе и благодать Ф. Глин. ч. 11.
 Къ нестройной. Б. А. Д. ч. 12.
 Ходящій зовъ, (сказка). Б. А. Д. ч. 13.
 Близость влюбленного. Б. А. Д. ч. 14.
 Моя молитва. Б. А. Д. ч. 15.
 Во память усопшаго Фр. С. гр. Стадіона. Б. А. Д.
 ч. 16.
 Судъ закона и милость благодати Ф. Глин. ч. 17.
 Парявчъ и дѣв Русалии, (баллада I. П.) Б. А. Д.
 ч. 18—19.
 Но умывай! Н. С. ч. 20.
 Утѣшитель. Ф. Глин. ч. 21.
 Лебедь, раяъ в мука, (басня) К. ч. 22.
 Пѣсни русскаго кобзаря. I. II. Б. А. Д. ч. 23 и 31.
 Постѣдани борьба. А. К. ч. 24.

Беззаботность птицъ. А. П. — Листопадъ. Ж. ч. 25.
 Жаворонокъ, Н. Б. ч. 26.
 Оправданіе. Б. А. Д. — Ребѣнчатъ сироты (басня).
 Дн. ч. 27.
 На кладбищѣ, Н. Г. Наум. — Первая утрата. О.
 ч. 28.
 Вечерній зовъ. Михаила Петровича. — Любовь. Б.
 А. Д. ч. 29.
 Да будетъ мнѣ! Б. А. Д. ч. 30.
 Словенское племя. — Большинство голосовъ. — Два
 дѣлства Б. А. Д. ч. 32.
 Воспоминаніе о Петрѣ Головановѣ — Къ памяти
 Народозабвннхъ. Б. А. Д. ч. 33.
 Молитва сиротки К. П. — Золото и бузатъ. А. П. ч. 34.
 Халдн Творца. З. — Советъ Козара. Б. А. Д. ч. 35.
 Къ другу. Я. съ Я. ч. 36.
 Встрѣча съ Оленомъ. Б. А. Д. ч. 37.
 Соперь престоловъ. Б. А. Д. ч. 38.
 Чего намъ недовольство. Б. А. Д. — Въспомнѣн
 кусть, (басня). Дн. ч. 39.
 Ежедневное осмысланіе самого себе — Жизнь ар-
 мѣрца. Я. съ Я. ч. 40.
 Зимній вечеръ. А. П. ч. 41.
 Схватка. А. П. — Къ Енисѣю Ф. М. ч. 43
 Стихъ армянскій Его В. Архипову Бароло
 Лидику. Б. А. Д. ч. 43.

Научныи и историческіи статьи.

Посланіе о первомъ намѣстѣ письменномъ языкѣ.
 ч. 1—4.
 Беллетристика. Турина. ч. 1.
 Короткая Исторія Черной Горы. ч. 2 и 4.
 О способѣ возстанія Черногорцевъ. ч. 2 и 3.
 Ассиріи о народной словесности. Турина ч. 5, 6, и 8.
 О вѣдѣннхъ первомъ описаніи въ Галицко-русс-
 комъ владѣннхъ. А. Петрушовича. ч. 6—11.

Битва на Куликовскомъ полѣ. ч. 6
 Козани въ Царьградѣ. I. Левинко. ч. 8 и 9.
 Паленіе Царяграда. I. Левинко. ч. 11—13.
 Обзоръ важнѣйшихъ политическихъ и церковныхъ
 происшествій въ Галицкомъ владѣннхъ съ по-
 ловины XII до конца XIII стѣи. А. Петрушо-
 вича ч. 12—19, 21, 24, 37—41.
 Воспоминанія Старословенскія. Гв. II. ч. 24—30.

О поединках гадюшких садовъ. М Малюжского. ч. 25.
 Историческія повѣсти о порочѣ св Стевана. ч. 30.
 Короткая исторія литературы всѣхъ словенскихъ нарѣчій. I. Исторія старословенской литературы. ч. 31—35.

II. Короткая исторія чешско-словенской литературы. ч. 37—38.
 Озеръ-памя. ч. 38.
 Слово въ память почт. Читателямъ, отъ Редакціи ч. 37.
 Вспоминаніе хитскихъ возстаній. ч. 37.
 Новыя мѣсть въ Кіевѣ. ч. 40.

Справозданія галицко-русскихъ обществъ.

Отъ строительной Комиссіи Н. Дома ч. 5, 8, 10, 13, 17.
 О выборахъ въ Старапольскій Институтъ. ч. 10.
 Промова Вл. Г. М. Кузнецкого на засѣданіи Выдѣла Галицко-русской Матки. ч. 20.
 Вступное Слово Вл. Г. М. Кузнецкого на засѣданіи

иъ Комиссіи, управленіи строеніемъ Нар. Дома. ч. 21 и 22.
 Засѣданіе выдѣла Галицко-русской Матки. ч. 23.
 Даръ г. Министра Баха для кинотеатра Народ. Дома ч. 24.

Поэмы и драма.

Откъ Пятисі, русскій приходить изъ Соловьи. ч. 1—22.
 Тамъ когда златъ поетъ. К. Гр. ч. 23 и 24.
 Звѣдъ Нотисіи. Хожашина ч. 25—26.
 Мечта и Паничка. К. Гр. 29 и 30.
 Чайковскій. К. Гр. ч. 31—43.

Ночь зимовя. С. ч. 31 и 32.
 Краса села. ч. 33 и 34.
 Доброе общество. ч. 36.
 Борошность и скудость. ч. 37.
 Непира, трагедіа С. Огурюковича ч. 14, 16—21, 23—28.

Довиси.

Изъ Сандора. Г. ч. 1.
 Изъ Вала. Р. ч. 1 и 3.
 Изъ Терновца. Н. ч. 3.
 Изъ Норкышля, I. Довисного. ч. 3.
 Изъ Львова. Б. А. Д. ч. 12.
 Изъ Львова. Ф. Ф. ч. 14.
 Изъ Будяка. Ар. А. Радзиского. ч. 16.
 Изъ западной Галиции. М. чъ Д. (—іі) ч. 21 и 40.
 Девятнадцатая письма съ будяка. ч. 23, 25, 26, 29.

Изъ Пршова. Турина ч. 26.
 Изъ Колодийского. Н. ч. 27.
 Изъ Пршова. А. Д. — Изъ Кошиць. В. Д. ч. 32.
 Изъ Пршова, Дуковича. — Изъ Жолковского, Н. ч. 33.
 Изъ Колодийского, Андрей Ивановича К. ч. 35, 36, 39.
 Изъ Яворова. I. Лазынского. ч. 36.
 Изъ Пустуля, Юсвоа съ Болшоа. ч. 40—42.

Извѣстія наукова и Величина

издаются емо по въ вѣдѣхъ числѣ; зинѣччяіа господареніа и аввареніа, потѣмъ извѣстіа

осадничяа и торговельныа въ кѣторихъ. Ко вѣскому числу приложениа „Поученіа, Цорновина.

Надобикновенниа приложѣ.

Тѣбе Богъ жалитъ! откъ Б. А. Д. ч. 1.
 Молитва за Его Апостольское Величество. ч. 11.
 Возвоаніе къ промѣлѣ на 3 четвертьголіа ч. 30.

Справозданіе комиссіи Нар. Дома. ч. 36.
 Заглавниа Листи и Отголоскиа въ „Зорѣ“ и „Поученіа Цорновина.“ ч. 43.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПРОИШЕСТВІЙ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И НАРОДНЫХЪ.

Имеется еженедельно въ Субботу одинъ листъ съ прибавленіемъ ВЕСНА, во время годовою въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. и. и. — съ почтовою порескою 6. зр. и и — Желающіи четверточко получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. и. и. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. и. и.

Отъ строгательной комисіи.

Отъ остатнаго оголошенія загальныхъ складокъ на Храмъ Господень и домъ народный во Львовѣ въ Числѣ Зори 60. зр. р: 1852, елиманъ новымъ жертвъ, которые до едломоти елинародной подлемъ. Значительна жертва чистого и приподаного Господина Петра Мидникого, приходника въ Яголицци старой, выносаща 3000. зол: рини: ср: елиманъ оуи: въ Ч: Зори 84.

Кромѣ тыхъ елиманъ, отъ остатнаго аипца до 1. аиптопадна т. р. сѣдѣющіи жертвъ:

- 1) Вицит: и Выкопря: Господинъ Оиодоръ Хомѣнскій, Намѣстникъ Бокрицкій, надзира- тель школъ народныхъ и приходникъ въ Миколаевѣ, жертвовалъ отъ себя самого 100 р. с.
- 2) Тойже самъ прилаалъ собраніе складкѣ зъ Миколаева и Подюнова 105 р. ср. зъ Гринива 83 рс: 18 кр. зъ Подаркова 15 р. с. — разомъ 153 р. 13 кр.
- 3) Чистый и прил. Господинъ Викинтій Аѣницікій, приходникъ Оугрина и Златія, при- лаалъ 25 р. 45 кр.
- 4) Виц: и Выкопря: Господинъ Якипъ Мойновичъ, приламантъ, намѣстникъ Зла-

зицкій, надзиратель школъ народныхъ и при- ходникъ въ Миланѣ, жертвовалъ отъ себя 20 р. с.

- 5) Мицунскій Іоаниъ, пр: профиноръ гимна- зіальный въ Перемышлѣ. 1 р. ср:
- 6) Мирносичъ Калмитъ, пр: профиноръ Глшъ: въ Тернополѣ. 1 рс. ср.
- 7) Стякичъ Іоаниъ, приходникъ Лесина, оуѣ- та Перемышского 5 р.
- 8) Чист: и При: Госп: Трохинскій Іоаниъ, приходникъ въ Испани, Намѣст. Бѣрицкого, ссепратимъ на 3 приходъ 24 р. 30 кр.
- 9) Чист. и Прип. Госп: Якипчикъ Юліанъ, поднамѣстникъ и приходникъ Оугрицкій, при- лаалъ 37 р. 40 кр. ср.
- 10) Чист: Господ: Петрашинтъ, канцеляр Сн- кова, Золочинского окрѣга, соералъ 10 р 40 кр.
- 11) Чист. и Прип. Госп. Михаилъ Кирнарго, приходникъ въ Липѣ и книгохранитель На- мѣст: Бѣрицкого, соералъ 18р. ср.
- 12) Виц. и выкопр. Господинъ Воеводка, на- мѣстникъ Жѣковскій и приходникъ Овертына, соералъ 31 р. 30 кр. ср.
- 13) Чист. и прил. Господинъ Дмитроъ Зѣковскій, приходникъ Тосатого и соератимъ Намѣстни- чинскій прилаалъ 90 р. 4 кр.

- 14) Вит. в високопр. Господиць Іоаннъ Козловскій, Наміттинцъ Городицькій при-
маць 128 р. 30 кр.
- 15) Вит. в високопр. Господиць Михаиль Бь-
лицкій, Наміттинцъ Городицькій и надзиратель
школъ народныхъ примаць . . . 6. р. ср.
- 16) Чистий и достохвальнй громады въ Ас-
тинъ в Шаравицкѣ Жолковскаго окръга при-
маць 65 р. 30. кр. ср.
- 17) Чистий и припод. Г. Мартинъ Проколо-
вель, приходниць СВшнн и Ордова 51 р. 4. кр.
- 18) Чистий и припод. Господиць Михаиль
Козловскій, прих-дникъ Оутѣшкова 14 р. 4 кр.
- 19) Вит. в високопр. Господиць Лопатинскій,
власит. Богородицькій и надзиратель школъ
народныхъ 86. р. ср
- 20) Вит. в високопр. Господиць Грассовиць
Вадриць, соєратель нам. Зваржского, приходниць
Боваловъ 148 р 9 кр ср.
- 21) Вит. в припод. Господиць Оюфимъ Па-
вловель, приходниць Биржанъ и соєратель
Наміттинскій примаць . . . 35 р. 36 кр.
- 22) Чистий и достохвальнй громады Славова
в Ниратиньскѣ окръга Жолковскаго заужилъ и
приказан 195 р 30 кр.
- 23) Чист. в при-дод. Господиць Іоаннъ Кел-
овицькій свешій доєр. Наміттинцъ, пародъ
въ Бѣлѣ заужилъ соєратель въ Наміттинь-
скѣ шкель 107. р. 34 1/2 кр.
- 24) Чист. в при Господиць Іданазій Воло-
шовиць, приходниць Кржанн Волоктой окръга
Баловскаго примаць . . . 5 р. 24 кр. ср.
- 25) Ч. в при. Г. Михаиль Мцковскій, прих-
дникъ Жѣвель за Жѣвель и Рѣмизовиць 6 кр.
- 26) Чист. в при. Гот. Штефанъ Вайцкій, ка-
пеланъ Страньель с ерель . . . 5 р. ср.
- 27) Благородный в високопродот. Гот. Шир-
овельскій Петро примаць соєратъ въ Рамовѣ
сладель 48 р. ср.

- 28) Благородный и достохвал. Гот. Дроздо-
вскій Оюдоръ, пражитиль шкель головною въ
Китадѣ журтвовель 2 р. ср.
- 29. Вит. в високопр: Господиць Шандицькій
Наміттинцъ и приходниць Львовскій заужилъ
въ Дантровель и Сорони 11. р:
- 30.) Вит. в високопр: Господиць Яковій Мой-
шовиць, прилошннцъ, Наміттинцъ Злозвнцкій
и приходниць въ Мильнѣ примаць за Миль-
на соєратн 3 р: 30 кр.
- 31.) Чистый и припод: Господиць Іоаннъ Во-
лицкій, приходниць Чирнел соєратъ въ Чирн-
ель 34 р. 39 кр.
- 32). Витит : в високоприпод : Господиць Тѣ-
ринтій (Ситан), Наміттинцъ Омикій, школъ
народныхъ надзиратель и приходниць въ Тѣ-
риль соєратъ въ Тѣриль . . . 100 р: ср:
- 33.) Н: Н: за Вниграда не хотацій инии
своего узвѣдатель журтвовель на долъ народ-
ный 50 р: ср.

Подати сіе до оццон вѣдомости коми-
на примаць що :

а) вчитини и високоприподовени Господиноу
Хомтнскій, наміттинцъ Бокрциій, и прилоша-
ннцъ Яковій Мойшовиць ели многоєратно шо-
дротн сазей и ренотн по доєро народн шенн
длаи доказы. Вжи поєрідно вєпирали дѣлаи
радн головною нѣз доєро талъ свѣртковала,
а тєєра нѣбѣтаєт талъ соєратинннхъ дѣт.
или нѣо и валанель сєєрель и соєратин
и соєртин дѣлаи и тѣєрѣ комиѣи силно
вєпирати шо

в) чистый и при: гот: Зѣрковскій Ан-
тоній соєратель наміттиннцѣв Умалтєєкоє
знамає рєно сєєратнєль сѣєрѣдокъ: шо

а) вчитини и високоприподовени Господи-
ноу Боводель наміт: Жѣвонскій, Козловскій
Наміт: Городицькій: Аюлатинскій Наміт,
Богородицькій: Павловель соєратель Наміт.

Бирманьского и Шайдзицкій Нам: Алевскій еси многократно значительным приращением склади; что

г) личное и достохвальное духовничество Намётитичител Бѣрицкого такою же рено знаменитиа соображеніемъ складокъ: что

д) чистымъ громады Аѣвичи и Шарпанцѣ, Спайока и Пиратывъ, не только значительнымъ сложивъ жертвы, но тѣмъ подя проследимъ ренныхъ и дѣтвойныхъ сконда дѣшпактырїи Нами Миндзиньского прихданниа Аѣвичего и Даміала Маѣбриго оумыяланныи вылаинниаки: чистыми Гадзали: Голнфомъ. Придѣтокъ и Фодоромъ Дѣлай протѣзоромъ Аѣвичкимаъ и Голнвомъ Сѣдъ, протѣзоромъ Пиратывиннимаъ и Намѣаъ Кѣванъ протѣзоромъ Спайо: чѣхъ комїиъ зналаа; при которой те сподобности тѣмъ чистымъ вылаинниаи чѣаъ фл крїаъ стараниа огаанїаи, и вылаиннотїи поднаго предпрїнїатїа алевскїаи:

е) что личное и достохвальное духовничество Намётитичителъ Зекражикого и Бѣвкого не оглаоаиа визїтанеаъ на за прїаѣтромъ соевратїи и содѣлїатїиъ зналаа са такою же съ многонадїиъ ренотїиъ соевранїемъ складокъ и что

ж) и въ сторонахъ граничныхъ Рѣи галїтїиной знавѣтъ дѣши чѣаѣаѣиъ сїаьно дѣнїиъ Рѣиновѣаъ на дорожѣ аѣтры и протѣчїиа.

Тое оучѣрїае, что оумїа комїиъ испїрїаѣтъ дѣши съ сїаьнїаъ и нїаълаиннїаъ дѣхольаъ и погѣаоїиоаъ коїио, оевраа комїио до дальшого дѣлаїа и оучрѣпаа до аѣтры, что съ оупованїемъ въ Божѣ аѣтѣ прїаѣтїаа, котїаи доїи оутрѣдїааи тоаъ оумїааодное прїаѣтїаѣ оумїаѣа, а комїиа въ сїаѣоанїи аѣаи роїиоѣаѣе дѣао до соеврїнїаа оевїтїи.

Комїиа не заанїаѣаѣтъ тааъ жїтѣвїиънїаъ нїко и соевранїемъ жїтѣаъ трѣдїаїнїаъ іа сїаѣе

нїаѣрїоное аїагодарїнїе нїаъаѣнїи, и до дѣаѣаъшого рїенїа содѣлїаа прїаѣтїи.

Отъ комїиъ прїаѣтѣоїи спїрїаѣаъ сознѣаѣемого дола народноаъ и аѣрїаиа горїаїиоаъ цїрѣаи во Алевскѣ дїаа 7 (19) аїаѣ. 1852.

Кузѣмскїа.

Прїаѣдѣаїа.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Алевскѣ Мїаѣ торжївїтїиными прїаѣдїиакимаи нашон сїаѣаѣоаъ цїрѣаи знаменїаѣтъ едїноае нїаъ прїаѣнїаъ жїтїаъ сїаѣаѣоаъ Богѣаѣаїнїи Голїаѣаъ Бога и Сїаїаи нашїаго Іїсїаа Хрїста. О нїаъ много соловїнїаъ и дорогахъ нїаѣмїнїаїнїи наводїаѣтъ намъ тоаъ дїаъ въ намаѣаъ тааъ нїаъ аїаичївїтїиного дѣла сїаѣаїнїа, а въ котїоаъ нїаъ оїаѣоанїаи и прїаѣрїаїнїаи, нїаъ и зѣ нашон хрїтїаїнїаиоаъ и народноаъ жїзнїи рїаѣаѣаѣоаъ подя сїаѣаѣоаъ сѣнїи цїрѣаи. Намїи отѣаъ аїаѣаъ оеврааїи сїаѣаѣоаъ-богѣаѣаїнїи дїаъ съ аїаїиоаѣнїаъ, оїаѣоїиоаъ отъ аїаїнїаъ, отъ котїоаъ нїаълаа крїаїа прїїааа подя прїаѣтїи сїаѣаѣнїаъ аїаѣтїїнїаъ Іїмпрїаѣаѣоаъ прїаѣрѣаъ. нїаъ оеврїаїи, тааъ въ оїаѣоанїи въ тоаъ дїаъ намъ сїаѣаѣнїаъ оеврааѣъ сїаѣоаъ прїаѣнїи аїаѣаъ и значїнїе. Намїааѣаѣтъ зѣ нїаѣрїаїнїаи докѣаѣтїаѣаѣаъ, огаанїїаїа на оїаѣнїаъ аїаѣаъ тоаъко сїаѣаѣоаъноаъ бѣооїаѣаїа. Храма Оумїи-скїи мїаѣоаъ сїаѣоаъ аїаїнїаи старїиной оеврїаїа сѣѣаѣаѣтїи. Чїаїиоаъ зааїаїнїаи сѣѣнїи и лампады, прїаѣрѣаъ жїтѣвїиноаъ трѣаїаѣ сїаѣаѣи сїаѣаѣоаѣнїаъ нїаъ оумїаѣаъ торжївїтїиными повїаїноаъ старѣа. Пѣнїе аїаѣаѣоаъ чїаїиаїнїаи прїаѣвїдїиоаъ прїаѣ аѣѣаѣаїнїаъ Бѣоаъ Прїаѣаѣаїнїаѣаъ съ чѣаѣоаъ кїаѣнїаѣоаъ прїаѣаѣоаъ тишїнїаъ оїаѣдїаїа. Потѣаъ сїаѣаѣнїаъ оїаѣнїаѣаѣаїнїаъ Бѣоаъ Прїаѣаѣаїнїаѣаѣаъ въ содѣлїаѣнїаъ Бѣоаъ аїаѣнїаѣ. крїаѣоаїнїаи и сїаѣаѣаѣаѣ Мїаѣаїа Кѣзѣмскїаго, Віаѣ. крїа. дѣоѣаѣоаъго, Віаѣ. крїа. Іїаїа, Віаѣ. крїа. Дамїаѣнїаѣ

ного, Вис. крм. Дѣтскихъ и Вис. крм.: Миссиа. Слово почитальное держала Вис. Благочиній. Такая самая содержаніи мѣх и приторпѣнное прозвѣснѣе оглашенъ габзекое свѣтлѣніе въ сердцѣ вѣдѣ слышатиліи. По зламощной моментѣ розпочала ходъ на лѣтѣнъ водокачѣа. Его Приходитиліе Грессій Налѣтѣннѣ Графа Голдхокинѣ, и вѣт чиновники вышнѣ и низшнѣ, профіоры свѣтлѣннѣ Тѣхники и обогѣ гимназіи; Его Сіатиліе Кназь Шарцѣннѣрѣ командирѣннѣ Галиціи въ сопровожденіи генераловъ и вышнѣхъ офицеровъ прнѣтѣтѣсвалъ водокачѣтѣ. Народъ было вынкое чнло, цѣлѣи рынѣкъ емѣл мѣхъ наметѣи. Неко габзекое хмѣрѣо вѣдѣтѣ роздѣлѣннѣла надѣ габзеконнѣ тѣмѣтѣлѣмъ нашонъ слатонъ вѣрѣ. Троекратное погруженіе въ водѣ платого крѣтѣ воздѣтѣлѣмъ вытѣрѣлѣ рѣжнѣ и пѣтнѣ народнѣа „Блѣгодѣтѣ вѣттрн снѣд“ произвѣднѣа мѣнконъ вѣнѣковѣ. По томѣ продолжала ходъ около рѣтѣнѣа чнрѣзѣ нѣкоторое крѣмѣа. Пѣтнѣнъ прѣзднѣннѣнъ и гѣдѣлѣ мѣнконъ роздѣлѣннѣа по цѣлѣмѣ городѣ. Вышнѣрѣчнннѣмъ достоиннѣкѣмъ содѣлѣтѣсвалъ въ ходѣ до самого конца. Когда оуѣи цѣлѣи оградѣ торжнѣтѣнннѣи содѣрѣннѣла, оудѣлѣнѣа Его Приходитиліе съ многнѣмъ вышнѣмъ чиновннѣннѣмъ и Его Прнѣкѣднѣннѣтѣ съ Вис. крѣмѣшаннѣмъ до Гоѣ. Телѣрннѣнѣого старѣнннѣннѣ Интнѣтѣта Стѣлѣрѣннѣннѣннѣого на свѣдѣннѣ, гдѣ чнлннѣно чнлнѣ рынѣного зѣлѣннѣа и прѣтнѣ Рѣннѣнѣи содѣрѣннѣла. Тѣ нѣпоачнѣно толпѣтѣ ко вѣлѣгоднѣтѣе Его лѣок. Внѣтнѣтѣлѣ Францѣ Гоѣнѣфѣа по томѣ Его Приходитиліе нашнѣо Мнѣтрѣрѣннѣтѣ прнѣлнѣа короннѣтѣлѣ Галиціи и Володнѣннѣрнѣнѣ, Его Прнѣходѣ: Налѣтѣннѣнѣ грѣснѣи въ вѣлѣгоднѣтѣи цѣлѣи цѣлѣрнѣкой арміи и вѣлѣнѣоуѣтѣ вѣтѣ прнѣтѣтѣлѣннѣи гоѣтнѣ нѣлѣлнѣнѣ толпѣтѣ ко здѣрѣннѣ и вѣлѣгоднѣтѣе Г. Снѣлѣрѣа Интнѣтѣта Стѣлѣрѣннѣннѣого.

Львовѣ. Оуѣрѣднѣннѣа раднѣ оуѣннѣннѣа трнѣлѣмногѣ въ Коснѣвалѣннѣхъ, оуѣрѣга чѣрнополѣннѣого, словѣсѣзѣлѣла тѣлѣннѣа грѣмѣла на вѣнѣга дѣлѣтнѣ вѣнѣгоднѣ на оуѣрѣднѣннѣа оуѣтнѣлѣа по 144 рѣ. срѣ. гѣтовѣхъ грѣшнѣи и 36 корцнѣи, 16 гарнѣцѣзъ вѣжѣа и ннѣннѣо: 6 корцнѣи пшѣннѣннѣннѣи, 12 корцнѣи жнѣтѣа, 10 кор. нѣлѣннѣи и 8 кор. 16 гарнѣ. грѣчнѣи, сѣдѣоѣтѣлѣннѣа на опѣлѣ оуѣннѣннѣннѣа и полннѣннѣа оуѣннѣтѣа 9 копѣ 44 околѣотоѣзъ жнѣтѣннѣи соломы. Прнѣрѣлѣтѣ до тогѣ оуѣрѣднѣвѣтнѣи оѣоѣннѣого стѣрѣжѣа до оуѣлѣвнѣи въ оуѣннѣннѣннѣи нѣкожѣ до оуѣннѣннѣннѣа и пѣлнѣннѣа тѣмѣжѣи, тѣкожѣ вѣдѣтѣлѣ старѣтнѣ о спрѣлѣннѣе и оуѣрѣднѣжѣннѣе въ доѣрѣмѣ стѣнѣтѣ снѣрѣдѣ оуѣннѣннѣннѣннѣхъ. Грѣтѣ. кад. сѣлѣрннѣннѣа мѣтѣтѣннѣи Г. Стѣлѣлѣзъ Мнѣпѣннѣа сѣлѣлѣзѣла оѣоѣннѣннѣа дѣклѣрѣціѣвѣ, жѣ чнрѣзѣ крѣмѣа своѣго оуѣрѣдѣннѣа сѣлѣннѣннѣннѣого тѣмѣжѣи оуѣтѣлѣлѣтѣа чѣлѣу. потрѣлѣннѣе дѣлѣ оуѣннѣннѣа нѣзѣ своѣннѣхъ грѣбнѣтовѣхъ 2 мѣрѣнѣи и 500 сажнѣи полѣа. —

Вѣдѣнѣ. Достоѣтѣрннѣи нѣзѣтѣтѣа голѣнѣтѣ, жѣ вѣго прѣлѣ снѣлѣ Хорѣлѣціи вѣлѣннѣи полѣчнѣлѣ отѣ прѣвнѣтнѣлѣтѣа повѣлѣннѣе, кнѣлѣннѣннѣа оуѣтѣрѣлѣннѣа вѣснннѣннѣхъ дѣчнѣтѣи въ томѣ сѣлѣтѣ, вѣанъ емѣ въ сѣдѣтѣннѣе нѣпоѣжѣтѣ въ Чѣрнѣи Горѣ нѣрѣвнѣннѣа емѣлѣ въ тоѣ стѣрѣннѣи лѣвнѣрѣннѣннѣа грѣннѣннѣа.

Вѣдѣнѣ. Бнѣшнѣе мнннѣстрѣтѣе знѣмѣлѣтѣлѣа содѣрѣннѣа мнѣвѣшнѣго годѣ комнѣтѣи, которѣи зѣдѣннѣа емѣлѣ, сѣнѣрѣтнѣи вѣтѣ потрѣннѣннѣи нѣзѣтѣтѣа о прнѣтѣннѣи гннѣтѣа вѣлѣлѣтѣ и спѣлѣлѣтѣ зѣлѣвѣжнѣннѣа тожѣ сѣлѣлѣтѣа. Кѣлѣмнѣтѣлѣ тѣлѣ нѣполѣннѣа оуѣи сѣлѣннѣа зѣдѣлѣтѣи и прнѣдѣлѣа рѣботѣи своѣи нѣвѣлѣлѣ нѣкожѣ въ снѣ цѣлѣи, лѣлѣ тоѣжѣ дѣлѣ о нѣлѣ своѣи мнѣчнѣе. Пѣлѣтѣ тогѣ выдѣлѣа вѣлѣтѣа въ прнѣдѣлѣтѣ снѣлѣ оѣоѣннѣа кннѣжѣа.

Прѣзѣ. Его Внѣлѣтѣе Цѣлѣрѣ Фрѣднѣннѣлѣлѣ пожнѣртѣсвалѣа на сѣздѣннѣе сѣлѣ хмѣла въ Карѣннѣтѣ въ Чѣхѣхъ 12.000 р. ср. а

дѣ и войскѣ. Дострѣмъ, шкес во мнѣ имѣи, Ва В. цѣсаря Маріа Анна къ тойжѣ цѣли 4000 р. ср.

Оупоконвѣшїиа нїдано въ Боциъ (въ Тиролѣ) Въо ц. вышочїство архїепископа Райнера, распорядилъ погнѣдїи воиъ. аемъ мѣртвое тѣло его схоронїно было въ тамошнїиъ храмѣ, що и нагнѣпно на дни 25 сѣтїа. Онъ огнѣнелъ такожѣ погнѣнїиъ наднїи, которѣ приказалъ погнѣтити надъ своимъ гробомъ, и которой содержанїе каїсетїа ебдѣщого воїкрїнїа нзъ мѣртвѣхъ.

— Всенїючїишїа рѣшїемъ Въо ц. и апостольского Вїантїста погнѣнїиъ ц. и. подмаршалъ Іа. Паротъ, *ad latus* (до войскѣ) Въо ц. Вм. военного и цїава. нагнѣтїиика въ Оугоршїнѣ; тѣмъ же рѣшїемъ наменованъ дотїпнѣшїиъ нагнѣтїиикъ въ Шваїцѣ, Іог. Кальхбергъ, анципрїзиднтомъ нагнѣтїиичтвѣ по Львовѣ; а В. Жмѣрко профпорогъ низной и вышой математїи при тѣхнїицкой академіи во Львовѣ.

— Ц. и. мїнїстерїальнїиъ собѣтнїкъ, Нги Дл. Строїиовскїиъ наменованъ шео рыцарѣ ц. австрїиного ордїа Леопольдова, егеронель.

ИЗВѢСТІЯ ИНОСТРАННЫЯ.

Парижѣ. Днѣ 22 собралнїиъ чїны сїнїатѣ законодательного сойма и дружелыиъ собѣтнїику въ Тѣмїарахъ, аемъ слѣхатї еїгдѣ цѣсара Наполеона III. съ которой говорилъ о жїнїтѣе своей съ графїишїи Монтїо, и съ которой нѣкоторымъ мѣтїца извлеклемъ во пользѣ т. нашїго чїтатїельства: „Братнїиъ союзъ“ говорилъ онъ, „которымъ заключенъ, нїоглаїветїа съ прїданїемъ старон полїтїику и то тѣмъ лѣтш. Вїакоє прозораное прїантїельство долїжо о томъ пїснїа, аемъ прїеїгнї Францїи въ колѣї старѣхъ монархїи; цѣль тѣи мож-

но ебротнѣшїиъ слагнѣтїи спрїемленемъ и сеоводномышлїанномъ полїтїику, правдїишїиъ оупокорамїи скоршїи тѣмъ соединнїемъ съ королевїишїи роднїиамн, шо нї еїгдѣ еїзпнїше етїа и чїтїо на мѣтїци спрїахъ народнїиъ елїтїа дїтїа спрїахъ: слїанїтїишїи. — Однѣ жїнїцїи на прїнїа доеро и огнѣнелѣ мнїишїа паматѣа французскїиъ народѣ; еїла то слїанїишїа въ доерѣа жїна гїнерала Бонапартѣ, которая и прнїходнїа съ королевскїи кровн. Кто въ жїцѣ Вєропы вознїа нзъ слїанїиного стїакоєшїи на вышочїї стїпнѣ королевскїиъ днїастїи, тотѣ долїжнъ ебрнїи еїтн своємъ прїаебнтнємъ харїктѣрѣ, тотѣ долїжнъ еїгнѣтнїи прїахъ Вєропои шео вознїицїа (Европѣїїнїи), и сї нїа етїа слїакоє дїа того, кто возвышнїе сїае заедатїетѣ сеоводнїиъ голооевнїиъ еїанкого народа. Тагѣ то прнїбѣднїа и нїишѣ отгнѣтнїи отъ прїаеброев доерѣ наекаданнїа. Таа, которѣ нзєрѣа мое сїрдцѣ етїа достїиного родѣ. Ебдѣтн французскїа сїрдцїамъ и воїпнїтанїемъ. паматкѣи ерѣи, которѣ отнѣзъ еи за французскїе прѣмїахъ цѣсарїетѣе, нагнѣтѣ она шео Ишпїанкѣ тоѣ за сокои доесроє, же нї наетѣ въ Францїи роднїи, которой еи нѣжнѣ давати отантїа и достїишїетѣа. Покожнїа, мнїа и доерѣа, отнѣзѣтѣ она — о томъ прїаебднїишїи и слїаннѣ — доерѣдѣтнїи цѣсарѣемъ Іонїишїи. Дїа того отнѣзїишїи: въ Францїи: и стїаннѣ жнїцннїи, которѣ мнїишїа и еїчнїтїа вышїи, нїжнїи тѣи, которѣ нїзнїи, и съ которон союзъ еїла еї прнїнїи и рознїтнїишїи еїгдѣи и жїртѣи. Іа нїиного нїопрѣеїргїа, а только еїла тѣи сокои по анѣшнїи сїрдцѣ, погнѣтѣеавнїишїи прїаїдїи съ рознїомъ, съ прїеїкнїнїемъ своимъ. Прїаїчнїтїа сеоводїи, своїтїеа сїрдцѣ и родннннѣ стїагнїе еїакнїиъ днїагнїтнїишїи прїаїрїзїднїїа и слїаеїзїаеїи, ебдѣ еїзпнїтїеи слїаннѣшнїишїа, жонїеи ебдѣ сеоводнїишїишїа. Нїздалонго оудїаеїа въ Божїей Мїагнїи и прїаїгнїаиъ цѣсарѣеиъ пар-

судостать они в твою, которъ и изгналъ; и когда вы, господины, в познати, прииде- шите, жи и тѣмъ разломъ едохосило мне Провидѣе." По изреченіи тухъ словъ яко в полѣ члѣ сломой снѣды роздваланы гром- ей возглаголю: „Слава Цѣтарю, слава Цѣтарю!" Крестныи оградъ имѣлъ отечити по ноуѣ- шамъ извѣстимъ 29 я. м. въ которомъ то дни ихъ розказываетъ слагодати строгіи розпоразкиа кляшчїица патенїи Орманікой родины въ тавїи спомоуе, жи дїжлаа съ и- лѣтїи тухъ запокоуе долга покойного ко- рела Люденка Филипа, къ томъ выдана еб- дѣть такоужа ошнрїла амнїтїа, в проп- стїа 30,000 мѣжїи съ французского войнка.

Парижа Графиня Монтио, жена француз- ского цѣтара Наполеона III приходитъ съ до- стоинной родины испанікихъ деоранъ, мати жи ей принадлежала къ шкотїей родинѣ Виръ- Петровеъ, которыи прииманы до Испанїи. Отецъ гр. Монтио сажалъ яко помочникъ въ г. 1814 Наполеонъ I., мати была персонъ владѣюща дамоу испанїей королемъ Насїау. Г. 1846 приехала она къ дочерю въ прѣлїи разъ до Парижа, гдѣ жаседала графиня Монтио оути тогда вѣдѣхъ крїстоуе своєю во- дїжала При концѣ живешого года, когда цѣтаре Наполеонъ жи танѣхъ оути своєю при- шлоуити къ прѣрїной Испанїцѣ, сталаа она предѣтелъ водмѣанїи живного и мѣжї- ного пола въ Парижѣ. Матѣтъ она тїарѣ 23 лѣтъ: выскою, прииматїемъ поствелъ; оти и вренъ чїрїи ихъ оуголъ, но колоты жїтїи, що вѣдѣомъ лицѣ ей придѣлетъ кра- итѣбъ старосѣтїемъ. Дѣла и рѣшїтїальнотъ, нею шїалїишїи донны (панїи) вїгда отан- чїтїа, заѣбїтїальна и оу нїи; тое ео не рїзъ оути шїно оказала, жи цѣтарїиъ фран- цузского коронѣ жи оустанѣтъ за прииманїю шїтѣбъ за отдаїе своєю рѣш.

Отъ черногогорїиныхъ границъ при-

шѣли въ полагїиныхъ днахъ м. м. слѣдїв- щїи извѣстїа: Дна 10 сѣтїа оударїан Тѣр- ки на дѣт Гїрцоговнїиной оеагїти, Пнѣв и Нїкїшнїцѣбъ, которыи не дамо отторгїванїя отъ тѣрїцїонъ Порты. Мирко Петровнѣ, вратѣ черногогорїиного княза, прїемь съ 800 мѣжї Гїрцоговнїцамъ на помочѣ, жи моужъ однокожъ запокоути, лемъ Тѣрки не спалиан Жѣлѣв и жи вошан до Оттрога. Въ сорѣтѣ погнало то- го дна 30 Тѣрковѣ, Черногогорїецѣ имши тїи. Мирко Петровнѣ поималъ тїи голоуи тѣрїц- кїхъ старшїиныхъ въ прїстѣльнїи черногогорїи городокѣ Цїтїнїе Дна 13 выпран Черногор- цы Тѣрковѣ за прїдѣлїи рїчїиныхъ оеаг- тїи. Тогожи дна вторгївалъ сїадарїїи Огманъ- паши съ 5000 мѣжї съ живно стороны въ черногогорїи країи и напалъ на сїла дїма- ны, Годїны и Болѣкнїи, гдѣ на свое сїагѣе жи встїрїтїала съ черногогорїижи стрѣльцїамїи. Когда жи тїи пошрїтїа изъ Вїра, оузрѣли пожаръ на дѣт сїагоу дїмїамы, кнївїанїа чї- лоуеъ 580 мѣжї на єио тѣрїцѣви сїаѣ, со- столашїе, ихъ сїазаю, съ 5000 мѣжїа прї- нїданїан Тѣрковѣ оутѣпнїти въ поелнїкїи го- ры, дѣлацїи Чїрїви Горѣ отъ вїлєанїи. Въ сїи сорѣтѣ лагїа околѣ стїа Тѣрковѣ, а Чїр- ногогорїецѣ толѣко шїтѣ. На знаїа поѣдѣ поїмали Черногогорїи 7 голоуѣ тѣрїцкїхъ до Цїтїнїи. Дна 14 вїкнїпѣлъ жїстоїи єої въ стѣрїю єоготїиной сторогѣ, которѣ называнѣтъ Чїрногогорїи Бїрдон (Вїрхоєнїио) и въ кото- рѣ вторгївалъ сїаѣ Омїрѣ-паши съ 10,000 мѣжї тѣрїцѣого войнка и 14,000 чїрїавы. Вѣтѣ съ отїамъ прїнїтїавла голоїнтѣ, жи Чїрногогорїи а имїино хорѣорыи жїтїиан Кѣч- кїи оеагїти, отторгївѣшїїа сїижи днїи отъ Тѣрковѣ, поганїан Омїрѣ-паши на голоуѣ. На- тїаѣ Чїрногогорїецѣ въ Бїрдѣ стоуѣтъ сїаѣ князѣ Данила Петровнѣа Нїгошѣ — воїннїи палїи Чїрногогорїецѣ соїтѣотѣ въ томъ, жи они вѣдѣтъ вѣїиѣ толѣко оєоронїтїальнѣ; жи

ли добівають, лем прийшло до рѣшительной вѣсти; ми не сосредоточили на одно мѣстце больша мѣт 500 вооруженного мѣжа, оутвержда- ла, що ели тѣмъ въ одномъ мѣстцѣ погна- нѣтъ, то останѣтъ прочин сотни на нмѣхъ мѣтцѣхъ. Они приманяють Тѣрки мѣждъ склѣмъ, гдѣ мѣтъ только вѣтрѣтѣтъ его, елѣтъ до погнѣднаго. Такожъ приказѣлъ князь Да- нило, лемъ кождоу само елаола оюено, покн Тѣрки не загонѣтъ мѣждъ горы; тогда оу- лѣзаны вѣтъ сокоукуплатнѣ. Такнй споюекъ ко- ебнѣла называють гирнѣи, производа тоу слово отъ мѣпанннѣхъ Гирнѣюекъ, которы ел тотжн споюекъ съ найбѣвшнѣхъ оупѣдохъ кнѣн когда — то Нпполѣона I.

Короткая Исторія Чернои Горы.

Событѣя, которыя ел нынѣшнѣхъ врѣми- ни оскратннѣ на Черногорцѣхъ вннманнѣ елн Веропы, оубжнѣяемы елѣють розннчно, едѣ во пользѣ хороорого снѣо славѣннѣкого плнмн- нн, едѣ на его вѣрдъ н оенѣдъ. Дѣжн тѣмъ, ко- торы до снѣхъ порѣ н ннзманѣ, сѣщнѣеветъ лн нѣн Черногорнѣн крѣн, смотрѣтъ нынѣ прнѣжнѣо за нзвѣстѣлѣмъ, отношнѣннѣя ел нсторнѣ Чернои Горы н рознѣдѣлѣтъ, нѣкъ нмѣ задохнѣтъ. Дѣнѣлѣмъ, що сдѣлѣемъ ч. чнѣ- тнлѣмъ нашнѣмъ нн мѣлѣмъ прнѣлѣвѣдъ, подѣлѣл нмѣ короткоу оокорѣннѣ нсторнѣ Черногорцѣхъ.

Нсторѣ Чернои Горы н тѣкѣ зелѣного Снрѣнѣкого Прнгорѣлѣ начннѣетѣя съ чнѣтырѣд- цѣтнлѣмъ столѣтнѣмъ; о событѣяхъ, сѣлѣнѣ- шнѣхъ прнѣждѣ того врѣмннѣ, нзвѣстнѣо дѣжн мѣло. Тоу только ннспорнѣмо, що нѣтъ оу вѣдѣхъ славѣннѣхъ плнмнѣхъ такѣ н оу Снрѣкоу елн мнѣогнѣ оубѣлѣмнѣмъ кнѣзѣмъ (гопѣдарѣмъ). Роздѣ- лнѣннѣ днрѣжѣмъ н тѣлѣмъ нѣ дѣжн елнѣконъ на мнѣ- жѣн оскратнѣ елѣо голоуѣконъ прнчннѣоу оупѣдѣ- нѣ снрѣнѣкого Цѣрѣтѣя, которѣоу разнѣшнѣо ел- ло ел 1389 годѣ во врѣмѣ влѣдѣннѣя Цѣрѣ дѣзѣрѣ на Коговолѣ полѣ.

Вѣ тотжн врѣмѣ влѣдѣлѣн ел Зѣтѣ *) н ел Чернои Горѣ оюеннѣмъ кнѣзѣмъ. Кроуѣ тѣхъ елѣо ещн колышн кнѣзѣн (гопѣдарѣмъ) ел о- ннѣдѣ сторѣнѣхъ, нлнннѣо ел Герцѣгоуѣнѣтѣ, Прн- мѣорнѣмъ н Вѣлѣкнѣмъ н вѣтъ онн столѣн мѣждѣ сосѣн ел сродѣтѣхъ. Найтѣрѣшнѣ мѣждѣ нлннѣ елѣлѣ Бѣлѣ- шѣ, снѣкъ елнѣ Острѣннѣчѣ. Когда Тѣрки прѣ- одѣлѣн Снрѣнѣкого Цѣрѣа на Коговолѣ полѣ, нн сѣлѣшнѣнѣ тѣмъ полнѣмѣшнѣмъ кнѣзѣмъ съ по- мѣтнѣмъ, которѣ ннѣтн елѣбъ едѣ нн мѣган, едѣ нн хотѣлн. По рознѣшннѣ Снрѣнѣкого Цѣрѣ- тѣя влѣдѣлѣн тѣмъ кнѣзѣмъ ел своѣгѣ оубѣлѣхъ сѣлѣотѣлѣтнѣноу н оубѣлѣлѣн Бѣлѣшѣ за мѣ- лѣдннѣкѣ Снрѣнѣхъ Цѣрѣнѣ, нлнѣнѣшнѣго госпѣ- дарѣа Снрѣнѣкой днрѣжѣмъ.

Тѣрки напѣдѣлн нногда н на кнѣлѣнѣннѣ оскратнѣ, но нн мѣган тѣлѣмъ оскратнѣ кѣлѣ- тнлѣноу оупѣдѣ. Яѣкъ тогда, коуѣ мѣгѣтѣ- рѣшнѣмъ Гопѣдарѣмъ Боуннѣннѣмъ оубѣлѣкнѣмъ Тѣр- кѣмъ прнѣлѣтѣтъ до Боуннѣ, мѣган тнѣжѣ оу- чннѣлѣ оскратнѣхъ колышн ерѣдѣ нлнѣнѣтѣ. Жнѣтнѣ Герцѣгоуѣннѣмъ, Вѣлѣкнѣмъ н Зѣтѣ коро- лнѣ за своѣ вѣтъ н нзѣнннѣноуѣ своѣхъ потнѣ полѣторѣ елѣлѣ; но нлнѣонѣцѣ ннѣтѣрѣ- лнѣ н подѣлѣннѣ Тѣркѣмъ. Вѣ продолжѣннѣмъ тоуоуѣ врѣмннѣ отнѣлѣннѣлѣ кнѣзѣ Чернои Го- ры н Прнмѣорнѣа Дѣрѣлѣ вѣжннѣмъ по своѣмъ мѣтѣтопѣннѣннѣмъ н нлнѣлѣмъ елѣгодѣмъ городѣ Склѣдѣрѣ нѣлѣгодѣрнѣоу н ннлнѣшннѣоу Внѣтѣ- нѣкой (Внѣтѣнѣкой) рѣпѣлѣнѣцѣ. Рѣпѣлѣнѣкѣ тѣлѣ елѣлѣ тогда снѣлѣмъ н мѣгѣтѣлѣ; на врѣтнѣлѣ Снрѣнѣкѣ днрѣжѣлѣ оупѣдѣлѣлѣ съ дѣлѣ на дѣлѣ. Тѣлѣ н нн дѣнѣно, що Дѣрѣло, снѣкъ елнѣ Острѣннѣчѣ отѣдѣлѣлѣ Внѣтѣлѣмъ рѣнннѣмъ городѣ

*) Зѣтѣ елѣтѣ рѣлѣ отнѣлѣннѣлѣ н лѣнѣноу Подѣгоуѣннѣ елѣ рѣлѣ Мѣрѣнѣ. Тѣтѣ нѣтъ нѣтѣнѣтѣлѣ оскратнѣ тѣлѣмъ нлнннѣмъ прнѣдѣннѣлѣлѣлѣ рѣлѣоу рѣлѣоу Зѣтѣнѣ мнѣнѣ Герцѣгоуѣннѣоу, Вѣлѣкнѣоу, Чернои Горѣоу н с. оуѣрѣлѣ Склѣдѣрѣнѣкѣ. Кроуѣ с. рѣлѣ Подѣгоуѣннѣ сълѣ нѣ Зѣтѣ ещн дѣлѣ прѣлѣнѣ оу Сѣлѣчѣ н оу оубѣтнѣннѣмъ ннѣтѣ Жѣлѣлѣлѣ.

шла по крайней мере съ той стороны и дѣти нѣкогда ползти противъ Тѣрковъ. И совѣтныя, когда потомъ Тѣрки хотѣли словить Скадаръ, веронимъ его Бурея и Виты.

По смерти Балшиа послѣдовалъ братъ его Стефанъ, котораго потомки называли по его прозванию Черноземинъ. Стефанъ, соединивши съ тѣмъ своимъ Скадаръ — воевалъ, вытѣвлялъ, по свидѣтельствамъ некоторыхъ летописцевъ, 66 разъ на полъ ентетъ противъ Тѣрковъ. Сынъ его Неланъ воевалъ также въ битвѣ противъ Магомидановъ, которыми въ свои силы обратилъ на подвѣтѣ Нелановъ оубѣда. Но оубѣда нѣ успѣлъ и вытѣшилъ Неланъ, шло извѣстиями Господарь, о женилъ сына своего съ дочерью Билеттского дожи и такимъ образомъ вошелъ въ дружественныя отношенія съ Италией. Онъ создалъ въ Венеци (Билеттлахъ) для себя и своимъ подданнымъ сирѣчь церковь. Билеттскій дожа выдалъ дочь свою за сына Неланова по той оубѣде приняти, воежи надѣлала съ такового союзу розвинулъ для себя корысти. И вѣдѣла и желавша его; она во тѣмъ князю была со своимъ народомъ для Билеттскъ правомъ рѣкомъ. Однакожъ Билеттскіи князи зычюбно тѣмъ владѣли и отплатили за то воевалъ неслалодарностию. За тотъ гудъ приобѣщавалъ нѣ потомъ сѣдѣла многокрѣтно.

Дурда, сынъ Нелановъ, причесалъ шло зать Билеттского дожи, долгого вѣра въ Билеттлахъ. Онъ прѣзжалъ чѣтѣмъ на Чирво Горѣ и основалъ тамъ типографію. В тѣмъ вѣмѣнѣ было смѣ жити въ Итали и съ той причины отдалъ онъ княжеско владѣть своимъ среднимъ Неланъ, который также основалъ съ Италианомъ Сивъ владѣть приобѣщавъ Неланъ самъ своимъ Дурданъ и тотъ, проживалъ съ дѣтства въ Итали, изрѣчила

привлѣнѣ и привлѣши оно въ г. 1516 сирѣчь шомъ митрополитѣ Германъ, побѣдилъ олатѣ до Итали.

Мимо того потомки Странича владѣли названіемъ; и въ Исторіи Чирво Горы нѣтъ даже слѣдствъ, кемъ они когда лико Тѣрковъ данъ платили; сказано только, что города, въ которыхъ ни могли отплати, сирѣчьвали однимъ за дрѣвнѣ магомиданинѣмъ нѣзданинѣмъ, который во вѣра княжеско Дурда Черноземинъ, такъ нѣ оубѣ окладилъ, что Дурда принудилъ была отплати владѣть своимъ митрополитѣ. Тотъ Дурда отплатилъ смѣ и дрѣвнѣмъ печатѣ съ двумя орлами, которая до нынѣ сохранилась въ Черногорцевъ.

Князь, владѣвшій во вѣра Сирѣчьского Царства, привлѣши Черно Горы и въ владѣтвѣ 127 лѣтъ по ентетѣ на Косовомъ полѣ сѣпокойно. Тѣрки отнимали впрядѣ то однѣ часть нѣ края то дрѣвнѣ, но Чирво Горы отплатилъ для нѣхъ принтомъ, на которыхъ Тѣрки долго ещи не отплатили нападати.

Въ г. 1450 лѣтнимъ Тѣрки въ ентетѣ на Чирвокомъ полѣ врата Неланова, Петра Черноземинца, опытного и смѣлого молодца. Онъ побѣдилъ и потомки его владѣли въ вѣрканіи и нѣтъмъ столицѣ въ Скадарѣ до г. 1834. Тойжъ самъ Петру, вочичнѣ почти всю жизнь со своимъ соплатинниками, отправилъ въ старости своей шло Тѣрокъ въ годѣ 1522, когда княжеско владѣть Чирво Горы привлѣ въ рѣкѣ тамошнихъ Владикъ, на Чирво Горѣ съ тѣмъ нѣдрѣнѣмъ, кемъ вратъ тотъ шло свое нѣдрѣнѣ сирѣчь покорити и привлѣнѣти его къ своимъ владѣтвѣмъ. Однакожъ ни много скорытѣлъ онъ въ самъ походѣ, знавши только названіемъ пограничнѣи части Чирво Горы.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Издание въ изданіи Института Становитѣльскаго.
Отвѣтственный Редакторъ Иванъ Гущаловъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедѣльно въ Среда два листа, по пятъ годовою въ Листовъ 4. зр. 40. пр. в. н. — съ почтовым пересылкою 6. зр. в. н. — Желюшнн четвертьрочно получати платати въ Листовъ 1. зр. 10. пр. в. н. на почтахъ по 1. зр. 30. пр. в. н.

ВСПОМИНАНИЕ НАДНѢСТРОВЬЯ.

Загнѣчки! вы не кон
Болнбѣнная сторона —
За чѣмъ я васъ такъ возлюбилъ;
Що и гдѣже вы, и Бугъ,
Наднѣстра мой наймилшій другъ
Но есть нестъ уже такъ милъ.

Я весь, ахъ есть, дѣшкѣмъ свѣтъ,
И волна надъ сумоюмъ лѣтъ
Самокъ назва, нѣмъ нѣтъ
Отдалъ кто вѣнчу свободоу
И Крымтнцнцу гору
И тѣ островъ на Днѣстрѣ!

Тамъ бы въ дунѣмъ я свѣтъ,
Зѣ горы на Русь нѣмъ бы зрѣтъ,
Нѣтъ враснѣ мѣла тамъ онъ!
Подлнвна такъ, ахъ солскій цвѣтъ,
Весела, ахъ веснмъ розсвѣтъ
Богата, нѣтъ Украина.

Тамъ народъ Русскій весь душою,
Неповорондѣмъ чужннцншою,
Тамъ древа ширѣсть, древннй врасъ;
Въ лѣнцѣхъ тамъ нѣтъ и врасѣта,
Въ сѣвннцѣхъ лѣдъ и частѣта,
Въ гостннцѣхъ друноскннй устѣта.

А весь явѣ тамъ нѣтъ нѣтъ,
Тамъ всѣмъ нѣтъ и всѣмъ нѣтъ!
Тамъ таеицъ нѣмъскннй врасъ —
Дроицъ нѣтъ нѣтъ свѣта землѣ
Сама несамннѣта и гудѣта
Въ гулднцѣхъ нѣмъскннй Подлѣтѣта.

Тамъ старецъ съ сѣдою бороною,
Кюмоеску нѣтъ врасъ,
Бѣзжурѣ сердце нѣтъ нѣтъ!
Видѣти нѣтъ тамъ не рѣтъ
Прадѣла съ нѣмъскннй врасъ
Що выгнѣти гонѣта!

Спросѣ, ахъ войтъ кто нѣмъскннй бѣтъ,
Цара кто, стру зашнѣтъ?
О тѣ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
Отъ Буховннмъ, нѣтъ нѣтъ
Есть возлюблѣннй тѣмъ врасъ
Що нѣмъскннй нѣтъ Днѣстрѣ.

Ой добре съ нѣтъ всѣмъ нѣтъ
Кто любить Бога, Отчнну,
Кто чнѣтъ Цара и зѣмѣтъ свѣтъ,
Тамъ бы я нѣтъ нѣтъ нѣтъ,
Нѣтъ и нѣтъ тамъ нѣтъ
Гдѣ шнрорусскннй народъ тѣтъ!

И. Г. И.

ОТЪ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИСИИ.

Оголошеніе загальннхъ складокъ на дѣтъ
народннй и другу городску церковъ, по зѣ
нашой причинѣ долшнй частъ нѣрерннѣтъ, прѣ-
долнаемъ въ слѣдующнй способѣ.

Въ числѣ 5. Зорн въ г. 1853. нѣмъ нѣтъ
до общою вѣдомѣстнн сннѣтъ нѣтъ нѣтъ
нѣтъ нѣтъ до днѣ 1. Лнстоваднѣ к. г. Стѣ
того врѣмѣнн вынѣтъ нѣтъ нѣтъ:

1. Чѣстъ и врасъ Г. Васлѣннцѣ, прѣмѣтъ нѣтъ
нѣтъ нѣтъ, и нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПРОИСШЕСТВІЙ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И НАРОДНЫХЪ.

Идается еженедѣльно въ Субботу одинъ листъ съ прибавленіемъ ВЕСНА, во время годовою въ Листовъ 4. пр. 40. пр. н. н. — съ почтовою поросылкою 6. зр. н. н. — Желающимъ четвертью получать влиять въ Листовъ 1. зр. 10. пр. н. н. на почтахъ же 1. зр. 30. пр. н. н.

Отъ стровательной комисіи.

Отъ остатнаго оголошенія заглавныхъ складокъ на Хрѣтъ Господню и доми народный до Листовъ въ Чинѣ Зори 60. зъ р: 1852, впамянѣи новыи жертвы, которыи до вѣдомости внанародной подаетъ. Значительнаи жертва чиннаго и приподовнаго Господина Петра Мидникого, приходника въ Яголанци старой, вымолаца 3000. зор: рини: ср: впамянѣи оужъ въ Ч: Зори 84.

Кромѣ тыхъ впамянѣи, отъ остатнаго лица до 1. антопадна т. р. сѣдѣвшинъ жертвы:

- 1) Вичет: и Высокора: Господинъ Оиодоръ Хомѣнскій, Намѣстникъ Бокрицкій, надзираетъ школа народныхъ и приходникъ въ Миколаевѣ, жертвовалъ отъ сѣи самого 100 р. с.
- 2) Тойже самѣ прилаалъ сооранъ складѣ въ Миколаевѣ и Подюинова 105 р. ср. зъ Гринѣв 33 рс: 18 пр. зъ Подаркова 15 р. с.— разомъ 158 р. 13 пр.
- 3) Читный и прип. Господинъ Виникнтій Аѣницінъ, приходникъ Оугрина и Залѣи, прилаалъ 25 р. 45 пр.
- 4) Вич: и Высокора: Господинъ Янкій Мойшовскъ, прилашникъ, намѣстникъ Зла-

зицкій, надзираетъ школа народныхъ и приходникъ въ Милѣт, жертвовалъ отъ сѣи 20 р. с.

- 5) Мицѣнскій Юаниъ, пр: профиноръ скана-зѣлавыи въ Пиримши 1 р. ср:
- 6) Мирновскъ Колинъ, пр: профиноръ Платъ въ Тирнополѣ 1 рс. ср.
- 7) Стѣпанъ Юаниъ, приходникъ Лисина, окръта Пиримшикого 5 р.
- 8) Чит: и Прип: Готп: Трохлинскій Юаниъ, приходникъ въ Нишани, Намѣст. Бѣрицнаго, ссепратъ на 3 приходы 24 р. 30 пр.
- 9) Чит. и Прип. Готп: Янкіиъ Юаниъ, поднамѣстникъ и приходникъ Оугрицкій, прилаалъ 37 р. 40 пр. ср.
- 10) Чит: Господ: Петраншичъ, впамянѣи Савока, Золочитнаго окръга, сооралъ 10 р 40 пр.
- 11) Чит. и Прип. Готп. Михалъ Корнаго, приходникъ въ Личѣ и ингохранитѣи Намѣст: Бѣрицнаго, сооралъ 18р. ср.
- 12) Вич. и высокор. Господинъ Воскода, намѣстникъ Жвковскій и приходникъ Оштына, сооралъ 31 р. 30 пр. ср.
- 13) Чит. и прип. Господинъ Антоъ Зѣриковскій, приходникъ Товитнаго и сооратѣи Намѣстни-нискій прилаалъ 90 р. 4 пр.

- 14) Вит. и выкопир. Господиць Іоаннъ Козловскій, Намѣстникъ Городицкій примааь 128 р. 20 кр.
- 15) Вит. и выкопир. Господиць Михаилъ Бѣлицкій, Намѣстникъ Городицкій и надзыратель школъ народныхъ примааь 6. р. ср.
- 16) Читин и достохвалуя громады съ Ашчи и Шаранчуа Жоловоного округа примааь 85 р. 80. кр. ср.
- 17) Читинъ и приод. Г. Мартинъ Прокоповичъ, приходникъ СШина и Ордела 51 р. 4. кр.
- 18) Читинъ и приод. Господиць Михаилъ Козловскій, приходникъ Оутѣшкова 14 р. 4 кр.
- 19) Вит. и выкопир. Господиць Попатинскій, алабит. Богородчанскій и надзыратель школъ народныхъ 86. р. ср.
- 20) Вит. и выкопир. Господиць Гривоникъ Владиміръ, соєратель нам. Зарѣтского, приходникъ Двѣановъ 148 р 9 кр ср.
- 21) Вит. и приод. Господиць Феофанъ Павловичъ, приходникъ Буржана и соєратель Намѣстнической примааь 35 р. 36 кр.
- 22) Читин и достохвалуя громады Спайова и Ниретыва округа Жоловоного заужнан и приован 195 р 30 кр.
- 23) Чит. и приод. Господиць Іоаннъ Келовицкій алабитъ доєр. Намѣстникъ, пероухъ съ Бѣнѣ заужналъ соєратели съ Намѣстничества шртыаь 107. р. 84 1/2 кр.
- 24) Чит. и при. Господиць Владиславъ Волошиневичъ, приходникъ Краєви Вологой округа Балоєного примааь 5 р. 24 кр. ср.
- 25) Ч. и при. Г. Михаилъ Шкоковскій, приходникъ Жѣвоа съ Жѣвоа и Рѣмизовиць 6 р.
- 26) Чит. и при. Госп. Штефанъ Владиміръ, алабитъ Стрѣльцы с крааь 5 р. ср.
- 37) Благородный и достохвал. Госп. Щирѣвскій Петро примааь соєранъ съ Рашовѣ Сладѣв 48 р. ср.

- 28) Благородный и достохвал. Госп. Дроздовскій Феодоръ, приитель шкыаь головоно съ Китаухъ шртыааь 2 р. ср.
- 29. Вит. и выкопир: Господиць Шидизкій Намѣстникъ и приходникъ Львовскій заужналъ съ Дмитровичъ и Сорони 11 р:
- 30.) Вит. и выкопир: Господиць Владиміръ Мейновичъ, прилошоникъ, Намѣстникъ Залозецкій и приходникъ съ Мильѣ примааь съ Мильѣ соєрани 3 р: 30 кр.
- 31.) Читинъ и приод: Господиць Іоаннъ Воланскій, приходникъ Чирова соєралъ съ Чирова 34 р. 39 кр.
- 32). Витит. и выкопирод: Господиць Тиритинъ Сметана, Намѣстникъ Олнскій, школъ народныхъ надзыратель и приходникъ съ Тѣрѣвъ соєралъ съ Тѣрѣвъ 100 р: ср:
- 33.) Н: Н: съ Визграда ни хотацій мѣни своего узлаанты шртыааь на домъ народныхъ 50 р: ср.

Подлнчи сіа до оєшон вѣдомоти колнннѣа приаѣлааь що :

а) ачитинъ и выкопиродовѣи Господинои Хомѣнскій, намѣстникъ Бокрицкій, и прилошоникъ Владиміръ Мейновичъ ажи многократно шо доєроти сезѣи и реноти по доєрѣ народни шенны дѣли доказы. Бѣи поєрѣдно вѣспрѣан дѣлаанѣ рѣди головоно шѣъ доєрѣ тѣа съшртыааь, а тѣпѣ нѣбѣааь тѣаъ съєрѣтннннм дѣт. елнн шѣо и вѣланѣаь сезѣаь на соєрѣтн и съєрѣтн дѣлаанѣа и тѣрѣъ колнннѣаь силѣно вѣспрѣатн шо

в) читинъ и при: гои: Зѣрковскій Антоній соєратѣмъ намѣстничества Увалетского зналааь рѣно съєрѣанѣаь сѣадоєр: шо

в) ачитинъ и выкопиродовѣи Господинои Вовоєдѣаь намѣт: Жѣвошскій, Козловскій Намѣт: Городицкій; Попатинскій Намѣт. Богородчанскій; Павловичъ соєрѣтѣмъ Намѣт.

ного, Вис. крым. Дѣтства и Вис. крым. Мисіона. Слово почитальное джмалъ Вис. Мисіоніи. Такъ самое содержаніе мѣтъ и приспособленое произведеніе оттаеннаго габезокоа изощреніе въ сердце вѣдѣ слышатини. По замковонной моментѣ розпочала ходъ на мѣтцѣ водокачати. Вго Приходитиельство пресвѣи Малѣттиникъ Графъ Гольховскіи, и етѣ чиновники вышніи и низшіи, профессору инженеріи Тихонки и окодѣ гимназіи; Вго Сіатильство Кнѣзя Шаурциевскѣ командирѣмъ Галиціи съ сопровожденіи генераловъ и вышнихъ офицеровъ привѣтствовали водокачати. Народа было великое число, цѣлый рынокъ была мѣтъ наметыи. Нисо покрытое хмарою свѣдѣ роздѣлимыило надъ габезокима ташткою нашон скатон вѣры. Троекратное погруженіе въ водѣ палатого крѣта возвѣщали выгубѣмъ рѣжніи и пѣтніи народа «Благородѣя Явугіи сынѣ» произведеніа мѣтвинокъ сошкоровъ. По томъ продолжала ходъ около рѣтвѣи вѣрзѣ иѣкторое время. Пѣтніи призваніи и гѣдѣея мѣтвики роздѣлалися по цѣламъ городѣ. Вышнѣрчинными достойники соизытствовали въ ходѣ до самого конца. Когда оуже цѣлый оградѣ торжественныи совершила, оудаленіа Вго Приходитиельство съ многими вышними чиновниками и Вго Приказничельство съ Вис. крымашанами до Гои. Тевларичского старѣйшины Института Ставропольскаго на свиданіе, гдѣ чинили чини ринного заведенія и прочіи Гѣтвины совершила. Тѣ исполненіа томѣтъ во благодинствѣ Вго мѣтъ. Вышнѣтѣ Францъ Гоиѣфа по томъ Вго Приходитиельства нашіого Митровандты принала королевства Галиціи и Володарини, Вго Приходѣ: Малѣттиникъ пресвѣи въ благодинствѣ цѣлой цѣсарской арміи и нашоуцѣ етѣ привѣтствованіи почти исполненіа томѣтъ во заранѣе и благодинствѣ Г. Сеніора Института Ставропольскаго.

Львовѣ. Оутрѣжденіа ради оутчиши тридцатого въ Косиоволахѣхъ, окрѣга чернопольскаго, събозвалзала тамошня громада на етѣгда дѣлѣти етѣгодѣ на оудержаніе оутчиша по 144 р. ср. готовыхъ грошій и 36 корцѣи, 16 гарницѣхъ зезѣи а илнннѣ: 6 корцѣи пшеици, 12 корцѣи жита, 10 кор. илнни и 8 кор 16 гарн. грѣчи, събѣдоватильно на опадѣ оучишиши и полишиана оучиша 9 копѣ 44 околотоѣхъ житнѣи соломы. Пририаетъ до того оудерживѣти оюного сторожа до оубѣги въ оучишиши ишожи до окупчишиа и палннѣ тѣлѣи, тѣлождѣ едѣтнѣ старѣи о справленіе и оудерживаніе въ доерѣмъ станѣ снарадѣ оучишишихъ. Грѣ. вѣд. свѣщениикъ мѣтцѣици г. Стефанъ Илюенчъ събозказала оюеіиномъ декларачіею, жи вѣрзѣ крымѣ своего оудрадованія свѣщениического тѣлѣи отѣтвѣаѣтъ чѣлу, потраченіе дѣа оучиша изъ своихъ гѣбѣтоѣхъ 2 мѣрги и 500 сажнѣи пола. —

Видѣвъ Достовѣрными извѣстіа голооать, жи Вго прѣ. еанѣ Хорекѣции Влаучнѣ поубчила отъ правитиельства повѣщеніе, кѣлауциея оупотребленія военныихъ дѣтѣтѣи въ томѣ събѣтѣ, еанъ емъ въ сѣдѣтнѣе нпкожеѣтъ въ Чѣрной Горѣ нарѣшина еыла въ той сторонѣ австрійскаа границѣа.

Видѣвъ. Бѣвшіе министръство зѣмледѣліа соглаеаю мнѣвшіого года комитиіи, которой задѣчи еыла, соорѣити етѣ патрении извѣстіа о принѣтѣи гитѣи едѣдѣ и споеіѣтъ заявѣженія томѣи слаеотѣи. Комитиіа тѣа нпполнѣла иуже сѣиъ задѣчи и вѣрѣдала рѣеотѣи свои нѣкожѣмъ нѣкорѣи въ сѣиъ цѣлѣи, авѣ тойѣи дѣаѣ о нѣдѣ своеи мнѣнїе. Поиѣтъ того еыдана еѣрѣтъ въ придѣтѣ сѣлѣ оюеіиаа книжка.

Прага. Вго Вышнѣтѣ Цѣсаръ Фрѣдѣрихъ пожитровали на созданіе сѣиъ храма въ Карлнѣи въ Чѣдахѣхъ 12,000 р. ср. а

дъ и войскъ. Достигая, шло во мнѣ наѣли, ба В. цѣсаря Маріа Анна къ тойжѣ цѣан 4000 р. ср.

Оупоконешіа підлено въ Боцинъ (въ Ти-роль) Вго ц. выючигтео архикназь Райниръ, розпорядилъ побѣдинъ волю, лемъ мъртвое тѣло его схоронити было въ тамошнмъ хра-мѣ, шо и нагѣпмао на дни 25 сѣтна. Онъ огласилъ также поттиичнмъ надпись, кото-рѣ приказалъ помѣстити надръ своимъ гро-вомъ, и которой содержаніе касаетя ебдѣшо-го вокрыніа нзъ мъртвеу.

— Вндопаташнмъ рѣшиемеу Вго ц. и. апостолингоу Біанчита поставленъ ц. е. под-маршалъ Мк. Паротъ, ао іамъ (до кокъ) Вго ц. Вы. военнго и цена. на мѣтнннхъ въ Оугорчннхъ; тѣмъ мѣрѣшнмеу мнновеау до-типѣрѣшннмъ на мѣтнннхъ въ Шаізкѣ, Гоє, Калаккергъ, внцпрнзнтмомъ на мѣтннн-чнтелъ во Львоєт; а В. Жмѣрѣо профнпо-ромъ нншоу и вышюу мѣтнннхъ при тѣ-хнчнкоу акадѣмн во Львоєт.

— Ц. в. мннттріалнмъ советннхъ, Нєн Дяє. Стрѣйнковскнмъ мнновеау шєо рыцаръ ц. австрійнго орднна левододеа, еє-рономъ.

ИЗВѢСТІЯ ИНОСТРАННЫЯ.

Парнжѣ. Днѣ 22 собранн члны сенатѣ законодательнго сойма и днржавны советннхъ въ Тѣмнрѣдѣ, лемъ слѣхатн внкѣдѣ цѣсара Наполеона III, съ которю говорнл ъ жннтетѣ своєй съ графннеу Монтіо, и съ которю нѣкоторымъ мѣстцѣ нзлакаемъ во полъ-зѣ ч. нашоу нтаталгтѣа: «Братннмъ союзѣ» говорнл онъ, «которн закнчнхъ, нпогаадѣта съ прѣднлемеу старю полнтнхъ и то тѣмъ лѣтш. Внкоєе прозорнкоєе прѣнтнлгтѣко дол-жно о томъ пішнла, лемъ прнєнтн Франціѣ въ коелѣ старуѣ монархн; цѣль тѣмъ мож-

но ебротнѣншн оагнѣтн спрѣднкоєе въ сво-водномышннємъ полнтнкоє, прѣвѣднмн оуго-ворамн скоршн тѣмъ соединнлемеу съ коро-левннхн родннхн, шо нн внгда възннше єгѣ и члгто на мѣтцѣ спрѣлѣ народнхъ вл-адѣтѣ спрѣлѣ смннннннмъ. — Однѣ жнщн-нѣ прннлѣа доєро н оглаєлѣ мнѣвѣ памѣтѣ французскюѣ народѣ; бнлѣа те смнрнннѣ н доєрѣа жнѣа генерѣла Бонапартѣ, которѣ нн пронходнлѣ съ королькнкоєе кровн. Кто въ мѣ-цѣ Европы возннла нзъ смнрнннго станюєл-чнѣа на выюкн стнлѣмъ королькннхъ дннѣстнѣ, тотѣ должнѣа ебрынѣ ытн своємѣ прнєсчнт-номѣ харѣктнрѣ, тотѣ должнѣа выгѣпнпѣи нєрѣ французскюѣ народѣ; н сн нма єгѣ сѣлѣвоє днѣа того, кто воз-вышннѣє сѣлѣ заєдѣлѣтѣєтѣє свободнмѣ голоє-вѣнѣмъ вѣннкоєе народѣ. Тѣлѣ те прннѣлѣмъ нн нннѣ отнѣпнтн отъ прннѣрѣвоє доєлѣ нє-слѣдѣнѣхъ Тѣа, которѣ нзєрѣаює мѣє снрѣцѣ, єгѣ достѣпнгоє родѣ. Ебдѣнн Францѣзскѣ сѣдѣ-цнѣмъ н єспнтаннмеу, памѣтѣкоєе кровн, которѣ отнѣцѣ єн зѣ французскюєе пролѣлѣ цѣсарѣтѣеу, наѣбѣтѣ она шѣо Нншпанкѣа тѣє зѣ соєоє до-єрѣе, жн нн мѣєтѣ въ Франціѣ родннѣ, кото-рѣ єѣ нѣжно дѣлѣтн отлѣчнѣа и достѣпнѣтѣа. Побожнѣа, мнлѣа н доєрѣа, отнѣєтѣ она — о томѣ прннѣдннѣє н снлѣно — доєрѣдѣтнн цѣсарѣєу Іонфннѣ. Днѣа того отзѣлѣюѣ: въ Франціѣ: н стѣлѣлѣ жнщннѣ, которѣ мнѣвѣ н пѣчн-тѣлѣ ытнш, нжнлн тѣн, которѣ ннзлнѣ, н съ которю союзѣ бнлѣ єн прннѣлѣ н рознчлнѣє ыгѣдѣы н жнрѣтѣ. Нн ннкоєо нпоєрѣєрѣєлѣ, а только влѣдѣє соєоє по нѣннннн снрѣцѣ, поєбѣтѣєлѣєнннѣ прнжѣ съ розѣлѣєтѣ, съ пѣрн-нѣднннмеу своємѣ. Прѣдпнтнлѣа свободѣ, своєгѣтѣ снрѣцѣ н родннннѣ стѣгтнѣ влѣкнѣє дннѣстннннѣ прѣдѣрѣзѣднннѣлѣ н слѣєдѣє-єнѣ, ебдѣ възнѣрѣлѣноє снлѣгѣтнннѣ, поєєжѣ ебдѣ євоєоднѣтнннѣ. Нєздѣлѣго сѣдѣлѣа въ Божнѣєу Мѣтнрѣн н прѣдѣлѣєу Цѣсарѣєу наро-

оудостаить оиъ в твоѣ, которѣ и изгналъ ; и тогда въ, господины, в познати, пришед- шима, жи в томъ разомъ едохноило миъ Провидѣиъ. По изрѣчїиъ тухъ словоъ яко в подъ мѣгъ самои егѣды роздалаани гром- кїиъ возгласи: „Слава Цѣсарю, слава Цѣсаревои!“ Братїиъ оудадъ имѣлъ отемѣтиа по новѣй- шимаъ извѣстїамаъ 29 м. м. въ которомъ то дни имъ розелазуть слагодатїа строгїиъ роспоражїиа калїащїиа лїбїиї Орманїкїиъ роднииъ въ такїиъ словоъ, жи дїржаа съ и- мѣтїиъ тухъ запеконтъ долгъ покойногъ ко- роля Людека Филипа, къ томѣ выдана еб- дитъ такожа окшїриаа амїстїа, и пробѣ- стїаа 30,000 мѣжїиъ съ французїкїиъ воїнка.

Парижа. Графиня Монтио, жїна француз- ского цѣсара Наполеона III приходитъ съ до- стоїноиъ роднииъ испанїкїиъ деоранъ, мети жи еї принадежала къ шесотїкїиъ роднїиъ Киръ- Ветрїкїиъ, которы прииманїиъ до Испанїи. Отецъ гр. Монтио сѣвїжал яко помокенїиъ въ г. 1814 Наполеонъ I., мїти выла преевъ ордѣоранъ дамои испанїкїиъ королюиъ Мїаїели. Г. 1846 приехала она къ своєю дочерїиъ въ парижїиъ разѣ до Парижа, гдѣ жасала графиня Монтио оуки тогда егѣхъ приотемъ своєю ко- хїшала При концѣ мїнїшесого года, когда цѣсаре Наполеонъ шъ томъ оуки своєю при- емошности къ прикраїиъ Испанїцѣ, стала она предѣтолъ подѣванїиъ жирикїиъ и мїнї- шесогъ пола въ Парижѣ. Имѣтѣа она чїиъръ 23 лѣтъ; выжезїиъ, принакатїишесїиъ несталаъ оиъ в вранъ чїирииъ имѣъ оуголь, по коломъ жїлїишъ, що егѣдомъ лїцѣ еї придедѣтъ пра- сїтѣъ олароствїаїишю. Дѣла и рѣшїтїишнїиъ, шесю испанїкїиъ дошюи (панїиш) ангда отан- чїишлїа, залѣчїишлїа и оу имъ; тое ео шї разѣ оуки шїко овоздала, жи цѣсарїиъ фран- цузїишю коронѣ шї оужаесть за прииманїиъ шїртѣъ за оуданїе своєю рѣшї.

Отъ чернорорїкїиъ границѣ при-

шїемъ въ поладнїиъ андаъ м. м. сѣдѣш- щїиъ извѣстїа: Дня 10 сѣтїа оударїан Тѣр- ки на дѣѣ Герцогонїишїиъ ослати, Пїишъ и Нїкїшїицѣиъ, которы не даюи отторгїишїиъ отъ Тѣрїкїиъ Порты. Мирко Петровнцѣ, братѣ чернорорїкїиъ княза, приемыа съ 300 мѣжїа Герцогонїицѣмаъ на помочѣ, шї могаъ однакожа запекѣтїиъ, аемъ Тѣрки шї спалаиан Жѣпѣ и шї вошан до Острого. Въ корѣѣ погнело то- го дня 30 Тѣрїкїиъ, Чїрногорїицѣвъ лїшїиъ тїиъ. Мирко Петровнцѣ поїалаа тїиъ головиъ Тѣрї- кїиъ старшїишъ въ прїтольнїиъ чернорорїкїиъ городѣѣ Цїтїишѣ Дня 18 выпїири Чїрногор- цы Тѣрїкїиъ за ардѣлїиъ рїишїишѣ ослати. Тогожи дня вторгїишїа сїлларїишїиъ Оїманъ- паша съ 5000 мѣжїа съ мїаюиъ стороны въ чернорорїкїиъ край и напала на сїла Анїа- ми, Годїишїиъ и Болѣнчїиъ, гдѣ на свое сїлїтѣе шї егѣтїишїа съ чернорорїкїиъ стрѣльчїаи. Когда жи тїиъ поїишїала изъ Бїра, оузрѣан пожаръ нада сїломаъ Анїаишїиъ, кїишїишъ чїи- номъ 530 мѣжїа на вїю Тѣрїкїиъ сїлаъ, со- гїтолашїишъ, имѣъ сїазаио, съ 5000 мѣжїа при- нїдїанъ Тѣрїкїиъ оугѣшїишїиъ въ поладнїиъ гор- ры, дѣлашїиъ Чїрїиъ Горѣ отъ Анїаишїиъ. Въ сїиъ корѣѣ лагло около ста Тѣрїкїиъ, а Чїр- ногорїицѣвъ только шїтѣа. На зїаїама погѣды поїалаи Чїрногорїишїиъ 7 головиъ Тѣрїкїиъ до Цїтїишїиъ. Дня 14 кїишїишїа жїтїишїиъ соїъ въ сѣвїрно вогїотїишїиъ стронїиъ, которѣ называнїиъ Чїрногорїиъ Бїрдон (Бїрїохїишїиъ) и въ кото- рѣ вторгїишїа сїлаъ Омиръ-паша съ 10,000 мѣжїа Тѣрїкїиъ воїнка и 14,000 чїириаы. Вїтѣа съ отїаїиъ припѣшїашїа голошїишѣ, жи Чїрногорїишїиъ а мїнїно хореворїиъ жїтїиан Кѣчї- кон ослати, отторгїишїишїа сїиши дни отъ Тѣрїкїиъ, поїалаи Омира-пашѣ на головиъ. На чїлѣ Чїрногорїицѣвъ къ Бїрдѣ стоишѣ сїлаъ княза Іанїа Петровнцѣ Нїгошъ — воїаннїиъ планъ Чїрногорїицѣвъ согїотѣа къ томѣ, жи оии шїдѣтѣ воїишѣ только оворонїишїишїиъ; жи

ли добилися, аки прийшло до рѣшительномъ вѣтѣ; жи не собирають на одно мѣстцѣ колыши мѣхъ 500 вооруженного мѣжа, оутраждаа, що вѣли тѣи въ одномъ мѣстцѣ погнають, то остануть противъ сотни на нмѣхъ мѣстцахъ. Они принимаютъ Тѣрки между склалы, гди, мѣхъ только встрѣтають его, вѣтъ до полюднаго. Такожъ приказалъ князь Данила, аки кождоу сіаю вѣлою оюено, поки Тѣрки не загонатѣ мѣжъ горы; тогда оуладаны вѣгъ сокоуплаатны. Такии спююгъ воевѣнка называють гирнаи, производа тоу слово отъ испанскнхъ Гирналюкъ, которы въ тотжи спююгъ съ наилучшимъ оупѣхомъ еман когда — то Наполеона I.

Короткая Исторія Чернои Горы.

Событіа, которыа въ нынѣшномъ врѣмени обратили на Черногорцевъ вниманіе вси Европы, оубѣжденельно выказѣ розлично, ебдѣ во пользѣ хороорого сіаго славянскаго племени, ебдѣ на его вѣрдъ и омадѣ. Дажѣ тѣи, которы до снхъ поръ и незнали, свѣдѣтають ли мѣи Черногорскій край, смотратѣ нмѣкѣ прѣлѣжно за избѣгѣтѣлиа, относимннѣа къ исторіи Чернои Горы и розвѣждають, мѣхъ нмѣхъ захочитѣ. Дѣлаемъ, що сѣлаемъ ч. читатѣлаамъ нашнмъ не малѣи прѣлѣгѣ, подавала нмѣхъ короткоу оозрѣніе исторіи Черногорцевъ.

Исторія Чернои Горы и такѣхъ званого Сирскаго Пригорья начинаетѣа съ чтырнадцатымъ столѣтїемъ; в событіахъ, сѣвѣнннхъа прѣжѣ того врѣмени, извѣстно дѣжѣ мало. Тоу только напоормо, що мѣхъ оу вѣдѣхъ славянскѣхъ племяхъ такѣхъ и оу Сирскаѣхъ вѣлиа многіи оудѣльными князѣи (гоподоари). Роздѣленіе дѣржавѣи и такѣхъ не дѣжѣ вѣлнкомъ на множан оластѣи было голоукомъ причиноу оупадка сирскаго Царствѣа, которое развѣшино было въ 1389 годѣ во врѣма владѣніа Царѣа дѣларѣ на Кошовѣхъ полѣхъ.

Въ тожи врѣма владѣян въ Зѣтѣ^{о)} и въ Чернои Горѣ оюеныи князѣи. Кромѣ тѣхъ вѣло ещи колышѣ князѣи (гоподоариѣ) въ оныхъ сторонахъ, илннно: въ Герцоговинѣ, Приморіи и Вѣлкеніи и вѣгѣ они стоали мѣждѣ сосоу въ сродствѣхъ. Найстаршнй мѣжъ нмѣи былъ Влаша, сынъ елма Страннѣа. Когда Тѣрки прѣодолеа Сирскаго Царѣа на Кошовѣхъ полѣхъ, не спѣшннѣа тѣи помнѣшнѣи князѣи съ волючѣи, которы мѣсти елѣбъ ебдѣ не моган, ебдѣ не хотѣам. По розвѣшннѣи Сирскаго Царствѣа владѣян тѣи князѣи въ своѣхъ оудѣлахъ самоотѣлнчно и оубѣжали Влашу за вѣлѣдннка Сирскнхъ Царѣи, илѣвѣшного гоуподоара Сирскаѣи дѣржавѣи.

Тѣрки нападали иногда и на князѣи оластѣи, но не моган тамъ олагнѣтѣи вѣлѣтѣльного оупѣдѣа. Мѣхъ тогда, коамъ могтеорожннѣи Гоуподоари Боиніишнѣи оуагнннѣи Тѣрѣкамъ прѣлѣгѣтѣи до Боиніи, моган тнѣхъ рѣчнннѣи оластѣи дѣжѣхъ колышѣ ерѣдѣ илнннѣи. Жнтнѣи Герцоговиннѣи, Вѣлкеніи и Зѣты воевалнѣи за своѣхъ вѣтъ и мѣзленннѣи своѣхъ поутѣи полтора вѣла; но наконѣцъ нѣтѣофаннѣи и подданиа Тѣрѣкамъ. Въ продолженіи тогѣжѣ врѣмннѣи отѣдѣлѣа князь Чернои Горы и Приморѣа Дѣрѣдѣ вѣжннѣи по своѣмъ мѣстѣоуполнннѣи и нмѣлѣхъ выгодамъ города Складѣа нѣвалгодарноу и ннѣлншннѣи Внѣтскѣи (Бнѣнатскѣи) рнѣвѣнѣцѣхъ. Рнѣвѣнѣа тѣа была тогда. слава и могѣла; на вротѣвѣхъ Сирскаа дѣржавѣа оупадала съ днѣа на днѣа. Тѣахъ и не днѣно, що Дѣрѣдо, сынъ елма Страннѣа отдалѣа Внѣтѣламъ рннннѣи городѣ

о) Зѣта вѣтъ рѣка вѣтѣоупѣа и вѣчѣно Подгорѣахъ въ рѣбѣ Морѣа. Тѣтъ нѣоу зѣ вѣтѣтѣа вохѣтѣа илнннѣахъ прѣлѣлѣа рѣчѣахъ рѣчѣахъ Зѣты мѣи Герцоговиннѣи, Вѣлкеніа, Чернои Горы и вѣзрѣахъ Влашнѣамъ. Кромѣ рѣчѣа Подгорѣахъ сѣтъ въ Зѣтѣ ещи дѣѣ прѣчѣахъ: Сѣвѣа и вѣзрѣахъ нѣтѣа Жѣлава.

шла по крайній мірѣ съ той стороны и лѣтъ нѣскольکو воювавъ противъ Тѣркамъ. И кончивъ, когда потомъ Тѣрки хотѣли сдѣлать Владаръ, коронили его Сиремъ и Винитъ.

По смерти Балша поспѣдовалъ братъ его Стефанъ, котораго потомки называли по его прозванію Черношчунъ. Стефанъ, соединивъ съ тѣмъ же своимъ владѣніемъ - воевалъ, сражался, по свидѣтельству нѣкоторыхъ летописцевъ, 66 разъ на поле битвы противъ Тѣркамъ. Сынъ его Неланъ воевалъ тажежды сраженіемъ противъ Магомиданамъ, которыми въ свои силы обратили на поденіе Нелановъ судѣла. По оубѣдіи нѣкъ были нѣбѣшны. Неланъ, яко названіемъ Господаръ, описалъ силы своего съ дочерью Бинатикого дожи в тѣмъ же образѣ вошелъ въ дружбѣ отношенія съ Италией. Онъ создалъ въ Бинатин (Бинатка) для себя и своихъ подданныхъ сиреню черновъ. Бинатинъ дожи выдалъ дочь свою за сына Неланова по той оубѣдѣ, кончи надѣлалъ съ такового союза рознику для себя корысти. И видѣла и желалъ его; она же тѣмъ князю была со своимъ народомъ для Бинатинъ правое рѣшомъ. Однакоже Бинатинъ любилъ земчю тѣмъ же владѣти и отсталъ за то Сиремъ негодарности. За тотъ гудъ привѣдолова нѣкъ потомъ сдѣла многократно.

Дурда, сынъ Нелановъ, привелъ ико за въ Бинатиного дожи, долгое время въ Бинатка. Онъ привелъ члѣтѣши на Черновъ Горѣ и основалъ тамъ типографію. А тамъ жили было ели жити въ Италию и съ темъ принчи отдалъ онъ княжнѣ ели съ свелъ среднѣ Неланъ, который тажежды основалъ съ Италианомъ Сіо ели привелъ Неланъ ели свелъ Дурда а тотъ, привелъ съ дѣтѣла въ Италию, изрѣчилъ

правниа и переделши оно въ г. 1516 сиреню митрополитѣ Германъ, подалъ олатъ до Итали.

Мимо того потомки Странничъ владѣти названіемъ; и въ Исторіи Черной Горы нѣтъ даже свѣдѣнъ, кемъ они когда ико Тѣркамъ для платили; сказано только, що города, въ которыхъ не могли отолатна, сирѣшли одинъ за другимъ магомиданамъ набздинкамъ, которыми во время княжнѣ Дурда Черношчунъ, такъ нѣкъ оубѣдѣ, что Дурда принчи ели ели отдалъ ели своимъ митрополитѣ. Тотъ же Дурда отдалъ ели и державнѣ печатъ съ деома обрали, котора до нѣмъ сохранилши въ Черношчунѣ.

Князю, владѣти во время Сиреню Цартея, правниа Черной Горы и ели ели 127 лѣтъ по ели на Болокомъ полѣ своложно. Тѣрки отнимали вправдѣ то ели часть нѣкъ для то дружбѣ, но Черная Горы отдала для нѣкъ принчи, на которѣ Тѣрки долго ели не отсталъ нападатъ.

Въ г. 1450 пѣшли Тѣрки въ ели на Черношчунѣ полѣ ели Нелановъ, Петра Черношчунъ, опытного и сволого молодца. Онъ потѣрилъ и потомки ели владѣти въ владѣти и ели ели ели до г. 1834. Тотъ же самъ Петро, кончи почти ели жизнь со своимъ соплеменникамъ, отпавши ели старости своей ико Тѣрокъ въ годъ 1522, когда княжнѣ ели Черной Горы привелъ ели тамошнѣ Владыкъ, на Черновъ Горѣ съ тѣмъ нѣбѣшнѣ, кемъ край тотъ ико свое нѣбѣшнѣ ели покорити и привчѣти его въ своимъ владѣти. Однакоже не много скорыталъ онъ въ ели походѣ, знавши только названіемъ пограничнѣ часть Черной Горы.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Надпечатано въ типографіи Института Стваровѣтнѣвского.

Отвѣтственный Редакторъ Иванъ Гущаловъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Надается еженедѣльно въ Средахъ два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. пр. в. н. — съ
вотсовою порослѣшкою 6. зр. в. н. — Желающіи ежеквартально получить платятъ въ Львовѣ 1. зр. 10. пр. в.
н. на почтахъ же 1. зр. 30. пр. в. н.

ВСПОМИНАНІЕ НАДНѢСТРОВЬЯ.

Залѣщани! вы не мои
Болѣбелныя сторона —
За чѣмъ я вѣкъ такъ возлюбилъ;
Що я глѣбаво вое, я Бугъ,
Надѣсна мой наймилый другъ
Но есть нескѣ уже такъ вѣкъ.

Я вѣкъ, нѣкъ ость, лѣщичимъ свѣтъ,
И колѣя нѣкъ сунденыкъ гѣтъ
Своею жыви, кобы нѣкъ
Оталѣ кто плачу свободу
И Кришатицуу гору
И тѣ острова на Днѣстрѣ!

Тамъ бы въ дунацѣю я свѣтъ,
Зѣ горы на Русь мою бы зрѣтъ,
Нѣкъ красна нѣкъ тамъ оа!
Подливно такъ, нѣкъ сельскій цвѣтъ,
Восса, нѣкъ восни росѣтъ
Богача, нѣкъ Урочна.

Тамъ народъ Русскій вѣкъ душою,
Новоороченъ чужацкиноу,
Тамъ древа широтѣ, древиіи зрѣтъ;
Вѣкъ лѣнѣкъ тамъ нѣкъ и красота,
Вѣкъ свѣтлѣнѣкъ лѣкъ и частота,
Вѣкъ гостѣнѣкъ дружескій устанѣ.

А вѣкъ нѣкъ тамъ нѣкъ вѣтъ,
Тамъ вѣкъ нѣкъ и вѣкъ постѣ!
Тамъ тавѣтъ мужескій зрѣтъ —
Дрѣнѣтъ чѣлъ нѣкъ свѣтъ земли
Сава весамѣе и гудѣе
Вѣкъ гулянѣкъ нѣкъ Поддѣствѣнѣ.

Тамъ старецъ съ слѣзоу борозѣю
Юношеску нѣкътъ зрѣтъ,
Беззурне сердце позана!
Видѣтъ можно тамъ не рѣтъ
Прѣлѣтъ съ холоднии зрѣтъ
Що вытнѣтъ голова!

Спросѣ, въ войтѣ кто верѣтъ бытъ,
Царѣ кто, зѣру замѣтъ?
Тѣ тѣк нѣкътъ молодѣтъ
Отъ Буковинѣ, шо нѣкъ тамъ
Есть возлюблѣнѣкъ той арканѣ.
Що воснаталѣтъ М. Днѣстра.

Онъ добре съ нѣкъ вѣстоу
Кто любить Бога, Отчизну,
Кто чѣтъ Царѣ и законѣ своѣ.
Тамъ бы вѣтъ зрѣтъ нѣкътъ,
Кобы и вѣтъ тамъ злѣтъ
Гдѣ широрукій народъ той!

Н. Г. Н.

ОТЪ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИСИИ.

Оголошеніе загальныхъ складокъ на долѣ
народный и другу городску церковѣ, по зѣ
нашой причинѣ долшій часть нерерывѣе. про-
долженѣтъ въ слѣдующій способѣ.

Въ числѣ 5. Зорѣ въ г. 1853. нѣкъ
дали до общѣй вѣдонѣсти сѣнѣкъ жѣтъ
нѣкътъ до дѣкъ 1. Днѣстравѣна к. г. Стѣ
того времени залѣнѣтъ новыи жѣтъ:

1. Чѣтъ и прѣтъ Г. Васѣнѣнѣкъ, архѣнѣтъ
нѣкътъ, и вѣтъ чѣтъ комисіи собѣтъ

- рателемъ Навста. Бажого, прислалъ 17. ром. 20. пр. ср., 2. талары ср., и кубокъ серебряный.
2. Всечст. и пр. Г. Добрянскій, Навствити Свасилій 51. ром. 26. пр. вторично 67. ром. ср.
3. Всечст. и пр. Г. Вашишій, Навств. Устицкій 48. ром. 40. пр. ср.
4. Чест. и пр. Г. Котоичъ прих. Ясоновъ 13. ром. 38. пр.
5. Чест. и пр. Г. Омельскій Юантъ, продавши Снопорохъ, и собиратель Навствити Свасиліева 6. ром. 53. пр.
6. Всеч. и висовопр. Г. Ковбальскій Михаилъ, Навств. Калускій и предостель кониса навствити Свасиліева 51. ром. 30. пр. ср.
7. Чест. и пр. Г. Кудришчъ, заступникъ парохіа Далновъ 8. ром. 40. пр. ср.
8. Чест. и пр. Г. Яковъ Гробоичъ, приходникъ Коналіева и собиратель 21. ром. 40. пр. ср.
9. Чест. и пр. Г. Кичишій Дзоровичъ, патрота въ Бродяхъ собралъ 3. ром. 12. пр.
10. Новооставленная Крап слонилъ 15. пр. 40. пр.
11. Всеч. и висовопр. Г. Надольскій, зашт. Ташинскій и собиратель 147. пр. 34. пр.
12. Благор. Г. Малюшій Юсвоцъ, члѣвъ головою повиса портвола отъ себе 2. ром.
13. Благор. и висоводостойній Г. Андрейшій Егидальцовъ, свѣтликъ Дрошій оіансовъ портвола 10. ром.
14. Чест. громада въ Лубин 9. ром.
15. Честыя громада Свеховъ 10. ром.
16. Чест. и пр. Г. Алодильшій Терновскій, приход. Колтова 27. пр. 20. пр.
17. Чест. и пр. Г. Лука Лосишій, приходникъ Белия 4. ром.
18. Чест. и пр. Г. Павлошій Навсорошъ, приход. Бельновъ 12. ром.
19. Честный и проведобный Лука Должскій, доіансовъ 1. ром. ср.
20. Благор. и достохвалъ Г. Кичишій свѣтликъ въ Самборѣ 5. ром. срѣ.
21. Всеч. и висовопр. Г. Юантъ Ясоновичъ навств. и приходникъ Фроловій 11. ром. 30. пр.
22. Всеч. и висовопр. Г. Михалъ Балошій, навств. и прих. Геродонскій 12. ром.
23. Всеч. и висовопр. Г. Василій Галосовичъ навств. Дрогобишій 12. ром. 22. пр.
24. Чест. Г. Дришала Дмитрій, собиратель крестный въ Гуляновъ 16. ром. 34. пр.
- вторично 3. ром. 23. пр.
третьею 4. ром. 25. пр.
25. Всеч. и висовопр. Г. Качишій навствити Качушій 5. ром. ср.
26. Достохвалъ. Г. Юантъ Лушничій посвѣтликъ отъ себе 2. ром. ср.
27. Чест. и пр. Г. Висовопръ Тевовъ, приходникъ Могалини 20. ром. ср.
28. Чест. и пр. Г. Антошій Начай, собиратель крестный въ приходъ Залвскіа 15. ром. ср.
29. Честыя громада Должовъ и Мишовъ, округа Жолновскаго вередла черовъ пр. Г. Батяшного приходника, и Чест. Василій Навсорошного проворка церкви Должневскій 43. ром. 55. пр.
30. Благор. и висоводостойній Г. Игнатій Машошскій, предостель суда приміального въ Самборѣ портвола 10. ром. ср.
31. Всеч. и висовопр. Г. Балашій Михаилъ, навствити и приходникъ Терновскій прислалъ 84. пр. 47. пр. ср.
32. Всеч. и висовопр. Г. Новосадловскій навств. Потелишій 65. ром. 56. пр.
33. Всеч. и висовопр. Г. Алексій Мелесовичъ, приходникъ навств. Залосеній и приходникъ Мѣлла 32. ром. 51. пр.
34. Чест. и пр. Г. Юантъ Далишовичъ, приход. Швѣткова слонилъ 187. ром. 7. пр.
35. Чест. и пр. Г. Геродонскій, приходникъ Ртансъ новымъ портвола 10. ром. ср.

Такъ жертвующиѣмъ и трудящиѣмъ себѣ собраніемъ складомъ замысла кониса и искренное благодареніе.

Отъ кониса предостояющей сраванъ ознаменованаго дома народнаго. и другой городской церкви.

Дѣловъ днѣ 26. Марта (9. Цѣтня) 1853.

*Кувсалоніа
Предостатель.*

О НАЧАТКАХЪ ПЕРВАГО ЕПИСКОПСТВА ВЪ ГАЛИЦКО-РУССКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

(Сочин. Алт. Петрушевскаго)

(Продолженіе.)

6) Впрочемъ учрежденіе перваго греческо-славянскаго Епископства въ отечествѣ нашемъ, не было лишь только далеко во-

летки Ростиславичей, но даже почетностью обороня восточнаго варягопольскаго въ южно-западной Руси. Отечество наше какъ крайняя западная русская волость, на сѣвонъ рубежъ Венгрии и Польшы, уже во второй половинѣ десятого вѣка, была посядана западными миссіонерами, покушающимися разпространити въ ной латинское варягопольскаго и подчинити ео власти римскихъ иеросвятителей. Но словяны учреждительныи гранити чешско-норавскаго Епископства въ Празѣ, Пипю Воиодитювъ VI. и мисіоникъ Императоровъ Отономъ II. 973. года, были спархіальными границы его на востокъ означены даже по берегамъ реки Буга и Стыра 50.) Однако вса помытки

50.) О западныхъ миссіонерахъ, пославшихъ къ Русѣ и Краковскую область, см: J. Lolewela Polska wieków bródnich T. IV. Познанъ 1861. стр. 516 — 523. — Изъ Хронографа XV. года узнаемъ им одного изъ главныхъ непріятелей славонскаго богослуженія, о которомъ въ латинскомъ описаніи Св. Константина и Меодія чтеца слѣдующее извѣстіе: По темъ не многимъ лѣтамъ мѣшавшимъ (т. е. послѣ кончинъ удачливыхъ словенскихъ Апостоловъ) пришелъ къ намъ Влѣтѣ (Войтехъ или Адалбертъ бывшій Епископъ Прагскій) латинскій с Моравъ и с Чехъ, и с Падъ, раздѣлиши стѣръ православныи, и рѣшии грамотѣ Шваръ, и латинскѣ грамотѣ и стѣръ поспали, прииди стѣръ немцы поиди с Бѣи поиди, с дѣрѣ раздѣлиши и им с рѣиби зидати (къ Пруссіи). гдѣ и гдѣ съ сою стѣръ прииди, и темо гдѣи имъ Влѣтѣ латинскій см. Старославенская Легенда о Карелѣ и Меодіи изд. М. Погодинъ. Москва, 1825. стр. 118 — 119. Москвитинскій изд. 1843. г. III. 405. Греческо-славонскіе Епископы продолжали изъ Павоніи и Польшы около 995. г. подобно какъ немцы по смерти Евалдава Храбраго (1025) нашли во воедъ вѣрности, дружеское принятіе въ одностороннѣ съ ними отеческыи нами. См. Историческій Сборникъ изд. Погодинъ, Москва 1843. года T. IV. книжка 4. стр. 420, 437, 438. Лар. лѣт. 64. О восточныхъ границахъ Епископства Прагскаго

Запада къ введенію на Русѣ римско-католической вѣры остались тѣломи: о томъ что народъ былъ призванъ къ греческой вѣрѣ, проповѣдавшей оу Евангельскому Истину и великодушнаго Богослуженія на повелѣніиъ для него словенскаго змца 51).

Особенное вниманіе на греческо-русскую Церковь обращали латинскіе краковскіе Епископы, которыхъ Елархія непосредственно граничала съ нашимъ землем.

го иметъ Космакъ (Chron. Bohem. edm. Peh. et Dabr. lib. II. p. 167. — 472) „Inde ad orientem hos fines habet terminos: Bug acilicet et Zlir cum Cracova civitate... Inde Ungarorum limitibus additis usque ad montes quibus nomen Tatri dilatata procedit.“ Прислано Епископомъ было повелѣніемъ тогда Малопольскому Архидіакону.

51) „И ради быша Словени (говоритъ Несторъ) яко слышаша величье божье своихъ змцонъ.“ Комакъ. Лѣт. 20 Мѣсти двѣсти вѣковъ требовалось, пока не удалось выити изъ галицко-русской земли усугубити греческое заветы латинское вѣроисповѣданіе, въ нѣмной половинѣ ео, в что во скорѣ, какъ лишь только до обольщенія русскаго соотечественника иметъ послѣдовало. Но всену есть шра — въ нѣмнѣе время, въ счастіе просвѣщеннаго зма нашего, сама даже непріятель греческаго — славонскаго образа образованности сосланивать: „Объ (L. J. Græco-Slovianko-katolicki, kościol ruński) przeznaczony i wyknięty przezorną Opatrznością Boga, ku wielkimъ Słowiańszczyźnie przeznaczonіomъ, ku rozposoleniu całej Słowiańszczyzny wъ miyji Boga, a rozpiętnięty nie mądrą polityką ojcówъ waszychъ, a drogi swychъ przeznaczonъ. Przeciętnіemъ zaslachy Roskijaj na obrządekъ łaciński, a przeto uszyoniemъ kościola tego kościolemъ gminny, kościolemъ chłopackimъ, ponіenіemъ duchowieństwa, zamknіenіemъ mu wstępu do oświaty i rozkazaniemi drugimi nadużyciami, ponіenіu abezalnicionu — wpałъ jużъ niestety! i należałъ jeno uszczupli jęgo jeszcze zostają.“ Zmeca o obrządkachъ katolickichъ wschodnichъ... przezъ H. Tarłockiego księdza obra. greko-słowiańskiego — Partъ, 1850. str. 11.

веза непрестанно духовную пасты ея при-
 водити своєю водою. Сякъ даже сла-
 вѣйшій мужъ, главнѣйшій Церквѣ Клервонскій
 аббату. Св. Бернардъ, отправился былъ
 въ дальнѣйшій Западъ къ берегамъ Вислы,
 во чѣмъ-то проповѣдывать, ототувилъ онъ
 отъ своего намерѣнїа и сталъ сравнивать
 зрапоского Евангелїста Матею, чрезъ сво-
 его посланника: „Si quis posset et impios Ru-
 thenorum ritus atque observantias extirpare?
 Posset quidem Dominus (отвѣчалъ ему обрадо-
 ванъ тотъ же Евангелїстъ) posset, sed solus ille
 homo posset, in quo potens gloria est. Confidit
 autem in Domino Jesu, quod et abbas Clara-
 vallensis hic esset, hoc bonum facere posset. Gens
 illa Ruthenica multitudine innumera-
 bili cum sideribus adaequata, orthodoxae fidei
 repugnans ac vero religiois instituta non servans, non
 attendens, quoniam extra catholicam ecclesiam veri
 sacrificii locus non est. Nec solum in sacrificio do-
 minici corporis sed in conjugio rapudiandis et rebap-
 tudinis aliisque ecclesiae sacramentis turpiter claudu-
 tari cognoscitur. In erroribus variis, imo vero ha-
 ereticis pravitate a primordio suae con-
 jurationis imbuta... Nec modo in Ruthenia,
 quae quasi est alter orbis, eorum etiam in Po-
 lonia et Bohemia, vel communi appellatione Sclavinia,
 quae plures provincias continet, talem ac tantum fruc-
 tum, tamque Deo acceptabilem faceretis, ut ab ipsa
 postmodum audiretis: Euge, ecce bene et fideles! Aut
 certissime robis omnes, ut speramus, in auditu auris
 obtinerent, dignamini igitur pro patre, dignamini, qui
 coturnus Illustris nostrum etiam teubras Illustrare,
 dispensandi Sigtus in ca. positis in vltas vultu-
 nibus infermare... Quando autem animi, quamque
 universali desiderio ego et comes Petrus, vir utique cir-
 cum Dei cultum et ecclesiam religionisque decore-
 antia, votum pro patre praestolamur audent, solus
 ille ambrosius est testis, qui videt secreta cordis 52).

53) Cis addecuratoe norjanie Mathiae Cracoviensis
 Episcopi ad S. Bernardum, abbatem Clavaul-

Такому сильному влияю Западу, въ
 намеренїа введенїа латинскаго вѣроисповѣ-
 данїа въ отечествѣ каменъ, могли Ростисла-
 вичи лишь только украденїемъ греческо-
 словенской церкви, посредствомъ учрежде-
 нїа Евангелїста того же обряда въ областяхъ
 своихъ успѣшно протаводить. Къ
 основанїю такой новой Евархїи, въ крайней
 западной части Руси, по всей вероятности,
 способствовали сами Кїевскїе Митрополиты,
 почтившіеся о благосостоянїи русской
 церкви, и даже цариградскїе Первосвящен-
 ники и Императоры, съ которыми послѣднїе

знаемъ, de suscipienda Ruthenorum conversatione,
 читается начатаю въ учебной сочиненїи Гос. А.
 Блаженнаго: Wapier Krysztanu de dalejów
 Polski. Lwów. 1850. str. 94—96, и въ выпис-
 сокъ сдѣланнхъ Алборбрандонъ въ Ватикан-
 ской библіотекѣ. Писано сіа писано между
 1143—44. годъ; ибо Матею, былъ поставленъ
 въ Краковскїи Евангелїстъ 1143, а Петръ
 Духовнїкъ (comes Petrus) лавноу званн. и зрѣ-
 нїа 1144 г. тотъ самый, который покаримъ
 образомъ лавноу князя Владодра. Dingonii lib.
 IV. 464. Nagrasiewicz Hist. N. P. III. кн. 3.
 Нога 78. О возмездїи ея итностейн Св.
 Бернардъ въ Пользу ея. Dingoni. lib. V. 455.
 годъ 1140 годоу. — Краковскїй Евангелїстъ
 Матею, иишоу, что Русь различествуетъ отъ
 Ризлїа, in sacrificio dominici corporis т. е. въ
 Св. Евхарїстїи, иишоу для того, что при-
 шаетъ иривъ водъ обнїа видни по перво-
 началному постановленїю; in conjugio geru-
 diandis, въ честь поставовавъ Русь греческому
 Номонону; что иишоу rebaptizationis scto-
 licum rit. lat. дѣлаи тоуе Перезишеленїа
 лат. Евангелїстъ съ поставованїемъ греч. вѣро-
 исповѣданїа, перхолоднїи по ризнѣ. Церква,
 днѣ до 1548. гнѣ, коула поставованїа рнѣ;
 ut Rutheni ad Ecclesiam redeuntes non rebap-
 tizentur... ex Mscrptom Alembeki p. 309 sub
 art. Schismatici: хотъ званн Александръ VI.
 буллоу своею 1501. г. Calend. Septem. за-
 протнъ rebaptizare Ruthenos. ex. Baptiamus
 Ruthenorum, per Stanis. Orzechowski edit.
 Cracovias 1844.

ни Ростиславичи находились въ родственнической связи. и граница съ греческою Имперіею простиралась съ нею въ константинопольскихъ сношеніяхъ 58). (Продолженіе след.)

53) Что наша русская Церковь не находилась еще въ соединеніи съ Римскою Церковію, такъ въ самое время введенія на Русь Христіанства, какъ учрежденія въ отечествѣ имени перваго греч. словенскаго Епископства, в томъ, употребляютъ насъ, такъ чувствительны, какъ отечественные современные писатели. Уме самъ Крестовскій Епископъ Матвей утверждалъ, что русская Церковь была „haeretica pravitate a primordio suaе conversationis imbuta.“ Римскій Папа Іоаннъ XIII. соглашался, въ 967 году, на учрежденіе Православнаго Епископства прибавляя: *Votum tamen non secundum ritum aut vestam Bulgariae gentis vel Ruziae aut Slavonicae linguae; sed magis sequens instituta et decreta apostolica, ipsum potlorem totius Ecclesiae ad placitum in hoc opus eligas clericum, latine apprime literis eruditum.* Упоминаемый Папа называетъ греческое вѣроисповѣданіе или противное римскому: святомъ Болгарскому, Русскомъ, Словенскому — ; або уже въ 867 году писалъ Патріархъ Фотій, въ опроверженіи соборныхъ посланій во восточныхъ Патріархатахъ объ отступленіяхъ Церкви Римской, гдѣ между прочимъ таковыя говорить: „Росемъ... не давно еще бывше нашими врагами зима мѣхъ каи отого сдѣлались Христіанами и приняли себя Епископѣ...“ О томъ же свидѣлствуютъ древнѣйшіе русскіе письменные памятники. Въ Летописи Несторовой (Лавр. Лт. 36) Владиміръ В. даетъ римскимъ посланъ слѣдующій отвѣтъ: „идать овати, яко оти наши сего не приимъ сущѣ.“ Второй Киевскій Митрополитъ Леоній (992 - 1008) сочинилъ посланіе противъ Римлянъ: *περὶ τοῦ ὅτι οὐ δὲι τελεῖσθαι τὰ ἄβυρα;* переводомъ. *Бездесій въ посланіи своемъ къ Вл. Іоанну называетъ римскую вѣру вѣрою злою... (Росенкаповъ Обзорніе Коричей книгъ. Москва 1829. стр. 252); въ Церковномъ Правленіи Киевскаго Митроп. Іоанна П. (1080 - 1089) осуждается тогдашнее обличеніе вышней русскіихъ издавати дочерей за Государей латин. вѣры. (Русс. Достояніе. Часть*

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій приходникъ изъ Саламанки.
Повесть, написанная самимъ писателемъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Такъ возсталъ имъ съ Раевичемъ. Жена и Наталья радовались съ того душе, но побѣдился въ немъ одного противника высокопарныхъ своихъ намереній; а ставался на все хладнокровнѣе; а только пальчики наши не могли улетѣть отъ него, когда вспомнулъ имъ что про Раевича; — и только еще одна изнемогла отъ тоски за своимъ милымъ другомъ — но несчастливая Аналія. Въ присутствіи сестры своей и матери казалась она спокойною, иногда даже веселою, но изъ благого, пристрастнаго лица ей узнавалъ и, что она притворялась. Уме ли вознико сердце не знало осудить грехи своего любинца? уже ли оно уверено было, что любинекъ безвѣнечъ, и для

1. стр. 86); Киев. Митроп. Іоаннъ (1104 - 1121) въ посланіи своемъ къ В. к. Владиміру Мономаху пишетъ: „Латинѣхъ каю отверженъ быша отъ восточное Церкви (Панат. русс. Словоесости XII вѣка) и прѣ. Може быти, что врачие несправности исторической истины стаятъ несе уверка не добродѣтелиствъ для Уни, бумже уже для того, что а во ночь отыскати казыхъ доказательствахъ о Церковномъ соединеніи Руси съ Римомъ до XII вѣка, когда на противъ тому Іоаннъ Кузмъ (Wiaga ргачеоловава. Wiwo 1704) насчитываетъ 2827 доказательства въ пользу Уни; но при всемъ томъ оставуся в Самостопникохъ греч. иос. Церкви соединеній съ Римомъ, хотя и во лорку употребляли лонъ въ интересъ римскаго воезвѣнника. Послѣдній Римскій Архидіаконъ въ XII вѣкѣ писалъ въ русскіиъ Казань, приглашающій такъ же въ соединенію съ римскою Церковію чутуся насчитанъ въ сочиненіи Турчаниновъ: *Нѣкогъ, Рускіае мѣстои. Петергофъ 1841. Выг. XXI. XXXIII. LXXVIII.*

Богато надъ книгъ и уживало? Бѣдное сердце, и не нашло ты друга или подруги, передъ которыми могло бы извуртися!

Два послѣдніе писани 1847. года влеклись для насъ скучнее; только иногда розсказали нашу скуку веселій соседъ съ Родленки и молодой Подоланинъ, или такожь Панъ Долинскій, который отъ того времени, какъ Ревенчъ пересталъ у насъ бывать, повеселѣлъ надсмѣчливо и заязжая въ насъ частѣе забавлялъ Наталію розсказами о роскошныхъ житіи въ великихъ городахъ. При томъ зналъ онъ наизусть много увеселительныхъ сказокъ и остроумныхъ замѣчаній, и предлагалъ ихъ за собственнаго вымысла; хотя въ казенькой моей библиотечкѣ находилось нѣсколько книжечекъ, въ которыхъ почти слово въ слово отяли тако казани, тако значенія. Я ногъ былъ не разъ его нини завистидати, однакожь не хотѣлъ помнати веселіе радо слушающихъ женщинъ. Иногда сѣдалъ онъ съ нини до нортъ, и розсказывалъ при томъ случаи, какъ онъ съ поночю розличныхъ хитростей обманывалъ своихъ гостей. Таковыи визнанія ногли бы отпатривати отъ него всякого розумнаго человека; однакожь надѣя, що онъ немогъ статися намнѣкъ зтѣпѣк. Дѣлала меншимъ насъ слѣпнни на весь его недостатки. Моя жена — про шо скривати? — розставала съ ани на дѣлѣ розличнии сѣтъ, аби они словети: ала, деликатнѣе сказавши: она употребила всякихъ способовъ, аби заслуги и достоинства своей дочери въ наилучшѣе представити сѣтъ. Если колача до насъ была вкусна и удална, то ихъ некла Наталію; если повидла были солодки и пріятнии вкусу, то ихъ еначила Наталію; она такожь завралаа имборнии борщъ сметаномъ, она вышивала красную подушку на своей золоткою, все шалковнии работи были ейже делати. Однанди прійшло дако

женѣ моей на мысль, сказати Пану Долинскому, шо онъ и Наталію кажутся ей быти ровнаго росту, и для того просилъ его ставитися съ нею до ширм. Тѣи хитрии способи, которыи здавались ей быти непроницабельни, которыи однакожь всякій легко ногъ проникнути, подавали намнѣи властелину много утѣшенія, и для того не щадилъ онъ изъ своей стороны ласкавыхъ словъ и любовныхъ израженій, которыи хотя не можно было еще взяти за рѣшительное предложеніе воли его, аби вѣчатися съ нашою дочерью, въ очахъ женщинъ однакожь найже за таковое уходили.

Якъ предвидати можно было, такъ и вопитиу наступило, шо некотори соседи наши, ичѣнно богатшии, стали будъ изъ зависти, будъ по здоровому розсудку много е насъ съ той причини говорити бесполезного и укѣрительнаго. Одинъ говорилъ, шо поновна високо дуется, другіи твердили, шо великошннии Панъ выставитъ ю по просту на дудки и пр. и пр.

Аби поговориа такіи уничтожити и неприятелей своихъ завистидати, постановила жена моя наконецъ рѣшительно удостовѣритися, суть ли наизрѣнія Пана Долинского чести и благороднии, или что одно в томе: думаетъ ли онъ на правду житися съ Наталію. Способъ, въ який она хотѣла отъ него о томъ доведатися, былъ надто проворнии, аби и я ногъ былъ его похваляти. Но я постановилъ на все тое молчати и предъоставилъ себѣ ашь тогда рѣшительно вытунити, коли окажется конечна въ тому потреба. И такъ возназрѣла она посоветоватися съ нини для повору о выборѣ якогъ жениха для нашей Наталіи. Думадъ, шо если предложитъ на прихѣръ: молодого Подоланина, Панъ Долинскій станеть тому противорѣчти и наконецъ осмѣлится сѣтъ о ей руку просити.

Въ той цѣли, какъ только прихалъ до насъ снова Панъ Долнискій, удалились дѣвчата пон нарочно въ свѣтлицу, абы тагъ Маня подати способность, вознамеренное нѣю дало роспочати; нѣъ свѣтлицы однакожъ могли онъ всему розговору добре прислухиватисъ. Жена нѣя завела розговоръ тотъ весьма остроумно, именню тѣмъ замчаніенъ, що сродникъ соседа съ Верховники избралъ себя дуже красную невесту въ особъ Панни Юстки П... и що се партійка нѣъ то кажутъ золотая. Панъ Долнискій согласился съ тѣмъ, и она замѣтила еще, що дѣвчата, котормъ нѣвѣють богатое вино, могутъ безсомнительно найти доброго мужа: „но горькая доля тахъ дѣвчатъ,“ говорила онъ дальше. „котормъ не нѣвѣють нѣдкого вина! Шо поможеть красота, добрая слава, шо поможеть все отличнѣйшіи свойства души и сердца, если нѣтъ того, шо свѣтъ нѣмъ наибольше оцѣняетъ, если нѣтъ грошей. Но за тѣмъ не нѣтаютъ нѣмъ люди: лѣка она есть? только шо она нѣветъ?“

„Честная Госпожо,“ отвѣтилъ Панъ Долнискій, „замчанія ваши весьма справедливы и верны, однакожъ кобы я былъ королемъ, тогда бы на свѣтъ все шло иначе. О востину! тогда нѣвали бы красныи дѣвчата, даже съ наибѣднѣйшихъ сословій золотыи часы; а самыи онъ красавицы были бы первыи. для котормыхъ я оказалъ бы ся найласкавнѣмъ.“

„Ахъ, вседостойный Пане,“ сказала на то нѣя жена. „вы жартуете; но и я желала бы быти королевою, и тогда бы знала, за кого выдати старшую нѣю дѣвку. Когда однакожъ мы о томъ сговорилися, то прѣшу васъ ласкавый Пане, скажите мѣнѣ на правду, не знаете ли для ней якого достойного жениха? Вотъ, дѣвчати туйтуй осьмнадцать лѣтъ, прѣтомъ она довольно обра-

зована, и если то свободно сказати нѣтерю. она и красенъка и розумна.“

„Честная Госпожо,“ отрекъ Панъ Долнискій, „если бы мѣнѣ прѣйшло избирати, и избралъ бы для ней мужа, у которого были бы все тѣи выскѣи свойства, какъ днѣъ у счастливыи могутъ ангела. Человекъ розумный, богатый, високооставленный и сахъ благороднѣйшій, — вотъ, такии были бы нѣю нѣюну нѣвѣю достойнъ руки прѣрасной Наталіи.“

„Справедливо, ласкавый Пане,“ сказала она, „однакожъ знаете ли нѣнѣ указати такого.“

„Нѣтъ, не знаю,“ отрекъ Долнискій. „Бо и где можно бы найти такого, котормый нѣъ нѣмъ заслужилъ бы наречиса ей мужемъ? Дѣчь ваша, то окровище неоцѣненное, — ей Богу! то ангелъ, то богиня!“

„Ахъ, нѣмъ Пане Долнискій, вы надто прѣзозношаете нѣю дѣчь. Но мы задумали выдати ю за молодого Подоланина, котормый етъ несколько мѣсцевъ пребываетъ въ нашихъ сторонахъ и оказываетъ великую нѣъ Наталіи нашей прилѣчность. Онъ нѣвѣнѣтъ уже передо нѣю, шо былъ бы нѣъ всахъ людей найсчастнѣйшій, если бы только дѣчь нѣя отвѣтила его любви. Мы лишь желали бы еще,“ прибавила она на конецъ, „услѣнѣнати въ томъ отношеніи и ваше нѣвѣнѣ. достойнѣйшій Господине, котормый съ такниъ соучастіенъ занимается дѣлами нашей родины; ни желали бы узнати, согласныи ли вы съ тѣмъ выборомъ?“

„Согласныи ли я?“ сказалъ Панъ Долнискій, „никоди, никоди! Яко, столько красоты, столько ангелской доброты хочѣты одати человеку, котормый нѣже въ состояніи нѣхъ оцѣнѣти? Извѣнѣнѣтъ, съ такниъ лѣткомисленнѣмъ намѣреніенъ и не могу согла-

сится; а въ тону суть у него важныя причины!"

"А, если суть у васъ эти важныя причины," река моя Татьяна, то иное дело: но вы бы мне душо объяснили, кобы хотѣли причины тѣя открыть."

Извѣстно, честная Госпожо, сказалъ онъ. "они вѣдо глубоко хранятся, абы и началъ ихъ открыть; тутъ"— возкликнулъ онъ, положивши руку на сердце.— "тутъ они сокрыты, тутъ они скорочены!"

Когда онъ возвращался съ нами, стали вѣщавши слова совѣтоватися; не знали однакожь, якъ толковать себя тѣя таинственными сентиментами. Въ очахъ жени и Наталіи были они доказательства наивнѣшней любви; у него же не просто такъ обманокъ. Наконецъ рѣшилъ онъ однакожь, не отказывати приказанію своей молодону Подольнику, который во всеу возрастію наилучшій для Наталіи началъ намеренія и на котораго во всякомъ случаѣ больше можно было надеяться, якъ на Пала Деланского. Съ тѣмъ рѣшеніемъ ихъ и я согласился и радъ былъ душо, що онъ узнали добрыя намеренія благороднаго Подольника.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Козаки въ Царьградѣ.

(Примечаніе 1500. году.)

переводъ изъ польск. Іоанна Лавинскаго.

Было то въ пятницу, въ день тымидневого праздника Висурмановъ; солнце засіяло своими лучами во цѣломъ торжествѣ на горизонтѣ, а престоломъ нѣкто, свои холмы выдалася цѣломъ одѣтою ризою золотую. Козаки съ далека на мори еще, узрѣвши той блистачій видъ, не могучи доволъ нить вымолвити, исполнили вѣдухъ воскла-

чаніемъ: Стамбуль! Стамбуль! Но во томъ времени услышали гласъ Атамана:— „До веселья молодцы!“ На тое слово вновь осенядять соуть веселья поднесло ся на одиный радъ и влобы одно съхучи море, вернули во волны. Летучи чайки поролн лице водное и везедалго пристали до берега.— „На берега!“ воззвалъ Атаманъ, „по десять молодцовъ въ каждыи чайки оиде на берегъ, нить съ косаки.“ И едва выдалъ повелѣніе, а вше тридцать четверобоконъ стануло на тверди. Передній радъ въ каждыи амыгриль ручищи ко переднѣшью Перра, въ часть, коли три другии ряды наивняли ся косаки якъ хребетъ дикого вепра. Тѣи, що при чайкахъ лижились, во мгновеніи она окружили ихъ въ полъ кола валомъ, передъ котормъ ростигнулъ ся широкій ровъ. Атаманъ вытигнулъ криву саблю, хоругвиі розвинулъ хоругвовъ, бубны и трубы озвально, а козаки двигнулись на Цароградъ. Во двоухъ стахъ и сороцъ мечетахъ гремѣли нѣвнѣ деришиновъ и муфтыхъ на хвалу Всевышняго; деришии бьютъ поклонн цѣлуочи мармороный помостъ, а во ихъ примѣру толпа народа различнаго происхождения и исповѣданія хвалитъ Всемогущаго Бога, или молится до пророка его Магомета. Каждый онакше Всевышняго называетъ; каждый молится до него ведля своего обычая. Турокъ называетъ благодати Аллахи, Натольчикъ прибѣгаетъ до Фавръ, а скитающійся митець Аравинъ зываетъ своего Гакка въ мечеть Софинъ, где колѣсцо Патріарха царьградскій, голова церкви греческою, торместазниными пѣсаніями Бога христіанскаго хвалитъ, нить Улемъ ублажалъ пророка въ Мекки

Султаны Амуратъ, великій везиръ Килляръ-Ага, рада дивана, весь дворъ отдасть поклонн Предвѣчному. Тинице въ нѣсть, уакии нустанъ, а вѣдъ нмысли Висур-

пановъ направлены до одного предмета, переносятся до самого неба, до своего раю.

На одинъ разъ батеріи найдальше по-доменныхъ городковъ встрясавтъ воздухъ а крупкій огонь ручный далъ са почувствовать. Колько снаговъ менеть съ рощущенными новодами черезъ улицу, рощучавтъ напудженными толпы и кличуть: Шапоны (дядьки такъ зовуть Турки Козаковъ), суть на передицѣю Перра! На тотъ кликъ вытягають султана Амурата свою саблю, и возмываетъ въ имени пророка до оруміа! до оруміа! Яичары бѣгать по оруміе, свагомъ кульбачать коня, а пушки съ наибольшою скоростію вытягають зъ арсеналу ко воротамъ Орла - Кануди. Знауть оруміа и дикій гомонъ воинный зайимль мѣстце тишины и набоженства, которы не давно въ благоговѣионъ мѣстѣ господствовали. Изъ серау выносятъ Сивцахъ, святую хоругвь пророка, поль-нѣсье блищить надъ трибунчюкомъ свягомъ хоругви, около которомъ православныи громаждать ся. Везиръ, баши, Аги, и шераскіеры лѣтають тамъ и назадъ передъ рядами на пѣнащихъ ся комонахъ. Султанъ оперезуе ся мечемъ Магомета, клде за попись кинималъ Алаахи, сѣдае на сивого коня, на которомъ убрание золотомъ и дорогими каменами высадженое, и такъ ѣде со всею своею дружиною до Перры.

Козаки уже заняли были сіе передицѣе и другое Кассинъ-Паша. Тысяча Ариантовъ, котрыи воротъ стерегли, не во силахъ были оперетисъ стремительному наступленію Козаковъ. Слабо борошались и убѣгли до Галты; но были безпрестанно гонимы. Тогда пушки въ баштахъ и крѣпостяхъ приѣтствовали Козаковъ, а колька всадниковъ альбашскихъ погнало до Серау.

Налезайко оставшии напочъ передицѣе, борзо осадилъ всѣ дома при входѣ

до Перры. Чорба поставилъ ся въ Кассинъ-Паша. Глубоціи стральщевъ Тетеревсанхъ такъ расположилъ, шобы са за мурами (стѣнами) городовыми уарывати могши. Бутевичъ со своими рабовалъ дома, а добычу отсмалъ на чайки. Самъ же Атаманъ на челѣ трохъ сотъ храбрыхъ молодцевъ уперно наступалъ на Галту, где есть арсеналъ и палата Каудана-Баши.

Чѣмъ скорше утѣали Арианты, котрыи трупами своими застѣали улицы, тѣмъ лютейше гнали за ними Козаки, не устрѣбляючи даже ручницъ, но алали утѣкающихъ долгины косами. Во томъ присила зъ арсеналу поночь, монопршедшии воини хотѣли ставитись, но задержали са на хвилю, въ сей часъ порвала ихъ ватага утѣкающихъ за собою и спѣшию верчуал. Всеу силувалъ са Ага засути ворота передъ нападающими. Козаки врагъ съ ватагою утѣкающихъ втиснулись на подворье арсенала. Арианты попадали на лица и лебѣдѣли за митѣе. Хоругонъ козацкыи вѣдала на найвысшой башнѣ, пливниковъ заврелено до пушокъ осадимающихъ и понужденными были ихъ тагнути до передицѣе Перры. Пушкари греческіи пошили за ними до услуги, а въ часъ коли три роты Козаковъ подъ предводительствою Сокола осадили арсеналъ, спѣшилъ Атаманъ съ ишувшими ся оягъ до Налвайя. Козаки выцѣлили двадцять пушокъ къ воротамъ Бабі-Гумаюмъ. Все яшло найщастливше. Омадад Турковъ стоялъ Атаманъ при пушкахъ, его зрѣние не отвернуло са даже отъ воротъ Бабі-Гумаюмъ, а греческіи пушкари держали въ готовности возларенными ливиты и иушали исполнати новѣвѣія козацкѣи, бо онакше острая коса адругъ съ непослушного толгува смела голову.

Ни нестройный съодъ воротъ, ни окрашенія нестройного зданія немогли задержати

армія Атамана, онъ ожидавъ нмьхъ сла-
стей. Едва отворилися огромнии двери пе-
редъ турбань яничаровъ, котрымъ въ про-
гнѣннхъ сонцахъ выдала ся подобнимъ до
великомъ дуги, коли Атаманъ хосновалъ
зъ долго омидаемон хвилн и приказалъ
дати огни! и во той хвилн пушкамъ выки-
нули огромную массу огня, дыму и жезла,
верета задрожали до основанія, а передъ
веретамн наснинали ся стоезъ труповъ. Ян-
чары, щобы собѣ дѣругу очистити, отки-
двали на сторону раненимъхъ, умерашахъ
и убитымъхъ бѣзъ различія. Султанъ прика-
залъ отнювати пушками, а кули мусул-
маньскія били въ дома передчѣстекіи. Въ
тоиъ часѣ яничары вторично ся устроива-
ли до выходу зъ воротъ, но двадцать
пушекъ Атамана оиать влонуло кулями, а
повал гребля зъ труповъ синила выходя-
щихъ. Наразъ турецкая коннота настигла
въ наибольшонъ стрелотіи, бунчуки Ва-
шевъ шумѣли во воздухъ, а сабли всадни-
ковъ блещали надъ ихъ завоями, ихъ кин-
жалы, долгіи и широкіи ножи, котрымъ они
держали въ зубахъ, подобнимъ были до
шаль вушовахъ. Оионъ, котре нитъ голо-
вы завернуло, нитѣло влѣпаніе и на кони,
которымъ, дѣвалося, що дробнимн ногами
едва землѣ достували. Тотъ полкъ выдаю-
ще страшонимъ крики, обналмал ся ко пе-
редчѣстеконъ едумленимъ, що еще малюновъ
не выдалъ. Глубоцкіи нарекомъ позволили
войти тмъ сѣлланамъ пошеми куръ горо-
довымъ и аривымъ уланди; и теиерь те у-
зѣвши ихъ въ нѣстціи тѣснонъ, приказалъ
дати огни и здругъ келько сотъ ручницъ
разсыпало смерть и уиашъ. Коннота турец-
кая сѣлланамъ, декотрымъ влнхали Алахъ!
и воушались кошеиъ куръ городовымъ пе-
редчѣстеки, другіи слѣзши съ коня надали
во лице прясчи е леслу, нымъ жновъ глѣ-
длаи оиашеніа во бѣгетвѣ. Уише не было

конноты, но стоези труповъ и конящихъ.
Тутъ видѣлъ ты червоиши кафтанъ снага,
танъ бѣлымъ турбанъ альбаньчкиа, тутъ
силуваля всадникъ выдобыти ся зъ подѣ
коня, котрымъ немивимъ на нощъ лѣжалъ,
танъ шарналъ конь поведани, котрымъ его
скоснѣлимъ панъ скорченою рукою еще дер-
жалъ.

Стократь брали ся Альбаньчкии вы-
пасти воротами Баби Гунайскимн и стократь
кули козаціи синили ихъ. Уише десять
Аговъ и двохъ Вашовъ лягло, три кони
подъ великимъ Везиромъ лабито, а самому
Султаномъ зеленой турбанъ кулѣ двакроть
прошили. Тщетно пушкамъ бисурчанекіи трид-
цять домовъ розрушили, а келька рядовъ
Козаконъ трупоиъ поломали. Атаманъ воз-
зывать: На нѣстцѣ! держитса до вечера!
а побѣда и добыча буадутъ наши. Въ про-
чешъ воиши неотребовали захоты; оии
ничого не надали лишъ боротисъ день и
ночь. Чинъ же было для нихъ житие безъ
славы, а ногутъ же оии отрахатисъ смер-
ти, коли навывали сѣнью ити ей на встрѣчу.

Султанъ Амурать нѣначисъ зъ встек-
лости, яко послѣднее средство избеаенія,
приказалъ сарденьшикамъ (охотникамъ) на-
передъ вступити, а Кигай - Вееви стапу-
ти на ихъ чолѣ. Спознано цѣхъ во чоримъхъ
лафтанамъ и во багрянимъ турбанамъ; отъ
ихъ мечей сѣлѣ блещъ, и выдалася яло-
бы зъ чистого серебра, посередъ нихъ вѣ-
ла хоруговъ пророка. Дѣти смерти спо-
койно и уишло постували на передъ. Уише
были у воротъ; коли во тоиъ пушкамъ ко-
зацкіи загремѣли и першіи ряды роты при-
вѣтствовали. Поступающимъ ишли во трупахъ
напередъ. Кули заснитали во воздухъ, а
гора труповъ жоралъ выше возшосилася,
еднакомъ часть тмъхъ бодрыхъ воиновъ
дѣставши ся за ворота, устроили ся поря-
дѣ. Уише греческуи артилеріе обналъ у-

мась, но Атаманъ не тратилъ ни отваги, ни студеннои крови, и кинулъ окомъ презрѣнія на рабовъ, потому подивилъ онъ всеми лица своихъ молодцевъ, а око его блесало зъ радости. Съѣвши зъ коня стапухъ на челъ пяти сотъ своихъ бойрыхъ и законандовалъ „Напередъ!“ Козаки завоиники въ космъ пустились за своимъ Атаманомъ. Двѣ роты неприятельскимъ стерли ся со собою на мостъ широкомъ фюсом, которомъ сраи и мѣсто было обточено.

Заключеніе сладуе.

АФОРИСМЫ

о народной словесности

(оч: Туранъ)

IV. Литература наша въ нынѣшномъ положеніи.

Если ты непросвѣтишься истинно, не воспользуешься тымъ воспоминаніемъ, что ты колесъ и ситый былъ . . .

Можешь говорить убогому объ томъ, какъ онъ колесъ богатый былъ . . .

Дарю трудиться ты и ны, вспоминая Древоствъ, нль славу нашихъ словесности, — если не воспользуешься и огорченіями надъ минувшими недостатками . . .

Уже сбылося: но чтомъ есть теперь?

Камется намъ, что литература наша двигается, что словесность является въ цѣлѣтъ весми, что руское слово показуется на горизонтѣ свѣта литературнаго . . .

Такъ есть, — однакожъ не такъ!

Какъ бо въ теченіи трехъ — четырехъ годовъ появились мужи, которымъ рѣшились борбу вачати противъ предразсужденій литературныхъ племенн нашего и написали что то рускаго, — навѣтъ и ча-

ссиски отвормансь словеснъ рускингъ: все есть правда.

Но что подвиги тымъ не получили еще общее повананіе, — не достигли еще универсальности, не признаты еще отъ всегъ народа любовно литературно, и те правда!

Что намъ стонть книжка руская, какъ въ нѣкому прочитагъ?

Какую пользу приносить часонисъ, или нѣкому на ню крайцера помертвовати, — а по крайней мѣрѣ не есть, чтобъ въ съ критикою читагъ??

Что намъ здѣлаетъ добраго „Вѣсникъ“ нль „Подражаніе Рускиногъ“ или „Свѣтъ Манискій“ или „Азъвакъ“ — и проч. — коль или не хочентъ ни слышати о нхъ, или приобрягъ ихъ, скажеть: „для чегонъ ты выдумал, лучше бы молитвослова, или нѣсапослова нависати,“ — — а колн нѣсапословъ вописали, на книжкахъ и оамакъ чумій

Есть ли то литература? . . .

Жалко сказати, она теперь тымъ способомъ телкуется по большой мѣрѣ . . .

Признатисъ убо надобно, что при той всей хладнокровности, при толкахъ трудности имъ приобряли уме одну прстать на поли литературы народныя . . . теперь только о тое ходитъ, чтобъ вестеженно — и ко времени поую а поую приобряти землю, — водѣлати ю, — и слады произвести . . .

Будетъ ли тое въ даль? . . или ялингъ способомъ??

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ

Голъ книжоднй увеличустуеъ словесными плодами, восславаніи вогъ вселословъ пространнаго отечества нашего. Съ вачаломъ воеголя появились „Молитвословъ Ловескигъ“ издаваемый докторъ Ставроградскискигъ Заведеніемъ, и „Народныя

Державна Публична
БИБЛИОТЕКА УРСР
Инв. 59441

«...» который в семь год уже четвертый раз
идет есть а гоним обременю разозъ а инсонъ
въ предудни издавъ прозозель. *Полърашеніе*
Руское въ 1852 г.» литерат. Пришескииъ заве-
щеніиъ издавое, содержитъ много занимательныхъ
твореній поэтическихъ, въ которыхъ составленіиъ да-
но а пражанииъ участвовалъ а такъ въ радостіиъ пи-
сать, шо и истиннійъ волюъ записывается провъ хозяй-
ственннхъ дѣлъ таюжде утешивающнхъ, шо о возра-
станиъ протрившеніиъ между ваииъ вочно свидѣтель-
ствуеть. *«Цвѣти или надъ-диптиранской асады»* го-
вожатъ теъ весело во пишатъ Руск, теъ гунатъ сум-
снелъ во славысннхъ воипатахъ а въснъ перала,
до которой пражучена есть музыка, звучатъ тѣмъ
запечатлѣннхъ при узломателннхъ влнннхъ предосты-
ннхъ Русннхъ, троннваннхъ о гусли или гласннхъ
оорудннхъ. И *«Сказка Малюскаго»*, который такъ
долго считался во тивотроичесннхъ станкахъ, за-
готовитъ завоветь до пачъ. Выглядеть съ истер-
ичесннхъ дальннхъ вообстоюваннхъ любовногъ стар-
рака Малюскаго, предающаго ваиъ древаню быль.
Неутошннхъ проповѣдывать слова Божіиъ Отецъ Мал-
юскаго возларлъ пачъ а въ семь годъ двона сочине-
ннхъ *«Обзорнне исторнн царствъ русскнхъ»* а прот-
створнлннхъ поученнхъ *«О великомъ Божіемъ дѣ-
ла»* въ которнхъ теъ воостановнъ народъ нашъ ннше
поучительного а заветнаго обрѣтеть. Отецъ
Малюскаго вомертвовалъ свое *«Слово царское при
посещеннн храма во Калманъ»* въ семь годъ из-
данное, въ пользу храма и донн народногъ въ Лы-
нн. Увоотаннхъ въ сахъ днлхъ О. Козуднскій из-
далъ въ сочеченнхъ Г. Ш. Голованскогъ III. томъ *«И-
сторнн церковной II 3.»* второсъ теъ сочненнхъ у-
стужающъ возабоуеннхъ ваиъ стлваетъ а хорошее
изданнхъ Владимскій творчорнн Г. Голованскоуъ все-
обще узнаннхъ а благодарноетъ пронесеть. Перенн-
ннхъ издалъ пооннхъ *«Писаннхъ»* который для сна-
женннхъ весьма полезннхъ есть. Повалялось а лю-
бовннхъ повесть воуъ заглавіиъ *«Сказка въ любви»*
для красноты свнстна. Восстанннхъ Переннскогъ
сннхнхъ составлнлъ сборннхъ ваиеннхъ *«Ар-
хивъ во надъ Сана»* а вошортованнхъ доходъ азъ
сего сочненнхъ ва донъ прелд. Красное снхъ изданнхъ,
ннше издлнннхъ образеннхъ а картинногъ музы-
кальногъ олоблннхъ, прноручаетъ ч. читателюстъ.
Возмоутннхъ правнтелюстъ издалъ *«Запроектъ
Г. Волана»* статннхъ вацорнннхъ таюже а Члнн-
нхъ Г. Коудскогъ для ваиной гнлнннхъ. Проо.

Морозовичъ издалъ Каранншовой повесть *«Покоре-
ннхъ Новгородъ»*. Иллнннхъ Матвнхъ Галннско-
Руской издалъ *«Жнть св. Евстафнн»* поконнхъ
О. Бороднннхъ составленное. Желательннхъ бы-
лобы, дабы реченное сочненнхъ удостоилось прнор-
ученнхъ азъ стороногъ ваиъ духонной, дабы народъ
селскннхъ внѣеъ порченнхъ поросаровъ а увесе-
леннхъ вродоносннхъ, членнхъ сего правоучнтелно-
гъ сочненнхъ ваианалъ. Составленъ есть таюжде
сборннхъ разннхъ сочненнхъ стихонъ а прозою
воуъ ваиеннхъ *«Восна»* въ которнхъ многочн-
ннхъ статнхъ содернтся. В. вразленнхъ правое
издалъ прннто *«Наставленнхъ во ррнннженнхъ дѣ-
ровъ»*, которое те сочненнхъ для господнручнхъ Ру-
сннхъ весьма поучнтелннхъ есть. особенное по-
лезннхъ азъ взгляду на студннхъ гннхъ ваинхъ. Опо-
нчаетъ снхъ обзорннхъ саиныхъ навакннннхъ соч-
неннхъ, которнхъ Галнннхъ Рускъ снхъ гордннхъ
нонетъ, а теъ есть *«Исторнн древаннхъ Галннско-
Русскнхъ налннхъ»* составленнхъ въ П. тонахъ Г.
Зубрнннхъ, нуноуъ труднннхъ ваиогоратно на
вопрннхъ литературннхъ а прнобрѣвшаго себъ узанн-
нхъ ннснолю ученихъ общннхъ. Снхъ сочненнхъ, до
которого прнлужена есть рослованнхъ картина кн-
зевъ а царей русскнхъ Рарнннхъ рода, стлваетъ,
а поветъ бытн, шо вно а сдѣлао ваиъ ваианнхъ
учебой Баронн а ваианнхъ ваионъ, шо и нъ Гал-
нннхъ на сиднхъ бездннхъ въ ннрннхъ ушннхъ,
но трудннхъ донъ а ношь, дабы ваи русское, воуъ ва-
нннхъ небослоннхъ досель прннннхъ, возвышн-
нхъ а ваиерднннхъ носетъ ва прнннхъ воли
сннннхъ чловѣчесннхъ логоннхъ члнъ по ваиной въ-
рнъ ваиной за ваиъ ваишнхъ. Съдогаваюу
Нестору Галннскоуъ воиуъ чъ Жнвоуаннхъ благогодо-
годенннхъ а снхъ наденчоннхъ, дабы всторъ воз-
могнъ ваи, вѣдъ Галннхъ, его ваиоглнннхъ трудннхъ
дално волюваться а розказаннхъ его про слаутн-
ннхъ дѣла вродногъ ваианнхъ. Со поротеннхъ о-
чертъ литературннхъ произведеннхъ азъ нннннхъ гододо-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

*Сннхъ Коудскнхъ во Острннровскнхъ стннхъ
1056. а 1057. года — издаваннхъ Ваиислава Гал-
нн, изднннхъ ваиеннхъ ваиеннхъ. Въ Прагѣ во ч
а. доор. ваианнхъ Сннхъ Коудскнхъ Гавао 1853
(12) — стор. XII а 208.*

(Слдуеть 8. Число «Почтеннхъ Церковннхъ»)

Иллннхъ а таюже Инстнута Станроннннхъ ваиеннхъ.
Отвѣдательннхъ Роднторъъ Юанъ Гумалоскаго.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ.
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Середу два листа, по пятъ годовою въ Листовъ 4. пр. 40. пр. к. н. — съ почтовым пересылкою 6. пр. к. н. — Желающіи quarterly получать платятъ въ Листовъ 1. пр. 10. пр. 2. н. на почтахъ по 1. пр. 30. пр. к. н.

ОСЛѢПЛЕННЫЙ ВАСИЛЬКО.

Историческая *) дуна сивогна на
старинный языкъ.

Въ Звинемля городъ печаль и страхъ:
Народъ толпится на всѣхъ улицахъ,
А старымъ говорить и молодымъ:
„Ай, времена теперь въ Руси злы!“
„Съ далекахъ стравъ, съ Кіева города
На возъ Князь привезли сюда:
Ясилько Ростиславичъ, княже племя,
Не злати: мертвой оу, нль спитъ на зрѣмя?“

„Лукавый Свентополь, Давидъ нестоукъ
Его заковали въ соувъ глубокъ,
Ай, кто на соувъ такий сохнуричь оу,
Всѣ дни оу, не дни — а темныи ноца!“

А стороны — у воза тамъ стоять —
Сивимать съ Княза воинскій парадъ;
Саленя опровазвену сорочку,
Позвали молоду Попову дочку:

„На, занеси сорочку изъ натора,
Спани: для Княза, Мано, вынори!
Для Княза, для Василька съ Теребовля,
Котораго Давидъ словилъ на лоякъ.“

Сорочку дочь привнеси въ натора!
Рекла: „Для Княза, Мано вынори!“

*) Смотри Дониса Зубрицкаго „Исторіи древняго Галицкаго-Русскаго Княжества,“ Часть II, на сторони 26.

Ой, стала Понады сорочку прати,
Свотра на прова, не похотъ слезъ сдернати.

Когда выпрала и назадъ весла,
Тава утмыл и тусна была!
Когда-ль на Княза платъ надѣвала:
Яно на похоровахъ зарыдала!

И пошла ей такъ ужасно-жалій былъ,
Что Князь волонуртоваго сбудилъ;
Проснула Князь, и потрасула княжини,
И салонакъ — ахъ, провазими салонакъ!

„Гдѣ оуи? спаните нѣтъ, оу, гдѣ а — нѣтъ?“
Ену рекли: „Въ Звинемля городъ.“
„Такъ дайте нѣтъ водамъ, про нилость Бога!
Во Владимиръ далекая дорога!“

И поданной водамъ завилась оу,
И выдалъ изъ груди глубокой стоукъ;
Потокъ ену на сердцѣ легше стало,
Хотъ тѣло болестани такъ страдало!

Когда же руку протянулъ своимъ,
И оцуналъ сорочку покрумъ;
Проговорилъ со ропотомъ печали:
„Чену есте съ мене сорочку спани?“

„Добыхъ изъ провазюмъ платъ свотра прѣмъ,
И весь опровазель прѣдъ Богомъ сталъ,
И былъ салдѣтелеть прѣдъ Давиду:
Якуи сотворилъ оу нѣтъ обиду!“

„Не зрѣти нѣтъ уме ни чадъ похъ,
И на дружини, ни кривой салтыкъ,
Ни свѣта Божіа, ни Руси малей;
Нѣтъ все прѣприто тѣломъ и нилостъ!“

Въ Звенигородѣ горюхъ печаль и страхъ:
Народъ толпится на всѣхъ улицахъ;
А старшій говоритъ и молодшіи:
„Ахъ, времена товари на Русь злині!“

Богданъ А. Д.

О НАЧАТКАХЪ ПЕРВАГО ЕПИСКОП- СТВА ВЪ ГАЛИЦКО-РУССКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

(Сочин. Антон. Петрушевскаго)

(Продолженіе.)

Такимъ образомъ изъ сказаннаго можно вывести, что Ростиславичи такъ въ слѣдствіе своей политики, какъ въ интересъ обороны греческо-славянской Церкви, должны были, яко радиные государи о блазъ своей волости, по крайней мѣрѣ въ началѣ XII. вѣка, постаратися объ учрежденіи перваго русскаго Епископства, подчиненнаго Кіевской митрополіи, въ намѣстъ отечества.

е) Наконецъ о томъ имъ изъ приведенныхъ выше обстоятельствъ догадывались, о томъ новозоставившіи своиъ уверять насъ великорусскій историкъ В. Н. Татищевъ, утверждая, что въ 1156 году Перемышльская Епископія перенесена была изъ Перемышля въ городъ Галичь: следовательно первая русская Епископія въ отечества намѣстъ была основана Перемышльскіи княземъ Володаромъ, о которомъ пишетъ Длугошъ, что онъ построилъ церковь Св. Іоанна въ Перемышлѣ, гдѣ даже скончавшася былъ похороненъ. Оба упомянутые Историки, безъ сомнѣній выписали изъ книгъ те же дошедшихъ до нашихъ временъ писменныхъ памятниковъ, приведенныи ими извѣстія, которыя мы не принимаемъ. для нихъ великаго правдоподобія и согласности съ обстоятельствами времени, въ которону относятся, но никакъ никакъ никакой важной причины. На основаніи только въ §. 1-омъ доказаннаго намъ, отъсю и здѣсь перенесеніе Перемышльской Епископіи въ Галичь

въ временахъ владѣнія князя Владимірка Володаровича въ Галичь (1141 - 1152), ибо онъ избравъ себя съ 1141 года, вместо Перемышля, Галичь престольнымъ городомъ своей области. чрезъ то самое подалъ поволь Перемышльскіи Іерархатъ къ перенесенію Епископскаго престола ихъ въ новую столицу Галицкаго Княжества. И по той то причинѣ, встрѣчаетъ имъ предъ Галицкии Епископомъ Космомъ, поставленнымъ въ Епископи 1156 года еще некоего Галицкаго Епископа Алексѣя, какъ предшественника его, по всей вѣроятности современника князя Владимірка и перваго съ ряду Галицкаго Епископа: хотя отечественныи летописи не сохранили намъ ни даже именъ первыхъ Перемышльскихъ Святителей, управляющихъ русскою Церковію въ долголетнее княженіе Володара Ростиславича 54).

54) Ипат. Лѣт. стр. 80. годъ 1156 годоу, въ которону относятъ Татищевъ поставленіе Галицкаго Епископа Косма, изъясняетъ насъ о прихотъ Кіевскаго Митрополита Константина изъ Цареграда въ Русь: следовательно Галицкіи Епископъ Косма былъ поставленъ тѣмъ же Митрополитомъ, подобно какъ предшественникъ его Алексѣй возставленъ быти въ Галиціи Епископомъ Митрополитомъ Кіевскіи Климентомъ Смолятитенъ (1147-56), который возведенъ былъ на Митрополію отечественныи Іерархи, по волю В. и. Ізяслава безъ отношенія въ Константинопольскому Патриарху, и хотону не признавъ нѣтъ, а по смерти Ізяслава лишить нѣста. Митрополитъ Константинъ I (1156-59) былъ на нѣсто Климента, по желанію В. К. Юрія Долгорукаго поставленъ Патриархомъ Христовергомъ изъ Епископовъ Черниговскихъ. Описаніе Кіевскаго Собора въ Кіевской Іерархіи. Кіевъ 1823. стр. 76. — Начатки Христіанства въ городѣ Перемышлѣ, безъ всякаго сомнѣнія сдѣланы временъ Св. Меодія, высланнаго сюда въ проповѣданіе, на сю сторону Карпатъ, по нѣкому погласному князю на Василѣхъ,

Такъ разсказъ въ кратца, какъ изобразился возникло, въ политической системѣ древней Руси, наше Галицкое княжество и съ нимъ известъ и первое греческо-славенское Епископство Кіевской Іерархіи въ Галицко-русской землѣ, остается еще неизвѣстно, сколько историческія источники дозволяютъ, поговорити нечто и о Галицкихъ Святителяхъ, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ преемственности.

Перечень именъ Галицкихъ Епископовъ отъ половины XII. до конца XIII. века.

Свѣдѣнія о нашихъ Галицкихъ Святителяхъ того времени чрезвычайно скудны,

который такою противъ своей воли (нужды) былъ временнымъ. См. *Život S. Methodia wydal P. Szafarik Praha 1881. str. 7.* О древнемъ сообщеніи западныхъ Словенъ, придерживавшихся еще греческаго вѣроисповѣданія, съ нашею Русію, свидѣтельствуютъ легенды сочиненныя у западныхъ Словенъ въ то же время и перешедшія въ русскія Церковныя книги. Такъ на пр. въ русскомъ Прологѣ изъ XV вѣка, сохранилось жизнеописаніе Часкаго князя Вячеслава и бабы его Людмилы (Опис. рукоп. Румян. музеума изд. Востоковъ СПб. 1842. №. CCCXXI стр. 456, №. CCCXXXVI стр. 693). Въ Хронографѣ изъ XVII. вѣка, чтеца легенда: О Архіепископѣ Воицлавѣ что в Краковѣ. — О мученикѣ Иванѣ Королевичѣ Корвационѣ (таже №. CCCCLIX стр. 778). Въ Прологѣ XV вѣка похвощено Поученіе на Пмять Св. Ан. Марка, иже въ некоторыхъ мѣстахъ разительное сходство съ Фредингенскимъ отрывкомъ (ср. *Kopitar Glagolita Cloz. p. XLIV.* Копиена Собраніе Словен. Памят. изъ Россіи, введеніе стр. 22). Также №. CCCXXI стр. 456. и проч. Все тое указываетъ намъ на весьма раннее введеніе Христіанства въ Червоныя горы, и гдѣ санитъ и основаніе Перемишльскаго Епископства, хотя о его началѣ и Епископахъ ничего не повѣствуетъ намъ летопись.

такъ — что намъ остается представить здѣсь лишь только одинъ перечень именъ ихъ. Воизъ ихъ было у насъ до четырнадцати. Ипатіевская летопись сохранила намъ подѣ 1165 (стр. 93) 1235 и 1241 годами (стр. 175 и 180) именъ только двухъ Галицкихъ Епископовъ, т. е. Косинъ и Артемія (см. выше примѣч. 1. и 11); о прочихъ же Галицкихъ Святителяхъ узнать мы изъ исторической рукописи съ начала XVIII вѣка (см. выше примѣч.) гдѣ они всѣ съ включеніемъ Бавскаго Артемія приводятся въ слѣдующемъ преемственномъ порядкѣ:
Алексей

По Ипатіевской Летописи;

Козма { По свидѣтельству Татишева востановилъ въ Епископѣ 1156 г. упоминается еще въ 1165 г. въ Ипат. Лѣт. стр. 93.

Іона
Геронтія
Ефремъ
Іоаннъ

Антоній { Артемій приводится въ Ипат. Лѣт. подѣ 1235 и 1241 г.; востановилъ имя на томъ мѣстѣ на угадъ.
.....

Мелетій
Аввасій
Зозима
Нифонъ
Ипатій
Дорофей 55)

55). Смѣла отнесенное имя въ упомянутой истор. рукописи XVIII. вѣка на 145 страницъ подлинника гласитъ: „Anno 1558 die 2 Februarii Sigismundus Augustus dat litteras ad instantiam Georgii Alexandri Chodkiewica, ad Sylvestrum Metropolitam, ut Sergius Kimber Archimandrita Supralesensis sit liber a Synode provinciali Vilnensi ob senectutem et infirmitatem. In antiqua charta eo gradu et ordine recensentur Episcopi Vladimirienses: Joannes, Antonius, Anythi (sic), Codrius, Helias, Stephanus, Symeon, Theodorus, Laurentius, Procopius, Antonius, Asaph, Basilius, Nyscephorus.

Вотъ все, до сихъ поръ еще неизвѣстныя Галицкія Епископы изъ XII и XIII вѣка: но для чего между ними не упоминается Епископъ Артеій, выставленный иномъ

Сomas, Joannes, Philippus, Gregorius, Joannes, Demetrius, Daniel, Nicophorus, Porphyrius, Damianus, Basilus, Jona, Basilus, Genadius, Pachautius (sic), Jona, Gregorius, Theodosius, Melecius Chrestowicz, Hippolytus Pociaj, Joachimus Marochowski, Josephus Bakowiecki, Joannes, Michael Pociaj, Benedictus Glinaki, Leo Kalpaki, Leo Kiazka. Episcopi Haliceni: a taliter nomenclatur: Alexia, Comas, Jona, Gerontius, Ephrem, Joannes, Antonius, Melecius, Athanasius, Eosimas, Niphon, Ignatius, Dorothea. Там рукопись начинающаяся переводомъ полонизмъ Ностороваго Антоныя и его провозвѣстелъ, кажется имъ была составлена Леономъ Кампаномъ. Епископы Владимірскаго вѣдѣнія упоминаются Митрополитомъ (1711—28); ибо въ тотомъ мѣстѣ изъ нея (въ прилѣгъ воле 1700—4 годами) приводится слово въ Памятной книгѣ Синодальнаго Монастыря въ Львовѣ, гдѣ данъ воле 1700. г. №. 64. чтеца слѣдующаго прииска: Hinc omnia desumpta sunt actis menseibus Leonis Kiazka Metropolitae t. Kuznia. Сл. Pamitki historyczne krajowe wyd. L. Zieliński Lwow 1841 str. 91-95) Въ себѣ историческои въ видѣ літописи, отъ 1301—1718 на латинскомъ и польскомъ языкахъ, сочиненои рукописи говорится о разныхъ преставленіяхъ, казаныхъ русской Церквію, Епископовъ и Митрополитовъ въ особливо на Монастыряхъ и Архидіаконіи чину Св. Василия В.; священное сочинитель въ долготу принаказати въ мистериу духовнои господню и быти членомъ чину Св. Василия В., казанъ былъ въ своемъ дѣлѣ Децъ Епископа Протоархидіаконъ, воевода Владимірскаго Епископа, и Митрополитъ всенъ уніатскія Руса. Децъ Кампанъ написалъ кажется иномъ Галицкихъ и Владимірскаго Епископовъ имъ казаного — то древнего Синодана, с доволнѣмъ спискомъ Владимірскаго Святителя, дано до своего времени, списанъ себе самимъ казанъ послѣднимъ въ прощивостей. Во погу не измѣнати, на мѣстѣ томъ, несъ дѣловое благодареніе достопочающему Госа. А. Баласову, кинотрансманъ волево — ва-

на сторону, послѣ Епископа Антоныя трудно нима отгадати, хотя можетъ быти что онъ за свою двукратную зрелонность, по желанію Кнзя Данила Романовича, низложенъ былъ изъ своего сана. а кнз его вымѣнено изъ списка Галицкихъ Святителей. Поже въ приведенномъ выше спискѣ Галицкихъ Епископовъ, при именехъ ихъ, не выставлено годовъ правленія тихже Галицко-русскою Церковію, для того трудно имъ опредѣлти годы епископствованія послѣднихъ трехъ Епископовъ т. е. Иконоста, Игнатія и Доросея: хотя можетъ быти, что который изъ нихъ принадлежить уже къ слѣдующему XIV вѣку, о чемъ приведу въ выше номъ догадки. Впрочемъ нужно имъ въ § — 6 томъ сказать еще нѣсколько словъ, о нивнихъ Галицкихъ Святителяхъ XIII вѣка. Продолженіе слѣдуетъ.

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій приходникъ изъ Соломянки.
Повесть, кимъ самимъ написана.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

День новаго года 1848. былъ для мене днѣмъ найживнѣйшю радости; въ ономъ днѣ казалась мнѣ рамонною быти счастлива судьба моего дитяти, любимию Наталію. Около полудни вѣрхляла до мѣстъ веселья съездъ изъ Верховники и колодий Подоланинъ. Поже искренно желалъ я правдивого щестія моему дитяти. то приездъ и первымъ возраженіемъ моихъ гостей, которымъ уже яко открыли цѣль своего облюденнаго посѣщенія, были для мене душе пріятны. Наибольше же

родной библиотекѣ кнени Осселинскихъ въ Львовѣ, за друженное сообщеніе имъ списка слѣдующаго изъ описанной здѣсь кнои рукописи. По словечу програмѣ изъ сочиненія: Monumenta Poloniae Historica, будеть въ поствъ и сказанная рукопись Д. Книжи поствѣ обнародована на сл. Dziennik Warszawski №. 14. Lwow 1843—

радовало мене, що в Наталія окремала свою наклонність кь хорошему молодку и жена моя казалась по той причини дуже удоволенною.

По обѣдѣ заѣхалъ передъ докъ нашъ такожде Панъ Долинскій. Съ начала вступились я, дуная, що можеть незванный гость сей поважаеть наши земислы, но вскорѣ утихлисъ, видя Наталію въ неустанномъ и неприятнейшомъ розговорѣ съ молодкимъ Богословомъ. Въ первый разъ оказавъ она кь Пану Долинскому хладнокровною, который съ той причини казался дуже несаповитымъ. Посидѣвши не больше часа въ наметъ кружку, возставъ несовокойнимъ азъ кресла, и попрощавшись съ нами съ печальнымъ видомъ на лицу, уѣхалъ отъ насъ во своася. Я лишь того не могъ почитя, для чего былъ онъ такъ печаловъ, якъ нашъ казался, когда таки въ его то власти было черезъ изъявленіе честныхъ намереній, сей же чать отсторонити причину оной печали.

По его отъѣздѣ настала немъ наши пружия веселость, а моя жена оситлялась уже воезде изъ Верховинки називати жартобливо счастливымъ Старостомъ.

Уже въ поздній часъ вопрошались мы съ ними, и молодой Богословъ обѣщавъ прїязнати кь нимъ, пока не отъѣдетъ на Подолье, если возможно будетъ хотьбы и ежельовно, на що имъ дуже реди прстали.

И вонистину, онъ сбмелъ во слова. Черезъ двѣ недѣли заѣхалъ онъ то насъ почти ежедневно. Жаль только, що не воегда бывала Наталія такъ прїятною, якъ въ оный день нового года. Особливо же замѣчалъ я у ней великій непокой, если во время гостини молодого Богослова надъхалъ случайно Панъ Долинскій. Тогда терала она свое веселіе, ставалась хладною, иногда даже весьма печальною.

Въ такомъ расположеніи находилась она однажды по отъѣздѣ обоихъ молодыхъ людей. Уразившись спать на спанъ съ нею въ коннати, началъ я рачъ свою еладующий образокъ: „Теперь видишь, моя мила, що уваженіе твое на любовь Долинского было только обманчивымъ сономъ; отъ оставлетьте себя соперника, который ще до вѣщественного благосостоянія ніякъ не можетъ съ нимъ сровняться, хотя неми такъ знаеть Панъ Долинскій, що только отъ него то завасло, аби черезъ изъявленіе добрыхъ намереній отсторонити опасного соперника и статись твоимъ женихомъ.“

„О такъ, любимій Тито,“ отрокля она „но у него суть свои причини, для якихъ онъ еще не выступаетъ съ своимъ изъявленіемъ, безъсомнительно, тѣк причини должны быти. Слова его и прїятность взглядовъ удостоверяють мене о истинной его прїязнати. Нездогдо, надѣюсь, отарить онъ свое сердце, и доведеть вѣкъ, що мнѣ мое о немъ не было ложное.“

„Наталію, дая мое преналое!“ отвѣтилъ я ей, „въ заислмы, якини только хотали вы со изъявленіе отъ него выдобити, были даловъ вашего изъобретенія, и не можони сказати того, аби я ставалъ быть вамъ яковимъ будь и наименшимъ прїятствіемъ. Однакомъ ради того не дуная, моя мила, щобы я до всего подавалъ вамъ повошную руку и приставалъ на тсе, аби ты изъ благодарного его соперника, во угожденіе безвидной и безплодной любви, далала себѣ играшку. Определи сама такое время, въ теченіи которого желашь узнати истинное намереніе Пана Долинского; и я соглашусь на то: если однакомъ во истеченіи сего онъ выступитъ съ изъявленіемъ честныхъ заислмовъ, тогда буду успавно на тое наставити, аби юний Подоланникъ вознаграждень былъ за свою преданность.“

Честь, которую беречь и доселе акт священный сокровище, пожелавать не так поступати, и родительская любовь не погасит во нас честоты праведного человека. Дотел нечужд и; но теперь, когда чужд раз увидит преднику угрожающее тебе небесочетство, нестановилъ говорить и дѣлти. Тачь опредѣли дѣл, отречи его во огально, во сколько тебе пужитъ видити и неше тачь обвѣсти такоу Пану Доллискому, шо тогда готовъ и видати тебе за его соперника. Если онъ истинно тебе любить, ослѣдствіе его благонамѣреніе: те самъ здоровый разумъ скажетъ ему, шо есть только единое средство, котормъ онъ забовѣчи нешетъ своей утратѣ. Но и откровенно говорю тебе, нике дунай аби Доллискій шлѣтъ честнми наитрѣнн.

Она узнала правоту моего предложенія и приняла оно охотно. Она обновила свое прарочеаніе, ити за Подолянина въ томъ случаѣ, если бы утѣрилась, шо у Доллиского ити добрыхъ наитрѣнн.

Когда же съѣхались къ намъ одной неделѣ Верховиенцин гости и Панъ Доллискій, и моя жена стала говорить про веселье въ намонѣ соседствѣ; тогда спросилъ ю привелумшій намъ староста изъ Верховиенн, готова ли уже выѣрва и для Пана Наталин? Моя Тетьянина, сродушавши вопрошь, отвѣтила на тоо, шо уже готовится, и если Господь Богъ соизволитъ, будѣтъ уключена въ мѣсяцъ Май. Остроумный совѣтъ изъ Верховиенки обвѣилъ ей, шо прѣстаетъ на тоо отроченіе, разъ нежеже мѣсяцъ Май для брѣносочетанія душе прилтанн, во вторыхъ, шо нежду тачь и молодой мѣсяцъ неждѣтъ для запросити и благосочетаніе въ роднини стороненья. Моя жена была тому отъвѣту рада и просила на-вѣщѣ, аби мѣсяцъ поздравилъ своихъ отъ

роднини приходника изъ Солонянки и особливо отъ его дочери Наталин.

Разговоръ сей ведѣтъ былъ жартеблано, но не было никого нежъ нами, кто бы не поналъ его смысла. Молодой Подолянинъ и Наталин заруменались и опустили очи въ землю. Однѣтъ Панъ Доллискій казался быти дуже сумный: и отъахалъ еще передъ вечерью.

И такъ дѣло было уже хорошо рѣсочато и почти опредѣлене время къ брѣносочетанію.

По отъѣздѣ Верховиенцинхъ гостей, съ которми жена еще ближе была услоаллась, занятилъ я у моей Наталин необыкновенную тоску, котора съ тачь поръ ю почти совсѣтъ не опускала. Была то жалость за ирѣжани нечестии, и нежеже она происходила глубоко изъ сердца, то болѣлъ и я душе надъ несчастливимъ дѣвчатѣмъ. Въ оной борьбѣ неми разумомъ и пристрастію, потеряла она совсѣтъ свою природную веселость, она зведно искала удивленія; и тачь провожала цѣлми годими въ слезахъ.

Прошелъ одинъ мѣсяцъ, и Панъ Доллискій не одалалъ ничего, аби забовѣчи услоаленному брѣносочетанію. Въ другомъ мѣсяцѣ посѣщалъ онъ насъ часто, однакожъ не оказывалъ ни малѣйшихъ знаковъ живого прѣдарианія. Въ третьемъ мѣсяцѣ перервалъ онъ свои посѣщенія, въ вѣсто, шо-бы Наталин шила ямѣти, акт се ожидалъ и, аквое надъ тачь неудовольство, пребивала она всегда полчалави и задуманна, шо и толковалъ себя въ таишъ способѣ, ако бы она съ покорю судьба своей прѣдалась. Шо жена касается, я сердечно былъ доволенъ въ душе, шо дочь моя вскоре достигнетъ желанного мною для ней счастья, и похвалалъ ю часто за оную рѣшительность, съ акшо прѣдпочала ирѣбѣе, правдивое отчестіе обѣстательному шуку великого счастья

Въ концѣ мѣсяца Марта прїишла и дѣшесть известїя о политическихъ перемѣнахъ и коонецъ все въ нашихъ сторонахъ тамъшлись, то и я радовался съ ними. Особливо же восхищала насъ вѣсть о достойномъ выступленїи Русановъ во Львовѣ, которыи ниио переваги Полакоть рашительно упоминались о заведенїе своего языка не только въ меншихъ городскихъ школахъ восточной Галичани, но и въ головныхъ училищахъ во Львовѣ. Радость таа побольшалась еще, когда въ Апрѣлѣ возвратилоа изъ Львова нийий сосѣдь изъ Верховинки, который отвозилъ Степана Андруевича (се бѣ нийа знакомого ч. читательству жениха Наталїи) въ Подольскїи стороны, вступилъ былъ на нѣсколько дней до Львова, и зналъ о событїяхъ также много любопытного оповѣдана. Межи прочими рассказывалъ онъ намъ, що тамошнїи Русини возманирнли издана первую политическую временниси и то въ такомъ языкѣ, даби и сельскїй народъ могъ ю съ легкїостїю читати. Почти современно прїѣхали оттуда и острѣянниси Пана Долниского, и посѣтивши насъ сообщали известїя другого рода, которїи однакожъ вовсе непричинились къ нашей радости. Она же и Панъ Долнискїй смотрѣли за новѣйшїи события совсѣмъ съ много становнща якъ нисъ съ сосѣдомъ нашихъ изъ Верховинки. Шо въ очей ихъ выдавалось великииъ и полезннми для Польши и всего человечества, то у насъ было нногда далоиъ безрассудннми и опасннми для Руси и всей Австрїйской державн. Мы однакожъ редко аходили съ ними въ споречку, узнавали бѣ недостойннми, сварнниси о политикану съ женщннами.

Было 10 въ прекрасный день третого Мая, по рус. Мѣс. на одну недѣлю передъ условоенимъ весельемъ дочери, когда въ перѣвѣрѣзъ поїхалъ и съ женою въ прїятное

устороише подъ четыре березн; съ нами бѣли сосѣвчїи нашъ Федорїй и Аналїа. Наталїа же поїхала была вскорѣ послѣ обѣда съ обоими мальчннами для прогулки въ долину. День былъ чудесннй; свѣжо закрѣтннмъ деревья вѣвали ннлою прохладою, а птички поднебеснми, лѣтали по надъ нами то вкнше то внше, внвали соловейскнми тамнше съ свонкъ неизреченную радость въ сердца наши.

„Ахъ моя Тетянино,“ воскликнулъ я воглядая на свѣжую зелень кедонннхъ и горъ окрестннхъ, „ото Господь Богъ создалъ насъ видѣти еще весну 1848 года. весну столь прїятную для нашего народа, столь радостную для насъ снннхъ. моя Тетянино! Якъ бѣ то видѣти насъ двоикъ, сблнжающнхся къ осанней порѣ жнтія, видѣти счастливую весну жнзнн дѣтей нашихъ! Ты знаешь, якъ усердно могалъ я отъ первой встрѣчи съ любнмнми намииъ Степаномъ назвати его свонкъ зятѣмъ, и теперь, когда уже счастье тое съ каждымъ годнномъ къ намъ сблнжается, — я — не могу воздержатнся отъ радости и восхищенїя!“

Жена моя подтверждала: шо и она испытаетъ такое чувства въ свонкъ сердца, а Федорїй открылъ намъ съ таинственннми аждомъ, шо „отъ се сконпоновалъ весельную сазанку, которую ннѣта будетъ со школарннн въ день звѣчанїя молодой нарн.“

Уже и вечеръ сблнжался а прїятннй разговоръ нашъ продолжался и вознншалъ все и все больше нашу радость.

„Аналїа!“ сказалъ и къ дѣвчннѣ моей; „прннеси ннѣ одннку старого меда и кнчто же на закуску; а ты Федорїй воспой намъ которую изъ народннхъ пѣсенъ! Сколько благодарности ннннн имъ Господу Богу за тое соловей души, за адержье и узрѣнннми достатки, которыи поблагословилъ нашу роднну! Я чувствую себе счастливннми отъ

набогатшего вельможи. Онъ не знаетъ того семейнаго счастья, живутъ имъ радужно надъ облаками, онъ не зрѣтъ пружонъ себе такъ веселыя лица, яки мене окружаютъ. О такъ, Татьяна, мы стареются и съ кондимъ днѣиъ сблизкоиса къ гробу; однакожь вечеръ нашей жизни будетъ по всему вѣроятію благополучный. Мы прѣсходимъ отъ честныхъ людей, о которыхъ никто не можетъ зло говорить, и сами оставимъ по себѣ честины, здоровыя дѣти. Дождемъ тутъ живеть, будутъ они авшѣмъ вѣтахомъ и подпорю, а если поврѣстъ, передалутъ славу нашу непосредно потопиканъ. — Ну, Федорій, пойъ нева: „Одна наша Козацка да не загубаетъ!“ а и вторати тебѣ буду. — Но где такъ долго пребываетъ моя Наталья? Гей! недостаетъ намъ прасеньяго ей голосу, — шѣстъ не войдетъ намъ удачнѣ!“

Ева сказалъ а тое, надбѣиъ до насъ однѣиъ изъ нашихъ пальчиковъ, задимавшій. порестрашонный и сивозъ слези проговорилъ: „Тато, Тато! она ушла, сестра Наталья ушла — и не повернуть до изѣтъ шивомъ, шикол!“

„Яка? ушла, куда? съ кѣмъ? говорѣ дѣтнѣ!“

„О такъ, ушла прасеньяиъ позвожѣтъ въ тантой лѣсѣ; и явнѣсь паловнѣиъ намнѣчь вислѣтъ съ повоза, и подаль ей карточку; а она читала и плакала, плакала душе; потонъ цѣловала насъ и садѣиъ до повоза, жалостно говорилъ: „О а несчастливѣ, а що почнѣтъ мой бѣднѣиъ Татуно, кѣди узнѣють, що я погибла!“

„Такъ ступайте, дѣти!“ воскликнулъ и въ отчаяніи, „приведите мѣ нема сейшѣкъ. или погибайте во взѣтъ изъ немъ! съ такъ верѣтъ нѣтъ уже для насъ веселой гѣднѣиъ! Страшнѣиъ судъ Божій да постагаетъ его и воо, но есть изъ шѣтъ! Онъ покнѣ-

тилъ у мене рѣднѣе днѣиъ: выраалъ непѣчистѣе непокаяннѣе сердце, похитилъ душе, котору велъ а на пути къ небесамъ! За грѣхъ такій понараетъ его Всенгоуміи! Но чтоже? счастье наше на земли уже прѣнало! Идите дѣти въ свѣтъ за очн, будьте бѣднѣиъ и малкииъ сиротн! ахъ, бо я чувствую, що сердце мое уже роздерто!“

„Отче!“ воскликнула Авдѣя. „любннѣиъ Отче! такъ ли прѣстало намъ аврѣнати? где наша сильная душа, где мужество наше?“

„Мужество? о такъ моя дошу, да узнѣеть онъ, що есть еще у мене мужество. Федорій, звирягитъ конн! пождѣтъ, гей пождѣтъ за ннѣхъ хотѣбы на край свѣта и всю жизнь прѣслѣдовати будѣиъ нашего врага, подлого хищника, сатана!“

Жена моя, котора черезъ то время слезами заливалась, видѣиъиъ аристрастнѣе мое положеніе, ушла мене за руку и потѣшительнѣиъ голосомъ проговорила: „Куда тебѣ, старенькій соволе мой, куда гнѣиъсь за сильннѣиъ неприятели? Его досагнѣтъ Божья рука и законная власть человѣческаго суда; намъ же предприняти таковыиъ ищѣры, яки предпринати новѣзавѣтъ здоровнѣиъ розумъ. Теперь же, коли душа твоѣя взволнована страстнѣиъ, ходи до хаты и читай пакъ на усмиреніе нашего гора священное писаніе. Ахъ, горе бо наше превѣликое! недобра Наталья! такъ страшно обманула ты наши надѣиъ!“

„Вонстину, любвннѣиъ Отче!“ сказала плачущиъ Авдѣя. „горе наше превѣликое, но мы за нѣмѣто умомнѣетѣ гнѣзвонъ. Внѣсто щобнъ потѣшати икѣди нашу Мѣду, мы только унижаѣте печаль ей и сѣтованнѣе. Достойно ли вакъ и честнѣиъо вамѣну саму проклинѣти врага хотѣиъиъ икѣдуванного? Натъ, проклинѣти не лѣзи, хотѣиъиъ онъ былъ и разбѣиъшлѣиъ!“

„Да, я не проклинала, моя мила! или скажи, можешь и проклинать?“ сказал я по нога онаиктатися.

„Вы проклинали любезный Отец! два раза проклинал его ужасно!“

О, да арстить нева Господь Богъ, да пресить и ену! и не зналъ, що далагъ! И теперь вижу, моя дати, шо была те больша немъ человеческая доброта Того, который первый училъ насъ, благословити и враговъ нашихъ! Да святится имя Его за все добро, якое подвалъ, и за все тое, шо отъ насъ отвалъ. А таки правда, не малое есть то несчастье, еже выдобити можеть горячимъ слезамъ изъ очей, которы столько лать уже плакати не знали. Ахъ, мое дитя, мое любимое чадо моя выдурта, покати! О, да придетъ на тебе... Господи Боже! прости мене, шо я хотала говорить! Ты знаешь, моя мила, яка она добра была, яка лажна и всахъ насъ любашала! ажъ по сию несчастливую пору старалась она всегда лишь о тое, абмъ творить намъ радость. Кобы была умерла! га, Богъ далъ, Богъ и взялъ. Но она бажала, бажала безчестно, и слова роднимъ нашей поираченна, покалина, и мене аужно исказити теперь доли въ нинюъ святъ. Мой хлопичку, ты зрелъ еси, якъ она умала: скажи мене, можеть акий Павъ былъ при томъ случает, можеть онъ порвалъ ю насилонъ? Если сотворено ей насилонъ, — тогда она безвинна.”

„О нить, Татуинъ,“ сказалъ Владимирко, „не было никого Павъ, а только малый панить, который далъ ей карточку, говоралъ торопиво: „се посланий часть для вашего спасенья, не отагайтесь; они оме нинъ отъезжаютъ; не томъ сала Наталья въ карету, и вихровъ поехала въ лясъ.“

„Неблагодарное дитча!“ воскликнула жена моя, которая слезъ ради едва говорити могла, „тавъ намъ отплатитесь! Ужели мы когда либо творили сердку ей хоть не-

жайшее насилонъ? Безотидное дитя! безъ никакой причини покидаеть добрыхъ родичей, и кокаетъ нль прежде времени торпую погалу!“

Съ таку пареканонъ непровадилъ или лучше подала мене мене до хата, где провели мы сию ночь, первую ночь встипного нашего несчастья въ безсоннъ, горныхъ слезахъ и сатованнъ. Иногда только заговорила моя Татьяна украинталашкинъ словы, которы однакомъ не могли усмирить ни ей ни нашей жалости. Меня таку постановилъ я, сладити за нашихъ враговъ всюду. Другого дня рано съли мы погъщитись спаданонъ; но не могли таки эсти, бо недоставало намъ одного несчастливого дитяти, которое обыкновенно при столь неданало всаку намъ радость и латие. Жена моя старалась, якъ и прежде, улегшити жалость своего сердца пареканонъ. „Никола,“ воскликнула она, „да никола не осквернитъ подобно лиходошъствие свирепнну паму хату! Никола не назвою в уже моею дочерью! Лучше, да останеть у своего разиратителя, для которого вырелась родного отца и матери! Сророту уже намъ привесла, но обвинати уже насъ больше не годна!“

„Татьяно!“ сказалъ я, „какъ можеть столь жестокосердно о ней говорить? Мое негодование надъ ея преступленнъ не меньше твоего, однакомъ хата моя и мое сердце да будутъ всегда отверты для бадней повертающей кающейся грешницы. Чуть скорше возвратится она отъ своего бездородня, таку малшомъ да будетъ мене моя дочерь. На первый грахъ не безсечонъ и маллучший человекъ, коварство можеть его извести, и новость своєю предельстю снннати сго въ свои эсти; первый грахъ те дитя сердечной престоити, воз не ирочнъ те дати лукавства и беззаконнъ. О таку, несчастливую долю прикну эхотно въ мой домъ и мое сердце, хотьби она показана была

тысящами проступленіи. И буду вслушиваться въ маленькія звуки ей голоса. и съ любовію пригору въ себя ей груди, если только бати въ нихъ будетъ чувство покаянія. Гей Аналіе! подай мнѣ ной Молитвословъ. а ты Федорій. запрягай кони; поеду за нем. обойду все страны, и если не могу уже спасти ихъ отъ ераноты. то по крайней мѣрѣ избавлю отъ дальшаго граховъ."

Съ тѣми словы салъ я на бричку и велелъ вкати въ дворецъ Долгиского....

Продолженіе слѣдуетъ.

Козаки въ Царьградѣ.

(Примечаніе 1590. году.)

переводъ изъ польск. Іосифа Лавицкаго.

—♦♦♦—

(Заключеніе.)

Охотникамъ турецкіи покинувши яничаримъ ховили и сабли, а Козаки надъ головами незыримыхъ залюбили въ досы. Колебалъ ся шестъ надъ тагарохъ бодрыхъ. съ обонихъ сторонъ летѣли трубы до аналу. Множество яничаровъ пришло охотинахъ въ полночь. Чорба и Бутовичъ со своими слѣжили такому на полночь своимъ. Тривала рѣзь до вечера. Въ тоиъ мѣстодець Конашевичъ, перетѣснувшись черезъ густыи ряды турецкіи, достался даже до середины и однимъ ударомъ ролгалъ лосотъ святый дермакъ, на которомъ хоругвь Пророка вѣвала. На кавалланъ разлетѣло ся дерево, гордый верхъ похляпался, а стая Пророка умалъ на землю. На тое мѣстодець разбѣгли ся Бисурманъи, видячи болѣзненный вопль и розскочили ся въ разные стороны. Одна часть одерлась надъ свадъ ворота Бабі-Гуланъи, которыхъ двери за собою засукула, другая часть утѣкала адаль стѣнъ гонима Козаканъи, котры нить дривалу справили кузель. Кашета бисурманская свѣдѣкъ того снѣ-

теиіа, непустыиши новоды конимъ, помчалась борзо къ передѣстью Юбъа. Великій умасъ господствовалъ въ Серам. Султаны вскорѣ скликалъ раду дивана. Ладовано возм секретнищамъ, а ворота Триъ-Канудъи, до послѣдній Палеологъ загибъ, и черезъ котрую Туранъ по першій разъ до Царяграда войшли, отворилися для выхода Бисурмановъ за Босфоръ. Думный Атаманы уже не доволень былъ добычею, хотѣлъ добити Константинополя. — Повелѣлъ нушки выцѣлти на ворота, щобы въ нихъ сдѣлати щербу, а Козаканъ приказалъ ладити ся до пристушу. Кули розрушили стѣны, ворота трещали, а Козаки строилися до пристуша, коли во тоиъ увидѣли бѣлую хоругвь, котру лъ внутрь вышѣшено. Вдругъ запыжѣли нушки, ворота отворилися, довольно великое число Бисурмановъ вышѣвоши ними, свернули стопы на передѣстью Перра. Атаманы стоялъ на розвалнахъ оборонного дому, окружили его волады бодрон его дружины.

Кыгая-Бей, тотъ самъ що недавно доводалъ Сердешинцами, былъ теперь на челѣ послонъ мира, но все еще думнымъ челоиъ и смѣлымъ окомъ мѣрилъ своихъ противниковъ. Чога мадаиъ Бисурмане?" спросилъ Атаманы. Не залудилъ Турка ни грозный голосъ Атамана, ни строгіи лица вовадовъ козацкихъ, и въ тѣи слова отповѣлъ: "Козаче! Господишь ной и Самодермець, анукъ Магомета, сынъ солца, владѣтель земли и моря, Султаны Сароимъ, Али та Африки, думе розсудименный за твою дерзость и приказуе тобѣ, щобысь въ соиъ часъ его дерману спустилъ. Почитай однакоиъ и къ шенрѣгелю нуместе, называетъ тобѣ забрати вѣчеласуу добычу, а даиъ быти може, що та во своей щедротѣ еще чимъ больше одаритъ, емели собѣ заралъ неидеиъ вонъ, и его очи отъ дналъиъся на тебе освободишь, говори чого мадаиъ?" Девная рука нимо-

волью ишла за рукоятку ножа, щобы Еисурманом бесѣду на вѣки сникити, но нагадавши собі, що посоль єсть вешарушнимимъ и слятымъ, побѣдилъ свой гнѣвъ и въ тѣмъ озавакс слова: „Скажи своему Султанови, що я передъ волночюу цѣлымъ его Серай Козакани осаджу а помочюу нагайки доиѣдаюся, где сокровища свои скрять. Скажи ему, що всѣ его Мошен съ землею сронию, а вамъ всѣмъ невѣрнимъ головы постыгати розкажу. Колимъ схочетася перредонною смирити, и о ласку просити, то лишу ему его достоинство султанское, но втогда будетъ мѣть мусулъ гарачъ платити, который такій назначаю: два корцы чистого золота, пять корцовъ битого серебра, пять тысячъ сабель дамскихъ, столкомъ ячарокъ, осемъ тысячъ ятагановъ, пять возовъ палдованыхъ червонимъ атласомъ, осемъ возовъ персакъ дивановъ, два возы найкрасшихъ шалевъ кашмирскихъ, пять тысячъ багдацкихъ повозовъ, столькожъ конужохъ астраханскихъ и триста арабскихъ огеровъ для Уаранни, для Козакоевъ. Для себе же домагаю ся сивого коня съ уздою и кульбакою, такъ якъ ничѣ Султанъ на немъ ѣхаль, и шире золотую чашу (чару) высамону шафирани въ Басоры. Также дасть онь тридцать байдаковъ (лодей) до перевезенья того всего за море, зарозомъ выдасть до Башни Очаковского и Гага Переконского врикаль, щобы насть яко найближихъ союзниковъ и благодѣтелей Порты почитано. На тую ночь все щенибудъ выходитася на передѣстакъ наши занятыхъ наемити до мене и до моихъ товаришей. Заутра, акъ борю ни отдасте, того въ томъ игловенію мадаю, опустити дерману Еисурмановъ. Жду отповѣди до часа, коли солнце черезъ половицу сховае ся въ море. До пршествѣя того времени дасть прикль до престуну.“ Кигя-Бей отповѣль: „Твое маданье сповѣтъ моему вла-

стипану, его ласка и милосердіе суть великіи. На означенный часъ отповѣстася тобѣ еванки або кулики.“ Потомъ вернулъ до Серая. Атаманъ розсѣялася съ новяги Баеурмана, а его товариши оружи въ отпочику искали новихъ силъ, котрыхъ надѣялся до долгон и кривавон потребности борбы. Солнце еше не спускалося въ море, а Кигя-Бей зновъ стануль передъ Атаманомъ. Положивши руку на сердце говориль: „Атамане Козакоевъ! мой владѣтель и благодѣтель полюбиль тебе, и дасть ти все того ты мадалъ, любась лишь хотѣль надписати союзъ (быти его союзникомъ): отъ есть ферманъ султанскій, и розшилуль великій кривавимъ лѣтнимъ и знаками побогранимъ марганть. Одинъ зъ Турковъ, турманцій сосудъ наполнивъ водою поставиль его на земли, а Атаманъ вразъ съ Кигя-Беемъ, ведли татарского обычаю добухъ ножи и влюмили кончи въ воду. Кигя-Бей потому такъ дальше говориль: „Султанъ мой владѣтель и самодержецъ, присягъ на ния пророка, на гробъ его въ Мещѣ и на семое небо, не отдасть Атаманови Козакоевъ,“ тутъ шчислалъ всѣ маданни отъ Атамана вещи, „дальй присягетъ быти союзникомъ Козакоевъ; Татаранъ небѣги на Украини строго и нодь карю смерти и клане, а повелитъ жити съ Козакани акъ съ добрыми прѣтелями Порты. Атаманъ зъ своей стороны такъ вырекъ: „Во имя Бога христіанского, на страсти Святихъ и на святое Евангеліе присягамъ, що во прѣтельское онуцу дерману Музулмановъ, и ме я и Козаки на будуще съ Султаномъ и съ его подданными жити будемъ въ прѣзвизн.“ Потомъ оба вышлял свои ножи зъ воды и повкладали ихъ необертмы за носки, кондмій зъ нихъ во знакъ мира вложилъ руку на сердце, а Атаманъ рекъ: „Теперь Кигя-Бей! прѣйми отъ мене тую бланду саблю, а дай Боже, щобы ти такъ

ИЗВѢСТІЯ ЛІТЕРАТУРНЫЯ.

добрѣ служила, какъ и нынѣ на вою служила." Музуланъ на се отговорялъ: "Благодарю тебя Атаманъ, даръ отъ хроброго всегда имѣеть свою важность, пріими наизамъ отъ мене того карого конюна, есть то истинный шамдъ. Най ты носить къ побѣдѣ противъ твоихъ вороговъ, николи на противъ твоихъ истинныхъ пріятелей и дѣтей Пророка." Коня отдаю людамъ Атамана а Кигал-Бей далѣй говорилъ: "Султанъ, мой Шанъ и самодержецъ мелалбы собѣ даромъ почтети того дерзкого молодца, который нечестно съ черезъ рядъ Серденишановъ и остался стѣтъ прогрома. Сами хробрый молодче чего шадашъ: золота, стали или конюна? Кошачевичъ выступивши ибсолько ступней напередъ, такъ отговорялъ: Музулане! для тебе святыхъ есть гробъ пророка и ты хочашъ мня его, для мене же святыхъ есть Богъ и человекъ: исусъ Назарейсай! сталь намъ, золота непотребую. Въ нашихъ стѣвахъ Уаранымъ пасутъ ся сильными конюны. Хоче твой Султанъ сдѣлати даръ, котрый былъбы мене достойный и Его, то най речеде ми дати святый образъ Спасителя, передъ котрымъ давнѣйше Христіане въ поросѣ спирались а котрый нынѣ изъ одномъ зъ палатъ высолан Перты находится. Кигал-Бей попрашалъ ся съ Атаманомъ, котрый обернувшись до своихъ реалъ: "Братъ! въ Турковъ слово есть святое, ми можеть теперь безопасно собѣ погуляти, ночь есть наша, но завтра каждый съ днѣмъ да будетъ на своемъ мѣстѣ." А Кошачъ разбѣгнися по всѣмъ улицамъ восклицалъ: "Да живеть нашъ Атаманъ!" На другій дѣнь рано по цѣлоночной мушкетей возвестии ошустили Кошачъ Константинополь получивши върво нѣтъ отдаши гарачъ.

— *Остроширово Евангеліе.* Мени многими достоянныя вѣстиванки выходятъ въ парво-россійскомъ вѣдохранилищѣ въ Петроградъ для асѣтъ Словоу знаменитымъ драгоцѣности, а то вѣдстаршая изъ всѣхъ лѣшнѣ вѣдковныхъ порвоно-словенскихъ рукописей, на которой и годъ означоу: вѣтоу вѣдстаршая изъ всѣхъ на Русѣ печатаныхъ книгъ. Рукопись есть *Евангеліе*, которое въ году 1056 и 1057 въ Новгородѣ перевелъ діаконъ Григорей послѣ Остромира; она священная на верганетъ съ утѣшеніемъ начальныхъ буквъ, съ воолоочевными образками (лишетины) исправно и читательно; въ ней выходятъ таковыя избрания трехъ Евангелистовъ. Драгоцѣнный вѣстиванкъ той приваленить оному вѣку, когда на Русѣ провозидлося или даже начинало провозидатся Христіанство; онъ сохранился въ Новгородской Софійской вѣтришней перавѣ, вѣтоу былъ поворецъ царивъ Катаринъ II; въ году 1808 вердалъ его царъ Александръ вѣноу Петроградскому вѣдохранилищу, где нынѣ сохранился. Пространное описаніе и цѣлый текстъ Остроширова Евангелія съ граничитическими изъясненіями въ словарнѣ выдалъ. изъ вѣстиво, еще 1843 г. главный россійскій вѣвѣствовъ А. Г. Востоковъ. — При томъ случѣ вѣтоу пріятный долтъ довести вышнѣ ч. читателямъ, то вѣтоу Евангеліе выдалъ сего года профессоръ староросвийского языка, вѣвогласуемый г. Гавва въ Праздъ, вѣростовуныши къ тому вѣрѣчеліе въ В. словенскихъ вѣрѣчѣхъ; вѣдние тое безшошобоу, вѣрѣчно и душе лѣтѣво. *Вѣдстаршая на Русѣ печатанная книга* есть *Алостомъ* изъ 1565 г.; вѣдланетъ ей тѣмъ діаконъ Иванъ Федоровъ и Петро Финосей Мстиславскіи. Мнѣвшого года, изъ въ дѣланихъ вѣтумъ речичку вѣстиванки порвоноуца царя Николая поворѣчелъ г. Годубновъ вѣвоанитое вошѣство грешѣ на перевѣчѣтаніе, стоуль можво вѣрушрѣшенное во вѣтрури на вѣи вѣшѣрѣчелого Алостомъ, то а совершилосъ уже трудомъ профессора художества Горюностова и вѣвоушѣва Савванова съ вѣдлушнѣмъ устѣхомъ.—

(Слѣдуетъ в. Число „Поученіи Царюшнхъ“)

Видноушѣи и тѣмъ Истатуга Староросвийскаго.

Общѣствѣннѣй Рѣшѣтель Іоаннъ Гумаловичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦЬКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ.
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Надается еженедѣльно въ Середу два листа, по пятъ годовою въ Листовъ 4. зр. 40. пр. н. н. — съ почтовымъ порослѣномъ 6. зр. н. н. — Желающимъ четверторочно получить платитъ въ Листовъ 1. пр. 10. пр. н. н. въ почтахъ же 1. зр. 30. пр. н. н.

Отъ строительной Комисіи.

Продолжаячи унѣщенный въ Ч. Я Зорѣ въ 1853 списъ загальний жертвъ на дощъ широдный и другу городску Церковъ во Львовѣ оголашаются слѣдующіи воина жертвы:

1. Честный в прен. Госи. Собратоичъ Юліанъ, патехита при Гимназіи лонаникальской во Львовѣ сгошнѣ собранъ по урядѣ во Львовѣ жертмъ:
46 рс. 18 пр.

2. Честна гроица въ Навістанюс.
Свольспонъ а) Тухольна " " 7 рс. —
б) Козова " " 19 рс. 20 пр.
в) Корчнѣ " " 7 рс. 27 пр.
г) Ч. Г. Кизѣна вриход. 3 рс. —
разомъ 36 рс. 47 пр.

3. Чест. в пренод. Г. Іоанъ Недельскій, Приходникъ Тасменникій в собиратель прислалъ.
зъ Кривогулѣ 18 рс. —
зъ Гавриловичи 2 рс. 30 пр.
разомъ 20 рс. 30 пр.

4. Всеч. в Прен. Г. Ковбальскій Михайль, Навістанникъ и собиратель Калускій прислалъ,
а) зъ Нозницъ 26 рс. 40 пр.
б) - Канени 4 рс. —
в) - Мостицѣ 14 рс. 40 пр.
г) - " " 7 рс. 32 пр.

д) - Козовоць 3 рс. 40 пр.
е) - " " 4 рс. 40 пр.
ж) - Красного — 40 пр.

разомъ 60 рс. 52 пр.

5. Чест. в прен. Г. Довилоичъ Іоанъ, Савжонникъ зъ Лявова собралъ и сгошнѣ 13 рс. 40 пр.

6. Всечест. в высочовочтен. Г. Бьлещій, вавістанникъ и приходникъ Годицкій сгошнѣ зъ Велывосола 8 рс. —
Вышеники пашой 17 рс. —

разомъ 25 рс. —

7. Всеч. в Высочовр. Г. Іоанъ Ломаникій, Навістанникъ Жутованскій,
а) отъ Андрея Свободычого кан. 1 рс. —
б) отъ Игнатія Павлова сел. зъ Хашова 3 рс. —
в) отъ Теодора Петричана савжонникъ зъ Ломуванн " " " 1 рс. —

разомъ 7 рс. —

8. Всечест. в Высочовр. Г. Антоній Вашицькій, Навістанникъ Угостицкій а) зъ Нависова 18 рс. 10 пр.
б) зъ Тушпра 15 рс. —
в) зъ Уста 12 рс. 42 пр.

разомъ 45 рс. 52 пр.

9. Благород. в Достой. Г. Лавренчикъ Кшица, повненица ошансовою дриптинъ 2 рс.

10. Всечест. в Высочовр. Г. Алесей Мойсевичъ вриходникъ и Навістанникъ Залозанскій прислалъ зъ Тросцанинъ 7 рс. 30 пр.

11. Катерин. Гос. Понизимській, поссороръ пер-
твовалъ 5 рс.

12. Честнъ громада Облазими оирута Стрибко-
го 3 рс.
в Дашова 9 рс.

13. Зъ Навистинчестнъ Сапопного черезъ Блатор-
Г. Юліана Лаврооского, судій исарского въ Сан-
бора Чест. громада Синева 24 рс. 10 пр.
Карликова 7 рс. —

14. Честнмъ и пренод Г. Лезъ Лукушевчъ при
поставленіи на Приходима въ Старопитавей пер-
твовалъ 5 рс.

15. Честнъ новопоставленнъ презбитера зложн-
ла 30 рс. 10 пр.

16. Зъ Старого Ласка прислазъ чест. Лаврооскій,
ижеосмій приходникъ додатково 1 рс.

17. Честнмъ и Пренод Г. Александръ Влаци-
вовскаій, приходникъ Криволичъ в собиратель прис-
слазъ зъ Криволичъ 4 рс. 20 пр.
зъ Драгоштримъ 20 рс. 44 пр.

18. Чест. и пренод Г. Василій Заркиниій, при-
ходникъ Половооскій зложилъ зъ Половоого в Воинъ
Сутешскоій 60 рс.

19. Честнъ приходико иістечна Болшоветъ Бере-
жаньскоого оирута 17 рс.

20. Чест. и Пренод Г. Перосикий, напеланъ Дит-
тровичъ прислазъ додатково 4 рс. 20 пр.

21. Всеч. и виссоверсвод Г. Іоаннъ Коловооскій,
Навистинчъ Городеоскій прислазъ:

- а) зъ Вербоветъ 1 рс. —
- б) „ Глушкова 3 рс. 12 пр.
- в) „ Ковачиовецъ 1 рс. 20 пр.
- г) „ Чечеланин 10 рс. 20 пр.
- д) „ Чернатица 22 рс. —
- е) „ Сорочин 4 рс. 10 пр.
- ж) „ Сароветскъ 7 рс. 42 пр.
- з) „ Ясновоа 5 рс. —

разомъ 56 рс. 44 пр.

22. Всечост. и виссовер. Г. Ниволой Донушви-
оскій Навистинчъ Хаврооскій зложилъ:

- 1) зъ Оттвовичъ 7 рс. 12 пр.
- б) „ — 17 рс. —
- в) „ Городинка Кор. 12 рс. 32 пр.
- г) „ — 4 рс. 40 пр.
- д) „ Городинка пот. 6 рс. —
- е) „ — 8 рс. —

и) зъ честъ собора Навистинчоского
зъ Оттвовича 6 рс. 40 пр.

- 8. зъ Березовичъ и Малашова 15 рс. 10 пр.
- 9. Заговечинъ и Доброшлячъ . . . 5 рс. 40 пр.
- 10. Сугрова 12 рс. 20 пр.
- 11. Вербицъ 22 рс. 20 пр.
- 12. Бориничъ Дроховичъ 51 рс. —
- 13. Васичина 6 рс. 40 пр.
- 14. Поповати 3 рс. —
- 15. Русатицъ 5 рс. 20 пр.
- 16. Ходорова 6 рс. 24 пр.
- 17. Васичина и Осирсавецъ . . . 15 рс. 4 пр.

разомъ 205 рс. 2 пр.

23. Чест. и пренод Г. Флавецъ Іосавъ, приходникъ
Дулибъ и Собиратель зложилъ 30 рс.

24. Чест. и пренодод. Г. Олесивиій приходникъ
Говилова оирута Чортвооского и собиратель при-
слазъ 35 рс.

25. Честнъ собирательная конисія навистинчос-
ства Болеховского прислазъ зъ Сядова 23 рс. 44 пр.
зъ Гозієла 3 рс. 40 пр. зъ Витвичъ 3 рс. зъ Бра-
за 20 пр. разомъ 23 рс. 44 пр.

26. Ч. и пренод Г. Бонпооскій, приходникъ зложилъ
- а) зъ Лавовъ, Рудм и Яловитъ . . . 3 рс. 20 пр.
 - б) „ Половичнон 5 рс. —
 - в) „ Побуманъ 1 рс. —
 - г) „ Сиварамъ 30 рс. —

разомъ 43 рс. 20 пр.

27. Честнми Іоаннъ Скалнчъ, господарь Городин-
славичъ оирута Золоческого зложилъ собрану скла-
ну 38 рс.

28. Чест. и пренод Г. Павловичъ, приходникъ Бере-
жанъ и собиратель Навистинчоскій зложилъ зъ Бл-
шечъ 30 рс. зъ Корочатникъ 10 рс. 46 пр разомъ
40 рс. 46 пр.

29. Чест. и пренод Г. Лука Давидовчъ, приход-
никъ зъ Ракова и Надієва 55 рс. 3 пр.

Изъ того спису честнми родинца узнатиъ, яко
решителю о славу Бога и народа во всѣхъ сторо-
вахъ нашего Отчозства неустанно трудатся, дабы
собрати жертвмъ потребнми до востановленія респуб-
лического дѣла. Призывати должни, шо усилія наши во
точно Русскіи салн вспаритиъ, але шо зъ отчозств-
нъ нашомъ знаходатся нужи много роду и вѣро-
исповѣданія, котори узнатиши благое возмаштроеію
ваше, во сплахъ своенъ трудмъ наши вспарити при-
рокамъ. Межи новестни иштинаи прерокаъ чест. Госа.

Дети Швецель иеромитическiи послѣдствъ ослаби къ Короветинцахъ Бороманского округа сегогодня во 6 р. срб. пертванати.

Да будетъ тому честному мужику честь а слава во многоа лѣта.

Отъ волости предстоящей справанъ создалного дону народомъ и другой городской перани во Львовѣ дни 11 (23) марта 1833.

Михаилъ Кузьменскій
предсѣдатель.

О НАЧАТКАХЪ ПЕРВАГО ЕПИСКОП- СТВА ВЪ ГАЛИЦКО-РУССКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

(Сочин. Антон. Петрушевска)

(Продолженіе.)

2. О именихъ Галицкихъ Святителей XIII. вѣка.

Поконнымъ каноникомъ М. Гарасевичъ и В. Левницкiй приводятъ, въ своихъ сочиненiяхъ, всѣхъ Галицкихъ святителей XII и XIII вѣковъ числомъ шесть, въ слѣдующемъ порядкѣ.

Косма.

Галактионъ Митрополитъ около 1203г.
Артенiй.

Петръ Архiепископъ около 1.244 г.

Иосифъ Митрополитъ около 1.292 г.

Антонiй Митрополитъ около 1.295 г.

О Космѣ и Артенiи Галицкихъ Епископовъ, сказавъ я уже выше, объ Иосифѣ и Антонiи Галицкихъ Митрополитахъ приведу ниже извѣстiе мое, здѣсь остается нѣтъ только сказать нечто о именихъ Галицкихъ Святителяхъ т. е. Галактона Митрополитѣ и Петрѣ Архiепископѣ.

Каноникомъ М. Гарасевичъ и В. Левницкiй, говоря о Галактоновѣ, ссылаются на грамоту князя Романа Галицкаго, денную яномъ въ 1.240 году Печерскому Монастирю на землю Забудоциую 56). Но приведенная

этой грамоты, которой подлинникъ, по словамъ В. Левницкаго, находится въ Львовскомъ Архикаедральномъ архивѣ съ великою точностью. Георгiя, есть очевидно подложная; ибо въ 1240 году не было никакого Романа князя Галицкаго, кромѣ Романа Даниловича, котораго дядя Романъ Мстиславичъ, Галицкiй князь, былъ убитъ еще 1203 года, а въ 1240 году не онъ, но отецъ его Данилъ Романовичъ господствовалъ въ Галичѣ. Имена послуховъ, тоже грамоты, между которыми упоминается Галицкiй Митрополитъ Голохтионъ, суть такъ же вымышленны: неговора уже о новомъ русскомъ языкѣ сей грамоты изоблачаютъ поддѣльность, вездѣшлаго о томъ, что въ 1240 году Галицкiе Епископы не назывались еще Митрополитами.

(Продолженіе слѣдуетъ)

56) Упомянутая грамота читается въ достопамятнѣйшей сѣстраницѣ съ 1807 года въ Львовскомъ греческомъ Митрополитскомъ архивѣ системы австрийскаго булавача, которому я, случивъ съ волею моею снископъ ея, хранищаща въ Рувиндовской Музеумъ (Опис. рувин. Руликъ №. LXIX-й), вознамъ здѣсь для общаго извѣстности: Ex actis seu libris Gratiosis Consistorii Leopoldiensis raris graeco-catholici Tomo IV. pag 157. „Выписъ съ монастыря Кіевскаго року 1768. писана Марта сегодня для Ордену Его Высочайшескоимъ Говоранна Генерала анъ шею Кіевской губерніи славянской Командира и Ординаръ Благот Орла и Святаго Александра Невскаго Кавалера, Федора Митрополита Войскаго, сего Марта сегодня для въ Магистратъ Кіевскiй присланнымъ велѣно съ исполненомъ при томъ Ордену данной грамоты Кіевскоцерковной Лаврѣ отъ любимаго князя Романа Галицкаго, Кіевскаго, Владимирскаго, Луцкаго и иныхъ земель обладателя, на землѣ Забудоциую, съ людьми а пошланными въ деревняхъ, рубящими нѣтъ возмощенъ селъ Имямъ (sic) четыре человета и со всеми приходомъ, на требованіе Польско-Валашер-

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

*русскій прихотникъ изъ Соломанки.
Новость, нима самима написана.*

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Хотя мальчики мои не знали навѣрно описать налогу павича, ни повозчика, ни карету, которою уехала Наталіа, однакожь подозрѣніе мое касательно похищенія ей во пале на кого много, акъ только на нашего молодого Аздыча, который изъ такихъ предвѣртіяй уже извѣстный былъ окрестности. Для того пустился я прямою дорогою

въ его дворъ, рѣшившись упрекать его за оно лихоудѣствіаю, а если найду тамъ дочь мою, сей же часъ взяти ю съ собою до дому. На пути встрѣтился я съ однимъ изъ конхъ прихотникъ, который на мои допросы отвѣтилъ мнѣ, що повертаючи вчера вечеромъ изъ близкаго наместка видѣлъ ахмѣий скоро повозъ, въ которонъ сидѣла вѣки къ дочери моей подобна Пашаника и молодой Панъ, который во его описаніи, имѣлъ великое сходство — съ Раевичемъ. Шенешо однакожь вѣсть таа казалась мнѣ быта во удовлетворительною, для того вѣдѣлія продолжалъ я путь свою во дворъ пана Долниского, куда звахавши, я наста-валъ, хотя то еще дуже рано было, по-презнаю съ вѣкъ свинихъ говорити. Вскоръ видѣногъ оны съ отвертѣди раменами, съ ласкавими лицемъ мнѣ на встрѣчу, и когда обѣзвалъ я оную о увезовіи ноѣй дочери, оны сказалъ совершенное недоуманіе, якобы во хотѣтъ тоу вертити.

скаго и Брескаго Архіепископа Митрополита Феліціана Володковича, сдѣлать вмѣстѣ за сиреною сего Магистрата присудствующаго и за Магистратомъ асчатию видѣти, она же Кіевочерскаго Аары чрѣствіа отъ слова до слова состоить такова: Пришлии были Романъ Галицкаго, Кіевскаго, Владимірскаго, Луцкаго и нѣмцъ земель обладатели, который вѣдѣствитъ землю Зобуленцую. „Се азъ князь Романъ Галицкій, Кіевскій, Владимірскій, Луцкій и нѣмцъ земель Русскыхъ обладатель, съ землю мою Княгивенъ Анатоліаю вѣдалъ осно въ Пречистѣй Богородици, Монастырю Печерскому, во своѣмъ думашъ и родителей нашихъ, землю Зобуленцую съ людьми и съ пошлянини во деревцахъ, рубѣнцахъ четырехъ челоувѣковъ, и со вѣсти прихотникъ возъ въ предъ тѣмъ до тѣмъ земель прислужаю, а тѣмъ ядѣствъ зовѣти Архіепископа Печерскаго и во вѣстъ будущаго, а позадобое на вѣстъ, ни дѣтати вѣнѣши въ тое вѣданіе вступатися, а хтобы хотѣлъ тоа вѣданіе отъ перваго Боиной отдалати, таковыи разсудитъ съ нами предъ нѣлостивимъ Богомъ, а Пречистая сама себе оборонитъ. А азъ те послухи князь Фелоръ Ростовскій, да Митрополитъ Галицкій Голохотіовъ, да дѣлани были Волыно и Горискии и ни твордѣсть того почати номъ въ сѣну листу врылоушентъ. Писана въ Галичѣ въ лѣто 7411 (читай, 1741).“ Для того въ Магистратъ Кіевскій опредѣлено изъ вѣсто писаннаго архаіепископа вѣдѣствити

Владимірскаго и Брескаго госюдину архіепископу митрополиту Феліциану Володковичу за рукою присудствующи въ ономъ магистратѣ, а врылоушентъ обикновеной печати. Далъ сію вѣнѣши, которая вѣдала тѣ бы Императорскаго Величества врылоушентъ отчазыи Богонъ хранинаго града Кіева: Владѣ Григорей Татарскъ Бурнискій, Ваиалъ Балабуха, Писарь Яковъ Дачковскій, Раіаи Горискии Кавчичинскій (нѣсто печати); Капѣлларѣствъ Данило Савгарскій.”

В. Левицкій утверждаетъ, что нѣсто 6748 должно читати 6711 года отъ вѣданія шіра т. е. 1203 г. отъ Р. Х., и таковыи образомъ отпоситъ Галицкаго Митрополита Галатіюна къ архаіепископу князь Галицкаго Романа Мстиславича, когда оне вѣнѣши Митрополитовъ во было въ Галичѣ. Насѣи, вѣнѣши Галицкаго митрополита, Галатіюна нѣтъ даки къ вѣста-ловѣствъ номъ вѣсто свѣстѣй блвксковѣщъ Галицкихъ XII и XIII вѣсто.

„Яко вы не верите висти, о еже подлинности вы сами наилучше знаете? О не претворяйтесь! вы те, вы похититель моего датки, вы позредитель его славы! Но теперь отдайте мена, про милость Бога! отдайте дочь мою, мое житіе! Оте, стою передъ вами жалкій старикъ, отецъ убогой, несчастливой милая родины, для которой всѣмъ богатствомъ были добрая слава и благородное имя, которой аса члени жили во страху Господиенъ и въ любви съ собою, котора не вышлася въ святому коварства и удовольлася ширеинною долею въ спокойномъ своемъ уединеніи; — охъ, Пана Долинскій! отдайте мена любезную дочерь! будь она винна, будь невинна; будь покаянна, будь непорочна: — я отецъ, — и прийму дата мое тельмиъ сердцецъ, и возврату оначальной родинѣ!“

„Всечестный Отче!“ сказалъ Панъ Долинскій съ видомъ важнѣшого сочувствія, „сердечно жалю надъ вашими несчастіемъ и глубоко чувствую его уважъ и величіе; однакожъ, явлюсь Богомъ, явлюсь моею честію и всѣмъ, що дорого мена и мило: я ничего не знаю о увезеніи вашей дочери. Правда, былъ я я когда-то легкомысленный, а предиріималъ не разъ подобнимъ увезеніи, одинокомъ предиріималъ только въ такомъ случае, коли заметилъ веспорченность въ самойже дѣвчине; но тутъ, где намелъ такъ достойную родину, якъ ваша, прелодобный Отче, и такъ благородную дѣвицу, якою была панна Наталія, — о! тутъ не ималъ я сердца затрувати споной и счастье наилучшихъ родичей. Однакожъ, если хотите поварити моему слову, я открыю вамъ одно обстоятельство, о которомъ случайно узналъ отъ одного изъ слугъ моихъ, и которое можетъ извести васъ на слѣды, но коняъ вскати бы вамъ

книжно вашей Наталіи. Оте, реченный слуга, повертаа вчера вечеромъ изъ лѣса, выдалъ въ хороменъ поноза Раевича, ахашого съ нкою красною пананкою.“

Се речки зазвонилъ на слугъ, и сей часъ вошелъ одинъ изъ нихъ въ комнату. По веланію Пана Долинского сталъ онъ панъ подробно разсказывата все, що выдалъ якъ ахалъ изъ лѣса. Онъ ярававилъ еще, що понозъ похотался дорогою въ оно мѣстечко, где пребиваетъ Раевича.

Помеже находилса я въ такомъ расположеніи, въ которомъ склонизими бываеитъ въ поспѣшному дѣйствию, пожелалъ къ разважнкому намысленію, те и не прийшло мена до головы, застановитсь: не суть ли тѣмъ извѣстіи изъ нарочна поданни таковы людвни, которы поставлени мена быти въ дорожъ къ оной цѣли, абы завести мене на ложими слѣды. Къ тому же говорило на Раевича и те обстоятельство, що отъ времена нашего съ нимъ раздора, мои пальчики выдали его часто за нашия огородомъ, отъ чего заключалъ я, що можетъ не разъ сообщалса онъ съ моею Наталіен, удавалъ только прежде любовь къ Аналіи. Впрочемъ характеръ Раевича казалса мена иногда двоезначимнъ, ихино же при случавъ сварки нашей за клеветний его дѣствъ. Для того постановилъ я сейчасъ ахати въ оно мѣстечко, где пробивалъ Раевича, которого съ тахъ поръ рѣшительно уважалъ за похитителя несчастливой дочери.

Прибывши около полудня въ се мѣстечко, допиталса я сей часъ за жилищемъ Раевича. Его другъ, у которого онъ обиталъ, известилъ мена, що Раевичъ похалъ вчера по обѣда до Львова съ тѣмъ намереніемъ, абы текъ черезъ долшее время пребивати. О увезеніи моей дочери не зналъ реченный Господиенъ ничего связати, сонпалса одна-

ночь. аби Раевичъ ночь былъ чего недо-
бного допуститися. „Правда,“ говорилъ онъ
дальше. „Раевичъ любовался племению въ
одной изъ нашихъ дочерей, и эдакъ даже
после многого невпрятного приключенія въ
вашемъ домѣ, часто до Солоняника; только
я не знаю, въ какой цѣли эдакъ туда, бо
отъ высокаго извѣщенъ стался онъ сум-
ный, умилый и молчаливый, и не сзирался
ни передо мною. Одинокъ погу вась подъ
честнѣ моею уварити, що Раевичъ есть
человѣкъ сать благороднѣйшій, и не пред-
вряшалъ бы николи такового лиходействія.“

Та слова не были для мене ніякимъ
доказательствомъ; зналъ бо я, що судъ
друзей нашихъ о насъ бываеъ часто надто
сторонній, а иногда ложный. Я выталъ еше,
не знаеъ ли онъ про товершавое жилище
Раевича во Львовѣ, не къ несчастію, онъ
не извѣдывался о томъ у Раевича.

Попрашавшись съ нимъ, удался я на
респроси нежъ таинныхъ надовъ, котрымъ,
въ вѣзвѣно, перши знають говорити о
вѣдъ событіяхъ. Одинъ услужный людокъ
обещалъ завести мене къ вынудрайшему
серю, котрый, по слованъ его, все зна-
еъ, що дѣется на земли и на небесахъ
и которого слава извѣстна всему свѣту. Я
сейчасъ велѣлъ вести себе къ оному все-
вѣдущему серю, и после короткого ходу,
войшли мы въ вызенскую хату, котера ста-
рости ради уже на богу приклонилась. Въ
назешной избочцѣ уразалъ я старого еврея
съ окуларани, сидящего надъ книгани за
веселиннѣмъ столомъ. Когда водъ проводчикъ
сказалъ ому ния мое и причину моего при-
бытія, возсталъ старый еврей изъ за стола,
а отложивши окулары, сближился ко ния
съ честнымъ поклономъ. Еще николи не
зрѣлъ я такъ поважного человека; садни
волосы и борода салывали серебромъ на
лечѣ и груди, а сзвѣная брала и прѣстанный

услухъ на лѣку его свѣдчили о здоровьѣ
и внутренномъ удовольствіи. Его сановитѣ
особа была истиннымъ противорѣчѣмъ не-
честоты и убожества въ маленькой свѣтлицѣ,
въ котрой прокъ стола и несколько ста-
рыхъ кресель стоало четыре шавѣ съ са-
мыми книжками и писемани.

„Дуже мене то радуеъ,“ сказалъ по-
важный еврей, „що пою скроненькую ха-
ту посѣтилъ достойный Отець Ігнатій, при-
ходникъ изъ Солоняника, которого ученость
и глубокоумныи изслѣдованія кастельно
старословесного языка знаю я я високо
цѣнитя. Приветствую вась, благородный
Отче! ариветствую радостнымъ сердцемъ
ученого мужа, егоче слава нати будеъ
во вѣни на скрижаляхъ исторіи руско-
вѣстности!“

Я зачудовався надъ тими израженіями,
якихъ вовсе не надѣялся слышати отъ еврея,
хотьби изъ асахъ майученшого. Правда,
що мои заслуги на литературномъ поприщѣ
еще не были извѣстныи ученому свѣту, для
того казался менѣ похвалы ученого еврея
надто преувеличени; одинокъ „Значѣ-
ніа нов о старословесномъ и рус-
скомъ языкѣ“ давалъ я часто къ поро-
чезію поннѣ сосѣднѣмъ и знакомцѣмъ, и
такъ могли они достатися когда либо та-
кожъ до рукъ обчитанного еврея; къ тому
похвали тѣи льстили моему самолюбію, ко-
торое у насъ писателей бываеъ — якъ из-
вѣстно — не малое. Для того слушалъ я
съ книжнѣмъ любовитствомъ и, щобы такъ
сказати, самолюбивымъ удовольствіемъ при-
ятную бесѣду моего хвалителя.

„Великіи заслуги, яніи положили вы,
достойнѣйшій Отче!“ продолжалъ онъ свою
рѣчь повлжно, „въ области еялологіи, ста-
лають вась на ряду съ глубокоученными
еялософами, историкани и даже съ космо-
говѣстаня. Высокою степенъ заннчаеъ ея-

логія, не меньше високу исторія и фило-
софія; однакъ найвышшу изъ всѣхъ за-
нала нина космогонія или наука о проис-
зиданіи. Она заворочала головы философовъ
во всѣхъ временахъ. Яку безтолкову? снись
новѣйшій и нинѣшій о твореніи міра не про-
извела они на свѣтъ Божій! Санхуніатовъ.
Мането, Берозусъ и Оцелюсъ Ду-
квнусъ старались подирно изъяснити при-
чины, стихіи и первыетки произданія. По-
следній изъ нихъ говорить: Алархонъ
ара кий ателеутаіонъ то нинѣ, то
естъ: вселенна не нинѣт начала ни конца.
Также Мането, жившій во время Небу-
хадонъ-Ассера — Ассеръ то сврійское сло-
во, еже обыквенно яко прозваніе при-
двигается къ иноплю королей того краю, яко:
Тиглатъ — Филъ — Ассеръ. Набонъ-Ассеръ и
проч. — также Мането, якъ кажу, былъ
тогоже безрозумнаго нинѣт; бо якъ то о-
быквенно говоритъ: окъ ту бабіу
кйбернетесь, то естъ: книги не слы-
аютъ свѣтъ розумннхъ; такъ старался онъ
изслѣдити. . . однакъ извините, учениій
Отче, я забываю о чѣмъ была бесѣда. . .”

Тое забылъ онъ востану, и я не могъ
вовсе поняти, якое отношеніе нинѣт космо-
гонія съ тѣмъ предметомъ, ради котораго
прійшелъ я къ ученому еврею; нинѣ того
бесѣда ого удостоварила мене ажъ надто,
що былъ онъ человѣкомъ великой учености,
и того ради оказывалъ я ему тѣмъ больше
уваженія и доврѣя.

Не мога однакъ терати времена на
самонѣ слушанн ого бесѣды, котору и не
совсѣмъ кончалъ, перервалъ я его мнѣ-
гоглаголаніи и просилъ ажъ найскорше от-
крыти ннѣи слыди о увезанной Паталіи.

„Дочь ваша, почтеннѣйшій Отче!” от-
вѣтилъ онъ конѣ рѣшительннхъ голосомъ,
лухала съ знанннхъ ванъ Панокъ Рае-

вичеиъ, етоже хитрость и неблагопріятію
долго не могла узнати въ рада прикладѣ,
ннѣт маски добродушія и рускаго патріо-
тизма. Они поехали прино до Львова, где
дойтитисъ можете за нини на Галицской
улицѣ”

Получивши отъ него туиъ, ажъ нѣтъ
казалось, несоинтальнуиъ вѣсть, пошелъ
я ему сердечно ругу, вступивши въ ши од-
ного талара, и попрашавшисъ съ ннѣтъ чѣст-
во, пошелъ къ ожидающоу на мене Фе-
дорію. Не ннѣт однакъ при себѣ довольно
грошей, не могъ я сеѣ чѣсть оттуду пу-
китисъ въ далекую дорогу до Львова; но
ннѣтстановилъ вернутисъ еше на ночь до Со-
лонники, а съ завтрашннхъ днѣхъ, есмн
спозволитъ Господь, избратисъ въ путь за
ноиу дочерью.

„Человѣкъ думаетъ, Богъ управляетъ.”
говоритъ наша пословица; тѣмъ разокъ
Господь Богъ ннѣткше заридилъ, нежъ якъ
то я себѣ задумалъ. Выхавши бо уже подъ
вечеръ изъ вѣстечка, не уважали ны, шо
кругомъ насъ собралась черннн хвары, съ
которыхъ не задолго полнѣлся увлнннн дождь,
соудѣтствовавшій намъ ажъ до Солонники.
Около полноча захвали ны передъ нашу
хату совсѣмъ прозвѣшии и проноченннми до
нитки; вошедши въ уннлую коняту, за-
сталъ я жену в Аналію идущихъ на мене
съ кеторннннхъ. На нѣхъ роспросы не могъ
я ничего отвѣчати, былъ бо чрезннрно из-
недоженъ и зочти боленъ. Жена взорванн
на мое лице, перестрашнлася и стала смн-
нати съ мене еданье, понуждаючи мене у-
сильно докнитисъ сейчасъ въ вѣстелью. Вся
ночь провелъ я въ умасной горячцѣ, и ажъ
надъ раномъ увѣрился, шо былъ недумѣнъ
небесачею.

Два недѣли оставалъ я безъ палаты, въ
великой горячцѣ, и только иногда видалъ,
якобы сквозь густуиъ оболочку, передъ со-

бом полькоюмъ тѣмъ мѣмъ: конкъ дѣтей, сосѣда изъ Верховники в молодого Подолянина. Двоухъ лікарей пріѣзжало ко нѣмъ поперемѣнно всякій день, наконецъ ободрался моя довольно еще сильная природа, и я ставался здоровѣннѣ. Когда я опанатался, розказывала мѣмъ мѣмъ, що въ ношй дѣлбости вспоинкаль часто про несчастливую Наталію, про Развнча; во къ сокалѣннѣ никола не обявалъ того, о чѣмъ слышалъ былъ отъ усеного жнда, то есть, о пѣннѣ теперяшного пребыванія бывашнхъ. Ягъ только они отъ мене о томъ узвали, собчѣстъ похалъ колодий Подоляннѣ до Львова съ намѣреніемъ, отискати нашу дочеръ. А мѣмъ тѣмъ пріѣзжаль ко нѣмъ воцѣи ежендневно добрый сосѣдъ изъ Верховники, испоинвалъ за мене приходнческія обязанности и занимался старанно исцѣленіемъ моего здоровья. Такъ онъ, яко и вся моя родина наблюдали сію предѣосторожность, абы не вспоинати мѣмъ никола про болѣстную утрату; венусли бо колькопрятно, що таковыи вспоинанія лншь погоршала мою хвороту.

И такъ, воложеніе мое было дуже жалво: черезъ три недѣли аркованъ былъ я въ ложу болѣзни; безсоннѣ и неустанннхъ заннтіемъ около мене утоинились тѣ конкъ мене и Аналія, и особливо послѣдняя выглѣдала дуже болѣзненно: къ тому слабѣсть моя стояла довольно грошею, которнхъ тогда по причинѣ предѣлюбной выправы для Наталіи было у насъ вовсе не много. А тутъ разлѣлось сердце мое за утраченную дочерью! тутъ хотѣло бысть летѣти за мою на арлахъ птнцы. Еще некогда въ жнзнн во мѣдалъ я такъ усильно быти здоровннѣ; никогда не подлѣ такъ усердне Бога о совершеное возараніе

здоровья, якъ теперъ, въ те многоважное время, коли мене потребно было самоку ахети до Львова, и тамъ избавити днтя мое отъ совершеной погибели! Сердце мое разлѣлось изъ груди, якъ та птнчка, въ клетцѣ занортая, нисильно рвется на волю! А тутъ тѣло тяжкое, привязанное желзными оковами хвороты къ нискучавшому ложу! .. О Боже! испушаешь мене горестно; но да будетъ твоя воля!

Продолженіе слѣдуетъ.

О выборахъ въ Старороссійскіи Институтъ.

Въ день 26го Мая въ нашу в 8го Мая во лѣтнн. Мѣсяцелову т. г. собралнсь членн Заведенія Старороссійскаго избранія ради Членовъ управительныхъ на годъ 1853/4. Отвѣтнн собранныи членн во древнечу обнчнн трогрнвно торжественную пѣсню „Хригтосъ воскресъ“ нчнвалъ засѣданіе. Г. Дръ Вязновскій отчиталъ сарнвозданіе изъ ннчншого управительнаго года перехода всѣхъ вѣщамъ управленія узвалнвалъ дѣятельство Заведенія. Въ заключеніи прибавилъ съ возрнненіемъ на средства задачу, яка предстоитъ до усовершенія въ будущиихъ годѣ. По сечу приступили до выборовъ: На Севіорѣ избрано Его Благородіе Г. Іоанна Товарищнаго, на заступнннн первого Е. Бл. Г. Дря Климентя Рачанскаго, на втораго заступннннн и предстоителѣ сарнвъ заведенія Г. Дря Карла Вязновскаго, на секретара Ч. Г. Боглана Леонтовича на ннчнководителѣ Ч. Г. Іоанна Гумалеича, на пасіера Г. Георгія Стотачка, на контролзоро Г. Василія Нотоцкаго, на управителя доновѣ Г. Петра Катерношу на его заступннннн Г. Викентя Глоднннскаго, на настоятелѣ закрнстія Г. Григорія Балннскаго, на управителя ншомъ Е. Б. Г. Флѣчова Юрснча, на управителя печатнн Всеч. Г. Іоанна Голованскаго, на его заступннннн Е. Бл. Г. Антонія Павлинскаго.

(Слѣдуетъ 10. Число Почтовіи Церковннхъ).

Изданіемъ и тнпечъ Института Старороссійскаго.
Отвѣтительннй Редакторъ Іоаннъ Гумалеичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ.
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Надается еженедѣльно въ Среда для листы, во пятъ годовою въ Листовъ 4. ар. н. н. — съ почтовою поросылкою 6. ар. н. н. — Желающимъ четвертью получить влестать въ Листовъ 1. ар. 10. ар. н. н. на почтахъ же 1. ар. 30. ар. н. н.

ГОРЕ И БЛАГОДАТЬ

(Псаломъ 77.)

Господь азъ будто почиталъ,
А на земли грѣхи видалъ;
Ономъ в нечи зветалъ
И сильнѣй слабого терзалъ.
Не стало дѣл, ни правъ священныхъ,
Молчалъ обиченный законъ;
И востаналъ отъ притѣсненнхъ
Глухій, протаннхъ, таннхъ стонъ.
Якъ дымъ, прошло сіянье славы,
Сокрылась вратная любовь;
И челоуковъ родъ лукавый
Былъ видъ поваленнхъ гробовъ!
Просталися люди съ тишиною,
Вездѣ лютѣи и грустнѣи правъ,
И гадъ съ кровавою войною
На труннхъ паровалъ свой бранъ;
Станнхъ грозно свѣрнвалъ
И нрѣ чего-то опналъ...
Господь азъ будто почиталъ,
А на земли грѣхи видалъ!

Явнѣ всходитъ танъ зора?
Кто раздвоилъ небесамъ сводъ?
Помо бладытею народмъ?
Кудѣ бнхите вы, мора?
Золото солнце покрасило
И во двѣтъ своихъ лучей,
И для земли оскрѣтлой
Не стало утра, ни вочей;

И гради падантъ азъ класмъ,
Когда ихъ днждъ и бури бнхтъ,
И роздалнхъ вѣтрнхмъ гласмъ:
„Господь, Господь влестъ на судъ!“

Но Отъ прншелъ Незреченнхъ,
И только губннхмъ поразалъ!
Отъ, свѣтомъ мннхъ, во вселеннхъ
Всѣ таймъ злобмъ обнвалъ.
Но устоили грѣхъ и сила
Отъ бласна Божнхъ очесъ:
Ихъ съзла вѣчна погнла!
И новнхъ вѣкъ восталъ чудесъ!
Неправда — таннкая обнда
Была и лнднлъ в Творку:
Богъ избралъ протого Давнда,
И логъ Отъ плочу бордъ
Своѣ духъ. Своѣ блгословеннѣ, —
Престана новелтъ бѣдъ:
И снрмлося скнтное волнене;
Хвалнлнхъ нлостъ на судъ;
Не смнлъ поднестнся лукавыи,
И не страдалъ отъ сильннхъ прнннхъ.
Законъ, азъ вратная стѣна,
Облетѣ параллелнхъ грамъ;
Цѣлн споконно вертерамъ,
Лобзалнхъ нрѣ и тишина.
Господь азъ будто почиталъ,
Но на земли дѣла свѣтлнхъ;
Звучалъ тишиный в дѣмъ вѣмъ,
И всеннхъ Бога возвалъ!

О. Гамъ —

О НАЧАТКАХ ПЕРВАГО ЕПИСКОПСТВА ВЪ ГАЛИЦКО-РУССКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

(Сочин. Авт. Петрушевска)

(Продолженіе.)

Подобно же, около 1244 года, не было никакого Петра Архиепископа в Галичѣ, ни даже въ доказательство того. В. Лещинскій приведенныхъ источн. изъ сочиненій, Михаила Декіона (orbis Christianus) и Евгенія Митрополита (Словарь исает. дух. чина) встрѣчаются какіе нивенки о томъ, чтобы Петръ являлъ быти Архиепископомъ Галицкимъ (57). Что болѣе сама достовернѣйшая Владимірская летопись, нововѣствуетъ намъ, около сего времени, ничего о Галицкихъ Архиепископахъ, и вѣдь 1241 годомъ говоритъ лишь только объ Епископѣ Артеміи въ Галичѣ (Ипат. Лст. 180.) Упомянутый Петръ Архиепископъ русскій, не вѣсть быти такимъ Митрополитомъ Кіевскимъ, ибо волея Митрополита Іосифа убитаго кажутся Титовичи въ Кіевѣ 1.240 года. упоминають Платіевская летопись подл. 1.243 годомъ (стр. 181) о Митрополитѣ Кіевскомъ Кардаль, находившимся тогда при князѣ Га-

лицкомъ Даниилѣ Рокитновичѣ въ городѣ Холмѣ, который по свидѣтельству тѣхже летописи (стр. 185), въ 1250 году былъ отвращенъ княземъ Данииломъ и братомъ его Василькомъ въ Грецію, на доставленіе на Митрополитіи престолъ, и въ томъ же году, посвященъ въ Митрополиты вса Русь, приехалъ онъ въ Кіевъ. Такимъ образомъ, Архиепископъ Петръ, не былъ ни Галицкимъ, ни Кіевскимъ Митрополитомъ; ни даже Архиепископомъ въ Великомъ Новгородѣ, ибо въ 1244 г. сидѣлъ также на Архиепископскомъ столѣ Никонтъ; следовательно Архиепископъ Петръ, (сѣдѣлъ онъ историческое лице, а не пустая выдумка какъ Митрополитъ Галактионъ), долженъ быти какой то русско-кавалитическій Святитель, присланъ изъ Запада въ Русь въ интересъ своей Церкви и обряда. Въ Кіевѣ и въ другихъ русскихъ болѣешихъ городахъ, жили Нанцы, Венгер-

perius est, inquisitoribus sic respondit. Reliquias ipsoo credo falsas Madianitarum fugientium a facie Gedeonis usque ad remotissimas Subeolani et Borene plagas et sese receperunt in loco horrida et vastissimae solitudinis Error dicitur." In Catalogo Metropolitanum, qui ad me a Cl. D. Bellise transmissus est, nullus Petrus nomine circa an. 1244. Russiae Ecclesiae profuisse legitur. О томъ же Петрѣ русскомъ Архиепископѣ, вѣздѣбно названъ по словику Евгенія Митрополита (Словарь исает. дух. чина СП. 1827 Т. II. стр. 155), упоминается въ Петріи, писанной Англійскимъ Монахомъ Матеемъ Парвискиемъ, жившимъ до 1259. г. По сказанію Матее въсплѣхъ онъ никуда о Происхожденіи Татаръ, которая, вѣсть вѣстельхъ Селіи, вѣдолитѣ между рукописани въ Англіи. Митрополитъ Евгеній повѣстѣлъ вѣдѣтся Архиепископа Петра, въ своемъ историческомъ Словари о бывшихъ въ Россіи вѣстельхъ духовнаго чина, Греко-русскійской Церкви, единственно на томъ шатномъ основаніи, что сказавшій Петръ названъ А рchiepiscopus de Russia, хотя онъ могъ быти такимъ латинской Церкви Святителемъ,

37.) Вотъ что вѣстель Mich. Le Quien ordinis Fratrum Praedicatorum въ сочиненіи своемъ Oriens Christianus - Parisiis 1740. Т. I. pag. 1274. Tot illos Russiae Metropolitanos (7 с. Кіевскихъ) recensui, ex illius gentis Annalibus acceptos, in quibus tamen unum omissum oborero, cui Petrus nomen fuit. Hunc mihi suppediat excerptum, ex velleo quo auctore, quod in schedis meis reperiri, in quibus haec lego: „Anno 1244, quidam Archiepiscopus de Russia Petrus nomine, vir ut aestimari potuit honestus et fide dignus, a Tartaria exterminatus, et ab Archiepiscopatu suo, imo ab ipso effugatus ad partes se transiit in Cisalpinas, consilium et auxilium et de sua tribulatione consolationem adepturus, ut sibi dante Deo, Ecclesia Romana, et rincipium clemens serie gratia subveniret. Requirunt igitur de conventiono ipsorum Tartarorum quam ex-

цы, Поляки, Венециане. привлеченными выгодною ценою товаров и гостеприимством русскими; русскія князья, во духу веротерпимости, дозволяли имъ какъ Христіанамъ Латинской Церкви, свободно и торжественно отправляти свое богослуженіе, но запрещали имъ спорити о вѣрѣ; наконецъ заставлятъ миссіонерскія покушенія латинскаго духовенства ко вроду греческо-славянской Церкви, выгнали они неснокойныхъ пришельцевъ изъ своихъ городовъ. По свѣдѣтельству польскихъ писателей, уже вродѣ намѣстившій Батюмъ на Русь, при Кіевскомъ князѣ Владимірѣ Рюриковичѣ, князи Доминиканцы (*Fratres peregrinantes ordinis Praedicatorum*) Монастырь Св. Николая въ Кіевѣ, основанный членомъ ихъ Іоакимомъ (*Ysacius de familia Spruweni Odrowadzorum*), въ послѣдствіи уничтоженный татарскимъ нападениемъ (1240 г.) 58.) Но вопреки сему пи-

для последователей ринско-католическаго впроважденія въ Русь, и по той только причинѣ называтся Архіепископомъ Русскимъ. За такую догадку говорить и то обстоятельство, что тотъ же Петръ Архіепископъ русскій прогналъ Татарана изъ Русь *ad partes Cisalpinas, consilium et auxilium, et de contributione consolationem aderturam*, отъ куда онъ бытъ пометъ, прислать былъ на вѣстие въ русскую землю. Мѣтвіе Архіепископа Петра о происхожденіи Татаръ, совсѣмъ согласуетъ съ современными извѣстіями Русь о началѣ того варварскаго народа. Новгородская повѣсть Лаврентіи (Сп. Т. III. стр. 39.) вспоминаетъ даже основателя сего утвержденія, годъ 1224 г. вѣстеть, что Татари, во свѣдѣтельству Св. Моводія, Епископа Патарского (въ Луци), изъшли изъ пустыни Втрѣвѣнскія, суще неже восточныи и сѣверою . . . не зана Геласонъ, и поплыть всею землю отъ востока до Бората и отъ Татаръ до Польскаго моря, противъ Колонія."

58.) *Clom. Chodykiewicz Commentarius de rebus gestis in Provinciis Russiae Ordinis Praedicatorum*

иеть Длугошь (lib. VI. p. 649,) что Князь Владимір Рюриковичъ еще 1233 года выгналъ Мартина Судолірскаго. Приора Доминиканскаго храма Св. Марія въ Кіевѣ, ахотѣть съ друзьями шлохати и заветилъ имъ когда либо въ него возвратитися, оиъвася какъ говоритъ Длугошь, чтобы сѣм проповѣдники не доказали, сколь Варя греческая далека отъ истины! О незначителности ринскихъ владѣнцѣвъ въ Кіевѣ на счетъ ихъ исповѣданія, можно заключити такою же нелобкою такъ же, какъ видѣтъ изъ послѣдствія къ князю Павлу Григорію IX. въ 1234. году (Турговена. *Hist. Russiae* томъ II. N. XXXIX). Томъ утверждаетъ Львовской латинской Контулы Деканъ в Суорагилъ Фона Паравскій въ своихъ описаніи состояніи Львовской латинской Архіепископіи 1.615 год. съ правлениемъ, что упомянутыхъ латинскихъ монаховъ Павла Григорію IX. на основаніи были своей: *Cum messis multa ditte Anagnina Calend. Septem. 1234. отправилъ на проповѣдь inter infideles, quorum p.r.mi Rutheni Schismatici sunt habitii;* что между теми повѣянами находился Архіепископъ съ Епископами, которые однако не князи настоящихъ архіерейскихъ столицъ на Русь; что даже въ Галичь 1236 года былъ таковой латинскій Архіепископъ прислать туда Ринскіи Архіерейскіи и проч.

quis Bergesow 1780. p. 11. 227. 228. 230. Въ грамотѣхъ Сигизмунда III. 1614. г. Владислава IV. 1633. г. и проч. давшихъ монастырю св. Николая въ Кіевѣ, присылается основаніе того же Доминиканскаго монастыря князю Владиміру Рюриковичу. Въ правленіи того же монастыря савсаномъ съ латинскою митрополіею сѣ въ Описаніи Кіевского-оидскаго Собора с Кіев. Іерар. въ прибавленіи къ Ч. 3. стр. 15. — 29. Монахъ Іоакимъ убогнѣи предъ Татарана вѣстия княю описалъ Павлу разореніе Кіева — сѣ. Бергерона. *Traite des Tatares* — p. 27.

59.) Из хронографа Бугеяна (сокращающаго 1235. г.) узнается такожъ, что около 1236. года, князь Вратиславскій Генрихъ Бородатый, бивъ управителемъ Польши при малолетномъ Болославѣ Цалондренявцѣ, востановилъ въкоего Гергарда или

Гергарда, Аббата Опатовскаго, перваго Епископомъ Русскимъ, который по слову продолжателя Бугеяна кроника, Годислава Паски. 1.234. г. присутствовалъ при перенесеніи мощей св. Станислава въ Краковъ 60.)

Такимъ же монашескимъ странствующимъ, или титулярнымъ латинскимъ, а не греческо-словенскимъ Архидіакономъ, былъ, во всей вѣроятности, и выше приведенный русскій Архидіаконъ Петръ, котораго около 1.244. года, прогнали Татары изъ Русь.

(Продолженіе слѣдуетъ)

59.) Св. Отрывокъ изъ рукописнаго сочиненія Гоши Параскиаго въ мѣстѣ: Bibliotheca imienia Ossolia. Lwow. T. XII. r. 1844. str. 390—401.

Параскиа имѣеть между прочимъ о Доунаванцахъ на Руси, что они primi gladium schismaticam delabere vel securi catholice fidei securo. Sane cum posceremus ab illis ut sui contentus et Ecclesias antiquitatem nobis intimarent, hæcque sequitur in scripto ediderunt . . . De Episcopia Russiæ cum Archiepiscopo. Primo tempore catholice religionis in Oriente maxime in Russia per Fratres religiosos Ordinis Prædicatorum a sede Apostolica Gregorio IX. directos, semiant unus ex eis Archiepiscopus, alii vero Episcopi constituebantur, certas sedes nullas habentes id constat ex privilegio seu Bulla Iohannis XXII quæ incipit Gratiam agimus: data Avinioni Calendia Mai 1319. Habent eam Leopoldenses Dominiani, quæ magnæ facultates Archiepiscopo et Episcopis ipsorum ordinis ac sacerdotibus illorummet ordinis attribuantur. Certa sedes Archiepiscopi Russiæ fratris Bernardi de Crema Itali Halicie nominata apud eosdem Dominicanos Leopoldenses reperitur A. D. 1317 . . . Beatus Hyacinthus non tantus apud Cumanos (Ruthenis Polowczy) quantus apud Ruthenos suos effecit, ut Chioviae et Halicie monasteria sui ordinis constituerentur; Chioviae fuit tituli s. a. Virginis sito post discessum B. Hyacinthi Wladimiræ duci Chioviensi deletum, Haliciense vero post aliquot seculas Tartari combusserunt. Emisi sunt ergo zelo animarum ferventes omnibus provinciis fratres ejusdem ordinis (quos postea minores secuti sunt r. e. Фронтисманъ), dicti primum peregrinantes ac demum societas peregrinantium, propter Christum inter infidelios quorum primi Rutheni Schismatici sunt habiti, hoc autem fratres primo dixit Gregorius Nonus cum Bulla cujus titulum: „Cum messie mæta data Anagninæ“ Calendia Septem. anno pontificatus 7. Christi videlicet 1234. anno

circa 50. ante conditam Leopolum, et ante captam a Casimiro magno Poloniae rege 106.

О Фронтисманѣ утверждаетъ Параскиа, что въ сме anno 1236. die 13. Aprilis Bernardus Archiepiscopus Haliciensis . . . recepit deditque licentiam Ecclesiam aedificandi, prædicandi verbum Dei (?) . . . Изъ того сегого источника черпая такожъ Бюссинъ свои извѣстия о Доунаванцахъ, св. его изуръ: Propago D. Hyacinthi Venetia 1606. въ 22 стр. 11. вѣстѣ: S. Hyacinthus Archiepiscopus Haliciensis unus ex suis B. Bernardum, sicut et alios B. Gerardum primum Episcopum Ruthenorum ab eodem Gregorio IX. præfectum aspexit. Стр. 58. S. Hyacinthum F. Gerardum, sequitur natione Vratislaviensis Episcopum Ruthenorum consecratur, circa a 1224. Proximus huic F. Jacobus Romanus. Huic Gregorius Nonus committit auctoritatem inquirendi statum Ruthenorum circa creationem Episcopi a. 1232.

60.) Boguphali II. Episc. Poznan. Chron. v. Соприносъ Scriptores rerum Silesiæ. 1729. T. II. p. 58. „Bernicus (Bernardus) Monasterium Opatoviense, cujus Monasterii abbas et Ruthenorum Episcopus pro catholica ibi degentibus de novo fuerat creatus, ad Ecclesiam Lubucensem transtulit, omnia bona Episcopatus Russiæ, olim ad monasterium Opatoviense pertinentia incorporando Ecclesie Lubucensi prædictæ.“ Бамро или Пасекъ продолжатель хронографа Бугеяна (ibidem p. 64.) утверждаетъ, что 1234. года при по-

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ.

*русскій приходникъ изъ Соломанки.
Поэма, кимъ самимъ написанна.*

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Было то въ погодный день мѣсяца Юніа, когда въ первый разъ после ноей слабости вышелъ я на свѣзій воздухъ. Якъ же то нила была для мене таа прогулка по огорода! Грудь выхлала въ себе съ жадностію благоуханье цвѣтовъ и свѣжесть воздуха, и исполнена пріятими чувствами благодаренія Господа розширилась в трепетала отъ радости, якъ таа полувисохшая вѣточка при появленіи всевоскрешающей весны!

реиссннн ноей Св. Станислава присутствіемъ также Gothardus primus Ruvialis Episcopus ordinis Cisterciensis quondam Abbas de Opatow. Оттуда называется духовная власть Любускихъ Епископовъ на Руси, ибо они имъ титулярные русскіе Епископы приговаривали себя духовные вѣдомства на русскіе католики еще въ XIV. вѣкѣ въ отечествѣ каменъ, хотя уже Папа Александръ IV. грамотою своею писанной къ Юанну Любускому (in bullario Franciscanorum sub a. 1257), разрѣшить того же отъ должности каноническаго поштенія русскоу Епархіи его для великаго разстоянія ея. Cum Lubicensis Episcopi, antea Папа, praedecessores tui, qui fuere pro tempore in possessione spiritalis jurisdictionis super omnes Latinos existentes in Russia, et aliorum legem silentium eorumdem, fuerint a tempore cujus memoria non existit, et tu etiam in possessione adhuc existas eadem, ac propter magnam distantiam terrae, ac perfidiam dominorum ipsius, nec non malitiam habitantium in eadem non possis commode praedictam diocesis visitare . . . Такии образомъ намѣтса, что когда понашеице страстнуюице латинскіе Епископы были прогнаны изъ Руси, тогда польскіе Государя, для русскіхъ Католиковъ проживающихъ на Руси, учредили въ городѣ Овоталъ, а потомъ въ Любускѣ титулярное русское Епископство; но той таиакъ

Усадни на лавочкѣ подъ тѣнью коняристонъ зблони, покчалъ я руку сидящей при ннѣ Аналіи, котора съ любовью вральдула къ груднѣкъ лоннѣ. Якъ молодая паросѣ къ старинику побу.

„О, птичко ты моя любезная!“ сказала я прагортая ю въ себя, „ты мене одна остала; ты не изнѣчила днтинной любви, и коли находилса я въ жестокомъ горѣ, ты отговнала оно отъ мене илельничѣ твоеиъ голосона; ты усладнаошь теперь горькую чащу, котору до дна испити суждено мене судьбою! Ахъ, два красненькихъ пятачокъ выхлъ я съ своей хатѣ; одна отлетала и войннала ю недобраи люди; во друга остала зѣрна сънесу корниталю. Правда Алелешко моя, ты не изнѣчишь твоему отду; ты все при мене останешъ, и будешъ водпорю его старости и усладю его горѣ? ты мене не изнѣчишь! О, бо где у тебе было сердце къ такому дѣлу! розорвате снщонную связь, котора мене лучила съ родниною, роздери сердца отду и матеря, оставити ихъ свиротани — о! то погутъ лишь

принитъ намѣтса, Любуско - Русскіе Іерархи, издавна предъвола на Русѣ свои права, писала во одной своей грамотѣ 1383 года: „Quoniam Ecclesia Lubicensis, nobis divinitus commissa, pene olim in Russia sedem habebat cathedralam, et abinde per paganos et infideles expulsa et crudeliter proflagata ab antiquis temporibus, quasi navis in maris fluctibus seu procellis nimis diu vagans in praesentiarum de loco ad locum usque inanis, quod dolenter referimus, Succavit. Wohlbrück, Geschichte des ehemaligen Bisthums Lubus T. I, стр. 48. ср. Fisiel de Episcopatu Kijovianis Comment. p. 2. и саиуи грамоту въ Мандр 1842. г. Т. IV. кн. VIII. Мандр. стр. 46. Мандо В. Маносекаго о Любускорусскомъ Епископствѣ см. въ: Истор. верноеице. Христ. Церкви у Славянъ стр. 140 — 152. i Prilogqd naukowy. 1862. N. 15.

оказавши люди! А ты добра; ты сердечна в любима и невинна, и Ангелъ Господень стережетъ твою непорочность!»

Горачи слезы ей оросили при тахъ словахъ холодную мою руку и она отвчала ва мнѣ спроси только глубокииъ воздохомъ. Будучи самъ возмущенъ и опасаясь холоднаго продува вѣтра подъ вечеръ, пошелъ а осертый на ранени Анали до хати. Тутъ подала мнѣ жена листъ отъ Стефана Андреевича, принесенный въ сию же пору паробкомъ приходника изъ Верховники. Молодой Подоланичъ извѣщалъ мнѣ въ своемъ листѣ, що конски его во Львова была до сахъ веръ дорезинни, що довадался однакомъ о выздѣ Раевича изъ Львова до Черешинь, а для того наярзаетъ саятъ ту-дане за нинѣ нуститися.

Хотя знялъ я, що благородный колодець сѣи не пропуститъ ніякого случая, абы за утратою нести сладити; однакомъ желаніе мое эхати и самому до Львова не остигаю, лишь побольшалось о столько, о сколько крашилось мое здоровье. Въ теченіи одной недели подумалъ я, благодаря Господа, такъ зачительно, що отванился похати съ честимъ соседомъ изъ Верховники къ нашому духовному Намѣстнику, пребывавшему въ селѣ, о два миль отъ насъ отдалонцовъ. Сему достойному Отцу объявлялъ я мое мнѣреніе эхати похетъ и на должное время за своимъ несчастливомъ дочерью, и просилъ его, щоби соизволилъ черезъ все время моего отсутствія заступити мое мѣсто въ Соломняцъ честному Отцу изъ Верховники Учтивый Намѣстникъ согласился вскоре съ похитъ предложеніемъ и сожалѣлъ сердечно, надъ похитъ похастіемъ.

Поворнувши изъ того путешествія до дому, я почувствовалъ въ сѣбѣ найше сохасъ прѣвое здоровье, и поставилъ ра-

ди того путь свою съ завтрашнихъ дней распочнати.

Собравши сколько можно было своихъ грошей и эвзявши несколько въ займи у соседа изъ Верховники, нустился я на другій день — во имя Бога! — въ сию печальну путь, — ахъ тотъ добрый пастыръ въ священниотъ писаніи, который страивозвалъ во всѣхъ окрестностяхъ за потераннимъ агнецомъ. Мой Федорій заталъ кони — и въ полъ години уже не зрѣлъ а Соломняки!

На первую ночь завхали мнѣ до одного не большого вестетка. Домъ, въ которомъ на ночлагъ останавливался, былъ камении и во внутри довольно опрятный. Едва розгостился а въ поей азбочцѣ, вошелъ ко мнѣ пскій Господниъ съ долгиши чернишии волосаши и густою бородою, и поздравилъ мене — вместо Слава Богу! или Добрый вечеръ! — словиши: «Здравствуй обывателю Брате!» Не зияи акъ иа таково новолонное поздравленіе отвтати, и желая къ тому въ поей положеніи скоря похистити новизинного гостя, отрѣкъ а ему недоброхотною пословицею: «Брать, себя радъ!»

Но онъ иаъ бы не уважалъ на терпкость моего возраженія, приступилъ ко мнѣ ближе, похилъ мене за руку и сказалъ съ такою радостію: «Обывателю! подобился еси мнѣ — и въ твоиъ лицу вижу щось таково, що говорить ко мнѣ: съ тахъ чедовькомъ похити провести вечеръ пріятно! Сяди обывателю! буденъ бесѣдовати; похетъ хетъ у тебе найду еще здоровый рзунъ!»

Послѣ тахъ словъ подалъ онъ мнѣ кресло, а самъ эзши на другое, вынулъ изъ за педръ цѣлу куну газетъ, и разложивши ихъ на столѣ, спросилъ съ видонъ негодованія: «Читали вы посладнее число.....?»

Я признался ему, що отъ давнихъ лѣтъ не читаю почти нікакихъ газетъ, а про....

.. не знаю даже, существуют ли они и где существуют.

„Яко?“ сказал онъ съ удивленіемъ, „вы отъ давнихъ лѣтъ не читаете вовсе газетъ? ха! вы первый человекъ того рода, который знаетъ свой разумъ. А я скажу вамъ все откровенно; и читаю все газеты, акія только въ свѣтъ выходятъ. — и много знаю. — много знаю. Однакожъ, я молчу. Я сохраню свое знаніе для себя. Я могъ бы многое далеко лучше написать. Кобы я былъ Редакторомъ... но я молчу.“

Уже первый тѣн слова его не нравились мнѣ того ради. помоше находилъ я въ нихъ противорачіе; онъ говорилъ сперва, що скажетъ мнѣ все откровенно (чего я и вѣдати не желалъ), а потомъ твердилъ все свое: я молчу.

„Я молчу.“ говорилъ онъ дальше, „но кобы я былъ советникомъ, кобы былъ генераломъ, все шло бы иначе. Я никого знаю; но я молчу.“

Въ такомъ смысле продолжалъ онъ свою рачъ больше полъ часа, представляя мнѣ безустынно, шо кобы онъ былъ такъ я омыкъ, все бы на свѣтъ шло никакшо. Къ тому говорилъ онъ еще такімъ дурачества, шо не стоитъ труда ихъ тутъ, перодъ тобою, добрый читателю, повтарати. Но я узналъ даъ того, шо былъ се одинъ изъ тѣхъ несопокоенцевъ, которы ничѣмъ въ свѣтъ не удоволени и которы кажется, шо они все разумнишо и лучше бы длади, якъ то во ниръ по Божіей воли дается. Мнѣ того не презиралъ я его обществомъ, хотя въ прочемъ не совсанъ былъ ни въ таконимъ розгноранъ расположений; но я думалъ, шо вотъ, якъ ибудъ возногу его отвести отъ того неудовольствія и заблудженія. Его душа была хворя, а я, яко духовный лекаръ чувствовалъ въ себя обязанность, водати ей на сю хворя

роту яково лекарство. Давши ему до воли изговоритися, употребилъ я короткотрезвае молчаніе его во свою пользу и сказалъ спокойно: „Вы, честный господине, желаете на разъ надто много, вы бы хотѣли бити и редакторомъ, и советникомъ, и генераломъ, и Богъ знаетъ еще: какія достойниковъ. Абы изъ тѣхъ которыкъ ни будъ бити, нужно икати великіи знанія; правда, вы читаете все газеты — и, якъ сказали, знаете много! однакожъ хотѣлъ бы и я знати — если то угодно вамъ — одно обстоятельство, шенно: акія школы окончилъ вы?“

„Я не ходилъ до школы; но я много знаю.“ отрекъ онъ. „кобы я былъ профессоромъ, много училъ бы далеко лучше. Но я сохраню свои знанія для себя. Я молчу.“

„Абы бити профессоромъ“ сказалъ я, „не можно молчати, а нужно говорити много и мудро. На профессора поставитъ такового, который больше знаетъ, икъ то, шо написано въ газетахъ. Газеты соучаютъ много, однакожъ недоученикому не подладуть совершенного знанія. Къ тому нужны школы, где всякая наука преподаетъ и особенно, пространно и полно.“

„Я больше знаю.“ говорилъ онъ, „икъ все школы, икъ все науки. Но у мене свобода найважнѣше дало: у мене можетъ бити советникомъ, профессоромъ каждый, кто до того знаетъ охоты. Я сказалъ все откровенно. Я никого знаю, но я молчу.“

„Охоты!“ воскликнулъ я, „а ктеби не зналъ охоту бити сикимъ достойникомъ, или такимъ, когда съ тѣмъ получени суть различные выгоды и приходы! И кобы всакому данъ была свобода, абы марекся тѣхъ, чѣмъ бити самъ хочеть, тогда было бы у насъ больше редакторовъ, профессоровъ, советниковъ и прочихъ достойниковъ, нежели читателей, учениковъ, исполнителей

руко- и земледельцев. Тогда стали бы все только расиравляти, соватовати; а никто не хотѣлъ бы совѣты и законы другихъ новеллати в работати руцями. О, сохрани Господи отъ такой свободы, которая не уважаетъ ни знанія и заслуги, ни на саму охоту.

„Ха, теперь починаю, куда все тое спираеть!“ сказалъ бородатый гость съ негодованіемъ. „вы неприятель люду, защитникъ тиранства, сторожъ неволи, воровъ свободы!“

„О нѣтъ, мой Пане!“ отрекъ я рѣшительнымъ голосомъ. „я за свободу, однакожь только за такую, которая согласна съ нашимъ разумомъ, и которую самъ Богъ далъ всякому человеку; и не за такую, которая совозвѣсть всякому дѣлати, що лишь ему се хочетъ; то свобода, для которой нѣтъ ничего святого. Нѣтъ ніякого закона, ни Божого, ни Монаршого; такая свобода желаетъ совершеннаго равенства, которое не было и не будетъ въ природѣ, ни во человѣкахъ! Правда, все люди яко дѣти одного Небеснаго Отца, передъ Нимъ равни! но нежь собою оставятъ они въ различныхъ отношеніяхъ и такъ: родивъ заведемо отъ отца и матеря, слуга отъ своего повелителя, громада отъ войта, начальнига или старости, область отъ князя или кня, а все держава отъ Монарха. Такія отношенія основаны съ Выше. И для того стому тавомъ за Монархією, и за Монархією пошертовалъ бы житіе. Если бо есть нечто нежь людий священное; то есть нѣтъ тавоже Понизаннѣ Божій, Владетель природы; и некое клеветанье противъ мудрнѣ Бже законанъ или уменьшеніе его власти да поитъ и во царя, есть оскорбленіе съ свободы его и его подданныхъ. Пустьни слова: „вольность, ровность, братерство“ наддѣляли убо донольно зла, и нужно подѣлять, що правни сими и покровитель сво-

боды будутъ старатися, занобачитъ дальшиъ того зла наслідствѣ. Зналъ я уже въ низки ноєй такъ зовимыхъ защитниковъ людовой свободы много; но не помню ни одного изъ нихъ, который не былъ бы во сердци своемъ и въ своей хатѣ — тиранкомъ!“

Я сказалъ уже больше, нѣтъ якъ бы то въ тогдашнихъ вреченяхъ передъ такими чловѣкомъ сказати было можно, и моя откровенность и жготорачивость повлекла бы была мене похетъ еще дальше; кобы бородатый гость мой не былъ съ грозимымъ видонъ восталъ изъ кресла и съ яростнымъ гизвомъ не воскликнулъ ко мнѣ: „Яко? тожь цѣлымъ вечеръ провелъ я съ подлымъ рабомъ тиранства? Я не зналъ, що подъ духовную одежью найду самого волка! Прочь съ моей хаты! сейчасъ вынеси на чотыре ватри! ты и не дунай, що говоришь съ Пановъ того дома, съ самымъ господаремъ той гостиници!“

Хотя уже поздно было въ вечеръ, и тавою вигнаніе было весьма несправедливо; однакожь, не наваряла сваритися и противитися, постановилъ я сейчасъ уступити изъ хаты беззаконнаго. Взявши за шапку, пошелъ я въ дверниъ, щобъ позвати Фодорія. Но едва отворилъ двери, услышалъ я изъ сапей повелительный голосъ: „Гей, Кельнеръ! ходи сюда!“ Мой бородатый гость выскочилъ одиниъ прыжкомъ изъ ноєй избочки, и подбѣгши къ саповитому Пану, который кликалъ Кельнера, спросилъ съ унылностью: „Що прикажете, Ясний Пане?“

Почувши теперь що чловѣкъ, которому я такъ честно откыривалъ свое мнѣніе, и который со мною за то такъ недостойно хотѣлъ поуступити, былъ только кельнеромъ оной гостиници; занеръ я на ключъ свои двери, и поволюсь Богу уложился спати.

На другій день раненько амахалъ я спокоено изъ той гостиници, въ которой

и кельнеры такъ много знаютъ! Когда подъ бричка выскочила за брану, и ни рушала уже изъ вѣстца, выбагъ бородавый кельнеръ передъ гостиницу, и уставившись въ грозной поставѣ, кивалъ за нами вѣсткомъ. Я обернулся лицомъ въ него, — перекрестилъ его святыми знаменіемъ креста!

Черезъ всю дальшую путь не впускался я уже съ инквизитъ въ таковыя разговоры, оивелся, чтобы где нибудь вѣсто съ кельнеромъ не повстрѣился на бѣду съ самимъ господаремъ, который могъ бы въ такомъ случаѣ и о полночи выкинуть мене изъ гостиницы. Съ тахъ поръ говорилъ я съ людьми лишь о столько, о сколько нужно мнѣ было, абы взвѣдаться дамо отъ нихъ о моей утраченной дочери. Но горѣ! четвертого дня отъ моего выезда изъ Селонники былъ я уже недалеко Львова, и однакоже не узналъ ничего о моей Наталіи!

Продолженіе слѣдуетъ.

ПАДЕНІЕ ЦАРЯГРАДА.

(Вѣдла М. Вишневскаго.)

Надобила уже хыля для державы римскои послѣдніи; Турки що разъ ближе къ престольному мѣсту носували ся. Мурадъ упокоилъ ся въ гробѣ и отказалъ панованье молодому Магмудомъ II, который безсильной державѣ замыслилъ сробити копецъ. Всеу наумуденный тинь Цсарь бизантійскій небо и землю просѣбави побудити силуеть ся, до всѣхъ дворовъ пословъ носылае, до цорави римскои тулитъ ся, легата панского съ почтениемъ принимае, службы боимон латинскои въ цоравѣ святой Софійи слушае, дамо на доицѣ Домини Венеццлого менитись хотѣлъ. Ни писмо Філафа де Карола VII, ни долгая бесѣда Клеана Суальи не могла возобновити Круциаты, хотъ Ныици людей военныхъ по-

достатоку нѣгли; христіанство смотрало съ презрительнымъ хладнокровіемъ на близкое паденіе Константинополъ; а коли во дванадцатомъ вѣцѣ простый мустельникъ флами народомъ до Палестини провадилъ, теперь воззаваніе Пиа II. сыномъ во Европѣ якъ голосъ волгяющаго въ пустыни. Наврѣтнѣя трго, видѣно аа, послове Гуида Туркомъ, престольного мѣста Константинопола добивающихся, нуры разбивати учам. Во одной лини зависти Султана Египетскогъ еще Греки наушь надѣю волгати могли. Тинь часомъ занадлѣи корамъ безпреставиую мени собою вели войну. Пана отвернули ся фалшивостію Грекомъ тахъ увертостію. Мени державани, котрымъ могли бы были допомогати престольному мѣсту бизантійскому, едни были занадто слабыи, другіи за надто отдаленными, декотрымъ безави надеи нѣгли за смысленну (просу), инымъ надеи за неубижимое. Были и такіи, котрымъ розумѣан, не Магмудъ во добие аа бытъко его и дѣдъ, отъ обседини отстунитъ.

Николай V. надеи Константинополъ предсазучи сталъ мысанти о оборонѣ Царяграда; но флота панская во два дни во азятью того престольного мѣста закинулъ акоръ въ Негропонтъ; дамо деспотове веловоноселии Деметрій и Фома, стеремени воншани Магмуда, не дали мадион вончи.

Генуенскій гарнизонъ въ Галатѣ заключилъ особный договоръ съ султаномъ и тѣшилъ ся надѣеъ, же надеи цѣсарского города мирно вереміе; множество ѣ народа и колька зановъ овустили панохавно мѣсто во послѣднемъ небавечности; богачи скрывали хѣзбы для Туркомъ сокровища; за котрымъ бы вешалее вошло найнитися дало.

Цсарь Константиинъ въ надеждѣ вончениа момочи, высылалъ былъ пословъ до

Гину, съ обѣтомъ соединенія царямъ греческою съ западною; принимавъ надъ собою власть Папы и просилъ о присланіи летата. Не шесть тому мѣсяцевъ передъ вѣстїемъ Царяграда высылать табу Папа Кордиалла во дружинѣ славянинаковъ и воинствъ. Цесарь принялъ его, какъ своего прїятеля и отца, слушалъ съ благоговѣніемъ его промовѣдїи, и вразѣ съ многими вѣдѣвшихъ славянинаковъ и пановъ греческихъ подписалъ Унию, ktoromъ условїя были на соборѣ Флорентескѣмъ какоюто уловещицъ. Въ Декемврїю Греки и Латинцики собрали ся въ Церквѣ Святомъ Софїи для великаго набавешества, а при илелбетвїяхъ (ектенияхъ), воспоминаемо Папу римского и патриарха Григорїя, котораго былъ народъ сволочавый выгналъ. Въ томъ времени Цесарь Константинъ сиверидишнїи и овушенишнїи своими, убогїи страшикомъ воровгому своему чело ставити рѣшилъ ся. Илѣль тотъ нечеставый полархъ до того отавиное сердце, не силы за слабыи. Съ верою заравъ весною передѣвалъ страши турредава овладѣла всѣми на ооло денацики илѣсточаши и селави. Турки для поддѣлѣхъ ся благосалонни, за всякое сопротавление ся огневъ и чечевъ итали ся, але за прїшеставїемъ Магнуда уме все предъ илѣль сиврилось. На самый передъ о пять илѣль передъ Константинопольмъ заставовилъ ся, потому на чело войска въ строю боевою не доступилъ подъ нуру, а одружини хартуговъ передъ воротави святого Романа, два 6 Аврїа роспачалъ паметную въ исторїи осаду Константинопола. Каровейскїи и сїавическїи войска до двохъ сотъ тысячей числѣви, ростигали ся надъ Пронотидаю отъ правой до лѣвой. Ялчаровъ же стояли на чело передъ шатромъ Магнуда. Глубокий ровъ оарумалъ войско, а особенное оидѣше створело передѣлѣта Гелата и илѣль-

шовало подѣлѣви Гонуенчиловъ поддѣлѣности. Кромѣ того илѣль Турки триста пореклавательныхъ судїи на Пронотида, по лѣ инхъ лише 18. кораблей воинныхъ. Царяградъ былъ лѣ двохъ сторовъ оарумешъ пореицъ и непериступимъ; трета ударилена была нуромъ согубимъ и ровомъ на илѣль до сѣ лодотъ глубинамъ а на илѣль долгимъ, выломенимъ камѣнии. Гес илѣль илѣль еше сто тысячъ илѣль, сломеныхъ лѣ ренесльниковъ, Слѣчениковъ, Калюгердовъ (Чернїцѣвъ), невѣсть и лѣдой не илѣльицихъ и столько шо невѣсты отавга. Заведѣи пять тысячъ до орумїа способныхъ снайшло ся, тихъ аспомогалъ трохътысячїи полкъ чумостраниныхъ уме (съ горы) напередъ заилчавенихъ, илѣльише Венецианъ и Гонуенчиловъ подъ начальствомъ Іава Дмдѣтишнїи рыцари гонуенскаго, славного побѣдѣи на море, котору островъ Лесбосъ въ нагороду Граминомъ золотомъ забавелечено.

Входъ до приставица замкнено огроминымъ лѣльцухомъ, при которъ поставлено на сторови долька кораблей воинныхъ и судна купеческїи векецїи; апрочемъ упосреблено до обороты приставица всѣхъ тудѣ хрїстїанскїихъ, котри были лѣ черного моря и Кандїи прїлчави. Престолнїи градъ ооло пять илѣль вокругъ илѣльицихъ, противъ цїави ватаги Магочеда лише ооло девяти тысячъ лѣльи поставити могъ. Турки илѣль передъ собою отаверту Карону и Азию, у Грековъ и силы и илѣльи сѣ кождымъ днѣмъ сивеншави ся, а на помощь мадионъ шебыло илѣль надежды, кромѣ пяти кораблей, котри въ очехъ Магнуда, перѣбави ся черелъ флоту турацкую, видѣши до приставица.

Цесарь уредѣиши всѣ сторови на шебезициныхъ илѣльцахъ, шейшавъ боронити нуру илѣльиного. Въ илѣльи днѣхъ осадѣи воинѣ славни въ ровъ обо на поля, а

стрѣбованнн сн съ Турками забрали сердца; но Турки числомъ перонагали, для Грековъ утрата въ людехъ была невынагородна; давши тому нумства доказательства, отъ теперь лишь съ мурозъ стрѣляли (громи пускали.) Зъ посередѣ клубовъ дыму, трѣсла и огня ручное оружїа, густо лѣтающїи дроты и стрѣлы безпрестанно Турковъ поражали. Долгїи пушки выкадали кулъ великости оръхя, котрыни цѣлами радн воиномъ на землю стелено.

Незавоажь теперь Турки вкопавши сн въ землю по за руннами до мурозъ стали сблнматнся. Греки жо день большон прїобрѣтали вправы, но занасы пороху сменяшались. Малое число нумовъ малого рожїфу немного дѣлало пользы, а сколько большнхъ не выточано на муры зъ боажн, щобы сн незавалили. Противнѣ Турки видн о слабости мурозъ, заточили около ста пушокъ а немнн одну велику, зъ котрой лишь сѣмъ разъ на день стрѣляно. Зъ початку амстрѣламъ турецкїи больше гуку и дыму сотворяли немелн шканды, но полнїише Христїане, послаи Гупїада научили Турковъ цѣлѣти, сблнмнли сн теперь на самъ край рова и въ сей часъ стали го засыпovati кїающн множество фашннъ, бочокъ и клецѣвъ. Среди носнїшности, кто влетѣлъ въ ровъ, въ мгновенїю ока былъ засыпанъ на шѣкн. Ино жо Турки въ день съ наибольшнмъ трудомъ середѣ кєрванной борбы засыпали, тоє Греки въ ночи свратали и посовали. Не лишь зъ пушокъ середѣ дыму, гуку и огня кулъ пуцано, зъ нахннъ обыкновенїемъ дрєвннхъ Римлянъ сбудованнхъ кїадно камнїе и стрѣляли; при поросѣ недавно изобрѣтєннмъ употреблано и огня греческого. Тутъ огромна вєма дєревлїа точнт сн на колаахъ, трикратнє скорою (конею) волокою покрывѣ заступало тотъ нагажннъ стрѣлъ и фа-

шннъ, секреты люди стрѣляютъ дѣрвнн, а воины и решєслнннкн выбгають и крають сн трєна воротанн, обо сроблєнннмн внутри сходанн влнзи на гору, свускають огроннгу дєрвнну, котєра шєлннннн гаканн за муру зачнвно сн, но той влнзы не нестѣ впадаютъ Турки на Грековъ и обѣручь сн нннн борють сн. Уме вєма сн. Романа розвалилась, черєзъ проложѣ тнснутъ сн Турки, а Греки дѣйствиєно ихъ отбнсають, ночь нумствоєннмъ радѣлїа. Тнмъ часомъ Цєсарь и Днмстїанїнї не отдаляютьсн нн на халдєєвоє отдохнїє, цѣлу ночь переблнли на мурєхъ, прнснѣжнєнчє работн, отъ котрыхъ заломала дєлє Рєлїгїн и нѣста. На другїй дєнь Магнудъ въ злости и съ замудованїемъ узрѣлъ вєму дєрєвлїану спалєну, ровъ очнщєнннй и вєму сн. Романа отбудовану на ново. Такъ неспєдѣвана тєрдоєтє Грековъ уме ну отнннала охєту. Казано дннє нежнїише, жо уме ннєслнъ отстувннн, колнбы го былъ не отєсѣ другїй Вєзирь зъ завнєстн ко Кєлїл-Пашѣ, которнй тєглє сѣ двєронъ бнзантїєскнхъ въ порозумнннє оставалъ. Тотъ честолєбнвнй чєловѣкъ удєрнмовалъ, не нєвозможнє будє омадѣтн нѣстєлѣ: не вдєрнннн на муры отъ прнстаннща разєлѣ и отъ тєрдїк; тамє Турки не могли вдєртн сн дє прнстаннща, бо за огроннмъ ланцухомъ стєлєло вєсєлѣ велнкнхъ кораблєй и двєдцѣтє нєншннхъ, крємъ велнкого чнсла галєрїє и суднѣ. Турки неужнїючн прєрвати ланцуха, болан сн щобы грєтєскнн кораблн на ннхъ не нагнали, и другїй разъ срєшатн сн на морн ннѣ не прїїшло. Въ тємнхъ затруднтельннхъ обєстєннєлїахъ прєдпрнмалъ Магнудъ зъ Бєфору прєрєлєчн тєрдоєтє лєгннн судна своє и занасы нєтрѣбє воєнннмъ.

Отдалєнїє берєговъ Бєсфору до каньцн прнстаннща въ нѣстѣн, до ннїглубнє

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ.
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Средахъ два листа, по пятъ годовою въ Январѣ 4. зр. 40. пр. в. и. — съ почтовою поребкою 6. зр. в. и. — Желающимъ четвертью получати платити въ Январѣ 1. зр. 10. пр. в. и. на почтахъ же 1. зр. 30. пр. в. и.

ВЪ НЕВѢРНОЙ.

По ширѣ бурливонъ взмывать мой челнокъ,
Метаетъ вихрани опаснѣ;
Ты знаешь, что прѣбій мой такъ жестоуъ,
А лучшеи несе такъ ужасно!

Ахъ, сердце твою извильноу такъ
Якъ втеръ осенний, игрмай;
Летать то такъ то свая, ино ятъкъ
Якъ котыль легоний, порхавоий.

Я вяркъ твоимъ главанъ и любилъ
Тебе якъ сестричку родную,
И вотъ — хотя вихоръ бумуеъ что свая,
Тебе я и вына люблю!

Но, жалью, ты знаешь, что мой челнокъ
Метаетъ вихрани опаснѣ;
Ты знаешь, что прѣбій мой столько жестоуъ,
А лучшеи несе такъ ужасно!

Богданъ А. А.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО- ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИСШЕСТВІИ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII- ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

(Сочин. Антон. Погрумовича)

(Продолженіе.)

Мы видали уже выше, что Галицкое княжество было собственникъ владѣнїемъ Ро-

стиславичою, и потому не входило въ общую родовую собственность прочаго потомства Прослава Іго. Отчествои нине, отдаленное отъ остальной Руси, и притыкающее съ юга и запада къ чуждымъ Государствамъ, въ которыхъ господствовали совершенно иныи порядокъ вещи, должно было, съ самаго начала, имѣти особую исторїю, и не могло не подпасти чуждому вліанїю Сенья Ростиславичою, оглучившись отъ рода Прослава, господствовала, на югозападнойъ край русской земли исключительно, болѣе какъ полое столѣтїе, почти до конца X. вѣка. Владыиірко Володаревичъ избравъ Галичь столицю своего княжества (1141), сталъ отдѣливаться отъ родичей насильственными средствами, ибо лишь только таковыи собственъ могъ онъ усилиться, и сделавшись единовластителемъ, быти въ уровенъ своему положенїю. Тою единовластительствою передалъ онъ своему сину Ярославу Основислу, тотъ снова своему: и такову то наследственною прѣвннчеству престола въ сеньи Ростиславичей одолженъ, по болшой части, Галичь своелъ величїемъ и отсутствїемъ усобицъ, возникающихъ въ прочей Руси послѣ упрядненїи каз-

го то княжеского престола. Съ другой стороны однако, въ случаѣе осадности и неподвижности нашихъ князей усилилось на Галичь бодрство, котораго силу исчислялъ уже самъ Князь Ярославъ Владиміровичъ сказавшіеся погущею въ Русь (Ипат. лт. 106), а въ XIII. вѣкѣ еще болѣе Даниль Романовичъ.

Князь Ярославъ, за мудрость и сильное, убедительное красноречіе прозванъ современниками его Основысловъ, князь, говоритъ Караянъ, „испаннми государственни добродѣтели; радилъ въ тогдашніи времена: не искалъ завоеваній, но довольствуясь своимъ немаломъ областію, цекса о благоденствіи народа, о цвѣтущемъ состояніи городовъ, земледѣліи, для того любилъ тишину, вооружался единственно на обидящихъ и восмалъ рать съ Болгарии, думая, что для гражданскія еще важнее воинскихъ для Государя, важнѣе ножи иноплеменниковъ, и спасая тѣхъ подданныхъ отъ проворолитіи, не жалалъ казни.“ Такъ славный Государь князь себе недостойнаго сына Владиміра, который предавался развратнымъ склонностямъ, даже до смерти огорчалъ своего отца (1187). Князь Владиміръ Ярославичъ съ помощью Галицкихъ бояръ достигъ однако Галицкаго престола противу предсмертному распоряженію отца, отдавшаго тотъ же престолъ побочному сыну своему Олегу. Но дурное поведеніе Владиміра и оттуда происшедшее недопольствіе погущею Галицкихъ бояръ, внушила мысль, сусудному князю Волинскому, Роману Мстиславичу, в свату послѣдняго, овладѣти богатѣе послѣднѣе Ростиславичей: и когда Романъ, споснившись съ Галицкими боярами, приближался къ нашей древнѣе столичнѣ, вслугавшій тотъ Владиміръ, дналъ себѣлетно свое и ухалъ въ Венгрію, а на его мѣсто сталъ Романъ княжить въ

Галичь (1188). Венгерскій Король Бела, вступилъ немедленно за изгнаннаго Галицкаго князя, однако не возстановилъ Владиміра, но посадилъ въ Галичь сына своего Андрея и объявилъ его Королемъ Галицкимъ, съ согласія законисленныхъ бояръ, обольщившихъ увѣреніями Бома, что Андрей будетъ царствовать по нхъ уставамъ и волѣ. Несчастнѣе Владиміръ лишени престола, былъ теперь коварнѣе Королемъ Белою посаженъ въ каменную башню, изъ которой освободившесъ бжалъ онъ къ Намецкому ииератору Фридеріку Барбаросѣ. Ииераторъ Швещій собирался самъ въ престольн походѣ, ратоборствовать, съ героемъ Востока, Салдиномъ, воевалъ иишего Владиміра, обьявшагося ему къ ежегодной дани 2.000 гривенъ серебромъ, къ польскому князю Казиміру Справедливому, съ новозанѣе возстановити его на отеческомъ престолѣ Польскій Государь, завидуя Венграмъ въ приобратеніи земли Галицкой, отправился въ сланиъ дая съ изгнаникомъ къ берегамъ Днестра, и Галичане, терпя жестока насилія отъ Венгровъ, съ радостію приняли возвратившагося Владиміра и выгнали королевича (1190). Князь Владиміръ нечитавъ хищность Венгровъ, недоверяя безкористности Поляковъ и постоляству Галицкихъ бояръ, которые всѣмъ правилась богатая волость его, съ большинѣе благоразуміемъ вручилъ онъ себе покровительство, старейшему и сильнѣеиному изъ князей русскихъ, дая своему по натери, Всеволоду III: „Отче и госнодине! иискалъ онъ къ нему: удержи подъ ииомъ Галичь, а я Божій и твой со всѣмъ Галичелъ, и въ твоей волѣ всегда!“ Тогда В. князь Всеволодъ Георгіевичъ послалъ по всѣмъ князямъ, и Русскимъ и Польскимъ, ижалъ съ нхъ влатьву по искати Галича, пока тѣхъ князятъ

шляхетникъ его. После того Владимиръ утвердился въ Галичѣ, и никто не смѣлъ противъ него вооружиться: такъ все опасались Всеволода Суздальскаго! (Ипат. лѣт. 138. 139.) 61).

Но когда Владимиръ Галицкій уморъ безъ законнаго потомства (1198 г.), и съ ними пересаясь, господствовавшихъ въ отечествѣ намень. родъ Ростиславичей, тогда Романъ Волыньскій, съ помощію призванной себя Польши утвердился вторично въ Галичѣ, и такимъ образомъ и соединилъ оны снова. Галицкую и Владимірскую область въ одну державу. Сей мужественный князь, победитель Половцевъ и сурядей своихъ Латовцевъ, вступилъ въ управление Галичскъ, укротилъ опасную для себе силу и своеволие Галицкихъ бояръ, предпринявъ противъ нихъ самыя крутыя, и кровавыя мѣры 62). Романъ. успѣлъ ти-

61.) Такимъ образомъ при воцм XII. вѣка виднѣтъ, что Южнорусскіе князья, такъ Владимиръ Галицкій, какъ Рюрикъ Ростиславичъ Кіевскій (1195. г) своимъ изреченіемъ, что ему: „безъ Всеволода не вѣзъ быти“ (Ипат. Лѣт. 145), признають слабость свою, следовательно что старая Русь, съ господствомъ родовыхъ отношеній явилась уже въ своему паденію, и не смотря на доблесть князей своихъ, должна была въ интересъ своего блага, возвратити могуществомъ собственнику своего. Тоже признанію, повторенное чрезъ несколько вѣковъ полко Гетманомъ Знаменемъ, служить самымъ лучшимъ оправданіемъ новаго порядка вещей, значащагося въ Русіи сѣверо-восточной. Соловьевъ, Отгол. между рус. княз. Ряз. дѣла стр. 238.

62.) По той причинѣ польскіе аристократическіе писатели представляютъ самодержавнаго князя Романа вторымъ Бузарисомъ, хотя въ несчастіе Галицкое великодержавіе, не было Романомъ совершенно уничтожено, ибо оно по смерти его, еще болѣе усилилось и сталося на только побуждателемъ интересъ своихъ — князю

кожъ наказати князя Рюрика Ростиславича за страшное опустошеніе Кіева Половцана, захвативъ въ свои руки все семейство его. саяго В. князя Рюрика пострагъ къ монахи, равно какъ дочь его, свою жену, которую ненавидѣлъ, и отдалъ Кіевъ сыну Рюрика Ростиславу зятю Всеволода III. (1204) Съ тихъ поръ Кіевскіе князья, съ удавленіемъ древнюю столицу Русіи, доволствовувъ однимъ лишь титуломъ Великихъ, снѣлись, болшею частію, во прихоти князей Галицкихъ или Владиміро - клезенскихъ. Скоро потомъ, могущественный князь Романъ названный современниками самодержцемъ всея Русіи, вкляшавшись въ доковыя распри Поляковъ, наложилъ себя смерть, въ неравной битвѣ на берегахъ Вислы 1205. г.

Послѣ смерти сильнаго и строгаго Романа возникли страшныя вольненія въ Галичѣ: бояре опять поддали голову и начали продавать отечество то тому, то другому изъ сурядичей владальцевъ, которые наперерывъ старались, приобрести себе богатое княжество Галицкое ниню законныхъ наследниковъ, двонхъ малолѣтнихъ сыновей Романа, Давида и Василья. Постриженный Рюрикъ, услышавъ о смерти Романа, оставилъ монашескій чинъ и соединился снова съ Половцанами, приступилъ къ

заваданой Русіи, но даже потомъ и Польши — Польши. Нимѣнскіе польскіе вожди должныють хорошо отечествоубую силу великодержавія древней Польши, называе готъ, для собственной Польши, чуждымъ элементомъ — руссколитовскимъ. *Cała wspaniała historia Polski (говоритъ dzieś. liter. Lwów 1862. N. 48 str. 378) możnaby nazwać historją walki między możnowładztwem braini wcielonych, a szlacheckim gniazdem pierwiastkowej Korony. Cała wspaniała historia Epkejszchackiej zdaje się walką między naszymi „szlachetcom chodackowym” a magnatem ruskołowickim.”*

Галичу: но венгерскія войска, присланные королемъ Андреемъ на защиту юныхъ Романовичей, подозревали ея заняті тую столицу. Между тѣмъ ядовитая княгиня Романовна съ дѣтьми бѣжала въ Польшу и оттуда въ Венгрію и вродолжнн Галицію боаре прикликли къ себѣ на княженіе Ольговичей, т. е. символецъ Игоря Сѣверскаго, знаменитаго своимъ походомъ на Половцевъ, изъ которыхъ Владиміръ сѣлъ на княжескую столицу въ Галичъ а Романъ въ Звенгородъ (1206 г.). Князь Романъ недовольный своимъ городомъ, прогналъ съ помощью Венгровъ, брата своего Владиміра въ Путивль и завладѣлъ сѣвъ Галичею: но когда Галицкіе боаре стали снова китежичами, король Андрей, видя безсиліе Романа удержаться на Галицкомъ столѣ, отправилъ въ Галичъ съ войскомъ своего воеводу Бенедикта, который завладѣвъ Галичею отослалъ пленнаго князя Романа (безсочно выживагося въ бани) въ Венгрію и сталъ притѣснять китежичъ Галичанъ. Такимъ образомъ печальннмъ Галицкіе боаре, за провратность ихъ, чтобъ имъ возможно было, освободитися отъ воеводи Бенедикта, прозваннаго, для развратныхъ нравовъ, Антахристомъ, призываютъ къ себѣ на княжескую столицу Пересопницкаго Мстислава, сына Ярославича Луцкаго. Князь Мстиславъ готовъ княжить въ Галичѣ, прїехавъ съ многочисленною дружиною къ тому городу, но могъ однако прогнати Венгровъ, и веруганъ Галичанинъ боаровъ, возвратился съ стидомъ въ Пересопницку (63).

(Продолженіе слѣдуетъ)

63.) Ист. Лѣт. 157. „Прислано въ Галичю Мстислава на Бенедикта, и прїѣде въ Галичу; и во устави ому китежю, Щепановичъ Иліа повесть и во Галичану погилу, отслабелъ рече снѣ: „ахъ! умъ ои во Гали-

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій прїходникъ изъ Соломанки.
Повесть, или галичскіе писанья.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Въ погодный день Юніа о 9. часовъ рано прїехалъ я до Львова. Городъ сей значительно перемѣнился съ тѣхъ поръ, когда въ первый разъ прїбылъ я сюда съ пошнѣмъ паленннмъ Левочкомъ, котораго оставилъ тогда на станціи у одной благородной госпожи. Съ прїятною надеждою, съ мыслию о будущемъ участіи моего первоороднаго сына възвѣлъ я тогда въ тотъ старинный городъ Галичской Руси! И въ другій разъ, когда хажалъ на торжественный обрядъ пастырскаго помазанія Муническаго епископа Поповича, сблизился къ нему городу съ чувствами радости и восхищенія! А теперь посѣщаю его въ третій разъ —

чина погилъ погилъ, тако въ Галичѣ княжилъ еси: сѣдхубося ему; воротиса въ Пересопницю. И воемъ скажехъ о Галичанинъ погилъ и о началъ Галичи, откуду са почалъ.” Очень милъ что Волинскій Лѣтописецъ, обрѣсннся ннше сказати въ что о началъ Галичъ, не сдержалъ слова или ложеть бытъ, что извѣстннмъ князю Івантиславій списовъ лѣтописи его, не естъ волимъ. Между Галичанинъ гражданинъ до сѣхъ поръ сохраняемстеса преданіе, относитъ построеніе города Галича, ко времєнамъ измѣстива на Русі, накомъ — то княжюю во аня Галѣ. У простонародна или Галѣ, говорятса вѣсто Влава. О Галичанинъ погилъ не могъ я ничего увидати отъ Старошннцѣвъ Галичанинъ, на збоутъ борювъ дѣтства, виходитса до нншъ четыре большіа погилъ, но ои ннхѣтъ другіа собственннхъ погилъ, нагъ на пр. Дога погилъ, Дуана погилъ и проч. На противъ тому утверждеть Друготъ (lib I. 34.) что городъ Галичъ получилъ названіе отъ Горы Галичъ, cui arch superimponebat eam, qui (mons) regionali et archi nomen dedit.

но съ явъ отрицаними чувствами! О, Львовъ! старинный русскихъ князей граде! ты былъ престоломъ, отрадинъ престола послѣднихъ хорошихъ князей Галича, ты долго противился насилію недоброхотныхъ одноплеменниковъ — соседовъ, отъ которыхъ избавилъ тебе наконецъ мощиими руки кротко-владеющихъ Габсбурговъ, ты зрѣлъ еси въ твоихъ стѣнахъ добродетельного Монарха Франца I.; ты влеклъ, ты воспитывалъ, подлѣ покровительствовъ усердныхъ о добро своихъ народовъ Царей Австрій, наше юличество, ты разливалъ яркое свѣтло образованія на всѣ версты нашего народа! О, многославный Львовъ! сколь непріятный еси не въ мнѣ. — сколь мнѣ досадно глѣзды на тебѣ за то, понеже похитилъ еси мое дѣла и скрывалъ оно въ своихъ многочисленныхъ дурахъ!

Съ такими чувствами перерезалъ я рогачку и долгіи улицы, пока не остановился въ гостиницы на Краковскомъ передѣстѣи. И всюду зрѣлъ я полно людей, невиданныхъ и незнакомыхъ: они толпами приходили по улицамъ, и никто ни не поспотрѣлъ на опечаленного отца! И вкѣ деи нежи тамъ незнѣдими людьми найти мое дѣла, которое можетъ тысящкратно стубитъ въ ихъ толпѣ?

Первыи новѣи деловъ было допытываться за новѣи смонъ Романовъ, съ которого помощію легше бы мнѣ было пуститься на проски за Наталію; но прошло часа, и я намѣлъ его въ впрощонъ дома на Галичской улицѣ; чѣмъ не мало урдовался, была бо то таже улица, на которой, по свидѣтельству ученого еврея вкѣде пребывать съ Раевичемъ моя Наталія.

Когда вошелъ я въ коняту сына, встрѣдлъ тутъ великій немалъ; у порога лежати куски развитой скрипки, а; по полу

порозкиданными книжки и рукописи. Мой Романко въ отъ акіотъ колодець садилъ за столонкомъ надъ толстыми рукописями и сопотчалисъ съ собою съ тахихъ огнемъ, но даже не задутили мене стоящего уже за ихъ клечиво. Я ударилъ изъ легка моего смѣла по спиць, и онъ оглаушился, вклучисъ съ смонковскою любовію въ мѣнъ объятія. Онъ оказалъ свое удивленіе надъ новѣи неожиданнымъ прибитіемъ; а в свое безпорядкомъ въ его избочца. Онъ изманился тамъ, шо теперь дуже занятый, и что ради того не можетъ наблюдать за порядкомъ. Я указалъ на развитую скрипку и питалъ его, шоби се знаменовало? онъ рѣсказалъ мнѣ, шо будыто началъ былъ недавно учиться на скрипкахъ, и се не шло слу такъ ловко; вчера же, быши на одномъ концертѣ и увѣрившись, шо не доведеть уже до такого совершенства, вкнхъ отличалисъ на концертѣ два славныи скрипка, повернулъ до дому, и проигравши на своей скрипки весьма несудачно одну кадоньнику, вкнхъ съ озлобленіемъ саранку о шель, и вотъ, — изъ ней тѣи куски! Я увѣрковъ его за сѣю легкомысленность, но подумалъ себя въ душѣ: добро слышалъ ты, смѣу! вкнхъ грати на скрипцѣ зло, лучше разбій ю на куски!

Желая узнать, чѣмъ онъ такъ дуже занятый, питалъ я его дальше который школьный предметъ учился теперь съ своимъ, а; какъ кажется, соученикомъ, и отъ чего шемли ихъ сварилъ. Мой смѣу отрекъ на тое, шо онъ не учился теперь для школы, но составляли себя поевіи ни; а поеште всакій провозглашалъ свою за лучшую и одну другоу не хотѣлъ уступати первенства, для того несварилисъ. — и, шометь, прійшло бы мнѣ до схватилъ, леби, на есестѣе, но былъ я прѣстествовалъ тому шемитъ пошленіемъ.

Поезію люблю я дуже; однакомъ не люблю сварящихся или, что больше, біющихся кулаками постоївъ, къ которымъ во обще шель я, отъ ироніи моеї сварии съ Равичемъ, такое отращеніе. Равичъ — поетъ выкравъ мою дочерь: таа мысль творила нещъ постоївъ дако неованіями. Для того хотѣлъ я кою противъ нинѣ даседу выліати на тѣхъ нинѣхъ павцеювъ, котормъ вѣсто, абы учитьса школами предметы, вѣданиа къ не совѣсть още у насъ нинѣхъ полевому занятію: къ рускому стихотворенію. Училиса съ нинѣхъ разонѣ за столнѣхъ, просилъ я ихъ, чтобы перечитали мою якіи лучшиіхъ изъ своихъ стиховъ. Молодець, которого мой сынъ называлъ Надсаненъ-вонѣхъ, сталъ читати слѣдующую поезію:

БУРЯ.

Середъ бурѣ и страхомъ выгнуло сова,
Проче, лаче загудѣла стени и дуброва.
Дочинючка волоче и ученица бласенія
До Бомельна выгале, бо ту суиъ страшнѣнній.
Во вѣтровои, во вѣтровои не хас еї губовѣна,
Все вѣдѣла до нилго, гейби соловѣна.
А оцъ утѣа до поладнѣа, до тѣхъ позовѣнкоу,
Що то знати выліати гасова и шобленюва.
Только, сѣнѣ еї сораснѣа и набуть видѣ,
Ай, мой Боже, шо то съ злого на свѣтѣ не дѣе!
И а е тавіи бѣднѣнній, тавіи вѣщнѣнній,
Якъ оцъ тав дочинючка, якъ той суиъ страшнѣнній;
Моя повадъ все видѣ, якъ голуба свѣнній,
Тавіи оствѣа и курѣнній, тавіи а бѣднѣнній!
Надсаненъна.

„— ошкѣ, — ошнїй, каїий стихъ дурнѣнній!“ сказалъ я съ иронїею. Но когда почти всю печальную презію до конца услухати, „оши твои писни, молодїй постої! все тавїи, то продай ихъ сейчасъ всеоснѣнїю. Тавїи стихани востронїши ты всехъ разумнїхъ Руснїювъ; даю сельскїи лювѣта задрѣати отъ твоеї бурї, и стѣнутъ утѣати, якъ воробїи поредъ страхомъ.“

Молодїй Надсаненъно покреснѣлъ отъ стыда, но потонъ ободравнїсь, сталъ нещѣ представляти, что почти все галичско-рускїи постої явилъ таѣхъ нинѣхъ.

„Правда.“ сказалъ я, „щѣ стихи ихъ не во нинѣхъ рознїчнѣются отъ того; однакомъ не употреблїютъ они столь часто тѣхъ утонченнїхъ оконченїй словъ на-снѣннїй, — ошнїїй и пр., котормъ таѣхъ нинѣхъ и прїятно звучѣтъ въ слуху Руснїа, если только наводенїи бивають въ нинѣхъ и бѣсѣдѣ нарнѣ, изрѣдѣ. Но когда почти еще другоѣ слово отгоннѣеть на-снѣннїю: тогда утоннѣеть слухъ и найшрѣвнїтнїшого ихъ поклоннїка. Впрочемъ, мой нинѣ днїй друже, ты возназарнѣлъ нинѣхъ вѣсто про „бурю.“ для которой нушно было употреблїти выраженїа сильнїи, составнїи говору вихрѣвъ, громокошнїхъ облаковъ и пр. Къ току прїнѣлъ ты въ своей писни нѣсколко словъ, котормъ только где куда въ Галичнїа ннѣвнїи; нинѣхъ же водалъ не таково значенїе, какое ннѣють они у народа; такъ на прннѣръ, слово молодѣ, которѣе в нинѣхъ галичскїи постої употреблїютъ въ смнѣлѣ: молодѣжъ, юношнѣство, или даке юношѣа, значѣтъ у насъ: нѣ явъ, возставнїа на верху молодого ннѣва. По я ннѣ буду тутъ разводнїтнѣ надъ кожднїи словонъ твоеї поезїи, наннѣннїо безъ всекого розннїшнѣенїа; а только скажу еще о одноиъ великоиъ граху, которїи находнѣлъ десѣлъ почти у всехъ галичско-руснїхъ постоївъ, но вснѣкнѣа даке нашого, вѣчнѣої ламнѣа, Маркїана. Ошнїй грахъ состоїтъ въ томъ: что ннѣвнїи ннѣши во ннѣблѣднѣють правнѣльного слогаударнїа. Привнѣннїи черѣвъ чѣвнѣе польскнїхъ постоївъ въ большѣої частнѣ къ польскої проводнї, покушнѣются она вѣвѣсти тунѣю въ рускнїи стихнѣ, котормъ долннїи составлѣтнѣа во рускому словнѣпрнѣвнѣннїю. Отъ

того слога у них не краснорученъ, и рими иногда весьма неудачны. Никакше проговорили бы стихотворения ихъ къ рускому слуху, если бы наблюдалось въ нихъ совѣстно руское слогуудареніе; оно же слогуудареніе есть основаніемъ всего созвучія, всей мелодіи, которая такъ сильно цѣлуетъ нашъ слухъ и говоритъ къ рускому сердцу. Правда, что тотже грехъ зрѣтись слогуударенію встрѣчается и въ нашихъ неопытныхъ народныхъ пѣсняхъ; однакожь бываетъ онъ далеко рѣдше и не такъ несносимъ, какъ у выученихъ поетовъ, которымъ должно лучше признать быти и для простонародного пѣвца. Такъ, милый мой Надсиенко! если ты и прочіи стихи свои писалъ такъ безъ слогуударенія, такъ на сапогахъ, и по содержанію такъ дурниенко: то прошу тебе во имени всѣхъ любителей истинной поэзіи, во имени будущей нашей лучшей словесности, собери всѣ твои поэзіи на куклу а — продай ихъ всеобщему! Лучше разбить скрипку, какъ зло по ней играть; лучше сжечь зми отахи, какъ жечь людей ихъ пускати!

Молодець опечалился и бралъ ухо за шапку, какъ бы желалъ такъ скорше поправитись съ наскучившъ старикомъ, который давалъ ему такъ укорительныя совѣты: но увидѣвъ, що и мой сынъ забирался читати акій-то свой стихъ, остановился, какъ бы ему отрадно было услышати такожь укореніе, которое подавалъ отъ мене для своего протавника. Мой сынъ уваралъ уже напередъ, что въ стихахъ его слогуударенію наблюдало и, мною воли моею, читалъ намъ следующее свое стихотвореніе:

СОТЪ ИСПРАВЧИКА.

На наклонъ лопъ разъ сдронился отъ,
И закурился въ сотъ — ужасный сотъ!
Отъ выдалъ иное: Въ дворъ его толкомъ

Тысячекъ лядъ съ шумомъ и съ грохомъ;
Ужъ въ комнату вошла — предъ нимъ стоить —
Одинъ изъ нихъ, кидая страшный взглядъ,
Вспирчалъ: „Ха, подлый воротъ! ты испорчилъ
Мой языкъ, который такъ мене прославилъ!
Ты испортилъ другиа два стиха.
Твоей руюю — прощай рука!“
И въ токъ же мигъ она отала;
А только лядъ она отала;
Другій сварилъ: „Ха! ты перекутилъ
Мой слогъ, и прозу всѣхъ красото дымилъ:
Что было право въ ней — ты испортилъ:
На лядъ все перенялъ — о горе!
За то — всахши лядъ руга!“
Она изогла у Исправчика.
А третій реалъ: „Найкрасуя ты Поему
Меня испорчилъ: „Зора Гарему!“
Ты измѣнилъ одинъ изъ ней лядовъ,
Образалъ стоицъ, ноги: — будь безъ ногъ!“
Въ сѣдъ часть отсочала его лядъ ноги, —
Животъ изъ земли увалъ, — о, сжальтесь Боги!
Своей нимъ реалъ: „Ты выгнралъ нѣтъ „Глазу“
За то твою а языкъ оборву!“
И, такъ его схвативши за чупраку
Всю голову сорвалъ — изъ нахонину.
Еще одинъ испирчалъ: „Въ оную пору
Ты сердце нѣтъ выдергъ, твою а выдергъ!“
И въ грудь его вломилъ кулакъ посылно,
Выгналъ отъ сердце; — провъ телла обильно!
И такъ — безъ рукъ, безъ ногъ — одошь тумоу
Остался изъ него — а лядъ провъ!
Но то былъ сотъ: Когда же пробудился.
Блвникъ, соичастъ за голову схватился;
Возралъ за руки, ноги и на грудь; —
Всѣ есть, — а сердце бьеть такъ изъ-внѣш.
Потомъ захохотуъ и повалъ съ поваленіемъ:
„Блажусь предъ Богомъ, передъ всѣмъ созданиемъ!
Съ такъ воръ ужъ не хочу — лядомъ злоречъ —
Ни промъ исправляти, ни стихомъ,
Составленныкъ другиа испорани,
Котори снати не димтъ печали!“

Романко изъ Соловника.

Да, подумалъ я, слогуудареніе тутъ наблюдало, и содержаніе остроуное, но къ сжальнію — оно адкое! Къ сатиранъ а эдиктъ сивграваннѣтъ всегда имѣлъ и такое отвраженіе; они правились нѣтъ черезъ свое остроуное и поучительную похвѣшку, и я.

читая ихъ, самъ смѣлся съ сатирикомъ: однакожь чувствовалъ то въ своемъ сердцѣ, что той смѣхъ не былъ тотъ истинный, радостный смѣхъ, съ какимъ слушаешь невинную, веселую пѣсню нашего селянина; но тотъ смѣхъ не добрый, злоставный, съ какимъ иногда слушаешь безтолковыя рѣчи сохланнаго достойнаго дурака.

Я перестрашился на сну мысль, что моя снѣжь можетъ наконецъ статися сатирикомъ — и то рускиимъ, въ оной горделивой Галчичкѣ, где такъ мало людей любить слушать правду! таа мысль поразила мене, и я рѣшился отвести другое мое дитя отъ злаго стихотворства, абы тавъ смести оно — отъ гоненій!

„Сну мой!“ сказалъ я, „ты былъ всегда послушный воля отца: ты и теперь послушаешь его просьбу. Ото, прошу тебе — про милость Бога! — не пиши сатиръ! Твой стихъ довольно хорошо составленный; содержание ясно, выраженія соотвѣтны и разны; и откровенно скажу: есть у тебе нѣкое дарованье къ поезию, но — про милость Бога! — не пиши сатиръ! Такииъ бо талантъ отвратитъ отъ себя всѣхъ друзей. — а жить безъ друзей — то жалко! Який нибудь литеретъ, который допустился не разъ въ жизнь граховъ самовольнаго исправленія, пороченья, переняиванья чужихъ статевокъ, не рѣчитавши твою сатиру, не поклонится предъ Богомъ и не покается, какъ твой Исправчикъ; но озлобится, пойдетъ до своихъ и твоихъ друзей, и съ таинственными видошъ скажетъ имъ: „Друзья! слушайте, а что ты узналъ: Романко изъ Солонянина выписалъ свой стихъ „Сонъ Исправчика“ слово въ слово изъ одного автора, которого имя теперь не скажу: бо суть у него на то свои причины!“ И вотъ, — въ тѣхъ словахъ есть уже сатира противъ твоей сатиры: сатира далеко больше „дѣлая,

чашъ твоихъ: бо безнощадно выдераетъ картину твою славу и посредственными заслуги. Тавъ, про милость Бога! — не пиши сатиръ! Ты молодой, у тебе чувствительное сердце, иногда въ свободное время излей оно во славу Бога, во честь Матери Руси, во память и радость родины и милыхъ друзей, въ почтенье челоуэчства и природы. Молодое сердце чувствуетъ жарко, оно для всѣхъ прѣтно и откровенно. Сатиру, споры и ѣдки писанья оставь для старшихъ, которы уже жизнью и людьми розочаровались. — да шутятъ ти утѣшенія въ нападеніи на другихъ и во имени. А ты будь добросердечомъ, смирень и снисходителемъ даже для враговъ!“

Послѣ тѣхъ словъ кинулся онъ отъ жарошъ моихъ на шею и со слезами прирекъ повиноватися моей волѣ. Онъ сознался нерело мною, что выписалъ много подобныхъ сатиръ, но поклялся мнѣ, что никогда не дастъ ихъ печатати, а только сохранитъ во память первого своего покушенія на поля поэзій. Къ тому узналъ я отъ него еще одну, для мене велики печальную вѣсть: будъ то онъ, вознамѣривши быти рускиимъ сатирикомъ, и употребляя все время только для достиженія сей цели, не приготавлился вовсе къ предстоящимъ испитаньямъ, и тѣмъ деломъ принужденъ былъ повторити первый годъ любонурія, или изрекался всѣхъ радостей во время вакацій мѣся родиною, остати черезъ тѣ два мѣсяца во Львовъ и приготавливаться къ отсроченнымъ испитаньямъ. Я желалъ, дабы онъ рѣшился за вторити, представляя ему, что повторение одного школьнаго года принесло бы мнѣмъ убогимъ родичамъ душе чувствительную утрату. И онъ прирекъ мнѣмъ остати ради наукъ чрезъ вакаціи во Львовъ.

Когда юний Надсеньенко отойшелъ отъ насъ не много неудолеленный: я, оставши самъ на самъ съ Романкомъ, открылъ ему по-

чальную цаль теперашнего моего прабітія до Львова. Онъ не зналъ доселѣ ничего о побѣгу Наталіи, жена бо моя и Аналіа, занятіи во время слабости только мною, не хотѣвши къ тоу болестною вѣстію поразити сердце любимаго Романа, не доносила ему о всенъ происшествіи ни одиныхъ словенъ. Тоть, когда услышалъ въ первый разъ отъ мене о той несчастливой нашей утратѣ, заплакалъ якъ ребенокъ и долго не могъ я его утолити. Когда однакожъ потомъ представилъ я ему, что нельзя намъ часъ по наираску теряти, а только хотѣбы сейчасъ узнитись за поисками несчастной Наталіи, онъ ободрился, а неведя пошелъ со мною въ Галицкую улицу.

До вечера обойши мы весь домъ на той улицѣ; выпытывались всѣхъ людей, вникъ только встречали, но никто не зналъ намъ що либо сказати про Равича или про Наталію.

Утоленный несколькими днями путешествіемъ и минимшии ходомъ возвратился я обезнадеженъ и засучовая въ гостиницу, где въ полъ часа потомъ ложился на отпочинокъ, дабы спонъ укрѣпити силы свои къ дальшему труду.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ПАДЕНЬЕ ЦАРЯГРАДА.

(Водилъ М. Вишневецкого.)

(Продолженіе.)

Тоть черезъ одну ночь флоту турецку выкачено на гору, перетягнуто безъ долму и спущено до пристанища въ мѣстци нѣкакюмъ, куда тамкинъ судна Грековъ приступити не могли. Будучи пакюмъ горной части пристанища, Магмудъ зъ бочокъ сбитыхъ (спосинныхъ) бѣльями, желѣзомъ связанныхъ и прикрытыхъ

дощками, сробилъ помость в niche, грѣбу плавающу, и на ней поставилъ наибольшіи пушки; а тичъ часомъ восемьдесятъ галеръ, войско и драбнимъ подступала вѣдь стѣну найприступнѣйшу, до мѣстци котрыма колисыто Латинянки вдерлися до мѣста. Всеу Греки однимъ ночи судна и помость свалити хотѣли; но сорочѣ дняхъ осады уже постѣдья сближилася хвила, нечюгочисленныи гарнизонъ бороничи зъ двохъ зараломъ створокъ хвста, спеногалъ; отъhalbъ турецкомъ валашея осада муръ и воми, котрыи въ продолженіи десяти нѣколъ рознычъ врагамъ державы противилися. На завлаченъе скорого до катени войска примужень бытъ Цѣсаря обдерети Церкни, що протнаники Уминъ за новое ечу переступленіе вѣжимал; ослабленныи силы Грековъ еще колотнѣю сменялиси ся. Венеты и Генуенчиан, Джустиніани и Лула Нотарасъ, першіи урядники державы, средъ общого небезпеченства немогучи притлумити въ сердцахъ давниою зависти, о слада, пушолъ поколотитишисъ, авинию о зраду и боязливость обвиняли ся.

Посередѣ такихъ обстоятельствъ Константинополь упалъ на сердца; уже была на нѣкъ присталь условія, щобы лишь собласти религію и вѣнецъ царскій; но Магмудомъ престольного мѣста Цѣсарства доловнѣе заблаглось. Уже отъ холдыа дней въ таборѣ турецкомъ способлено ся до славной борбы; но звѣздари призначили день 29. Мая, але вычитану во звѣздахъ хвилю занатія Константинополя; 27 Мая въ вечеръ выдалъ Султаны послѣдній приказы, геродды во цѣломъ таборѣ голосали слова Магмуда: шо, хотабы утѣшалоцій нѣкъ зъ армыи штицы, не уидѣтъ истивной руки Султана. Повелѣно Яничарамъ очищати душу молитвою в тѣло семикратнымъ обмываніемъ и постити дама до завтѣрѣйшого вечера. Магмудъ мѣсто и

дний для себе захватили, отдавал вопишь содрогнувшись, золота, и обещалъ: не кто первый на муръ Константинополя достанетъ, оставо башенъ найкрасшюи и найбогатшюи земл. Такъ великолѣпными обѣщанцями возбуждая въ сердцахъ горячую охоту до борьбы, голосомъ: "Богъ есть единъ, а Магомедъ Его Пророкъ!" разходили ся во таборъ и отбѣжали ся с муръ наудвоенного Константинополя, а отъ Галаты, даже до сении муръ, бласкали черезъ цѣлу ночь розгоренными огни (ватури) и многократно въ зоркаль муръ ломали ся.

Тимъ часомъ ширялъ ся въ Константинополь ужасный смуткоу и отчаяннѣе; обещанно въ термиставинномъ обходѣ образъ Пречистомъ Дѣвоу (Богоматери). Греки оплакивали голосно свои грѣхи, высаяху надъ шени мору Бонию и окармали Цѣсара, не вѣсивъ не подалъ мѣста; уже на передѣ выставляли собѣ нещастія, котрыхъ дознати нѣтъ придетъ, и водымкачъ уже за спокойнѣе и безвечность, котрыми насландитися надъ турецкими господствомъ надѣялись. Тимъ часомъ Константины вечеромъ 28 Мая слышалъ до себе что было злокозненного зъ Грековъ и Латинниковъ, и нѣтъ до нихъ чувствительную бесѣду, котра была якобы бесѣдоу похоронною державы римскоу. Присутствующимъ плакали горько (ревно), стискали ся взаимно, а ласкательн о своей родни и наставляхъ, умерети нестановили. По чѣмъ каждый зъ вошедшюи пошелъ на свое становнѣе и ночь на мурѣхъ мѣста перебылъ. Тимъ часомъ Цѣсаря еще разъ во дружинѣ вѣрнѣхъ прителѣи, еще разъ пошелъ до Церкви святой Софий, котра за хвалю нѣтъ быти нечегошъ, и такъ у воднои престола середѣ рѣдкѣи и плачу причащалъ ся. Выпосланы трое въ муръ, въ которой зъ-

лоченыхъ коннатахъ уже малѣи розлагали ся плачи, уже не одно отчаяннѣе въ долони трѣсло, просилъ о прощеннѣе всѣхъ, котрыхъ коленибудь образилъ; въ той то хвили оробѣлъ (со всѣмъ стратилъ духа), долго притумленными слезы скотились ему по лицу и его малость сердца на хвалю перепогала; и нумъ бодромъ души скоро ся отивнѣи, всѣмъ борзо на коня, щобы еще разъ всѣ стороны объѣхати и о движеннѣхъ Турковъ выспѣдѣти ся. Дѣло са то середѣ короткоу акъ въ лѣтъ, по погодноу почу; уже свитало, коли Цѣсарь скончилъ объѣздъ при воротахъ Калигария надъ пристанищемъ. Стоящии на вѣмахъ стороны чули черезъ цѣлу ночь гуркотъ сближающихся ся шумкоу и машинъ.

Якоже Турки войска, пушки и фашины середѣ наибольшюи тишины подъ карю смерти zagrożенноу уже были до самого берега рова заколоки; судна уже подходили подъ муръ въ найслабшюи мѣстци. Съ першии зарѣзъ браскомъ, коли еще много звѣздъ на небѣ искрило, памятного въ дѣлнхъ 29. Мая 1453 року, Турки отъ тверди и моря борьбу розпочали. На самый передѣ ударила голота селянъ, волокитовъ, старыхъ и паробковъ, котра въ надѣи добычи не сбѣгла ся была до табору; по стимени всеобщнѣи цѣлого войска движеннѣхъ, станули першии передъ муромъ; каждая куля, каждое верженнѣе Грековъ розносили смерти, въ стисненыхъ томъ ватаги рѣдахъ; слышнѣхъ адеряющихъ ся на муръ Греки слыхали въ ровы, котры борзо ихъ трувами засыпались. Но немедленно башни Анатолин и Румелин съ умаснѣи крикомъ подступаютъ подъ муръ и съ разнѣи щастѣи борютъ ся съ Греками. Уже отъ двѣхъ годнѣи сражались ся; уже оборонители Константинополя утомленными мношествомъ, стерали

силы и утратили много потребъ воиновъ, однакожь ще Греки шли въверхъ, еще неспасла послѣднѣя побѣда надъя, еще чути было голосъ вопиющаго Цѣсара, щобы тмиъ послѣднимъ напруженіемъ спасли мѣсто и религію. Съе разъ Яичаро сннение. Коло во томъ свѣжмн, непобѣдимымъ дотеперь Яичаровъ полкм во третю борбу ко мурайъ двнгнулись, ѣхаль жеже ннми султаны на конн съ булавою въ руку, потужнмъ голосомъ и грознѣйшмъ еще окомъ, пораднми полкм вопню розсымалъ. Коло него стоало десаъ тысяча доборого войско, котра заковала на хмню рншнтельну, за нмъ десаъ численна куна ватовъ, котрымъ переступннковъ смертію наказовали. Отгомомъ поспнню музкн, трубъ и котловъ борзо былъ прнтлуменнй трескомъ и гуломъ пушокъ съ берега, съ галеръ и плавающаго моста густо страляющнхъ. Осаднменнхъ и осаднмающнхъ вѣющн съ густымъ клубомъ дымомъ покрывалошь обнвали. Рознчало се кровавое и адское явленіе; среди все порывающаго возмущенія, безпрестаннаго огнн и гуху умаснаго, многомъ то далъ богатырскнхъ, много терпнвнй вѣчное покрало молчаніе. Наймзатншая борба продолмае се коло воротъ святаго Романа и коло пала-ты Влахернновъ.

Заключеніе слѣдуетъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЕЛЬНЫМЪ И ГОСПОДАРСКІМЪ.

— *Исаакъ Тиссонъ* съ Юрннгару въ Англнн показывалъ ва промнслной Лондонской выставкѣ образецъ земледѣлческаго господарства, где на лѣтъ, съ 300 морговъ состоящнхъ, все, що обнкновенно въ насъ рукою шн творнтся, исполннлось на ровнымъ машиннмъ. Къ тому присовокупнлъ онъ и образецъ господарскаго хутора (вользарка), въ которомъ заскувають не всякую работу одна пароваа машинн. И такъ пара рыветъ сѣчку, вычмаетъ оборн, и ставлетъ солому подъ снотку,

сбарасть снотку, дѣлаетъ носло, влаетъ на носмъ вощетая на провалъ оверглазенымъ; вара вполетнть обшо, полетъ, поростаетъ нуку, робетъ хлѣбъ, сажаетъ его въ почъ; возлуетъ воду и сваживетъ всю нѣмкѣ долъ; рубетъ и разлушнваетъ дрова и др. И всѣ эти работы исполнветъ одна машинн о силѣ 6 коней!

— *Лазарское* промае ослѣпленна. Въ дѣбрахъ Бамъ въ Чехакъ шлль человекъ, которнй лудой астомаши всанн укушеннхъ усатншо глѣчалъ промшнн въ растннй и кулешь изъ тѣмне промшоъ. Казнь Юсншоъ Шаарденбергъ отпунвалъ табуу глѣарства отъ того человекъ, которнй однокомъ повстрѣлъ во тѣмне водѣ тѣхъ условнѣнъ, щобы лонго дѣтъ снмъ ннветъ тамаа сіа закону не была сообшена. Но когда отъ учора, обнвалъ казнь Шаарденбергъ табуу глѣарства, которое гостовѣтъ изъ слѣдующахъ землѣ:

1.) *Менца* полей, артсннхъ, олованнхъ (*palestium vulgare, mentha pulegium, Peley*)¹⁾. суфта. 2.) *Чеберъ* ороголомъ, сагурѣй (*Satureia hortensis, Bohnenkraut*)²⁾ суфта. 3.) *Ластн* тосолн шнрамндалной (*populus dilatata, Piramidenpappe*) 4. лотн. Все тое розтернн на нѣмкѣ порошокъ, а дѣбре сѣмшамн, вероховуетъ во оламнхъ снмъо затнканной; когда не куншо тое употребнть прнтншнмаотся къ тому во много доброй промшслной оламн. О столько, дабы порошокъ стака поврнмъ. Порошку того дается человекъ ещеднвое рече три мѣствн на конкѣ вока въ полнвартую стѣмшку теплаго шва; всю въ таомнхъ стѣмшкѣ теплаго шолока; вошъ въ кусннку хлѣба, ннмъ же домашнмъ снотанъ въ частой водѣ. Послѣ прнннтя порошокъ, во поше чрезъ нѣсколько годѣтъ ннчего вѣстн. — Кунела прнготовлается съ тѣхъ же снмшкѣ растннхъ, котормъ и не куншо тѣмн на порошокъ, лншь заварнть орономъ и влннть до шѣро — тепдой воды.

— Астрономическое знаніе прнобрало чрезъ составленіе новаго великанскаго телескопа въ Англнн великнхъ пособн. Телескопскій сооруднлъ англнйскій астрономъ Крѣй и ннмѣсталъ его въ звѣздарѣ подѣ Ваворты; отъ прннмашаетъ своонъ исно- и дальнѣншнхъ всѣ дѣтерншннн оптическнхъ орудн. Передъ нмъ стѣмшветъ нлнстнмъ лнтя, насмъ дробненькнхъ звѣздочекъ явлнются такъ глѣсаны значнтельно величннн, полочная дорога разсѣмшется, а нелочнннмъ галакнн окомъ звѣзды вндется въ блокку и частотѣ Орнона для Великаго Магннла. Плнстннъ нрнмѣтъ въ

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Середу два листа, во пятъ годовыхъ въ Листовъ 4. зр. 40. пр. н. н. — въ почтовомъ пересылкою 6. зр. н. н. — Желающіи четвертьично получить платять въ Листовъ 1. зр. 10. пр. н. н. на почтахъ по 1. зр. 30. пр. н. н.

ХОДЯЩІЙ ЗВОНЪ.

(Сказочка, по Гете.)

Быль хлопчатъ разъ, но не хотѣлъ
Ходитъ въ перьохъ Бошю;
Пріймаи педла — оуь летѣтъ
Въ пола по бездорожю.

Сказала нѣтъ: „звонъ бѣтъ,
Иди до перьохъ нѣтъ,
Есмь не скочешъ — оуь вѣдетъ
И вознѣтъ га насильно.“

Но хлопчатъ думаетъ: „оуь звонъ,
Виситъ въ верху звончимъ.“
И унѣ бѣжалъ на поле оуь
Отъ школьной новѣ лавницѣ.

И звонъ, нескучимъ звонъ не бѣтъ.
А нѣтъ огонь разводитъ.
Но, Боше! въ пола мось плетъ —
Ай страшно! — звонъ то ходитъ.

Оуь сувѣтъ все скорше — такъ, —
Нѣтъ тренещетъ, вѣтъ,
Бѣжитъ, куда? незнаетъ сѣтъ; —
Ахъ, звонъ ого прирѣтъ.

Однакои сразу путь намѣтъ,
Черезъ боръ, черезъ пустякомъ
Ше сѣтъ бѣжалъ — и оуь вошелъ
Во перьохъ, во сѣтънѣ!

Съ такъ боръ то научилъ оуь
До перьохъ все ходитъ,

Когда ударитъ перьохъ звонъ —
Но листъ унѣ проситъ.

Богданъ А. А.

Отъ стровельной немисіи.

Въ ч. 10. т. г. упомянуи загаданныи
оуь складокъ на донѣ народный, въ ало-
дующій способъ продолжается:

1. Всесестный и високопреподобный Госно. Шно-
длинный, Намѣстникъ и припадникъ Лвовскій у
сѣтъ: Патитиъ сѣтъкъ сѣтъкъ въ прихода Грѣ-
болачъ 38. рс. 38. пр.
2. Въ прихода Бонноа сѣтъкъ . 19. рс. 38. пр.
3. Всетъ. и пренодъ: Г. Ловникій Пероникъ, про-
ходникъ Коринна Намѣст: Болшого сѣтъкъ сѣ-
брану перту, шенои шетъ:
а) отъ високоблагородного Грѣоа Северинъ
Полетѣтъ 30. рс.
б) на себе, шену сѣтъ, дѣтъ, усѣтънѣтъ шетъ
Екатерину, сѣтънѣтъ, дѣтънѣтъ и бѣтъ
дѣтелѣтъ сѣтъкъ и чѣтъдѣтъ 14. рс.
с) въ прихода Коринна отъ прих: 6. рс.

сѣтънѣтъ. 40- р. с.

4. Чѣтъ. и пренодъ: Г. Петоникій Лвовскій при
стѣтънѣтъ сѣтъкъ на прихода въ Кувѣтъ шетъ
волаъ 8. р. с.
5. Всесетъ. и високопреп. Госнодѣтъ Сѣтънѣтъ
Сѣтънѣтъ Консѣтърѣтъ Пероникѣтънѣтънѣтъ шетъ

справку славную чист. в рев. иконописи Социе-
рия Перепишею славку 30. р. с.

6. Тойже славий высокодостойный нунь прислалъ
славную чист. и досто сщмчественнаи Навств-
ничествомъ Исхского славку 40. р. с.

7. Всочестный и высокопреподобный Господитъ Ми-
хаилъ Блаженсий, Навствникъ и приходникъ Тер-
новольскій, прислалъ зъ прихода Мшанецъ 53.
р. 34. пр. Иже глши сходятъ са отъ Ма-
рия Грехови Старинской, влстительки Мшан-
на 10. р. отъ Леовода Грехо Старин-
ского 5. р. отъ приходика Платона Тарно-
вского 3. р. прочае же отъ приходикъ.—

8. Всочестный и высокопревод. Господитъ Ав-
страпский, Навствникъ Свалский, отъ братствъ
первовикъ въ Габочу 2. р. въ Блзчу 2.
р. Оленчи 10. р. Шершовицкхъ 8. р. с.
Лесовицкхъ 3. р. Шановицкхъ 3. р. Уланови-
цкхъ 5. р. въ Зоболотоцкхъ 3. р. Калустин-
цкхъ 2. р. Рогозчу 5. р. Соголовъ 5. р.
Угряни 4. р. Залсъ 2. р. въ Колыданакъ
1. р. Черноволчакъ 3 р. Давидовицкхъ 1.
р. Черноволчакъ 2. р. Пилатовицкхъ 1.
р. Таровицъ 1. р. Лесчи 1. р. Бурлакчи-
цкхъ 6. р. Сосирцкхъ 2. р. Копыбин-
цкхъ 2. р. Босирцкхъ 2. р. Кривчицкхъ 1.
р. Лесовицъ 3. р. Ивановъ 1. р. Добро-
путъ 1. р. Митшовъ 2. р. Цыганкхъ 1. р.
Заловицкхъ 1. р. въ Волновалъ 2. р. въ
Озеровицъ 1. р. с. прочае тыхъ херувъ отъ
решовицъ братствъ первовикъ славилъ еще зъ
Озеровицъ 5. р. 40. пр. пуно всего 97. р. 40. пр.

9. Всочестн. и высокопреподобный Госл. Воднаров-
ский, Навствникъ Косовский прислалъ:

а) зъ Косова и Манастира	23. р. 12. пр.
б) - Мокшолови	7. р. 20. пр.
в) - Косова старого	31. р. 19. пр.
г) - Воробовицъ	31. р. 21. пр.
д) - Сосной	9. р. 11. пр.
е) - Черговичи	5. р. 12. пр.
ж) - Рибчи	18. р. 30. пр.
и на управленіе перва	7. р. 30. пр.
а) - Кутъ старкхъ	12. р. —
и на управленіе перва	1. р. —
а) - Кутъ вѣста	1. р. —
и на управленіе перва	1. р. —
л) - Талова	2. р. 30. пр.
а) - Рома нашего	2. р. 30. пр.
б) - Роготъ	4. р. —

д) - Блзоберева	4. р. 5. пр.
а) - Боритиновой	10. р. —
о) - Догонила	13. р. 26. пр.
л) - Кривороши	6. р. 3. пр.
р) - Шарова	7. р. 20. пр.

совокушо 198. р. 57. пр.

10. Позрочный отсотовъ отъ 100. р. с. вынести
2. р. с. 30. пр.

11. Всочест. и Высокопрево. Господитъ Ковбля-
ский Михаилъ, Навствникъ Калускій и приход-
никъ въ Красновъ, ино предатель консиіи на-
вствической прислалъ:

а) зъ Мостицъ	6. р. 30. пр.
б) - Козаковъ	8. р. 10. пр.
в) - Красного	— 20. пр.

совокушо 15. р. ср.

Консиіи вочтуе должностю своею быти Все-
честнѣйшему и высокопреподобному Господиу Га-
вильянтови за его чинное содѣяствіе испрепну
воду заслати. Тойже славий нунь зъ ровности сво-
ей о славу вичи руской и обридъ грочско - нолов-
чской въ цркви Галичкѣ знамий заливати се соб-
раніемъ славилъ дѣлани консиіи савлю водовиле.—

Зъ прихода Гривбича уже третиню значитель-
ныи чертамъ сложилъ — за будеть слава такъ той
честной трональ, ино и са достойному вестиреву
Госвод Сискоу Витрикусъ.—

Гривила Мшанецъ въ поименовъ свѣст выва-
зани неволчанъ за проводочъ своего въ Бозѣ уво-
кованного са уже приходика с. и. Платона Тар-
навского значительну сложилъ чертау.—

Есть то лавий доказъ, ахъ чиноте конеть ре-
вий дучъ вестирѣ сдѣлати.—

Всочестниа и высокопреподобни Навствникъ:
Свалский Австрапский, Косовский Воднаровский и
Калускій Ковбляский, ино прозаровыми реинити
дѣлани консиіи значительными датками заслати,
и пое такни и повлдоовати зѣта, котори ризи Вови-
чанаго на отсочество наше согала, суть причиноу, но
сидали до сего часу во водила такъ, ахъ по бла-
гоудній и добротѣ ителей Галиччи сдѣлаети са
валовано.—

Отъ консиіи предстоимой справанъ создано-
го доу народного, и другої городской чертаи
во Львовѣ дна 7. (19.) Мая 1883. —

*Куземскій.
Председатель*

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖествѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

(Сочин. Автон. Петрушевскаго)

(Продолженіе.)

Между тѣмъ Романъ Игоревичъ бѣжалъ изъ Венгріи и принирился съ братомъ Владиміромъ: къ нимъ обратился снова несчастные Галичане, обвиняя себе въ томъ, что не умали цѣнны такъ достойныхъ князей. Призваніе вторично Игоревичи, собравши войско заставили томителя Галичанъ, Бенедикта бажати за Карпатскія горы и возстановили къ краткое время спокойствіе въ Галичѣ. Романъ доволствовался теперь Звенигородомъ, Святославъ взялъ себя Перемишель; Владиміръ, какъ старшій, остался княжити въ столицѣ, отдавъ силу своему Изяславу Теребовлю а другаго сына посылалъ съ даряи къ королю Венгерскому, чтобы обезоружити его и властвовать безопасно. Игоревичи, испитавъ непостоянность Галичанъ и желая утвердиться на шаткомъ оронѣ Галицкомъ, вознамерили, по примѣру Романа Мстиславича, обуздати самовольствіе Галицкихъ бояръ: безъ ласки, особенной вним. безъ улики, безъ суда, исполнители княжеской воли, хватали первостепенныхъ бояръ, убивали и прозвели всеобщій ужасъ 64). Галицкіе бояри опасніеися бѣгствомъ въ Венгрію, захотѣ съ боярминомъ Володиславомъ, которому

Игоревичи' обязаны былъ престоломъ Галицкимъ, поплаи теперь короля Андрея, чтобы онъ далъ имъ, прозваннаго у него отрока Давида съ войскомъ для прогнания князей убивавшихъ ихъ соборіи. Венгерскіе войска, соединени съ помощствующими полками Поляковъ и сусѣдныхъ русскихъ князей, зявудили воина Галицкіи городами въ пользу Давида, которому, въ Галиціи и Владимірскіе бояри посадитъ его на отцовскій столъ, снова вручили державу княжеску: несчастные Игоревичи попались въ планъ Венгерскихъ полкамъ, зядени требовали ихъ Галичанамъ, и быди, не слышавши на Руси невоествомъ, новѣшномъ озлобленнии Галичанъ боярами (1211). 65.) Галичане одинокъ и теперь не были довольны наложити Давидомъ, хотя удалитъ вдовствующую Романовку, сами всѣмъ въ инии его управили, а когда король Венгерскій Андрей, вступивъ за Давидомъ, наказалъ, виновнаго изъ Галицкихъ великого, Володислава, призвали они снова тайно Мстислава Пересовническаго, который заглашувъ на хвалю Галичанъ, изгнать былъ, боярминомъ Володиславомъ, прихаживавши съ Венгерскихъ войскомъ господствовать въ Галичѣ и издувавши даже развитиіе своихъ съ попомъ св. Владивіра (1213). Юные Романовичи, обманутые надеждою на покровительство Андреево, обратились къ Демку Бялому князю Польскому и получали его содѣйствіемъ города Тухомъ и Перемь, отъ Александра Всеволодовича князя Белзскаго.

64.) Ипат. Лст. 158. „Съѣтъ по створени Игоревичи на боеи Галичанъ, да побѣтъ и, по прилучаю побѣни быти, и убѣтъ бысть Юри Витановичъ, Мліз Шенановичъ (поругатель князя Мстислава Пересовническаго,) вила величин боеи, убѣло по бытъ ихъ числомъ 500, а инии разбитомъ, Володиславъ по Корниличъ бѣжа въ Угрю, и Судославъ и Филивъ.“

65. Ипат. Лст. 159. Ятытъ по бившии княземъ.. Роману, Салтославу, Ростиславу, Угрюмъ же хотимъ въ вѣсти пороломъ, Галичаномъ же колѣннися нѣтъ, да быши къ постѣни, иишти ради, убѣниши по бѣниши Угрю величини дарѣни, предаи быши на постѣнию, иишца сентябріа.“ ср. Густин. Лст. 231. вѣкъ 1211. г.

Въ сіе время, Государи Венгріи и Польши, до сихъ поръ явше враги за Галичь, наконецъ согласились между собою, полагая, чтобы, наложити (италатини) смилъ Андрей. Коломанъ женился на наложитиной (трлатной) дочери князя польскаго Дешка. Саломея, и княжилъ въ Галичь; чтобъ король Андрей уступилъ Перенишюль Подлякакъ. Владиміръ отдавъ былъ Данилу и Васильку, а городъ Любачевъ Судонірскову воєводу Павлославу, посредствоу котораго такиъ образомъ возстановилось согласіе между дуна государствани скорацини о Русь Галицкую. Условія были въ самомъ дѣлѣ исполнены, и отечество наше пошлое вторично въ руки иностранцакъ. Но, съ согласіа Папы Пиннокентія III. вѣнчаннии Король Галицкіи, Коломанъ, не соблюдая правилъ вѣротерпимости, сталъ гонити греческо словенскую Церковь въ отечества нашея. для чего русскій народъ гораздо болѣе началъ гнушатися Венгерскіи правительствомъ. Между томъ сажъ польскій князь Дешко, которому Андрей, отецъ Коломана, посорившия съ нимъ, отнялъ Перенишюль съ Любачевомъ, въ гнѣвъ своемъ, вопреки узавъ проевъ, искалъ теперь въ Русь сильныхъ невриателей зятю. „Ты иль братъ,“ писалъ оу храброму князю Новгородскому Мстиславу. „иди прославитися знаменитиъ подвизгомъ нужества: Галичь, достояніе твоихъ предковъ, стѣнаеть подъ прогнѣмъ утѣснителемъ“ — Князь Мстиславъ не медилъ долго съ походомъ, и когда приближился къ предавати отечества нашего великаго Андрея, княземъ Коломанъ господствовавшіа на берегахъ Дуэстра, бажали съ Коломаномъ въ Венгрію, а Мстиславъ сажъ на оронъ Галицкомъ (1117).

Новый князь Галича, чтобъ успокоити завешаго наследника Данила, женилъ его на дочери своей Аннѣ, и чтобъ украсити-

ся въ Галичь, созволилъ другу своему Лешку господствовать въ Берести и въ другихъ надъ — бугскихъ городехъ, оставилъ однако обовѣхъ сновивъ Рюмановихъ, въ посяданіи города Владиміра. Рюмановичи не дозволяуясь своимъ удаломъ прогнали вдругъ покровителя ихъ Лешка изъ Берестя и прочихъ западноужимыхъ украинскихъ городоу (66). Такиъ поступкомъ Рюмановичей оскорбленій Лешко, считая Мстислава быть-то бы тайниъ наставникомъ юнаго зятя, подружился снова съ Андреемъ Венгерскіи королемъ, и общался даже понагати силу послѣднего къ Галицкому престолу. Союзниа угорскіа и польскіа полки, подъ предводительствомъ Коломана, завладели въ самомъ дѣлѣ на краткое время Галичомъ, храбро защищаемыи княземъ Даниломъ, въ отсутствіи телья, удалившагося къ презлау Кіевскіи исхати попомши противъ великой силъ чужозельцевъ (1118). Спустя не много времени явился Мстиславъ съ русскими войсками и Половциани подъ стѣнами Галича: угорская и польская рать подъ начальствомъ великаго воєводи Фальгия была совершенно разбита, а Коломанъ съ суругою заключившия въ украиненномъ храмѣ Богонатери въ городе Галичь, принужденъ голодемъ и жаждоу, сдался храброму Мстиславу, котораго, славноу побоу Русь

66.) Князъ Лвт. 160 — „Данилу не возвратившуму къ дпоном, и хла съ братомъ и мри Берестій, и Угровскъ и Верешанъ, и Столье, Кочевъ и всю Украину. Тутъ западну порубушку часть русскоу земли отъ Польши называють Князъ лвт 211, такоу Вкраининомъ — „И воспомяну Володисерь (Васильковичъ), оио проше того (т. е. прохъ 1282. г.) Лешко . . . башеть у него село на Вкраиниши княземъ Воиъ,“ Галицкое княжество явилъ и востечиву Украину. см. Князъ Лвт. подъ 1189. г. стр. 136.

волчанъ; называла Красннхъ солнцемъ отечества 67).

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій приходникъ изъ Соломахи.

Повесть, нѣмъ самимъ написана.

ГЛАВА ОСМНАДЦАТАЯ.

На другій день рано едва вышелъ я до саней къ коному Федорію, желая дать ему нѣкія порученія: уже встрѣтился съ Отцемъ Григоріемъ, давннхъ другомъ и соседомъ моимъ изъ Дукавецъ недалеко села Романовки, который яко ревннхъ Русскхъ прїехалъ сюда ради осмотра, що дѣлають братія наша во Львовѣ. Я знатнхъ единственною номнхъ печальннхъ дѣломъ, во вогъ нико наилучшей воли, сейчасъ носла моего прїезда вглядывать въ ихъ дѣйствонія; сомѣдннхъ однокимъ съ Отцемъ Григоріемъ ностановнхъ ннншннхъ дня, если останетъ арестнн. похрѣтн и на дѣла Русскнхъ. Я розсказывалъ ему немъ прочнхъ и мое несчастіе, ннхъ которнхъ онъ дуже сожалѣлъ, и въ тому прнрѣкъ моя содѣйствовать въ провскахъ за мою Наталію.

Розговоръ съ честннхъ человекомъ похрѣтъ тою добро для насъ, шо отговорѣтъ охъ части наше горе. Такъ я моя скорбѣ

67. См. выше §. 4. Новѣшнхъ лѣтописи повѣствуютъ, шо частнаго Мстислава русскнхъ Епископнхъ вѣнчавъ златннхъ вѣнцемъ Колоначевннхъ, доставннхъ ему въ руцн, провозгласнл его Царемъ Галичннхъ. Такъ напрнхрѣтъ сочиннхъ Сновснхъ (Кіевъ 1680. стр. 66) ннхъ о Мстиславѣ, шо онъ, вѣнчавъ бытъ охъ Епископнхъ вѣнцемъ царскнхъ, егоше отбѣла Колоначъ и огласнхъ охъ Царъ и всѣхъ Рокснхъ Самодерннхъ. ср. Strjkowskiego kron. kn. VI. год. VIII. K. 220 — на котораго Сновснхъ ссмѣлѣтъ.

уменьшалась, когда вошедши въ избу Отца Григорія, который останавливался былъ въ тойке саной гостннннн, сталъ бесѣднхъ про ннхнхъ старнхъ знаноннхъ, про Угорородъ, въ которнхъ нн разнхъ до школы ходнлн, про все арестнл немъ закарпатскую Русь и про всакую встѣлку. Особливо прїятно было слухатн немъ его охвѣданнх и знатнхъ ннхъ устахъ ннхъ Русскнхъ во Львовѣ, о ихъ благоуспѣшнхъ стремленнх и достоннхъ нахрѣннхъ. Все тою подтверждалъ охъ выходящю тогда уже Зорю Галичню, котору однокимъ я дотоль не ннхъ способности чнтатн. Уравннхъ довольно численное собраннх снхъ лѣтоствъ и затрѣнхъ отъ радости, шо прнхъ встѣ е порожденнх пераго моего сына; перерзрѣтнхъ лѣтъ за лѣтоннхъ, я успѣхъ къ ннхъ, лѣтъ колодець къ своей возлюбленнх, и воскнхъ съ радостннхъ восторгнхъ: „О, русскнхъ народѣ! умо тебѣ взойшла свѣтлая Зоренка; умо тебѣ ннхъ не встѣла. — а радость, а роздолье!“

Отецъ Григорій, видя мое восхищеннх, обѣщавъ звестнхъ немъ ннхъ къ рознчннхъ ровннхъ Русскнхъ, которнхъ труднхъ ннхъ нашею лнтературою и прнхъ заннхъ снхъ дѣланнх нашего народа.

„Ведн немю, ведн, старнхъ дружо!“ воскнхъ ннхъ, „ведн всюду: где только розднхъ, и где прозбавѣтъ ннхъ руская! дожднхъ лѣта мои нашего воскресснн, да узрѣтъ и очн каменнхъ положеннх къ велѣзному Руснхъ нашей хранн! Вотъ, я во Львовѣ — въ средоточнхъ устенного нашего рознхъ, и немхъ не суждено ннхъ бнхъ тутъ еще разъ въ ннхъ лѣтн! Такъ ведн, честннхъ дружо, я всюду нду за тобою!“

Но такъ словахъ похнхъ ннхъ на улычку и Отецъ Григорій сталъ немю опровергнхъ но рознчннхъ донѣтъ, куда возрѣнхъ чнхъ слонннх Русскнхъ тою блнхъ, то е дѣлѣ

шить стороны. Все это, хотя въ большей части полюдны, и не въ всемъ незнакомы, принимала я съ душе радю, и углубилась въ общее тѣмъ, но и ны старшии праступаютъ къ надписанію народнаго блага.

Однѣ изъ тѣхъ ревнителей русаго народа, увеличавши мое ния, просилъ неше одернаться у него хоть четверть часа, пошемо вскоре собудетъ къ нему некоторыи учении Русии для разговорѣ о душе званихъ книжесловныхъ предметахъ, „въ которыхъ,“ додалъ онъ, „и вытъ, честный Отче, име извѣстному писателю русаго языка, пріятно будетъ шати участію.“

Презванію „извѣстнаго писателя“ возытало мое, и я рѣшился остатк. Не пройшло четверть часа, и въ истину сошлось нѣсколько Русинювъ, которыи честно воздорозившии съ нами, возсадили за столѣмъ для разговорѣ о душе званихъ книжесловныхъ предметахъ.

Для надалія разговорѣ тѣмъ соотвѣтвой повсѣги, избрано предствателемъ одноголосно самого господера, который слѣдующемъ бесѣдомъ открылъ изсѣданіе учелихъ книжесловныхъ:

„Всакій изъ насъ возниааетъ многоважнѣсть того вопроса: акъ при возрожденіи нашей словесности, подобаетъ намъ иисати, пошемо не звании языковъ или наречіемъ и пошемо аной правописи? Заванъ вопросъ тотъ предложитъ будетъ на собѣтѣи пшѣщелъ Собора ученихъ Русинювъ, разберетъ его прѣжде саго многогосворенно и подробно въ шашемъ малочисленномъ собраніи, абы оказати совету, шо суть прѣложении и у насъ люди, которыи трудятся о изобразованіи, управленіи и обогашеніи роднаго слова. Отъ пшалаго бо шрѣшныи далше слышати, пошемо языки и правописи, разшириши, прѣтпалашиса собѣ

голоси: одни жамають иисати по церковному, другии по галичскому, третій по украинскому, инии по закарпатскому наречію: одни хотять возвести старословенскую правописи, другии правописи Лавинского, третій Лавицкого, инии Глинского, а инии Богъ знаетъ еще акъ. Такъ раздумывайте, учении мужи, акъ утихонирити тѣи разширишии голоса, акъ согласити тѣи спорящии ишѣвѣ? акъ составити одну наилучшую правописи, и икий въ ишѣвахъ употребити языкъ? Если имъ и не сможеть сотворити совершенное дело, однакоже слава иша да будетъ въ тѣмъ, шо имъ положила первыи къ тому началу.“

Первыйи голосъ отступлене одному пошанному садоглавному старину, который началъ такъ говорити:

„Акъ состарѣхса надъ чтеніемъ церковныхъ и сицевыхъ книгъ, во инахъ же прѣобразъ есмь не токии правильность и языку языка, но такожде устройственность видювъ и правописанія или орфографіи. И всеу прѣнзывать инахъ онаа, име сотворилиши старини оврачь: древини. Подзвизаніи же младыхъ суетни и ничтожныи. Языкони церковныхъ убо глаголаху русьскіи Словене, име живаху во Галичь, име во Львѣградѣ, име во Премислѣ. Народъ же во весьхъ живущій извергоше многоа словеса, акы ому безнотробная, и повредино ииогнии види: чесо ради просторчѣе его отиудъ не трѣбъ нарицати правильниитъ; оно име убо онъ сохраниме нечто правильное, есть токию „Отче нашъ“ и „Вѣрую,“ ина святая пошенія зся и вси да Руси глаголютъ. Чесо ради инаше поше сацево: водворити и занарити древнесловенскіи оврачь: церковный нашъ языкъ во токии во книгахъ, но и во устахъ руьскаго галичскаго народа! Акъ рѣшехъ и: рачъ своимъ ососершкитъ.“

Послѣ того воднесъ голосъ колодий, навстрѣвъ нашего старословенскаго вѣтѣн, сядящихъ измисловъ:

„Я ся се всѣхъ противлю думкѣ чужаго Палъ — Отца: змѣтъ церковный, то совѣтъ чужій, но нашъ языкъ: отъ занесенный до насъ отъ болгарскихъ вѣстоловъ и хоронивъ ся только въ церквахъ и монастирахъ; народъ не поминаетъ его, якъ и мытъ не поминае; народъ насъ свою вѣску бесѣду, котрую къ нимъ говоримо; и если хочемо для народа писати, то пишати не единъ языкъ, якъ только его власный. Шо са дотычатъ правосая, а радишь бытъ признати правосая Лозанскаго; то найблиша и найуниверковнаша, котра всѣхъ ся подобае и задоволѣтъ всѣхъ.“

„Отъ, перепрашаю.“ озвався другій, „така найблиша ороограѣи Лавицкаго; тую признали вже всѣ Перенимляне, тую вы надобало бы и насъ признати.“

„На шо насъ ороограѣи?“ считалъ иный, „не треба жадной ороограѣи; най кождый такъ инше, якъ ему диктуе сердце, а „шо отъ сердца, то втраеишь де сердца,“ каже еденъ ученый поета; и шо можна бы такъ вымексалковати: шо походить отъ сердца, то всѣ зрозумѣють.“

„Славно, славно!“ воскликнула два его сосѣды, котры и ветоуъ при всякомъ случаѣ, когда только неприятель ороограѣи стагъ говорити, кричали, вѣская въ долоню „славно, славно!“

„Нѣтъ языка безъ ороограѣи“ закътамыъ азбукой защитанкъ старословенцимъ, „дыкъ безъ азбуки нѣтъ писанья, тако безъ ороограѣи языка нѣтъ! Ороограѣи, или правосаясиа, глаголетъ Азравъ Мразовъ и чѣ съестъ наука учащая словеса съ подобающими писменами написовати, таъ при розѣтѣи добра розѣдлати, и отъганиши знаки право употреблати. Обаче не не атвѣа ороогра-

ѣи зыдушихъ новаа признала, разрушаныхъ не вѣтхалъ: но наче воспринѣтъ, нуше и братѣ! церковное правосаясиа.“

„А борони насъ Боже!“ воскликнули всѣ въ одинъ голосъ; и при томъ возсталъ такий шумъ, шо председателъ пракудѣлъ быгъ просити о мѣгчанѣ, котрое когда вступило, говорилъ слѣдующее:

„Я думалъ, шо спорный вопросъ разрешити по доброту, или по крайней мѣрѣ положить къ разрешеню его левѣе началъ; однакѣи вступитъ ашь надѣе, шо ни не безосторожны судѣи; принадлежи къ рѣдичинѣи итѣлѣиъ, закъималъ только свое а опревергаа чужое, ни не сладитъ ничего, не произнесетъ справедливого сужденѣи, ни возве не согласанса. Но пошеиъ далѣе а рѣдичиъ нашѣиъ языка такъ есть многоманное, шо иншеиъ кождого Русина а тотъ должно бы насъ узгладити, аеосторожно розобрати на Соборѣ ученихъ къ общему рѣшеню предложить: про тое думалъ, шо прѣтѣе будетъ всѣхъ насъ услышати такоиъ иншеиъ многообитного знатѣа рускаго слова. Отца Никлатѣи, приходника изъ Селоняки, котрый досагъ, съ пишати еще не отозвалса.“

„А проситъ, просимо!“ озвався все собрѣиѣи а до обичаю всѣхъ прѣжде говорившихъ поднесався изъ нѣста, стагъ, ае закончилься, говорити слѣдующее:

„Я не намерѣиъ предлагати тутъ свое иншеиъ касательно языка или правосаясиа, пошеиъ было бы оно отъ чѣсти прѣтѣиъ ае только достойному защитнику старословенцимъ, но и всѣхъ честныхъ заступникѣиъ престоанродной бесѣды. Таково сознанѣиѣ не доведѣти къ ніякому пошкѣ, якъ тѣмъ къ безрустанкииъ соверщанкѣи. Яуже дѣлаиъ не лѣтъ прокълъ на свѣтъ, и не было потѣи гѣда, въ которѣи бы соверщанкѣи тѣи не затруднали были насъ словеса; но отъ на-

столько времени рашительно вырвеса и вышестись въ такони вымокловони спори; они востарили, но доведуть къ шакоду концу! Высоко еданиа трудя такъ Жразовича. Лучшая, изъ и многозаслужонныхъ нашихъ вымокловонитателой пр. гг. Довницкого, Довницкого, Вагидовича, и похвалю видное стремление ихъ очистити и украсити языкъ нашъ, о сколько возможно; однакожъ откровенно скажу, що въ теперашнее время, се есть: въ началъ возобновленного развитія словесности нашей, живля ихъ, оглашениии еще прежде сего ячала, не розрывать разъ на всегда опорного еного вопроса: изъ языкъ кедобаетъ писати? Того не розрывать на наше вымокловонное собрание, о Честнии жуки! ниже сойтися живящій Соборъ ученихъ Русинновъ. Вопросъ сей да оставитса до того времени, пока свободное развитие книжной словесности нашей не достигнетъ высшей степеня, пока не будетъ изати довольною чтею отличныхъ писателой, котори кончатъ будутъ природу и духа не только нашей беседы, но и старословонщины и всахъ прочихъ словонскихъ нарачій, котори въ сладствие того въ состояни будутъ переводити языкъ свой въ санихъ соответныхъ израженіяхъ, а израженія та въ санихъ соответныхъ израженіяхъ или шо едно и тоже въ соответныхъ, логически составленонъ правоисаіи. Тогда только будетъ можно рашити нечто положительно, тогда только будетъ можно рашительно сказать: такъ языкъ писати подобаетъ. Но пока у насъ, врозъ еднихъ собраний народного изнованія, Русалии, Ванка, Приповодокитяхъ несколько чтецъ Зери Галицкой, изъ еще пространнйшихъ, чисто научныхъ, классическихъ сочиненій, въ которихъ изречалъ бы ся многосторонне, шо при томъ соответ-

но природа языка, духъ поэмо — выобразованныхъ и мыслящихъ писателой, пока языкъ у насъ таконихъ книгъ, котори въ полной мѣрѣ заслужуютъ называтися учебниками и для школы и для житія: дотоль не лзя приступати къ рашенію сего трудного вопроса Рашеню тоо послудуетъ само собою въ свое время, о которомъ положительно не знаеть, наступитъ ли оно въ десять, или въ два, три десятка лѣтъ, или въ полъ века. Отъ прилжности или лживства, отъ охоти къ труданъ или отъ драмоты санихъ же Русинновъ зависеть, наступитъ ли время оно скорше или позднйше. И такъ мое живіе есть: отложити подобнии совзанія до времени, а теперъ принатися возна силани за прилжний трудъ, учитнов свой языкъ, и старословонскій, и вса новозословонскіи нарачія, и писатитакъ, изъ природа нашего языка и розумное сравнение ого съ прочими однокородними нарачіями писати повелывается."

„Понимаю языкъ, честний Отче Ивантій!“ сказалъ Председатель, „советъ языкъ лучше розумний; однакожъ оны не предохраметъ насъ отъ одного великого недостатка, который много невыгоды вривоситъ языкъ въ настоящее время, и которону кончатъ лучше занобачи языкъ найскорше; говорю тутъ о недостатку словъ и израженій именно для высшихъ вонатій. Относительно приобращенія ихъ суть пока нашии учениии розличнии живія; одни думаютъ заняствовати ихъ изъ старословонского языка, живи изъ розличныхъ живущихъ словонскихъ нарачій, наковонецъ суть и такіи, котори советуютъ советъ новии слова творити или языкъ сказалъ оди изъ нихъ ковати.“

Отъ понору, голоду, огни и кончателой немыхъ сленъ“ воскликнулъ и, „со-

храни насъ Господи! Къ чему бо поведеть все тоо покаянне? Ото: уловить одинъ изъ сколько новыхъ словъ, а другиі учении, коториі, какъ извѣстно бывають иногда горди и самолюбиви, не пріймутъ ихъ вовсе, а только скажутъ въкоторыи изъ нихъ: свободнѣе тебѣ ковати, будемъ и ми! И ставутъ на перевертъ ковати чудовища, неслыханныи, невиданныи и нововиди и будутъ въ книгахъ рускахъ сличеніе такое какъ въ ово время бабилонскаго столпнотвореніа. А ми несчастливи читатели, не срозумиетъ ніякой русской книги безъ особеннаго, приложеннаго къ ней словаря, которыхъ, съ униженіемъ словокательныхъ писателей, насчитали бы ми тысящани! Отъ такового безрозуміа сохрани насъ Господи! Лучше послѣдовать совету тѣхъ, коториі не дають занисывовати недостовирии наизъ слова изъ живущихъ одноплемениныхъ ярачій: но поже не то для пережившиейся природы речениныхъ ярачій сопряжено съ великии трудностями и не обшачаетъ богатаго для насъ полову: такъ наилучше удаватисъ о поноши къ самой же матери всѣхъ словенскихъ дочерей, къ яренъобильному церковному языку, о которомъ говоритъ Шварницъ: „Церковное или кирилское ярачіе отличается наибольшимъ богатствомъ словъ и видовъ, такъ же оликѣ нѣз первобитнаго характера словенскими въ нимыхъ ярачійхъ уже только где куда, отъ части въ скудныхъ облонкахъ, яко останки корабля, бурю и потопомъ разбитого, обрастаютъ, тутъ еще ась найти можно акуна и нѣз члѣстои.“

Тѣи слова произвела великое впечатленіе у честнаго председателя, который приближившись ко нѣз, подавъ нѣзку руку и обнявъ по братерски. Не съ такимъ одианомъ чувствомъ пріяли беседу нѣз ась прочіи

члени языкословнаго собранія; речении защитнику Иразовичу назвалъ тѣи нѣз и всѣхъ своихъ крайнихъ протавникозъ еретиками, и сказавши: „нѣстъ страха Господня для нещдъ престовычннкозъ: водвориса убо всеобщина обласнъ!“ азалъ за нѣзидомъ и удалился изъ конштати. За нѣзидомъ яскорѣ и заступнику яравоисей Левничего, Дезнискаго и пр и однаи изъ нѣзидомъ погрозили нѣзидомъ, ще оинишетъ нѣзидомъ въ газеткахъ!

И тѣи въ конштату осталесъ своа толко нѣз трѣхъ: честный Господарь, Отецъ Григорій и я. На обѣдъ войшли ми развѣтъ въ гостиницу подъ „Черного Орла.“ где я принужденъ былъ достойному господарю, приходнику изъ Стрийскаго округа, который стался отъ нѣзидомъ ближайшимъ другомъ, розсказывати про свой родъ и происхождение, про всю нѣзку сѣзю, про Солоничку и ея сосѣдъ, и поконокъ даже про нѣзкое великое несчастье. Честный приходникъ изъ Стрийскаго сожалѣлъ душо надѣ нѣзидомъ, и пріеркъ самъ такѣи занисывовати про нѣзидомъ дочьрю въ добре знакомитъ оную города.

Послѣ обѣда войшли ми въ редакцію Зори Галицкой, где предлагалъ я да се драгоценное письмо за себе и за сосѣда въ Верховинни, которому хотѣлъ прѣслужити пріятнымъ даромъ изъ Львова.

Потомъ завелъ насъ честный Приходникъ изъ Стрийскаго еще къ одному славному Русину

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПАДЕНІЕ ЦАРЯГРАДА.

(Водла М. Вишневскаго.)

(Заключеніе)

Уже Греламъ нестасъ сердца, уже нѣзидомъ хребришимъ еще боритъ „А. Дмитрій Канте-

взвешъ и Теофилъ Палеологъ видаютъ ся
 лезуть (выстрѣль) стремленіемъ въ густыя
 Османовъ толпы и еще разъ задерживуть
 Янчаровъ. Во томъ кули чи дротъ трафале
 въ руку Димитрианаго, который лично
 въ отвагом и радомъ былъ вѣдѣйствитель-
 нѣйшимъ Цариграда оборонителемъ. При-
 тисненнй болемъ, покладъ Димитрианиа свое
 становище и заралъ черезъ проломъ змы-
 шовани, повалылъ до Галиты, щобы дати
 осмотрати рану. Много Латиняковъ пошло
 за его прикладомъ, оборона теперь слабша
 право до хвили, коли Турки съ najbolj-
 шимъ храбростію наступати стали. Турки
 мже сте разъ были численнѣйшимъ отъ
 Християнъ, подвойнимъ (сугубымъ) муръ мѣ-
 сте омысунціа безпрестанными выстрѣлами
 шумокъ уже разсыпалъ ся въ грузы. Ян-
 чаръ Гассанъ силы и возраста великаньско-
 го съ мечемъ въ правой долинѣ а щитомъ
 во лѣвой, верхій досталъ ся на муръ; зъ
 тридцати его защитниковъ, восемнадцать
 мечъ греческай истребилъ. Гассанъ съ ли-
 шившимъ ся боролъ ся бодро на мурѣ, но въ
 короткомъ времени на долъ го струченъ;
 еще разъ поднесъ ся на колѣно, но Греки
 градомъ кули и каменій его добили. Въ ко-
 роткомъ часѣ теперь припадомъ Гассана
 доохочени Турки, роани покрыли и муръ
 и воши; а коли ихъ число съ каждою по-
 ншамало ся хвалю, Греки росбѣгатись ста-
 ли. Алга уже горстаа Генуеньчиковъ, ко-
 трами до послѣднего бороилися. Головний
 немалъ Янчаровъ валитъ ся до мѣста пре-
 лешенъ коло воротъ с. Романа трунами за-
 валенымъ, съ быстротомъ дисканціа разхе-
 дить ся во мѣстѣ вѣсть, мже мѣсто уже
 зинте, мже хоругвомъ турецкая уже на му-
 рожъ и на замку (валатѣ) вѣе. То утуш-
 ши Іоаннъ Палеологъ, мже съ герцогомъ
 сбранныхъ прятелей въ найгустѣйшимъ толпамъ,
 стелить трупомъ що лишь мже его доста-

ти мже и окрываетъ ранами, еще борьбу
 удержив. Около него лежить Францъ Тале-
 до, Теофилъ Палеологъ и Димитрій Канта-
 куленъ. Еще долго середь найгустѣйшого
 сметенія видѣно Цѣсари Палеолога, который
 въ той хвилѣ послѣднимъ, воеводѣ и воинѣ
 должности исполналъ. Наконекъ счезъ. Се-
 редь крику и сметенія погибъ остатній Цѣ-
 сарь римскій отъ руки незнакомѣ. Въ сей
 часѣ теперь все розбѣглося и въ розныи по-
 налось сторонамъ. Много въ тѣсныхъ воро-
 тахъ саяго Романа подусало ся, нимъ
 зарумишани очи съ муровъ кидали ся. Но-
 тарасъ скрмылъ ся въ своихъ домѣ, а тичъ
 часомъ Турки валить ся ватагомъ до мѣста;
 зъ разу лкаячючись такъ крѣпкого (добраго)
 въ мѣстѣ якъ на мурахъ сопротивленіа,
 стелить трупомъ що только понаде мѣ въ
 руки. Во першой хвилѣ встеклости поги-
 бло двѣ тысячи Християнъ отъ иузулмань-
 ской саблѣ. Греки стали опускати дома и мо-
 настири, трепетаючи съ перелеку громадилася
 во улицяхъ якъ череда полохливыхъ овецъ.

Незадолго улицы исполнялися избивни-
 ками, котрымъ перестали уже быти людьми,
 и въ очахъ Турковъ сойшли до ряду звѣрять,
 мже своего родного мѣста до послѣднего
 боривати не хотѣли. Вовамъ спѣшачи по и-
 ными добычи, лениво якъ въ неволю идучи-
 чихъ Грековъ гвали грознымъ крикомъ и
 лѣнни. То само и по нимъ мѣстцахъ,
 церквахъ и палатахъ дѣвалось; тичъ часомъ
 въ отдаленной сторонѣ громада мужей
 и невѣстъ, о ничѣмъ незнаючи, стройно съ
 свѣчанимъ горящимъ въ рукахъ праздновали
 обхадомъ горниство саятомъ Феодосіа. До
 шестидесяти тысячъ Грековъ забрано до
 табора або на флоту. Вѣрхъ продано и роз-
 сыпано во розныхъ сторонахъ Турціи; а
 итальянскимъ кораблѣ, котрымъ въ вристанкири
 стерогли ланкужа, лишь дещо Венеціанъ и
 Генуончиковъ съ собою звали.

Разночатымъ о первой годичѣ съ по-
лудия грабемъ продолжалъ ся до годичныи се-
зон, каки Магнудъ во друминыи везиронъ,
паши и стражи прибочномъ, зъ самыхъ ве-
ликаанского вида людей сложенномъ, порота-
са съ Романа до мѣста въѣхавши, чудовалъ
ся нады великолѣннѣмъ мѣста, копулами (ба-
нями) и налатъ архитектурую. Потройного
зума свѣткою вдаривши, слѣзъ Султана съ
коши, и войшолъ до Церкамъ св. Софїи, ко-
тру уме воаки въ всѣхъ украшенїи были
обдерли, въ сей часъ приказавши поисова-
ти живописи, мозаики, всѣ лишившии си
еще украшенїа, святыню христинскую на не-
четь замѣнилъ; въ наступующую патинцю
уме зъ найвышномъ веши нуезиниъ воззы-
валъ правонѣрныхъ Исламитовъ до молитвы.
Тахъ проповѣдалъ зъ явона, я Магнудъ
обходилъ намазъ, где еще слыно послѣднїиъ
зъ Цѣсаревъ бизантїйскихъ службы божи
слухалъ. Такъ теперь въ тысячу сто два-
дцать пять лѣтъ по основанїю Константи-
нополя, въ девятсотъ сѣмдесять сѣмъ по
наденїю Цѣсарства западно - римского, упало
Цѣсарство восточное и его престольное
мѣсто, котре столько разъ полкамы Косро-
еса, Кагана и Калифовъ Аравїи щестливо
противилося; и котре не взирая на неща-
ста и понименїа еще было головнымъ сѣ-
далищемъ наукъ, просвѣщенїа стародавно-
го и словесности греческомъ, въ котромъ со-
блюдало ся такъ много дорогихъ для Хри-
стїанъ памятковъ, такъ много святыхъ мо-
щей, где ся отбывало такъ много соборовъ,
где было такъ много благолѣпннхъ святыхъ
христинскихъ и въ котромъ религїи хри-
стїанская верамъ разъ на престолъ за-
сѣла.

*Перевелъ съ польского
Іосифъ Лавицкїиъ.*

Издослани.

Нытншаго дая, съ архїеи 36 речнншъ асту-
плонїа на престолъ Митрополїтальнїи бго пресосво-
тельства проавш. Архїеера куръ Михаила — Ресто-
реть говоръ: Сомнїарїа злннншъ соборова Богослу-
женїю о зрвнїа и долготельствїа Тогомо Архїеера
торпественно отврала. —

Лавовъ днѣ 19. Мая 1833.

В С Я Ч И Н А.

— Отъ нѣакого времени употребають
въ Россїи зеленую гербату въвѣсто ты-
тлюю. Продають тахъ такюмъ гербатовымъ
сїгара, которыи больше оцнїяются наъ ты-
тлювымъ, новеме аурятся врїятно и не спра-
вляють завороту головы. Нѣкоторыи лѣка-
ри совѣтуютъ таковымъ сїгара употреблїти
протнвъ розлнчннмъ болѣзннмъ грудей и
зубовъ.

— Мннвшїи годъ славнншъ есть отары-
тїенъ черезъ астрономовъ семи пла-
нетъ, такъ що число доселѣ извѣстннхъ вы-
носнть на 30. Во времена Коперннка, нлѣ-
обрѣтателя солнечной системы (1472 — 1543)
было извѣстннхъ 6 планетъ, т. е. Меркурїиъ,
Венусъ, Земля, Марсъ, Юнцтеръ и Сатурнъ,
и число тое трезало до 1771 г. въ асто-
ромъ славнншъ Гершель отарылъ Ураноса.
Наибольшее число тахъ небесннхъ тѣлесъ
открыто отъ 1845 года.

— О добыванїи золота въ Ав-
страліи доносатъ, що въ мѣстѣ, назван-
номъ Яра - Яра, обоуеть 4000 людей, и всѣ
дуже удоволены изъ своей роботы; они
добываютъ еженѣсно золота въ цѣнѣ о-
коло 10 милїоновъ р. ср., кожднїи трудо-
щїиъ добываетъ еженедневно почти 4¹/₂ ун-
цїи золота, а унцїа въ Сидней платнтся по
36 р. ср.

— Мени Туркани облагаетъ совре-
менно тахъ новѣста, будь те дорнашъ нхъ

придетъ конецъ въ семь еще году. „Четыреста лѣтъ будетъ владѣти полумѣсяцъ въ Царгородѣ — не войдетъ въ предѣлы его лавговолосый народъ, который поломить конецъ сей державы;“ такъ говоритъ турецкая проповѣда, а какъ известно, въ г. 1453 сдобыл Турки Царгородъ, и тому сего года кончится четыреста лѣтъ.

— Забѣчано достоино, що три славными послѣднихъ временихъ середного вѣка то, Рафанъ Санчіе, Шекспиръ и Іоаннъ Собскій поумерли въ семь день напятамъ своего рождества.

— Въ Вѣденскомъ театрѣ представляется современно вѣднй Жанъ Пиволе (Иванъ Малый) 20 лѣтнимъ карликъ, 34 пальць высотой.

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНІЯ.

— Сени днъ выдалъ проо. Ф. Минюсичъ во Вади „Апостола“ въ старогловенскомъ языкѣ по списку, приобретенному въ Шинтоовской новостирѣ. Рукопись писана 1324 года руномъ полахъ Давида въ Зребѣ.

— Славный сербскій ученикъ Вукъ Стефановичъ Кувалинчъ издалъ с. г. въ Вади своемъ „Сербскія народныя проповѣди.“

— Такое вышло достоачатна вѣща въ вѣснѣвой лѣтѣ воля заглавию „Исторія Черногорскаго Княства. Отъ найдавнѣйшихъ временихъ по годъ 1852. По сербскимъ грамотамъ, историческимъ перламъ и народнымъ писанымъ составленъ Александръ Аврагичъ.“

— Природна самопечатая (Naturbeibdruck) Управитель в. в. державной и придворной типографіи во Вади г. Ауеръ, и дѣловодчикъ той же типографіи г. Воррингъ дѣлываютъ недавно способъ природного самопечатанія, которое то многозначное изобрѣтеніе вознаграждено владѣльцѣмъ Его Величествомъ нашимъ Цесаремъ. Оно состоитъ въ томъ, що всякія предметы преромъ, и по листмъ, цвѣтмъ, растѣямъ, завачеными органическими тѣла, таковыя утвори человеческихъ рукъ, нескіи пишаванни роботы и инни подобныя вещи, дѣлота, безъ содѣйствія человеческихъ рукъ, въ изобрѣтѣннихъ изобразеніяхъ отпечатати въ потюхъ особливихъ художественныхъ способохъ розноковати. Новое тоє изобрѣтеніе, котороемъ сѣбѣ гордиться можетъ Австрія, отираетъ новую дѣбу въ друкарскомъ искусствѣ и общаеветъ такъ для промисла, якъ и для науки. особливо при издѣваннѣ столь дорогахъ сочиненій съ образками веланихъ вытолъ и надзвичайныхъ устаткхъ. Поможетъ могутъ теперь сочиненія, писавшіяся писано предметохъ природы, не только издаватися съ вѣрными предметамъ оныхъ нескіи соотвѣтными изобразеніями, но таковы будуть они съ такъ поръ прозвати ся по таньшой цѣнѣ, якъ нужно было до нинѣ платити за писелотаски, древо- и металерны и пр. Голубное дѣло природного самопечатанія состоитъ въ отпечатаннѣи подлиннаго предмета на оловянной пластинѣ (блѣдѣ). Вещь бо, которую самопечатаетъ въ образкахъ розноковати должно (на пр. растѣе, листъ, крылье котла и пр), кладется неки дѣи платини, вѣдланку и оловянку, и тѣи протягаются потюхъ неки дѣиля тѣсно сложеными валки. Тѣмъ печатинельцѣ изобразается всяка, будь и найчѣмъшла частика неши, неки платини аложенной, на оловѣ: той первообразъ розноковается потюхъ посредствомъ гальванизма и предается въ таску на способъ обыкновенный.

Остатного сего вѣснѣи по латинскому Мѣсяцислову кончится предѣлата сего четвертьрочія, про тоє просимъ нашихъ Вн. читателей не пренемеровавшихся еше на третое четвертьрочье приуверату прислати завчасу: такожь замачеветъ шо еше можла некого ексендирей лашои временописи отъ первого числа по обыкновенной цѣнѣ получить. О точное написаніе имени, остатной почты и частна отбегателя прислать, ибо таковыи образомъ обвинутся трудности въ досланнѣ. Если бы кому изъ Вн. читателей недоставало якого числа изъ сего четвертьрочья то просимъ неериковавшихъ и отвортиль писемнохъ съ надписомъ Reclamation Редакцію уведомити, в подосланіе скоро послѣдуетъ.

(Слѣдуетъ 13. Число „Поученій Церковныхъ“)

Изданіемъ и тискомъ Института Староиндлинскаго
Отвѣтственный Редакторъ Іоаннъ Гумаловичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИНТЕРАТУРНОМУ,
ОСМЕРКОДЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Благодаря сообщению из Сергеева два листа, по старому плану из Листов 4. пр. 40. пр. и. и. — съ почтовою маркою 6. пр. и. и. — Большая четвертью получила заплату из Листов 1. пр. 10. пр. и. и. по почтамт по 1. пр. 30. пр. и. и.

Остатное сего письма по латинскому Миссионеру кончатся предметъ сего четвертью, про тое просить нашихъ Ва. читателей не пренебрегающихся о-ще по третое четвертью пренебрегу проситъ заплату; такая заплату о-ще пошла первого экземпляра зашею пренебреговъ отъ первого числа по обыкновенной намъ получить. О точное написание имени, остатное почты и частия отб-рета просить, ибо такая образомъ обиваеца трудности въ дослани. Если бы кому изъ Ва. читателей недоставало этого числа изъ сего четвертью, то просить по-равновозможъ и отвернуть послать съ надписомъ Редакціи уведомитъ, а послание скоро послать.

БЛИЗОСТЬ ВЛЮБЛЕННОГО.

(По Гете.)

Тебе пишу, когда въ рѣкѣ играю
Самочинамъ лутъ;
Тебе пишу, когда вѣселяю
На дѣлѣ дремлю.
Тебе я пишу, когда въ пути милой
Носится вѣхъ;
Когда страданъ стою, въ ночи глубокой,
Иду въ слезахъ.
Тебе я пишу, когда курю, власяя,
Вода кипитъ,
И слушаю аду въ густину газ,
Когда все почитъ.

Я при тебе, хоть ты въ вострой диле
Кинешь воемъ.
Уже спорошь, когда заблесталъ:
Ходи смелъ!

Борисъ А. Д.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО- ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖествѢ СЪ ПОЛОВИНЫ ХИ- ЛО КОНЦА XIII ВѢКА.

(Сочин. Антон. Петрушевскаго)
(Прологическія.)

Андрей; занять походомъ престоломъ
Іерусалимскимъ, но нѣтъ слухи истини прѣ-
чиною оу обиди, помирися, допрѣд-

строить Галицкого великого Судислава, съ Мстиславомъ, который чтобъ обстоити при Галичи, отпустилъ теверь пламенный Коломанъ и согласился даже къ тому, чтобъ великий сынъ короля Андрея, внучонъ таковыи Андрей женился на дочери Мстислава, коеи въ преданое отецъ назначилъ герцогу Перемисль (1221) 68). Къ таковому распоряжуду Мстиславъ былъ принужденъ кажетомъ обстоятельствомъ времени, ибо Галицию боаре не желалъ имти своини князю Данила, предлагаемого инъ Мстиславомъ, и притомъ Польша не отвращала своихъ князювъ взоромъ отъ нашего отечества. Хотя Мстиславъ чрезъ некоторое время отступилъ своину будущую зятю Перемисль, однако бракъ тотъ не могъ на сей разъ совершится, такъ за нелюбови отвоиъ жениха и новести, какъ для времени повеленюи сына Андреева на царицу Арменской, и Папа Гонорій III. не согласался разрешити оттуда вронскоидящаго церковнаго пренатстаи, утверждаъ въ писемъ своини (въ 1222 году), что Галичи принадлежитъ Коломану зятю герцога Польскаго, возведенному на ея ерствъ Анастоль-

скою властью 69.) Между темъ польскій князь Лешко обвинити полнитою Венгерского короля, проирился в сакъ съ Мстиславомъ и Ронановичи, которые извратая къ возмужлости стали отличатся храбростю: овозорили теверь ео страшнмиъ разорениемъ окрестностей Бельзи и Червена, наказывая такъ Бельзскаго князя Александра за участвование его въ последиой войнъ съ суздальной Польшею и Венгриею противу князя Мстислава.

Казалось, что, подъ защитомъ мужественнаго Мстислава и храбрыхъ Ронановичей, отечество наше отдохнетъ на некоторое время отъ усобицъ и напестей корыстолюбивыхъ суздаль; но княчи хотело Провидение, пославъ къ границамъ южной Руси новаго, лютаишаго врага — Титаръ. Покорилъ себя западную часть Азии, коснула одна часть ихъ, на обратномъ воинственномъ походъ своецъ, Азовскихъ степей и разбила здъс кочующихъ Половцовъ. Разгромленные Половцы, а между ними знаменитиый князь Котлякъ, тесть Мстислава, бжались въ Киевскую область и взволновали Русь въстиею е перомъ ковлении Монголовъ на границахъ ея, взывая къ се скорой помощи для стгании общаго ннъ врага. Храбрии князь Галичкй шлалъ ровностию испитати счастья съ воини вра-

68.) Снъ письма условии известио данъ по границе Папы Гонорія III. писанной въ 1222. году въ Андрей Венгерскому. Сн. Райвалла *Annal. Eccles.* T. XIII. 324, 325. Упомянутый нами, отъветству королю Андрею, говоритъ: *Cum sinistra accidia, regem ipsum (Коломана) cum uxore sua et pluribus aliis viris nobilibus a tunc hostibus capturari, et tandem extra regnum ipsum mancipatos custodie detineri, donec, necessitate compulsus, cum ipso aliter liberare non posset, iuramento praestito promississet, quod filio suo, tertio genito, concessisset ipsi regnum (Галичи) et acquisitionem Коломану praefatum ... illam nobilibus viri Mincolai (Мстислава) matri monialiter cepulurum, super quo atique Apostolice provisionis suffragium postulavit.*

69.) Въ писемъ Гонорія (сн. выше при 68.) читается: *Regi nato suo secundo genito (Коломану) ad regnum Gallitiae sibi datum per venerabilem fratrem nostrum, Strigontensem Archiepiscopum auctoritate sedis Apostolicae coronato in Regem. O uxore vestra Andreae, Царицеи Арменской, сн. *Pras Annal. Reg. Hung.* III, 316. Дарже говоритъ Папа: *Cum enim sicut accepimus, praefatus filius tuus et filia supra dicti Mincolai in minori existant consuetudine notata, antequam ad nobiles annos perveniant, tibi cautius et consultius provideri poterit in hoc casu, et pro.**

гошь, собрать юже русскаѣ князѣи на советъ къ Києву, и убедить ихъ для обороны русской земли вооружиться и, не ожидая приближенія такъ же, искать повивнагого неприятели за границы Руси. Къ составу много численной русской рати, принадлежали Волинии и Галичане, которые на 1.000 лодіяхъ шли на Днѣстръ до чернаго моря, вошли въ Днѣпръ и стали у рѣки Хортицы 70). Мстиславъ Галицкій въ первой налож схваткѣ разбилъ породоу татарскую страну и такими наложниками удержалъ надломани русскіе князья, переправившись все за Днѣпръ и шли девять дней до рѣки Кляки, шлы Калеца въ Экаторивославской Губервіи близъ Мариуполя. Настигнувъ неприятели, вместо чтобы соединити асю ратную русскую силу, князь Мстиславъ, будто презирая врага, разначалъ битву, не уведомивъ о томъ другихъ князей. Наврассо Мстиславъ Галицкій, шлыкій Даниль и прочіи русскіе герои изумали Татаръ нуместовиъ своихъ: наложушине Половци не выдержавъ монголаго напора бжали первые, а за ними разбиты русскіе полки. Земля русская, говоритъ современншій Летописецъ, отъ начала своего не видала подобнаго бѣдствія — стройное, бодрое и сильное войско ея совершенно изчезло, а въ числѣ его шло шесть русскихъ

70.) Ипат. Лѣт. 164. Присутствующій тому нечастному походу безъименный Летописецъ говоритъ: „вса князь во суху же Днѣпръ перешедшичъ, шлоше покрыты волѣ быти отъ нешества лодій, а Галичане и Волинии княздо со своими князьями . . . а выгонци Галичкыи прилоша на Днѣстру в волдоша во море; бѣ бо лодей тысяща, и волдоша во Днѣпръ и возволоша поплочи и оташа урлш Хортиц на броду у протоки; бѣ бо отъ нихъ Демидричъ Юргій и Доридричъ Володславичъ.“

князѣи (1234) 71.) Вся южная Русь чувствовала долге послѣдствія сего безпрестаннаго пораженія, котораго едва не главнымъ причиною было излишнее славобліе Галичкаго Мстислава, неслитаваго теперь въ первый разъ узнасное нешествоство судьбы.

Русскіе князья и не такостъ страшновъ разгроми Татарсконъ никакъ не ушудрились, но стали во времешу усобищани губити отечество свое. Сомъ даже Мстиславъ Галицкій, уважении южнорусскани князьями за главу в посредника, оболачиъ злобничи в шумоніани Александръ Болычкаго, вознакарилъ теперь Данила зятя своего дштити владыи его: ушрившись однако о клеветѣ Александровой, прекратилъ нешдоусобищную брань, шромалъ злобнаго клеветника. Не шенце не усложонившись и Галицкіе бояре. Вшолошони салетнои вельноио Ярославъ, будтобы Мстиславъ шкаронъ предати ихъ, какъ враговъ, на избѣиіе Халу Половникошу Котану. бжали, укорасии советью, съ воши донашними въ горы Карпатскія, и едва могли быти возвращени Духовникошъ класкеничъ, ушрившичъ ихъ о нешзвѣстности праводушии и милосердіи Галичкаго Государа 72.) Подобничи недоуриентъ дшкничи Андрей, нароченичи зятъ Мстислава, ушелъ въ Поремшия къ отку, съ жалобою на какую-то шнищую несправедливостъ своего будущаго зятя: въ сшдствіе чего вторгнущиши надирская рать за-

71.) Ипат. Лѣт. 164. „Мстиславъ во не шотилъ ни (т. е. прочитъ русскани шнжель о развочотой битвѣ) замести рал: бѣ бо шотера волка пошю ни . . . Бысть воблалъ на вса князи Рускани, такоше не бышало шшшогдане.“

72.) Ипат. Лѣт. 165. говоритъ что Галицкіе бояре „отшдоша въ землю Поремшишескую, въ горы наволоцскія, ронше во Угорыштан, во рѣку Днѣпръ“ (должно чит. Днѣстру) Не бжли

взвела Перемысль, Звенигород, Теребовль, Тихонь, и приступила даже къ осаде Галичи. Къ счастью князь Данилъ, взоръ своему тостю, успелъ удалити приближающееся польское войско отъ соединенія съ Мадерани, которыхъ самыхъ удачливый Мстиславъ разбилъ и прогналъ изъ русской земли.

Князь Галиций, не победивши оружіемъ, далъ себе, после той победы, обмануть вельможа Судиславу, въ следствие чего оставивъ воински дѣйствія, выдалъ дочь свою за королевича Андрея и возвелъ его на престолъ Галицій, а себя оставилъ одно Повизье (Подолье) т. е. юго-восточную область своего княженія (1227). Оболженный Мстиславъ скоро раскаялся, и хотя уже поздно, извинился оу предъ Даниломъ: „Саду! (говора къ послу зятя своего) а сограшилъ, не давъ тебѣ Галича, но внощелешиванивъ. Ластекъ Судиславу обмануль мене — но естли Богу угодно, то ми поправилъ ошибку: я соберу Половецъ и ти свою дружину, изгонимъ Угровъ; ти возмешъ Галичъ в савъ останушь въ Повизья.“ Но смерть не дозволила Мстиславу сдержати слова, а козни вельможа лишили того добродушного старца даже утешенія, видети еще предъ кончиною Данила, чтобы ему поручити свое сошество. Мужественный Метоловъ задушилъ себя, подобно отцу своему, ния храбраго и удачнаго, скончался склянникомъ въ городъ Торческъ (1226) 73.)

ли, тѣмъ горскимъ приближенъ, для Галицкихъ брать дровами, гористая вѣрность Тустанъ (гдѣ была деревня Урчице въ Стрийской округѣ). Въ близки того урочища находятъ нѣтъ двѣ деревни: Боггорелци и Тустановиче, изъ которыхъ первая доказуеть, что Тустанъ былъ городомъ, а вторая, что онъ тѣмъ въ концѣ дѣлъ назывался.

Смерть старшаго князя Мстислава, возобновила распрю въ южной Руси. Королевичъ Андрей, услышавъ о кончинѣ тоста, немедленно завладѣлъ Покиевомъ, какъ удалецъ Галицкимъ. Возмущалъ Данилъ, которому, еще за князя Мстислава Галицкаго, скончавшагося князь Мстиславъ Наный (Ж 256. XI. С.) отказалъ Поросонницу, Черторійскъ и Луцкъ, успѣвъ въ сіе время, отобрати послѣдній городъ изъ рукъ Ярослава Нигваревича. (Ж 314. XII. С.), смявца Наного, подобно какъ Черторійскъ отяти князю Пинскому: однако валуя пленнаго Ярослава въ Луцкъ, выдалъ его Данилъ Перемисльскъ и Межибожскъ. Такии удачливи подвигани, двадцатьдвулѣтний Романовичъ, обратилъ на себя вниманіе южнорусскихъ князей, опасавшихся его отличной храбрости. Князь Кіевскій Владиміръ (Ж 262. XI. С.), вздумалъ теперь истати обиду сказанную отцу его Рюрику, востриженному силою Романомъ Галицкимъ, и призвалъ себя на помощь Хана Половецкаго Котана, князя Черниговскаго Михаила (Ж 228. XI. С.) съ другими князими, и даже королевича Андрея Галицкаго, съ войсками которыхъ осадилъ онъ Каменецъ.

73.) Для удобнѣшаго означенія русскихъ князей, особливо тѣхъ, именитыхъ чрезвѣрно разбѣлѣвавшихся Рюрикови дома, ставу и определяти такъ же Нумеромъ (Ж), прибавленнымъ къ инаея ихъ въ „Родословной картинѣ русскихъ Царей и князей Рюрикови рода,“ составленной съ большою точностью и трудолюбіемъ Госп. А. Зубринскаго 1852. г., налъ Приложеніе къ Исторіи Галицкой Руси издавонной тѣмъ же достовоч. сочинителемъ въ Львовѣ 1852. Такъ наиритѣрь, слѣдующее сопряженіе Мстислава Ж 268. XI. С. означаетъ, что упомянутого Мстислава названнаго храбрнмъ, должно искати въ родосл. карт. подъ Ж 268 въ Столбцѣ XI Рюрикова рода.

городъ Давидовъ: но сей воинственный походъ кончился съ стыдомъ для Владиміра Кіевскаго и его союзниковъ; ибо когда Котлячъ отступилъ на сторону Романовичей, а Давидъ свои и польскими вспомогательными полками готовился къ осаде Кіева, принужденъ былъ оробавшій Владиміръ самъ просити мира, на который согласились великодушные Романовичи.

Давидъ, услуживъ, взлнною поношью князю польскому Конраду, наказати убійцѣвъ брата его и своего друга Лешка, обратилъ наконецъ оружіе свое противъ незаконныхъ владѣтелей Галича. Завоевалъ всю отпесскую Галицкую область, плывалъ самаго королевича Андрея, но пония старую дружбу отца его, отпустилъ бывшего Галицкаго Государя во Венгрію, дозволяя даже вѣзеть съ нимъ захати нятеникому Галицкому боярину Судуславу, который въ юности королевича управлялъ Польшею. Напрямно посмалъ король угорскій Андрей, старшаго сына своего Беду, съ многочисленною ратью, отогнати Давида; ибо надарское войско, съ своимъ гордымъ предводителемъ, не возмогло отыскати Галича, и почти все погубило отъ непогоды и русскаго жеча (1229) 74).

(Продолженіе слѣдуетъ)

74.) Ипат. Лѣт. 189. Говоръ объ осадѣ Галича Мадарани упоминаеть о ностѣ въ Галичъ „за игоша ностѣ на Давидъ безапоиний лнхмъ Сильваню“ . . . но онъ упомяетъ въ счастіи Давида „о ностѣ вочалъ нитюму ланю Давидъ корейта.“ Большую часть Угровъ вотоинилъ Давидъ, для чего говорить льтописецъ: Давидъ злу итру смтра Угровъ.“ Остатокъ убѣднлхъ погубъ отъ стужи „въ нонтъ вѣзше своироща, ннѣ окодо огни солгашесе и нлсо къ устоуъ крѣдѣше уншраку.“

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій архидіаконъ или Соломакинъ.

Повесть, или сказаніе повѣствователя.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Четвертого дня послѣ прибытія моего въ Львовъ, проходилъ я въ равнинахъ годинахъ съ княземъ Романовъ по некоторымъ уличкамъ ради повскою за Ровичею и несчастливую дочерью: но будучи утомятъ такъ несколькими дневными холода и различными прѣстѣнями и непріятными впечатлѣніями принужденъ былъ и вернутъ въ мою гостиницу, оставивши дальшій трудъ хожденія своему сыну.

Сблизившись къ своей гостиницѣ, встрѣтился я у брамы съ княземъ Федоріемъ, который дожидался мене тутъ истеричное, нияя открыти нова шось великое. Вошедши со мною въ избочку, сталъ онъ разсказывать, що два раза приходилъ къ нему какой богато одѣтый Пашъ съ долгими усами, и допытывался съ великимъ заветіемъ про Отца Игнатія. Онъ роспрошивалъ Федорія про коихъ сродниковъ, въ Угорщина живущихъ, и послѣ всякого о нихъ известія, якое сообщалъ ему Федорій, веселивался онъ радостно: „Ахъ, се тотъ самъ Отецъ Игнатій!“ съ которыхъ то словъ мой Федорій сдѣлалъ заключеніе, будь то сей богатый Пашъ или знаконый съ родною нами въ Угорщина, или же больше можетъ таки самъ родственникъ: но додаль при томъ, шо ось Пашъ кажется бити дужже богатый, бо за сѣмъ малелькумъ услугу, за сообщеніа известій о нашей родинѣ въ Угорщина, подарилъ ему три новельнѣмъ серебромъ.

Донесеніе тое удивило мене чрезвычайное, и по отходѣ Федорія сталъ я нлого о

тош роздунивати. Про особу багатого Пана сдмалъ я однакомъ другое заключеніе, якъ мой Федорій: зайнятый бо пренуждою естественно мислю о моей утратѣ, думалъ я, що можетъ сей Господинъ получивши вѣсти извѣстія о вѣсти пребыванія Раовича и бѣдъ моеи Наталіи, тронутый къ тому коня нещастіемъ, желаетъ мнѣ ихъ сообщить и привести даже такую волю.

Еще занимался я коня роздуниваніемъ, когда услышалъ легкий стукъ у дверей, и на мой голосъ: „прошу войти.“ вступилъ во избу описанный Федоріенъ Панъ съ долгими усанами, одятыи въ пребогатое платье.

„Изюмъ за честь говорить съ Отцемъ Пгантіенъ, приходникомъ изъ Соловьяни?“ спросилъ онъ умилымъ голосомъ.

„Такъ. Ваше Благородье! и Отецъ Пгантіенъ плотию и духомъ;“ отрекъ я кланяясь честиливо.

„Ахъ!“ воскликнулъ онъ кидаясь опрощиво въ мои объятія, „ахъ! томъ обвиняю и кляну моего наилучшаго сына Пгантіа, родомъ съ Перенати въ Угорщинѣ! ахъ, радуйтесь мои очи, радуйся душа твоя найщастливѣйшаго случая, который подалъ мнѣ способность поздравити сына Пгантіа! Мой отецъ, вашъ родненькій братъ, теперь приходникъ на вѣстна дѣла въ Перенатъ, моя мати, моя сестри и братья казала васъ поздравити, объяти, уклявати сердечно; такъ пріймите и отъ моихъ поздравленіе!“

И съ тами слови кинулся онъ въ мои со мною объятія и клявала мене то въ лице, то во руки, такъ же и на плечу не далъ мнѣ отдохнуть, и отъ восхищенія прійти до себе. Закончавши сін жаркіи поздравленія сталъ онъ мене розсказивати, якъ его отецъ послалъ на коня до Пешты, якъ онъ такъ черезъ богатую девицу пріймелъ до великого нивія, даль-

ше объявилъ мнѣ, що теперь ради своихъ низкихъ дѣлъ прибылъ на коня до Львова, и не созволить, абы добрый стрій его сидѣти тутъ нигдѣ въ такъ невыгодной избѣчкѣ, когда у братаца есть довольно коня не лишѣ для нилой особы стрія, но и для его повозчика Федорія, и для коней и для брички. И сейчасъ позвалъ онъ съ дверей моего Федорія и приказалъ ладитися къ выезду.

Я поблагодарилъ его за тую добротность, и представалъ, що мнѣ и тутъ добро, що вовсе не вижу потребы переселенія; но онъ рашительно стоялъ при своемъ, и въ четверть часа сидѣли мы уже на бричкѣ. Выехали за браку, и омытался, що еще не заплатилъ за коней господарю, и приказалъ Федорію остановитися; но мой братанецъ объявилъ мнѣ, що онъ заспокоилъ Господаря еще прежде встрічи со мною. Такъ изъ того дѣла, якъ изъ всего майпріятнѣйшаго обхожденія со мною, узналъ я, що братанецъ мой удался со всѣмъ въ своего отца, который въ шлости былъ столь же щедрый и почти расточительный такъ для сродниковъ якъ и друзей своихъ.

Вскоръ заехали мы въ великую, дуже опрятную гостиницу, где былъ остановился мой братанецъ, который сейчасъ пошелъ мене на первое ядро въ свои покои. Тутъ узрѣлъ я богатство и вселеніе, кое разъ только видѣлъ у грое П . . . ; воскованный полъ, блестящіи зерцала по всѣмъ стѣнамъ, лавныи, кресла все покрыты драгоценною паволокою, подсвѣчники серебряными в золотѣ у оконъ шелковыми: слопомъ, узрѣлъ я себе якъ въ иноу святъ.

Мой братанецъ, вида мое познаніе, просилъ мене привѣтливо, розгоститися якъ у себе дома. Сей же часъ приказалъ онъ привести обѣдъ, который превосходилъ наши обѣды на праздники. После того поса-

даль онъ нево дружелюбно кри себе на якокой софъ, и сталъ съ глубокимъ сожаленьемъ говорити о немъ несчастіи, о которомъ зналъ онъ уже подробно якъ кажется отъ моего Федорія; одиаконъ уважалъ при томъ, що не пощадитъ грошей ни труда, абы отыскати мою утрату; „а кобы лукавый похититель любезной братаницы моеи“ додалъ онъ съ огнемъ, „скрылся въ самыя внутренности ада: таки вытшу его оттуду сильною рукою, а если не рукою, то ноиць золотомъ!“

Я обнялъ его съ восхищеньемъ, и не могъ кардоватися такимъ неожиданнымъ братицею. „Ахъ!“ воскликнулъ я, „акоже радости дождался въ васъ мой братъ Николай! такій смилъ то сограище, то утешение, то сладость родителей! Я вамъ откровенно скажу, мой Палео...“

„Прому покоренно“ перерывалъ онъ мою рать, „не называйте мене Палео, называйте отнески своихъ Андреевъ!“ и тутъ уцеловалъ мене руку.

„Такъ, мой Андрю! откровенно тебѣ скажу, шо не могу опанататися отъ восхищенья; шо мене все еще кажется быти прецилимиъ своимъ, акій приходитъ на насъ иногда въ горячцѣ; бо ото зная, нередъ двюма недѣлями хворалъ я на великую горячку, и можетъ еще не вылеченъ на ню до такъ поръ и мечтается мене розлични думъ! Такъ прому тебе, скажи мене, скажи правду: зми ли тебе и говорю ли во силъ или на ну?“ и после такъ словъ оцувалъ я свое тело и его, протеръ очи. — но все тотже ласкавий братанецъ предо мною, все тотже блескъ кругомъ и тоже веселіе.

„О нать! любезнѣишій Отче!“ сказалъ онъ наливая намъ по новону стакану шпанского вина, „ам не во силъ; ам говори те съ предавнѣишимъ вамъ братанецъ Андреевъ, уроженецъ изъ тогоже села, въ

которомъ и ам родились, изъ подгорской Перенати. О, якъ сладко вспоиивалъ о васъ почти еждневно мой Отецъ, вашъ роднѣишій братъ! онъ розсказывалъ мене, шо я едва начиналъ ходити, когда ам, вывзши въ Галичину, на всегда съ нимъ поврашилъ! Я былъ тогда дуже маленькій ребенокъ, и носсо васъ по ноши. Но за то, якъ приятно мене тонерь, когда я возмужалъ и съ ласки Божьей побогаталъ, утѣматися аамъ, и якъ мене роскошно, когда подумамъ, шо при первой встрѣчѣ ногу взять принести свои услуги.“

„Мое ти счастье, мой Андрю!“ воскликнулъ я цалуя его съ восторженіемъ. „ты мужъ достойный, ты богачъ и не гордишь мною безъминитимъ буднакомъ! О сколько то радій прихоръ въ нашеть крамъ, где часто богатіи дѣти стыдятся астныхъ своихъ убогихъ родичей! А ти мой братанецъ, видѣвшій мене можетъ только разъ тогда, коли еще не могъ понати, шо Тато, шо Мале; сколькоже милости поделешь нимъ мене, состарѣвшемуся стриму, который я не зналъ о тебѣ, живешъ ли, или почиешь на кладбищѣ въ Перенати; тому стриму, который былъ столько неблагодаренъ для тебе, шо не вспоиивалъ о маленькомъ, ходити ночивающемъ Андрееву можетъ николи въ житіи! О, ти мой свате, мой соколону! Не будетъ мене теверъ столь горестно сердцу, кобы и не нашеть кою Наталію; бо ти заступишь мене в Наталію и Аналію и всахъ родимихъ немъ дѣтей!“

Посля такъ словъ обновили ми слова свои обвинанія, и были бы ахъ повтарала дальше после каждого похвадательного возраженія, кобы не была желала моя голова, отагощенна и не много замороченна миваніемъ, хоть одностасового отвоичку. Мой добрый братанецъ закатилъ сонливость

на ночь лиду, и спросил мене сейчасъ къ другую комнату, где указалъ дужо выгодную цену гдѣ необходимаго просяща.

Я заснулъ — и было уже около шестого часа къ вечеру, какъ пробудился. Едва протеръ я очи, уже братанецъ мой звалъ мене снова къ заставленному столу, представляя, что отецъ привыкъ всегда о томъ часу подвечеряти. Не стояли ничего моему выговорки, бо добросердичный братанецъ такъ принуждалъ и слови в деловъ.

Едва ми поподвечерякъ, уже вошло несколько жидовъ съ грубыми пакнями на плечахъ, и стали на великие моего братанца раскладывать на великомъ столе то красильничьи сукна, то шелковыми материи, то разнличныи ными драгоценныи вещи. Мой братанецъ приказалъ мене избирати изъ тѣхъ суконъ, шелковъ и пр., что только мене угодно, и что и сколько понравится. Я хотѣлъ такое выговоратися, но пржедрый братанецъ не далъ мене в слова сказати, а только бралъ уже самъ какъ наилучшіи сукна, шелки, золотна, завязки для дѣтей и прощали. „то будетъ для васъ на каюту; то для моей стряпанки на сукно; то для красильной сестры Аналіи; то для двухъ моихъ братчиковъ! в. пр.“ откладывалъ множество вещей на сторону. Цѣны отъ жидовъ предлагали, были нѣкто проуволчени; но братанецъ не выпускалъ въ никакой торгъ съ ними писалъ для каждого жиди на особенной карточкѣ своей, какъ сказалъ отецъ, „маленькій долтъ, который не отдаю теперь, бо мой секретарь поехалъ на село и повернетъ нима воздаво въ ночь.“ Даренно предлагалъ я, что цену жидовъ не можно уважити за върную, что съ ними нужно добре торговатися; отецъ не уважалъ по моему предложенію, и пороздовавши особенными карточками всѣмъ жидовъ, приказалъ мнѣ прийти завтра рано. Жиди похватавши тѣмже ста-

равно и собравши оставшіися мене драгоценныи вещи, отошли съ ближайшими поклонами, съ значно уменьшенными пакнями, за двери.

„Ахъ мой Андрей!“ воскликнулъ я, когда ми въ двоемъ остались, „во что тебя такъ надаренно выкидали гроши, а и моя родина обобденна безъ тѣхъ предорогихъ платій. Лучше, уменьши твои огромныи издержки, и употреби ихъ на ными потребности дѣла, въ пользу убогихъ, во пользу народному добру. Ты знаешь, мы Русины бѣдныи и много намъ потребно; подырай свонизъ богатство въ нашу литературу, котора что мы начинаемъ развиваться и выиглаветъ похощи отъ васъ богатшихъ нашихъ братьевъ.“

„О, любезный стрю! поль извѣстїя похортную охотно на печатанье русскихъ книгъ, ний только Русины напишуть что доброго! Отколь пишу, не читалъ еще ни одной доброй русской книги; то такъ мене кажется, какъ бы намѣну народу не суждено было нити своей литературы; какъ бы намъ нечѣтъ потребно было, послѣду доброду совѣту ученыхъ Поляковъ, приняти совѣтъ польскую литературу и польскую бесаду. Сожалю яздъ Русинани, однакожъ не могу смольщеніе ихъ въ Галичии назвати нещастьенъ!“

Тая рѣчь поразила мене; не надѣяся и таково извѣстїе услышати отъ моего братанца, въ который до нельзя влюбился. И если бы оставилъ я его въ сѣнь заблужденїи: рускій народъ лишилъ бы ся одного богвотогъ заступника, которыхъ и такъ у насъ мало. Такъ я уважалъ я звъ священникъ долтъ, ложное повѣтїе его о сколько можно исправити. Я представлялъ ему, что и Русины будутъ когдато въ состоянїи писати добрыи книги, что се у насъ не есть такъ совершенное безтаданье, абы утрати-

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ.
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Середу два листа, по пятъ годовою въ Январѣ 4. зр. 40. кр. в. н. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. н. — Жалованіа четвертьечно получаютъ платя въ Январѣ 1. зр. 10. кр. в. н. на почтахъ по 1. зр. 30. кр. в. н.

МОЯ МОЛИТВА.

О Боже, вѣчный Управитель
Небесъ, и мірозъ, и времени;
Единый Ты Благотворитель
Всѣхъ человеческихъ племенъ!
Съ благоговѣніемъ предъ Тобомъ
Кланю чело и сердце я,
И всей душою Тобѣ душою:
Выслушай грѣшное дѣла,
Выслушай и я!

Ты дашь мнѣ утѣ и нисль раздольную,
Дашь всѣхъ твоихъ земныхъ чаданъ,
И душу дашь мнѣ чисту, волюю,
И ей стремленіе къ небесамъ:
О управяй ея паренятъ,
Чтобъ съ правой пути не сошла,
Не воцѣлалась тревоженіемъ,
И чтобъ всегда тебе спасла
Отъ буръ и зла!

Ты дашь мнѣ сердце, грудь чувствительную,
И къ ближнимъ племеню любовь,
Мечту свободу, творительную
И цѣлый міръ чудосныхъ словъ:
Веди чувства на стезю праву,
Чтобы в истину любовь
И красоту, добро и славу,
Чтобъ я, доколь живъ и силъ
Для блага жить!

Ты дашь мнѣ голосъ, и созвучіе
Народныхъ словъ помы устамъ,
Навѣямъ племемъ — и гласуею,
Во честь друзей — на страждъ прогнать:
О дай чтобъ гулъ моя зоря
Про Русь и ея богатствы,
Чтобы собраны розсудили
Любовію къ отчизнѣ своей
И славу ея!

О дай мнѣ протѣе терпѣніе
Во невредимыхъ бѣдахъ,
И дружество и снхлхоненіе
Ко всѣмъ людямъ во всѣхъ странахъ:
И дай покой думѣ и радости,
И злѣоту помы нечестны,
А пѣснны снбу и нивы и нивы
Во утѣшеніе друзей —
И поартанъ!

О Боже, вѣчный Управитель
Небесъ, и мірозъ, и времени;
Единый Ты Благотворитель
Всѣхъ человеческихъ племенъ!
Съ благоговѣніемъ предъ Тобомъ
Кланю чело и сердце я,
И всей душою Тобѣ душою:
Выслушай грѣшное дѣла,
Выслушай и я!

Богданъ А. Д.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦЕОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII ДО КОНЦА XIII ВѢКА.

(Сочин. Антон. Петрушевскаго)
(Продолженіе.)

Во время бесспорнаго владчества надъ княжествомъ Галиціяныъ было еще далеко отъ Давида. Галиціе боляре подъ тайнымъ руководствомъ Александра Бельзскаго (№ 309. XII. С.), слышавъ слова заговоръ убить обоимъ Романовичей, и когда сей козвѣкъ случайно открылся бжанимъ они, вѣсть съ Александромъ, къ угорскому королю Андрею, котораго удалось имъ даже вооружить противъ Давида. На сей разъ Мадяры были счастливые. Они звали теверь, извѣною Галицкихъ боляре, древнюю столицу нашего отечества. (1231) возвратили союзнику своему князю Александру Бельзу и Червекъ, в Королович Андрей утвержденный отцемъ на престола Галицкомъ господствовалъ уже до самой кончины своей (1234), но смотря на покушенія Давидомъ и Васильюмъ низгнати его изъ Галича.

Послѣ внезапной смерти Короловича Андрея, Галицій народъ, наскучалъ себе надарскихъ правительствомъ, съ радостью воспринялъ на свой престолъ Давида, чему сами даже нѣкоторые боляре не дерзнули противиться. Извѣстный извѣстникъ Судиславъ бжгалъ за карпатскія горы, а другіи, князь Александръ, желая ухватить въ Кіевскую область, повалилъ своему двоюродному брату Давиду въ руки и скончался врозно у него въ неволѣ. Такимъ образомъ Романовичи стали снова господствовать въ Галичѣ и Владиміре, конъ въ своемъ отцовскомъ послѣдїи: 'одавно и на сей разъ не судилось имъ еще утвердиться въ отечествѣ

земель, хотя теперь причиною утраты Галича былъ уже самъ Давидъ, который ввязывался въ ссору зата (швагря) своего Михаила Черниговскаго (№ 228 XI. С.) съ Владиміромъ Кіевскимъ, попомоществовалъ послѣдному противъ наступленіемъ пераго. Когда князю Михаилу и Изиславу (№ 232 XI С.), котораго отецъ Владиміръ княжилъ некогда въ Галичѣ, несчасталось съ Половецкою помощью завладѣти Кіевомъ, остался въ немъ Изиславъ, а Михаилъ чтобъ наказати Галицкаго князя, спушилъ въ область его, занялъ столицу ея, откуда Давидъ опасаясь возрочества непостояннымъ Галицкихъ вельножъ долженствовалъ выхити.

Михаилъ, кажется по согласію нашихъ боляре, занялъ Галичъ безъ всякаго сопротивленія (1235), а Давидъ, по такъ несчастномъ для него сраженіи у Торческа, ушелъ въ Венгрію 75..

Въ сіе время скончался Андрей Король Венгерскій, смѣлъ его Бела IV. пошелъ на престолъ, и не желая, подобно отцу своему, владѣти сильныхъ владетелей въ Галичѣ, какими были Романовичи, рано поддериивалъ онъ Михаила, вѣсть съ польскимъ Герцогомъ Конрадомъ, забывшимъ сделаннымъ ему услуги сыновей Романовыхъ 76). Папрасно покушался Давидъ, знокомъ и лютымъ не сходя съ коня, оруженіемъ добити

75.) Ивет. Лт 174. Новгород. Перв. Лт. 50.

76.) Мадярскіе историки утверждаютъ, будто Давидъ около сего времени отправился къ королю Белѣ съ обвиненіемъ быти даниномъ Венгрии; но при торжественномъ обрадѣ Бельна ворованіа, вѣлъ онъ (по словамъ ихъ) его коня, что было тогда знокомъ подданства (servicio de vassal). См. Турон. Слѣдъ Hungar. 74. Но такъ выдуманъ, кажется имъ, съзвано надарскихъ полтавонисторшана, подобно конъ бессмысленная сказка бѣстѣннаго Исторіа народа Белм (Guide de Colchale) o

Галича. Храброе Романовича, господствуя въ Владиміръ, кромя войнъ о Галицкую волость, кромя не пристанищи съшибокъ съ сусѣдами Явдигаи, ратиборствовали оцѣ съ Нанецкимъ Орденонъ, занялими какую то часть ихъ отцевскаго владѣнія 77). Мужественный Даниль, хотѣлъ даже вести полки свои въ Германію, чтобы защитити Фридериха Воинственнаго, Герцога Австрійскаго его союзника, утѣсненнаго Императоромъ Фридерикомъ II, но возвратился изъ Венгрии, по совету короля Бѣлы нештамтиса въ дела Имперіи (Ипат. лѣт. 175).

Между тѣмъ, когда князья южной Руси занимались иностранными делами или проливали русскую кровь въ междоусобной брани, северная Русь, была ужасно опустошена Татарами. (1237—8), безъ всякаго учета съ стороны нашихъ князей. смотрящихъ равнодушно издали и думящихъ единственно о выгодахъ своего особеннаго владѣнія. Владиміръ Рюриковичъ изгнать князя Изяслава изъ древней столицы Руси, сѣлъ снова на Кіевскій тронъ, но въ слѣдствіе переговоровъ Даниловича съ Великимъ кня-

земъ Георгіемъ II. (Ж. 201), на котораго дочери женился Василько Романовичъ, долженствовал Владиміръ уступить Кіевъ Ярославу Всеволодовичу, брату Великаго князя, господствующаго въ Новгородѣ. Михаилъ, князь Галичскій, чувствуя всю важность той переняти на Кіевскій престолъ, описавъ врага своего Ярослава (Густин. лѣт. 338 и Новгор. I. стр. 50.), поставилъ соперника съ Романовичами и уступилъ изъ Перемишля (1235). Скоро потомъ когда Романовичи отъѣзжали съ своимъ полкомъ въ закавказскія страны, въ палестинѣ помогати Герцогу Австрійскому противъ Императора Фридериха, влестолюбивый Михаилъ обратилъ на непріязненный себя сусѣда Ярослава, который при первомъ его движеніи къ Кіеву удалился въ Суздальскую землю и Михаилъ немедленно занялъ Кіевъ: а въ слѣдъ за тѣмъ оставленный изъ Галичи сынъ его Ростиславъ (Ж. 296.), нарушивъ миръ, овладѣлъ Даниловича. Перемишлемъ (1237.) 78).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

походѣ Угровъ вождь начальствовалъ воеводами Лана черезъ Галичь въ Панонию, въ тожь единственно найдревнѣ, дѣломъ исторически доказать, что Галичь-Владимірская область уже въ IX. и XIII. вѣкахъ поддѣлялась Венгрии, противу притязаній Польши, которая такожде съ своей стороны доказывала свои права на тронъ русскій. Prior tempore prior jure. Ср. Любонитскую книжку: Nexus nationis Hungaræ cum Polonia. Savoviae 1831.

77.) Ипат. Лѣт. 175. Даниловичъ рече: „не даю ость дорнати намъ очнимъ Крижовичемъ, Топлячюмъ, рекомимъ Солоневичемъ,“ и подоста въ нѣ въ силѣ тѣмъ: прѣста градъ парты, старійшину ихъ Бруна ама и воезвонича — и возвратити Володимеръ, Топлячюмъ и Темлячюмъ т. о. Топлячюмъ и Храмовитъ рыцаремъ (Templarij). Тотъ воинство — повѣстскій орденъ былъ названъ по ту

тѣмъ, что члены его сѣрва нѣла подѣль Іерусалимской Церквѣ и оуно оберегати. Кнѣзь (Liefland. Histor.) говоритъ, что Ливонскіе рыцари назывались такоже Templarij. Въ сочиненіи Histor. Russ. Мошн. едіт. Turgenjev. T. I. Petrovskij. 1841, упоминаются въ XIII. вѣкѣ: Братья Ливонскаго Ордена вождь назывались: fratres militias Templi de Livonia. Новгородская летопись зоветъ ихъ „Нѣмцы.“ Не должно ли здѣсь вождь Топлячюмъ подразумѣвати Добрынскихъ рыцарей (fratres Dobryneses) соединившихся въ порубежной Польшѣ, для обереганія ея отъ владѣній вѣзочскихъ Пруссаковъ. ср. Naray. V. кн. II. Nota 86. Впрочемъ около сего времени находилась въ Польшѣ въ горѣ Луковѣ блѣвъ гравамъ Руси и вѣстномъ Топлячюмъ. Naray. V. кн. I. стр. 86.

78.) Ипат. Лѣт. 175. ср. Дальше статьи В. Савельева: В. князь Михаилъ Черниговскій, въ Кіевскій кн. III Москва 1850. стр. 62 — 116.

ОТЕЦЪ ИГНАТІЯ,

*русскій приездникъ изъ Соломанки.
Новость, вѣло самимъ повѣство.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Когда на другіи день я проснулся, спотыла уже солнце съ висока въ мою велеманую свальню. Доче моего братаща было уже порожное, такъ знати вчерашній шапанъ не подействовалъ на него такъ сильно, хотя онъ выпорожнялъ его съ десятью стакановъ, а я только три.

Одѣвшись, пошелъ я до другой комнаты. Душея найти моего братаща знитого дѣлашии трудовъ. Но я нерешелъ и въ четыре комнаты, а не встрѣтился нигде съ поникъ братащенъ. Хотѣли однакожь корыстѣти съ его отсутствіа, которое съ той цѣливи причини пріятно мнѣ было, понеже не принужденъ былъ сейчасъ атѣа, на-сильно нѣтъ подавленого, враждебного шапанѣа. пошелъ я къ доену Федорію, отъ которого желалъ доведатѣа, якъ танъ ему вѣдетѣа, та поникъ поникъ.

Его встрѣтилъ я стоящего на подворъи недалеко возези. На нов денрѣа, сталъ онъ розказывать мнѣ про наиласковѣе угощеніе, якого дознавалъ вчерашнего дня не только онъ но и наши кони, в додалъ, что богатый Пакъ вывѣзла шмаъ о четвертой рашенко кашниа коньни на прогулку, далъ ему слова три сороковци за то, абы стоялъ тутъ вѣло возези дотѣа, пока онъ неспрадетъ.

„Яко?“ спросилъ я съ удивленіемъ, „на-шнни коньни на прогулку?“

„И нашѣа брачнѣа,“ отвѣтилъ Федорій. „бе его повѣстъ душе тѣнкій, и много при мѣтъ заходу.“

Въ томъ изговѣніи пріахла мнѣ страшная мысль въ голову: переходъ до коннѣащѣа

не видѣлъ я нигде поникъ вещей; — а ужъ тотъ богатый Пакъ, по мой братащенъ, а нкій — обвинщикъ?

Сейчасъ пошелъ я по входить на гору, дабы осмотратѣа за своиаи веща-ни О Боже! нѣтъ моего куверка, нѣтъ шмаа, нѣтъ такъ драгоценностей, которые покупалъ онъ вчера для мене! — скотрю по нищенанъ; — нѣтъ кулдреса, ни пошонки!

Положеніе мое разалось совершенноу отчаянну. — а багаю по всѣаъ коннѣащѣа, скотрю въ пождий кутикъ, но нигде по-никъ вещей! дѣлѣрѣю до конодъ, до шѣа, они поотпарѣа; — но въ нихъ пусто! а кличу во весь голосъ людей; никто не приходитъ такъ вичего дѣлатѣа; нду снова на долъ; на входить встрѣаю никого Пана, вѣтаю, где пребываетъ господаръ гостинициа онъ отвѣчаетъ: „а самъ господаръ, чего желаетъ, ласкави Пана!“

Я розказую ему свое несчастье, что мене до чисто обокралъ якійсь пощенникъ, который выдавалъ за моего братаща! „Не знаете ли, честный Господине, кто онъ есть? куда дѣа съ моиа коньни, съ мою брѣчкѣа и вещаи?“

„Яко?“ спросилъ онъ, „тотъ Пакъ не здѣлъ ли для васъ по лѣкаря? а встрѣтилъ его нмѣ равенко, амѣающаго съ моего дона — а онъ сказалъ мнѣ, что вы хорый — а что онъ самъ здѣтъ для васъ по звачного лѣкаря?“

„О, Боже!“ воскликнулъ я, „теперъ вижу мое ужасное состояніе! Я попалъ въ руки злодѣа, пощенника, обвинщика! уни-ловердѣтѣа надо мнѣ, честный Господине, избави мене отъ сѣа нужди!“

Сейчасъ побѣгъ онъ на долъ до сво-икъ людей и приказалъ имъ кутитѣа въ вѣгоаъ за злодѣанъ, — а я мѣтъ тотъ по-

шелъ къ Федорѣмъ, и сталъ сварить на него, чему дерзнулъ онъ выдать коня и бричку безъ моей ведомасти? Онъ не понималъ причинъ моего гнѣва; а розсказалъ ему все — все лукавство богатаго Пана. все наше теперешнее несчастіе. Бѣдный Федорій услышавши то, плакалъ какъ берсука, пріймая всю вину на себѣ!

Въ цѣломъ домѣ восталъ великій шумъ; одинъ кричалъ: „злой, злодей!“ другіе: „горить!“

Слуга порозбѣгался на улицу, дуная, что еще поймать злодея. Я едва началъ слова съ господеромъ говорити о томъ, а кінъ предприняти кары, чтобы злодея словить; уже обступили мене вчерашніи жида. и стали представляти, что отъ шестой годымъ ждуть они на мене ради своихъ грошей. Я открылъ имъ мое здравключеніе, при томъ объявлялъ, что не я куповалъ у нихъ вчера говары, лишь тотъ, который мене ими обокралъ, а укалъ со всѣми новыми гроши. Богъ знаетъ, куда. Они все дуже перестрашились, и указали свои карточки, на которыхъ подвисано было — мое имя! Я незналъ вовсе, что тутъ почати; желалъ однакожь хоть на часъ вытнъ отъ навастныхъ жидовъ сопокой; но они не отступали мене ни на вынуту. Къ тому объявлялъ мене честнымъ господаремъ, что я оную немъ а значительную сумну: бо помещникъ не заплатилъ ничего, а понималъ вчера покон и закоздалъ аствѣ и пакитки на имя Отца Игнатія, который, какъ розсказывалъ отъ господарю, выигралъ огронніи гроши и едно село на великой лотеріи! То былъ уже ударъ такой, что дуналъ я, сейчасъ погибну подъ его напоромъ; но твердая моя русская природа сдерживала мене еще при житіи.

Мене такъ обогались слуги изъ всѣхъ сторонъ, и всѣмъ принесли жалкое доно-

сеніе, что о злодею нигде и вѣсточки не чути. Господарь розсказалъ еще нѣсколько слугъ на коняхъ, и велалъ имъ хѣтѣмъ на нѣсколько миль за Львовомъ домытываться за злодеомъ; желалъ бо онъ напреду употребити всякихъ мѣръ, абы поймать злодея и такъ смити неславу. а не въ домъ его случившася. Но я будучи въ совершеннѣмъ отчаяніи и безвѣдомности, уже и неварилъ, абы его можно где отыскати! се бо такъ кажется злодей былъ преворный, и зналъ куда бѣжати. Залонными руны сбѣжился и — а за мною жиды — къ плачущему Федорію, жалкому соучастнику моей погони; поглядя на слезы его покакая и жалю, и отстранялъ весь гнѣвъ, акій противъ мене возмнилъ, и узналъ его совершенно безвѣдннмъ; бо онъ, а не мене пресъщенникъ, былъ такъ больше логосверентъ, особливо, когда выдалъ и мою преданность къ тому моему братанцу.

„Чтожь имъ теперь почевать, о бѣдный Федорій!“ сказалъ и исполненъ жалостію, „хотъ нуть до дому далека, ты жидъ чужій: а таки выли бы нахотомъ, и по дорожѣ выпросили бы отъ добрыхъ людей кусочъ хлѣба; — по жиды насъ не пускають! Почемній помещникъ не только неозважалъ насъ всего, что было наше; но еще оставилъ намъ въ садшанихъ стрѣннихъ долги! О, Боже! какъ строго караешь русское наше дѣтководіе!“

Когда я такъ произдавалъ свой горелкій жалъ, звачалъ по народъ изъ на надворье прасній повозъ съ бални колыки, который най Федорій сейчасъ учалъ яко принадлежащій къ Пану Долинскому. Федорій же обнянулся; вскоре бо высочилъ изъ повоза Панъ Долинскій, который уграживъ мене передъ собою, зачудовался и почти перестрашился такой встрѣчи; но я узнавая теперешній припадъ его за оселаніе съ повозъ,

живши оно въ своихъ непростуныхъ укритіяхъ, можетъ въ тою самую минуту вредоу его сердце, оскорбить душу его грахана! О, ты видерь нехъ найкрасошу дуну, яку досаь о тебѣ нхалъ, ты которгнулъ изъ мене все почтавіе, съ акнхъ говорилъ о тебѣ при всякомъ случаѣ, ты неврачалъ оуя яросіаішу славу, котора въ очакъ похъ дотолъ понадъ тобою посилаь! Съ тобою прешаюь кнхъ акъ съ похнхъ врагонъ, съ которнхъ наколн не радъ уже встратнхъ; тебѣ оставлю весь горонькй жалъ, негодованье и укору оскорбленнаго отца и доврчанаго Руснн!

Провнесшн такоу отъ части несправедлнву, не тогда природу и нехъ отъ всахъ простнтельу жалобу, — и почувствовалъ улогшеніе въ своенъ сердце. Мена стало свободнйше на душѣ, акъ той несчастлнвой нстери, котора повертаъ изъ похорону молодого сына, одной подпора лать ея старенькнхъ, плачетъ и жалуетса на несчастну, неопросннну судбу и таь переканьетъ уменьшеть болестъ своего сердца!

Уже добре смерклоь, когда имъ дозволили до одного маленькаго села, въ котороу дунали остановнтнхъ на ночлагу. Корчнн, въ котору заехали, была истннно галчнско-нндовская корчнн, преснполненна нечвототомъ, днмонъ и снрадонъ горалнн. А тутъ на несчасье, не было даже особенной пѣбочкн, где можнъ бы проснатса, — а въ селѣ тежъ не было приходннка, у которо-го въ несчастномъ случаѣ былъ бы и проснлъ прнхъ.

Снотра на полуньнхъ сѣдлахъ, стоянхъ и сварнххъ подъ корчноу, нехъ стало сунно на сердце и я прнстуналъ къ нхъ отъ духовноу повагоу. Причнноу нхъ спору былъ дурннй вопросъ: кто изъ нхъ въ

состоянн вынхн большо горалкн? Я сталннхъ прѣдсталяти сралоту и лукавство того вопроса, пототъ загрѣналъ всахъ своенхъ многорачннхъ протнвъ нѣдцстау, и заклнчалъ беседу оладующнхъ сердннхъ воззаваннхъ: „Теперь не стунайте до корчнн, поклоннтесь или поклануйте чественноу руку нду — арендарю и проснте его, да вытѣчнтъ ванъ наибольшоу бочку горалкн — и прѣбуетъ изъ ней, которнй съ васъ отлчнтется бездонностію брюха; а вотонъ — аланнн, акъ нѣанкн — качнтесь подъ плотчѣ въ болотѣ, акъ таа глууна скотннн, котору зовуте санноу, и разбнзнтесь о каньонъ и подорожннн столпн, абы ндѣтъ или цнганьк, узрѣвшн васъ ободоченнхъ, окровавленнхъ показываа на васъ верстохъ сказадъ съ поруганьемъ: се Русннхъ, се гоѣ, се хохоль, се Хрнстннннхъ! Иднте и нѣте, пока не закрутнтса ванъ цѣлнй сѣтъ перѣдъ очннн, пока не забудете о плачунахъ нхъ, нхъ, и бѣднхъ дѣтахъ вашнхъ, пока не забудете о Госноду Боу, о Хрнстѣ Спаснтелю, о всахъ сватнхъ, о церквѣ, о страшнотѣ судѣ, — и объ оскорблнющнхъ небо и землю грахнхъ вашнхъ! Иднте и нѣте, и пронѣте нншье дѣдстѣ, рѣдчѣе и нхѣтъ вашнхъ, пронѣте лату и сыночатъ и колѣе и оканнну душу вану — на кормь сатанн, отъ которо-го спасн Госнодн Боу всахъ добрнхъ сосѣдъ вашнхъ и всахъ благочестннхъ людей, за прнзнорѣтъ которнхъ не хочете вы послѣдовати!“

Во время всей бесѣды моеѣ была въ толь нѣкоуь тншннн великаа; сначала стояли они все въ шнпнхъ и съ дерзостннхъ видонъ; но мало по малу прнннмали нхъ лица выразъ сопруненнн, и однхъ во другоу свнналъ съ голоуу шнпку. Илнсно же при словахъ похъ: „Иднте и нѣте!“ нѣдавали они изъ себе глубокиа вздохн и каанннхъ восклннн: „О, Госнодн Боу! свн-

са часть! Когда скончался я босуду, приступали они ко мне поочередно, каловали мои руки и отходили полча один за другим — въ село до своихъ родитъ; пока я самъ не осталъ подъ корчемъ.

Нечистота въ корченной казъ и оставшихся тамъ некоторыхъ закопанныхъ планъ, не позволяли мнѣ въ ней проснуться. Я рванулся съ нѣю ночью на бричку, и вскоре потѣмъ окутаннымъ чапраномъ уложился со мною невыгодное ложе. Долго не могъ я заснуть про плановъ, которыхъ дошески пражки долетали черезъ всю ночь къ моему слуху. О несчастливый народъ! подумалъ я, во что порекинула тебе дунава горькая! Ты былъ побожний, благочестивый, богобоязненный, — а вотъ, становишься теперь черезъ мнѣ чинъ разъ безбожнѣйшій, поганнѣйшій и нечестивнѣйшій! Учителя народа! отарашайте его отъ сего несчастья, отъ совершенной погибели; просвѣщайте народъ вашъ, про милость Бога! просвѣщайте!

(Продолженіе слѣдуетъ)

ИЗВѢСТІА ЛІТЕРАТУРНЫЯ

— Язы извѣстие оговорилъ былъ покойный И. Болгаръ, бывшій профессоръ Садненской Мискологіи препуверту на свое сочиненіе: „Старовѣднѣ Славянева“, которое, какъ догадуюсь, уже напечатано и авторъ розослается г. г. Прядлѣтителѣмъ. Цѣна долъъ тѣмъ сего изоговорѣднѣающаго сочиненія была назначена самимъ сочинителемъ по 15. р. ср. Прядлѣтителѣмъ вольно было или по оба томъ разослать, или только по першій, въ вторшій же послѣдовать случай г. г. Прядлѣтителѣмъ обязанности суть теперь чинъ storme послати посылать по другій томъ на руку ч. аломъ Вильгельмъ Болгаромъ (Landstrasse. Ungertgasse, 264, 2. Stock). для того, что сочиненіе то печаталось въ казинъ только часть оксидларовъ, и пометъ авторъ розослается.

— Года 1851 было въ всей Австрій 262 гимназій, а именно 113 высшихъ, 49 низшихъ и 100 съ 6 классами. Науки преподавано на 78 гимназій въ вѣнецкомъ вѣмствѣ, на 27 въ словенскихъ вѣмствахъ, на 75 въ мадрарскомъ, на 66 въ италянскомъ, на 3 въ руннисконъ, на 6 въ вѣнецкомъ и мадрарскомъ, на 5 въ вѣнецкомъ и словенскомъ а на 1 въ мадрарскомъ и словенскомъ вѣмствѣ. Директоровъ, профессоровъ и учителей при тѣхъ гимназійхъ было 2755, немъ тамъ 688 священниковъ ирландскъ, 690 монаховъ и 1177 людей ирландскъ. Учениковъ было 54,186; немъ тамъ 11,493 Нѣмецкы, 12,237 Словенкы, 8732 Мадрарскы, 17,762 Итальянцекы, 970 Руннискы, 1919 ядоловъ а 53 чужоестраннцекы. По вѣрствованнѣмъ было 43,423 явониковъ, 2290 явонцовъ, 1014 неунитовъ, 2604 протестантовъ яврсб. вѣр. 2752 гого. вѣр., 131 унитарствова, 51 орнамъ. — Кроитъ гимназій было 38 школъ реальнскихъ и поревалнскихъ, 12 низшихъ земледѣльческихъ и 3 низшихъ горничныхъ институтовъ; 1 высшая школа словенческая, одна вѣднѣича, 3 школы горничнѣ, 9 хирургическихъ и 11 полоничнскихъ школъ! Всеучилищъ считалось 10 (немъ тамъ только 6 польскихъ), араваичнскихъ академій 5, съ 585 учителями и 9346 учениками.

Ступаю въсть воздѣтъ ученику Ви. читательству. Для 8. Червня по лѣт. Мѣсяцослову уаповоси по долгой долезни въ 47. году своего вѣтнѣа Его Превосходительство Франкъ Серавъ гравъ СТАДІОНЪ дѣйствителншій таймншій совѣтникъ Его и. в. вѣност. Величества, бывшій губернаторъ Галиціи, вѣлст. великого ордена Леополда и пр. и пр., вѣвонанншій Его и. в. вѣност. Величества 1848. г. министрскъ дѣлъ внутровыхъ. Вѣсть извѣстие высоекое политическое ставящее сего высоекодостойного мужа. Его отечество олюбіе и искреннѣе желаннѣе суть вѣвонаннѣа, а хотя среди буръ и неразрѣднншихъ событій не былъ отъ въ состоаннѣ оставати своихъ дѣлъ востоннншихъ слѣдствій, однакомъ Его дозрѣлая мысль емо а теперь осуществленная вѣлстость Ему неувадену главу въ Австрійской Исторіи! Да надетъ на Его ногу и накта горячо-благодарна слова за Его ревнншій трудъ для блага вѣлсто Австрій и нашою вѣлсто! Вѣчнаа вѣлстѣ! —

(Слѣдуетъ 15. Часо „Поученій Церковныхъ“)

Изданнѣе и типонъ Института Стараваичнскѣаго.
Отвѣтствителншій Редакторъ Юанъ Гумалончъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Середу два листа, но пятъ головод въ Листоу 4. зр. 40. пр. н. н. — съ почтовым пересылкою в. зр. н. н. — Желающіи четверторочно получить платять въ Листоу 1. зр. 40. пр. н. н. на почтахъ же 1. зр. 30. пр. н. н.

ВО ПАМЯТЬ

уоинсого

ФРАНЦА С. Гр. СТАДИОНА,

бывшого Намѣстника Галиччини.

Сунно надъ Днѣстромъ и надъ Дунаемъ.
Мутно вротекать Сая и Бугъ,
Улетѣль почалъ надъ намишь врань:
Ахъ, бо Руси искренивѣйшій Другъ
Не шаветь уже — такъ надъ Дунаемъ!

Онъ переселился въ жизнь другую,
Претерпѣвши долготѣлимъ боль,
Со трудомъ прошедши путь земную;
Отъагривши многоваши роль,
Онъ переселился въ жизнь другую!

Ахъ, ни знаешь, братья! сколь притѣно
Для добра людей онъ работалъ,
И сколь пламенно любилъ, сколь вѣрно
Астрія единства идеалъ,
Сколь трудилася онъ для ней прадѣлю!

И се знаешь, что за жертвованье
Силъ своихъ отчалъ туземной
Получилъ въ награду гдѣсь: страданье,

Ненонь, — клевету толки слышалъ —
За вѣкъ силъ своихъ пошертованье!

Но у благородныхъ и достойныхъ
Въ вѣкъ пробудеть память гдѣ его,
Слава имени и многовадныхъ
Предарствій житія всего
Въ вѣкъ пробудеть у племенъ достойныхъ!

Паче вѣкъ у Русинствъ оставеть
Имя славное его салтитъ,
Хоть одно, другое племя скажетъ.
Хоть и ни въ свой часъ пойдеть за нимъ
Но въ правдуцахъ памяти онъ оставеть!

А у Бога онъ камель уже шавъ
Вѣщу жизнь, блаженство и прѣно
Во небесномъ краѣ, во салтитъ,
Гдѣ избранни Вышняго живутъ:
Такъ и онъ за насъ полетиса шавъ!

Богданъ А. Д.

**§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО-
ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ
ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖествѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII-
ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.**

(Сочин. Антоп. Петрушевича)
(Продолженіе.)

Какъ Мономаховичи не могли владѣти Ольговичи на Киевскомъ тронѣ, такъ и доблестивные Романовичи не хотѣли отказаться отъ своихъ притязаній на Галичь, котораго втора была для нихъ утратою ни чѣмъ не вознаградиמוу. Хотя князь Михаилъ почти четыре года владѣлъ Галичею и Киевомъ, однако все тое время Романовичи не переставали звать съ ними: иришлие когда были стѣсени, но при первомъ удобномъ случаѣ опять поднимали оружіе. Наконецъ должно быти около 1240 года. Даниилъ Романовичъ, пользуясь походомъ Ростислава со всеми Галицкими боярами на Литовцевъ, завладѣлъ, въ его отсутствіи Галичею, и Ростиславъ не имея чѣмъ возратити потеряннаго удалился въ Венгрію (79). Галичане приняли своего законнаго Государя съ великими ознаками радости, хотя Воевода Ростислава, в Галицкій Епископъ Артепій (см. выше §. 2), хотѣли удержати народъ, но не могли и должны были встратити Даниила съ притворнымъ веселіемъ. Вароловине бояре уняли къ погубъ Даниила, который сказалъ имъ только: „всправотсь“ и удаллся въокодушнѣмъ обаворужити патеминноу.

у). Иагг. Авт. 175. О Ростиславѣ Михайловичѣ притязателѣ Галицкаго Княжества чѣтис притическаго статьи Франц. Палаузова въ проповѣднѣ: Савор. Сов. Миз. 1842. Свиз. 1 стр. 22. подг. заглавнѣ: O Kunkom kniazeti Rostislawowi otcie kralowvu ceske Kuzhuty a rade gobe. Кунгута: дочь Ростислава помѣщавшего на Авт. втора Бѣм IV. Венг.

Татаро, предводительствуемою Батмемъ, завладѣвъ землями Рязанскою, Муромскою, Суздальскою, Ростовскою и вознѣ тамошнихъ краевъ появились теперь надъ Переславомъ и заняли сей городъ вмѣстѣ съ Черниговомъ (1239). а по сею Михаилу пребывающему въ Киевѣ некогда было и подумать о возвращеніи Галичи своему сыну Ростиславу. Съ 1240 годомъ, передовые полки Татаръ подступили надъ самъ Киевъ, и предводитель ихъ Чингисъ - Хановъ звалъ Мунке (Мангу) потребовалъ отъ Михаила покорности Татарамъ и сдачи города, обещая за тое покровительство Батма и безопасность владеній. Михаилъ, зная слабость своихъ силъ, противостати напору Татаръ, отвѣчалъ однако мужественно пославъ Мунке, что ему, ако князю - христіанину, не льзя ни покартася ни даже вступати въ союзъ или дружбу съ измичивками. На вторичное отправленіе Татарскихъ пословъ, отвѣчалъ Михаилъ избѣженіемъ ихъ, и предвѣляя скорую несть Татаръ бѣжалъ онъ въ Венгрію за синюю своихъ (Ником III. 7). По удаленіи Михаила, не медленно бросилъ

гер. короля 1261. г. Октября 25. въ городъ Пресбургъ, говоритъ Палаузив: стала во мѣстѣ краля Wsława II. a tudja prworodiej wsech panownikow ceskych negon z kmene Przemyslaw, a i z domu Luxenbarakeho, Polskaho a Rakauakeho, ađ do dnešajho dne. Не имѣю удостовѣренія иначиши добросовѣстно написана брошюра С. Н. Палаузова, сколько позвала историческія дѣянія, находщіяся въ лѣтописяхъ русскихъ, греческихъ и австерскихъ, надъ заглавнѣ: Ростиславъ Михайловичъ удалыйиъ глази на Дунавъ въ XIII. вѣкѣ. Съ таблицей показывающей родственную связь словенскихъ владѣтельныхъ домовъ въ XIII. вѣкѣ. Сп. 1851. 55. стр. Переводитъ имъ Жура. Ми. народ. Просвѣщенія чѣстъ LXXI. „Князь Ростиславъ, имѣетъ авторъ, удаленнѣ въ Венгрію, становится удѣльнымъ княземъ Мачванъ и владѣтелемъ Ред-

ся въ Кіеву, ввукъ Давида Сноловскаго, Ростиславъ Жстиславичъ (Ж. 320) и хотѣлъ овладѣти престоломъ Кіевскимъ; но Данилъ Галицкій съвѣдалъ о томъ, прѣбрѣлъ туда и выгналъ Ростислава изъ Кіева, хотя не смѣлъ такъ остависъ, и поручилъ защиту города противу Татаръ храброму воеводѣ Дмитрію. После упорнаго но бесполезнаго боя Кіевскихъ гражданъ завладѣли Татары Кіевомъ, откуда пустились въ землю Галицкую и Волынскую, всюда производя ужасныя опустошенія. Романовичи нигдѣ не смѣли показисъ въ окрестностяхъ поля, и подобно Михаилу удалились въ Венгрію и потомъ въ Польшу; а въ слѣдъ за ними тудаже двинулись и Татары.

О страшномъ разореніи Галицкой и Владимірской области сказать я уже выше подробно (см. §. 5.) говоря о судьбѣ Галичобогородичнаго Собора во время Батмеева на-

имъ что въ Карпатахъ. Родится съ Венгерскимъ королемъ Белой VI и владѣетъ одну дочь своимъ за Премислава Оттовара Честнаго, другую за Болгарскаго Царя Матсала Юанковича Ясна. Наконецъ, возмущенъ смутами возмущенна въ Терновѣ по случаю убійствъ Михаила полагаетъ сыну своему, таинственному Мичъ (Михаилу) занять, хотя не на долго, престолъ Волово - Терновскій." Такимъ образомъ явныи вступая въ сношенія съ прочей Европой подчинялся постепенно политическому и церковному вліянію ея, и продолжала будущую судьбу нашего отечества. Ипат. Лѣт. 175 говоритъ: что Ростиславъ отправленъ въ Венгрію „на Боръсуковъ дѣлъ и приде въ бани, рекоюй Родна." Ростиславъ прѣбрался, намѣтся, порѣчьемъ бѣлаго Черемона, въ перѣхъ чрезъ Бурзуловъ проходъ (дѣлъ) Карпатами, въ Соматрадъ, гдѣ до сѣхъ поръ встрѣчаются селенія Борса и Борса Бана при порѣчьемъ рѣки Таси, а въ югу Рудна. Мачею называлась область въ Сербіи между рѣкою Дриномъ и Савою, и образовала въ XIII. стѣхъ Мачовскій банетъ (banatus Machevionalis) см. Safarik, Starost. Slov. 588.

шества. Данилъ, после своего возвращенія въ Галичь, нашель Галицкую землю и большой части въ посадинъ Галицкихъ бояръ, повелѣвавшихъ даже самовольно обшрѣгать ея. Что болѣе, Галицкіе бояре, не уважая Данила, присвоили себѣ доходы, отъ соли колонійской, употребленные обыкновенно на жалованье такъ называемыхъ княжескихъ Оружничимъ, и тайно спосились омова съ Ростиславомъ Михаилоничемъ поселившимся въ опустошеномъ Черниговѣ, котораго отецъ сталъ теперь, прѣхавъ изъ Польши, жить на канонѣ — то острову близъ разореннаго Кіева (Ипат. Лѣт. 179 — 180). И въ самомъ дѣлѣ Ростиславъ покушался овладѣти Бакотомъ въ Познзѣ, и отразилъ Даниловичъ Печатаемъ, завлачь Галичь и Перемисль. Однако, не смотря на взятіи Бояръ и двухъ Епископовъ, Галицкаго и Перемисельскаго, друзей Михаилава сына, не смотря на изуровніе своего княжества и войска, большою частью истребленнаго Татарани. Давилоничъ сиврели истребниковъ и истребителей; изгналъ Ростислава изъ Галичи (1242), и планикъ его союзниковъ, князей Болоховскихъ, свѣстисихъ отъ хитности Батмеевой, обязанностью съяти для Татаръ ищеницу въ просе (Ипат. Лѣт. 180.) 80).

80.) Болоховскіе князья, были всегда ищеничани Романовичей, ишли свой уделъ въ окрестностяхъ и на Берегахъ Бути владѣннаго въ Австрійскій Ланатъ (Ипат. Лѣт. 190. 195): хотя сообразилъ слова Болославна Мазовскаго, жаловавшегося на то, что тѣ князья самовольно захватили часть его владѣній: „до что сути вошанъ въ земли моеи, до что вавъкъ ииъ?" (Ипат. Лѣт. 180), казался бы, что Мазовскіи граничила съ ихъ княжествомъ, для чего Караконитъ вѣстить уделъ Болоховскимъ князевъ на западномъ Бути владѣннѣ Божьей. Можетъ быти, что давномъ ииъ въ владѣній области Галицкии князья ищеничани, по по-

Даниэль. возстановить свою державу. оставался уже до конца своей жизни въ полонѣ послѣднн Галицкаго княжества, котораго былъ онъ завоевателемъ в возобновителемъ болѣе чѣмъ отецъ его Романиъ.

Какъ погумешвенный Государь обширной области въ столь разоренной какъ прочія русскія земли, в положенной дѣле отъ золотой Орды Батия, которая основалась теперь на Волжскихъ берегахъ, погъ Даниэль дѣйствовать силѣе в послѣднн явится Хану: хотя послы за послани ядлались у него отъ ижеи ханскаго, требуя, чтобы онъ искалъ милости Батмевой рабства, но онъ отказался отъ Княжества Галицкаго. Не толь свѣдѣннмъ былъ совершикъ Данила Михаилъ князь Черниговскнй, жившнйся прежде него въ Орду и прнхавшнй въиеть кученнческнй отъ гнвннаго Хана, за свѣдѣнн исповѣдь ижеи Христова и презрѣннѣ идолопоклонства 81).

въ послѣднхъ, за что дѣше названн Галицкнхъ селенн: Болехова, Болехова в проч. стоить въ связи съ упомянутнми князьями, которыхъ происхожденн в отношенн къ господствующему роду Рюрикова дома въ извѣстнхъ какъ лѣтоиспѣс не лѣза въредѣннхъ. Впрочемъ ваиать в Болеховцахъ, на мѣстѣ пребыванн ихъ въ вѣрности стнхъ восточнаго Буга, сохранилась въ любонннхъ границѣхъ на полубогъ землн князю Кноревнхъ Сигизмундѣхъ III. 1622. года для вѣстнхъ Ласанн, стоющнхъ при устьи потока Ласанн въ Тнмчѣхъ влѣвошнхъ въ рѣку Бугъ. Starożytna Polska przez Ballińskiego (Lipskiiego) Warsz. 1846. T. II. 511.

81). Вѣстнхъ съ княземъ Михаиломъ прнхлѣ въиеть кученнхъ тоиать вѣрннхъ боирихъ его Феодоръ. Гриворустнхъ Церковъ причисляе обонхъ страдальцѣхъ, въ замку Свнтыхъ-полоннннхъ за Русскую землю предъ престоломъ Всемошнхъ и впрошлнхъ ихъ свѣдѣннхъ ваиать влѣдогнхъ 30 Сентября, вѣише въ тотъ самнй дѣш, въ которнй онъ сподобился кученнхъ вѣиши (1246).

Сей истинно христннскнхъ благодумнхъ одаренннхъ Князь, спончавался съ словани на устахъ „Христнннхъ есиъ.“ указывалъ своимъ русскнхъ соотечественннхъ, что толькн поноклобннхъ в твердомъ зашнтѣ Христннства и православнн онъ могутъ отстоять свою народность в самостоятельность среди тахъ бедствнхъ в угнетѣннхъ, которнхъ предстоили, во время Татарскаго владѣннхъ.

Когда въ лицѣ Михаила Всеволодовича представляется намъ образъ истиннаго Князя Христннннхъ, то впротнвъ тому виднхъ въ лицѣ Данила Романиовича впротнвнаго Князя - Подлнннхъ. Савъ Батмн, увадѣвъ вконоиць прнхавшаго къ нему Данила въ знакъ особеннаго благоволенн, не медленнхъ впустилъ его во своемъ ставку безъ всякнхъ суевѣрннхъ обрядовъ, невнвѣстнхъ для православннхъ князей. „Даниль“ сказалъ Батмн встрѣтѣвъ сего князѣ, „хорошо, что ты мнѣ прншелъ сюда; для чего дѣишо не прнходилъ? Пьемъ ли намъ употребленное черное молоко, коблнй кучмъ?“ „Не вѣль до сихъ поръ“ отвѣчалъ князь —; но ставку остлнхъ прикамошь. „Внпей!“ впрошлѣвъ Ханъ — „ты уже ваишь Татарннхъ!“ Батмн вѣднхъ повннченнхъ Данила, вѣлѣлъ скоро дати ему кубокъ (чюмъ) вна, говора: „ам не прнвнкли въ нашему молоку.“ 82). Снѣ честь, вннмѣтъ Карлннхъ, стоала не дешевѣ: Даниль пробылъ 25 днѣхъ въ Улусахъ, вмахошь оттуда съ внвѣнѣхъ слугн в дѣишнхъ Ханскаго (1246).

(Продолженнѣ слѣдуетъ.)

82). Кнѣт. Лѣт. 183. Съ большнхъ вогодѣннхъ отнѣмѣтѣхъ тотъ современннхъ лѣтоиспѣсѣ в по: вѣднхъ Данила въ Орду. „О вѣше гла,“ востнннхъ отъ, „честь Татарскѣ! Дѣишнхъ Романиовича князю бншнхъ волику, обладавшу Рускомъ землемъ, Кнѣиомъ в Володннхъ в Галнчѣхъ, се братѣи си вѣиши страданн: вѣиш

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій приходникъ изъ Соломанки.

Повесть, или самиздъ псаломца.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Уже два дни продолжалъ я свою возвратную путь и всахъ и всюду выштывался, но видно ли где Раевича съ новою дочерью; но никто не звалъ меня о томъ ничего разсказать. Всю надежду ималъ я еще на окрестности Соломанки, въ которыхъ, по преданію Долинскаго, пребывалъ современно возвратившіяся изъ Львова Раевичъ.

На третью ночь захвали мнѣ снова въ одну маленькую корчму, въ некоторомъ отдаленіи отъ села стоящую. Въ снѣгахъ была такая темнота, что боялся я, на именъ друку очей пострадать. Въ цѣлой корчмѣ такъ тихо и сопокойно, какъ бы сюда никогда не заходили ніки. Долго следили мы на вѣтени за дверни корченной избы, пона не вышелъ сѣтъ господарь — жидъ съ толенькою свѣчкою. На мое счастье звелъ онъ мене въ особенную избочку, которая тутъ едина была для сановитшихъ гостей, в нима ради совершеннаго ихъ недостатка — незнана.

Едва розгостился я въ ней и усалъ отпочати отъ мучительной жиди, уже заслышалъ стукъ и скрипъ колесъ, какъ бы возъ який захвалъ сюда на ночь. Приятность отпочатника превозмогла мое любопытство, и

сдѣтъ въ колѣну и головутъ называется, и лѣвъ хотѣтъ, нѣвота не часть в грозмъ приходать. О злая честь Татарская! Его же отецъ бы паръ въ Руской земли, аше покори Половенькую землю а воева на нима страны асъ, сѣтъ того не пріа чести; то нима кто пошесть пріати? Забѣ бо ихъ и лѣсти нѣтъ поина.— Ярослава великаго князя Сумдальскаго велѣтъ уорша....

я не вставалъ изъ кѣстна, чтобъ свежа дѣррей поспотрати на нового гостя. Вспера однакожь пошелъ корчмаръ въ мою избочку и сталъ мене чѣстательно прости, чтобы я уступилъ свое пріятное мѣсто нѣкой жевщице, которая пріахавши теперь сюда проститъ возонъ, нелѣтъ, про власть Бога, особенной избочки; „жевщица сѣи пѣльняна.“ додалъ онъ „и видно съ лица и платья, что происходить изъ высшего роду; а бы сѣи охотно отступилъ мое избу, но въ ней спитъ полно дѣтей; къ тому, какъ у вѣднаго корчмара, она безъ деревянной подлоги и вечиста.“

Га. Отче Игнатій! подумалъ я себѣ, волею неволею будешь нима свѣти снова на брицѣ! И звавши на голову кавелью а въ руки палицу и мое маленькую связку жевей, ступалъ я прямо къ дверни. Едва отворилъ я ихъ. — какъ тутъ удралъ передъ собою — о Боже! — мою Наталію!....

Все, что держалъ я въ рукахъ, востылось на землю; — и я съ досторогѣи обнмалъ свое дитя! Жидъ, стоявшій со свѣчю за нами, не могъ въ себе пріати отъ удивленія; но а отрывалъ на нинуту отъ облатій моего дитяти, воскликнулъ родостиниъ гелосонъ, къ еврей: „Господарю! ади въ свою избу, прикани мене сварити даче наилучшаго для украшенія моей дочери, моей прелюбезной Наталіи!“

Когда еврей уступилъ съ нашей избочки, пріималъ я еще разъ мое дитя къ отеческииъ грудямъ и сказалъ съ любовью: „Здравствуй! какъ такъ на быдо, здравствуй, мое дорого, погубленное дитя! мой свѣтъ! покойся слова на ранахъ бѣднаго старешкаго отца! Коби и всѣ люди тебе отступили, съ однакожь есть еще одинъ мнѣ Божіенъ свѣтъ, который не опуститъ тебе накали! И коби нѣла ты за тысящиии гро-

их отыщати, онъ ихъ пропустить тебя и
всегда забудетъ!”

„О, мой вайильшій, найдорожшій!“ —
и несколько минутъ не могла она ничего
большаго сказать — „о, мой вайильшій, най-
дорожшій отче! Могутъ ли ангелы быть не-
достойными? чѣмъ заслужила я на твою лю-
бовь? Тотъ недобрый человекъ! онъ пре-
дѣлалъ, онъ обманулъ мене ужасно! и я
могла его любить? О мати! вы не пропу-
стите концы граховъ — о, знаю, вы не
пропустите!”

„Возвѣстину, дитя мое, съ цѣлаго сердца
пропускаю ихъ тебя! Покайся только о
прошедшемъ, а ны снова будешь светлымъ.
Еще в дѣла тебе небо неважно, лю-
бовь Наталію! и въ моментъ кругу прожи-
вешь веселыхъ дней во кало!”

„О валади, любезнѣйшій Отче, николи!
Все ктѣе мое теперь лѣшь веслава и со-
рошь передъ святошь, и встимъ въ хатъ
родной. Но ахъ, Татуню, якъ же вы те-
перь пережались! Той бѣдности, того
потощенія на лицу вменъ я только, а са-
ма причаюю. И могла ли такъ недостойная
дочь чринести ванъ столько печали? Луч-
ше ванъ было о ней совсѣтъ забыть и не
журитись за мене неблагодарную!”

„О, а претерпѣлъ много — много и все
тоо за тебе, моя Панино!...“ сказалъ а
съ глубочинъ воздохомъ, желая говорити о
вонхъ несчастяхъ; но она услышавши отъ
мене названье „Пананно“, прервала мою рѣчь
словами: „Ахъ, любезный отче! въ чѣму
то холодноо названье? Еще николи въ ни-
тѣхъ не знали вы мене такъ холоднои именъ.
Назовите мене лучше: дочь неблаго-
даря, недоброе дитя!”

„О, мати! и тебе всегда назву мою
любезною дочерью, вонхъ проинимъ дѣ-
татонъ, за котормъ ходилъ а во святъ —
и билъ бы ходилъ ванъ до смерти! Но Богъ

увилосердился надо мною: позиратилъ мою
веселую птичку, и а снова счастливый и
спокоенъ.”

Когда чувствя наши во много ускоко-
нились, и ны съѣли вечерю, первую вечерю,
котору поживалъ а съ логонькиъ сердцень
послѣ одного. Дла мене предлогото хвѣща
въ товариществѣ моей Наталію, тутъ, въ
той паленькой коронцѣ, подъ чужимъ да-
хомъ! когда ны послѣ сей вечера наполи-
лись Господу Богу: сталъ а вимитиветись мою
дочерь про ей несчастливое увезеніе, якъ
оно случилось, где она черезъ то время
пробывала, и акій случай привелъ ю сюда —
сану — въ такъ позднюю годину.

„Лукавый человекъ“, сказала она, „онъ
предлагалъ мене уже съ первыхъ дней на-
шего познаниченія свое сердце, и желалъ
только, чтобы наше бракосочетаніе отбы-
лось тайно.”

„О, вѣрно, лукавый то человекъ!“ во-
скликнулъ а, „и однакожь доселѣ не могу
донати, якъ тотъ розумный и съ позору бла-
городный Ревичъ могъ допуститись такой
подлости, аби столь хатро приласкатись на-
шей родной, котору повергъ онъ въ тако-
во несчастіе; а такомо не поинною, якъ
могла и ты невиндати его передъ нами, а
готовъ съ нимше самимъ ухватити на без-
дорожье!”

„Ахъ, милый отче.“ откликъ она „вѣсь
обманули надобрии люди! Ревичъ въ дѣла
толь поинознѣйшій; онъ ячѣ закичалъ
мене передъ коварствомъ Долниского ко-
торый, якъ теперь узнала, подлѣйшій есть,
вокала я себя представляла!”

„Такъ то Паяъ Долнискій?“ спросилъ
я, прерывая ей бесѣду, „возможно ли?“

„Ахъ, такъ, Паяъ Долнискій!“ откликъ
она, „онъ то билъ, который привелъ
мене въ такое несчастіе, онъ и его лош-
нымъ состраници!”

„О. розскажи мена, розскажи все подробно, отведи мене от того недоумица; в билъ въ обманъ, въ ужасномъ обманъ — черезъ мою несчастную логковёрность!“

Отерши слезы, которыя ой часто изъ очей срывала, стала она такъ говорить: „Я великая грѣшница; больше, ахъ вы тое о мнѣ думаете, любимый отецъ! Я получала отъ Папы Долмиского тайныя листы, и не сказала вамъ о томъ ни слова; а поступила соотвѣтно наставленію охванннхъ его листовъ, отписывали на нихъ любовныя отвѣты, и не зналъ о томъ никто въ нашей хатѣ! Я скрывала тайну свою глубоко въ сердца — ахъ, на мою долю! — а скрывала, бо любила его все своего первого любница сердечно, пристрастно, и вѣрила словамъ его какъ священному писанію и исполняла всякое его желаніе, просьбу и велѣніе точно и совѣстно; а скрывала передъ вами тайну: бо отъ велѣнь и скривати; а оказалась склонною вашей воли: пойти за благородного Подоланина, а льстала оную своею любовью, которую не знала въ сердца: бо такъ велѣлъ поступати Долмискій, никакъ не отклонити увагу вашу отъ сиомевій своихъ со мною. Когда же сблизилася речивецъ вышчивіи моего съ благороднымъ Стефаномъ, прислалъ мнѣ Долмискій чрезъ своего прислужного мальчика котайное письмо, въ которомъ предсказывалъ мнѣ, что теперь послѣдній часъ и наилучшая способность ухватити съ его сестрицици, которыя возовутъ мене до Львова и перевозятъ мене тамъ у себе до тахъ норъ, нека оны не придеть, дабы вычитатъ со мною. При томъ присагалъ оны на Бога, что сей часъ послѣ нашего бракосочетанія возвратится въ Соломанку и участвоватъ всю нашу родину. Я поверала словамъ его, — а на другій день — о да проведеть для того наплать во взити! — уехала возоватъ сестри-

ницъ Долмиского, которыя ожидали на мене къ льсу. Всея дерегу до Львова алкала и горючила, не для того, что знала вычитатъ съ Долмиския, которого любила тогда всахъ сердцемъ, а только изъ жалы надъ своихъ преступленіемъ: что безъ вѣдомости моихъ наилучшихъ родичей удалась съ ихъ хаты, что безъ ихъ благословенія и воли преставу не задолго яко невеста передъ алтарь Господень! Мене пучала совесть, и чрезъ несколько ночей я окая не соннула!... Прихаживаю до Львова, а вскоре узнала, что наши вельможныя Дени не была сестрицици Долмиского, а логковисловныя, неблагоговящныя женщины. Я неострашила, — а страхъ мой увеличился, когда однажды, вошла на кресло въ коннату моей росветатаннй листъ Долмиского, перечтала и догадаюсь изъ него, что ложный мой женихъ хочетъ извести мене неподходящій способъ! Я встала къ себе съ неблагогородныя женщины, указала имъ подлѣту Долмиского, стала передъ ними плакати и заклинати на власть Бога, абы мене сейчасъ отослали до Соломанки, до моихъ родичей! Но оны сказали надо мною и сказали рашитально, что не выустатъ мене ни на крокъ за дщери, нека не придеть Папа Долмискій. Состояніе мое было ужасно; черезъ два недели сидѣла в заперта въ моей коннату! змывала поножи людей всяка голосани, но никто не приходилъ ко мнѣ, крокъ неизвестной старухи, которая приносала мнѣ коръ и воду. Передъ трономъ дщери прійшла она ко мнѣ рано и стала притати коннату; дщери были отверты; а всользовалось слученіе, одинъ сиомонъ вископчати за дщери, и вогнала неогладала улицани. Вела себе спавонною, а стала домытветисъ въ людны изъ Соломанки; неши овалнани, стоимши на великой площади при своихъ возахъ, но было ни одного изъ Соломанки; во намелася

одна старий Верховиновецькій господарь, который пригадавши себе мене, яко яму дочка еще не празника въ Верховилице, и зашиши о нощи несчастій, сейчасъ рѣшился завезти мене до Солонянки. Сей добрый человекъ везеть мене уже третій день, в платить, изъ заработаныхъ во Львова грошей, черезъ всю дорогу за мене почлага и прокормленіе. Ото, вся моя печальная новость; вы узнали изъ ней, что дочка ваша велика преступница и не достойна больше носить того имени!"

"О, моя ты найиньша Наталію!" воскликнула я съ радостію. „я узналъ изъ той новости, что ты повинна — непорочно! что все не такъ еще зло окончилось, якъ в себя сверна думалъ! О, якую радость привезу завтра твоей матери, всей нашей родни, которая прийметъ тебе съ тѣмъ же сердечіемъ, съ якимъ прилаъ былъ отецъ, и возрадуется той найиньшому вѣстию: что слава наша неповреждена! Но моя дочь, честь тебе не много проспитися; уже рѣшилъ куръ везеть въ другій разъ!"

Но она не услыхала моего совета, только просила мене, дабы и я рассказывалъ ей про то, что почала несчастливая родина после ея увезенія, что почалъ я, куда задалъ и якимъ случаемъ остановился въ сей корчмѣ.

Мой рассказъ тревалъ долго, и закѣмъ окончили его, уже блмій день показался въ нашей избочкѣ.

Не буду описывать, сколько слезъ пролила она подъ конемъ рассказомъ; но буду описывать, съ якимъ чувствомъ принялъ и равенько мой Федорій, который вчера вечеръ спорошна не приходилъ въ нашу избочку, чтобы не пшати сердечникъ издѣлать отца и дочери; но буду описывать, якъ принялъ и честного селянина изъ Верховилицы, который возвратилъ мнѣ утра-

ченное дитя; — а только скажу, что со всхождѣ солнца пустились мы, исполненны радостію и благодареніемъ Бога въ приятную путь, ведомую до Солонянки.

Цѣлый день ахали мы, и я радовался только моею дочерью; уже не вспоминалъ про мое прошедшее горе, ниже про подлосту тѣхъ недобрыхъ людей, которые мене черезъ все тое время обманывали; не вспоминалъ, бо не хотѣлъ себя затрувати оную радость, яку являлъ въ той приятной пути, смотря на мое дитя возвращенное мене и сохраненное отъ грѣху и неслави Бошицъ Провиденіемъ.

Уже смеркалось, когда утруженныя бессоніемъ Наталія, задремала на коняхъ ранихъхъ подъ чашъ самой язды. Я приказалъ Федорію съ легонья коней сдерживати, дабы не пробудити дремящего дитяти скорымъ ахаванемъ. До Солонянки было уже только миль ямили; но ради оверстаныхъ горъ, мы не могли ю еще зрѣти.

Когда однакожъ выехали мы изъ горскихъ ущелій, увидѣлъ я въ сторону — якъ бы надъ Солонянкою — огненную луну, которая чѣмъ разъ выше подносилась. „Спаси Господа Боже, отъ огня люди твои!" сказалъ я полголосомъ къ себе, и велѣлъ Федорію, который нежи тѣмъ также закатилъ луну, не говорити о томъ ни слова, дабы не пробудити сладко дремящего дитяти!

Мы въехали въ нашу веселѣи гать, и вскоре изъ него достался на Солонянецкій болонья. Но — Господа Боже! что тутъ узрѣли! — наша хата въ огни!... Мой Федорій ударилъ батогами — и кони страдемъ понеслись къ Солонянцѣ. На нивольный ровотъ мой проснулось Наталія — и въ очахъ ей отбилася блескъ пожара.

"Тате, Тате! горитъ наша хата!" воскликнула она — и вала въ оборотъ на мое раніе! ..

Я чутил ю, материал ей взгляды рукою — а неми тать бричка наша въехала въ село. Со всахъ хатъ бѣгутъ прихожане мои на помощь къ горящей хатѣ; я призвалъ нѣсколько женщинъ къ себѣ, просилъ остаться при охлялой дочери. — и снѣтъ, высвѣсивъ изъ брички, поставилъ горюю къ моей хатѣ. Ужасныя восклицанія женщинъ и плачь дѣтей поразили мене при вступленіи на мое подворье. Добрыя люди кинулись на поночь. — но вся поночь была уже дарена. бо хата и все обшесте стояли въ саможъ яркохъ огни! Въ пламенахъ по нать горящую хатую, уносилась, акъ летающія стадаи голуби; бѣди платочки, и кадали пототъ многочисленно на землю: а позрѣлъ на нѣкоторыя лежащія у ногъ моихъ платки, в позналъ въ нихъ карточки изъ книжокъ моей библіотеки! Ахъ она сгорала, а съ нею вся моя нисья, плоды моихъ долготныхъ трудовъ! Не было кону спасти ихъ отъ всесожженія!... Кроме нѣсколькихъ обертковъ различныхъ легкихъ вещей, при которыхъ стояла моя ропотающая родина, не выдobyто ничего изъ хаты. Кругомъ было ясно, акъ въ день Божій, — и я стоялъ уже близенько передъ моею родиною, такъ что почти дотыкался плеча жемъ моей, и они вся смотрѣли на мене лвце въ лице, — но все таки мене не узнавали, будь то, пожеке крайнее отчаяніе овладело ихъ смыслами, будь то, пожеке расно текущія слезы очи нѣтъ попрачали!

„Тетьянно, дѣти мои!“ воскликнулъ я ободрительный голосомъ, „не плачте, не роптайте! Богъ великъ и бѣдетъ надъ вами!“

Якъ бы возбужденнымъ трубою ангела Госводни, очутились они и кинулись въ мои объятія. Я сказалъ къ нимъ еще нѣсколько утѣшительныхъ словъ, и узраши при себѣ нашего приходского Дьяка, просилъ его, дабы сейчасъ повелъ мою родину въ свою

пріютную и довольне просторную хату. Снѣтъ, видя что не угасится пожаръ нижею человеческою помощію, приказалъ нѣкоторымъ моимъ прихожанамъ разрыть тѣсерины догоривающія древа, прочинитъ же вертати до своихъ хатъ и стерогца свои обшты; пототъ пошелъ до Дьконой хаты, где встрѣталъ такою и прочинувшюся уже Наталію въ объятыхъ потеря и молодшой сестрици.

Около полуночи погасъ огонь — и стало снова тихо въ цѣломъ селѣ. Я не рассказывалъ уже нима родни моей ничего о моихъ приключеніяхъ, желая не только себя, но также нѣтъ отпочнаю в сопокоя на своихъ очи, на разбѣдали сердца!...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НЕНИРА.

Тригедіа въ пяти дѣйствіяхъ.
(изъ Итальянаго съ нѣкоторыми перемѣнами)
(С. Онуфриевича)

Явленіе четвертое.

Родославъ, Ненира.

Род. Идучи семъ ночи съ Кашмиррою черезъ лѣсъ — съдыме себя коло мене Нениро! — говорили мы о разныхъ вещахъ. Бѣсѣда пришла на твоего отца. И казалъ Кашмиррою, что отъ пяти лѣтъ всякими способами старается о твоемъ удавленіи, отъ нѣтъ дождатися и ничего доселѣ не дождатися; что теперь гадаю, что онъ умеръ, и ли въ чужімъ краѣ отшелъ. Кашмирръ сказалъ, что твой отецъ передъ отшествіемъ своимъ часто воздыхалъ надъ яднито при стушеніи, которое нѣтъбы быти твоимъ великимъ, что не обмановенными малыми ни; нима обмановенными малыми ни; грѣхъ отъ него не ногъ очиститися.

Нен. Можеть быть, онъ знаетъ еще больше.

Род. Онъ говорилъ передъ четырмя лѣтами съ Украинцемъ, который утверждалъ, что видѣлъ твоего отца за Порогами въ одеждѣ охотничьей.

Нен. Мой отецъ пошелъ за Дибирь, драматись съ Татарани?

Род. Такъ ивъ казалъ Кашмиръ. И — слухай Нениро, — тамъ хочу его исалти.

Нен. Ты?

Род. Хочу пойти еще разъ на погана, сражаться за са шру и Гусъ, и убивати мое имя славомъ, а мое интье великою смертию.

Нен. И покинати нать — аи вѣдн?

Род. Вась? Кто вы? Ты только шашаешься ноемъ чешою, но въ души и сердцѣ того не чувстаешь; а такою иешою не можешь быти хотайбм и цѣлмй свѣтъ жеме нани посласа. Ты не любишь мене. Пришенишь ли себѣ аще, что ты три дни передъ нанимъ бракосочетаниемъ до своего отца казалъ, что ильша тебѣ Владимирова почила, немали моя постель. Я лишь только что вошелъ въ комнату, когда ты тое говорила. О! когдабм мене отчание, порваншеся со тѣни словама въ мою душу, вырвало было отъ тебе и отъ земли и отъ шене самого! Не твой отецъ сговорился съ шеною страстиа, обое обогали мене надемъ, что ты съ временемъ переимнишья. И шдаль того времени, и иду еще — (ушолкъ, искаеть розвеселитись) Я бы охотно хотѣлъ съ тобою говорить хладшороме и сподойо, акъ съ чумеш жешом. — Съ дѣмъ быльм я еще розлучеть?

Нен. О Родославе, не требуешь твой оать отъ?

Род. Онъ требуетъ таково отъа, который баль бы любимымъ суругомъ его матери.

Нен. А ты —

Род. А в?

Нен. Не хочешь ли ему быти отцомъ?

Род. Онъ мой наследникъ. Все мое ильнѣ принадлежить ему — ему и тебѣ. Я пойду якъ голый нищій въ свѣтъ сердцу моему искасти сонокю; где тотъ наиду, тамъ будетъ мое пребываніе. Смели встрѣчуся съ твоимъ отцемъ, то востребую отъ него отвѣта передъ лицомъ неба, и его тебѣ пошлю. — Смели наиду гробъ твоего любовника, то истлѣвниъ его остатокъ —

Нен. Лютым! умалки!

Продолженіе слѣдуетъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ЛІТЕРАТУРНАЯ

Имя счастье вселочившейся Публицѣ объявити, что первыи томъ „Собранія русскихъ Проводковъ“ мною изданныи уже послалъ въ г. г. Подписчикамъ тѣмъ самымъ путемъ, который они предусморовади. Касательно Словара, а который связано на обертвѣхъ пераго Тома, замѣчаю, что тотше Словаръ печатается видѣтъ съ всеюевенскою Гранчатникомъ и посланъ будетъ всадолю въ г. г. Предлзвителимъ. Тѣ г. г. Предлзвители, которые его получатъ почтомъ, должи при предусморованіи на 2иъ томъ долатити на его посланку 10 пр. гр.; прочіи же, которые получаютъ его или путемъ вселост. Чиновъ Евархіальнихъ или черезъ ямичъ собирателей Превуеровади не обязаны за его посланку ничего алатити.

Цѣна пераго тома Собранія путемъ вселост. Чиновъ Евархіальнихъ при болышемъ количествѣ ексепларовъ 1 ар. ср., одинокихъ же ексепларей и почтомъ 1 ар. 40 ср. въ книжнмъ лавкахъ 1 ал. 40 пр. грѣ

Слѣзъ случаетъ нѣтъ чествъ всеюч. Публицу воззвати въ предусморованіе и на вторыи томъ Собранія. Цѣна его та сама, которая и пераго тома. Превуеровади на оба тома вольно наиду было путемъ вселост. Чиновъ Евархіальнихъ, чрезъ ямичную лавку Старороссійскую и другяхъ яромыхъ иагвородничьхъ, или яромъ у шене почтомъ съ еривованымъ пасанкомъ, и получатъ нѣтъ кандай томъ самымъ путемъ, который онъ предусморовади. Къ заповренимъ предусморовади ямичъ либо путемъ нѣтъ позволеніе отъ в. в. Певновской Певновской Дирекціи отъ 28. Октября 1852, ноемъ числомъ 44,486.

Изъ первого тома далъ и большее, изъ требова-лось, чѣмъ экземпляровъ печатать, надѣясь, что послѣ его появления, когда увидятъ каждый о его превосходной внутренней цѣнѣ и о новизнѣ безприторно- и безпорочно-благочестивости для церкви и литературы Славянской возматрѣнія, увеличится число Препишантовъ; во сѣ второго в прочихъ томахъ лишь столько данъ печатать, сколько по-стояннымъ Подписчикамъ приглается до конца Сентября с. г. — По тому соображенію полнѣ исправно всеноч. Публику о иллюстрированномъ свѣдѣн-ствованіи изъ въ семь дѣлъ.

Буду ли в защитѣмъ опредѣленнымъ чѣ-слотъ постояннымъ Препишантовъ на Собра-ніе и будутъ ли въ уславу въ благоустроеннѣмъ посыланіи чѣмъ грошей препишаніймихъ, для во-приваніи издержекъ типографическихъ непрерывно потребныхъ: буду въ состояніи, томъ за томахъ непрерывно издаванъ, помѣщая въ нихъ томахъ, когда образцовыхъ русскихъ проповѣдей, извѣст-нѣйшими Красорядчиками Славянскими соотвѣтно духу и образу Восточной Каколической Церкви со-чиненнымъ и уже въ разныхъ твореніяхъ изданныхъ также и присланными имъ ревностной Братіи хорошихъ рѣчи, написанныя въ русскомъ языкѣ, и избранныя отрывки изъ Твореній св. Отцевъ въ вѣрныхъ русскихъ переводѣ съ приближеніемъ ду-ховнаго содержанія.

Удѣтся ли изъ за ревнителей участіемъ всеноч. Публики издана больше томахъ „Собра-нія русскихъ Провѣдѣй.“ признанъ за трудъ издавать потоки и извѣстнѣйшими ир-сискихъ Классиковъ Славянскихъ и нѣмде-го нарѣчій, буквами гражданскими.

Чтобы и латинскіе Слѣженики имѣли такое доверіе въ издаванному иному Собранію русскихъ Провѣдѣй, яко они нѣють въ прочихъ новизнѣ словачныхъ сочиненій, и чтобъ они посредствомъ его учились старославянскому и рускому языку и познакомились съ превосходнѣйшими Красорядчи-нами Восточной нас. Церкви, прибралъ я тому Собранію Енархіальную Агробанію моего Ар-хидіафра, Его Высочайшесвѣтѣства Карлаи-ла Принца Угорскаго, которая прибавлена въ первую тому.

Что и не отъ яного либо корыстолюбія, но отъ самаго благоуочитанія Восточной нас. Церкви и отъ любви и преданности въ са образъ велич-во славянскому, и изъ она сила древоцку, принаде за трудъ издавать то Собраніе русскихъ Провѣдѣ-

лей: нѣмкихъ свѣдѣтельствъ того—протъ смѣр-жанія самихъ проповѣдей, изъ то вѣрнѣйшаго свѣ-дѣтеля новизнѣ откровенныхъ чувствъ—слушать нѣ-мкихъ извѣстнѣйшихъ изотометовъ, и въ первую тому прибавлена икона св. Кирилла и Меодіа, Славянскихъ Апостоловъ, въ подлинно архіерейской одеждѣ Преоисвященнѣйшихъ Святителей Восточной Церкви, соотвѣтно употребленію, тогда еще общиъ Церквамъ Восточной и Западной общины, и вѣр-нѣмъ образцу въ Римѣ существующему изображен-нѣмъ, котормъ блаженнои санаи востановио Со-браніе.

Содержаніе первого тома слѣдующее:

Предговоръ. (стр. XVI.) Слова: 1. на день св. Кирилла и Меодіа, Славянскихъ Апостоловъ:— 2. 3. въ Рождество Христово:— 4. въ великую Яс-соуставу:— 5. въ великую Воид:— 6. въ великій Повѣдѣиотъ во утрени:— 7. въ великій Повѣдѣиотъ на Литургии:— 8. въ великій Вторникъ:— 9. въ великую Среду:— 10. въ великій Четвер-токъ, предъ причащеніемъ св. Таинъ:— 11. за при-чащеніемъ св. Таинъ:— 12. въ великій Пяттокъ:— 13. въ великую Субботу:— 14. на праздниъ св. Пасхи отъ св. Августина:— 15. на воскресіе Господне, отъ св. Августина:— 16. на провозглашеніе Иже-сатиници:— 17. на день Пятидесятини:— 18. Слово на Притѣствіе, при отступленіи въ святъ архіерей-скій и въ управленіе паствои:— 19. Слово на про-возгласіе Господу Богу похвалъ о провозгласіи отъ губительной болѣзни, или яного забудъ обя-зательнаго бдѣнія:— 20. Речь по рукоположеніи Пре-свитра. Аганаи Евксина:— 21. Бесѣда о блажен-ствѣхъ и Божѣ отъ св. Сарина:— 22. Бесѣда о томъ: почему Духъ Святый въ иваніи изшастъ-ся „воломъ яномъ“ отъ св. Кирилла Иерусалимск.: 23. Бесѣда о разрешеніи правотъ, отъ св. Боре-на Сарина:— Различнѣе о новизнѣ человекъ:— Нѣмоторе отрывки изъ самыхъ лучшихъ славян-скихъ проповѣдѣйхъ сочиненій. Радуга. Псаломскій сребролюбѣцъ. Награда, иостантѣльства. — Прѣ-чианіе въ всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ.

Второй томъ будетъ содержать слова на от-ноторые дни воскресіе, на дни Пресв. Богороди-цы, случайнаи Бесѣдѣ, статіи и различнѣйш. ии новизнѣ на яномъ всѣхъ гг. Препишантовъ.

Множъ стремленіемъ будетъ: всегда совѣсти-ствовать всеобщему мѣлнѣ.

Въ устреніи, что то мно предпринятіе токмо за многочленнѣмъ участіемъ ревностной Братіи Руской новизнѣ ошдѣленнымъ успѣхъ промѣшети, о-

и на часть себе и по н труди препоручити благосклонности выготовителю Публицы и проживати в

искреннейшим почитателем Др. Андрей Андреевич Радвинский Сашенинъ дат. образу естригонск. Архиепископства, Редакторъ земскаго свода законовъ текста словеснаго.

Въ Будап. (Общ. Festung
Hofen Gasse 60.) дни 30.
Апрель 1853.

ИЗВѢСТІЕ СЕДНИЧНОЕ.

— Для 5го (17) т. и. о 5томъ часть рано от-
правлено названное богослужение въ гр. кав. го-
родской Ставропигіанской Церкви приходской за-
уочной думи дни 8го т. и. въ Владѣ преставив-
шагося Франца Серена грава Сталюка и. и. Кав-
начен, действительнаго советника, и. и. Министра
Властолия и. и. великаго ордена Леопольда, почет.
Римляра синодальнаго Малтезнаго ордена и ир. ир.

(Служеть 18. Число „Почтовой Церковныхъ“)

ЗАСѢДАНІЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИСИИ.

Выдатель строительной Комисіи Дома народнаго занимается во всякъ отношеніяхъ своимъ задачамъ лютельно. Доказательствомъ сего суть радостныи успахи въ строеніи Дома Народнаго, о которыхъ пространнѣшес извѣстіе подеть ся поздѣе. Такожъ уже давно суть выготовлены Уставы реченной комисіи, конхъ нересмотреніа ради заврашуются вса члены Комисіи строительной на засѣданіе въ коннатахъ Дома народнаго въ день 8. Дняи по дат. Мѣсяц. Реченыи Статути возложатся на стола въ конната Д. Н; всякій членъ конеть отъ настоящаго времени еженедельно отъ 3го до 6го по подудии оими нересмотривати, ибо объежъ ихъ столь пространнй, что-бы чтевіе голосное въ обубраніи требовало весьма продолжительнаго времени.

Помеже обязанности моего званіа несоизволяютъ мнѣ далье управлати редакціей Зори Галиков, протое я изьявилъ Институтуи Ставропигіанскому, абм мнѣ отъ себъ обязанности угодилъ и предложилъ моего Редактора къ потверженью в. правительству. Институтъ звачки на многіи достохвалныи сочиненія Г. Богдана А. Далника Зорю объявленни, предложилъ его в. правительству на моего на-следника. Высоеко правительство изволило рѣшеніемъ 7 т. и. ч. 6372 Господина Б. А. Д. благосклонно на Редактора Зори одобрити. —

Сказавши вл. читательству искренное благодареніе за доверенность ко мнѣ, прошу такожъ и Г. Богдану А Далнику всономоществовати въ его трудной зад-чѣ — в немъ искренно воли къ поднесеніи народнаго слова въ своей памяти ласка-юшнхъ Гумалевичъ.

Изданоиъ и типою Института Ставропигіанскаго
Отубителнмъ Редакторъ Боданъ А. Далникъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Надается еженедѣльно въ Среду два листа, во фрѣт головой въ Листѣ 4. зр. 40. пр. в. н. — съ
почтовымъ пересылкомъ 6. зр. в. н. — Желающимъ четвертьечно получить платитъ въ Листѣ 1. зр. 10. пр. в.
н. въ почтахъ же 1. зр. 30. пр. в. н.

СУДЪ ЗАКОНА И МИЛОСТЬ БЛАГОДАТИ.

(Притче изъ священнаго писанія.)

Она стояла и благовѣла,
Не сѣла зрѣти на людей:
Толпа судила и кланяла —
И грозный судъ былъ тахъ судей!

На сановѣхъ вѣсть преступленія
Она кругомъ объявила,
И вотъ — здѣсь руны, здѣсь каноны,
А здѣсь преступная мѣла!

„Суди и рассуди, Учитель,
Что граничить създала сей?
Звонъ намъ далъ намъ Прародителъ
Самъ Боговъзданъ Моисей!

„А ты Учитель, что знаешь?
Исполнѣла волнѣи звонъ?
Милъ ли сановѣхъ намъ развѣкъ?
— И полча поклонился Огъ.

И на поску, порстоуъ писалъ Огъ:
„Кто самъ безгрѣшенъ, да разитъ!
И написавши, долго малъ Огъ:
Чѣй первыи канонъ полотитъ?

Но съ бунтъ тахъ бризнулъ свѣтъ и планоу,
И всѣхъ себе узавши самъ,
Кто сиротѣхъ бѣдѣ, кто сиротѣхъ канонъ,
И полча, въ роснѣхъ во допѣтъ!

Одна она — сиротинами руны —
Стояла она, гласивши зорѣ:
Но Сердцеидѣтъ — сердца дуны
Прочетъ и рѣкъ: „гдѣ же ихъ соборъ?“

„Нѣтъ болше грозного собора!
Они умли — и хрѣтъ ужъ нусть!
Одна, въ полчанѣ, прѣговора
Жду изъ твоихъ самѣхъ выхъ усть!“

„Ты идешь — и я судѣсныи платишь,
Не роздробѣи твоей души:
Но не губи себе розоротоуъ —
Милъ — и болше не губи!“

В. Гаш.

Отъ строителной комисіи.

Умѣнши въ Ч. 13. т. г. заглавнии
смысъ складокъ на докъ народнии и друту;
городскую церковь продолнается въ слѣду-
ющій способъ:

1. Ч. Г. Мозуровичъ Введенитъ малеръ во Лав-
нѣхъ портоуогъ 4. рс. —
2. Всечестивѣишій и высокопреподобный Госпоуъ:
Григоріи Гечальевичъ Стомархъ и Совѣтникъ,
консистеріи Перемышлѣнскій слонитъ отъ себе
рочну шертну 15. рс. —
3. Ниросты отъ каноничъ малеріи 17. рс. 34. пр.
4. Всечест. и прѣм. Г. Брѣнцій кантиситъ и
архидіаконъ Бахурѣ слонитъ 7. рс. —

3. Мест: з провед. Г. Столяра приходить Каменки Старого Сама Найвистинността Почтавного сьомля 30. рс. —

6. Вочест. и провед. Г. Фортуна Найвистинный Сьомляскій прислалъ отъ вост. приходаина Корчана Г. Іоанна Далманьского за „Привѣтствованіа“ и „Помощь съ откусту.“ 30. пр.

7. Воч. и провед. Г. Сидорова Терентій найвистинный Олоустій зломилъ:

зъ Кутъ	15. рс. 53. пр.
„ Пѣногъ	14. рс. —
„ Подгородъ	8. рс. 34. пр.
„ Сосолова	3. рс. —
„ Угличьскіа	1. рс. 36. пр.
„ Сосова	15. рс. —
„ Топорова и Троица	40. рс. —
и сьомля того	3. рс. 48. пр.

разомъ 101. рс. 40. пр.

8. Честя. и пров. Г. Володимирскій Діонисій Зестуинный Струтинна жертовалъ 4. рс. —

9. Ч. П. Яковичъ Алаа зъ Топорова жертовалъ за украшеніе церкви 15. рс.

10. Воч. и пров. Госв. Давидраемскій Найвистинный Сьомляскій прислалъ:

зъ Росозача	31. рс. 20. пр.
„ Сосолова	33. рс. —

разомъ 64. рс. 20. пр.

11. Воч. и пров. Гос. Петрумовичъ Михаилъ Найвист. Струйтскій сьомля зъ Руды 14 рс. 20. пр.

зъ Брестовичъ	3. рс. 20. пр.
„ Вортаръ и Подгородъ	2. рс. —

и вост. Госв. Іоаннъ Петрумовичъ зъ Вортаръ жертовалъ за украшеніе Церкви вост. ичель, за которые одна церковный зестуинный дельгъ стоблосты 5. рс. —

разомъ 24. рс. 40. пр.

12. Воч. и высочер. Г. Колосовскій Іоаннъ Найвистинный Горочинскій прислалъ:

зъ Горочинимъ	12. рс. —
„ Даломеа	38. рс. 30. пр.
„ Саровъ	3. рс. 20. пр.
„ Ташковичъ	7. рс. 42. пр.

разомъ 61. рс. 22. пр.

13. Воч. и высочер. Гос. Неломскій Найвистинный Толмачскій прислалъ:

зъ Брестовича	18. рс. 16. пр.
„ Даломъ	13. рс. 20. пр.
„ Сьомля	4. рс. —

Олоста	54. рс. 38. пр.
„ Торговичимъ	15. рс. 10. пр.
„ Гостова	36. рс. —

разомъ 140. рс. 14. пр.

14. Вочест. и высочер. Г. Давидскій Найвистинный Порочинскій прислалъ:

зъ Ясена	2. рс. —
„ Ясена	3. рс. 30. пр.
„ Креховичъ	1. рс. —
„ Давосинъ	3. рс. 18. пр.
„ Лозина	3. рс. —
„ Доломанъ	14. рс. 50. пр.
„ Мизуна	6. рс. 36. пр.
„ Ольховна	9. рс. —
„ Павлова	4. рс. —
„ Перогиньскы	16. рс. 48. пр.
„ Ведьина	10. рс. —
„ Магистрату Далманьского	168. рс. 40. пр.

разомъ 240. рс. 34. пр.

15. Воч. и высочер. Г. Іоаннъ Цыганковскій Найвист. Угличскій собралъ:

зъ Дювскы	61. рс. —
„ Новосельна пер.	35. рс. —
„ „ парам.	52. рс. 30. пр.
„ Михомъ	70. рс. 20. пр.
„ Корыана	31. рс. 8. пр.
„ Ричинъ	75. рс. 42. пр.
„ Губельна	20. рс. —
„ Вербачъ	139. рс. 32. пр.
„ Карова	42. рс. 40. пр.
„ Ульковна	150. рс. —

разомъ собрано было всего 667. рс. 52. пр.

и восточна 400. рс. —

двѣдѣше уже т. о. 23 Марта 1852 присланы и востъ Ч 43. до востъ вѣдѣшим, то теперь шо 267 рс. 52. пр. сьом. зъ Найвистинността пралъ съ сьомля и дружини сьомно, провъ сьомъ зъ прихода Ульковичъ, которого надсмыку още сьомля.

16. Честный Госочеръ Дунитримъ Верба жертовалъ 50. рс. —

и за 64. ассониларотъ „Имя народнаго“ зломилъ Ч. восточимъ сьомляри Дювскостой 1 рс. 4. пр. Пригитити должо, шо высочероченный Госв. Виточинскій Осодуръ приходить Даломеа уже четвертый разъ зьочителымъ прислалъ сьомля и такъ:

первый раз промалъ собранъ въ Далекоств	
и Колѣнахъ нѣ по 1. пр. сер. совокуно	
всего.	30. рс. 30 пр.
в отъ себе портуваль	10 рс. —
другій разъ	70. рс. 30. пр.
третій разъ	68. рс. —
а товари четвертій разъ	38. рс. 30. пр.

но чинитъ всего развѣ 217 рс. 10. пр.

Есть те вѣдѣтъ доказатъ, о спольно честныи наши сѣзне подъ проводѣтъ россійскъ и о хвалу Бога и о добре общее происключилъ нужной сдѣлати могутъ.—

Нѣзавѣдана такъ честныи портувальшиа это и собраніиетъ жертвѣ трудящиса испривное благодареніе, проситъ Всомшняго Царя, дабы дары своеа благолетя ва нѣхъ всеощдро сдѣлалъ.—

Отъ пошскіа предстоишой справленъ свидѣснего Дону Народного и другой городской Церкви. Во Львовѣ дни 4. (16.) Чорня 1853.

*Кумисилъ.
Продсѣдатель.*

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

(Сочин. Автор. Петрушевска)

(Продолженіе.)

Хитрій Галицкій князь, лаская Моголовъ хотѣлъ единственно усмирити ихъ на время, пока бы ему не удалось приобрести средства. для избавленія отечества нишаго отъ Татарскаго ига. Впрочемъ дружественная связь Данила съ Ордуо была причиною, что даже соседственине Государя начали оказывать къ нему болѣе уваженія, описанъ вторичнаго нападѣнія варварскихъ союзниковъ его. Король Бѣла съ своими зятѣмъ Ростиславомъ Михайловичемъ, опустошавшіи Переимельскую область и осаждающій городъ Ярославъ, помириса съ Галицкіиъ Княземъ и для укрѣпленія дружественнаго союза выдалъ онъ князю

дочь свою князевѣ Констанціи за его сына. Дѣла: чену способственаа Кіевскій Митрополитъ Кириллъ, избранныи Романовичами на мѣсто Іосифа, отаравилася ставитиса въ Царьгородъ черезъ Венгрію 83. Подобноа Государя польскіа. Конрадъ и Болеславъ Мазовецкіи ила согласно съ Даниломъ: послѣдній нѣхъ князѣи поятниа на дочери Александра Бѣльскаго Ж 309. въ угодиость Данилу отказалъ. даже Мазовіи брату своему, Сановку (Ипат. Лѣт. 185).

Наконѣцъ, почти въ самой половинѣ тринадцатаго столѣтіа совершилоса до сихъ поръ несмыканое событіе, т. е. Данила записналаса великии наагрозеніи свергнути зго Батмвоа, но видя слабость русскіахъ князей и народа, обратилъ свои зоры на западную Европу, гдѣ тогда Римъ былъ душою и средоточіемъ всѣахъ государственныхъ движеній: въ слѣдствіе чего началася непосредствениа сношенія Данила съ Римскими Папоа и такии образомъ былъ Данила первымъ господствующии князь Руса, который сдѣлалъ Римскому Перворестолуиану Церкви, что онъ желаетъ соединити Церковь рускою съ латинскою. съ такии условіемъ, чтобъ подъ еа знаменіа ити противъ Моголовъ (1245) 84). Папа со-

83.) Ипат. Лѣт. 185. „Карлъ бо Митрополитъ (Кіевскій) илаше послати Даниломъ а Восстановитъ на поставленіа Митрополитъ Русскій: бышу не ему у короля, убѣди короля словоси многими, дары утѣшилъ, иао „проедѣта у Грѣки съ великою честиа, — не стѣнрять Данила со ишоа царъ“ . . . Сдѣловатълае, избравъ Митрополита для всей Руса, илаа Романовичи въ дѣлѣ Русской Церкви великии поревствъ, и таки не въ вѣдѣннѣахъ ескѣ ишоа Руса. Каралъ III. былъ посвѣщениетъ въ Митро Патриархомъ Царьградскіахъ Митрополитъ II, 1250 года.

84.) Сдѣла подобнаго соединенія Руса съ римскоа Церковию въ дѣлѣ русскаго князя, приушлѣна-

казалось на прошение Данила, и когда владения принужденный обстоятельствами, признал Папу Инокентия IX. своимъ Отцомъ и Наместникомъ св. Петра, посылъ Инокентіевъ. Аббатъ Моосинскій, въ присутствіи народа в Бояръ, возложилъ на главу его вѣнецъ въ городе Дрогоичинъ. Князь Галицкій съ того времени призналъ по-вѣнч. чуждый древней Русѣ титулъ народа. (Вѣк) (1253. года).

Казалось что Данилъ, покорился погумнощественноу Ватикану, введеть ижеизначудитъ Русь въ тѣсную связь съ римско каволическимъ Западомъ, и въ тоиъ намереніи написалъ Папа Инокентій IV. въ 1253. году грамоту. къ землѣ Христіаномъ Чехія, Моравія, Сербія, и Померанія, объ отряженіи набѣговъ Татаръ на земли Христіанскія и о проповѣданіи крестоваго похода противъ Моголовъ, а въ слѣдующемъ году такуюже грамоту къ Архіепископу. Епископу и другимъ духовнымъ лицамъ Лавоніа, Естонія и Пруссія (Hist. Russ. Мѡв. Т. I. N. XXXVIII. N. XC.), чтобы они взявъ съ Галичанами подъ знаменами креста у-

ного въ тоиъ обстоятельства, бѣтъ акаго соучастія духовенства и народа, встрѣчаются въ русской Исторіи уже въ XI. вѣкѣ. Въ 1073. году В. князь Изяславъ Ярославичъ, князь Брѣстляи самими Святославомъ и Всеволодомъ изъ Киева, бѣжалъ съ своими соратниками въ Польшу, но князь волостей Болеславъ отрубилъ Изяславу указавъ ему путь отъ себя. Горестный изгнанныкъ отправился теперь въ Константинополь императору Генрику IV. который обозрѣвшагоиъ мудростыю Киевскаго князя Святослава, брата Изяслава, угадалъ во-скаго однаго безвѣдомнаго союзника. Такимъ образомъ Изяславъ, имѣвъ всакой составленной помощи, требовалъ помощи помощи другаго Владкии Запада, Папы Григорія VII. въ Римъ, куда отправилъ свой одвого изъ своихъ сыновъ, который просилъ Папу утвердить его санаго за престолъ владіи св. Петра, утвердъ, что имѣетъ въ то родителское согласие. „Filius vester, ingressus Pаmъ въ Изяславу возмуща его по спростуи имени Анагностъ, Iuliana Apostolorum, visitans ad nos venit, et quod regnum illud dono S. Petri per manus nostras vellet obtinere, eidem beato Petro Apostolorum principi debita fidelitate exhibita, devotus precibus postulavit, insubstantiter asseverans illam suam petitionem vestro consensu ratam fore, ac stabilem, si apostolicis auctoritatibus gratia ac munimine demonstr. etc. etc. Data Romae XV. calendae Aprilis 1073. (Hist. Rom. монет. Т. I. N. XXXIII). Святославомъ Изяславъ, но для себе не для себя проси владіи у Папы; отговаривалъ уже себя возвратити престолъ, хотиъ вернуться въ 1077. г. по смерти Святослава, Изяславъ самъ, дворянствомъ св. Всеволодомъ, съ владичи-

онъ сима, завладѣлъ снова В. владіею Кіевскую. На основаніи упомянутого писма Григорія VII. утверждеть Августинъ Тейнеръ (Praebyter S. Congreg. Oratorii S. Philippi Neri, Consultor Congreg. Indicia) въ своемъ безименно изданномъ сочиненіи: „Die neuesten Zustände der kath. Kirche beider Riten in S. Peter und Russland... Augsburg 1841: S. 24: Russland (Кіевская область) ist also im eigentlichen Sinne des Wortes ein Lehnrreich des heiligen Stuhles; оттуда заключаетъ таиошъ Тейнеръ, будъ-то Русь владіа находилась въ соединеніи съ Римскою Церковію, и не была никакою участіа въ греческой владіи. При всакомъ добросовѣстствѣ Тейнера для нашей греч. влв. Церкви, возвращаютъ нѣтъ историческіа даниа согласити-ся съ его извѣстіемъ; ибо до 1074 года самъ князь Изяславъ и русское Духовенство оио не вѣнчавалоса Папѣ Римскому, о томъ утвердился изъ Польшани св. Θεодосіа Печерскаго къ Изяславу владіа Кіевскому, въ которомъ, сей владіа русскіахъ Кіевомъ, сему вопрошанному владіа о вѣтръ вѣрнскіахъ т. е. за-тиской, отвѣчаетъ особомъ стилиъ, что „Въ-ра латинскіахъ владіа вѣнчавошъ вѣнчавошъ... (Слов. дух. вѣст. II. 284. Розенкиномъ Обер-корч. кн. 252). Въ доказательство сего, что уже св. Владимиръ имѣлъ въ соединеніи съ Римскимъ Престоломъ, сдѣлается Тейнеръ (S. 18.) (на Антара прокуи (Mh. IV.) и говоритъ, что-

дарили на враговъ Христіанства — Моголовъ: но какъ отъ безразсуднаго междоусобія Христіанскихъ государствъ, сіе общее ошолченіе не состоялось, то Давидъ, напрасно ожидая помощи отъ западной Европы, снѣлъ съ себе личину, отрекъ отъ всякой связи съ Римскими, апопостольскими сѣдлашювъ, не уважавъ даже на связь и угрозы Папы Александра IV, укоряющаго его за отступленіе отъ католической церкви. Напрасно, уважая Давидъ возвратиться въ нѣдро оной, писалъ ему Римскій Архіерей: что онъ забылъ духовныя и временныя благодѣянія церкви, взычавшей и по названію его на царство (personam Tuam ad regalis dignitatis apicem sublimavit, faciendo te lincungi sacri crismatis oleo, tuoque imponi capiti Regum diadema); что онъ, не исполняя своихъ обшювъ, не Церковь, но самаго себе обманываетъ и погибнетъ, естъя съ по-

нимъ раскаяніемъ не обратится на путь истины: что въ противность случивъ клятвы вѣ власть кірская готово каззаты междодоршго 45). Не уважая на вса укрехи Папы, новый король Галицкія, какъ погумешовенншій Государь южной Руси, наблюдалъ строго уставы Греческой Церкви, не общающаея съ Римскою, и такнмъ образомъ оказалось теперь, что ннкое пошшо-

при церкви Соловецкой, воздвнгутой еще на нѣтъя замонитъ и побѣдъ надъ Песочнана 1034. годъ.

86.) Hist. Russ. Mon. T. I. N. XCV. Danieli Regi Russiae timorem divini nominis et amorem Alexander Episcopus servus servorum Dei . . . Sane tu olim cupiens de infidelitatis tenebris, quae postquam etiam renatus fuisti fuisse baptismatim oculos tuae mentis involverant, ad lumen catholicae fidei, sine qua nemo salvatur, et ad obedientiam Ecclesiae Romanae non sine divina inspiratione re-^{re} juramento praestitisse promissisti . . . Aliquis venerabilibus fratribus nostris . . . Olomucenti et Vratislavensi Episcopis litteris injungimus, ut te ad id per cessuram ecclesiasticam, appellatione remota compellant (compellant, invocato nihilominus contra te auxilio brachii secularis. Lectio varians in exemplari Albertrandi). Data sunt Olomucenti aliisque praesulis mandata, ut Danielem censuris armisque fidelium ad officium redigerent — Datum Laterani Idibus Februarii anno tertio 1257. Другимъ говорять, будто Давидъ обшчался былъ Пастъ принять съ верою своихъ латинскій образъ (?) спондосъ на Вѣтнческо риту objecte veram religionem et unione atque dogma Catholicae et Romanae Ecclesiae cum omni gente sua certatim adoptus coronam, . . . et Rex appellatus, ad vomitum rediens, in Ruthenum ritum a catholica fide apostatans, rediit (Lib VII. p. 779) — Давидъ каззета уже въ 1255 году отступилъ былъ отъ соединенія съ Римомъ, ибо въ началѣ 1251. года Папа Александръ IV, возложилъ грантою своимъ королу Латвошскому Кнудову воевати Русь (Regnum Russiae) ipsoque inhabitatores in infidelitatis devio constitutos: присоединити области ея въ составъ маршалуру (Hist. Russ. Mon. I. N. XCIII).

св. Владивіръ съ супругою своею Анною привали римскаго нащюнера Колобернскато Епископа Рейнберга „mit den größten Ehrenbezeugungen, und betroffen ihn wegen seines Tugendens als einen Heiligen“ хотя о всестъ томъ Дмитръ ничего неупоминаетъ, но напротивъ тому пишетъ, что Владивіръ повелѣлъ схватити Епископа Рейнберга и его внѣсть съ Сватополокнъ в его женю, дочерью Болослава, заключити въ темницу, гдѣ Рейнберга скончался. Подобно же посланіе русскаго Митрополита Леонтія, противашсеса утверждающаго Тейнере, неупоминать послѣдній достовѣрнмъ для того, что въ лекъ Леонтія называть Митрополитомъ Перевославскимъ (тѣхъ вѣ Рѣчѣа Перевославскъ) — Моггга пишетъ Тейнере diese Vicariat des Metropolitansubis doch erst im Jahr 1070. gegründet worden — не знаю тощъ, что въ своихъ дѣлѣ Митрополитъ Русская, Владивіротъ назначенъ былъ первоначально въ Перевославъ. О томъ упоминаетъ самъ Несторъ, годъ 1089 — въ голодъ своей лѣтошесъ, говоря: бѣ во время въ Перевославѣ Митрополитъ (Лепр. Лѣт. 89.); но на Ярославъ въ назначилъ быти ей въ Кіевѣ

воше его Ганскому Престолу было одним государственным хитростью.

(Продолжение следует)

ОТЕЦЪ ИГНАТИЙ,

русскій приходникъ изъ Соловьянки.

Новость, мало слышно вѣстиковъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЯ.

На другій день послѣ иного несчастія рано выходили новъ дѣти на подворье передъ Дьякову хату, и со слезами смотрѣли на видное отгуду погорѣлице, на оно вѣстие, где въ продолженіи больше одного года ни столько счастья дознавали и столько бѣдствій! Видѣлихъ неутолимую надость, преступилъ и къ нимъ и сталъ тако говорить:

„Оберните слезы ваши, усмирите печаль вашу и сеговайте; Господь Богъ попыталъ насъ новымъ искушеніемъ, и допустилъ на насъ новое горе; но за то возартилъ насъ наилучшму Наталію неповреждену и непокашну! Премудрость Его велика, и милость неограниченна! Онъ наказываетъ дѣти свои одною рукою, а благословилъ ихъ другою. И такъ вы непадалихъ вчера рано искушати сейже ночь въ однохъ агновеніи великое горе и великую радость, дожить въ сейже саку пору несчастье и счастье, умъ и утѣшенію, утрату всего вѣщественного имѣнія и приобретение найдорожшеш Наталіи! Приидитеже се необходимовенно; но оно доказываетъ, что великъ Господь и судъ Его для насъ непрозрачельней!“

Тамъ и подобныи слови усмиралъ и родимъ поей гореванье.

Уже отъ рана стали добрии приходилои новъ спосити для насъ несчастливихъ погорѣлицъ вѣснн спосити для прииденъ и про-

кориденіа. Я благодарилъ ихъ за то пріятно и благословилъ словани изъ священного писанія.

Нашъ господарь уступилъ намъ две вѣбочки въ своей хатѣ, и салъ съ женою и дѣтьми переселился на другу сторону.

Когда такъ, съ поножію добрыхъ людей, мы поспратали въ новодъ наимень жилища, и прискорбнии сердца всѣхъ членовъ родимъ усмиренили о столько, что они могли уже со вниманіемъ послушати новихъ разказовъ, тогда сталъ я описовати все случившееся со мною во Львовѣ, кою возвратую путь до Соловьянки, кою встрѣчу съ любимию Наталію, наконецъ разказалъ имъ и ей печальную новсть.

Едаа окончилъ я свои оповѣданья: захлѣлъ къ намъ добрый сосѣдъ изъ Верховники съ женою. Они знали уже о найновѣйшемъ несчастьи нашемъ и моетъ возврати отъ оного Верховниецкого господаря, который везъ былъ кою Наталію съ собою изъ Львова, и вчера перезжая мимо Соловьянку, видѣлъ гореваную нашу хату; они привезли съ собою все, что только могли помѣстити на бричку для погоравшой родимъ своего сосѣда. Первою ихъ заботою было: накланати насъ, дабы мы сей же часъ переселились до ихъ хаты въ Верховницѣ, где они охотно пріймутъ насъ хлѣбомъ — солью и раздѣляти будутъ съ нами свои достатки, пока не прійдемъ до своего. Мы благодарили за ихъ утѣвное сердце, однакожъ не видѣли потреби до такового переселенія, понеже Дьякова хата была для насъ довольно выгодна, къ тому не было намъ пріятно отказивати доброй воли своихъ приходникъ, которы обѣщались законати насъ вѣсннн средствами въ оной крайней нуждѣ.

Отставивши налуду сосѣду въ разговорахъ съ поемъ родимю, пошелъ я съ приходникомъ изъ Верховники въ пріятное у-

сторону за нашею церквою, и рассказавши также ему весь пов приключенія во Львовѣ и на возвратной пути, желалъ я отъ него совета, который указалъ бы мнѣ къ средствамъ, якими бы можно такъ скорее сплатить несчастный долгъ 300. р. ср. по-ему незнакомому заимодавцу, съ которымъ я отъ тахъ поръ прервалъ хотѣлъ всякія сношенія. Добрый советъ сказалъ мнѣ, что радъ бы сейчасъ избавить мене отъ того неприятнаго положенія; однакожь все гроши свои далъ онъ былъ въ займы старому тестю, который передъ всѣми выдалъ свою наймолодшую дочьку. Мимо того надѣялся онъ, взяти ихъ на какое время отъ котораго изъ своихъ знакомыхъ в отарити сію великую нужду. Наконецъ советовалъ онъ мнѣ, обжаловати подлого преступника передъ судомъ, который вымеритъ на мнѣ свою справедливость полною мзрою.

„Да будетъ Богъ ему судья!“ отвѣтилъ я, „до тахъ поръ жилъ я со всеми людьми въ такомъ совокозъ, что иногда не имѣлъ нужды водитися съ кѣмъ либо по судамъ; а кто вымерилъ мнѣ яку несправедливость, всегда гонорилъ я: Да будетъ Богъ оному судья!“

Послѣ тахъ и тахъ подобныхъ разговоровъ вернули мы ажъ вечеромъ до Дьяковой хаты, где гости наши, увидѣли на наше измолженіе съ причиною короткаго сна въ минушей ночи, въ скорѣ насъ попрощали, и отъехали во Ворховнику.

Такъ поживали мы въ Дьяковой хатѣ, и съ дня на день ожидали возврата Пана Долниского, безъ котораго на можно было занятися созвданіемъ новой для насъ хаты. Но, минуло одна недѣля, пришла другая, а нашъ попомъкъ не возвращался изъ Львова.

Мы подвержены были некоторымъ невыгодамъ, именно тѣснота маленькихъ избочковъ. Якъ великое различіе имѣла моя

Наталиа между богатостройными пожити нечестивыхъ любимицъ Пана Долниского и нашихъ томерзанныхъ жилищъ! Однакожъ вечеромъ, рассказывая про люту Дулюску обитали моей родины, сожалѣла она надъ тахъ, что тахъ неправедныи люди, якъ Долнискій и ложныи его сестрыняци, пользуются столь великимъ богатствомъ и счастьемъ; когда вопреки имъ, живущія во закону Божию, не имѣютъ ниже выгодыго приюта!

„Будь якъ будь,“ сказалъ я на тос. „у насъ невыгода; у насъ дене — ослотъ солони; у насъ стани покри и низельки; в кругонъ насъ дѣти печальныи и алачущи — въ чужой хатѣ; у насъ увидишь нужду въ каждонъ кутѣ и скорбь на лицахъ нашихъ; а однакожь я — человекъ горькой судьбы и недоли, — не претензиясь за ничто въ свѣтѣ съ советію богатаго Долниского! О, дати мнѣ! кобы ямъ хотя разъ только возрлалъ ближе въ собственное наше сердце, кобы научились мы друженски съ нимъ обходитися и согрѣвати его теплыми чувствами милосердія и человеколюбія, кобы узнали, якъ благотельного друга ямъ могли бы въ немъ имѣти! о востану, тогда пренебрегали бы мы всѣмъ блескомъ, всякъ велегніемъ неправедныхъ! Почти всякій зачатъ ужъ, что наше житіе разнается путешествомъ, а мы подобны подорожничъ. Сіе сравненіе можно еще исправить, если пребавитъ, что добрыи люди суть, якъ путешественники, которыи на родину вертають, веселии и радостимъ; амы же, яко скиталци, съ отечества изгнанныи, познають только иногда, ниниходенъ, короткопресладо веселіе.“

Сожалѣнію, яко имѣлъ я надъ бѣдною дочерью, котора при тахъ словахъ зачумноно призвудалась, прервала мнѣ бесѣду, которую еще дальшо хотѣлъ разведити. Я по-

решель на ший предмет и старался тол-
суду ей розогнати. Съ тахъ поръ казалась
она веселайшею. и я воображалъ себя уже,
что она ободрилась и украсила думу но-
выми силами; но тотъ свѣтлый видъ обна-
вужь мене; ей совоюю не былъ ничѣкъ
нмнѣ. якъ только извѣстоженіемъ после же-
стокой борьбы и крайного негодованія.

Значительный занесъ поживностей, ко-
торыхъ сносила для насъ добрымъ прихода-
не и сосѣдъ изъ Верховинки, возбуждалъ
радость у всей моей родины, отъ чего и
великое имѣлъ удовольствіе. Мене то ута-
шало чрезвычайно, что родина моя разъ
уже начинаетъ забывать о своей неволи, и
дети дѣтей моихъ веселятъ на ново. Такъ
и остерегался я съ тахъ поръ прекращати
радость ихъ задумчивымъ видомъ или не-
печальною бесѣдою. Въ кружку моихъ дѣтей
решовался снова вечернимъ сказочки, иног-
да и веселымъ пѣснм. П Дьякову хату окру-
жали радо скачущимъ мальчики и славянки и
всегда немъ пріятное веселіе.

Не мало причинилась до нашего ута-
шанія начинающіеся хорошіи жинны. и днотъ
пологого Подолынина, который дозволяи въ
Перемишли черезъ письмо сосѣда изъ Вер-
ховинки о возвратѣ Наталіи, похалъ от-
пуду на свою родину и обещываетъ имъ
въ несколько недель пріѣхати до Солоня-
ни — ради условленнаго давнѣйше брака-
сочетанія! Таково благородіе души нашего
Степана привело всѣхъ насъ въ радост-
ное восхищеніе. Моя Наталія не говорила
на те ни слова, однакожь сердечная жа-
лость и чувство встиды отбѣдась на ей ли-
цѣ. Съ тахъ поръ предалась она снова не-
печальной думкѣ!

Жемъ такъ жила наша жинна хорошо;
полюди и дѣвчата сельскіи собирались тол-
паны на мое поле, которое съ дня ни день
расовалось новыми полукощанами.

Одного прекраснаго дня, въ мѣсяцъ Ав-
густа поинши мы все разокъ до жонцовъ
на поле, которое прѣспралось поволѣ сапъ
дѣтъ Солоняничій. Подъ вечеръ прохожи-
вался мы подъ лесомъ и нашедши оно ни-
лое усторонье, где передъ годомъ астра-
тались въ первый разъ съ Пяномъ Доли-
скинъ, поусадити себя дружненько на при-
родныхъ поховыхъ скамйкахъ, не смотря
на то, что къ оному мѣстцу привязано бы-
ло не нилое воспоинаніе. Однакожь кра-
соти природы, благоуханіе и пріятность ве-
чера вливали якую — то неизреченную сла-
дость въ наши сердца. Вся лица дыша-
ли радостію, а только бѣдна Наталія сидѣ-
ла печально!

Въ сію минуту сблизился къ намъ Фе-
дорій, и я желая пользоваться его прису-
ствіемъ и розогнати сумную думку изъ че-
ла Наталіи, воскликнулъ къ нему: „Гей Фе-
дорій! нуже „Сагай дачного!“ а свѣдый
такъ, но козаци! да ситотся дѣтъ кругомъ. —
да ситотся небеса!“

Федорій не дался просити, в стану-
вши напротивъ насъ, заткнулъ изъ вол-
ной груди сію улюбленну часто украинскую
думку:*)

Од на горѣ нешии гнуть,
А на полѣ горюю,
По волѣ зеленою
Кощи гнуть.

А по породу Дороменью
Всѣ свое водже,
Всѣ Запоросню
Хороменью.

По сердцѣ Пать Хоруній,
Полъ жинъ волчелью,

*) „Въ себъ пѣснм,“ замѣчаетъ М. Максимовичъ, „хорошо выразити характеръ Запоросню относительно повсего поля. — Сагай дачный былъ олицъ изъ чинности повсего поля.“

Подъ илиъ веровенный,
Сильно думй.

А везду Сагайдечмй,
Що пропавшя конку
На тютюкъ да лямбу,
Несобачмй.

Объ вернися Сагайдечмй:
Возьмаи свою конку,
Отдай ному лямбу
Несобачмй!

„Можъ съ конкою не возвестися,
А тютюкъ да лямбу
Козку въ дорожъ
Свадобится!“

„Годъ, кто въ лезъ? озовися!
Да вырешечъ огня,
Да потягнеть лямбу
Не жура!“

Насъ такъ была такъ удачно отсылаваа, в насъ всенъ такъ дуже понравилась, что Фодорй принужденъ былъ на наше желаніе оную же всю повторити. И такъ разонъ спавель онъ снова съ такимъ огнемъ, что при послѣдней споротцъ, где голосъ его подносился, амъ захрыпалъ!

Моя жена, видя розвеселенную Наталію, желала такожь и ю до слезу наклонити. „Спавей моя ния!“ сказала она къ дочерк. „спавей тую песоньку, котора когда-те такъ дуже отцу понравилась; хотя она оунна, но спавей таки во его угождение и на нашу радость; уже давно не наслаждался мы твоимъ миленькимъ голосомъ.“

Наталія повиновалась матери и начала пята свою умилую насню, которой содержаніе казалась она сама теперь наилучшо понятности:

Жаль, ахъ жаль! если во сердце дымъ,
Зажурнись думка зли;
Скучны ей играныя и засты,
Жизнь во тешнѣе села;
Все, что прежде дорого ей было,
Ужъ теперь ничтожно и осило!

Жаль, ахъ жаль! если она узнаета
Рать нитву холода:
Все тогда уже подозрѣется:
Что казаныи все сержа,
И во шпрѣ вѣтвѣхъ, во мѣлководнѣхъ,
Ми сердечнымъ друга казываютъ!

Что водеть ей радости, утѣшеть?
Кто одеть ее шочи,
Едъ душевное усновоене,
Миръ любви и красоты?
Кто воззрѣтъ за насъ изъ социальности?
Кто во встрѣтитъ съ братствомъ подозрѣености?

Знаю в одну для ней обытелъ,
Где прійеть она найдеть:
И куда поѣхавши, ей нучителъ
Миръ нучити не прійдетъ!
Тамъ для подъ спасеніе, нязъ пречина,
Въ той обытелъ,— что зуть: погла!

Глубокой стонъ, который назовалъно, вырвался изъ груди всѣхъ присутствующихъ, окончалъ сію зауменую насню. Восходящій нѣсизъ винулъ при томъ случѣе тускина свои лучи на сидящую въ задуманья роліну, и одинъ свѣтлѣйшій лучъ его окупался въ чистыхъ капляхъ слезъ, текущихъ изъ очей Наталіи!

Когда холодъ повзвалъ на насъ отъ дубравы, возстали мы изъ нѣсть и пошли узкою стѣжкою нина наше поле до дому. Сближающися къ селу, мы заслышали оттуду хорошему нѣсизу нашихъ вѣнцовъ, которми научи селомъ съ вѣнчачинъ вѣнкомъ свѣдали:

Мѣсцу нѣсачену,
Мѣсцу нѣсачену,
Свѣти намъ въ дороженьку,
Щобы мы не сблудили,
Щобы мы не сблудили,
Взвоча не студила.

Нашъ вѣнчочъ воснатій,
Нашъ вѣнчочъ воснатій,
Нашъ Пать - Отчъ не богатій.

Мы добрыи нечимъ были,
Мы добрыи нечимъ были,
Бо Пать - Отчъ намъ милій.

Мы рано поставали,
Мы рано поставали,
Почетку всю обдали
И возлакоми въ сонни,
И возлакоми въ сонни,
Сложили и въ полсонни.
Свезуть и добры люди,
Свезуть и добры люди,
Най гаразь Отку буде:

Когда обникались им до Дьявольской хаты, встратили кругомъ ней веселыхъ женщювъ. Жонъ кена иривавши именованый вѣнонь отъ полодий дзвонки, котора по обыкновению говорила свою доброжелательскую бѣседу поблагодарила ихъ во ивечи всей родини и ждала всѣхъ паренявъ добрыхъ шегъ а дзвчатомъ счастливого занужества.

Между тѣмъ, когда полодий люди устались на чисто вывочонковъ подворьяхъ азъ хоровади, и иривавла свои вѣсоньки, вошлегъ въ избочку нашу Соловоничей старшина и донесъ немъ, что Паъ ужо иривкалъ. Пошею поздне ужо было немъ до него выбиратись, такъ отлешилъ я ою позадку на завтра, и усъями надъ Молитвословень, просилъ усердне Господа Бога, чтобы при завтрашней встрѣчѣ съ неправедимъ чловекомъ подалъ немъ силу воздержати — свое троволненіе! . . .

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НЕНИРА.

Тригодія азъ пяти дѣйствіяхъ.

(азъ Нилеюшою съ некоторыми перелачалаи)

(С. Онуфріевича)

(Проложеніе).

Род. О ты обольстителнице! ирививаше слови любви другому передъ твоимъ чловекомъ!

Нен. Обольщенику называемъ обольстителницею! Богъ да поремнитъ кождою

съ тѣхъ словъ моихъ въ мучительный вѣкъ моей души, омели то грѣхъ, такъ плакати! Ты клеишь, что я горюю о утратѣ моихъ родителей; комдишь словомъ, которое отъ нашего сочетанія изъ устъ твоихъ исходило, ты мое сердце раздиралъ — и за тое требуешь любви! — Для чего ты такъ не говорилъ передъ бракомъ? для чего не держишь своего слова?

Род. Га! и требовалъ только дружбы! Я безумецъ! не думалъ о томъ, что страсть высшею существомъ немела чловека. Я безумецъ! — Но скажи мнѣ, для чего я недостойнъ твоей любви?

Нен. Ты всего достоинъ. Ты имѣешь мою любовь. Подыми мнѣ вѣрившую супругу, а отъ стыда потушию мои очи передъ нею.

Род. Для чего же плачешь омедленно? Для чего, отколѣ ты моею меною, не такъ весела, якъ я тебе видѣлъ съ твоимъ Владимирою? — Ты молчишь? Говори! ради Бога говори!

Нен. Когда ты не воспалалася диканъ твою кровь въ ярости, якъ я съ тобою говорилъ? Пусти мене! (хочетъ отходити.)

Род. Говори, но не лжи; лучше скажи мнѣ наймускѣйшее, а буду съ холодною кровію слухати, только не лжи! — Не говоришь? — я рѣшился, мнѣ оставлено ты (отходитъ.)

Нилеи:е нитое.

Неларе, Людмила.

Нен. (ожъ, что будетъ со мною! — Людмила! — Людмила! — Господи умилосердился надо мною!

Люд. Ты мене кликала?

Нен. Подруго! лечи сердце мое, омели поможь, утѣшеніе и совѣтъ.

Люд. Что тебѣ? Что оиъ хотѣлъ съ тобою?

Нем. Мое бдѣствіе довершится; не-
не оставити такъ какъ негоднику.

Люд. И можетъ ли утрата того, чего
не любить печалити?

Нем. Не любить? Я его не любилабы?
Я бы для него умерла, мою кровь ему
сеюдой и счастье купила. Не значить ли то
любити? — Правда, Людомила, что и для
Владимира чувствовала, было только для
него природою въ мое сердце впечатлѣннѣе. —
Въ мою ли силъ тое пережить? — Мо-
жетъ быть, горячестъ юношеского чувства
охладила, по ирѣвъ того, какъ мои унижи-
лись. Можетъ быть, — однако, подруго, ты
знала человѣка, который первымъ своимъ
взоромъ разпалмилъ любовь въ сердцѣ моемъ.
Дотолъ была грудь моя порожня и безъ
житія. Онъ былъ первымъ, единственнымъ. Ча-
сто стоялъ Родославъ при немъ, оба равны
славомъ, равны рѣдкими дарованіями. Но
что то было, что устремало мое око на
Владимира и когда взоръ мой встрѣтился
съ его взоромъ, мое лице румянилось? Съ
Родославомъ могла в свободлю и весело бе-
сѣдовати, могла съ нимъ забавлятися, при
Владимирѣ была я боязлива, безъ мыслей и
нѣва; говорила охотно съ нимъ, и не могла
говорити: но и моглабы была цѣлыми дни
такъ стоять и удивлятися его ходомъ, е-
го движеніямъ, его голосомъ. — Ты видѣ-
ла блаженное житіе, которое Владимиръ
и я, нумъ и меня съ собою вели, и по-
томъ когда онъ мене звалъ матерію, а его
отцемъ, и обои устремляли наши уста на
отроча — охъ, Людомила! а теперь — ска-
жи мнѣ, ослаби я и не нѣвала матери,
которая мене ради изъ печали умерла, е-
слибы я и не утратила отца, не былибы
мои слезы справедливы, когдабы ялился по-
слониканію такого супруга?

Люд. Не — если снѣво говорити — на

счесть другого, который нѣветъ такое не-
право до твоей нѣжности?

Нем. Право безъ заслуги? — Герла-
го, Людомила!

Люд. Если пожелаетъ льблества зау-
са пріятного, не требуй его отъ твоего по-
образжнія, не отъ моего розума.

Нем. Что нѣветъ твой розумъ съ жи-
внъ сердцемъ? — Однако, говори, что
кажетъ твой розумъ на тое, что Родославъ
мнѣ общалъ, доволитися дружбою; что и
ему призналася, что наисильнѣйшими не-
будительными причинами моего сомноленія
въ наше супружество есть воля моего от-
ца; моя материя любовь, желавшая для
моего сына отца правдивого, который бы его
душу образовалъ въ доброту и его велъ на
стежу славы; наконецъ мое собственное
вондѣлѣніе пріятеля, который могбы не-
ихъ старыхъ родителей и жене защитити
и сохранити. Родославъ назвалъ тѣмъ причи-
ны добрыми и добродѣтельными, былъ глѣ
доволенъ. Что кажетъ твой розумъ на тое?

Люд. Что тебѣ подобало ему не встрѣти.

Нем. Не встрѣти? О человѣкови, какъ онъ!

Люд. Тогда говорилъ любознана, не
нумъ.

Нем. Горе нашему роду, если те раз-
ныи существа!

Люд. Правда, горе нашему роду! едн-
ко такъ есть въ свѣтѣ.

Нем. И чтоме мнѣ несчастной дѣяти?
Людомила! помини мнѣ! совѣтуй мнѣ!

Люд. Да и деть, ты будешь поточъ
могла спокойнѣе жити.

Нем. И тутъ безъ друга, безъ защит-
ника, оставленна ирѣвъ жребія, мой сынъ
безъ отца, безъ проводника, оставленъ се-
бѣ самому и развратности!

Люд. Онъ любить твое дитя; не удер-
житъ ли его тое?

Нем. Спасительная мысль; Володинька пошел до него. — Тихо! Онъ самъ идетъ. О Амдеишло! не думай, что я переѣду нить убѣгаю; — но — я пошел много сына до него; если не дастся упрямити, то на немъ найдеть еще большее горе. Мой роульхъ будетъ тое уворное сердце дотолѣ горькини упрямки тоинити, доколы не стону тань — при немъ! (отходитъ, смотря къ небу.)

Продолженіе слѣдуетъ.

ИЗВѢСТІЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ

— Духовное общество Отецъ Мехитаристовъ въ Вѣднѣ вознамерило издать великое „Альбушъ“ во память свясенія Его Величества нашего Царя отъ угрожающаго небесночестнаго во полуднѣ будовака новина, на тууже паняту по-свясеннаго хрова въ Вѣднѣ. Въ тоуз Альбушъ будуть вошшии лучшии стихотворенія въ 30 панятокъ, составлени по упомиану гоубитѣ. случиношѣго 18 асерала с. г. Предана на сіе дѣло опредѣленъ на 10 р. ср. До воина паняки Машъ счита-ются 203 преданителѣи, котормъ сложианъ 2141 р. ср. Преприетанъ къ сего предпріяітій. пао и го-держаніе и обшчнанао принашени О. О. Мехитаристина вошшоо угаршеніе сѣдъ паняки напашитъ безсопачително и паняку соотечественникоу къ при-всесенію на сію цѣль богоугоднои цортем.

ЗАПЯВАНІЯ ГОСПОДАРСКІИ.

Поляса Садовыми.

Садовина есть найздоровнншъ и вождону вѣ-бу привадушчншъ порвокъ. Кортъ той есть лег-ншъ, до страпанія скорый. Садовину подобаетъ по-шывити тошо совершенно зрѣлу в лучшаго рода :

Съ инннннншъ числонъ кончатся теченіе первого четвертьгодія; тахъ вошт. г. прекурерантовъ, котормъ на второе еще не предавитилъ, арсинишъ о скороо надосланіе прекурераты на слѣдуишии пѣсали сего года. При тоуз замечантъ, что можно еще нешного ексенларей нашей временонися отъ 1. до инннннншаго числа во обшчновонной цѣвъ волучити.

Напошншншъ и тошоу Института Стваропаннншншого
Отбачителншъ Редакторъ Боудло А. Дидицншъ.

ибо зелена, недоспѣла и терни вредить здоровію. Найздоровншя садовина сложины дѣвотъ просто съ дорони, пошоо овоши сложоны во суть тахъ здо-ровичи, едана нечело сложоны неште вредить. Три или четыре аблона нечели в сложитншъ подъ лощъ, розволятншъ мелудохъ и усннрнштъ гемороиди. На-шностъ во садовншъ есть чиста или съ винонъ си-шнанаа вода; иншо вредить. Бсть садовина, котора и надъ штуру сложныи вооредить, п. а. виноградъ, пашни и ворчншъ; пва въ штуру употребулана прѣ-дана нешочнеть, надъ штуру ушнвснана аронзводнтъ нестрывностъ.

Иншо очевидной вошми изъ садовнши, садотъ у ештъ доселъ нестрывчншъ тахъ густо, инбшм при-наделаноло, иншоо во селанъ; сего ради народъ сельскншъ, возбавляетъ здорового корву, ровно и асобовѣ гушенія новншъ, котормъ знноу погъ бы посланитншя. Лучше новншъ Инншм знлоду Са-ловнншчншъ, алена садовншм добрыи в найобран-ншннншъ; або шсть у ннхъ обачитаншо или хнши безъ саду; дане дорони в гостннншм вошмншншъ онн овошннншм дрѣствншъ. Амштелонъ садовншм напеканту дрѣвнншъ амщеснншъ бошовъ ннтрчнннш-енъ вѣсноло способъ розведенія велнше и при-надержанія пошднонншъ садовншъ.

Наинтоуз изъ садовнши. Беретса зрѣ-лншъ аблокъ вннннншъ доброго рода три частнъ, в четверту соловнншъ, полчнста вообнрншъ съ спорочншъ и зеренъ въ стуншъ, отолнши на нншн, вы-тнствнштса совершенно сошъ или пашнъ прѣссосо, сошъ той ннштъ теши на споръ шнду онавану га-зомъ тошм слнмнштъ до барнншъ съ шнш. Устанн-ншшъ сошъ тоу чрезъ ннштъ въ нншншъ нншншт-ншъ въ бутншъ, котормъ добре закоррочншъ и сно-лоо зашатъ подобуетъ. По вошншъ нншнштншъ укрѣ-нштса отъ и прибереть прнштншъ свнштъ, шушу ншъ шшоо шннншчншоо. Тонъ снмншъ чншоуз творнштса наинтоуз изъ грушоуз в прншрндрншъ изъ шновошъ.

Продолженіе слѣдуетъ. Я. Гр.

(Слѣдуетъ 17. Число „Почтенія Церковнншъ“)

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Среду два листа, во пятъ годовою въ Август 4. пр. н. н. — въ почтовомъ поросилномъ 6. пр. н. н. — Желающіи четверточною получаютъ платити въ Август 1. пр. 10. пр. н. н. на почтахъ по 1. пр. 30. пр. н. н.

ЦАРЕВИЧЪ И ДВѢ РУСАЛКИ.

(баллада.)

L

Мисль споконно смотритъ въ рѣку,
Смыслетъ лучина по волнамъ, вѣску;
А двѣ Русалки — тамъ воль въ вербни
Дружно купались, плещутъ волнамъ.

Счесть, пласуетъ Русалка одна,
Личкомъ рунна, весела она;
Друга Русалка тоска. блѣда,
Якъ бы тумана гнѣзаница рѣд.

А тамъ Царевичъ колитъ брегонъ
Съ сумою думою, съ сумилитъ личкомъ;
Къ вербни сблизанисъ, слышитъ пласанье,
То азлокъ глѣбонъ — то хохотанье.

И съ любовитствомъ подходитъ тамъ,
Смотритъ, — во зрѣтъ слонитъ очамъ;
Навъ то наши нѣрки глѣзамъ,
Нѣкъ Русалки — то красавицъ.

Два весела навѣтъ его
Опозъ, прикуной личка всего,
Принаиваетъ къ себѣ рунанъ,
Чудамъ свѣтлоу и словесамъ:

„Юмѣ Царевичъ, ходи смѣл!
Мило купатисъ — тамъ вода!

Тамъ нѣкъ вербни тамъ и хлѣзно,
Со нѣкъ итраги лѣбо, отравно!”

„Дѣло, нѣкъ нѣкъ знаю твою,
Что ты Русалка — обманъ лѣло!
Нѣкъ — нѣкъ нѣкъ — въ село дурити,
Мое во снѣжонъ нѣкъ свѣтлѣ!”

„Юмѣ Царевичъ, пострѣ нѣтъ:
Жити росомоно въ вашей странѣ;
У нѣкъ красавицъ дѣтъ нѣкъ нѣкъ,
Солоднѣ нѣкъ, нѣкъ нѣкъ нѣкъ!”

„Дѣтъ, о знаю, краснѣ у нѣкъ,
Но нѣкъ нѣкъ — лѣбѣтъ нѣкъ нѣкъ;
Нѣкъ, нѣкъ нѣкъ — дѣло нѣкъ,
Нѣкъ нѣкъ, дѣтъ нѣкъ нѣкъ!”

„Дѣтъ тебѣ нѣкъ, нѣкъ нѣкъ,
Больно, чѣтъ нѣкъ нѣкъ нѣкъ,
Простолъ и нѣкъ нѣкъ нѣкъ нѣкъ,
Крѣтъ, нѣкъ нѣкъ Русалочкѣнѣкъ.”

„Дѣтъ тебѣ нѣкъ, нѣкъ нѣкъ,
Радость, весело въ нѣкъ нѣкъ,
И нѣкъ нѣкъ, и нѣкъ нѣкъ,
Смѣтъ нѣкъ, доло нѣкъ нѣкъ!”

„Дѣтъ, нѣкъ, нѣкъ нѣкъ нѣкъ,
Они лѣло нѣкъ нѣкъ нѣкъ;
Вотъ — нѣкъ нѣкъ нѣкъ нѣкъ:
Злѣтъ Царевичъ во нѣкъ нѣкъ нѣкъ!”

(П. ч. слѣдуетъ.)

**§ 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО-
ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ
ВЪ ГАЛИЦЕОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВНИМЪ XII.
ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.**

(Сочин. Антон. Петрушевскаго)

(Продолженіе.)

На сей разъ не посчастлилось еще Па-
ванъ Ривискиа, какъ нравственной, погу-
ществонной силѣ сродныхъ языковъ, ве-
сти Русь и Литву въ систему западныхъ
Державъ. ибо по призыву Короля Данила
и Литовскій князь, Младолгъ, прощенъ и воз-
веденъ въ санъ королевскій Инокентіусъ IV.
(1251), отгнавъ не только королевскаго
вѣнца, но даже и Христовой Вары (1260).
При всенъ томъ въ упомянутыхъ событіяхъ,
предвѣщивалась будущая судьба югоза-
падной Руси и Литвы, которая держалась
съ тѣхъ временъ, или ихъ вѣдъ, при
сильномъ вліаніи Запада стали отдѣляться
отъ сѣверной Руси: особенно же Отече-
ство наше изъ отдѣльную Систему государ-
ственной, священной съ дѣлами Венгріи,
Польши и Нѣмецкаго Ордена гораздо болѣе
везели съ Суздальскими и Новгородскими.

Русь, оставлена безъ помощи отъ Хри-
стіанскаго Запада, рабствовала отъ Дви-
стра до Нильени. Тщетно покушался Дани-
илъ по смерти Батма 1256 избавитися отъ
власти Моголовъ. Обновить однако свое
княженіе и загладить въ немъ слѣды Татарскаго
опустошенія, какъ Государь юго - запад-
ной части Руси, бралъ онъ участіе въ дѣ-
лахъ Евреимъ, покагда давъ разъ Угорскому
королю Белъ, противъ непріятелей его Им-
ператора Нѣмецкаго Фридерика и короля
Чешскаго Вячеслава. (1253.) 86). Причиной

сей вражды была область убитаго Герцога Ав-
стрийскаго. Фридерика, послѣдняго потомки
княжескаго племени Бабенберговъ (1246).
Императоръ Нѣмецкій Фридерикъ II, Белъ
и король Чешскій, какъ претенденты хотѣ-
ли овладѣти ею. Въ томъ имперіи Угор-
скій король объявилъ себе защитникомъ Гер-
труди, пленяницы скончавшагося Фриде-
рика, дочери брата его Генрика Грознаго,
а теперь вдовствующей по старому силѣ
короля Чешскаго, Вячеслава, Владислава
(1247). Гертруда съ своей стороны отсту-
пила Белъ свои наследственныя права на
Штирію: за что онъ омылилъ на ней Да-
нилова сына Романа, и князе новобрач-
ныхъ посадилъ на Престолѣ Австрийскомъ
87). Даниилъ чтобы приобрести оному сво-
ему упомянутое Герцогство, такъ усерд-
ные попомоществовалъ королю Белъ, и не сло-
тра на свою очную болѣзнь, выступилъ въ

де въ немъ (въ Белъ) исполнить все люди свои:
Нѣмцы не двинутся оружіемъ Татарскому; бѣ-
ше бо кова въ личникахъ (блѣкахъ) и въ оръдіяхъ
копачихъ (копачихъ въ выборахъ) и мѣде въ яр-
мѣ ихъ (ярмичникахъ), и бѣ возлюбъ его свят-
лость велика, отъ оружія блисталися. Санъ
же тѣхъ подѣ короля, по обычаю Руску; бѣ
бо вошь подѣ книгъ двиненію подобеть, и сѣло
отъ злата мѣдена, и стрѣлы и сабля златомъ
украшена, якими хитростыя, аже двини-
са, копачихъ же оловяра (пурпура) Гречского и
крушимъ златими ялогими омытъ, и силномъ
зеленого хѣва (коза) нити золотомъ. Нѣ-
мцы же зрѣмъ много двинилися, рече ему
король: „не звалъ быхъ тысячи серебра за то,
аже еси пришелъ обычаемъ Рускихъ отъвъ
своихъ;“ и присяга у него въ ставъ зана зной
бѣ ведитъ дѣе того. Отъ же а и за руку и
ведъ его въ ползу свою, и санъ соволачатъ
его и облачатъ и во верты свои; и такъ
цѣсть творитъ ему, и приде въ доувъ свой.“
Илат. Лит. 187.

86.) Не словить современнаго Литовскаго удаля-
лась Венгорию стрѣбости русскаго возлюбъ
и личности санга князе: „Давило же при-

87.) Илат. Лит. 189. 194. По убѣдѣнъ же гер-
цогствомъ романаго Фридриха, бѣса оловъ во-

походъ съ синомъ Львокомъ, съ полками своего брата Василька, и съ правн-воиниъ Герцогомъ Болеславоу, разорилъ Чешскую Слэзію даже за рѣкою Одромъ, гдѣ, до сихъ поръ, нѣкто изъ его предмественниковъ, ни Святославъ Храбрый ни сынъ его св. Владислръ, не возсталъ столь далеко на западъ. Но когда Бѣла, не одержавъ Романау давняго слова, и даже не защитилъ его, осажденнаго Чешскими королевичемъ Перемиславоу Оттокароу въ накомъ-то Австрійскомъ городѣ: откуда Романъ только съ помощью приверженнаго себя полководца Веренгера прозваннаго Провсалоу, успѣлъ пробиться чрезъ непріятельскія войска и ухаты на Русь.

Оставленная Романоу Гертруда, проживала потомъ въ низкихъ своихъ признакихъ ей въ Штирѣ Оттокароу II. (1262) сдѣлавшись Австрійскимъ Герцогоу, а бывшій супругъ ея, Романъ оженился вторично 86.)

ролева Угорскому в убогъ вѣсть отъ своихъ брать въ брака: нѣтъли же бышу поку силныи злыи о чести в о волюст Герцогоу убогена, о земли Ракунъску (Австрійскоо Герцогство) и о земли Штирскую, королеви же Угорскую раку и королеви Чешскую блящаниса о ню, король же Угорскій возведе всакии понощи, хотиме прѣти земли Нвенцкую и посла къ Давидови, рекши: „пошли ми сына Романа, да адати заны сестру Герцогоу а адати ему земли Нвенцкую;“ а въа во Иванъ съ Романоу, и да, сестру герцогоу за Романа в створити обѣтъ, егоче за икоичество воеъ не сяисахонъ. Потомъ же посла къ Давидови, рекши: „ужина илъ свѣтъ еси, позови ми на Чехи.“ и убади я и войде на Опауу дучетъ своихъ.... Ср. Dr. Meunert Geschichte Oesterraihs, seiner Völker und Laender... Pest. 1843. T. I. S. 125, 133.

86.) Ист. Лт. 194. Австрійскій городъ, въ которомъ осажденъ былъ Романъ Чешскими войсками во слованъ Ист. Лт. 194 назывался

Болѣе счастливъ былъ Даниалъ въ своихъ походахъ на Лату, гдѣ княжилъ тогда Миндоугъ, на котораго племянница женился Даниалъ вторичъ бракомъ. Защититъ братьевъ своей супруги, Товтивала и Эдивада, противу Миндоуга, привелъ оу послѣднѣаго къ войнѣ, въ которой, съ помощью Полякоу и Ринскихъ Намѣстъ, завоевалъ Даниалъ Городно и другія Литовскіе города. Миндоугъ приведенъ до крайности, былъ принужденъ для спасенія своей державы, принять Христіанство по литавскому обряду, и такимъ образомъ заслужилъ себя покровительство. Папи Инокентіа IV. давшаго ему самъ королевскій (1251.) 89.) Въ послѣдствіа Миндоугъ помирившись съ Да-

Неаръницеу (по Ермоловскому списку Иперницеу) въ томъ Карачикъ узнаеаго историческое названіе Юденбурга, Хелленоскій же Небурга. Въ промѣтъ томъ городъ лежалъ вблизи города Висни: Бѣ бо бѣба колаши и купеши порьялю, (да Романа и Гертруду) автай въ градъ Вади арночтчи, толкы бо бѣ глаы аю в коней кытчець аста уи“ О тыхъ подробностяхъ не упоминаеть ничего исторія Австрійскаго Герцогства. Ср. Мейнертъ тамъ же стр. 134. 149. Palascky Geschichte Böhmens T. II. Prag 1839 S. 1839. Король Даниалъ, не добивъ для сына своего Австрійскаго Герцогства, не получивъ даже о томъ, что когда то Австрійскій Герцогъ и Намѣстникъ Императорау удалось овладѣти его послѣдствіе, которое, исцѣлеть въ послѣдствіа несчастна бѣдствія, вышъ упокоится подъ ить кроткии Провсалоу.

89.) Папи Инокентіа IV. въ грамотѣ своей изданной Mediolani XVI. kalendas Augusti anno CX. (1251) именуетъ Миндоугу (Regi Luthoviae)... Regnum tuum ac terras omnes, quas per diviniae virtutis auxilium jam eripisti de infidelium manibus vel eripere poteris in futuram, in ius et proprietatem beati Patri suscipimus, ... Histor. Russa. Mos. T. I. N. XXXII. Въ грамотахъ того же дня и года изданныхъ, именуетъ сей Папа къ Евстафю Бельскому и Курландскому, чтобы никто не причиналъ оспор-

шляхъ. отступая сину его Рюману, Новгородъ. Слонить, Волковскъ и выдать дочь свою, за его меньшаго сына Шварна: молъ конокъ своей жизни слова возвратилса къ прешню идолюслуженю и губительнымъ разбоємъ для Тевтонскаго Ордена Мазови и сусѣднихъ русскихъ областей (1262) 90.)

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТИЙ,

русскій приводиникъ изъ Соломахи.

Новость, нилса самилса наивольса.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

На другій день рано нилъ я эхати къ Папу Долнискому; конеше однакожъ кони мои нестрѣбни была къ полю, рашилса я свершити путь сію нахотомъ. Дворъ Долниского былъ найне на волъ нилъ отъ насъ отда-

бленій Королю Литовскому привинену втру Христоу (тамъ же № XXXIII); поручаетъ Еванскому Кульмскому, члбмъ оны вначалъ на воровство Милдога (№ XXXIV): auctoritate nostra coronas in Regem... Na tamen, quod ipse ac successores sui Regnum praedictum... se ad apostolicae sede tenore perpetuo recessissent: назовецъ повелываетъ Еванскому Кульмскому, устаровити Соборную Церковь въ Литвѣ, и воставити тула Еванского (№ XXXV). Въ первомъ Литовскомъ Еванскомъ былъ повелываетъ Христианъ священникъ Тевтонскаго Ордена въ Пшемонтахъ и учителъ Милдога 1253. годъ.

90.) Ивнт. Лит. 182. Петохъ же Войшецкы створи ширъ съ Давидомъ, и выдла шерь Милдогову за Шварна, сестру свою, и арало во колтъ къ Давиду, оставилъ владеніе свое и восприимъ новостій чинъ, и власть Рюманова, сына на Королевъ, Новгородомъ отъ Милдога и отъ себе вословитъ в Валломошсть, а въ горы, а самъ пресия шти во Сватую Гору; и поиде ому перелъ у верока Угорского, и во лове дѣти Сватоу Гору и воротиса въ Богарька.

лешный, по дорога писаженная деревани, дуже прятана.

Утро было чудесное; окрестни горы покрилса бѣленикии, тамъ то самъ прорванничи оболочками, которы все выше и выше, яко утренній овиантъ во славу Божию, подносилса къ небесаи и тамъ, унеишлса постепенно, исчезали въ безконечномъ простора. А тутъ — въ вершинѣ деревъ роздалса громкій птичій хоръ. — а на разъ приунолтъ, только протяжный отгласъ его отблса въ горахъ; то знати птички поздравилса на „добрий день“ и узнвши, что все пережили коротку ночь счастливо, смолкли на время, абм не задолго еще сильнѣйшимъ голоскомъ поздравити восходящее солнце!

Первыи лучи солнца достигли мене на воловинѣ дороги. Якіи прелестный видъ явилса тутъ передъ очима очна! Горская природа дышала самою свѣжестью, самилъ благоуханьецъ; красовалса непаглядными красотами, роздавалса веселіи птицъ и проснувшихса встужинокъ, отгласомъ насущихса стадъ, пріятнымъ новозомъ утренняго ватерка.

Ахъ! подувалъ я, ты милое дитя Божіе, ширекная природа! яка ты чудесна, яка ты весела! ты оживлешъ радостью дремучіи лѣса, горы и долины, ты носешъ славу небесаи и людяи, ты восклицашъ къ раннему путнику: „радуйся, веселкиса; яко Всевышній Отецъ сотворилъ тебе на радость!“ А одивкомъ путникъ тотъ далоній отъ радости! . . . оны только одакъ возмущають твою утренню ползату своини страстиани, своини тревожденіемъ!

Сблжнелса ко двору, а приунолтъ былъ отпочати на придорожникомъ канени, бо шнѣшоннии чувства радости, печали и негодованія авелновали за надте грудь мою. По-

ель отпочинка пошелъ я во дворъ и просилъ докая пустить мене передъ Пана Долниского.

Отъ удивившии голось мой въ преднокозъ, вышолъ самъ мене на встрачу и поздравилъ съ обыкновеннымъ притворнымъ восхищеніемъ. Когда повелъ мене къ своимъ коннату, казалась радость его надъ моиъ прибитіемъ такъ велика, якъ бы то загостилъ къ нему самъ родимый его отецъ. Съ притворство розсердило мене такъ думо, что я сейчасъ проговорилъ къ нему съ недогованіемъ: „Пане! не огорчай мене еще твоею лестію, котора подаетъ новое доказательство о твоємъ подломъ характера; ты мой оскорбитель, ты мой врагъ; и солодное твое пріятіе есть ложно и мене ненавистно. Но я не пріишелъ сюда съ тобою свертитись, я пріишелъ розсчитатися за мою честь, за славу дочери, и всей несчастливой родани! Я пріишелъ къ тебѣ такошъ съ желаніемъ, и съ прошеніемъ; мое желанье: воздвигни мнѣ хату, бо я погорялъ; мое прошеніе: пожди съ требованіемъ на отдачу моего долга, бо я — безъ грошей. Вотъ тебѣ цаль моего прибитія; отвачый, пріятно ли оно тебѣ, лестный человаче!“

„О, найпріятнѣйшее!“ отрегъ окъ... но а не пованю, отъ чего вы мене укораете? якіи смыслъ въ такъ словахъ. що будь-то пріишли вы со мною розсчитатися за вашу честь и славу, которую я всегда уважалъ и уважаю? Я вѣсь призналъ якъ родного отца; а вы мене назвали врагомъ! Я вѣтъ подаю вѣсь ласки чувствительного сердца; а вы идзаете на мене канонекъ!“

„Яко?“ спросалъ я, „вы столь безнапяти, что конеть вабили уже о своихъ гряхахъ, о увезеніи моеи легковарной дочери, о прельщеніи отчаянного отца, о найчорнѣйшей подлести, яку почти не видали наши удивленнии горы дотолъ! О, Пане

Долнискій! я дуналь найти во вѣсь еще искорку благородія: я дуналь, что вы отпримете передъ всана людми, яко сотворили ужасное преступленіе, о которомъ уже знають соседи; я дуналь, что вы отклатите передъ лицемъ цылого свѣта, яко дочь моя необезславлена, непоказана и вся также повинная дочь сиренного приходника изъ Солоняки; а вы, будьто закоренный грѣшникъ, отпираетесь середъ молчащихъ четирихъ стѣкъ — передъ лицемъ несчастнаго отца — погоральца — своей вины, своего поблужденія! О, где зыкъ, который изразилъ бы оную подлоту словани! Ниий, погодній, якъ я, отецъ пріишелъ бы до вѣсь — хотъ бы въ моча, — и гроникъ гласомъ повалъ бы вѣсь передъ судъ, или, къ пристрастіи души, самъ пожедалъ бы ужасного отчета; но я старій, я охолодалъ, и мое званіе спинаеть кнаучую кровь! О, Пане Долнискій! смальтесь надъ садичани, моеи головы, лѣтми обремененной и вограсвонной буряни жизни; смальтесь надъ моею родникою, котора вѣсь нечитала и лѣсть вѣшу отплачевала подкимъ доверіемъ и неклопностію сердца; смальтесь надъ несчастливою давницею, котора любила вѣсь всаць пленоконъ первой, незинной любви, котора вѣсь ради бѣжала съ родительской хаты, котора съ такъ моръ погубила найкраснѣишю нечты, авеселье пошомешихъ лѣтъ, вѣру въ священную любовь молодца, и те что найдорожше есть всякому живущему дитати Божію, съ чѣмъ жизнь туземца — рай, безъ чего она — могила: — тихій, святый и окой души! О смальтесь, падъ накъ, — и возвратито славу нашу и доброе имя, которми одни одиноки остави какъ были воєсь жестокого кораблекрушенія на бурномъ морѣ житія!“

Долнискій молчалъ, и на лицу его пренелькивало иногда чувство сожалѣнія: во

знав-сторожь его поканиного сердца не
спала; она подшепнула ему слухущий сло-
ва: «Натя! не возможно! такъ откровен-
ный изъзнавонкъ нарушила бмсь моя соб-
ственнаа честь: съ нарушеніемъ чести уда-
детъ мой кредитъ. горько заработанный про-
длитъ, которого рада льстятъ я, до земли вла-
нмаса всюду святу, которого рада екавалъ ду-
шу!... а надежіе того кредита то моя поги-
бель!... о мать! достойный Отче! я отворусь
моего грѣха передъ цѣлымъ свѣтомъ, доже
передъ вами и моею дочерою!»

«Но не отперомься, грѣшнику! передъ
Богомъ!» воскликнулъ я, «Отъ позвонъ те-
бе передъ страшный судъ свой, и наказа-
еть за горелькія слезы, арглатыи то твоей
вещъ за обиду, ахум сотворилъ еси нева
и моея родниа, и за ово павитозлобіе. съ
вѣннъ отпавромься грѣховъ своихъ передъ
ближними!»

«Отче!» сказалъ оу съ гнѣвными вно-
дотъ, «дотель удерживалъ я свое хладно-
кровіе! но теперь, когда начинаете свое не-
наивннстную проповѣдь, съ которою лучше и-
дите въ вашу церковь, теперь я не въ си-
лахъ пригасити свою всмнльчивость — и на
перекоръ моему надеванію возмваю вастъ:
отдайте мнѣ — сей же часъ — ванъ долгъ, —
и еще тн гроши, которн завлѣтилъ я
шела моего отъѣзда изъ Львова, аргн-
станъ и господарю гостиници изъ Краков-
ского передвѣстья за востой четырехъ лавъ!»

Тое его желаніе поразило мене, но немже
вто открытіе, что оу влѣтилъ за мене в аргн-
станъ и господарю изъ Краковского перед-
вѣстья, о которыхъ я сейчасъ домыслила,
якоби и она оболочени были новнхъ дож-
ныхъ братаацнхъ. Но уснрннма свои ро-
сторганнма чувства, сказалъ я съ позагою:
«Ты мой врагъ, ты мой осквернтель, — и
твое желаніе соузничество и дана, — справе-

дливо; но я зналъ такія случаи въ жизни,
въ которыхъ я враги поступали съ обез-
силенными противниками благородно; я чи-
талъ въ исторіи, что и безсодечныи хи-
трами даровали иногда своимъ должникамъ
нтіе; ты жизнь мою не отберешь, — я
громой по вноу! Я открылъ тебя при всту-
пннхъ: пожди — хоть малое зреня — съ твои-
ннхъ требованіемъ. Моея принудили зми лю-
ди, принудилъ я ты, гонатись за невннннхъ
Расаичнхъ; ахати бездально во Львовъ; не-
но обокрали; я погоралъ; а лишонъ все-
ннхъ достатковъ; даръ Божій, теперьшное
ннвно подастъ такую помощь моея родниа,
котора умнваетъ съ горя въ чужой хатѣ; но
не подастъ мою средства, абы завлѣтати
великій на мое состояніе долгъ, которн
невннннхъ образомъ запнствонвалъ у тебе;
о, про милость Бога! пожди, пожди съ
твоиъ требованіемъ! Я взалъ отъ тебе гро-
ши, но взалъ не зная, что беру у моего
врага! И кобы тогда, былъ мнѣ кто от-
крылъ, что ты похитилъ мою дочь; я былъ
бы померъ за долги въ тюрьму; а былъ бы
сносилъ голодъ и жажду, и вся нучелья,
якн претерпѣти можетъ человекъ; а не при-
ннлъ бы грошей изъ врнжесннхъ рукъ! Такъ
пожди, а пожду сейчасъ въ добрымъ поинъ
сосѣднхъ, и пришло тебя гроши — если
Богъ донокожетъ — и ннвалъ!»

«Такъ» отвѣтилъ оу съ яростью, «ни-
нху хочу ннати отъ вастъ мои гроши; еше
нннхъ! Вѣдте, куда ванъ угодно и — при-
везите мои гроши!»

«Почду — и пришло ахъ тебя!» от-
реть я, «и не хочу ничего больше о тебе
слншатн! И кобы врнзнн твоа обсна-
тн мене погла золотомъ, или твоа вражда
вогнати мене во гробъ, обнма презрнлъ бы
я однако. Разъ уже оболочнлъ мене ты
безннндръ, оскорбалъ неагроднно. Сердце

ное варило тасоку благородію, твоей чести! а я нашелъ въ тебѣ подлоца, беззаконника. Такъ здравствуй — и наслаждайся всѣмъ, что тебѣ счастье подало, наслаждайся красотами, богатствомъ, здоровьемъ и роскошію! — а мене оставь по нуждѣ на погоряльницѣ. въ горѣ и недостатку! Но якъ на угнетена душа моя прискорбленъ, а такъ сохраняю честь мою и достоинство, и хотя прощаю тебѣ сдѣланное мнѣ зло, — но презрѣти тебѣ буду всегда!»

Сказавши сіе, вышелъ я за двери, — и не оглядывая ступалъ пракомъ дорогою до Соловника. Прибывши до Дьяковой хаты, послалъ я по коней на поле, и въ полъ часа ѣхалъ уже нини до Верховника. Мой добрый сосѣдъ не могъ мнѣ помочь; онъ объѣхалъ на несколько миль кругомъ всѣхъ сосѣдъ, но одинъ не имѣлъ грѣшей, а у которыхъ было ихъ вдоволь — тѣ не имѣли сердца!

Долго совѣтовались мы, что дальше поѣхать? — наконецъ пріѣшла мнѣ свѣтлая мысль до головы; я имѣлъ на Угорщинѣ родного брата Николая, который похотѣлъ будетъ въ состояніи помочь мнѣ въ бѣдѣ моей; поѣду къ нему; розскажу ему все мое злопріключеніе; онъ умиосердится надъ несчастными братомъ, и если не сможетъ самъ удалить мена съ значительную суму, то займетъ прочее у богатыхъ сосѣдъ. Мой другъ укринилъ мене къ сему предпріятію; и я прѣщаясь съ нимъ, сказалъ: „Тыкъ въ имя Бога, завтра выберусь до Черенатки!“

Немедля возвратился до в Соловника, и просилъ жену снабдити мене, чѣмъ можно, на несколькодневную дорогу. Она зналась своенъ далонъ, а я познавши своихъ детей въ дружескій кружокъ, воилъ разонъ съ ними Бога о благословенство къ повоину сему предпріятію, отъ котораго зависло будущее счастье моей родины.

Другого дня раненько, выхажъ я, сопровождаемый амъ въ село добромъ моемъ родномъ, въ сію назаренную путь къ моему брату въ Угорщинѣ. Пріятно услаждающаяся надежда была того дня моему соудитицѣ; для того былъ я веселъ в разговоривать часто съ простодушнымъ Федорикомъ, который радовался думе, что здѣтъ въ свою прѣдѣлу Угорщину, до Перенатки, где такоужъ онъ прожилъ свой реблческій вѣкъ и где оставилъ еще двоухъ братчанковъ и одну сестру, сиротъ. якъ и онъ садъ.

Иногда просилъ я его, чтобы розсказывалъ мнѣ простонародныя сказочки, которыхъ онъ множество зналъ, и мнѣ которыхъ были нини и остроумны и поучительны. Въ юности моеѣ былъ я великакъ любительнъ сказокъ, и свисивалъ ихъ изъ устъ народа десятками; со временемъ составилась изъ нихъ толстая книга, котора, къ сожалѣнію, сгорѣла такжѣ во время пожара въ Солованицѣ.

Тыкъ, на роздумкахъ и розговорахъ продолжалось путешествіе наше цѣлымъ днемъ. Уже солнце повращало насъ послѣдними лучами, когда перѣзжали мы угорскую границу. Узравши передъ собою воззолоченныя верхи горъ той страны, где я родился, где воспантался, изсылъ я изъ брочки и открывши голову съ восторгомъ и благоговѣніемъ, воскликнулъ я съ сердечнымъ тревотомъ: „Здравствуй, Угорская Русь, ты Мать моя старая! Я смилъ твой, родимый смилъ, котораго корни еси солодникъ колоколъ твоихъ грудей, училъ „Огча нинъ“ и „Варумъ“ напавала водою изъ колодаца священнаго писанія, вооружила сердце мое твердомъ взрою, чувствивши честь и собственного достоинства! Здравствуй, прѣмилая Мать! твой смилъ узрѣлъ тебѣ еще разъ передъ смертію! Якъ вѣтка сорванная отъ родимого де-

рева, такъ оторвался онъ отъ твоихъ грудей, и пошелъ въ чужія страны; пріятна была нечѣ ему нежъ однородными братьями въ Галичѣ, и тогда она чисто и свободно текъ тотъ ручей у горъ твоихъ подножія; но состарился онъ — ахъ, и на старость вспиталъ много гора, много буръ и тревоженій! Теперь возвращается на твое матерное лоно, и молить у тебе вночи, свесенія отъ бѣдъ твоихъ, пріюта и охраны отъ гоненій! О, дай ему, дай пощощную руку, ты Русь Подкарпатска, Мати моя старая!”

Отгласъ угорско-русской козми, долетавшій къ нему изъ отдаленія, отзывалъ по-ему восторженному призыву. Долго еще всмотривался вь сію страну, которая мало по малу вся прикривалась теньскою поволокой, и предвѣдѣла нѣмалъ воспомяншія изъ лѣтъ вѣщескихъ; — когда наразъ, разбудилъ мене изъ пріятной задумчивости стукъ козскихъ копытъ. Едва возногъ я прійти назадъ въ себе: уже становло передо мною нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ и одинъ изъ нихъ спросилъ громивъ голосомъ: „Кто здѣтъ? куда здѣтъ?”

„Отецъ Игнатій! изъ Соломняки: зду до Перепатки;“ отрегъ я не много перестрашенный.

„А, Отецъ Игнатій!“ сказалъ тотже голосъ, „здравствуй старенькій Отецъ Игнатій; но вы не поедете до Перепатки; вы поедете съ нами. — въ тую сторону!“ — и указалъ на совсѣтъ вратившую путь, дѣтъ куда мене нужно было ѣхати.

„Названіте, мой Папе;“ рокъ я честненько, „вѣтъ куда до Перепатки, и а хотѣтъ бы покрѣпнѣе захати такъ завтра на вѣчь; и аду туда реда важныхъ дѣлъ ка-савшихся несчастливой моей родни, и вѣс-

кое заведение въ пути привесеть ей новую нужду!”

Но даренимъ была вся моя представлениа; они завернули наши кони, и обступивши бричку казали намъ ѣхати въ противную сторону. Ничего было дѣлати; аужно послухати, дабы жизнь спасти. Морозъ переймогъ мене, когда пригладѣлся я ближше бородачѣмъ лицамъ новѣхъ сонутниковъ, котормъ теперь казался мене быти кругомъ разбойниками. Одинъ изъ нихъ говорилъ по польски, другіи по мадарски; тотъ послѣдній языкъ былъ изъ еще-панятель, и думя, что смѣгчу якъ мадарскіи ихъ сердца, заговорилъ до нихъ по мадарски: „Прому, ласкавми Папе, скажите мене откровенно: кто вы, и куда возете мене? да знаю: на смерть ли приготоватись или на яку бѣду?”

„Не будетъ вамъ ничего,“ отрегъ мене одинъ бородачъ, „мы слышали, что Отецъ Игнатій изъ Соломняки евангій проповѣдникъ, и побожний слуга Христа, а въ нашѣмъ мѣстечку есть больница, где немощныи люди нуждуются въ душевной нищѣ; такъ встрѣтитиши васъ на пути, зовѣтъ до хорыхъ братьевъ во Христа.“

Тое изъясненіе извазало мене не вѣроитно; но въ продолженіи одного часа въѣхала мы вѣстину въ одно маленькое мѣстечко, и остановилась передъ большинъ до-мокъ. Мене звели въ одну пространную коннату, и заперли за мною двори на ключъ; я оглянулся кругомъ себе: въ примѣчѣ герала ланнада и кидала тусклое свѣтло на обѣтшались стѣны; но нождъ стѣнами стояли деревянные лѣжа, а на нихъ лежали, то сидѣли — не хорин (агъ а то смерва думалъ,) — а узники! Тамъ находилася и въ вѣзницѣ!..

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НЕМИРА.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

(по Валюцкова съ докторами переработали)

(С. Опушривенча)

Явленіе шестое.

Людмила встала Родослав.

Люд. Добрая жена! Вишу, твоя будущность не такъ счастлива, какъ ты ей надѣялася отъ твоего первого супружества!

Род. Где Немира?

Люд. Заключати ю?

Род. (затопленнымъ въ мысляхъ) Нѣтъ.

Люд. (по маломъ безмолвіи) Господине!

Род. (смотря на нѣ)

Люд. Что непокоитъ вашу душу? Какое вамъ горе?

Род. Га! идѣте заключте ю — Нѣтъ, нѣтъ, не идѣть. Не хочу мѣшати ей радости.

Люд. Радости?

Род. Такъ мнѣ надо, потому что теперь будетъ нѣга вамъ, какъ ей угодно.

Люд. А вы хотите радоваться бѣдѣ, котораго вы причиною.

Род. Я? Причиною бѣдѣ? Правда, кажутъ такъ, но —

Люд. Такъ есть.

Род. Слова ли жаловалася на мене передъ вами; назвала ли дикимъ, лютымъ, жестокииъ человѣкомъ?

Люд. Нѣтъ, никогда не приходите ей на языкъ прикрасное слово, хотя ю такъ мучите.

Род. Мучите? За то да отнотить нѣтъ Господь! Охъ! Охъ! что за хитрость! Стараетсѣ измѣническую печаль измѣнить

и измѣнить нѣшо, можѣтъ правотѣ, нѣшо измѣниномъ любовію.

Люд. Господине! извѣстна ли вамъ благодарнѣйшая, лучшая жена отъ вашихъ?

Род. Немира можѣтъ добромъ женомъ быти, но Родославомъ супругомъ — о себѣ же ногу тѣе сказать, знатѣ Господѣ Богѣ, что не ногу. — Людмила! прому васъ — въ нѣшо время съ вами охотѣю говорю — не же теперь, и не о томъ. Умалдите.

Явленіе седьмое.

Володимъ, Родослав, Людмила.

Вол. Отче! (Род. не слышитъ его. Володка робѣетъ и кезируетъ на Людмилу, которая ободряетъ его и отходитъ.)

Род. Мое удаленіе не опечалитъ ю, она не пролетѣтъ нѣтъ ни одной слезы; — и не требую мадой. Мое нахѣреніе хороша. Извѣю ли тутъ долге пребывать, нѣшо дни во водмханіяхъ проводить и нѣшо силы въ непримичной скорби измурати? Нѣтъ! и довольно долго игралъ безбородого женому; Богъ да проститъ нѣтъ тѣмъ нѣтъ лѣта, которыи я протрѣталъ — Только ей дѣтиныиъ жалѣ нѣтъ!

Вол. Любезный отче!

Род. Ты тутъ? чего хочешь?

Вол. Хотите ли васъ покинуть?

Род. Я хочу вамъ радость сдѣлати, твоей матери и тебѣ. Вы мене не любите.

Вол. Васъ, отче! О! я былъ бы благодарнѣйшѣ, если бы я васъ не любилъ; а бы знаи, что вы мене любите; а если бы васъ мама не любила, для чего бы такъ горько плакала?

Род. За нѣшо плакала?

Вол. Такъ, отче. Они пришли до мене до востали, поломали своею головою на нѣшо

грудь и плакали о вашем жестоконъ извѣщеніи. — (береть его за руку) Возьмите тутъ, отче; моя одежда цѣлкомъ мокра отъ ихъ слезъ — (мститса) А я не плакала.

Род. Ты не плакала?

Вал. Я зрала собѣ помысливъ, если Владимиръ пойдетъ до отца и ихъ попроситъ, то они насъ не покинутъ. — Что отче!

Род. Его увѣренность изинаваетъ изъ его любви ко мнѣ. Свирѣе было бы ю обманути. Нѣтъ, онъ потребуетъ мене. — О смилу мой! ты уменьшилъ горель мою души, не совершенно ю отъяти, не помогаешь самъ.

Вал. Правда, что вы останетесь при насъ?

Род. Такъ, при тобѣ остануся.

Вал. Ахъ отче! (вытягаетъ руки, дабы его объять) Ходѣте! ходѣте! да поцлуютъ насъ за тою мама! Ходѣте! будьте радостны нашей радости. Ходѣте! ходѣте! (тагнетъ его за руку).

Дѣйствіе второе.

Сцена при дворѣ

Явленіе первое.

Всерадѣ, Людмила.

Всер. Сказали ли вы ей точь въ точь такъ, какъ я вамъ говорилъ?

Люд. Я точно донесла ваши слова. Не шурьтѣ, она скоро тутъ будетъ.

Всер. Вамъ недобеаетъ отдалитися.

Люд. Вѣрте мнѣ, Немира неукраиваетъ ничего впереди мненъ.

Всер. Я то знаю; она можетъ вамъ извѣрити что хочеть, а не по ногу.

Люд. Смилу Родославъ дождается о снѣгъ, свидѣній, то вѣй провадять.

Всер. Такъ вы взяли на себе мнѣти о томъ поночевіи. — Но, Людмила, скажите мнѣ, что приключилось снова, графъ поспурень и печалеть, и графиня такожь?

Люд. Милый Боже! то приключается ежедневно. Вы знаете какъ онъ мучить до брзю Немиру. Ея справедливое гореваніе о родителяхъ называетъ онъ ложнымъ и извиническимъ; она мнѣеть забыть о дрякомъ благородномъ Владимирѣ; она мнѣеть быть веселомъ. Того домагаетса онъ съ докучливою наглостію, и тааъ дѣлаеть тое, чего домагаетса, невозможнымъ. — Вамъ извѣстно, что она больше изъ принужденія, нежели изъ прилежности на тое замужство соизволяла.

Всер. Нѣтъ, а не знаю ни о чемъ, розскажите мнѣ.

Люд. Отецъ Немиры едва дождѣлся о Владимировой смерти, уже и говорилъ о семъ сочетаніи. — Мнѣ кажется даме, что старый мыслалъ о томъ замужствѣ еще за житія Владимира. — Онъ своей дочкѣ то грозилъ, то проклиналъ, то ю просилъ, то цѣловалъ, доколѣ онъ соизволяла. Моветъ быти, онъ самъ потомъ увидѣлъ и узналъ, что ничего добраго не учинилъ, что его донька стала несчастливою, и его добрая жена изъ печали скончалася. Ибо для чего умелбы онъ такъ тайно, ежели бы его не довело до того раскаяніе или, моветъ быти, даме отчаяніе? — Все тое таинить теверъ на сердцѣ Немиры.

Всер. Я никогда въ тое не вникалъ, но теверъ понимаю уже. — Старый не могъ больше терѣйти Владимира въ послѣднихъ лѣтахъ.

Люд. И тое то принудило Владимира ити въ Украину.

Всер. А второе сочетаніе было ли оно только дѣломъ старого?

Люд. Только его дѣлать. Родослава достоянть извинити его любовь была пресильна, а старый родувань во всегда больше и больше; хотай оба въ томъ винимы, что Владимиръ удалился: ибо почти емедленно упрекали его то черезъ гордый видъ, то черезъ колкіи слова тѣмъ, что онъ еще не сражался такъ акъ они за вѣру и отечество.

Всер. И самъ ли только старый подучилъ вѣсть о Владимировой смерти?

Люд. Онъ привелъ двоухъ козаковъ въ дворецъ, которыми утверждали, что видѣли, акъ Владимиръ погибъ. — Цытъ! Немира идеть!

Всер. Ну то идѣтъ, Людомила, идѣтъ. Прошу о томъ никому не говорити! — Мое открытіе можетъ имѣть слѣдствіа, которми . . . (Продолж. слѣд.)

ИЗВѢСТІА ЛІТЕРАТУРНІЯ

— Подполковникъ Стратановичъ, известный прежде яко сербскій военачальникъ, вѣстимій дѣйствительное соучастіе въ послѣдней борьбѣ Черногорцевъ съ Турками, занимается нынѣ составленіемъ для подл. заглавіемъ: „О вѣстаніиъ состояніи Туркіа.“

— Его В. Преем. Кардиналъ князь Принцъ Угорскимъ Шляховскій розписалъ конкурсъ на составленіе учебнаго книжкы для школъ гимназіалымъ, которми должни быти сочинены соотвѣтно вѣстимымъ началамъ христіанства. Нагорды нынѣ же опредѣлены состоятъ изъ 25, 50 в 100 червонцовъ.

— Тѣломъ народное заведеніа Османскихъ во Львовѣ издаво недавно книгу подл. заглавіемъ: „Гертруда Коноврская.“ Содержаніе сей книги есть трагическая любовь Феликса Потонного изъ Гертруды Коноврской, котору такъ впрекрасно воспѣлъ А. Малчовскій въ своей украинской „Маріа.“ Для лучшего уразумѣнія воени Малчовского впрепоручаеъ любознательнѣмъ сію на исторической вѣстимой основанную повѣсть о Гертрудѣ Коноврской.

— Въ Москвѣ вышелъ 15мй томъ „Атласа и Московского общества исторіи російской старин.“

— Др. Геелеръ, профессоръ во вочушкѣмъ Прагскомъ, позавтрагъ издалъ большое для подл. заглавіемъ: *Scriptores, acta et Diplomata regni Hussiticarum.*

— Г. прое. Понгуляръ въ Либлау (Либеку) розписалъ предлать на свое зачитательное для „Всеобщая азбука.“ Ово писаво въ вѣстимой языкъ и предлаетъ способъ, акъ посто едвою азбукою во всѣхъ языкахъ писати азбука такъ состоятъ впрощающею изъ буквъ латинскихъ, вѣстимыхъ словосвязкы и вѣстимыхъ изобрѣтенихъ сочинитъ во сочинителемъ. Предлата стоить на 3 р. ср. Г. Понгуляръ выступалъ со своимъ изданіемъ уже впрередъ вѣстимыхъ годъ, во не нашель надыне выдѣ узнати. Теперь возвѣщаетъ оутъ, что впрешній языкъ извѣстай в прсправилъ зачитательво и вадѣтъ большей акъ впрередъ синатія. На вѣстимій случай, трудъ его хота можетъ имѣть надаренный, во вѣстима во хвалительный.

— Данъ 20 оесрала выдѣтъ едвою годъ съ того времени, акъ славная воостановителка г. Герпріета Бечеръ. Стове изъ ствердой Америкы вступала въ свѣтъ свою повѣсть „Жизна страи Фени“, в первый изданіево того розова предать въ теченіи года 303,000 экземплярровъ. Вздвѣнать въ газеткахъ, что въ вѣстимой свѣтъ розсправовъ уже около 5,000,000 экземплярровъ. Исть ли то чужо выдѣнано, возсмѣлаво!?

— Его Величество князь благословѣннѣишій Монархъ изволялъ впринати посланіево Коларова сочиненія: „Старо-Италія Славянская.“

— Его Величество благоволялъ возети вѣстимый даръ дѣтямъ новоядого, с чешскій впрородъ и его литературу воостановителного вѣстима Ф. Челавоского, в то во 70 р. сѣкгоде для вождого дѣтати до того времени, пока не впріобрѣтѣво вновое сава. Челавоскій оставилъ во себѣ 6 дѣтей.

ВСЯЧИНА.

— По новѣйшимъ вприсчисленіамъ есть на земли Босній 303 миліонровъ Христіанъ, 141 мил. Иудеи, 360 мил. Буддистовъ и Бранистовъ, 8 мил. иудеовъ, в 57 мил. вдово-чоловонниковъ и вогадь. Наибольшое число Христіанъ есть въ Баронѣ, т. е. 252 миліонровъ; въ А-

ни 4 мил., въ Африкѣ 3½ мил., въ Америкѣ 45 мил. а въ Австраліи только 1 миліонъ.

— Изумительнаго года приближилость во Вѣдн 510 случаевъ насильственной смерти, — немъ гѣмъ было 97 самоубійствъ и выше 50 людей повѣсилось. Въ Парижѣ было того же года 411 самоубійственныхъ случаевъ, изъ того числа принадлежало 294 на мужчинъ и 117 на женщинамъ.

— Англія имѣетъ выше 900 пароблей и разлившихъ волжнихъ людей съ 20,000 кушаннъ; Франція около 400 съ 6000 и совѣтнимъ деревнямъ въ Америкѣ 76 пароблей съ 2040 кушаннъ.

— Въ нѣкихъ сторонахъ Угорщина пробовано развести полевые хлопчатой гербаты, и работа та удавалась совершенно.

— Сказали на востокъ, который будовать истребятъ во Вѣдн во великъ счастливомъ спасеніи Его Величества выносила до 15 Мая 548,873 р. с. 314 дукатовъ, 1440 ервановъ, 700 злотовъ, колываловъ танкихъ золотыхъ монетъ, 33 талеровъ, 700 реаловъ и пр.

— Въ сербскихъ банатъ кажутъ люди чрезвычайной долго. Причѣмъ, но особы 100 или 120 лѣтъ пережили, не суть такъ дико рѣдкихъ случаевъ. Въ Кеверомъ умеръ въ именуемъ столѣтій Петро Зертанъ, пережившій 159 лѣтъ а года 1728. Назвъ Ремель, числавшій 172 лѣтъ, а его мѣст 164, переживши обое 74 лѣтъ въ супружескомъ станѣ.

— Берлинская часоникъ „Die Zeit“ возмущаетъ: Передъ нѣсколько недель имѣлъ нѣкій полковникъ некаякъ берлинскій ницо улицъ, и поранитъ апоплексіемъ умеръ на вѣстѣ. Передъ нѣсколько лѣтъ перебрался здѣсь умершомъ тономъ улицю, и на томъ самомъ вѣстѣ, где нукъ ея умылся, поранитъ таюжде апоплексіемъ сейчасъ умеръ. Въ два два вѣстѣ того прибли на похороны сестре еѣ съ Ноубурга и необыкновенныхъ случаевъ, умерла на томъ самомъ вѣстѣ, где инагожъ и сестра нитъ перестала!

— Съ причѣмъ недостатку живностей въ Галличавъ, поступившомъ въ счастіе хоробы земновѣтъ и не богатого этогогоднаго января, а теперь въ счастіе долготерпелой зимы, благоволила Его Величество повелѣти, абы на руки г. Канцлерства Галличавъ удѣлено изъ деревнаго старбу

60,000 р. с. въ той мѣстѣ, чтобы тѣмъ, подѣ усласіонъ возвращеніи, раздѣлити немъ оіи городамъ, котормъ занемогти дѣствительно потребуютъ.

— Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ краяхъ существуетъ обычаи, что каждый отецъ, ахъ только дѣти оу уродятся, засажаетъ въ парокъ оше году 6 ошавныхъ деревъ — будь на своемъ грунтѣ, будь на публичномъ вѣстѣ. Къ тому обязанніи ошъ холити ошело нѣкъ старанно, и въ случай, если бы нѣсокъ, посадити на то вѣсто другія. — Въ Швайцаріи не ость во зѣмляхъ, но каждый молодецъ садитъ поглѣ нешѣмъ 12 ошавныхъ деревъ; для того въ краяхъ тѣкъ ость добрыхъ ошавей въ изобиліи, на нхне недостатокъ имъ всегда такъ пережало. —

— Въ баварскомъ селеніи Гайдаузенъ принесла сини дѣти одна жена свое двадцать четвертое дѣти во врсеніи. Въ томъ сѣбъ ость нѣна родина, которой вѣтъ дочерей породила разномъ 43 дѣтей!

— За всю оружность (territorium) превознаго вѣста Нью-Йорку въ Америкѣ заключено года 1627, при заключеніи вѣста, 24 нѣмекъ двадцать четыре долларовъ; оружность таа ость нѣкъ 300 миліонозъ долларовъ! Естъ то изображеніе вѣдывающаго возраста сѣверной Америки.

— Астрономъ др. Швайцеръ въ Москвѣ открытъ недавно новую комету, которую однакожъ зрѣти можно только вооруженныхъ окомъ.

— Видѣнчани рассказуютъ, что австрійскій вѣсокъ въ Царгородѣ желалъ, абы Турки не называла тамошнихъ Христіанъ некая (іаураши.) Вѣзаръ, кажутъ, отвѣтилъ на тоо: „А чему имъ Христіанъ называете ваши вси Султаны!“

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Восна. собраніи различныхъ сочиненій ставило и прочее. — Довѣдъ примечаніи во полку ошоръ городской Церковъ и Дома народнаго. — Лосовъ, тѣпале Института Старицинсканаго. 1852. года.

(Слѣдуетъ 18. Часо „Поученіи Церковныи“)

**Видѣнчани и тѣпале Института Старицинсканаго
Отвѣтительный Редакторъ Есѣево А. Додичевъ.**

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Сербію два листа, по пятъ годовою въ Лвовѣ 4. пр. 40. пр. к. н. — съ почтовым пересылкою 6. пр. к. н. — Желаніямъ четвергочасно получать платитъ въ Лвовѣ 1. пр. 10. пр. к. н. на почтахъ по 1. пр. 30. пр. к. н.

ЦАРЕВИЧЬ И ДВѢ РУСАЛКИ.

(Баллада.)

II.

Юный Царевичъ ближе ступилъ,
Къ другой Русалкѣ такъ говорилъ:
„А ты, печальная дѣво, что слышишь?
Кое нѣтъ кино счастье узнаешь?“

„Знаю я счастье только одно,
Во снахъ извѣстно тебѣ оно;
Но нѣтъ не дано оно судьбою,
Пока не буду нити съ тобою.“

„Боже!“ Царевичъ громко возвалъ,
„Голосъ узналъ я, дѣву узналъ!
То ты, подружка конкъ печтаній,
Звѣзда проводни конкъ мезаній!“

„Ахъ, слыши, милы! теперь нѣтъ:
Кто ты? въ которой нивѣе страдъ?
И за тобою долго ли буду
Тунити сердцемъ, вскати всяду?“

„Я те, подружка чудесныхъ своихъ,
Сладко-гушана, нирка любовъ,
Та нежытна любовъ, безстравна,
Счастіемъ друте своего счастья.“

„Жале и въ нирѣ я нѣвогда,
Нашитъ не знала, бѣдна всегда;

И оставшиши нирѣ вошь холодный,
Ушла въ Русалокъ края поведны.

„Тыкъ те разделиши, прекрасный свѣтъ,
Жаль лана, что друте со мною нѣтъ;
Съ нити бы летала и надъ водами,
Съ нити бы нивела ногъ облакани.“

„Къ тому бы дала ему принтъ
Тѣтъ, где въ вошотъ всѣ дни тѣтутъ;
Дала бы вѣчку любовъ, и сладость
Друтеи взаимной, душевну радость!“

„Печыши ли, милы! нѣтъ ты во свѣ
Всегда въ любови класка нѣтъ?
Ахъ, если любашъ мене единѣ,
Ходи до мене — еще и нитѣ!“

„Поѣду!“ со жаромъ рѣкъ поведѣтъ,
„Будь-лидъ будѣтъ такъ мой вошекъ:
Милша любовъ нѣтъ я все печтанье,
Лѣтъ ласки нирѣ я — нрѣдосанье!“

И то нирѣши, — нѣтъ берегу
Юный Царевичъ свѣчилъ въ рѣку.
Рѣка вскинула и дѣво открыла,
Красную нирту въ нитѣ поглѣтила.

Съ тѣтъ нирѣ, слышала я, зрѣли во рѣкъ
Наше солане — въ полночній часъ:
Лѣтъ тѣтъ влѣсѣотъ — вошакъ вошани —
Юный Царевичъ съ Русалочкани.

Богданъ А. Д.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІИЪ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖествѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII ДО КОНЦА XIII ВѢКА.

(Сочин. Антон. Петрушевича)

(Продолженіе.)

Данилъ въ улованіи на собственные силы и поощрѣніи сусудственной Венгріи и Польши дерзнулъ былъ объявить себе врагомъ Моголовъ. Война возгоралась; Татары заняли Бакоту въ Познани, откуда однако выгнали ихъ юный Левъ Даниловичъ и изгнавъ Ханскаго Баскака. Напрасно покушался Куренскъ, Батмевъ тенякъ, взятъ Кременскъ и описавъ Данила, не далъ себе наклонити Писаевоу изъ Владиміровичемъ (№ 232), внукомъ Игоря Свѣрскаго къ походу на Галичь, где повывишагося Кнзя Писаево, и убывшаго на потолокъ Соборной Богородичной Церкви, извалилъ князь Романъ Даниловичъ (1255), когда брать его Шварно прогнавъ Татаръ изъ восточной части Галицкаго княжества (1257). Ободренныи счастливыми успѣхами воинскими, возмѣрилъ Данилъ а самъ Кіевъ освободити отъ Татаръ (Ипат. Лѣт. 195), но ничии союзники его Латовци захватъ Дунскую волость, принудилъ его спѣшити къ защитѣ собственной земли. Между тѣмъ, безсѣятныи толчи Моголовъ, подъ предводительствомъ Бурондѣа, пресѣкнуа слабого Куренск, приближалась къ рубежамъ Литвы и Руси. „Жолашъ знати, другъ ли ты Хану, или врагъ?“ сказали Королю Галицкому послы Бурондѣеви: „естыи другъ, то яди съ нами воєвати Литву.“ Данилъ медлил и ае ногъ съ начала рѣшиться къ такому походу, наконецъ видя прѣоскодство силъ Татарскихъ, пославъ брата своего Василька съ дружиною къ Бурондѣю. Пошли Татарскіи устренились товоръ съ першій разъ на Литву: города

и веси изчезли, древуцѣ лѣсы и болота могли только снасти жителей. Подобную участь несчитала земля Ятвѣговъ (1260).

Послѣ ужаснаго опустошенія Литвы оставили Татары югозападную Русь почти два года въ покоійствіи: но когда Данилъ сталъ въ сію время строити и укрепляти города, хищнии Бурондѣй, будь — то подозрѣвая вѣрность Данила, вступилъ въ область Галицкую и далъ знати ея Королю, чтобы онъ явился въ его станъ, какъ смиренный даникъ или въ противномъ случаѣ ожидалъ казни. Данилъ для умиренія Бурондѣа послалъ къ нему Василька в Лѣву, а вмѣсто себе Холинскаго Епископа Іоанна, и узахъ самъ чрезъ Польшу въ Венгрію. Тенякъ Хановъ сталъ, отъ звившихся предъ нимъ нашихъ князей, требовати, въ знакъ покорности ихъ, разрушенія укреплений важнѣйшихъ русскихъ городовъ. Воля Бурондѣа была исполнена: города Даниловъ, Стожѣкъ, Кременецъ, Луцкъ, Львовъ наметнъ и не за долго до сего времени основанныи и названныи именомъ сына Данилова, лишилась своихъ стѣнъ и обрѣднлись въ селѣ. Подобноже были разбитыи и сожжены укрепленія Владиміра Волынскаго, только новопостроенный Холмъ уцѣлалъ, благодаря хитрости Василька 91). Не звавъ Холина,

91.) Ипат. Лѣт. 199. Бурондѣа не разсчитрѣвъ твердость города, оио домошо взяти его, также и наче ирѣвити Василькоу князю: „Василько! се городъ брата твоего, яди полни горожаномъ, а быши си передалъ.“ и посла съ Василькомъ три Татарскіа, именомъ Кучицъ, Аманъ, Болонъ и въ тыку толчае, розумѣюща Русскій языкъ, што ясти полати Василькоу, прѣбхавъ подъ городъ Василько не яди подъ городъ и взъ себя въ руку камень; яришемо подъ городъ а ясти полати горожаномъ, а Татарскіи слышати посланіи съ нимъ: „Костянтинъ холопо, я ти другій холопо Лука Калашовичю! се городъ брата твоего и подъ передалѣся.“ воз-

Бурондай отправился в Польшу, куда Василько и Левъ съ дружиною вели позволом Татаръ и участвовали принуждени въ ихъ злодѣйствахъ. Города Любликъ, Завихвостъ, Судониръ и Лисецъ. были взяты преступно и жители безъ кощадъ преданы острію меча. Такъ опустошилъ восточную часть Польши, и по части подвластную себя Русь, куда шла рать Татарская, возвратился Бурондай къ берегамъ Дняпра (1261). 92).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

внѣз, да каменъ вернуть долговъ, да и нѣтъ разумъ хитростью, а быша си бѣла, а не перодавался, си во слова похвалитъ, а потронуи меча каменъкъ долговъ... Костатинъ же стоя на заборолѣхъ города, усмотри умощъ разумъ поданъ ему отъ Василка в рече Казню Василькови: „ночь прочъ, аже булетъ ти каменъкъ въ чело; ты уже не братъ еси брату своему, но ратниъ еси ему.“ Татарове же, послави со княземъ юды городъ слышавше, похата въ Курондеса, а воевода рѣчь Василькову, како позвниъ горожаномъ, што ли подала такъ горожане Василькови. И посель войдо Буранда оборзѣ въ Люблику...

92.) Современникъ Возмасава Литовскій (Инат. Лт. 199.) описуя страшное зрѣлище неостовства Татарскаго посылъ влѣти Судонира, пожду прочимъ говоритъ: „Червни же баше въ городъ тошъ князя, встани и преданиа сіаюшо красотою, баше бо созданиа бланнъ княженъкъ тесавитъ: а та бысть полянъ людій, верхъ же въ недъ дресовѣхъ покрытъ зашло ся, а та погорѣ и въ ней безчисленноа множество людій, едва ратниъ амбюгома изъ города. Звѣтра же итупони съ поимъ и съ дьякономъ, израдивши прилозѣ а отпавши обдѣлюю, и начаша се причащати, первое самъ, а потомъ боеве съ жезлами и съ дѣтми, тако вси отъ пала и до велика, и начаша исповѣдаться, ово во итупонѣхъ, дружіа же къ пономъ и дьяконѣхъ: заше баше людій множество въ городъ. Потомъ же пождоша со хресты изъ города, и со сѣбчани и съ кудымъ, пождоша же и боеве и боярѣмъ, израдывше во брачиихъ порти и рази, слуги же боярскіи носаку верзѣ

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ.

рускій прихотникъ изъ Соломанки.

Повесть, или самими писанная.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

На другій день рано старался и бланшо познатькъ съ новыи соузникани, котори уже вчѣра вечеръ задавали мнѣ новону пришельцу. розлични вопросы, желая узнати: кто я? отуду азъкъ? и пр.; но они не могли отъ мене ничего выдобити, помето я, предавиши совершенному отчизаю, кивулся былъ на указанное мнѣ твердое ложе, и изнученъ раздумывавель надъ такъ найновѣйшимъ ударомъ жестокой судьбы, наконецъ уснулъ, якъ уснаеть безвѣданныи мученикъ на огненномъ кострѣ.

Проснувшись рано, думалъ я, что соучастники моеи неодоли будутъ такого же расположенія, въ якохъ былъ и я; однакожь якъ обманулся! Вся они казалась нити одуцаль: веселимъ крикомъ и насмѣшками разганати печальну мысль а усмыслиа недобрую совесть. Некотори преступили ко мнѣ и зажелали, ако отъ нового ихъ товарища, гроши на горылку; аби ихъ носбитисъ далъ а нѣтъ горсть лѣдяныхъ грошей, котори вездъ былъ съ собою на дорогу; они дали ти гроши сторожу, отпавшему двѣри ка-

мни дѣти ихъ; и бысть влече велель и рѣданіе, нуки плавихуса сверстыванъ спомъкъ, натори же плавихуса чель спомъкъ, братъ брата, и во бысть кто поналъ ихъ: гѣтбу бо Божію спочившише на нѣхъ. Выгнавши же ихъ изъ города, и послалоа въ Татарове на болонья, воздъ Висли, и слышаа дла днъ на болонья, томо начаша избавати и всѣ, нухелькъ волъ и князькъ, и во оста отъ нѣхъ на омигъ на.“ Изъ приведеннаго мѣста изстуеть ясно, что въ городѣ Судонирѣ оное въ XIII вѣкъ, греческо-словенскій образъ а во литовскій былъ господствующиъ образомъ.

ши во время съездовъ, а тотъ принесть ить какую едлинку горалки: подишаи себе, стали они гукати и сивати, что казалось: то веселье.

„Яко!“ сказала я къ себе. „такъ подобри люди могутъ бити веселими, а и книга бы куртиса! уколи и они не такъ уважнои, якъ и я? Но сколь великое различіе между книа и книю! между кхъ ватреною жальстью а книю! глубоковазвнательнымъ горель!“

Такимъ и такъ подобными представлявали старалса а розвеселити кою печальную думу:— но, горо! еще николи не возбуждалась веселость насидіель, которое само собою неприятно есть, и нестерпиво. Овочелствъ и завуренный въ сумини роздумыванья надъ книю! несчастіель, сидѣла я въ одностъ путъ великой конитты, когда едлинъ изъ плашиковъ ко мнѣ сблизилса, когда мене ярсалъ и хотѣлъ видно, войти со книю къ розговоръ. Всегда было те у мене правалонъ, аби николи не отказыватиса отъ розговоротъ съ книю! ибудъ человеконъ, который, якъ видно, того жельаетъ; если бо те человекъ добрый, могу съ его рачей нечто научитиса; если не лодащо, те могутъ мнѣ слова причинитиса къ его несправалонію. Сидѣній при нивъ около 30. лѣтний человекъ былъ, якъ а те узналъ изъ платья, гадчикій видъ; и вемотривалъ въ ого лице, казалось менѣ, что где те уже такое видѣлъ. Онъ узраши книю въ книихъ рукахъ, которую а всегда носилъ съ собою, вздохнулъ, якъ бы сожалѣа, что и учелъи люди понадаитса иногда на бездорожье. Аби несправалониву имель ого е нивъ отгонити, сказалъ а еку, что мене заточила вовсе безвинно, и что нахожусь тутъ, якъ некій старинный елосоевъ, которого повлеланійше заворли въ книю! разбойничью.

„Пожело говорите о елосоевахъ,“ рекъ онъ приняива поважный видъ, „те а мнѣ скажу, что високу степенъ занимаеть елосоевъ, исторія и епидологія, однакомъ найвышму изъ всѣхъ заняла имнѣ космогонія или наука о ироосозданіи. Она заворочала головы елосоевовъ во всѣхъ временахъ. Яку безтолкову снѣсь понатій и иваній о твореніи міра не произвели они на святъ Божій! Савхуністонъ, Мането, Бероузъ и Оцеліусъ Лукавусъ старалиса надерно изъяснити причини, стихій и первостия ироосозданія. Последний изъ нихъ говоритъ: Анархонъ ара кай атодоутіонъ те панъ; те остъ:...“

„А, такъ а васъ знаю!“ воскликнулъ а радостно, „вы едлинъ изъ тѣхъ обманщиконъ, которы послали мене въ Львовъ за Раевичемъ, который будъто былъ похитилъ мою несчастливую дочерь! Но, что се такого? лице ваше совсемъ сходное съ лицемъ ученого еврея, но гдѣ дѣлса сидѣніи волосья и долгаа бѣленькая борода?“

„Отче Игнатій!“ отрекъ онъ менѣ, „я васъ добре знаю; но какъ откровенно скажу: что дуже еще надо знаете святъ и людей! Тогда имѣлъ а ложнии волосья и бороду, и былъ настоящій старикъ, якъ въ другомъ случаѣ увѣлъ такоиъ преобразитиса въ двадцатилѣтнюю молодца. Я знаю тую штуку отлично, переизнитиса во что какъ угодно, а все тое училса а ради обманыванья людей; однакомъ, кобы былъ употребилъ только иоловину оного труда на то, аби научитиса якового честного ремесла, былъ бы а уже сталъ богатимъ человеконъ. Но хотя досель былъ а обманщиконъ на велику шару, однакомъ не думайте, аби во нивъ николи не повставала мысль, со врепонкомъ исправитиса.“

Его розговоръ ставалса для мене любопытнѣе; онъ казалса для мене радкій че-

ловать, много ножи галичскими жидами не случалось меня встратить. Для того нутился я съ ними въ дальшій разговоръ. желая узнать где что близкого про его родъ, его высокую ученость и знаніе о всенъ. что на святъ дается. наконецъ: откуда онъ тутъ взялся? Онъ сталъ меня такъ розсказывать:

..Я рожденъ во Львовъ; моя родича отъ-учерка мене въ детствіи; я не ималъ ни сестры, ни брата, ни кого либо сродника. — я былъ кругомъ сирота! Однкъ старый жидъ, видя мене ослѣзавшаго отъ голода, взялъ мене въ свой домъ и кормилъ своимъ хлѣбомъ. Когда же я подростъ, употребилъ онъ, яко купецъ, торгующій старыми, изношенными одежами, мене до разлчныхъ услугъ; иногда приказывалъ онъ мене самому торговати; но я николи не удастворилъ его желаній. за то сварилъ онъ на мене, неаказалъ асти, а часто и выбилъ. Все тое не понагало; бо я не ималъ дрововая: людей обнимавати! Однажды заислужалъ онъ небесачно — и предвидя сближающуюся кончину, позвалъ мене къ своему дому, и давалъ мене слѣдующія поставленія: „Мойсо! ты будиакъ, ты дуракъ, — и ничего съ тебе не будетъ. Я умру, и не оставлю тебя ни слоанного шелая, бо все вберутъ мои дѣти. Они тебе выженутъ изъ хаты, бо ты не приносишь имъ никакой пользы; и ты пойдешь на четыре встрі, будешь скитаться якъ той вѣчной жидъ изгивинникъ! ты упрости где подъ чумникъ плотить отъ нужды и отъ голода! А для чего такъ, Мойсо? бо ты называешь обнимавати Христіанъ, безталантний дуракъ! Чоу плакалъ ты, якъ я одберъ гоа за старое платье? якъ я затаскалъ бѣднаго швеца, отца численной родим, за долгъ въ тюрьму? Онъ гоикъ. — и ругаются съ твоего плеанника; великого нашего пророка Моисей! дѣти ихъ кидаютъ на тебе болотоу, и на-

сизався причать за тобою: авваи! жидъ! куда ступать, те свардить! О такъ, ты жидъ, якъ и я, якъ и всѣ наши однокоричи жиди; и то нна произносить всѣ Христіане съ презрѣніемъ и поруганьемъ! А ты, плачешь жидъ нини, и хочешь подитесь за нихъ Егова! Они не навидатъ тебе, а ты любишь ихъ якъ братьей; они не врать твои платье, а ты уповаешь на одне ихъ слово; они называють тебе: шахрай! а ти ихъ не обнимаваетъ! Мойсо, ты не справедливый жидъ, ты переканчикъ, ты дуракъ! Старый купецъ былъ бы еще больше говориль, но при последномъ словѣ — умеръ. Его предсмертная беседа вразалась глубоко въ мою память; и когда дѣти его выгнали мене изъ хаты, и я осталъ самъ одиновій сирота, безъ домоши, безъ хлѣба въ святъ; тогда рѣшился с переканчи свой нравъ, свою душу и сердце. Я пошелъ на службу въ одну жиду, найслабѣйшему обманщику, и сталъ незалою самъ такимъ обманщикомъ, что презвншилъ моего учителя. Тогда обнимавать а Христіанъ и даже самыхъ жидовъ, и развиваши талантъ свой въ такъ высокой степені, нутился я, въ святъ, абы тумавитъ его уже на своемъ собственну користи. Я здалъ во сельахъ и во мастечкахъ, и обнимавалъ дурныхъ и мудрыхъ. Для прельщенія ученихъ, заучался а изъ одной книжки высокопарными выраженіи, и всюду ималъ уснахъ самъ лучшій. Мене почитали за арундного, совзтовалась мене и повараля всякіи тайни; а я користи оталъ со всего сторанемъ, и давалъ користи, если нужно было, своимъ братіямъ. Когда приехалъ въ соседни страны Солондники, познался а съ паномъ Долманскимъ; онъ открылъ мене свое намереніе: увести вашу дочерь, открылъ всѣ касающіися того отношенія, и совзтовался мене, якъ даю се совершити, абы не подавати по себе по-

никого подозревал. За 20 таларовъ продалъ я ему свой советъ, который въ томъ состоитъ: абы одержаться съ возмущеннымъ увещаніемъ дотела, пока не отъѣдетъ отсюда Ржевичъ, о которомъ знали мы, что выбирется до Львова; но его отъѣздъ добавило увести вашу дочь въ все подозрѣніе ввину изъ Ржевича. Такъ и сбилось. На другіи день пріехали вы до вѣсточки и мой факторъ справдиль вѣсть до ввинутой мною старой хитрости; тутъ обманулъ я васъ, прихвативъ видъ старого, ученого жида, и вы дали мнѣ за обманъ талара; кобы однакомъ были вручили мнѣ 21 таларовъ, то есть больше, нежели далъ Понтъ Долнаскій: а былъ бы вѣсть запросилъ сейчасъ назадъ до себе и открылъ всю правду. Такіи бо обманчивы я, что кто мнѣ больше дастъ, тому вырываетъ услугу. Когда повернули мы съ вашею дочерью до Солонянки, убѣгъ я съ тѣмъ же сторону, абы сохранился отъ гнѣву Пана Долнаского, который зналъ мене добро, и ногъ былъ истинна на насъ за неудачу своего предпріятія. Но теперь вижу, что Богъ покаралъ мене за прельщеніе своего предвѣднѣшаго служителя, небожнаго праходани изъ Солонянки; убѣгши бо въ здѣшніи сторону, покушался и на краденіе; — мене слышали, и вотъ — я въ вѣсточкѣ!”

Разговоръ мнѣ прервался, понеже сторожи заревали до насъ новаго гостя, оза того въ богатини, но где куда значительно подертая платья. Едва занкнулось за мнѣ двери, подспичилъ мой собесѣдникъ аъ новову пришельцу, и обманяи его во дружески, радовался мнѣ, аъ бы встрѣтилъ его не во вѣзницѣ, о ни свободѣ, на раздѣльи. Новаи гость поздравлялся съ мнѣ то же радо, и сказалъ съ восодитъ усмѣхонъ: „Здоровъ былъ Мейсъ! а думалъ, что ты провалъ уже на вѣна, а вотъ, нахоу те-

бе — на мою радость — въ томъ пріятномъ мѣстѣ, съ которикъ я такъ хорошо знаюсь!”

Тотъ голосъ казался мнѣ знакомъ; и возсталъ изъ мѣста, приблизился къ веселому гостю, спотрю на его лице, на его долгиіи усм, — я, — о диво! — узнаю въ немъ моего же-братанца Андреа! Онъ узрѣвши мене, кинулся асѣтъ талонъ въ мои объятія, и восклицалъ съ радостію: „Ахъ мой стрію, Игнатіи! мой свѣте! и тебе узрѣлъ я немъ товарищани! о, аиа радость, какое счастье! О, мой сивий голубочку, солодній стрію Игнатіи! скажи мнѣ, скажи: откуду тутъ вазлса? что провинилъ, что укралъ или кого обманулъ ты такъ непроворно, что аиъ сюда тебе притаскали?”

Такии рачи розсордили мене глубоко; однакожъ я не ногъ его нігѣ за то наказати, бо былъ въ неволѣ. Во прѣки гнѣвъ мене вскорѣ оиусталъ, и я самъ сталъ се аеиаи съизѣтиса; бо и изъ тутъ мене газватиса, коли кругомъ себе зрѣлъ несолми лица лихихъ товарищой! Мой же-братанецъ миловалъ мене по рукамъ, и неропрѣщаль, что не укралъ мене тогда во Львовѣ еще мои штани, кастанъ, канелюхъ и палицу, и тѣмъ дѣлонъ оставилъ мене еще спосособнаго, покзатиса на улицу. „Я бо,” сказалъ онъ, „если краду, то краду проворно и до чиста! Но тогда нзалъ я иилесердѣе надъ мнѣ дозрѣчивилъ стрѣишъ; и оставилъ ему на нужду хотя послѣднее оданье, въ которонъ и мнѣ еще стоить передо мною.”

Поможе учении еврей еще ничего не-знавалъ о той краденіи, для того сталъ онъ се аеиаъ любовитствонъ внимативѣтиса моего же-братанца о оионъ событіи. Усатий номеннакъ началъ розсказивати подробице, аъ онъ во пероий разъ узрѣлъ мене на обѣдѣ подѣ Черниихъ Орлоикъ, аъ танъ врѣсудуаившиса моеи прѣстѣдушной бо-

саде, и подозревая, что я привезъ съ собою до Львова много грошей, вознамерилъ обкрасти мене учтиво, якъ прійшовъ потонъ на другій день къ дурному Федорію. и узнавши отъ него еще лучше о всахъ отношеніяхъ моей родни и сродникозъ на Угорщинѣ живущихъ, войшелъ въ мою избочку и нарекся мнѣ богатинъ братащенецъ, якъ угощаль мене въ великозъ гостинницѣ дона, якъ обокрадь мене, якъ потонъ позхаль новини коваля и бричкою до Пряшева, где продавши всю крадежъ користоно, везаль повозъ до Пешта. якъ потонъ пустился въ тѣ стороны нежь добродушнихъ и доверчивыхъ русскихъ священниковъ на новую крадежъ, якъ ввзхаль до Перенатки къ моему брату Николаю, и выдавшисъ у него за моего сына Льва, просилъ въ посьмъ винци позичити ему 200 червонцевъ, якъ легковарный „стрій Николай“ далъ своему лже-братвицу Льву послѣднихъ 100 червонцевъ съ просьбою, аби братъ Игнатій отдалъ ихъ ему найдальше въ полтъ года на веселье дочери Пракседы. якъ прогулялъ тѣ гроши въ Пряшевѣ и наконецъ якъ пріѣхавши сюдѣ, найнавъ былъ на новой крадежи у одного богатого, но осторожного жидѣ!

Таа повѣсть привела мене въ отчаянію, когда узналъ изъ ней, что мой братъ Николай лишентъ теперь послѣднихъ грошей, которими былъ ногъ новогчи мене и ради которихъ ххаль я до него.

„О неподобный человекъ!“ сказалъ я къ пощеннику съ розжаленнымъ сердцемъ; „якъ могъ ти столь ужасно оскорбити моего брата Николая! где у тебе сердце, где совесть, коли еще хвалитися можешь твоимъ злодействомъ, и смѣятисъ надъ добрыми людьми, котори пріймали тебе якъ сына и варили якъ сердечную брату!“

„Ха, ха, ха.“ засмѣялся отъ, „какі совѣстній человекъ мой старенькій стрій Игнатій! А однакожь не постушалъ тайъ совѣстно, коли попался въ ваше товарищество въ ланку!“

Я ничего не отказалъ на тоо. бо до сихъ поръ незналъ причины, для которой мене тутъ закинули. Но ученій жидъ вступилса на мене, и представлялъ пощеннику, что мене знаеть и невоаритъ никаки, аби благородній Отець Игнатій сдалъ тутъ за яково преступленіе; отъ скорше думеть, что тутъ стался ака ошибка и мене невинного поймаю за якого другого! а можеть наконецъ, въ тѣхъ временахъ завистательства, сотворено на нѣхъ яку неправость, якъ то уже где куда на Угорщинѣ допущеноса.

Я поблагодарилъ жидѣ за тоо защищеніе, и хотя отъ такозъ принадлежалъ къ мнѣ оскорбителнѣ, пожалъ ему руку за туу зару, яку нгаль теперь о нѣхъ и яку съ такимъ многорачіемъ открылъ передъ лехини друзьяни. Я удостоверилса, что у того сиороваленного обманщика не винерло еще чувство добра.

Надѣючися, что будетъ покое еще его неправити, пошелъ я съ нимъ на сторону, и говорилъ ему много поучительного о счасти добрыхъ людей въ сонѣ и въ другойъ мірѣ. Отъ слухаль мене съ чѣмъ разъ большимъ вниманіемъ, и я зачѣлъ уже къ его душѣ покаяніе. Отъ признавалса мене, что къ такому хитрому поступанію, правдала ого майчаство сами Христіане черезъ свое поузаченіе, недоваріе. иногда даве нечестивость къ жидѣмъ. „Часто“ говорилъ отъ дальше, „роздумывалъ и надъ людьми и ихъ отношеніями. и не могъ найти много различія меже Христіанамомъ а жидомъ якъ только въ вѣровисповѣданіи и одежи; душомъ же и влетию вса они такиже люди, вса они

чада Божія. Но чому презирають Христіане жидовъ. чому ругаются надъ ними и пачтуютъ ихъ подлотовъ, когда и жиди бывають честними людьми? За таково обхожденіе, чому желаютъ еще они отъ жидовъ вървой услуги, правдивности? И собака не будетъ врозь съ своею Пану, если тотже неуставно грозить ему, батогонъ. Такъ и жидъ отплатается за свое поспраніе хитростью, обманствомъ и ненавистію. О, поварте мене благородний Отче! я любилъ Христіанъ, я плакалъ надъ ними, если они одповарти хитро ихъ обдирали; но когда услышалъ слова старого унравяющаго жида, и удостоверился, что въ словахъ тѣхъ была и правда: — тогда сталъ я ихъ ненавидѣть, и обманывать. А однакомъ, не знаю того совокою душою, той радости во сердцѣ, яку тогда ималъ, когда вылакался надъ несчастливими, обманеними Христіанами. О, тогда говорило мене что-то во внутрѣ: Мойсѣю: ты дурникъ, но ты имѣешь добрее сердце! Теперь я того внутреннего гласу не слышу николи, и для мене нѣтъ уже правдиваго счастья!

При тѣхъ словахъ видѣлъ я слезы въ его очахъ. Узнавши изъ его бесѣды, что слова унравяющаго жида произвели на мене глубокое впечатлѣніе и перемѣнили совѣсть его добрую прароду, сталъ я много прощать и говорить. Я представлялъ ему между прочимъ, что теперь розширяется все больше и больше истинное просвѣщеніе, а съ тѣмъ устаетъ вслѣдъ вражды мене людми розличнаго вѣреніеисповѣданія, растетъ звѣннее печатіе, доверіе и любовь христіанскіе: ад: что Христіане уже значительно отступили отъ своего прежняго недостойнаго обхожденія съ жидами, и остаются теперь еще жиданъ отступати отъ хитраго обманства и безсовѣстной лести: что на-

конецъ окъ самъ не отъискаетъ своего прежняго души спокойствія и правдиваго счастья никакже, икъ только, если покинетъ обманство, злодѣяніе и станется добродѣтельнымъ человекомъ.

На тѣхъ розговорахъ порешель нанъ день и ны не завѣтали, что сторожъ вошелъ до насъ, абы засвѣтити лампаду. Узрѣвши сторожа, приступилъ я къ нему и просалъ якъ и во время обѣда, усильно, абы сказалъ мене: кто повелѣлъ мене тутъ заикнути, съ якою причиною, и долго ли буду такъ сидѣти? Онъ сперва отягнулся, но потомъ позвавши мене на сторону, сказалъ мѣ тихоньку: „Вашъ заикнули тутъ въ садѣстаіе листовнаго вромѣніа якогось Пава Долнискаго; но вы не будете уже долго въ вачоченіи, бо мастекій старшина, къ которону писалъ о томъ Долнискій, и которій сдѣлалъ ванъ тую несправедливість, отъязнаеть завтра на всегда изъ нашего мастеца.“

Хотя зѣсть ты поразила и разокъ потѣшила мене, но я не забылъ зачѣтати его такожъ про Федорія. „Вашъ повозчикъ“ сказалъ онъ „оставленъ при коняхъ, которы стоятъ въ моей стайнѣ.“ Сказавши се, вышелъ торопливо за двери.

Такъ ажъ теперь узналъ я, что знаменавъ ты слова онаго бородатаго Мадира, сказанными мене вчера на дорожѣ: будь то я славный провозвѣдникъ Христовъ, якого потребують до больницы, въ сѣкъ мастечку. Последняя моя проповѣдь во двора не поделбалась Долнискому, такъ и хотѣлъ на нѣхъ поистатися. Онъ званъи дождалися о мене въ выездъ до Перенитки, дождалися и о цѣли того путешествія, — бо я съ мене нигде не ярмля, и желѣи нести и яренствования мене въ предпріятонъ даль, послалъ чѣмъ скорше письмо къ своему лихону другу въ

сладосте того я въ заточеніи! О непер-
ченноо человеческое сердце! какъ ты не
добро, какъ жестоко!...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НЕМИРА.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

(изъ *Налогово* отъ *налоговика перемѣна*)

(С. *Оуфрѣсова*)

Ивление второе.

Вамара, Воерадъ.

Нем. Якую приносите нѣсть? пріятну
ли нль непріятну?

Всер. Ожидайте непріятной, а радость
ваша будетъ больше, ежели бы учули вы
пріятну.

Нем. Говорѣте! тутъ не нѣстьце по то-
му разводитисъ.

Всер. Знаю. — (вытягаетъ сокры-
тую саблю.) Графиня! нѣвѣстна ли вамъ
тая сабля?

Нем. Тая сабля? — Охъ Владимирова!
Владимирова! — Не Владимирова ли!

Всер. Тихо! тихо! ежели бы васъ услы-
шали!

Нем. О возлюбленный остатокъ! — сту-
денный и мизин не нѣвѣнцій, а однако воз-
любленный! — Охъ! Воерадъ, откуда? Где
была?

Всер. (дастъ ей золотый ланцухъ)
А тая цѣвь?

Нем. О Боже! Боже! Я сама — на его
мю — въ день — Воераде, откуда? Где
была?

Всер. Графиня! ободрѣтея и слушайте.
Я заблудился вчера на охотѣ. Вѣтеръ сви-
сталъ по хлѣбъ; дожденая туча поначала
воздухъ, но возможно было услышати кан-

ку! невозможно найти слѣду. Выхло 6 го-
динъ ходилъ я окуниъ; наконецъ урѣкъ
недалеко свѣтилце, пустился туда и на-
шелъ хижины. Старый гадъ и его жена
пріили мене гостинею. Старикъ поддруши-
ся со мною скоро, ибо онъ была таково
на войнѣ, и чтобы нѣтъ показати, что онъ
нѣтъ нѣчто рыцарского въ своей хижинѣ,
принесе саблю и цѣвь нль подрани-
го свода.

Нем. Га! можетъ быти, разбойникъ!

Всер. Така была и моя перва гадъ,
но нѣтъ, графиня! Тое было ему вручено
отъ чужого молодого человека, который
передъ двадцати днями въ туи пустыню
пришелъ, и еще теперь въ худенькой хи-
жинѣ нѣмчалось. Такого нѣкій старецъ
обитаетъ тамъ отъ четьрохъ лѣтъ. — Чужо-
женецъ казалъ, что получилъ туи саблю и
туи цѣвь отъ своего друга, который недавно
въ путешествіи умеръ. Онъ пострѣлъ во-
спонявшаю того друга надгробіе и вырвалъ
своею рукою на нѣтъ надписи. Я не видѣлъ
того надгробія, таково на видѣлъ чужо-
женца и старика, ибо я спѣшилъ домой.

Нем. (престально нашъ снотричи
по нѣкоторомъ молчаніи) Надрано?
передъ двадцати днями?

Всер. Что?

Нем. Умеръ тотъ? (указуочи на са-
блю) — А я — я отъ пяти лѣтъ невио
другого!

Всер. Ктомъ каметь, что Владимиръ
былъ послѣднимъ владѣнцемъ —

Нем. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! такъ есть! —
О я божества! безстыдна!

Всер. Горькая графиня! воздержѣтеся!

Нем. Для того токъ страхъ при воз-
зрѣнн на Родослава, тое боаливое божіе
свердда — тое внутреннее безволестье —
убианіе моего отца. О нѣтъ, нѣтъ! (от-

дасть ему саблю и щинь) те горить въ шокъ рукахъ, я недостойна къ тому прикасаться. О Боже справедливымъ судіе! для чего не сокрышилъ ты въ дробь церковь, когда я при жертвеннику, передъ лицъ твоихъ природѣ алала, и надъ твоишь словенъ ругалась!

Всвр. Радн Бога, графиня! а пойдю, вышдася —

Нен. Вышдася, остали то я? — Я сама замъ говорю, что я недостойна воздуха, который адонъ наполняю. — О где тыма, которабмъ я сокрыла! — Я обольстителница двохъ благородныхъ! прискала во вѣки вѣрности вероуму; изменила ему, когда прискала второму; изменила второму, когда инчала вероумъ влатьву дермати. — Соронъ! соронъ!

Всвр. Дорогая графиня! но что опечаловося увредани? Возможно ли, чтобы Владимиръ былъ миль, и вы отъ него ни одной вѣстан, ни одного недорочения были не получили? Раздунайте, возможно ли тое?

Нен. Ежели раздунаю — всегда неростивше. — Онъ дошдася о невѣрности своей жены, умеръ изъ печали, алалъ ей испускаючи остатный духъ. Ежели бы дома была его омидала любящая, вѣрная жена; о те горечое, радостное желаніе было бы его тѣлу додало измѣненн силм! иль умерючи быльмъ отъ ю благословилъ — своего друга до ней послалъ. — Что? не такъ?

Всвр. (отвернувшись) О чену я не началъ!

Нен. Каметь ли вамъ празрѣніе отврести отъ мене лицо? — Празрѣніе! Ахъ оварыши въ прахъ. — Остергайте людей, чтобы туда не ходили, слыть, тутъ лежить чудовище!

Всвр. (поднимаясь ю) Где вамъ ронуть? Мочта соедитъ, везъ съ ума. Не дума-

ете ли о спасности? о Родославѣ и вашей дѣтнѣ? — Вышдася, Владимиръ ли былъ послѣднимъ владѣльцомъ, я гадаю, что онъ те не былъ; я знаю, что онъ те не былъ. — Ходѣть!

Нен. (операется на его рамя) Мнѣ слабо — тутъ тямко — и тутъ — о яль горячо! Ахъ Всвраде, нме во вышнхъ небыи поможн!

Всвр. Онъ поможеть! ходѣть!

Явленіе третое.

Въ дворѣ.

Родославъ, Казимиръ.

Род. Для чего не закикала ты мене, дымъ и такоимъ на тое былъ посмотрилъ.

Каз. Я завидовалъ вамъ такъ красного вида.

Род. Га! — но Казимиръ! и надюся, что ты не хочешь тѣмъ ничего злого сказать?

Каз. Нѣтъ; но то мнѣ дивно казалось, что они такъ сердечно съ собою обходились.

Род. Гм! — Яль долго продолжался тотъ разговоръ?

Каз. Такъ долго, что мнѣ почти случилось изъ окна смотрѣти, и что вамъ больше еще было бы наслучилось.

Род. Для чего добрый Казимиръ? — Я препоручилъ Всврадеви, о вѣкоторыхъ вѣщахъ съ моею женою поговорити и просилъ его, такъ те учинити, чтобы онъ будто случайно стрѣтился съ нею на ялонъ вѣстн. То учинилъ онъ, когда ты ихъ видѣлъ.

Каз. Мометь быти, графиня настрашилась такъ, что бессильно на его рамя пала!

Род. Мометь быти; ибо те не была вѣстна вѣсть. — Однако, иди, закичь мнѣ Всвраде, я хочу знати —

Каз. Что?

Род. Какъ — какъ мое препорученіе — Но что те тебе касается, ты болтуна, идя, заклинъ его!

Род. (самъ) Невозможно! — Ломъ, надъ которымъ даже самъ сатана заруинилъ бы ся. — Тотъ ругательный шмадъ, ругательными слова его воспаляютъ ни помгъ! — Смели бы до того дошло! га! лучше я бы умеръ отъ кричанія; се ломъ! лучше я бы самъ, такъ какъ найнегоднѣйшій человекъ лгалъ; я бы сокрылъ стыдъ въ моей груди. — Да не ругается нѣтъ никто! — хотай бы и — да не ругается нѣтъ никто! — хотай бы и — да не ругается!

Явленіе четвертое.

Родославъ, Кашмира.

Род. Для чего не приходишь Всерадъ?

Каз. Опъ въ комнатѣ нашей графини; я не хотѣлъ ему перешкодить.

Род. Перешкодить? для чего?

Каз. Я думаю, что вы ему препоручили —

Род. Яко! (трасучись отъ ярости)

Каз. Га! такъ благородный, великій человекъ! — Господине, вы не хотите меня разумѣти!

Род. Разъ — умѣти — (извлекаетъ саблю и прошиваеъ его грудь) такъ ты проклятый посланнику, такъ добре какъ ты мене генеръ разумѣешь, ты умбашщійся подлець!

Каз. О! охъ! Боже! (падаетъ.)

Род. (ходитъ) Хорошо! хорошо! Родославе! хорошее дѣло! человекъ убитъ доброе дѣло! — Да не ругается нѣтъ никто!

Явленіе пятое.

Родославъ, Намира.

Нем. Что тутъ? Убийство! ты Родославе?

Род. Такъ, мено, те доброе дѣло, человекъ убитъ; те есть, несчастье изъ земли вытти, пятно обезображивающее вселенную изгладити. Тотъ не былъ подлець какъ его мон крость назвала, но онъ сердился на свѣрное дѣло, для того не годился меня мечь. — Ты мено! нѣй его кровь, я тебѣ его мертвовалъ; нѣй, да зачнешь тыарь, которая бы возмогла учить самого черта, творити дикироеъ, дулавшихъ еще немали ты.

Нем. Га! те мое заплата! О пралій мое кровь, да снѣшается съ его кровин, пометъ быти, гниль произведетъ чудовище талое; ибо мое чрево немалодно; Господь явдѣтъ еще родомъ челоовческимъ, чтобы не снѣшался съ родомъ живнннть! (отхднтъ)

Продолженіе сладуета.

НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА.

Найновшая книга, которая выдана на пометъ небословъ, есть „Восеня, сборникъ различныхъ описаній стиховъ и прозов.“ Хотя она не много подалась, но ны возитали въ съ разлестымъ серанентъ и читали съ великимъ удовольствіемъ. Стихи суть въ ней значителное лучшіе, какъ прежде у насъ бывали, и между ними отличаются нѣкоторыя „Пѣсь кругова“ и „До Русали Дитстровед“ русскіи родолобствѣ. Проза она удличѣна, и нѣкоторыя статьи, какъ: „Извлеченіе изъ записокъ путешественника,“ „Поглади на словесную книгу нашу“ и „Нѣсколько словъ о играхъ общественныхъ“ произволяютъ нѣко до русскіи сердца и вынѣмать въ себя много благоволеннхъ заботѣвъ и прехорошихъ мыслей. Большую она ктаву избиратъ нѣтъ сѣя чрезъ едло обстоятельство, нѣкоже, что она составлена развѣтннн русскіи молодѣтчи, совершеннннн въ нпунѣнннн году сѣ. Богословнн, и нѣннко ннпортрѣвала во волгѣ вторѣй герольдскѣй керанн в Дѣна Народнаго. Принтѣ она дѣстоинѣ подрнаннн, и было бы те великое сласто для нашего ннвоествова, если бы Богословннн, который окончнваетъ четвертнй годъ своего ннѣдѣла, подноснла Матери Русн въ благодарную заветъ нндушннотѣ отъ ней воснатннннхъ нолобннхъ поранн.

Тысяч людей заслуживает бы они не только для нашей славы, но и для возмущающегося Ниррадного Дома, в который войдет угольный камень будущего нашего благосостояния. Мы надеемся, что вышки составлены из таинств не благоприятствуя обстоятельствам и для таковой тем, как шашинка „Восна“ повалится во радость и красоту око во разе — они споголо!

ЗАМѢЧАНІЯ ГОСПОДАРСКІЯ.

Сумениа изъ Садовникъ.

Вся рожь Садовникъ проститъ и однихъ способовъ сумениа. Перестергаетъ только, дабы отъ разу югитъ садовникъ вь почти горячей аки до суха, но нече валежитъ коллопоратю съ легка въ тяжелой нечи отсувати, в своа осувати, нбо твтъ запобггаетъ перепаленю и спноа влоситъ слогодитя. Потомъ хотя илвоикъ уже суха ибдетя во послѣднотъ изъ нбчи избраннн розползатя на отвортотъ и сухотъ воздузу, чтобы чрезъ одну нан двѣ седмици досыхала, а тогда аки въ сухотъ нбстятъ ховитъ и воблбаетъ.

Способъ сумениа грушковъ.

Обрами грушки начята въ волю, чтобы воичериталъ. Спороче отъ нихъ въ волювадичитъ по-пралжикъ грушкинъ варитя въ волю, доволъ нбтъ едлвотъ нбзмаритя. Потомъ улитъ той нбнтитя и владитя въ него обрами грушкинъ и доволъ варитя, доволъ во узаритя; перостергается еднво, дабы воперварилася; вочнотъ выбравитя грушкинъ и розползатя одна обокъ другой на бляхотъ и осуваитя до почн, когда изъ ней хббѣ уже учочетнай выбрался. Скорѣ зоруваитя, вытатитя дѣ вочи, и вольдъ особенно рукомъ или додочиво силочетитя, спноа на бляхотъ розползатя и въ почу осуваитя, чтобы совершенно вобоскитъ. Вара грушкинъ воблбаетъ варазотъ венино во роудл влелитвотн.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Я. Гр.

— Изъ вѣсть сторону австрийской держави приказатъ вѣсти о провѣдичиво богатотъ нѣту вѣстакъ овошичкѣ деревѣ, о яловѣ и вѣдстарнѣ яловѣ во вѣкатитя. Давъ бы Богъ, они нѣтъ естество розовилотъ, и влелитъ богатин овоши!

— Передъ нѣсколькю дннн дѣлано на возмощнотн Монтмартрѣ, вобллено Парннн, омыты блектрччесннкн съвѣтлнн, которы воблбаетъ съ нблукчннкнхъ уснвоткъ во будущю волюзу освѣтленн большннкхъ городовъ и нхъ окрестностей. Вся часта нбста, дамо на одну мнлю отдаленнкн, освѣрилася при случаетъ томъ ярнкнхъ свѣтлннхъ, съ пономощню не большой машнны додчло олектрччесное свѣтло дамо городъ Санъ Жоржонъ, отъ возмощнотн Монтмартрѣ на асть ннл отдаленнкѣ. Въ отдаленнотъ такъ успѣшнотъ нччеленн такъ омытотъ ннбрннтъ въ Парннн внвоваитя одну высовую вожу, котора на самопъ вверху вѣштатн будотъ солнво олектрччесное свѣтло, егоче лучи освѣтитъ всю окрестно око нбсто.

— За нблукчшо средство для охраненн черовошъ отъ вѣроблвотъ и ннхъ нтнчъ предлбаетъ однкъ чешскнй дворянкъ слѣдующе: „Когда черешки дозрѣваитъ, лучше на деревѣ завѣстн издожшого рака, а за 8. дннй другою; нтнчк оставитя тавое дерево въ покоѣ. Твтъ говорнктъ нѣннй господарь, который то вчсннталъ.” — Средство дуче простое, нбы только было вѣрно.

В С Я Ч Н Н А .

Столетовникъ, о которотъ нмѣтъ твтъ ннче говорнтя не остъ помытъ нобратчтнкѣ: въ одной кннжкѣ, нсчатанной въ XVI вѣкѣ въ Ліонѣ вхлдитя описанн того удивнтелнотго явлення, а въ сочненн г. Рнтера, „О аліанн тѣхъ небесннкхъ на нашу землю,” влелнотъ передъ 50 лѣтнн, вхлдитя твчотъ замѣчанн о подобннкхъ лнчннкнчкѣ. Бнбо передъ 30 лѣтн отарнкъ что то воблбоного еднкѣ нороудавнчкѣ въ Лондонѣ, нмншо, что 4 — 6 оочѣ, которы воблдрнкатъ въ себѣ отлнканн, воблвотуть вольвани вальцовѣ чоловннчкѣ изъ вѣнкѣ, вольдъ тотъ твчотъ воблдрнкатъ лнчннкѣ. Вся тое бншо уже волю олчннкѣ, но аки теперѣ обрлатало на себе большое внннннѣ. До твтъ норъ во погъ олавнотъ нннѣ явленнѣ тое дѣрото нлелннтн.

(Слѣдуетъ 19. Число „Поученнй Церковннкхъ”)

Видовонскѣ и тнчотъ Наставтута Стваронннннннотго
Оубчнтелннн Родлтюрѣ Бодвнн А. Андоннн.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ.
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ:

Надается ежесловачно въ Сербію два листа, по кѣмъ годовою въ Листѣ 4. зр. 40. пр. к. н. — съ почтовою пересылкою 8. зр. к. н. — Желаніемъ четвертью получати платати въ Листѣ 1. зр. 10. пр. к. н. на почтакъ по 1. зр. 30. пр. к. н.

НЕ УНЫВАЙ!

Когда угодно было Богу,
Чтобы родившись близкою,
Ты пролагалъ себя дорогу
Терпящая танкиа и трудомъ:
То будь покоренъ, терпящая,
Неутомляя, трудолюбивъ,
На помощь съ Выше уповай
И — никогда не унывай!

Когда во волѣ Провидѣна
Трудясь всю жизнь и день и ночь,
Ты не встрѣчаешь ободренія
И трудъ тебя уже не въ ночь:
Предложи строптивый гнѣвъ,
И, руни въ Господу воздѣвъ,
Его на помощь призывай,
Но никогда не унывай.

И укрѣпившись благочестіемъ,
Въ твоей страдальческой борьбѣ,
Не чти паденіемъ и безчестіемъ
Подлетися своей судьбѣ;
Но тиниса въ миломъ вѣрѣ быти,
Себе для долга позабыта,
Его съ любовью исполняй
И, въ подвигахъ, не унывай!

Когда благое Провидѣна,
Хранившее тебе отъ бѣдъ,
Помолеть на дѣнь твою искушенье,
Среди земныхъ твоихъ суетъ,

Линить тебе жемъ, дѣтей:
Ты рѣши слезъ о нихъ правей,
Ихъ на полетахъ востанови,
Но, помни ихъ — не унывай!

И на игривой той жизни
Якій ни былъ бы твой уды,
Помертуй всагъ земной отчизнѣ,
На подвигъ за Цара будь сильнѣ,
Предъ Царемъ благоговѣй,
На смерть плати за нихъ уды:
За гробомъ есть небесный вѣрй,—
Награда тамъ! — не унывай!

К. С.

ПРОМОВА

Всечестногъ Г. Михаила Кузенскогъ,
Предѣлителя Выдагу Галицко-Русной
Матки, говоренна на засѣданіи Выдагу
днѣ 17. (29). Червнѣ 1853. гомъ.

„Честными и достогазальными Господиномъ!“

По долгой перервѣ сойшлися мы снова,
дабы недѣ справили соединенія Галицко-руско-
вой Матки нарадитися.

На дню 1. (13). Марта 1850 (скотри
Ч: 20. — Зори въ 1850) отбылся вторій
Соборъ Общества Ученикъ. На шестъ
ухвалено много предметовъ, которыхъ ве-
полненіе Выдагу Матки препоручено, а

важнішим изъ всахъ былъ: составити уставъ соединенія и предложити високому правительству до затверженія.

Выдаль старался по возможности и самъ своею препорученою собою дало перепроводити, а сколько сіе учинити возможно было, скажется изъ дальшаго росмотранія.

Выдаль не ухвалъ загальнаго собранія предложилъ уставъ соединенія Галицко-русской Матицы високому правительству, а получивши затвержденію, до Ч. 14. Матцею издаваемыхъ книгъ печатати началъ.

По 36. §. тахъ уставовъ должно соединенію звичайно разъ въ году на заседашіе соборное собиратися. Отъ г. 1850. такъ же было тому требованію отнестися а то въ шого причинъ:

- а). 60 членъ Выдала матичного не большою части суть вразъ и членови комисіи предстоишою справити создаваемого Дома Народнаго и другой городской Церкви, котори послѣднимъ дължтъ надъ силами звичайн.
- б). недостатокъ мѣстна, где бы загальное собраніе сойтися могло;
- в). обстоятельство ишии, котори подробное неяснати было бы не на добъ, а въ концъ.
- г). зайшло новое право о обществахъ, и такъ Выдаль не могъ привести въ дѣйствіе тое, что вознирало.

Для 15. Сочна г. ч. 1. по силъ напечатъ въ днѣ 20. Лютоговнѣ 1852. предложилъ Выдаль високому правительству прошенію о новое затверженіе соединенія Галицко-русской Матицы, а изъвъ тое наступило не могъ Выдаль собиратися, а такъ и дальшія ого не части были веротити.

На тое прошенію пріишло подъ днѣмъ 31. Маѣ г. ч. 21235 отъ високаго правительства касательно соединенія Галицко-русской Матицы слѣдующее рѣшеніе:

Высокопочтенный Госодине Кримошане!

На прошенія изъ 14. 15. и 19. Января 1853. о призволенію дальшаго существованія рускоу литературному обществу „Матица руска,“ рускоу обществу „Чительни,“ и комисіи управляющей созданіемъ рускаго народнаго Института призначається, что касательно дальшаго существованія помянутыхъ обшествахъ, которихъ учрежденіе только отъ Н. Ц. краєваго Предсѣдательства и отъ централнаго ураловнѣ стана облоги въ Галиціи призволено было, на основаніи §. 4. закона о обществахъ изъ 26. Нооварія 1852. соизволеніе Его Н. Ц. Апостельскаго Велчества пріобрѣтатися изъвътъ:

Ваша Всечестность для того яко Предсѣдатель помянутыхъ обшествахъ, также помянутой управляющей комисіи призывается, статута сихъ обшествахъ и также учрежденнаго Народнаго Института въ трехъ отъ существующаго Выдала подписанныхъ однопосланныхъ отпискахъ Губерній краєной предложити. Однико соизволяется, дабы реченыи оба обшества до законнаго рѣшенія прошеній о соизволеніи на ихъ дальшее существованіе свою дѣятельность продолжали. При томъ обращается вниманіе Вашою Всечестности на тое, что въ статутахъ литературнаго обшества „Матица Галицка,“ которихъ отнись подъ днѣмъ 8. Марта 1853 ч. 6. Львовской Н. Ц. Полциійной Дирекціи предложено было, опредѣленія касательно Заступленія сего обшества напротивъ третіихъ лицанъ и напротивъ урядовъ, также касательно возможнаго развитія обшества не находится, а сего ради сіи статута также въ слѣдствіи §. 9. упомянутого закона о обществахъ исполнитися изъвътъ. Если бы статута обшества „Чительни“ не содержали въ томъ §. изложенномъ

определения, то также и сія статута по се- ну исполнитися нікуть. На сія законниа определения подобаетъ также малените ви- нати а при составленіи статутуъ для На- родного Института.

Львовъ дня 31. Мая 1853.

Каллберга.

Теперь принадлеать, абы Выдать соста- вленіемъ или узуполненіемъ тахъ уставуъ завяло в високому правительству предло- жилъ. Сей есть важнайшій предметъ нын- шнего засаданія. —

Кромѣ того суть в нын предмети , которы нодъ розвугу звати подобаетъ. Спра- возданіе заряду соединенія Галицко-руской Матицы и общества просвѣщенія за часть отъ 14. Марта 1850. до 31. Мая 1851. печатаніе порозсмысло но дамачивчестванъ объявило такъ достохвальнымъ членамъ якъ и любителямъ русской словесности дзаванія заряду за повымшій часть.

Такое справозданіе за часть отъ 1. Чер- ца 1851. до 31. Мая 1852. давно уже ле- жать вылажено до печатанія в Ваши Все- чествности днесь рѣшити могутъ, чи тоо справозданіе печатати, чи совокупити со справозданіемъ за часть отъ 1. Червца 1852. до 31. Мая 1853., которое такожъ не за- бавонъ вылагодитса.

Дябы розсзавіе книжокъ на нахъстиче- ства упорядковати, упрошено Всечествн- ного Г. Дуткевича, Крыломанина и со- зятника Конексторія, который дало тое охо- чо на себе приналъ, и нинъ занимається.

Станъ цылого вывнія патичного до кон- ца Мая 1853. выкажетъ справозданіе до- точное, вспомиу тутъ только что соедине- ніе нызвъ теперь въ кса листъ застав- ный на 100. рс. ср. и оду книжку ща- динчу на 900. р. а прочее вывнје посадаеть въ книгахъ такъ на роспродажъ порозс- лавимъ, ако и въ складѣ снаходящекса,

а прокъ того и въ чистонъ наவர் до пе- чатанья приспособленнотъ. —

Касательно книжонъ издаваемыхъ, вѣ- домо Всечествности Вашнихъ, что зайшла была потреба Читанни с. п. Маркіана Шашкевича другой накладъ длати. 60 первый роспродано, другій накладъ ино 1000. эксенларовъ содержалъ, 60 високое пра- вительство давашине приказало кнуъ со- ставити читанку, котора въ коретконъ ча- се до школъ зведона будеть.

Выдачу поврасмысло несколько книжонъ до печатанья, которы улажены членамъ до розснотранія, Вашнихъ Всечествностиа из- вѣстятса до рашенія. —

Должностію нашею есть проиншлати надъ потребани и средстваи, якими бы про- свѣщеніе между народомъ рускиаъ рѣши- рити можно.

Уже и другій накладъ Букваря сое- диненіемъ нашамъ издавонго рсходитса, первый накладъ занималъ 10 000. а другій 20.000. эксенларовъ, съ которого въ скла- дѣ едва 3000. эксенларовъ еще находит- са. Высокое правительство приказало для школъ народнихъ составити кимъ Букваря сходимъ съ вынециаъ, а такъ видитса не было бы на тетерь потреби, новий накладъ Букваря длати. Высокое правительство при- казало такожъ и выни книжан для школъ народнихъ составити. Не есть нашею за- дачею ани нашамъ накареміемъ издавнотъ книжонъ школьныхъ заниматися, но захо- дитъ потреба кимъ книжонъ, котормихъ издавнотъ званати бы са принадало.

1. Исторіи Библиной такъ вет- хого якъ и нового завета цылыъ знаєть. с. п. всечествншнихъ Крыломанинотъ Ве- водикотъ Левкичикъ соединенію дѣро- ваний уже роспродавши; откежъ захо- дитъ потреба или той Исторіи новий на- кладъ сдлати, или на него сочавати.

2. Исторія Галицкой цалкомъ нѣтъ, а однакожь така исторія до потребнѣйшихъ книжкоу належитъ.

3. Изъ многихъ сторонъ а особливо въ Тернопольского округа допущается о такъ званннхъ Кантнчки рускнх — бо молодые школьна кантнчкова руснхх меншаши, а привуждени унотребляти польскнх.

4. Далнса чути и желаннх взглядоу соборннх Пасной Народнхх;

5. Потребнѣше же изъ всего есть печатаннє Молнтво словчка большого для нрнхх книжно же для полодени школьной.

На общоу засѣданнн было ухвалено, щобъ Мнннца выдала Часоннсь. Якъ вѣдено Вашнхх Всечестностанъ сдалахн нх позваннє до нхоторнхх мужей, дабы пакъ изъяснлн въ томъ преднєтѣ свое мнннє. Пришлодало бы послѣ такъ доносей дальшоу деланнє преднрннати. —

До соединеннх приступнх новнх членнх, многнх однакожь зъ давннйшнхх не сложили выклоу за нхсколькю лѣтъ: нотребно бы и надъ такъ застановнтнсь.

То суть преднєтн, надъ котормнхн нннх пакъ нараднтнсь подобаетъ.

Прому Вашнхх Всечестностей тнх преднєтнх волробно розобратн, а шо будетъ ухвалено, до нсполненнх достойннхх сочлєннхх преворучнтн.

По той промовѣ отчнталъ Предсѣдатель изъ Зорв Ч. 29. зъ 1850. ухвалнх загалного засѣданннх, а потоу наступнлн на рады надъ поединчннхх преднєтаннх.

Нн самъ поредъ совѣщаносѣ надъ такъ, щобы статута соединеннх по преднєсаннєу высокого Правнтельства правого поналнтн и до предлєненнх высокоу правнтельству вылагоднтн, и ухвалено по вынесеннєу Всечест. Предсѣдателя преворучнтн Ч. Г. Деонтовнчу нхторѣ желанного поналоннх

составнтн и на нѣблнзненнхх засѣданннхх Выдаловн до рѣшеннхх предлєжнтн.

При томъ вынесъ Ч. Г. совѣтннхх Гуркевнчъ, дабы до статутонъ прнннхх таконъ и §, взглядоу права продажн книжкоу натчннхх.

Хотя по нзнесеннєу Всеч. Предсѣдателя шєтн соединеннх таконъ и за годъ 1852. зъ протлєкю времени выготороннхх будуть, то ухвалено справозданнє за годъ 1851. окрєпншо печататн. Ч. Г. Деонтовнчъ изъяснлъ свое мнннє касательно Словара ботаннччєского всеч. г. Мнхалонъ Петрушевнчємъ соединеннєу Мнннцнхх предлєжнєного, — дабы тоє сочнненнє печататн.

Понєже тоє сочнненнє содернтъ самнхх названнх, то всеч. г. Голованцкнй былъ того мннннх, упрншатн предварнтельно всечестного Сочннтєлѣ, дабы до того Словара ннннсалъ нлєое сочнненнє о ботаннцѣ. Мннннє тоє, ннннралъ всеч. г. Кульчнцкнй, а по долготѣ разговора ухвалено отнєстнє до всеч. Сочннтєлѣ съ прошеннємъ, дабы до нннсалъ короткю Ботаннку, и ошкєднтн єтє отвѣтѣ. Ч. г. Деонтовнчъ былъ таконъ того мннннх, дабы печататн рускнй переродъ изъ сербского комєднн „Пѣаннцѣ“ составлєнннх ч г. Васнлнємъ Ковальєкннхх; ухвалено сходно съ статутаннхх совѣштн тоє сочнненнє всеч. госн. Голованцкому до перєспотрѣннх. Томъ самє ухвалено сдєлатн и со сочнненнємъ всечестного Паславского подъ надннскю: „Блнзнкнхх.“ Касательно сочнненнхх Исторнн Бнблнйннхх в. и в. завѣтѣ, ухвалено: зєвозвантн кого, дабы сочнненнємъ занєлєс.

Ухвалено, отнєснтельно нотребанъ выдѣлн большнй Молнтво словєцъ съ правнннхх обрєзкннхх, а въ концѣ ухвалено: предлєжнтнхх сочнненнхх:

1. Мннннємъ изъ аконъ состоаннхх сна-

ходится часу поданію природное съ поданіемъ штучнымъ." и.

2. Святий Исидоръ² удълити членвиъ въ розсмотрію. —

Помеже праради надъ реченими предметами до поздня затагнулися. то по вносенію всец: Предсѣдателя, оставлено прараду надъ вровичи предметами на слѣдующее засѣданіе, принявши еще вносеніе Ч. Г. Богдана Леонтовича, которое тутъ поминается. однакожь на слѣдующиъ засѣданіи подъ образу вознѣтся.

Вносенію Ч. Г. Б. Леонтовича:

„Одною въ пайважайшихъ задачехъ дѣйствія Житици есть безсомнительно выданье Словаря малоруского. до которого дала якъ вѣскорше взати бы ся вдалаго; вирчованьса бо словаряни побрагачицѣвъ нашихъ поможеть якъ только вредливое на витомий характеръ нашон новы робити влѣвье, бо нино то же тако множество чужихъ словъ до нашон писемон повтискветса новы, то привычавьшеса до чужихъ фонъ до нашихъ витомыхъ створѣса съ часомъ боротимни. и затираетса поцалу властнаиъ нашон новы характеръ, который яко дало природы и многихъ вѣковъ а яко властность цѣлого народа съ большою сумлѣнностью перестерегати бы вдалаго.

Но сама бо только этимологія становити нову. есть то донаро шкелеть еп, который тѣлоць коньче покрити малевитъ, которого форми слова каждый народъ по потребамъ. правниъ и обстоятельствомъ своинъ самъ себя утвораетъ.

Матеріалы до того преважного дала суть где не куда уже и приготовани. ако то въ словарякахъ при писаняхъ и виныхъ дѣлахъ, выданихъ черезъ Максимовича, Котляревского и виныхъ, но есть то вискончено малая часть того сокровища, которое

у Народа звиходится; до всего же яко до найчистшого источника удатса наль привдѣль. а не погумо яко другій Югнанъ ходити отъ хаты до хѣти, отъ одного ронесельника до другого, абм о властныхъ ивѣвахъ вѣдробѣвѣйшихъ предметовъ вивѣловатса. вношу:

1. завозвати всѣхъ добро народа на сердца икающихъ родачицѣвъ, абм отъ часу до часу (и пр. що писанъ) списи словъ въ ихъ сторонахъ уквѣванихъ съ обясненіи ихъ значенія а вѣдла погробм съ приданіемъ примеровъ Матика досилали,

2. сложити консию, которая бы въ приданихъ матеріаловъ со взгладомъ на характеръ нашон новы напередъ Словаря меньшій сочинила, который за подставу вѣлѣнѣйшого больше часу потребующого. а протое не такъ борзо сочинитса погумого малоруского Словаря послужити ивѣть. если тое угодно:

3. уквалити средства. кини видатки на вочти в кини съ тѣмъ предпринѣть вѣлучени. покритици бити вивѣть. —
Леонтовичъ."

Отъ Выдѣла соединенія Галицко-русской Матци во Львовѣ, дна 1. (13.) Лѣтца 1853.

ОТЕЦЪ ИГНАТИЙ.

русскій приходникъ изъ Соломаки.

Новость, или саміа писемна.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

На другій день рано усалъ я спова надъ монъ Молитвословонъ. и сталъ въ голось молитися. Мой же братанецъ, который уже вчера изъ мене довольно шасялся, приступилъ товѣрь ко мнѣ со всею толною своихъ лихихъ товарищѣвъ, которые ругалса надо мною и воскликла разлитимъ

безсмысленности, пренатотвовали немъ молиться. Надарно укорялъ ахъ за тое жидъ Моисей, оиъ, подвигавонии розпутникъ поить лас-братанецъ, пребивали радо въ своето безбѣиѣ.

Въ новкъ очахъ казалось то теперь священникъ обязанности, предприняти ко-нана шари къ ихъ исправленію; и понеже было немъ илии такоиъ вѣсколько русскихъ бурлаковъ, прочіи же рускую беседу немъше больше понимали, для того возставши изъ куста и принаиши благоговѣиый видъ, сталъ а сильнииъ голосомъ читати некоторыи соответствнии церковнии молитви. Сперва зсказывалъ они изъ того гронио, проклевали немю вѣсачеки, в мой проклязкий лже-братанецъ творилъ немъ различнии дурачества; те ако бы каячись, вздыхалъ изъ полныхъ грудей, те показывалъ, те спѣался изъ пустая дѣвочка, те подражалъ дѣна в якъ бы по шипову ричалъ: „Поки чаки, пошелъ Поиъ на раки!“ Все тое но негдо отарати несе отъ набожного чте-нїа; а не тералъ свое хладнопроеіе ни силу возвышенного голоса, дунаа, что священниа слова возногутъ одного или друго-го изъ нихъ отвести отъ злодѣиий и ука-зати путь въ покаянію, исправленію и вѣч-ному спасенію.

Наконецъ, когда они не много уснири-лись, затворилъ а свою книгу, и сталъ до нихъ проповѣдати. Съ начала старался а больше ихъ зачати и прилечи ласкавити приговоромъ в просьбю, немели выступи сейчасъ противъ злодѣиїа. При томъ зачатилъ а, что ничто больше не поужда-еть немю къ себъ проповѣди, якъ только ихъ собственное добро; понеже а, ако ихъ сполу - узнавъ, не буду желати за те отъ нихъ ніакого вознагражденїа. „Менъ те лу-же болѣстие,“ говорилъ а дальше, „что во время моей молитви дѣлаете таковыи про-

казы; таке вы, братья, не озичете отъ того ніакой користи, но скорее немете понести съ той причини великую утрату. Не правда ли, мои друзья? — вы бо та-ки немъ друзья, хотя целый свѣтъ прези-раетъ ваишии дружествонъ — не правда ли, что на одинъ день возножете пронаести десять тысяща проклятїй, а однакои тое не принесетъ вамъ ни слонаного шелага? Про те же вымываете ежминутно діавола, и такъ старанио убѣгаетесь о ого призаиъ, коли видате, якъ хитро онъ васъ за носъ во-дитъ? Тутъ вамъ онъ ничего больше не дѣлъ, якъ волное горло проклятїй и порожиий же-лудокъ; а тамъ, — въ томъ ногу васъ, о сколько те отъ него знаю, уварити, — не доста-нете отъ вашого прехитрого друга ничего больше, якъ вѣчный огонь и сажетъ зу-бовъ! Послухайте, что вамъ еще скажу: Если человекъ, у которого служниъ, не вы-надгеродитъ нашу работу а только насъ все обязаветъ, те илентъ, якъ спрavedливо, слу-жити другому. Ужели не вылатило бы са вамъ, коби вы хоть разъ попробовали всту-пити на службу до ніакого господара, кото-рый такъ богато платитъ, когда таптой первый уже такъ часто васъ обольщаль? О, вонитиу мои друзья! съ понежи сѣхъ безсмысленностей свѣта не знаю а другой, ако есть таа: если злодѣй, который хату обокралъ, хотѣлъ бы бѣжати къ сторожанъ или вартовниканъ, а визначиши изъ свою крадежъ, желалъ бы у нихъ прїюта и за-хороши! А скажете дѣлаете ли вы розумнїйше, якъ тотъ злодѣй? Все вы иска-ете аотшениа у того, когорий васъ ино-гократно обязивалъ, который дѣстъ вамъ потѣнъ прїюта, стократно ужаснїйшїй якъ, тотъ, въ негоже вошелъ васъ сторожи и вар-тованики. Изъ той вазици можетъ не одинъ изъ васъ душетъ будеть по отбытой каръ на свободу; но изъ прїюта, который податъ

сладостяго того в въ заточеніи! О всеро-
чечное человеческое сердце! какъ ты не
добро, какъ жестоко!...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НЕМИРА.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

(изъ Намекаго со некоторыми перемѣнами)
(С. Оуффрѣсовича)

Изложеніе второе.

Немира, Всераде.

Нем. Якую приносите вѣсть? пріятну
ли или непріятну?

Всер. Омидайте непріятной, а радость
ваша будетъ больша, ежели бы учули вы
пріятну.

Нем. Говорѣть! тутъ не вѣстце по то-
му разводитись.

Всер. Знаю. — (вытаскаетъ сокры-
тую саблю.) Графиня! извѣстна ли вамъ
та сабля?

Нем. Та сабля? — Охъ Владимірова!
Владимірова! — Не Владимірова ли!

Всер. Тихо! тихо! ежели бы васъ услы-
шали!

Нем. О возлюбленный остатокъ! — сту-
деный и милый не извѣщій, а однако воз-
любленный! — Охъ! Воераде, откуда? Где
была?

Всер. (дастъ ей золотый ланцухъ)
А та сабля?

Нем. О Боже! Боже! Я сама — на его
шю — въ дель — Воераде, откуда? Где
была?

Всер. Графиня! ободрѣте и слушайте.
Я заблудался вчера на охотѣ. Вѣтеръ сви-
сталъ по лѣсу; дождевая туча поначала
воздухъ, но возможно было услышать или-

ку! невозможно найти слѣду. Вѣтромъ 6 го-
дина ходилъ и окулилъ; наконецъ узрѣлъ
недалеко свѣтилице, пустился туда и на-
шелъ хижины. Старый гадка и его жена
пріими мене гостинице. Старикъ подружни-
лся со мною скоро, ибо онъ былъ таломъ
на войнѣ, и чтобы мнѣ показать, что онъ
имѣетъ нѣчто рыцарскаго въ своей хижинѣ,
принесъ саблю и цѣпь изъ подмышко-
го свода.

Нем. Га! можеть быть, разбойникъ!

Всер. Така была и моя перва гадка,
но нѣтъ, графиня! Тое было ему вручено
отъ чужого молодого человека, который
передъ двадцати днани въ туи пустыни
пришелъ, и еще теперь въ худельской хижинѣ
нежлаеть. Такомъ нѣкій старецъ
обитаеть тамъ отъ четьрохъ лѣтъ. — Чужо-
зенецъ казалъ, что получилъ туи саблю и
туи цѣпь отъ своего друга, который недавно
въ путешествіи умеръ. Онъ постремилъ вос-
споминанію того друга надгробіе и вырылъ
своею рукою на немъ надпись. Я не видѣлъ
того надгробіа, такомъ на видѣлъ чужо-
зенеца и старика, ибо я свѣнился домой.

Нем. (притетально шавъ сметричи
по нѣкоторомъ молчаніи) Надгробіе?
передъ двадцети днани?

Всер. Что?

Нем. Умеръ тотъ? (указуочи на са-
блю) — А и — я отъ пяти лѣтъ невию
другого!

Всер. Ктомъ кажетъ, что Владиміръ
былъ послѣднимъ владѣнцемъ —

Нем. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! такъ есть! —
О в божества! безстыдна!

Всер. Горача графиня! воздержитесь!
Нем. Для того томъ страхъ при воз-
връщеніи на Родослава, тое боалиное божіе
сердце — тое внутреннее безволѣстіе —
убѣжаніе моего отца. О нѣтъ, нѣтъ! (от-

дасть ему саблю и щинь) то горить въ моихъ рукахъ, я недостойна къ тому прикоснуться. О Боже справедливымъ суди! Для чего же сокрушилъ ты съ дроблзги церковь, когда я при жертвеннику, передъ ликомъ твоимъ природѣ вала, и надъ твоимъ словомъ ругалась!

Всер. Радя Бога, графиня! а войду, выйдешь —

Нен. Выйдаетесь, остали то я? — Я сама вамъ говорю, что я недостойна воздуха, который вдомъ наполнен. — О гдѣ тына, которабымъ не сокрыла! — Я обольстительница двухъ благородныхъ! прискала во вѣки вѣрность первому; измѣнила ему, когда прискала второму; измѣнила второму, когда приняла верую влатьву дерматн. — Соромъ! соромъ!

Всер. Дорогая графиня! но что означается упрелани? Возможно ли, чтобы Владимиръ былъ милъ, и вы отъ него ни одной встанъ, ни одного поддороженія были не получили? Раздуайте, возможно ли то?

Нен. Ежели раздуваю — всегда перестываю. — Отъ дождя о невѣрности своей жены, умеръ изъ печали, алакъ ей испускаючи остатный духъ. Ежели бы дома была его омидала любящая, вѣрная жена; о то горечее, радостное мелане было бы его тѣлу додала шакнивою силамъ! малъ умераючи былы отъ въ благословилъ — своего друга до ней послалъ. — Что? не такъ?

Всер. (отвернувшись) О чему я не молчалъ!

Нен. Камень ли вамъ прервѣнн отвѣтитъ отъ мене лице? — Прарвѣнн! Ахъ сокрылся въ прахъ. — Остергайте людей, чтобы туда не ходили, слыть, тутъ лежить чудовище!

Всер. (не диннасть в) Гдѣ вамъ рожуть? Мотта сводить вѣсь съ ума. Не дума-

ете ли о опасности? о Родославѣ и вашей дѣтнн? — Выйдаетесь, Владимиръ ли былъ послѣднимъ владѣльцемъ, а гадаю, что отъ то не былъ; и знаю, что отъ то не былъ. — Ходѣть!

Нен. (операется на егорамя) Мнѣ слабо — тутъ тнко — и тутъ — о лъ горичо! Ахъ Всераде, име во вминыхъ мотбы помощи!

Всер. Отъ помощи! ходѣть!

Явленіе третье.

Въ дворѣ.

Родославъ, Казимиръ.

Род. Для чего не заливала ты мене, дабы я также на тое былъ посмотрѣлъ.

Каз. Я завидовала вамъ такъ краснаго вида.

Род. Га! — но Казимиръ! я надѣюсь, что ты не хочешь тѣмъ ничего злого склзати?

Каз. Нѣтъ; но то мнѣ давно казалось, что они такъ сердечно съ собою обходились.

Род. Ги! — Якъ долго продолжался тотъ разговоръ?

Каз. Такъ долго, что мнѣ почти случилось изъ окна смотрѣти, и что вамъ больше еще было бы случилося.

Род. Для чего добрый Казимиръ? — Я препоручилъ Всерадови, о нѣкоторыхъ вѣщахъ съ нею меною поговорити и прошилъ его, такъ то учинити, чтобы отъ будыто случайно стрѣтился съ нею на какомъ вѣстнн. То учинилъ отъ, когда ты ихъ видѣлъ.

Каз. Моментъ быти, графиня настрашилась такъ, что безсильно на его рана мала!

Род. Моментъ быти; ибо то не было вѣстнн вѣсть. — Однако, нди, заламъ мнѣ Всераде, я хочу знати —

Каз. Что?

Род. Якъ — какъ мое препорученіе — Но что те тебе казается, ты болтуешь, идя, закличь его!

Род. (самъ) Невозможно! — Ломь, надъ которымъ даже самъ сатана зарушилась бы ся. — Тотъ ругательный видъ, ругательными слова его воспаляютъ ми мозгъ! — Смели бы до того дошло! га! лучше я бы умеръ отъ кричанія; се ломь! лучше и бы самъ, такъ какъ наилучшій человѣкъ лгалъ; я бы сокрылъ стыдъ въ моей груди. — Да не ругается нѣтъ никто! — хотя бы и — да не ругается нѣтъ никто! — хотя бы и — да не ругается!

Явленіе четвертое.

Родославъ, Кашпара.

Род. Для чего не приходитъ Всеградъ?

Каз. Онь въ комнатахъ нашей графини; я не хотѣлъ ему перешкодить.

Род. Перешкодити? для чего?

Каз. Я думаю, что ямъ ему препоручили —

Род. Яко! (трясучись отъ ярости)

Каз. Га! такъ благородный, великій человѣкъ! — Господине, вы не хотите ли не разукнѣти!

Род. Поз — убиты — (извлекаетъ саблю и прошиваетъ его грудь) такъ ты проклятый посланику, такъ добре какъ ты мене теперь разуживешь, ты улыбающійся подлець!

Каз. О! охъ! Боже! (падаетъ.)

Род. (ходитъ) Хорошо! хорошо! Родославе! хорошее дѣло! человѣка убиты доброе дѣло! — Да не ругается нѣтъ никто!

Явленіе пятое.

Родославъ, Нелара.

Нел. Что тутъ? Убийство! ты Родославе?

Род. Такъ, мено, те доброе дѣло, чедовѣка убиты; те есть, несчастіе къ земли вшиты, ятло обезображеніемъ великому изгладити. Тотъ не былъ подлець какъ его моя ярость назвала, не онь сердился на сакерное дѣло, для того не годился менни петь. — Ты мено! нѣтъ его кровь, я тебѣ его мертвовагъ; нѣтъ, да зачнешь тварь, которая была возможна учить самого черта, творити широкіроу, лукавнхъ еще немалихъ.

Нел. Га! те моя казаетъ! О прадій мою кровь, да сѣивается съ его кровью, пометъ быти, гниль произведетъ чудовище талое; ибо мое чрево немалодно; Господь ямъдетъ еще родомъ человѣчскимъ, чтобы не сѣивался съ родомъ зѣвннхъ! (отходитъ)

Продолженіе слѣдуетъ.

НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА.

Наибольшая книга, которая велась на почвѣ необсужденности, есть „Восна, обороняетъ различные социальскіе стихотъ и прозов.“ Хетъ она не много осподалась, но ны почитали и съ великимъ соракономъ и читали съ великимъ удовольствіемъ. Стихи суть въ ней значительнае лучшія, а въ прозе у нѣтъ бывала, и между ними отличаются нѣкоторые „Пѣснь кругова“ и „До Русалии Дитстровой“ русскіи родолюбивы. Проза оны уличивша, и въ некоторыхъ статьи, какъ: „Извлеченіи изъ записокъ путешественника“, „Погода въ словесную книгу нашу“ и „Нѣсколько словъ о играхъ общественныхъ“ провозглашаютъ книгу до русскіихъ сердецъ и вытѣшаютъ въ себя много благоволеній записавшіи и презировавшихъ мысль. Большую оны книгу выберетъ книга сія чрезъ одне обстоятельства, именно, что она составлена реаліями русскими нелозачи, совершившими въ нелуцкомъ году св. Богословію, и нелуцко попортовала во пользу второй городской церкви и Дома Народнаго. Прихвѣтъ оной достоятъ подражанія и было бы те великое счастье для нашего шествія, если бы Богословички, которые означиваютъ четвертый годъ своего изгданія, подносили Матери Русы въ благодарную память лучшешаго отъ ней воспитаннаго нелуцкаго шествія.

Тыся думая вслушалась бы они не только для нашей словесности, но и для воздающегося Народному Дому, въ которомъ положено утѣлать какою будущю нашего благосостоянія. Мы надѣемся, что наши составленные въ такихъ же благоприятныхъ обстоятельствахъ и для твоей славы, какъ мышиная „Весна“ возмется по радость нашу оно по разъ — обмъ оногого!

ЗАВѢЩАНІЯ ГОСПОДАРСКІЯ.

Сумениа изъ Садовникъ.

Вся раба Садовникъ простить и единъ способъ сматри. Перестерегаеъ только, дабы отъ разу сматри садовникъ въ печи горячей какъ до суза, во аче паленитъ колхозватно съ легка въ теплое печи ограждать, и свое остукати, ибо такъ заобѣдѣтъ перепаленію и омакъ казакшія слогодѣтся. Потому котъ пѣлюкъ уже суза выбѣса по послѣдствію изъ печи выбраніи розволагати на отвертокъ и сухотъ воздузъ, чтобы чрезъ одну или двѣ седящи дымкала, а тогда какъ въ сухотъ пѣстей ховати и водобѣтъ.

Способъ сумениа грумомъ.

Образъ груминъ почата въ вола, чтобы поизчерпанъ. Сворочка отъ нихъ въ польвовалати поизралини груминати веритъ въ вола, докода пѣла сладесть невыборитъ. Потому улеяъ той пѣлѣтъ и выладеитъ въ него образи груминъ и доколъ нарѣса, доколъ не уваритъ; воресторегаетъ одно, дабы непереварилася; почотъ выберотъ груминъ и розволадеитъ одна оботъ другой на блыхотъ и осуваитъ до печи, когда изъ ней хлѣбъ уже увечешия выбралъ. Своре зарунивитъ, вытагантъ изъ печи, и вола обособно рукою или досткою смѣсчвоетъ, снова на блыхотъ розволадеитъ и въ печь отуваитъ, чтобы совершенно поделка. Воръ груминъ водобѣтъ заразотъ поного во роудъ выладеити. (Прололениа слдауетъ.)

И. Гр.

— Изъ всѣхъ сторонъ встрѣиной державы припадеъ пѣти о чрезвычайно богатотъ пѣту въсѣхъ оеовниихъ деретъ, о алоуъ и въстарниа люди по ванитотъ. Даяъ би Богъ, обмъ пѣтъ стѣлаево розволадеъ. и вылаъ богатия оеовни!

— Передъ нѣскольо днни дѣлаю на возмѣшевотъ Монтпартръ, подалою Паризи, омытъ ълектрическииъ свѣтлонъ, котри новелтъ съ наилучшииъ усѣбонъ во будущю волау освѣтленія большихъ городовъ и ихъ окрестностей. Вся части пѣста, даю на одну илию отдаленима, освѣрлѣтъ при случай томъ врѣниа свѣтлонъ, съ попомощію же большой машинъ досаго ълектрическое свѣло даю городъ Саяъ Жорниа, отъ воомѣшевотъ Монтпартръ на пѣтъ миль отдалении. Въ слѣдствіе такъ усѣбоніа пѣчеленія такъ омытоу напрантъ въ Паризи выотавити одну высокую вешу, котра на самолтъ верху вышати будѣтъ содѣно ълектрическое свѣло, оного лучи освѣтитъ все ороноу оно пѣсто.

— За наилучшое средство для охраненія черемши отъ воробьевъ и иныхъ птицъ предлагаеъ одинъ чешскій дворянъ слѣдующее: „Когда черемша дозрѣваетъ, нужно на деревѣ завѣсати и залѣжного рана, а за 8. дней другою; птими оставлѣтъ такое дерево въ покой. Такъ говоритъ нѣкій господарь, котрый то испыталъ.“ — Средство луно простое, ноимъ только было стрѣно.

ВСЯЧИНА.

Столодвиженіе, о которомъ имѣтъ такъ много говоритъ не ость воимъ изобрѣтениа: въ одной книгѣ, печатанной въ XVI вѣкѣ въ Лионѣ находитъ описаніе того удивительного явленія, а въ сочиненіи г. Ритера, „О вліаніи тѣхъ небесныхъ на нашу землю.“ изданоу передъ 30 лѣтими, находитъ такое завѣщаніе о подобныиъ движеніахъ. Бже передъ 30 лѣти отырылъ что то подобное оуднѣ поропладеитъ въ Лондонѣ, июниа, что 4 — 6 особъ, котри воздержатъ въ себя отдыхавіе, поднесутъ коньцини пальмотъ человека изъ земли, когда тотъ такомъ воздержитъ дыханіе. Все тое было уже вола омытитъ, но амъ теперь обратило на себе большое вниманіе. До тѣхъ поръ во погъ оаевоу нѣкто паленіе тое хорошо изластити.

(Слдауетъ 19. Число „Поученій Нороооныхъ“)

Изданоу въ типовъ Института Ставроградскаго
Отдѣленіи Россіи въ Бодію А. Додѣлѣ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ.
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ:

Издается еженедѣльно въ Среду два листа, по пятъ годовою въ Альбомъ 4. зр. 40. пр. к. н. — съ почтовою поросылкою 6. зр. к. н. — Желающимъ четвертью получать платять въ Альбомъ 1. зр. 10. пр. к. н. на почтахъ по 1. зр. 30. пр. к. н.

НЕ УНЫВАЙ!

Когда угодно было Богу,
Чтобы родились бѣдники,
Ты пролагалъ себѣ дорогу
Терпѣливъ таинникъ и трудолюбъ:
То будь некоренъ, терпѣливъ,
Ньютонъ, трудолюбивъ,
На помощь съ Выше усной
И — никогда не унывай!

Когда во волгъ Провидѣня
Трудишь всю жизнь и день и ночь,
Ты не встрѣчаешь ободранья
И трудъ тебѣ уже не въ ноцъ:
Преодоли строптивый гнѣвъ,
И, руки къ Господу воздѣвъ,
Его на помощь призывай,
Но никогда не унывай.

И утѣшались благочестіемъ,
Въ твоей страдальческой борьбѣ,
Не чти надѣленъ и бѣдностью
Подметая своей судьбѣ;
Но тѣши въ неломъ веревъ быти,
Себе для долга позабыти,
Его съ любовью исполняй
И, въ подвигахъ, не унывай!

Когда благо Провидѣню,
Хранившее тебе отъ бѣдъ,
Помощь на доумъ твой испуменю,
Среди земныхъ твоихъ суетъ,

Линить тебе немъ, дѣтей:
Ты рѣи слезъ о нихъ пролей,
Ихъ на молитвѣ вспомяни,
Но, немъ ихъ — не унымай!

И на игривой той кизикъ
Дай имъ быть бы твою удѣлю,
Повертуй всѣмъ земной отчизнѣ,
На подвигъ за Царя будь силѣ,
Предъ Царюшкою благочестіемъ,
На смерть или за нихъ уйдѣ;
За гробомъ есть небесный край. —
Награда тамъ! — не унымай!

И. С.

ПРОМОВА

Всѣчестнаго Г. Михаила Кузнецкаго.

Предматова Виду Галицко-Руской
Матки, говоренна на заставлѣ Виду
днѣ 17. (29). Чернѣ 1853. гом.

Честными и достоуважаемыми Господиновою!

По долгой перерывъ сошлись имъ снова,
дабы надъ сравненіи соединенія Галицко-рус-
кой Матки порадытся.

На дню 1. (13). Марта 1850 (сметри
Ч: 29. — Зори въ 1850) отбилсъ второй
Соборъ Общества Ученикъ. На немъ
ухвалено много предметовъ, которыхъ по-
полненію Виду Матки препоручено, а

важнішім изъ всѣхъ былъ: составити уставъ соединенія и предложити високому правительству до затвержденія.

Видалъ старался по возможности в силѣ своей прерученою соба дѣло перепроводити, а сколько сіе учинити возможно было, окончится изъ дальшаго росмотренія.

Видалъ по ухвалѣ загалнаго собранія предложилъ уставъ соединенія Галицко - русской Матицы високому правительству, а получивши затвержденіе, до Ч. 14. Матцею издаваемыхъ книгъ печатати казаль.

По 36. §. тахъ уставовъ должно соединенію звичайно разъ въ году на заседаніи соборное собиратися. Отъ г. 1850. тако было тому требованію отновести а то зъ яного причинъ:

- а). бо члены Видала матичного по большой части суть вразѣ в членови комисіи предствилкой сприванъ создаваемого Дома Народнаго в другой городской Церкви, котори послѣдннхъ дѣлохъ надъ сиди занятии.
- б). недостатокъ мѣства, где бы загалное собраніе сойтися могло;
- в). обстоятельство яниа, котори подробное нечислати было бы не на добѣ, а въ концѣ.
- г). зайшло новое право о обществахъ, и тахъ Видалъ не могъ привести въ дѣйствіе тое, что вознакаралъ.

Для 15. Сочия т. г. Ч. 1. по силѣ постановъ зъ дня 20. Агостовднѣ 1852. предложилъ Видалъ високому правительству прошеніе о новомъ затвержденіи соединенія Галицко - русской Матицы, а изъ тое наступило не могъ Видалъ собиратися, а такъ и дальшія его не части были веротати.

На тое прошеніе прийшло подъ днѣмъ 31. Маѣ т. г. Ч. 21225 отъ високаго правительства касательно соединенія Галицко - русской Матицы слѣдующее рѣшеніе:

Высокопочтенный Господине Кримошане!

На прошенія изъ 14. 15. и 19. Января 1853. о призволеніи дальшаго существованія рускому литературному обществу „Матица руска,“ рускому обществу „Чительна,“ в комисіи управлюющей созданіемъ рускаго народнаго Института причаζεται, что касательно дальшаго существованія помянутыхъ обществъ, которихъ учрежденіе только отъ Н. Ц. краевского Предсѣдательства и отъ центральнаго управленія ствѣя облоги въ Галиціи призволено было, на основаніи §. 4. закона о обществахъ изъ 26. Ноовбрѣ 1852. созволеніе Его Н. Ц. Агостольскаго Величества приобтѣастися имѣеть:

Ваша Всечестность для того яко Предсѣдатель помянутыхъ обществъ, тако помянутой управлюющей комисіи призывается, статута сахъ обществъ и тако учреждаемаго Народнаго Института въ трехъ отъ существующаго Видала подписанныхъ одноплагскихъ отпискахъ Губерніи предлошати. Однако созволяется, дабы реченымъ оба общества до законнаго рашенія прошеній о созволеніи на ихъ дальшее существованіе свою дѣятельность продолжали. При томъ обращается вниманіе Вашей Всечестности на тое, что въ статутахъ литературнаго общества „Матица Галицка,“ которихъ отпись подъ днѣмъ 8. Марта 1853 ч. 6. Львовской Н. Ц. Полціійной Дирекціи предлошена была, опредѣленія касательно Заступленія сего общества импротивъ третнхъ лицанъ и импротивъ урядовъ, также касательно возможнаго развазанія общества не находится, а сего ради сіи статута также въ слѣдствіе §. 9. упоминаемаго закона о обществахъ исполнитися имѣють. Если бы статута общества „Чительна“ не содержали въ тохъ §. вложеннмъ

определенія, то также и сія статута не сему исполняться вліють. На сія законним определенію подобает также належито вникати и при составленіи статутовъ для Народнаго Института.

Давноу дня 31. Мая 1853.

Каллберга.

Теперь принадлееть, абы Выдаль составленіемъ или узаконеніемъ тахъ уставовъ звикае и высокому правительству предложилъ. Сей есть важнейшій предметъ книжнаго засяданія. —

Кромъ того суть и нима предмети, которы подъ розвагу взяти подобаетъ. Справозданіе зряду соединенія Галицко-русской Матици и общества просвещенія за часть отъ 14. Марта 1850. до 31. Мая 1851. печатанное порозсидано по наизостинченіемъ объявлено такъ достохвальнымъ членамъ якъ в любительнъ русской словесности деланія зараду за помншій часть.

Такое справозданіе за часть отъ 1. Червца 1851. до 31. Мая 1852. давно уже лежить вылагожено до печатанія а Ваши Всечестности днесъ рашити могутъ, чи тое справозданіе печатати, чи совокупити со справозданіемъ за часть отъ 1. Червца 1852. до 31. Мая 1853., которое такоу же зававоу вылагодитса.

Дабм розосланіе книжокъ на наизостинченіе став упорядковати, упрощено Всечестнаго Г. Дуткевича, Крылошанна и советника Конкесторія, который дало тое охоче на себе принялъ, и нинъ занимается.

Станъ цлого нивніе матичного до конца Мая 1853. выкажетъ справозданіе дотичное, вспомну тутъ только что соединеніе нивнѣ теперь въ касъ листъ заставний на 100. р. ср. и оду книжку щедличу на 900. р. а прочее нивніе посаждаетъ въ книжкахъ такъ на розсироденъ порозсиданнхъ, ало и въ складѣ снаходншихся,

а кромъ того и въ чистотѣ павору до печатанія присособленомъ. —

Касательно книжокъ издаваннхъ, вадно Всечестностиа Вашихъ, что зайшла была потреба Читавки с. в. Маркіна Шашкевича другій накладъ делати. бо первый розсиродано, другій накладъ ино 1000. эксенляровъ содержилъ, бо високое правительство дашнйше приказало нину составити читавку, которое въ короткомъ часѣ до школъ введено будетъ.

Выдалу попросилоу несколько книжокъ до печатанія, которы удалени членамъ до розсироданія, Вашихъ Всечестностиа извѣстатса до рашенія. —

Должностію нашею есть пренимлати надъ потребани и средствами, акили бы просвещеніе между народомъ рускимъ рещити можно.

Уже и другій накладъ Букваря соединеніемъ намихъ изданного розсидитса, первый накладъ занималъ 10 000. а другій 20.000. эксенляровъ, съ которого въ складѣ едва 3000. эксенляровъ еще находитса. Высокое правительство приказало для школъ народннхъ составити нимъ Букварь сходннй съ нивоцнннхъ, а такъ видитса не было бы на тетьр потреби, новнй накладъ Букваря делати. Высокое правительство приказало такоу же нима книжки для школъ народннхъ составлати. Но есть нашею задочю ани нивннхъ наизостинченіе изданіемъ книжокъ школьннхъ заниматиса, но захоудитъ потреба нивнхъ книжокъ, которнхъ изданіемъ заняти бы са принадлеало.

1. Исторія Библіной такъ ветхого якъ и нового завета цалмъ завѣст. с. в. асечестнаго Крылошаннахъ Венедиктомъ Лоуцкннхъ соединенію дорованнй уже розсироданнй; отжеъ захоудитъ потреба или той Исторія новнй накладъ делати, или на ново сочелати.

2. Исторія Галицкой цѣлкомъ глѣть, а однакожь така исторія до потребнѣйшихъ книжкомъ издѣлать.

3. Изъ многихъ сторонъ а особливо съ Тернопольского округа домытуется о такъ званнии Квѣтчики рускии — бо колодежь школьна кантачокъ русскихъ повнѣючи, пружудена употреблѣти польскѣи.

4. Далиси чути и желанія взглядохъ собранія Пѣсней Народныхъ;

5. Потребнѣйше же изъ всего есть печатаніе Молитвословчика большого для киркии книжно же для колодежи школьной.

На обложку засѣданія было ухвалено, щобъ Матиня выдавала Часоснисъ. Якъ вѣдомо Вашимъ Всечестностямъ сдѣлали ми чезваніе до некоторыхъ нужей, дабы нанѣ изъгляди въ томъ предіетъ свое мнѣніе. Принадало бы послѣ тахъ дописей дальшее дѣланіе предприняти. —

До соединенія приступали новии члены, многии однакожь съ дѣлѣйшихъ не сложили взглядохъ за несколькоъ лѣтъ: потребно бы и надѣть тахъ застановитися.

То суть предіети, надѣть котормии мнѣнѣи карадитися подобаетъ.

Прему Вашихъ Всечестностей тѣмъ предіетѣмъ недробно розобрати, а що будетъ ухвалено, до исполненія достойнѣиъ сочленѣиъ препоручити.“

По той промовѣ отчиталъ Предсѣдатель изъ Зорѣ Ч. 29. съ 1850. ухвалы загалнаго засѣданія, а потомъ наступили на радѣи надѣть поединичии предіетави.

На сѣтъ перелѣть созываносѣ надѣть тахъ, щоби статута соединенія по предписанію високого Правительства правого исполнати и до предложенія високому правительству выгодедити, а ухвалено по ввѣсенію Всечест. Предсѣдателя препоручити Ч. Г. Деонтовичу начертѣть желаное пожеланіи

составити и на найблизнѣиъ засѣданіи Выдѣловѣ до рѣшенія предложити.

При томъ вѣстѣ Ч. Г. совѣтанку Гурневичѣ, дабы до статутохъ принати такъоже и §, взглядохъ права продажи книжкомъ нѣтвичныхъ.

Хотѣ по вѣсенію Всеч. Предсѣдателя щеты соединенія такъоже и за годъ 1852. въ проткомъ времени выготовлени будуть, то ухвалено справозданіе за годъ 1851. окропѣнно печатати. Ч. Г. Деонтовичѣ изъгляди свое мнѣніе касательно Словара ботаническаго всеч. г. Михайломъ Петрушевичемъ соединенію Матинѣ предложенного, — дабы тое сочиненіе печатати.

Понеже тое сочиненіе содержитъ самии названія, то всеч. г. Головацкіи былъ того мнѣніи, уврашати предварительно всечестного Сочинителя, дабы до того Словара написалъ малое сочиненіе о ботаницѣ. Мнѣніе тое, поипралъ всеч. г. Кульчицкіи, а по долготѣ розговора ухвалено отнестися до всеч. Сочинителя съ прошеніемъ, дабы дописалъ короткую Ботанику, и ожидаѣти ето отвѣта. Ч. г. Деонтовичѣ былъ такъоже того мнѣніи, дабы печатати рускіи переродѣ изъ сербского конедіи „Пѣяница“ составлоний ч. г. Василіемъ Ковальевичемъ; ухвалено сходне съ статутами общити тое сочиненіе всеч. госа. Головацкому до переспотранія. Томъ само ухвалено сдѣлати и со сочиненіемъ всечестного Паславского подѣ надписію: „Близнеци.“ Касательно сочиненія Исторіи Библиной в. и н. звано, ухвалено: завозвати кого, дабы сочиненіемъ занялся.

Ухвалено, относительно потребнѣи издѣлѣти большій Молитвословець съ красниикъ образками, а въ концѣ ухвалено: предложити сочиненія:

1. Мнѣніе въ аконѣ состоаніи сна-

ходится часу подальше природное съ подальше стучитъ." и.

2. "Святий Исидоръ" удалить членъ въ розсмотрію. —

Повеже нареди надъ речении предметана до поздна затагулися. то по зносенію всеч: Председателя, оставлено нареду надъ прочие предметни на следующее заседание, принявши еще внесеніе Ч. Г. Богдана Леонтовича, которое тутъ помянется. однакожъ на следующемъ заседании надъ образу вознется.

Внесеніе Ч. Г. Б. Леонтовича:

"Одною зъ важнѣйшихъ задачъ дѣйствія Митицы есть безусловно выданіе Словаря полоруского. до которого дале якъ найкорше взяти бы ся належало; виручоуенься бо словарани побратимцевъ нашихъ поможеть якъ только вредливое на нитоний характеръ нашон новы робити зланые, бо ниво то же тако множество чужихъ словъ до нашон писеннон повтисковется нози, то привычающеса до чужихъ фонтъ до нашихъ нитонихъ стареша съ часоонъ боротини. и затираетса поневу властивый нашон новы характеръ, который яко дале природи и многогъ зьковъ а яко властность цѣлого народа съ большою сумлѣнностью перестергати бы належало.

Не сама бо только этиология становить нову. есть то докаръ шкелеть ен, который тѣлоуъ новыче покрити належитъ, которого форми слова каждый народъ по потребанъ. правитъ и обстоятельствомъ своинъ самъ себя утворять.

Материали до того важного дела суть где не куда уже и приготованы. яко то въ словарникахъ при пѣсвахъ и нинихъ делахъ, выданныхъ черезъ Максимовича, Котляревского и нинихъ, но есть то нескончено палаа часть того сопроища, которое

у Народа знаходится; до всего же яко до найчистшого источника удался нать принадаеть. а не погуще яко другій Юнгманъ ходити отъ хаты до хѣты, отъ одного ренесельника до другого, аби о властныхъ ичанахъ вѣднробнѣйшихъ предметовъ выведатися. аному:

1. завозвати всахъ добро народа на сердцѣ нмающихъ родинцевъ, аби отъ часу до часу (и пр. що нѣсяць) списи словъ въ ихъ сторонахъ укнваныхъ съ обясненіями ихъ значенія в вода потреби съ приданонъ принрровъ Матицы досилали,

2. словити комисію, которая бы зъ приданныхъ матеріаловъ со изгладонъ ихъ характеръ кошон новы ннпередъ Словарь неньшій сочинила, который за водставу нельншого больше часу потребующого, а протое не такъ борае сочинитса погущого полоруского Словаря послужити ннеть. осямтое угодно:

3. ухвалити средства. нини выдатки на почты и нини съ такъ предпринятіемъ полученни, повритини быти ннеть. —

Леонтовичъ."

Отъ Выдала соединенія Галицко-русской Митицы во Львовѣ, дня 1. (13.) Января 1853.

ОТЕЦЪ ИГНАТИЙ.

русскій приходникъ изъ Соломахи.

Новость, нима саміло нелесноа.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

На другій день рано усягъ и спова надъ понъ Молитвословонъ. и сталъ въ гелось колитса. Мой же братанецъ, который ужо вчера изъ мене довольно насмѣлся, приступилъ теперь ко мнѣ со всею толною своинъ днхихъ товарищей, которы ругалса надо мною и воскликла разднчнми

бессмысленности, пренебрегали немъ молитися. Надарно укоряли ихъ за тое видѣ Мейсей. они, поддигаемии розпутимъ немъ иже-братанецъ, пребывали радо въ спомъ безбожии.

Въ поухъ очажь казалось то теперь съшествиимъ обласнѣнъ, предприняти иномъ крмъ къ ихъ исправленю; и понеже было немъ инии такою несколько русскихъ бурлаковъ, прочіи же рускую беседу немъ-ше больше поминали. для того возставши изъ нѣста и принявши благоговѣиный видъ, сталъ в сильнымъ голосомъ читати некотори соотвѣтнимъ церковнымъ молитвамъ. Сверза засмѣялись они изъ того гроню. прокламала немъ всасчески, в ной проказливый иже-братанецъ творяль немъ розличнимъ дурчествамъ; то яко бы кающисъ, вздыхалъ изъ полныхъ грудой, то покашливалъ. то слылася якъ пустая дѣвочка, то подривалъ дышка и якъ бы по ивиному рычалъ: „Поки пакки, пошелъ Похъ на рай!“ Все тое не могло оттарити немъ отъ набожного чтонія; а не теряль свое хладнопроеіе ни силу возвышенного голоса. дуная, что същещимъ слова возмогутъ одното или другоге изъ ихъ отвести отъ злодѣаній и указать путь въ покаянію, исправленю и вчѣному спасенію.

Наконецъ, когда они не много усмирився, затворилъ в свою книгу, и сталъ до нихъ проповѣдати. Съ начала старался в больше ихъ заикти и прилечи ласкавити приговоромъ и просьбою, немели выступати сейчасъ противъ злодѣаній. При томъ замѣтилъ в, что ничто больше не понуждаеть немъ къ соѣ проповѣди, якъ только ихъ собственное добро; понеже в, яко ихъ сполу — узникъ, не буду жалети за то отъ нихъ вѣного вознагражденія. „Менѣ то лучше болестно,“ говорилъ в дальшо, „что во время ной молитвы далеете таковымъ про-

кази; тако вы, братья, не същещете отъ того вѣного користи, но скорше немете понести съ той причини великую утрату. Не правда ли, нем друзья? — вы бо таки немъ друзья. хотя цѣлымъ свѣтъ прозираеть вашни дружествонъ — не правда ли, что на одимъ день возможете произнести десѣтъ тысяща проклятій. а однакомъ тое не принесеть вамъ ни слованного мѣлага. Про что же вымъваете емчипутио діавола. и такъ старанно убагааетесь о его приазни, коли андите. якъ хитро онъ васъ за носъ водить? Тутъ вамъ онъ ничего больше не дасть, якъ полное горло проклятій и корожимъ жѣлудокъ; а тѣмъ- вѣ тѣмъ ногу васъ, о сколько то отъ него знои, узаритъ, — не достаюето отъ вашего прехитрого друга ничего больше. якъ вачимъ огонь и скрежетъ зубоа! Послушайте. что вамъ еще скажу: Если человекъ, у которого служниъ, не ви надгородитъ нашу роботу в только васъ асе обласнѣтъ, то идѣтъ, якъ сиравадѣлю, служити другому. Ужели не вымъвѣтило бы си вамъ, коби вы хоть разъ попробовали вступити на службу до иного господаря, которий такъ богито платитъ, когда тѣмтой нерамъ уже такъ часто васъ обольщаль? О, вонстину немъ друзья! съ понежи асьхъ бессмысленностей свѣта не знаю в другой, яко осьъ тѣа: если злодѣй, который хату обокралъ, хотѣлъ бы бѣжети къ сторожѣмъ или вартовникѣмъ, и вызнавши изъ свое крадежъ, желалъ бы у нихъ пріюта и захорони! А скажете дѣлаете ли вы розумнѣише, якъ тотъ злодѣй? Вся вы искаете потѣшенія у того, когорый васъ многократно обласивалъ, который дастъ вамъ потѣмъ пріюта. стократно ужаснѣишій якъ, тотъ, въ ногоше носели васъ сторожи и вартовники. Изъ той вазяици можеть не одикъ изъ васъ аумѣтъ будеть по отбытой керѣ на свободу; но изъ пріюта, который подаетъ

ванъ по вашей смерти дѣлать, по видо-
битися вамъ на волю николи! Огъ на пу-
ститъ насъ изъ своихъ ногтей даже тог-
да, коли уже не будетъ вамъ нужно бе-
гаться кате!...”

Тутъ прервалъ нову рѣчь значительный
сторожъ, который отворивши двери, обяза-
сталъ на голосъ, что судъ, по намедни
во ны ніякого провинника, отпускаетъ не-
ме сейчасъ на волю. Я уташался тою вѣ-
стію, но мене жалъ было опускати сейчасъ
моихъ споду — узниковъ, на лицу которыхъ
видѣлъ я уже задуманность и огъ чести да-
же покаивіе. Такъ рѣшился я еще уклонити
свою проповѣдь, и спросаніи сторожа,
абы пождалъ не много на мене у дверей,
говорилъ къ задумавшимся грашникамъ даль-
ше: „Такъ не лучше ли вамъ заблаговремен-
но оторватися отъ ногтей дѣвола, пока огъ
еще не вивѣтъ полной наль влнн власти,
и возвратитесь на праведну путь, котора
ведеть къ Господу Богу. Иже радуется
кающимся грашникомъ и прійметъ его сно-
ва за свое чадо! Представте себя, что
тѣмъ добрымъ люди, которыхъ вы обирадали,
обнищавши, оскорблени, хоть понесла че-
резъ васъ значительную утрату на мизніи,
но живутъ на волю, съ добромъ совѣстію,
въ кругу трудолюбивыхъ родичъ, и подно-
погутъ себя къ приобращенію новыхъ достат-
ковъ; когда неки гнѣтъ вы въ заточеніи,
съ червякомъ въ грудяхъ, который росто-
чаетъ вашу силу и мужескіи лета; вы оди-
ноки, безъ милыи родичи, враждуете нежъ
собою, якъ дикіи звѣрята, и обертыви, го-
лоднии, жаждущіи, безъ шелага въ киш-
кѣ, безъ надежкѣ; на шелагъ заработать.
Добрымъ люди живутъ во счастіи, съ сопо-
коєтъ въ душѣ, и съ радостію въ сердце
хвалятъ Господа Бога за его дары, котори
подадъ нѣтъ въ сонъ житіи, и за тую
нагороду, котору обатовалъ для праведныхъ

въ другой безсмертной жизни. А вы, — о
вы не знаете о токъ душевномъ усовер-
ствіи, о токъ веселіи, акѣ дѣлавають бла-
годѣтельный, совѣстимъ человекъ на токъ
свѣтъ; и по воображаете себя тую радость,
яку уготовилъ для нихъ Всевшій за грѣ-
бонъ! Но для васъ остало еще едно сред-
ствѣ, съ попомію которого некто приобря-
сти милость у небесного Отца, и живѣ
блаженнѣю. На алаву Божию, во память не-
его тутъ съ ваки пребыванія открывае вамъ
сіе спасительное средство: ето, покайтесь,
бѣйтесь въ груди, и съ сокрушавлѣтъ сер-
дцеиъ поійте къ Господу: Остаи налѣтъ грѣ-
хи наши, ако припрокаєтъ Тебя, возврати-
тиса на путь праведныхъ!...”

Узники билісь во груди и съ сокру-
шенієтъ повторали за мною молитву каю-
щогоса грѣшника. Одинъ только закорѣ-
нлйи провинникъ, кой лже-братанецъ ста-
нулъ на возвышеніюу вѣсткѣ, и въ голосъ
сѣвалъ надъ нашимъ молитвомъ. Не сокру-
шеніи грашники не уважали на него, толь-
ко упадни на колѣна, говорили еще: „От-
че нашъ” и „Варую.”

Послѣ того поблагословилъ я ихъ воз-
ложенієтъ рукъ и слована: „да спїидеть на
васъ духъ Божій!” — и возвращавшисъ съ
мниа, сказалъ уже во дверяхъ къ лже-бра-
танцу: „И ты омоничься, не се будетъ
уже за поздно!”

Съ тѣми слови вышелъ я за двери, и
ступалъ ирѣно на подворье. Тутъ идаль
уже Федорій мене съ брѣчкою, на котору
сѣвши, поѣхалъ ни назадъ своею дорогою.

Хотя зналъ я уже, что братъ кой не
вивѣтъ теперь грошей, бо хитрый лже-бра-
танецъ возбавилъ насъ обоєхъ, почти со-
вершенно, извнѣ; но будучи уже въ не-
ловнѣи дороги, не хотѣлъ вертатисъ до Со-
лонники, а рѣшился захвати до брата, от-
крыти еку обвиняство лжнего братанца Дѣва.

и поташити добросердечного брата — хоти словани. хети о столько, о сколько было сме у мене утешенія для другихъ — ах, того утешенія, котораго не могу я для себе самого нигде теверъ найти!...

(Продолженіе. слыдутъ.)

НЕМИРА.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

(изъ Валочного съ некоторыми перемѣнами)

(С. Оуффривича)

Явленіе шестое.

Володка, Людолла, потомъ Богумилъ в слугѣ.

Род. (узрѣвши Володка) Такомъ злѣйшій родъ! (отходитъ)

Вал. Отче, отче! — Что я учинилъ, что отъ мене утѣлаетъ и нѣтъ клануть!

Лад. (Узрѣвши убійскаго, содрогавъ) Ахъ!

Вал. Каминиръ ложитъ на земли! Каминиръ! Каминиръ! (пристываетъ до него, А! изъ его груди цѣтся кровь! потрясаетъ его) охъ не живый! О ты бѣдный, бѣдный Каминиръ!

Лад. Умасно! Володкино не пристувай твоѣ близко!

Вал. Для чего? — Вы бонтеса? — Не была ли цѣлами куны такихъ убійскаихъ, вѣли Тетари напали были на Теробовлю?

Бог. (до слугѣ указуяци на трува) Вывезать! (вынесати) Ты не первую несчастною жертвою его прости и освободи. Тутъ твоѣ убійца не нѣтъ суди, но такъ!

Лад. Кто убилъ бѣднаго Каминира?

Бог. Графъ.

Лад. О свирѣный человекъ!

Вал. Могеть быти, охъ роживалъ моего отца?

Бог. И убилъ бы ты человекъ, который бы нѣкогда нѣтъ несчастію тебе роживати?

Вал. Не могеть быти, охъ оскорбилъ его честь?

Бог. Знаеть ли бѣженный человекъ, что честь и оскорбленіе? Слова пенарокомъ реченными бывають часто оскорбительными черезъ угрюмое росволоненіе того, который ихъ слышитъ.

Явленіе седмое.

Родославо, Богумилъ, Всерада.

Род. (вооруженъ) Идѣть прочь! (до Людомили и Володка) Богумилъ! заличи нѣтъ Всерада.

Бог. Вотъ идѣть!

Всер. Графъ! требуешь ли мене?

Род. Такъ. — Богумилъ оставь тутъ! (Слухай Всерада! (береть его за руку, и ведеть на бокъ, такъ что Богумилъ не слышитъ, о чемъ говоритъ) что ты говорилъ съ моею женою въ садѣ; я хочу знати, я нѣмю право о тоѣ спросити.

Всер. Ты нѣмешь право спросити твою жену, но мене. Я не твоѣ жлобъ, не твоѣ слуга.

Род. То скажи твоему пріятелю. Жену не хочу вопрошати; ибо чтобы нѣтъ того пришло, емели бы она нѣтъ сказала башню? Того ты не можешь. Скажи нѣтъ.

Всер. Что ты о нѣтъ думаешь?

Род. Я хочу услышати, что и нѣмю о тоѣ думати!

Всер. И гадаю, что такъ благородный человекъ, какъ ты не можеть нитати подлое подозрѣніе.

Род. Подозрѣніе! Кто о томъ говорилъ? Могеть быти, то незначительная, маловажная вещь; не важна для мене, но тому, что нѣтъ охъ видѣ тайны — Я тебе прошу, Всерада, не серди на таковыя выкрутки!

Всер. Ты взялъ оружіе! я тоѣ роуживъ. — Емели ты то учинилъ, чтобы мене, какъ дѣтину отрашити, то вспохни тотъ случай, когда мы понаехали. Я еще тотъ

самъ. — Я клянуся тебѣ вѣчными Богомъ, моею честію, твое подозрѣніе оскорбляетъ мене, оскорбляетъ чистую добродѣтель твою скрившею сувруги и тебе самого!

Род. Подозрѣніе! и подозрѣніе! Что те? тѣмъ твоимъ выкруты самы — не хочешь говорить?

Всер. Нѣтъ. Твоя меня скажетъ тебѣ все, смели сплоснешь; я не далъ ей — непрошенный! — мое слово, молчати, и того буду дерматися.

Род. Дермиса! (отходить отъ него и говорить голосно) но скажи мнѣ, кто съ чужою меною за очина человѣка тайни ведеть, и до молчанія обоназывается, не есть ли тотъ человѣкъ лукавый, безчестный?

Всер. Безумный! поруганіе да падеть на те назадъ!

Род. Возьми твое оружіе! иди! увидишь на кого падеть! возьми оружіе!

Всер. Добре, возьму; но — жаль мнѣ тебе Родославе! (отходить)

Явленіе второе.

Родославъ, Богумилъ.

Род. И возможно ли! о мнѣ сомалѣти! сказалъ ли онъ тое! о, ты негодяю! о мнѣ сомалѣти! смелибы ты не былъ тое сказалъ, то можетъ быти, а бы тебе былъ пощадилъ, но о мнѣ сомалѣти! — Богумиле! иди! смотри, ели онъ вооружилса.

Бог. Яко? онъ только что вышелъ.

Род. О я и нималъ, что уже давно — Я не мамду его крови, но правду да скажетъ мнѣ, а тогда, коли все буду знати, тогда горе ей. — Печаль, раздирающая отъ пяти лѣтъ мое сердце, восплаиетъ ми яростію. Все, все на ню, месть небесна и моя, такъ ямешья, что розтолчетъ ю въ прахъ. — О мнѣ сомалѣти — иди! смотри за нимъ!

Скажи ему, смели отаргеть, те будешь друзлии — но, тое ему передъ борбою смелъ скаму.

Бог. Вы его обругали!

Род. То не правда! — Что каменье? и его обругалъ? обругалъ? и не памято!

Бог. Вы назвали его лукавымъ, безчестнымъ человѣкомъ!

Род. О, нѣтъ! те онъ не есть! — не для чего не говориль онъ? только иернокъ замолчуетса, и о мнѣ сомалѣти? го! хожу видѣти! (отходить)

Бог. Такъ, Господь видить, что о тебѣ сомалѣти наемнеть, бѣдный человекъ! твои дикая кровь дѣлаетъ съ тобою, что хочеть, стренить те къ второму убійству, когда иерный несчастникъ едва схладѣлъ. Не кровь ли Казимирова вопиеть на небо о такъ скорое отищеніе?

Явленіе девятое.

Немра слышно, за вѣстъ Людовика.

Нем. Где онъ?

Бог. Пошелъ битися со Всерадомъ.

Нем. Такъ те правда? о Богумиле! веди на туда, веди скоро!

Бог. Графине! вы знете его яреть, одно слово стояло бы вахъ жизни. Долгопроненная, испытанная дружба не возмогла охоронити Всерада отъ его гнѣва. Онъ ириванкъ до убійства, ему нитса: что его сабя обладаетъ всѣмъ миромъ,

Нем. Не извѣстно ли тебѣ, отауду произошелъ споръ?

Бог. Всего я не могу разумѣти, не только слышалъ, что графъ хотѣлъ доидѣтиса о якой те тайнѣ в Всерадѣ не хотѣлъ отаргити.

Нем. Тайна! (до Людовика) такъ, такъ есть! донеси ему. — Богумиле! бѣгай, скажи Всерадомъ, что я его ради Бо-

га ирешу, все открыти. О снѣни, снѣни!
ошесемь одне житье!

Бог. Дай Господи! (снѣшно отхо-
дитъ)

Нем. Га! того еще доставало! Охъ,
какъ я бѣдна, бѣднѣйша еще, помели когда
те счастлива была! — Охъ друшко! и и-
штинъ якоось предчувствіе, что то еще не все!

Люд. Смели Родославъ дождается: что
тебѣ Всерадъ открылъ —

Нем. Охъ тотчасъ дождается.

Люд. Са. Николаю! его прость!

Нем. Его прость! Ты не можешь мон
терѣннѣ возвеличить, а только окончить —
услыши на, милосердный Боже! пошли сію
спасительную мысль въ его душу, а все, что
я терпѣла, да будетъ во благодареніе за
тую милость! — добрая душе! чего пла-
чешь? тевернѣное нѣсть еще найумаснѣй-
шее. Мой наибольшій боль есть моя со-
нѣсть. Разсуди Леониле! смели бы то
правда была, что Всерадово осповѣданіе дога-
дыватися каметь, а смели бы то правда
была! —

Люд. Ближнн осповѣдомленія успокоять
тебе.

Нем. Дай Боже! — Мнѣ конче потре-
бно говорити съ чужеземцонъ.

Бог. (бѣгаетъ) Я пришелъ поздно.
Всерадъ убитъ. Умираючи все открылъ гра-
фону.

Нем. Кровопролитный, ужасный день!
О Всераде, когда бы я была на твоонъ
нѣстѣцѣ!

Явлєніє десѣтое.

Родославъ, прежннѣ.

Род. (унымый, безъ шапєи и са-
блн; говоритъ до Вегумиле, кото-
рый отходить) Немиро! прости мнѣ!
а тебе оспорбилъ!

Нем. Мое? — Богу молнсь о прощеніи!

Род. Якъ могу я до Господа Бога
воздвнгути тнѣ руки, которыми дмнѣтся
отъ крови невинныхъ! — о мой другъ Все-
радъ! — (тронутый до плача) — Не-
миро! ты несчастлива, но не такъ якъ я.
Разсуди, смели бы ты всѣ твои надѣи,
всѣ твои радости возложила на человѣка,
которого твое сердце немъ всѣни избрало
и пренде всѣхъ возлюбило, такъ смально,
горячешо любоню, и теверъ ты бы видѣла
себе прельщенною, видѣла, якъ его сердце
отъ тебе отарцается. —

Нем. Правда, то болюсно! но смели
бы я видѣла, что мои радости, мои надѣи
исполняются, что избранный любовникъ мои
чувства воздесть, и теверъ смерть —

Род. Умолкни! я тебе разуню! не го-
ворнть о томъ. — Ты сама видншь, что
я не могу тутъ долне пребывать; что пе-
редъ нѣсколько годннннн я восхотѣлъ. те-
неверъ исполннть надобно. Я уже повалѣлъ
моей дружннѣ, чтобы тотчасъ готова была
въ дорогу.

Нем. Родославе! лучше останься ты,
мене пусти. Я знаю, что мене не видѣти,
будетъ для тебе благодѣяствнѣ.

Род. Такъ мыслишь? — Се, Немиро!
ты сдѣлала мене бѣднѣйшнннѣ человѣконъ,
а однако — о!

Нем. Я иду, графе! мой видъ побум-
детъ те до гнѣва.

Род. Нѣтъ, не бойсь ничего. Во мнѣ
такъ тихо, такъ студно, якъ когда бы
ничто во снѣгѣ не возмогло больше мене
розгнѣвати или угнѣмнть. Слухай Немиро,
все что нѣтъ, оставле тебѣ м'твоому смнѣ,
дабы хоть не сомалѣлъ о томъ, что назы-
валъ мене отцемъ. Я знаю, что будншь чест-
ною, доброю матернѣю, однако я бы хотѣлъ
его преноручнть наднрннннѣ моего друга стар-
ца Ничая. Нехай мене теверъ туда сопроло-

иметь и буду печевати въ Ничаевомъ дворѣ. Завтра рано придетъ съ Богумиломъ назадъ до тебя. Соглашайся?

Нен. Для чегомъ не шила бѣ и согласишься? — Благодарю ти во имени моего сына Емелин будетъ мнѣ любить и моить наставленіемъ поинноватися. — Тотвои память будетъ ему салта!

Род. Ахъ! мено! мено! нѣтъ надобно нти. Скоро будетъ все къ отъѣзду готово. Я не знаю еще тебѣ: бывай здорова! (отходитъ) (Прод. слѣд.)

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ ЛІТЕРАТУРНАЯ.

Изъ западной Галичин 20. Юніа (2. Юніа.)

Прочена въ „Вѣстнику“ ч. 44. гдѣ, гдѣ, что молодой и уталантованый Редиторъ „Лили“ при доброй волѣ своей, вымываетъ се зрѣненьемъ изъ длинного нѣтъ въ своемъ обществѣ слова, исполняется снорие, изъ тогда догадаться можно было. Иллиана бо три числа той часонини отлучаются — по намену вѣзюю прохорошени и любозамыслии, а что найважнѣйше, во жизни притическіемъ вкладываютъ и для ней душе полезными сочинениями такъ, что любезныи мнши сострижи, для которыхъ сіа часонова преимущественно признаочеи, лучшей и отъвѣтнѣйшой ниши душевной желати немогутъ, и что тіа, которыи по руски читати оца неуютъ, того уме для сеѣ ниши душевной научити бы се повинни. Ахъ — изъ были бы имъ счастливыи, если бы носѣднѣи слова наша во были бѣтъ дѣйствиа! — Русскимъ силно теперь сказать негутъ, что въ трехъ словѣхъ — въ концовѣ отношеніи отличныхъ — часоиска и нѣтъ прилогахъ всѣтъ своемъ родилинѣи нишу душевую достарчать.

М. изъ А.

ЗАМѢЧАНІЯ ГОСПОДАРСКІЯ.

Зеленкивание Овошей на Конюль.

Винни, агресть, порички, палими и пр. задриваются на конюль, вылаиваи тіа въ особенныи шиланнѣи посудѣ, сырѣ бутылки, сухія и крѣвкіи, которыи полны укс., илии съ винонъ мѣнависнѣи кори дротонъ либо саллимиъ шлаготонъ обезуваты, почеть конда бутылки тонко швонъ

обезнова, одна обоиъ другой въ нѣтъ или рондѣи глубокоиъ водою до залуронѣи бутылкии паванононъ на полдѣиъ огни чрезъ нѣтъ годнии паркиса. По увероніи, посудѣи изъ огни вымиваются и бутылкии изъ нихъ до совершенного остудѣиаи остаиваются. Въ тотъ часъ вымиваются бутылкии зѣ водою, отгратѣи и обсушиваются; порки обмиваются сполоиъ, и въ сухонъ и холодоиъ нѣтъкѣи свериваются. Употребляи гѣтъ овошей на конюльи либо галарету подобоетъ паразъ къду бутылку употребляти, ибо отворонъ изтапуганаи парокъ изъ бутылкии испустии скоро, сего рада бутылкии реалнѣиъ величностѣи выти наленити.

Полезный способъ вымыть огурцовъ изъ огнѣи либо соли. Огурци въ огнѣи вымиваются винниѣи подобоетъ только соли дробнии и мезурѣи; а поотнѣивати парѣици и выскребонни рѣннии сиути или палими залываются дѣлретоиъ въ устѣкъ нѣтъ годнии, чтобѣи силна, отонъ шивати, а сѣднѣишеи вторѣи огнѣи, водѣискаются въ тоиши огнѣи. Теперь вымиваются всѣ на решетѣи, обоиъ овошѣи изстѣи, укладываются въ горшкѣи, салѣи поснимываются, и такъ чрезъ 12 до 24 годѣи остаиваются, потонъ разводѣиаются на сунѣи, водѣиску, всѣ сунѣиъ натарѣиаются и въ посудѣи (шиланонъ) слою наидлучно въ порѣковании изобразниъ укладѣи. Двои посудѣи потраиваются одробноиъ прѣицу, дѣлѣи бѣиовонѣи, черевонѣи перѣи и шалѣи таларниаи храу; на тои все кладѣи прѣиъ утѣисканѣи въ ворѣдкѣи елнѣиъ обоиъ другонѣи, верѣици огурцовъ, потонъ слоѣи верѣици дѣлѣи бѣиовонѣи, перѣи, шиланонѣи и проч. дѣлѣи, изъ кѣиаи посудѣи ненаполняются.

Теперь вымиваются огурци отонѣи горѣициѣи прѣиѣи добро съ солѣи заварѣиати и сѣиивати. Когда на огурцахъ испустиа, отѣисывается, слоѣи заварѣиаты, и вѣнѣстужонѣиъ, поотрѣиѣиѣи огурци заливаются. Потонъ слоѣи сѣиивается, до шилнѣи заварѣиаты, изтаиваются, и во рѣѣи третѣи совершенно испустиающѣи огурци водою залѣиваются. Ворѣицѣи огурцовъ стѣлѣи дѣлѣи винниѣи, и тоиѣи пригати и во салѣиции вртѣиции или салѣиции прииспособленнии, въ салѣи (винниѣи) салѣиции, прихѣишати дѣлѣи чрезъ годѣи три. Кѣида со зренѣиѣиъ зелѣиѣиъ пообалѣиѣи, сѣииваются юшѣи, а сварѣи съ алѣиѣиъ слоѣи на огурци заливаются. Дѣлѣи достраданѣи зелѣиѣиъ изыскиваютъ и лучше удерживаются, або алѣиѣиѣи елѣиѣиѣи и очерствѣиѣи.

Зрідли і великі огурки не довго із огні втримували баче, сего ради тія лучше солені при-
способляються. Вибрани із двя погодами безь ко-
ростешь витираються сухощь и розстелени на ово-
лоді или на володі чрезь ноць ставляються. Во-
дом споласкивають зле естє, або калю сал-гива-
ють. Вь другой дню укладати огурки верста-
ни тьшо сволью возможно и безь утветовія съ
листвьшъ вивешивати, черешневьшъ, провощь и дроб-
но повесити, верхинкани виноградниши із чисту
барилку (ізъ шиня найлучше), котора, наповнена
листвъ речивьшъ способомъ, потомъ споро задим-
ваютьсѣ. Потомъ варитєса вода съ солюмъ (по шала
воши) и висту: она съ частємъ оуту винного сѣхи-
вогєса и те все глївоу до барилки, которой оба
дня добре засохивають, али словомъ заливаетсѣ,
и чоть добре затиснетсѣ. Тьшъ приспособлени огурки
выставляють чрезь нїскольдо днєв на солнце,
окопавши отъ слоты и дожду и сподешво обер-
таютьсѣ съ барилкомъ; тьшъ чинотъ вивьтєса скоро
и въ 14 днєш унотреблятьсѣ погущь. Саритани ізъ
сухошъ вистєш найлучше сухошъ спєшєшъ трєвантєш
безь вощєрєдєнія до году и далєе. Когда вивьтєш
способомъ вивьшєш огурки обдїавать, саласкива-
ютьсѣ, порохивать, горькитєш и влєтєш, понутиш
лишо отъ вольнєш годовєш унотреблєний чинъ при-
способлєнія огурковъ оказалєса приттєчєснєш великєш
полезнєш, або тьшъ всєрєдєнієш пригнотєш удер-
живаютьсѣ зелено, добро, вкусно и полено акъ бы
теперь вьбрали изъ огорода. (Прод. гла.) Я. Гр.

В С Я Ч И Н А.

— Словенскій глєварь дръ. Гугєль теор-
дєть, что причину розвожєнєшихъ въ послєднєш
прєшєш случєшєш слухавєстєш вь занєроту глєвомъ
кучєш: единствєно глєдєтєш вь смьчєш курєнія сѣ-
гарь, которєш дєтєш, когда дужє салєннєш и найше
дуситєльнєш дїєтєшєтєш вєдєлієш на ноць.

— По вєстїиному исчислєнію вивьтєш вь ав-
стрїйскєш дєржавєш 3,694,896 душъ грєчєского
вєрєстєволенєш, а те 1¼ милїона вь Угоршєш,
800,000 вь Сєнєггалєш 400,000 на вєдєшєшєш по-
грєчєшєш.

— По унєдєнію астрономовъ, обдїавать вивьтєш
єсєш Бєгъ дєстєш лєкєтєш—мєш 1856 и 1860 го-
довъ великєш вєновєш, котора тольєш єшєш 300 тьшъ

вєдєтєш и бывалєш вощєрєдєтєш для всьшъ вєрєдєтєш.
Слєвєнскїєш астрономъ Гершєль опредєлєтєш прилєтєнієш
єш на годъ 1848; когда одєшєш вь томъ году єшєш
не вєдєтєш, сталєш вєстїиномъ астрономомъ на ново чє-
слєтєш и вєрєдєш али вєрєш прилєтєнієш єшєш мєш 1856,
и 1860.

— Нїєнскїєш смьчєш не сохрєвєтєш такъ долго,
кєтєш тєш, вєтєрїєш занєдєтєш по вивьтєш шєстєского
прилєчєнієш. Такъ во вєрєш влєдєтєш римского кєр-
єш Валєрїєна вь сєрєднєш III вьтєка, когда мєшєш 15
тьшъ трєвалєш, завєдєно смьчєш вєсєтєш во вивьтєш по-
нєрєшєш чєрєноєш одєтєш и тотъ смьчєш сохрє-
вєтєш до вивьтїиного днєш.— Такъ и стрєннєш чєш-
єш, котора вєрєдєтєш чєрєш Карєну вь нєчєлєш VI
вьтєка, бєшєш вєновєтєш смьчєш, которїєш вєдєрєлєш по
вєсєш Карєнєш. Когда бєшєш кто нєбудь зарєвєтєш бєшєш
сєш болєзньєш, вєчєлєтєш зєвєтєш и вєхєтєш. Для того
прикєлєтєш нєшєш рєкєсїєш Григорїєш V, дєбєш всєшїєш,
вєшєш тольєш зєвєтєш вєрєрєстєшєш, и когда нєчєтєш
нєхєтєш, дєбєш другїєш гєворєшєш єшєш „во зєрєвєш!“
Отъ того вєстєшєш смьчєш вєдрєвєнієш, когда кто нє-
хєтєш, и сохрєвєтєш у всьшъ європейскїєш вєрє-
дєтєш не вивьтїиш дєшєш.

— Рєдєш Рєтєнєєлєвєш стєбєлєшєш вєдєвєно
до дєсєтєш рєдєш обєсчєлєтєш сєсєго орєнїєного вьтє-
нїєш. Изъ унєчєнєнїєш рєсчєтєш вєстєшєтєш, что
єшєш рєдєш вивьтєш 250 милїонєш рє. срє.

— Нїтєш найше слєво вь слєвоєшєшєш вємєш,
вєтєрєш бєшєш такъ рєзлїчєно вєтєрєвєрєвєлєшєш изъ слє-
во: чєлєвєкєш. Имъ Русинєш вивьтєш чєлєвєкєш,
Рєсїєнєш чєлєвєкєш, вь стєрєослєвоєшєшєш нєслєзєш
чєлєвєкєш, Пєлєнїєш, Чєш и Слєвєкїєш вєтєрєвєрєвєтєш
чєлєвєкєш, Сєрбїєш и Хорвєтїєш чєлєвєкєш, чєлєвєш,
чєшнєш, чєлєвєш, глєкєшєш тєшєш чєлєвєш и чє-
шєш. Мєлєнїєш сохрєвєтєшєш тєшєш слєво нєгодєш на чєлєкєш
а Чєрвєгорєш на чєлєш. Сокрєщєноєш члєкєш унє-
тєрєбєлєтєш у нєшєш тольєш вь зєвєтєшєшєш вєдєшєш
єшєш „и те члєчєш!“

— Мєрєшєш Рїдєкєш вивьтєш 38 орєдєнєш
отъ рєзлїчєнїєш дєрєжєш європейскїєш, вь тєшєш
єшєш отъ вєчєтєшнїєш обывєтєлєшєш 26 гєрєдєтєш вє-
стрїєскєш дєрєжєш.

— На вєбудєвєнієш чєшєш єго вєрєдєного зрє-
лїєш вь Пєрєдєш сєбрєно дєсєтєш изъ сєлєдєтєш вєсє-
гєш 97,102 зр. срє.

(Слєдєтєш 30. Чєсєш „Пєучєнїєш Чєрвєнєкїєш“)

Издєнїєшєш и тєшєш Иєстїтєтєш Стєврєнєнїєнїєного
Обєчєтєлєнїєш Рєдєкєтєш Бєлєшєш А. Дєдєкєш.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Середу два листы, во кнѣт годовою въ Листоу 4. зр. 40. пр. к. н. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. н. — Желающимъ четвертаточно получить платитъ въ Листоу 1. зр. 10. пр. к. н. на почтахъ по 1. зр. 30. пр. к. н.

УТВѢЩЕНІЕ.

Пылало солнце Палестини,
Князь подвигный, ариъ злои,
И вальтъ устоили вершиши
Сребрилась силой полевою.

Быль честь, когда во виснѣт краи
Дождикъ алмазникъ брызнулъ днѣи,
Тѣмъ ари-краиникъ смался рани
И башни Проловихъ тѣи.

Съ пріятной шуррою кадила
Пѣтъ краиа голось алыгальтъ:
Тотъ голось былъ — весь низиш, весь сила —
Тотъ голось души вымывальтъ.

„Кто каждетъ, кто гонитъ блдои,
Кого отвергулъ горамъ нѣр,
Со Мѣ... Я нѣлои водои;
Ке Мѣ, кто немоиетъ в сирѣ!“

„Въ носѣт учиникъ свиренѣи
Есть вѣчнѣи алычъ — воли живои!“
Тѣтъ въ шумѣ народнои дикнѣи
Дѣтъ свѣщеннѣи голось тои.

И тоиго голось — зовѣтъ въ отчизнѣ —
Еще къ въ камѣ вымывальтъ вѣтъ
Пѣтъ алычѣи волюи живѣи
Подушнѣи челоуѣи.

В. Галицка...

ВСТУПНОЕ СЛОВО

Всечестнѣишого Г. Михалѣ Кузенскоиго,

Предсѣдателя на заведеніи комисіи управленіи
иной строеніи Народнаго Дома и другой го-
родской Церкви во Листоу днѣ 26. Чертви (8.
Июня) 1853.

„Благороднѣи и свѣщеннѣи Господнѣи!“

Важна зайшла потреба загалнои со-
браніи цѣлои комисіи предстоищей сар-
ванѣт созданаго Народнаго Дома и
другой городской Церкви сирѣснѣи, а тѣи
есть: окончнѣильное рѣшеніе касательно ста-
тутовъ Народнаго Дома.

Закнѣтъ однакѣи до того наиважнѣишо-
го предмета переидѣтъ, не отъ рѣчи бу-
детъ дѣланіи комисіи и нѣиши важнѣишии
произшествіи отъ послѣднаго загалноиго за-
сѣданіи въ Числохъ 52, 53 и 54. Зора съ
г. 1852. описанаго корейтѣи. Почту отъ ре-
ботъ предпрнѣиатнхъ около Дома Народна-
го и Церкви. —

Собраниа комисіи по ухвалѣтъ зѣ днѣи 25.
Чертв. и. г. препоручила Выдалова занятн-
ся, дабы поставилѣтъ былъ покровѣтъ на по-
крахъ Церковнѣихъ, дабы ихъ отъ дальнѣи-
шоу поврежденіи охорошнѣи. Дахъ тѣи,

никъ чести и имени Господина възвѣстно поставленъ, — а проза того рассмотрѣно, чи устоитъ сводъ (склепенье) во Церквѣ. Показалось, что той сводъ остаетя нежить, а въ томъ случаѣ ожидайтъ бы ся значный выдатоки при отбудованіи Церкви. Дабы однакожь въ томъ отношеніи калмонъ забезпечатся. Видалъ незадумитъ въ своемъ часѣ въ томъ предмѣтѣ отнестися до високого правительства съ прошеніемъ, дабы оспотрѣ урядовый приказати велѣло.

Тогорочныя работы ограничавтсѣ, акъ рачь сала того вынагоитъ на дальное внутренне вывораженье той части Дона Народного, потера подъ дахомъ стоить. — Важныйи вопросъ заходилъ: акій нитаетя дати гзисъ и кие украценіе знаніе употребити. — Касательно гзиса предложилъ зодчій Видалоа свой выворкъ съ нзаніемъ, что въ такомъ великолѣпнои зданіи вынадасть гзисъ выношии дати, а новеже гдѣ-некоторые члены Видала нзанія были, дабы гзисъ съ блахи дати, акъ есть на дое риднень во Львовѣ — то займѣя потреба зсѣягнута рамд золтихъ во Вѣднѣ.

Съ порученія Видала отнессѣ а въ томъ предмѣтѣ до всечестнаго и високопренодобного приноманина Господина Дмитрия, а той високодостойный нуть, кетерий своего народолубіа такъ много лезивозѣ далъ, радо запласъ таиъ предметонъ, а несозавѣзавиши съ зодчииа престоельного града Вѣдки советавалъ такомъ канонный дати гзисъ.

Тенерь такуютсѣ комнаты во внутрь, выпроважавтсѣ оередній стѣи и далителомъ притоголовеніа до всталоеніа гзисовъ, а при той работѣ кудрехой уделовлено столѣриа рада оложъ; — входы выпроважавтсѣ валиншиго — и такъ при помощи Божіей надаломъ, а наду кудр. сторону, кетора подъ

дахомъ стоить, передъ занюю цѣлкомъ совершити а до вынаштіа приадагодити.

По ухвалѣ загального собранія комисиі велеласъ съ високииъ правительствомъ дальшая пересправа касательно найми реченои части Дона Народного на школы. —

Въ сладствіе отбывшой комисиі одержелъ и рѣшеніе високой власти школьной съ лия 30. Вер. 1852. — Ч. 5169, кеторое Вашниъ Всечестнастиъ до вѣдомости подаю. Оно есть сладующее:

Високопочтенный Господина!

При изслѣдованіи, кеторое относительно но удобства создавемого приле Дона руского народного Института къ помашенію образцового голошного училища комисио-нально предиривалосѣ, тоо вышло, что, если бы поникнуто училище въ вышшійиъ своемъ состоаніи съ обома годима четвертой классы тутъ умѣститисѣ никакъ, потребно бы было обиталища третьяго новерха занати, кетори однако за високо лѣжатъ, чтобъ при возрѣннѣ на сохраненіе здравія ученикогъ на классѣ школьнии употребитисѣ могли.

По даниюму Вашемъ Всечестностію комисионально изреченіи изветъ третій новерхъ быти легко пристушииъ выгодими всходами, и такъ изветъ удалитисѣ съ одной стороны сіе аеудобство, а съ другой стороны употребленіемъ обиталищъ третьяго новерха на учебниа сала для уже возрѣтшихъ ученикоъ обокъ годовъ четвертой классы. Тенерь однакожь, когда еще попланутыи входы совѣсть не суть поставленны, а вообще устройство внутренниихъ обиталищъ Дона еще завале поступило, не можно судити, нежесть ли упомянутоо неудобство въ сумѣствѣ совѣсть или удаловное поставитисѣ.

Въ сихъ обстоятельствахъ дальшее изслѣдованіе относительно чинна за уличеніе образцовой головной школы въ приле Дома Народнаго Института на время пересыается, ажь или дальшииъ созданиенъ Дома сужденію о удобствѣ его возможно будетъ, или же ажь учрежденіенъ полной высшей реальной школы во Львовѣ и съ тѣмъ соединенное уменьшеніе потребности для образцовой головной школы сему изслѣдованію иное дастъ основаніе, о чѣмъ Ваша Всечестность уведомяется.

Останьсь съ совершеннѣишъ почтаниенъ Вашей Всечестности преданній слуга
Львовъ, 30. Септемарія 1852.

Голушевскій.

Съ того взгляду пераравна была дальша пересырава, но теперь, коли чала часть Дома Народнаго уже окончатся. Видаль отаратся будетъ, пересыраву тую съ высокииъ правительствонъ отновити.

Тутъ поставитъ Предсидатель вопресь, подобаетъ ли въ томъ предметѣ отнестися письменно до високаго Праавительства, или досить будетъ попытати устно? Комисія ухваляла: подати письменное предложеніе. После того читаль Предсидатель дальше:

„Ухвалено было такожь на послѣднѣишъ засѣданіи удалтиса до високаго Праавительства съ прошеніенъ, дабы собраніе складокъ на Домъ Народный, которое початково на три лета созволено было, на чѣстъ неопредѣленній ростиагнута, чтобы тѣмъ способенъ честити Родинацнъ и Народолубцнъ дати возможность, до того общенароднаго предпріянія. — которое они до сихъ поръ танкихъ летъ ради восирати не могли. — причинтиса.

На тое прошеніе прійшло слѣдующее рашеніе високаго Праавительства краевого съ дня 16 Сянца г. р. Ч. 12.046, которое Вашнхъ Всечестностяхъ дословно сообщамъ:

Высокопренодобный Господине!

На прошеніе съ дня 16 н. н. удалтиса комисія занимающейсѣ созданиенъ рускаго Народнаго Института и другой городскѣи Церкви созволеніе собраніе складокъ на помянутыи члн въ доселѣ введенои способѣ продолжати, и завѣдомляю о томъ центральнѣи зарѣдъ стану облоги, яко и ц. н. региментовой командѣ канцаріерн.

Увѣамъ, что окромяшнго приказа до урядовъ окружннхъ въ томъ предметѣ не потребно, попомо въ зѣмннхъ приказахъ до нихъ подѣ днень 4 Лютого 1850. Ч. 1198. изданнхъ, чѣстъ на ннѣи тое прѣжде созволеніе на собраніе складокъ рестиагнати ннѣтѣ, означеннѣи не былѣ, того ради и предостовела округовъ попомо воступити себѣ будутъ ажь до того времени, коли той приказъ отлнчатся. Останьсь съ совершеннѣишъ почтаниенъ Вашного Высокопренодобна преданннхъ слугою.
Львовъ, дня 16 Сянца 1852.

Голушевскій.

Тое рашеніе подѣтѣтъ въ справозданіи комисія за годъ 1852 до обной задоности съ прошеніенъ до достохвалннхъ собирателѣи, абы дальшииъ собраніенъ жортъ благосклонно заннлнся.

Прѣпоручено такожь было Видѣленн съчинити возваніе, чтобы любители народнаго просвѣщенія благоволили прислгати забити древности, книги, монеты, н. пр. — Тое возваніе оме немылагожнко, — Видаль старатиса будетъ прѣпорученіе тое оушеставити.

Всечестностиаъ Вашнхъ извѣстнѣи, что честннѣи и достохвалннѣи прѣходѣтъ Старой Ягольннкн, Петрѣ Моданьскѣи, на Домъ Народный и Церковь городску три гмѣлчи ре. ср. шортвова, которыи всѣчестннѣи и високопр. Шнорнкѣи, На-

настникъ Чортковскій 14 Жовтня 1852 до
касси народной сложили. —

Таки динки выагодитеса благодарствен-
ное письмо до честного дотела съ продо-
жкельнъ, въ який способъ даръ той кон-
сія употребити а для того честного мужа
во наняти Народу рускому отъ реда въ
родъ передати возназаритъ.

Касательно сосновихъ колодъ, которы
благородный Господинъ Зелинскій, вла-
ститель Любичи для Дома Народного въ г.
1850 дароваль. отнесся Выдаль до Все-
честного Намыстника Петелицкого а ожида-
еть его отвѣта. —

Выдаль войшелъ въ узламъ съ наследни-
кани жены с. и. священника Блажковича;
танчасово за азаниннхъ пороужлоненъ по-
ставлено испольный заралъ той реальности и
прерочено честному а пренодобноу Г.
Шавликовъ. приходнику Березинъ тѣмъ де-
ломъ занятися. — Выдаль въ своенъ вре-
мени консію заводонитъ о дальнихъ про-
кахъ въ томъ предметахъ предпринятыхъ.

На теперь испоню только, что съ при-
ходеть той реальности прерочено потреб-
ни рекарбіи починати. —

Водою такожъ Всечестностямъ Вашнихъ,
что Его Превосходительство Преосвящен-
нншій Митрополитъ и Прикасъ благово-
дилъ вселаскаво будовничій материалъ на
Домъ Народный и Церковь даровати. Въ
сладствіе того отнесся быль Выдаль до
заралу добръ митрополитальнихъ, а положе-
ние многіи заходниа трудность, той мате-
риалъ съ лесовъ горскихъ випровадити и
на мѣсто спровадити. Его Превосходи-
тельство благоволилъ вселаскаво въ мѣсто
того материалу дати 500. рс. ср. — Есть
то поесе доказательство шдроты и благо-
склонности Его Превосходительства, кото-
рый оделаетъ пось Его Превосходитель-

ству именомъ руского Народа глубочайшее
благодареніе изъвати, а у Всевышнего
е иногда лата для Него просити.

О состояннхъ складокъ Вашн Всечест-
ности изъ оголошенія въ Зора отъ часу
до часу завьдоятися могутъ, а изъ спра-
веденія за годъ 1852, которое въ корот-
нонъ времени выагодитеса и до обной вь-
донности подаетса, Ваши Всечестности узна-
ють, что складки на нашъ Домъ Народный
въ сравненіи со складками на общеполь-
ныи предпріятія въ нихъ краяхъ заводо-
ннши не уступають. И такъ приведу ино
складку въ Чехахъ на Зрелище Народное,
котора (Дойдъ Ч. 140 зъ г. 1853) съ кон-
ченъ Мая т. г. выносила вписаныхъ 97.122.
рс. 28. кр. ср. а салаченыхъ 42.929 рс.
28. кр. ср. ино того, что въ Чехахъ
населеніи запожннши, и что тамошннхъ вель-
ножи съ значительными дѣтнми, бо по
шесть, нать и чотыре тысяча присту-
вали. — а наши складки хотай на коненъ
жертвы ограниченны, уже до теперь надъ
40.000 ср. выносить —

Дало взглядонъ записъ с. и. Стани-
слава Галинського и записъ с. и. Сте-
блецкого еще не укочено: а оба тіи
предметы ведутса во Львовъ; первый въ про-
куратуръ Финансовъ, вторий въ шляхоцнонъ
судъ, а Выдаль незалншаеть о ставъ до-
тмичной нересарамъ отъ часу до часу свѣ-
дыватися. —

Достохвальннй Магнстратъ нѣста Ду-
лины, далъ уже послѣднюю нанку изъ жер-
тованыхъ на Домъ Народный 500. рс. ср.
Выдаль видѣтса споводованнхъ, той чкнъ
достохвального реченого Магнстрата до все-
общей подати вьдонности. —

(Конецъ свѣдѣть.)

**§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО-
ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ
ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖествѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII.
ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.**

(Сочин. Антон. Потуремскаго)

(Продолженіе.)

Послѣ отшествія Татаръ, хищные Лятовцы стали снова беззаконно Русь своими набегами, убивъ Мазовецкаго князя Савоита, впали они изъ Мазовіи въ предѣлы Княжества Владимірскаго; но Василько разбилъ Литовскій шайка на берегахъ озера Невельскаго, и послалъ брату Даниилу богатую добычу въ знакъ победы (1262). Того же года съехался князь Даниилъ съ сыновъ своихъ Львовъ и Шарнонъ, и Василько съ сыновъ Владиміроу въ Тернавъ съ польскими князевъ Болеславу и по словесъ нашего летописца „положиша рядъ межъ собою о землю Рускую и Лядскую утворившеся престолъ честнымъ и тако роздѣлишася зосвоиса 93).

93.) Городъ Тернава или Терновъ (по Ермол. списку) стоялъ тогда безъ сомнѣнія на рубежахъ Польши и Руси, гдѣ съехался русскіе и польскіе князья и постановили договоръ о земли Русской и Польской, следовательно упомянутый городъ надо искать въ вытѣшенной западной Галиции, гдѣ до сихъ поръ находится столько селеній сего названія, и даже городъ Терновъ. Последний городъ для своего положенія, могъ быти въ самомъ дѣлѣ определеннымъ мѣстомъ създа, когда сообразить то обстоятельство, что въ Ермолевскіи списки (Ипат Лѣт. 203.), вмѣстѣ Тернавъ чтется Терновъ (Tarnów), и что тотъ же городъ въ XIII. вѣкѣ былъ въ самомъ дѣлѣ разрушенный городомъ; ибо по свидѣтельству малопольской грамоты короля польскаго Казимира В., 1354. года, данный Юанну Павелову въ награду городъ Ржешовъ, съ его окрестностями, обра-

Между тѣмъ возобновилась истреба на Литва. Литовскій король Миндоугъ и Подольскій князь Товстивалъ были коварно убиты (1263) и въ столь значительнѣе княжество снова водворилось ядовитѣе зло, покровительствуемое сестриницею Миндоуга, Тройницюю, бывшииъ управителемъ Желоты. Однако, къ счастью Руси, оставилъ Миндоугъ сына нисенъ Войшелка, который господствовалъ въ Новгородѣ, изгнавъ оттуда Романа Давидовича. Войшелкъ былъ замчиникомъ, какъ свирѣпый тиранъ, владалъ почти въ прови немнѣннхъ жертвъ; но сделавшійся ошо за жизни отца своего Христианиномъ, смягченъ Истинною Вѣрой Христовой, возненавидѣлъ даже самую власть тирану. Въ томъ намереніи отправился онъ къ Даниилу Галицкому, преставилъ внука его Юрия Львовича, и отказывался отъ сана, сталъ жити въ обители Полонинской Пугуена Григорія, наконецъ не возмогши дойти въ Авооскую гору, возвратился онъ къ берегамъ Нѣмена, гдѣ близъ Новгорода основалъ Монастырь, и въль строгую монашескую жизнь 94).

(Прод. слѣдуетъ.)

зовалъ издавна русскіи князья опредѣленную область, и простирающуюся за зѣмля далече за рѣку Висловъ. Сн Codex diplom. Leo Rzucewskii L. p. 203. „*hoc Kasimirus... domino Iohanni Rascolai (sic) et suis posteritatis... opidum Reschovienae cum suo toto districtu, in terra Ruaniae situm, secundum quod antiquitus apud Serenissimos duces Russiae extitit trinitatum... quorum limites incipiendo a gadibus terrae Sandomiriensis videlicet a villa Dambrawa que ad terram Sandomiriensem nunciat ad iacere... conferimus perpetuis temporibus*“ ~ Впрочемъ Терновъ упоминается уже въ 1326 году, и принадлежалъ крѣпостному Волчанъ Савидиру возмещену его по степень городъ.

94.) Ипат. лѣт. 201. По селѣ на селѣ (изъ Терновъ) ииушину лѣту одному, и по осень убитъ

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

*русскій приходникъ изъ Соломяки.
Новость, какъ самъ онъ повѣдалъ.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

(Продолженіе.)

Цѣлый день шли мы узкою дорогою по межъ горенъ, и погружались въ размышленія надъ нощю горькою судьбою, которая, отъ времени моего переселенія въ Соломяку, такъ жестоко мене гонѣла, котора и теперь отобрала мене последнюю надежду на пощочъ брата, и терзала мою болѣзненную грудь чувстваніемъ жалю надъ несчастливою родиною, и воегодзаніемъ надъ копною прагани!

Уже солнце сокрылось за горы, когда мы, выхвативши съ собою скалы на продолговатую долину, увидѣли родное наше село, Перенятку! „О, здравствуй!“ воскликнулъ и словами Шмидона: „здравствуй, страна, где ты родился; помнѣла въ которой ты

бысть великій князь Литовскій Миндовъ, са-
подержецъ бысть во всей землѣ литовской...
Батько же у него сынъ Войшелкъ не алчелъ;
дщерь же отъдъ за Шварра за Давиловича до
Холма; Войшелкъ же нача кланити въ Ностъ-
городѣ, въ поганствѣ буда, и нача проли-
вати крови много... Поссѣлъ же видѣ страхъ
Божій въ сердце его, помислилъ себе хотѣ
прити святое престолю; и престола ту въ Но-
вгородѣ и нача бити во грѣшнствѣхъ. И
поссѣлъ емо Войшелкъ до Галича въ Дави-
ловъ князю и Васильюви, хотѣ прити нѣ-
скій члвкъ; тогда же Войшелкъ хрести Юра
Давича; чоме отогнъ емо въ Половицку во
Григорьеву въ монастырь и постражесе во
церквѣ, и бысть въ монастыри у Григоря
3. лѣта отогнъ же поиде въ свѣтунъ Ге-
ру... Войшелкъ же во нощю добѣа до Со-
тѣй горы... и праше оцѣтъ въ Новгородѣ
и учини себе монастырь на рѣкѣ на Итнѣ,
иже Латвою и Ностыгородомъ, и ту на-
заше.”

возделанн; гнѣздо, въ которое согрѣти и
воспитаны; воздухъ, которымъ дышали; зе-
мля, где лежать кости отцевъ нашихъ, и
куда ноговъ мы сами идемъ! Здравствуй,
родное село мое Перенятка!”

Мы вѣхали въ широкую улицу, и мой
Феодоръ залѣлся рясини елезани; бо такъ
на боку, стояла маленькая хижка, въ кото-
рой онъ родился! Мы дождали къ приход-
ской церкви, и нѣзъ закрутились въ оцѣхъ
слова бо уразъ хату, въ тоторой на свѣтъ
прійшель, въ которой уверилъ отецъ и мати!

На крыльцу стояли братъ и его жена и,
познавши мене за первиѣхъ возрѣзюмъ, ры-
нулись въ мои объятья. И долге не погъ
никто изъ насъ промовити слова; уста на-
ши молчали, но трепетали сердца! Къ намъ
выбѣгли и дѣти, двое дѣвчатъ помѣншихъ,
и одна постаршая; когда отецъ сказывалъ мнѣ,
что се пріѣхалъ стрій Игнатій, прыскачили
она по мнѣ съ радостью и цѣловали по ру-
камъ.

Вшедши въ коняту, долженъ былъ я
розказывать на ихъ вопросъ о здоровьи
родимъ—ахъ, и о поведеніи! До поздней но-
чи слухали они конхъ еповѣданій, и едва
верити могли, абы одинъ человекъ былъ въ
состояніи вынести столько ударовъ несправ-
ной судьбы. Наконецъ розказалъ я ихъ
вчерашнюю новостъ нашего обоимольного же-
братанца, и они заловили руки съ отчаяніемъ
„Ахъ!“ воскликнулъ мой братъ, „а думалъ,
что тыи грошныя ноговъ я тебѣ въ несча-
стїи, о якожь сказывалъ намъ нивный сынъ
твой,—а она неважли въ злодѣйскія руки!
О, несчастливая Праксодо! якую несправе-
дливость сотворилъ я тебѣ, что отдалъ опре-
деленное тебѣ имя невѣрному человеку!”

Я утѣшалъ ихъ о сколько позволю то
предоставленіемъ, что обвинника можно по-
карить, бо онъ сидитъ теперь въ заточеніи,
утѣшалъ ихъ мыслию о Всемилостѣ Отку,

который утраты наши воздасть сторицею; но утешеніе нем не действовало въ томъ порывѣ ихъ пораженія. Когда однакожь повторилъ я имъ разъ еще коротко нем послѣдніи злоприключенія и сказалъ, пототъ, что немъ асѣхъ немъхъ несчастій, я по нимълся взры и надежды въ милосердіе и всемогущество Бога, и со смиреніемъ сердечнымъ и сопокоюмъ души яду еще дальшихъ судьбы гонимій: укротили они свое сѣтованіе, и принялись за вечернюю молитву. Таковы бо наши сердца, что если видить терпѣніе другнхъ, стаета в немъ счастье сноснѣйшихъ, и утѣшеніе, поданное намъ въ гора горюющихъ усмиряетъ насъ найзрѣйше. После второго куржнія пошли мы спать.

Сонъ нашъ не тревалъ долго, бо взволнованными чувства мѣшала намъ отчаинаюкъ. Одинокъ занятъ я, что братъ я вса его родня поздравилъ мене на доброе утро съ розвеселенными лицами. Пототъ пойшолъ я съ братомъ до церкамъ, где усѣвши себъ съ дякономъ въ крылосѣ, спывалъ нѣкъ старинного Служебника. Такъ спывалъ я когда то, въ томъ же самонъ крылосѣ, кождой недѣли во время ваканціи и въ праздники рожества и Воскресенія Христова кокъ еще при олтара священнодѣйствовалъ старинскій нашъ Отець!

Мы вернули до хаты на снаданье, после которого войшли снова на взгорье немъ старинныи сословныи дерева, куда бѣгали бывало маленкыи хлѣбчичики! Тутъ заступились мы въ пріятныи разговоры; я рассказывалъ брату о действованияхъ Русинювъ въ Галичину, онъ немъ о состояніи братіи нашей на Угорщинѣ. Изъ его разговорювъ узвѣрилъ я, что угорскіи Русины ннзютъ относительно къ изобразованію родного языка, весьма лучшее направленіе, нежели, яково есть оное у некоторыхъ галичскихъ братей.

„Мы беремъ,“ говорилъ онъ немду прочимъ, „изъ простонародного наречія все то, что сохранилось у него часто и сходственное со старорусскимъ языкомъ: прочее же новороденное или заимствованное изъ кадарского, словачкаго или вѣлошкаго языковъ отвергаемъ безусловно и вѣдетъ того прідаемъ изъ старорусского, утверждая, что историческое надобно исправити а чужое отдати чужимъ. Лучше бо своя стара сорочка, якъ чужій жуванъ. И такъ не творилъ аю народу, который хотя отъ части позабылъ говорить частою бесѣдою праотцювъ, но если мы, учителя его, теперь немъ заговоримъ, онъ приобщитъ себъ ему, якъ доросмій языкъ розумнхъ словъ покойного Деда. Языкъ церковный дороже намъ всего; онъ сохранилъ столько языковъ наше зароснаваніе. нашу русскую жизнь, русскую душу и сердце; онъ отараталъ насъ отъ себъ пропасти, которая у насъ опаснѣйша была, якъ у галичскихъ братей. Для того почитаемъ, любимъ и восхваляемъ ннмъ якъ драгоценнѣйшихъ памятникомъ намъшихъ Отцювъ, и черпаемъ изъ него, якъ изъ неиссякающего источника, живую воду слова, чтобы утолити свою жажду за свѣтломъ науки и знаній, яко снѣтъ немъ сосѣднни народи. Что же касается новаго новыхъ словъ, е которюкъ немекнуть ты немъ, любимый брате! у насъ такового граха еще не знаютъ; и узвѣряю тебе, что если бы кто дерзнулъ акии чудовнша ковати, то хотя бы не заперла его въ тюрьму, однакожь вса Русинаи наша пожелава бѣ ему яти—въ докъ стѣнашедшихъ. Нѣтъ у насъ таково диктатора, который велелъ бы намъ только такъ писати и говорить, якъ ему за наилучше кажется; у насъ диктаторювъ самъ церковный языкъ, которого вса дружкаи совѣтуется и радо слушаемъ. На той пути ступаеи въ верѣдь, и насъ соединяетъ одна цѣль, одна

вѣрѣ, одитъ змгнѣ, взаннван любовью и оди-
вописали!»

„Ахъ! воскликнулъ я, то ни тутъ ро-
зунимно нестудаете, якъ ни въ нашей гор-
деливой Галичѣ! У насъ свария за змгнѣ
такая, что и розунимнѣ люданъ нутитесъ въ
голова. Если въ прочихъ отношеніяхъ есть
такое согласіе, и одиписали по крайней мѣ-
рѣ на устахъ: то касательно змгнѣ владе-
тъ совершенное разстройство, ийрозлич-
нѣйшій нивизія, въ которыхъ иногда узнати
можно прайное невѣжество и кругомъ дура-
чество“

Такъ разговаривали ни, поки не позвано
насъ къ обѣду. При обѣдѣ владела тутъ та-
кая веселость, яка бывала всегда у моей ро-
дини; тое только было розличіе: что мои
братаннички и говорили во руски дадеко луч-
ше якъ всѣ мои дѣтя.

А происходило то изъ той причины, по-
неже моя родина принуждена была иногда го-
ворити по польски, дати же брата бесѣдовала
всегда только по руски. Мой братъ сказалъ не-
къ еще къ тому, что еще лучше гозорать
такъ змгнѣ двѣ его сини, изъ которыхъ
одитъ, Андрей (не той поменнати Андрей,
который мене во Львовѣ обокрала) есть въ
Пештѣ купецъ, другій Деміянъ окончива-
еть са. Богословіе въ Ужгородѣ: прекрасно го-
ворать такожъ двѣ старшіи его дочери, ко-
торы обѣ за священника въ тойже онар-
хіи. Моего брата, подухалъ а себя при томъ
случаѣ, неблагословилъ Господь паторью дѣ-
чатами, и двѣ уже выданы счастливо, тре-
тья видѣть зануе еще сего года; а у
дѣте есть ихъ всего только двѣ, да и съ
танъ видѣть а уже довольно хлопотовъ.

Послѣ обѣда рѣшились ни съ братомъ
ахати до одного его богатого соседа съ
танъ намереніемъ, аби постератисъ о нуж-
ни для мене гроши. Уже дадала брачку,

уже вывели коней, когда въ сю же минуту
заахалъ на подворье хорошей повозъ а съ
него выскочилъ — о диво! — Павъ Раевичъ!
Я не могъ полати, откуда онъ тутъ звался;
но вскоре вывелъ онъ насъ всѣхъ изъ того
недоуманія.

Вошедши въ коняту, и представившись
учтиво поску бриту и его жемъ, приступилъ
онъ съ обыкновеннымъ радуміемъ ко ни
и сказалъ позакно: „Прендобный Отче!
благонзвольте извинити мене передъ достой-
нымъ вашимъ братомъ и его рединою, что,
яко незнакомый ниъ человекъ, девишу а
захати сюда безъ приглашеній съ ихъ сто-
роним, безъ зношенія съ моею; взинните,
поноже дѣло, которого ради и сюда при-
былъ, по тернитъ ни валайшой проволоки и
касаетса васъ самого. Ото, вы прирекли пе-
редъ нѣскольکو двани Долинскому сейчасъ
отдати вашъ невеликій долгъ, а однакожъ
слова не сдержали, бо уже четвертый дѣнь
иннулъ отъ уславленного срока, а васъ
нѣтъ въ Соловлянцѣ, такъ нѣтъ, Долинскій
отъязняетъ позавтра за границу — на всег-
да а пасильно желаетъ отъ вашей несчаст-
ливой родни грошей.“

„Яко?“ спросалъ я съ удивленіемъ.
„Долинскій отъязняетъ за границу? и то
на всегда?“

„Такъ, прендобный Отче,“ отвѣтилъ
Раевичъ, „онъ рѣшила насъ опустити на
всегда, поноже въ Соловлянцѣ нѣтъ уже
для него ніякого дѣла. Тамба, котора продол-
жалась 13 лѣтъ, рѣшена и въ нѣизмѣной
истаціи въ пользу его противника, и Павъ
Долинскій товаръ — безъ салъ а безъ из-
сточки!“

„Кто же тотъ счастливый противникъ
ого?“ ниталъ я съ недоуманіемъ.

„Я салъ, прендобный Отче!“ отрѣкъ
Раевичъ, „я проведниъ наследникъ по по-
койвону Отцу, и въ вомъ пользу рѣшена дол-“

голтная тѣба. Но о томъ розсказу вамъ поздѣйше, теперь говорю, какъ успокоити тѣхъ скорше вашего заимодавателя. Откровенно скажу вамъ, что прїѣхавши позавчера до Солоникъ и дождавшись отъ родни вашей о всемъ ея несчастїи, хотѣлъ я сейчасъ отдать отчаянному Долинскому за васъ 500 рѣнскихъ; однакожь онъ пренебрегъ моиъ предложенїемъ и рашительно молветъ гроши свои отобрати отъ васъ самого. Для того не можеть тутъ сдерживатися, но еще мыа должны пуститися въ возвратную дорогу. Если желанимъ грошей не прїобрали вы дотолѣ, я дамъ ихъ вамъ сейчасъ охотно, скоро только изволите сей невеликій даръ отъ мене прїяти."

Въ сию пору незналъ я, тѣхъ больше радоватися, такъ ли, что Раевичъ сталъ пишеть понащикомъ, такъ ли, что такъ нечаянно пашель я нужнии для мене гроши Розумается, само собою, что предложенїе Раевича прїнялъ я съ восхищенїемъ, в сей же часъ сталъ извѣщать передъ нямъ: что ради оного двозначнаго писемъ къ сострашникамъ Долинского оскорбилъ я столь несправедливо его честь и своеволью пренебрегъ искренюю его прїязню.

Раевичъ прїнялъ извѣщенїе мое съ прїдымнѣмъ восторгонъ, и обшная мене по дружески, сказалъ съ чувствомъ радости: „О, какъ же благодарю небеса за то, что возвратили мнѣ прїязнь человека, которону преданный былъ я всемъ сердцемъ, который, будучи обольщенный невѣрными подозрѣнїемъ, оверзергнулъ мою дружбу! Ахъ, благородный Отче! вы осуждали мене тогда несправедливо; мнѣ писемонъ хотѣлъ я избавити дочь вашу отъ погубади, котора ей, логковарной, угрожала! Вы толковали себѣ доброе мое наизрѣнїе никакше, и унеслись противъ мене глупомъ. Но вы безвѣнны, бо мое писемъ было какъ и потонъ чрезъ

многочасное перочтенїе удостоверялся, истину двозначительно; весь грѣхъ падеть на мене самого, понеже тогда, въ своемъ огорченїи, не открылъ вамъ вѣрнаго смысла въ оспорившемонъ писемъ, и такамъ делонъ не подалъ вамъ способности, узнѣти истину. Отъ того произошли потонъ всѣ ваши несчастїя, за которыи я только самъ отвѣчати буду передъ строгимъ судомъ Божиимъ! Оби мена Богъ созволяеть еще на сей часъ вознаградити вамъ сіе оскорбленїе, которое тяжелимъ бременемъ лежитъ на моеи совѣсти! О, неспашайте благородный Отче! неспашайте съ мнѣю до Солоникъ, и созволяеть мена исправити мои погрѣшенїа!"

Я рашительно противорѣчалъ его извѣщенїю, яко бы онъ былъ причиною какъхъ несчастїй; вопреки, всю вамъ прїнялъ на свою вѣспальчивость при случѣе спору за дѣсть, на свое логковарїю, съ акимъ прїнялъ дѣстными слова недобрѣхъ людей.

Межи тѣмъ, когда его не много отвѣчалъ, и мнѣ, не теряя дорогого для насъ времени, поиращались съ радушимъ братомъ и любезною его родникою, съи въ повозѣ Раевича и поехали возвратною путїю до Солоникъ. На отъздномъ обшарѣ я мнѣи брату писати къ мнѣ частѣйше и хотѣ бы еще разъ передъ смертїю прїехать до родниой Перонетки. Мой братъ и его родниа прашали насъ еще изъ далека вкложени и движениими рукъ, пока стоимъ при дорогѣ хаты ихъ совѣтъ для насъ во зѣпримъ.

Когда выехали мы на боловь, оглядывался и безустанно не за себе, и смотрѣлъ на родниое село, съ чувствомъ жалю; когда възникали ны мнѣи горы, возрѣлъ я еще разъ на Перонетку, — и слеза поирачила мои очи! Я салалъ; ахъ, бо можеть въ послѣдїй разъ въ мнѣи житїи

видать тогда тебе колбелъ моя, родная
Перепятко!... (Конец. слзд.)

Н Е М И Р А.

Трагедія въ пяти действіяхъ.
(изъ *Валлового* со палаторіала перемалана)
(С. Олуфріссена)

Явленіе одиннадцатое.

Нелера, Людовика.

Амд. Са. Николаю! какъ онъ отиѣнил-
ся! Я едва не плакала про него. Не прав-
да ли Немиро, смели бы онъ быть всегда
такимъ, то не было бы до того дошло?

Нем. О мое сердце едва ни не пуанеть!
смели бы онъ быть на мене наваль якъ бѣ-
женный, своею ногою мое горло притопталъ
своимъ саблемъ въ мою грудь потакуль, о то
не было бы мене столь болѣло; но такъ
протезали туда (указуячи на сердце)
его слова якъ княжичи капли! ахъ! Людо-
вила, смели бы и не требовала обавляти-
ся; что мое умасное предувствіе сбудет-
ся; те и бы его сердечко къ себѣ принима-
ла, его удержала, мои слезами его серд-
це розмагчала; но смели наше супружество
пермае преступленіе. — О нѣтъ, нѣтъ!
добро, что онъ отходить. Мене саму да раз-
дераетъ горе! только и себѣ на тое за-
слушила! — Скоро Родославъ отъѣдетъ, пу-
стится къ княжичъ того человека, отъ ко-
торого Всроадъ получилъ цѣнь и саблемъ.

Явленіе дванадцатое.

Володисла, преставіа

Нем. Где ты былъ мой сыну? Ты сиу-
щешь, ты плакалъ!

Вол. Такъ, нано! и только плакати у-
нѣи, ками ни что болѣтъ. Я видѣлъ, якъ
мой отецъ убилъ бѣднато Всроада. Тое нѣтъ
отонѣтъ всегда передъ очима.

Нем. Значь ли, что Родославъ нѣтъ
отъѣдетъ?

Вол. Знаю. Богуниль родаетъ уже о-
руміе.

Нем. Ты шоддешь съ нинѣ до Нача-
евого дворца.

Вол. Я? О нано!

Нем. Яко? ты не хочешь?

Вол. Хочу, хочу! И забуду уже о
Всроадѣ!

Нем. Ходить теперь молити Господа
о благословеніе для путешественниковъ! —
Ты ему всѣмъ обьязаетъ; онъ научилъ тебе
должности благородного человека, и поло-
жилъ въ состояніе, ихъ соблюдать. При
комдонѣ добромъ дѣлѣ нинѣ его въ намя-
ти. То тебѣ каму тутъ, что скорше и бы
тебѣ протѣмла, смели бы ты былъ мать
прокланялъ; немели когда бы ты былъ не-
благодарнымъ къ тому, который далъ те-
бѣ больше немели нинѣ. (отходить)

Явленіе тринадцатое.

Подворье.

Родославъ, Богуниль, чление дружина.

Род. Смели кто изъ васъ будетъ чего
на дорожѣ требовати, да говорить со мною
отаровенно; я не хочу, чтобы дружина моя
терила недостатокъ. Премде всего будьте
въ согласіи, любитея яко братія и защи-
щайте одинъ другого. Когда придете до
великого войска въ Украину, то покажите,
что и вы вѣрными сынами Руси, готови за
нѣру и отечествою кровь пролити. Наша до-
рога далека, тягостна и опасна, для того
вопрошаю васъ еще разъ: хотите ли мене
скотно оспрошати въ Украину?

Всѣ: Охотно! Все неробудемъ!

Нѣкоторые: Мы того ждали... долго
спали!

Род. Хорошо, мои друзья! Теперь на
конѣ. Ѣдте до Начая, и скоро за вами
послѣмъ. Во имя Бога!

Друм. Ура! (отъѣзжаютъ)

Род. Богумило, где ты, который оста-
нулся дома?

Бог. Вот омидают ваших прика-
зю — Графиня!

Извѣстія четырнадцатое.

*Немра, Володяно, Людомила привели
им доора до прижики.*

Род. Вот, Немре! люди къ твоимъ
услугамъ. — Се ваша новелительница. Будь-
те вѣрными и послушными. Въ семь ю-
ношъ узнайте моего прощника и сына.
Во вѣрномъ Богумилѣ почитайте моего дру-
га, а въ Людомиль дружку вашей новели-
тельницы. Теперь бывайте здоровы! (от-
ходятъ) Тебѣ, Володинку! только ка-
жу: Люби людей, и Богъ будетъ тея лю-
бити, повиныйся твоей матери, и будешь
уиылъ нѣкогда повелѣвати; даскательни
только гнумайся. Прийми сію саблю отъ
мене въ наметку (перепикуетъ его
меньшею саблею) Богъ дай, дабы ты
не употреблялъ ю во асень по моему прикѣ-
ру. Ты пойдешь со мною до старого Нача-
я, который тея хоронити будетъ отъ розврат-
ности; повиныйся ему, тея принесеть те-
бѣ пользу.

Нем. (до Володка) Проси благослове-
нія!

Род. Мы еще не разлучаемся.

Нем. Я хочу видѣти, акъ будешь ты
его благословити (Вол. приклоняетъ
колѣна.)

Род. (обиниаеть его) Да изліеть
Господь на тея благодать въ обилии и ве-
детъ тея во всѣхъ стелъхъ туземного стран-
ствованія и исполнитъ вокаинъ благорозум-
нымъ твоимъ прошеніямъ въ пользу твою, твоей
матери, твоего отчества и возмаритъ въ
сердцахъ людей такую къ тебѣ любовь,
якая во нѣхъ излаетъ. О истинно! сія чу-
дная кровь моему сердцу дорожна, немалъ

моя собственная! — Теперь, Немро?

Есм. Что мой нуму? Чего хочеть мой
друго?

Род. Не поцѣлуешь на розуку мо-
е нумъ и мена?

Нем. Родославе!

Род. Га! — И вы Людомила! будьте
здоровы на всегда! — хади, хади! (уле-
каетъ Богумило)

Вол. Мамо, бывайте здоровы, до митра!

Нем. Богъ съ тобою! иди — скажи
твоему отку, все, о что я бы его просилъ
было бы, дабы е нѣ забылъ — (голосно)
не вѣки забылъ! Поцѣлуешь на розуку
яко нумъ и мена! акъ я тея погла, кам
и боюся, чтобы тея поцѣлуй неседѣла-
ся незаконнѣ. Ежели бы оиъ сказалъ, акъ
другъ и дружка, тея обьяла бь его не-
редъ Господомъ. Акъ Людомила! тея не
болеть, что слово нумъ и мена ииъ роту у
него вырвалося. Ты знаешь, ако нумъ былъ
оиъ тиранъ, яко другъ — ангелъ! (снуп-
но бросаетъ за нимъ поцѣлуй) (П. с.)

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Въ Вѣдан вышло снѣи для истовозанно
сочиненіе сѣ. и. И. Келара „Славянская Стѣ-
ро - Италия или вѣсеніи и доказательства о слав-
янскихъ элементахъ въ землиахъ, исторія и эт-
нологія вѣдѣвѣнскихъ рѣкнѣхъ и сѣдѣнскихъ ш-
родовъ, съ которыхъ встаетъ, что нѣхъ вер-
робитимиа истовозаніи Италия такоиъ Слѣ-
вно численно находилася.“ Сочиненіе тея
пользуется тѣмъ удостоеніемъ, якииъ мало восторо
гордятся мочетъ: Его Величссіе императоръ
имѣиъ Императъ приналъ посвященіе оного на Слѣ-
ою особа и порежалъ родитъ славного Поевѣнн
драгоценнѣиъ брѣлѣннѣиъ перстѣиъ. Оио видѣно
вѣннѣлннѣиъ ивѣннѣннѣиъ водъ вѣдѣннѣннѣиъ и
акѣннѣиъ науцъ въ Вѣданъ вѣснѣиъ излѣннѣиъ и
отѣннѣиъ. Съ порученія Его с. пѣннѣннѣиъ дѣлъ вѣннѣннѣиъ
А Баха даровано вѣннѣиъ сѣ. и. Келара 250 вѣннѣннѣиъ
напрѣтъ того сочиненія и оставлено сѣ до волѣ, ре-
порѣннѣиъ нннѣиъ, акъ се оиѣннѣиъ вѣннѣннѣиъ. Любо-
вннѣннѣиъ славянскѣиъ старннѣиъ пореоручаетъ предснѣннѣиъ

ное Колдрово сочинение, это наилучшее в томъ родѣ и составленное на слухъ историческимъ дѣльщикомъ.

— Слова астрономическаго міра, уравниль Наринской звѣздари, Фр. Араго умрѣ для 14 сего мѣсяца.

ЗАВѢЩАНІЯ ГОСПОДАРСКІЯ.

— Когда паша озимину. При рѣшеніи вопроса: должно ли спорше или послѣднее озимину жать? волобѣтъ угадывать на то, въ чѣмъ желаетъ и употребитъ. Зерно, опредѣленное на пашнѣ, должно на нѣя хорошо дозрѣти, aby достати могло всю силу, ака для прозѣбанія и возрасту потребна. На тошъ волю, гдѣ озимина наилучше ведется, и наилучшее зерно на пашнѣ обмѣщает, не поше спорше жати, пока зерно и стебло совершенно не дозрѣло. Инакше дѣтся со збожьемъ, которое ужитися имѣтъ на домашнѣя потреби, на луку: такое збожье должно спорше жати, во анхъ 10 или 14 дней передъ совершеннѣмъ дозрѣнїемъ стебла и зерна и то къ сладушкамъ врѣчатъ: 1). Раздѣлятся тѣмъ способомъ работа козацѣтъ, что при жонѣ забуду господарствѣ немалыя приносить выгоды: 2). зерно хорошее вередъ временнокъ изловѣтъ беззамере больше нуки, акъ зерно, которое совѣтъ дозрѣло. Такое зерно доставтъ грубую лушину, озъ чего выдѣтъ въ нѣмѣ больше струбъ и поше нуки; 3). Солоня къ збожью, предъ врѣмемъ изжатою, есть ака горѣтъ для спожити далеко пожитиѣша, неволы солоня, котора на нѣя выскѣла. О томъ пометъ увѣрѣтисъ господарѣ, ака срѣзаетъ солоня съ того же поля въ раздѣльное врѣмя изжату; озъ найдѣтъ, что солоня сожатою вередъ арешенитъ озимину (ташовъ и арго-го збожью) значительно таина в озъ того и пожитиѣша; 4) При споженіи спожонѣ изъ поля зерно не такъ луно смѣлѣтъ, акъ тогда на нѣя совѣтъ дозрѣло; хотя зажити половаѣтъ, что и прекдѣрѣнне сѣкате збожье должно наленито выскѣтѣ. — Одна неспрѣтѣность, ака при озимнѣй вередъ врѣмемъ изжатою случается, есть та, что въ домашнюю пору спорше срѣзаетъ, акъ зерно хорошо на нѣя дозрѣло. Но въ такнхъ случаетъ поше завобѣтъ тому злому чередъ прирѣдѣнное изловѣдѣне изжатою сожннѣмъ. Намѣнѣтъ еще преворучаетъ нашнѣ господарнѣ, ака стали и они ужити при споженіи збожья, такъ озимно

акъ и аргѣ, пакхн изъ грубого волотнѣя которы разпрѣстрѣются на снодѣ и во драбннѣмъ везевѣ и до которнхъ зерно при нападѣннѣ въ полѣ и полѣ частъ везенѣа вытрѣсенѣо, неспоредѣнѣо сѣбарѣтся. Большому господарю вылатитѣся та-ковѣа пакхѣа, чередъ сѣбореніе зерна, уже въ верѣотъ рокѣ двѣократѣо.

ВСЯЧИНА.

— Съ волотнѣе того мѣсяца паксѣтъ во Вѣднѣ въ театрѣ омеръ и балету ослѣпѣлѣа шпанскѣа танцѣра, Пѣ-пата де Олива, котора во аскѣа большнхъ оверѣдѣскѣа герѣдалѣ поспѣрѣла голѣмъ лѣнннѣмъ и шнѣтъ. И воистнну, судѣа объ еѣ осѣбаннѣа: куда только прѣдѣтъ и гдѣ только стѣнѣтъ паксѣтъ, возбуждѣтъ такъ чередъ свой тѣнѣтъ, акъ еше больше чередъ свое надѣобѣтѣннѣеа простѣа востѣрѣтъ и убѣжаніе и лѣнннѣа, заветъ и шнѣннѣа у нѣтъ. По той прѣчнѣа случается часто во врѣмя зрѣдѣннѣмъ прѣдѣлѣнѣа, что тогда лѣнннѣа на славу еѣ паксѣтъ въ долѣнѣ. ослѣпѣлѣа нѣнннѣа жнѣнѣа надѣобѣтѣннѣа неудоѣлѣннѣа. Въ Ннѣннѣа еѣтъ таковѣа о еѣ прѣдѣннѣа, что тогда нѣтъ во нѣрѣдѣа, возмѣла въ соѣбѣ нѣбу славуа зерѣнѣа, котора прѣдѣлѣла пакѣдѣнѣа Пѣ-шнѣа, что „заверѣтъ голѣмъ аску сѣбу“. Прѣдѣлѣннѣа обмѣнѣа, — и ны прѣсѣтъ только Бога, дабы та сѣтѣоудѣннѣа танцѣра не жѣлѣла тогда случнѣа — до Ассѣнѣа!..

— По нѣмѣннѣа нѣнннѣа нѣтъ паксѣтъ въ Австраліа жѣлѣа въ нѣбѣа 20.000.000. дукаѣтъ, паксѣлѣа того, что тогда паксѣтъ въ рѣнѣа пожитнѣа шѣрѣннѣа, ака нѣтъ в пр. Брѣмѣа добывѣннѣа жѣлѣа болѣеа дуно пак-ннѣа; такъ прѣдѣрѣнѣа въ нѣмѣннѣа Балѣрѣа одѣу 134 оуѣнѣау брѣу, котора въ Карѣа прѣдѣа въ 13.000.

— По метѣа пакѣдѣннѣа тогда те рѣднѣа грѣческогѣа Царѣа жнѣтъ спорѣннѣа въ Лондѣнѣа. Хотя во врѣмя ослѣбѣдѣннѣа Грѣсѣа не ужнѣа во прѣнѣа поѣнѣа давалѣа Царѣа и паксѣтѣа во грѣческоѣ прѣстѣлѣа нѣнннѣа рѣднѣа, ака нѣтъ теперь паксѣтѣа пакѣдѣннѣа дошннѣа въ еѣ оборѣ-нѣа, и говорѣтъ за еѣ прѣнѣа. Кѣтъ те послѣднѣа изъ царскѣа рѣднѣа Коннѣнѣа, котора до жнѣнѣа Царѣа чередъ Турѣнѣа 1453г., пакѣтъ еше до 1562г. въ Трѣксѣнѣа, а от-тѣду ужнѣа до Корнѣа и въ грѣснѣа прѣнѣа срѣдѣннѣа съ Бур-бѣннѣа. Отѣтъ пакѣдѣннѣа прѣдѣннѣа Днѣннѣа, ужнѣаѣа былѣа за Англнѣа Хѣѣ. орѣннѣаѣа зерѣнѣа, грѣннѣаѣа парламентѣа за прѣдѣлѣннѣа поѣнѣа Царѣа Трѣксѣнѣа, и во врѣмя пакѣ-ннѣа случнѣа въ арнѣа пакѣа Коннѣа.

ИСПРАВЛЕНІЯ.

Въ Числѣ 20 стор. 219 стр. 25 въ первомъ передѣлѣ нѣтъ оборѣтѣа и нѣтъ обѣдѣннѣа.

(Сздѣтѣ 21. Числѣ „Поучѣннѣа Корѣннѣа“)

Издѣннѣа въ типоѣа Инѣтѣату Стѣворѣннѣаѣннѣаго
Отѣдѣлѣннѣаѣ Рѣдѣктѣа Бѣдѣнѣа А. Дѣдѣннѣа.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедѣльно въ Середу для листы, во пятъ годовою въ Листовъ 4. пр. 40. пр. к. н. — съ почтовымъ поросилкомъ 6. пр. к. н. — Жалованіа четвертрово получить платитъ въ Листовъ 1. пр. 10. пр. к. н. на почтахъ же 1. пр. 30. пр. к. н.

ЛЕБЕДЬ, РАТЬ И ШУКА.

(Весна.)

Когда въ товарищакъ соглася нтъ:
На задъ ихъ дѣло не войдетъ,
И выйдеть нтъ него не дѣло, только мука.

Однимъ Лебедь, Рать и Шука
Взлетъ съ товарищакъ воезъ влялися,
И разомъ трое всѣхъ изъ него аспрылися;
Изъ коны глзуть вонъ, а возу все нтъ ходу:
Товари бѣ конь одинъ зогонько востъ;

Но для тѣхъ трохъ иривного тутъ залоду:
Бо Лебедь рвется до небестъ,
Рать сунется назадъ, а Шука тигнетъ въ воду.
Кт. вивозатъ, кто правъ, — судитъ ось не ванъ.
А только воезъ и вынѣ такъ. К.

ВСТУПНОЕ СЛОВО

Всечестнѣйшого Г. Михаила Кузеньского,

Председателя на засѣданіи комисіи управленіи строеніемъ Народнаго Дома и другой городской Церкви во Львовѣ для 26. Червня (8. Января) 1853.

(Заключеніе.)

„Якъ Вашниъ Всечестнѣйшій вадонъ, сочинили и издали честиа Питонци Семинаріи Перемисльской книжку подъ надписомъ: „Ларвакъ“ въ 1000 экземпля-

рахъ. и отрутинши видивеніе издаваніа, калый накладъ на Домъ Народный жертвовади. Выдаль постарался тѣи экземплари порозсилити, а въ своенъ времени выкажетъ приходо за цѣлое издаваніе. —

Питонци Львовской Семинаріи оставили въ минушомъ году сочиненіе, каторое такомо на Домъ Народный жертвовади. Далце тое подъ заглавіемъ „Весна“ — ино что опустили печатно. Выдаль постарается, аби и тое далце розойшлося, а въ своенъ часъ отрутинши издерки выкажетъ чистый зыскъ цѣлого издаваніа. —

На товора Выдаль честитиъ и достохвалитиъ питонцакъ такъ Перемисльской ино в здѣшней Семинаріи искреннѣйшее извалеть благодареніе за ихъ готовость нѣмо общенародное предричаніе.

На внесенеіе одного изъ членовъ комисіи внесено, даби питонцакъ, такъ Львовской инъ Перемисльской Семинаріи внесено заслати благодареніе съ узнавѣнъ ихъ труда и народолоубіа.

По семъ читаль председатель слушншео:

„Также и Чест. Гос. Іоаниъ Фелисовичъ жертвовади на Домъ Народный 950.

эксциларовъ своего сочиненія „Наследованіе раздѣла неми русскійскія и русскія языковъ.“ Выдѣль въ своей частъ вынестъ сколько за туи жертву на Дожъ Народный собереть.

Чест. Гос. Николай Мигалчъ жертвовалъ 50. эксциларовъ сочиненного нитъ „Слова церковного;“ Чест. Гос. Келестянъ Скоморозскій, приходникъ въ Остаю 36 эксциларовъ изданного нитъ „Ерняка.“ а Господинъ Григорій Кульчицкій жертвовалъ литографованни эксцилары Божіей Матери и св: Николая, за которы 7. рс. 32. кр. ср. до немъ Дожу Народного вынулдо. —

Изъ того видно, якъ глубоко Русини возлиа мысль о Дожъ Народной, и съ якъ великимъ участіемъ ради бы содействовать до осуществленія того помысла. Такомъ долженъ я Ваши Всочестности завѣдѣти, что Чест. Тимошею Масиникъ, обитавшій во Львовѣ половину грунта въ село Вильковѣ въ округѣ Сяночковъ на него свѣдѣющаго на Дожъ Народный записалъ, а Преподобнѣйшій Провинціалъ Ч. С. В. В. отступилъ записъ должную на 200. рс. ср. у приходника Жукотинского Юрія Турского належащихся. —

Взглядомъ обонкъ тѣхъ предметовъ отшеса Выдѣль до освѣтлой и всочестнѣйшой Консисторіи Перемишольской. —

Мало есть нева такожь завѣдѣти Всочестности Ваши, что промѣ жертвъ изъ грошахъ, надослають и нимъ предмети до Дожу Народного. Межь тѣмъ занимаетъ первое место даръ Всочестнѣйшого Господина Александра Духовича, Члена Прашевского собора приломать в Архидіакона Сянокого. Сей глубокоуинный нуажъ и преризрадный ревнитель о славу руского нисни прислалъ на собственнии ономъ издержки до Музея народнаго значительное количество

ископаннихъ (минераловъ) и для народной Нунизатки завѣсть старихъ монеть, неми которми много еше со времѣтъ римскихъ императоровъ снаходится. Даръ той полученный съ даромъ благороднаго и высокодостойнаго Господина Сахера, соватника министеріальнаго и Директора Полиціи въ Празъ, ставивитъ красний початокъ Музея народнаго. — Такожь Ч. Ч. Г. Г. Альбертъ Геллеръ, Устѣнновачъ Николай, Шенюгій Степанъ, Жуковскій Іоинъ, Левицкій Игнатій, Трещакоскій Левъ и Ч. Гна Смотая, жена Навѣстника Олеского и П. Анна Тарнавска жертвовали по несколько старихъ монеть до Нунизатки Народной; а Ч. а П. Госн. Величковскій прихедникъ Солотвини прислалъ кавалки рознаго ирущу ино матеріаль на званн до Церкви.

Всочестнѣйшій и Пренод. Госн. Сембратовичъ, вице-ректоръ Сепциарія въ Вадю при отъѣздѣ своей даровалъ до библиотеки народнаго шаю съ книгана Чест. Гос. Улицкій, бывшій Заступникъ въ Заруднекъ 9. даль состоящихъ изъ 18. томовъ а Ч. Г. Михаилъ Виницкій, приходникъ Милонанъ одну книгу.

Выдѣль принялъ тѣи жертвы съ искреннѣйшій благодареніемъ, надѣясь что достохвальни родинци, уваженни о нихъ а наслѣду достохвальныхъ дѣтелей съ подобнии жертвами свѣтитися будутъ. —

Позоставъ немъ еше и тое Вашнѣйшій Всочестностиаъ извѣститъ, что въ минушомъ году при отдаваніи тютюну въ Ягольницѣ 1.129. рс. 22. кр.; въ Заболотовѣ 379. рс. 31¼. кр. а въ Манастирскихъ 62. рс. 16¼. кр. на Дожъ Народный и другу городоку Церковъ сложено. —

Перомедиа важнойшія приношества приимчившіся отъ послѣдняго загалнаго за-

сѣдѣнія, вертаю до головѣйшаго предмета нижняго засѣданія, о которомъ заразѣ съ почткою я напишю.—

Высокое министерство, дарючи Рускии старшии библиотеки и всуучилища на Донѣ Народный и другую городскую Церковью приквало, дабы статута Дону и Народного Института составити и до затворженія предложить.—

Извѣстно Всечестностиѣ Вашимъ, якіи трудности въ составленіи тахъ статутовъ заходили. Опускою вся неросправи въ томъ взглядѣ ведены; но многихъ парадакъ и всесторонней розважъ предлагаетъ Выдаль тѣи статута Всечестностиѣ Вашимъ до одобренія.

Невѣрку потребы тѣи статута снова отчитывати, бо отъ году въ многихъ отпискахъ тѣи въ рукахъ некоторыхъ членовъ находились, а про тое каждый имѣлъ прося надъ ними заставовитися, а въ конце послѣ заведомленія въ 16. Ч. Зори съ 1853. дожили статута тѣи отъ 14. дней въ Донѣ Народномъ, и каждому вольно было ихъ читати и свои призыванія дѣлати а понеже послѣ рѣшенія високаго Правительствѣа краевого съ днѣ 31. Мая т. г. Ч. 21.225. (зри 20. Ч. Зори с. г. на стор. 216.) статута Дона Народного скорѣйше вылогодити и Его Величеству предложитися имѣють, то украсяю Вашимъ Всечестностиѣмъ взывати свое кнѣзіе, ча тѣи статута въ томъ отъ Выдалѣ составленномъ видѣ високому Правительству предложитися имѣють — чи можеть кто якіи призыванія взывати желаетъ. — Я изъ стороны Выдалѣ нио тое еще додати должеть, что Выдаль немогъ еще согласитися на Печать, якую бы Донѣ и Институтъ Народный прибралъ. — Выдаль легко надъ тѣмъ застававалъ и радилса, однакожъ рѣшительно не определялъ еще. Предложено было въ правдѣ несколько на-

черковъ, однакожъ Выдаль на надежѣ стое несогласилса. Межъ ними предложенный былъ такожъ съ каленіемъ 1848 года а въ четирахъ полкахъ его, знамена различныхъ вещей, изображаюици главѣйшии дѣли тогѣо всенародного заведенія. — Тотъ вечеръ многожъ неподобалса, имено съ той причиною, что переполненни пола креста не красно выдаются. — Многіи были за тѣмъ, чтобы приняти на печать святого, которого бы покрову вручити и калее заведеніе. Отнежъ прошу Всечестностиѣ Вашимъ рѣшити той предметъ. Другое обстоятельство, которое въ тѣхъ статутахъ еще не найдется, есть тое, чтобы въ статутахъ было выраженно заступство заведенія противъ високаго правительства и третіихъ лицѣмъ. Я бы радилъ, препоручити Выдалови, дабы той обдумалъ способъ желанного заступства а тѣмъ уулогодити статута предложилъ високому Правительству.—

Прошу Всечестностиѣ Вашимъ о тѣхъ точкахъ изъяснити свое кнѣзіе, и свою ухвалу Выдалови до осуществленія препоручити.

По переговорахъ относительно некоторыхъ опредѣленій и наликъ исправленій въ Уставахъ Дона Народного ухвалено, чтобы Выдаль снесилса съ людьми правыми, обдумалъ способъ заступства народнаго того Института на противъ третіихъ лицъ и вложивши опредѣленіе тое въ своелъ вѣстѣцъ, уюнакутми устами високому Намѣстничеству областному въ скорѣи предложилъ съ прошеніемъ о благосклонное подвѣіе тажже Его Величеству одобренія ради.

Такожъ препоручала комисіа Выдалови рѣчь о печати, Дону Народному приличной, засагнувши созата людей, рѣчи сѣдѣнскихъ, по своему усмотренію уюнакути.

ОТЕЦЪ ИГНАТИЙ,

*русскій приводиникъ изъ Соломанки.
Поэма, имъ самимъ написанная.*

**ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕМАЯ
И ПОСЛѢДНЯЯ.**

Поврачавшись съ Переваткою, ахали ны узкою путію межъ горами до полуночи, пока вьсакъ свѣталъ влѣкъ въ дорожа и пока кони не извучились. На путѣ вымытывался я Развѣча, откуда произошло тое, что онъ изъ убогаго поета сталъ такъ несчастно богатымъ позыщникомъ? Хотя бо онъ вызналъ былъ уже впередъ нами въ Переватцѣ, что есть праведникъ наслѣдникъ асого извѣнія по покойномъ отцу; но я не могъ все понять. Языкъ правотъ владѣлъ его добрама чрезъ 13. лѣтъ Панъ Долинскій.

Пріятный сокутникъ мой рассказывалъ мнѣ подробно о всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся сего события. Изъ повѣсти его узналъ я, что онъ родился съ богатыхъ родителей во Львовѣ; что матеръ пострадалъ въ дѣтствіи; что по ея смерти ауналъ отецъ его Соломанку окрестами села и одно вѣстечко отъ старое Долинского, которому совзволалъ господеровать въ своихъ добрахъ дѣтелъ, пока самъ сюда не пріѣдетъ. „Мене же“ говорилъ онъ дальше, „выслалъ отецъ на восантаіе въ своену другу во Вадель, тамъ пребывалъ я до шестнадцатого года своей жиы. пока печальная вѣсть о смерти отца не возвала мене вьзадъ до Львова. Пріѣхавши сюда, намелъ я немъ нахрайна отца предсмертное завѣщаніе, писанное на два лѣта впередъ его смертію, въ которомъ нарекъ мене единственнимъ наслѣдникомъ всего своего иманія. Въ нѣсколькѣ дней одлакомъ прабилъ до мене старій Долинскій и указалъ другое завѣщаніе, писанное впередъ трома писавани въ Соломан-

кѣ. (куда ѣздилъ тогда упокоившіяся), коториѣ оставалотъ новѣ отецъ только 1.000 червоонецъ; села же вся и вѣстечко записуетъ на недодога Долинского, котораго нѣшто и въ честь хорошо знати. Къ тому сказано было въ сенъ второкъ завѣщаніи, что вся прежде, когда ни будь писаныи завѣщанія отцевы уничтожаются, и не имаютъ ніякого значенія. Оба тѣи докумен-ты писаныи были будьто собственномъ рукою отца; но добрама зивтовокъ оспориавли подлинность второго для того, пожеже не было въ немъ ніякоторыхъ особенныхъ знаменъ руки покойного. Отъ того распочались изслѣдствія, которыми однакомъ не можно было такъ скоро дойти правды. Мой опъ-кукъ распочалъ со старимъ Долинскимъ зодлякую такбу, а я показавъ възвизи свои 1000 червоонецъ, похалъ свѣтани, и указавъ себе богатимъ Паномъ гуалъ черезъ одинъ годъ съ веселыми друзьями. Мене такъ понерла старій Долинскій и мой опъ-кукъ, а самъ первого завѣдалъ въ Соломанцѣ. Не было кому вести за мене такбу — а я самъ прогуалъ уже свои гроши. Въ такой бѣдѣ опанатался и сталъ учитьсѣ нильно, зарабатывая себѣ на хлѣбъ насущній воспитываніемъ чужахъ дѣтей. Передъ нѣсколькѣ лѣты намелъ я въ Празѣ одного Чеха-друга, отъ котораго не только много научился но и получилъ розумныи советы, какъ такбу мою продолжать. Послушавши его советыкъ, зернулъ я до Львова и распочалъ старую такбу на ново. После строгихъ изслѣдованій открылось наконецъ, что второе завѣщаніе отцевое содлавано было тайникомъ старое Долинского, служившимъ прежде у моего отца. Тайника заточено, но онъ долго еще отпирался, пока наконецъ извученный гримною советью, не вызналъ своего преступленія и не потвордалъ оно свидѣтелямъ. Въ теченіи того време-

ни бывалъ я часто въ Солоняницѣ, желая склонить Долниского къ добровольному уступленію, абы такъ затерли послану его покойного отца; онъ не только противился сему предложенію, но росвѣчивалъ такъбу, уклоняясь несколько разъ въ мою пользу, на ново доказывая, что реченный тайникъ лжецъ и обманщикъ, мною подкупленный. Такъба продолжалась, но и въ высшей инстанціи окончилась она въ мою пользу. Еще то долженъ сказать я, что крива Долниского, не зная никто больше ни истинное мое имя, ни цѣли частого моего тутъ пребыванія; а укрывалъ ихъ изъ нарочна, абы не вредити славу покойного и безвѣннаго въ томъ дѣлѣ его сына. Теперь однакожь открытъ явилъ, что мой отецъ звался Раствевичъ, а я отъ того времени всегда только тою буду носати имя."

„Раствевичъ!“ воскликнулъ я, до старонъ Раствевича говорили немъ не разъ мои сосѣди, будто онъ передъ годи купилъ былъ тѣ села; но о его сынѣ розсказывали, что живеть за границею и ведеть главу съ Долнискини, о которой однакожь не знали ничего верного сказать. Ахъ, теперь уже вышелъ я изъ моего недоуманія, и радуюсь полнимъ сердцемъ, что Богъ подарилъ мнѣ такъ достойного друга!“

Послѣ такихъ розговоровъ звѣхали мы ч подвѣчи до одной придорожной корчешки на ночь, а на другій день, скоро свѣтъ, пустились въ дальнюю путь до Солоняники. День перелетѣлъ намъ скоро, бо мы бесѣдовали крѣпко, и ахали скоро.

Уже было около десятого часа въ ночи, акъ мы прибыли до Солоняники. Моя родина, дожидаясь мене, ещо не спала. Когда услышали дѣти завѣдъ повозовъ, выбѣгли изъ хаты съ восклицаніи радости, и воевали мене, цалув по рукавъ, въ Дьякову хату.

Давши намъ по много отпочати, стали они потокомъ жаловатись на Пана Долниского, который послѣ отъѣзда Пана Раствича до Перонитки, прислалъ ещѣчасно своихъ безсердичныхъ гайдуковъ ради грошей, и тѣ недобрыи люди были бы съ ними обходились, акъ некогда съ убогими селянами, кобы не сильная помощь Дьяка и добрыхъ нашихъ сосѣдъ. Для того радовались они дуже нашей приѣзду, зная, что Панъ Раствичъ яко теперьшній дѣдичъ Солоняники, изобавитъ насъ отъ жестокосерднаго гонителя!

Послѣ вечери пошелъ добрый намъ Раствичъ въ одному изъ нашихъ сосѣдъ и на другій день рано поехали мы оба къ Панду Долнискому, который готовился уже съ всѣмъ своимъ дворомъ въ вознакаренную путь за границу. Онъ стоялъ теперь съ главными видохи на крыльцу и хотѣлъ уже высилати гайдука къ моей родинѣ въ Солонянку. Узравши насъ, приступилъ восклицаній ко намъ, и сказалъ съ злобленіемъ: „Безвѣстнаи старче! отдай мнѣ гроши!“

Въ сию минуту готовился Раствичъ воздравити его удиромъ; но я воздержалъ моего друга, а выгнаши изъ за нѣдръ гроши, которыи ещо дома далъ былъ немъ Раствичъ, всунулъ ихъ въ руку Долниского и сказалъ съ хладнокровіемъ: „Вотъ, тебѣ твои гроши; пересчитай ихъ и алы здоровъ, куда тебѣ угодно! Дало немъ намъ конечно. — обѣ во ваа!“

Долнискій похватилъ надво свои гроши и ударившись о полногъ известной сущи, пошелъ, не говоря ни слова, къ своимъ людямъ. Показавъ отъѣхали мы въ Солонянку, где встрѣтили уже сосѣда изъ Верховники и нашего честнаго Подолнища, который едва вчера вечеръ приѣхалъ отъ своей родини до Верховники. Они знали уже о всѣхъ приключеніи и поздравали насъ съ восхищеніемъ.

Тутъ было радости много; и отъ того два преследовало нево — да такъ скажу — само только счастье! Едва бо имъ начинали притомляться къ одной счастъба, уже представляла вѣтъ другая. Со такъ случилось:

Равичъ или Раствавичъ — но нѣтъ та-ни все найидильше: Равичъ — переселился на другій день къ прекраснѣй дворъ, съ котораго выхажъ невправнѣй вѣстелинѣ, Намъ Долженѣй. Въ продолженѣи недѣля пристроилъ отъ внутреннѣи двора стѣны такъ, что мочь былъ уже прѣинати у себе гостей. Первыи гостѣи въ его домъ были я, моя родина и Верхованецкѣи сосѣды. Мы забавлялись прѣятно до позднего вечера разговорами, послѣ которыхъ наступила гудьба и пѣнѣ. Всѣмъ пѣлъ свою пѣсню: Наталѣи „Соловейка“; Аннѣи „Туга за маминѣ“; сосѣдъ изъ Верховники съ Подоланнѣиомъ „Маръ вѣнъ Братъя всѣмъ приносилъ.“ новую, прекрасную пѣсню юного поэта Гумалевича; и, сказати правду, всѣ были при голосахъ. Я, сидя коло фортепѣи, вторилъ полголосомъ всѣмъ пѣнѣи; и хотѣи кой вторъ иногда выхажъ чистота и звонкости юнѣи голосовъ, но по осмотра на то неа такъ дуже хотѣлось сказать со связующими! Таково уже врожденное пристрастѣе русской души къ пѣсновѣнѣи!

Когда всѣ со отличѣи рѣшили свою задачу: просили еще жена моя молодого нашего господара, чтобы и онъ утѣшилъ насъ пѣломъ пѣснѣи.

„Вотъ, прѣинкнула я себя!“ сказали моя Тетьяна. „а заставляйте — но намъ нашу балладу „о убогомъ Павцу,“ которую оладилъ пѣлъ такъ хорошенъко за нашнѣи огородеи — подъ березани!“

„Охотѣи?“ рожъ юнѣи намъ господаръ, „во нехотѣи вы ради бы услышати прѣделенѣи той баллади?“

„Ахъ, хорошо, хорошо! който прѣдолженѣи!“ воскликнули всѣ, и Равичъ усаживъ къ фортепѣи и заигради на кокъ прѣкраснѣи напѣвъ балладу, сказавъ выразительнѣи голосомъ слѣдующее онойко прѣдолженѣи:

Намъ юнѣи, убогѣи пѣвѣи пошелъ
За счастьеи въ далекую прѣпну,
За сердечѣи, но горе! нигде не выхажъ
Вѣнцу, актъ тую едину!

За нею тунилъ отъ и ночи и дни,
И все и любилъ яно прѣнѣи;
Но все отъ чуждѣи былъ для еи родни,
Съ кой нѣтъ не было вѣлѣдѣи!

Когдаи ену дѣло далъ Вышнѣи Отецъ,
И хажу въ странѣи родивнѣи;
Къ прѣнѣи одѣрулся намъ юнѣи пѣвѣи,
И такъ говорѣлъ отъ къ единѣи:

„Любовнѣи! скажи мѣи: ахъ, вынѣиши ли ты
Сю пѣсню мою умѣи,
Въ которой выхажъ ты свои мечтѣи?—
И дѣиу Управнѣи наду?“

„Скажи: ахъ, была ли вѣрѣи ты нѣтъ?
И любнѣи всегда ли однѣи?
Не въ нѣи ли за сердце твоѣи сторонѣи?...“
Дѣянѣи рѣла ену тако:

„О, чѣмъ! съ тѣхъ поръ, актъ пошелъ ты отъ неа,
Мѣи въ сердце такъ жалѣство стало;
Тѣи случѣи съвѣи Божѣи во вѣнѣи чѣстѣи,
А радости было такъ мало!“

„Незнаю, любовь то была, или жалъ
И тута такъ за тобою,
Котора вѣнѣи не въ сю прѣчную далъ,
Где такъ не хажу ты за нѣи!“

„О, нѣтъ!“ сказавъ отъ, „была то любовь,
Слетѣи любовь, безконечна,
Коеи прѣинѣишь нево нѣтъ спѣи,
Моеи ты голубѣи сердцеи!“

„Теперь бы выслушай сю пѣсню мою,
Выслушай мое прѣнѣиство:
Съ любовью дай — руку твою свою,
Во радость войди — въ утѣшѣи!“

„Да будетъ веселѣи доу ену
И нѣио тута такъ, актъ въ раи!...“

Что отрочесъ дѣлаю ену?

Я слова — незнаю, незнаю!...

Содержаніе сей баллады почили все, — и все отдавали тайну, которая въ ней скрывалась. Сказавъ два послѣдніи строки, Раевичъ смотрѣлъ пристально въ Аналію, которая, поникши очами въ землю бѣднѣла то краснѣла, какъ восходящая утренняя зора. Грудь ей волновалась сильно, и когда Раевичъ пѣлъ свое: „незнаю, незнаю!“ — она возрала въ его очи, и, какъ бы потянута ихъ блескомъ и магнетическою силою, приспохла къ нему — и отвѣчала свое: „я знаю!“ — подала ему свою руку. Тогда Раевичъ приступилъ съ своею единою къ намъ, и речеъ слышимъ голосомъ: „Отче, Мано! извольте, да назову дочь вашу своею невестою!“

Моя жена не могла ничего отвѣчати, бо плакала отъ радости видѣ счастье своего дитяти; но к. возставши изъ кресла и простерши руки свои надъ ихъ головы, сказалъ благоговѣно: „Да соединятся сердца и руки ваши во имя Господне!“

Потомъ наступилъ часъ общаго восхищенія, и сегоже вечера стали имъ совѣтоватися: который день опредѣлити для второго веселья. Доброжелательный соседъ изъ Верховники совѣтовала остроумно, чтобы оба веселья отбылись въ одинъ же день; и ны асемародно рѣшили, принять советъ доброго соседа. Раевичъ прибавилъ еще, чтобы оба веселья отбылись такожъ въ одной хатѣ, а именно въ его дворѣ. Мы охотно на то согласились, понеже въ Дыковой хатѣ не было ни сію цѣль мѣста, а новый нашъ приходскій домъ едва началъ отъ сей недели будовать. Уже въ поздную ночь, розѣхались мы во своеси — урадованы, и сопровождаемы найкрасившии деждами.

На другій день рано всталъ я писати запросительныи листы въ Перепатку, къ най-

старшому сину Лью, къ ессоданъ, знакомишь и даже къ носу Романку, который недавно доносилъ намъ, что евершалъ уже свой отроченный нести изъ одолгоочетскихъ предметовъ, и которому, надѣясь а, помочь сонзволитъ теперь выхати на одну недѣлю до своей родины: чтобы винаградилъ себе оную заботу и лучательную кажность во время ваканціи, на которыхъ сего года не былъ въ Селоненца.

Межи тѣмъ женщинамъ наши занялись приготовленіями къ двумъ святѣбанъ, а Раевичъ, получивши отъ нихъ различныи порученія, возхалъ ради закупи весельныхъ уборовъ, строевъ и нинихъ танъ женскихъ суевъ до Львова. Сино собомъ розумаетъ, что я былъ противенъ всакому блистательному выступленію, понеже не любилъ того, и къ тому не мнилъ на то на малѣйшихъ средствъ; но Раевичъ представлялъ намъ уперно, что безъ некоторыхъ суевъ не можно нинѣ на веселья обойтиса, и привалъ все издержки на себя. Я не могъ дальше тому противитиса, понеже съ Раевичемъ аступила въ разговоръ и вся моя родина.

На такихъ приготовленіяхъ пройшло намъ три недѣль, и наконецъ поздравили ны день двоухъ свадебъ, день счастья для обонихъ нашихъ дочерей. Гостей нехалось столько, что для ихъ коней не стало мѣста и въ просторныхъ дворскихъ стойлахъ. Раевичъ угощалъ ихъ всѣхъ предостойно и чтобы такъ сказати весельяно. Около полудня пріехалъ и мой братъ съ женою и съ дочерями. Не ставало только не ихъ двоухъ синовъ, которыи такожъ обѣщались пріихти, если изъ будетъ возможно. Мы ждали на нихъ до сонерковъ, но не нога дождатиса, рѣшили прѣступити къ свадебнымъ обряданъ.

Якою радостію затренивало мое сердце, когда узрѣлъ выходящія изъ другой ком-

пяти оба мои дочери, одетые совсем одинаково в белые, веселых платьях, вешенными колодами женихами! Еще никогда не были они так прекрасны. никогда еще не отбивались за них лицах столь выразительно женская повага и с тем разном сиротие, простота и девственная невинность! Моя жена сидевшая около мене, раскладалась при виде своих дочерей. как бы приближалась пора розстаться съ ними во яки, и жалость ей сообщалась обоим шлепачинь дачатахъ. и немъ в всему кругу родныхъ, друзей и знакомых!

Со слезами приступали оба молодца нары къ намъ и падши на колена просили — не слови, бо словъ у нихъ тогда не было — а жокрими очами и рыданиемъ о наше благословенствѣ. Я простеръ руки надъ ихъ головами, и говорилъ изъ глубины сердца трогательнымъ голосомъ: «Благословляю васъ во имя Господне! благословляю родителейъ сердецъ и вознесениеъ рукъ во имя Сына и Духа Божия! Мы стары, мы вскорѣ померемъ; но вы будете жить — по милости Бога — во радость вашихъ дѣтей. Житѣ. — какъ жили мы для васъ. — для своихъ чадъ. и воспитывайте ихъ во честь и утешеніе наше. во славу Матери Руси! Житѣ для Ней и для нихъ во многолетствѣ! Да поблагословитъ васъ Всевышній щедрымъ рукою. свѣтломъ ума и теплотою сердца; да будетъ съ вами во жизни сей милость Его, а миръ, и благоволеніе и веселіе душевное! Милуйте и послушайте другъ друга; трудитесь и молитесь къ Господу Богу. — Онъ же да подастъ вамъ жизнь вечную, блаженную — заробонь!»

Послѣ такъ словъ подавалъ я руки свои каждому изъ нихъ, и они оросили ихъ теплыми слезами. Плачь и сердечныя воздыханія продолжалось еще тогда, когда мы при-

ступили къ даленію съ молодими парами русского хлѣба — соли, такъ что казалось, се не веселье, а похороны.

Потомъ поехали мы всѣ разомъ въ Коломенскую церковь, где старинный приходникъ изъ Овертина сазичалъ оба молодца пары, во первыхъ: Стефана Андреевича со старшей моею дочерью. Итальянцемъ во вторыхъ: Раевича съ молодцомъ, Аманіемъ.

Послѣ того возвратились мы во дворъ нашего зятя Раевича, где началось уже веселье въ цѣлохъ слова того смысла. По двугодичной вечерѣ зигудала музыка полонеса, который то поважный танецъ всегда мене нравились; потомъ пошли молодцы людьми въ колоннику, назура, надрили, чардаша и Богъ знаетъ въ якіи танъ еще пляски. Въ промежуткахъ выходили мы для прохладки на подворье, где молъ тополины играли цыганы на сиринкахъ и на бандуркахъ, а кругомъ нихъ плясали сельскія паробки и дачата. Когда во следъ за ними вышли на подворье оба наши молодца нары, дабы приглядаться неученымъ, во дуже веселимъ хороваютъ сельскаго юношества, затыгнувъ Федорія, плясавшій тогда изъ всѣхъ наиболѣе, съ пригравкою цыганскихъ бандурокъ слѣдующую, въ подкарпатсконъ марчѣи нинѣ сазичавъ составленную, весною:

Кель сойдутся два голуби
Съ двоимъ голубицъ;
Протянуть свои зюбан
И начнутъ прылани.

Ай то радо пляшутся,
Ай то скачуть веселіи;
Больши радость, кель сойдутся
Двама — а во шпаніи.

У нашего Отца были
Два шутилы Павлины,
Якъ найкрасни два петли.
Съ кѣлой Савошани.

Зачахли два Пять-Брата
Изъ Львова, съ Полозья;
„Ай,“ сказать Отець Игнатій
„Дайся Боже воля!“

Стали они разводитсь
Стали разнималити:
Любовь съ сою омонитсь?
Любовь туя вата?

Да все глго любовалсь
Молодыи люди;
А въ осени повчалсь
Най нитъ гарвалъ будс.

Най нитать счастью долю
Наши добры Паки:
Одинъ гадуу на Полозю,
Другий въ Созоняцъ.

А за ясью поздравстуйте
Сердаку подляну:
По два гроши подаруйте
На тютюнъ, табалу!

Ся васья убавила нась дуже, — а люди жениха подаровали ему за ню по два талари.

Когда ны такъ присмотривалсь веселитъ пласкаль оцель, въехалъ во брану який-то повозъ, а все стоящии на подворьи гости смотрели любопытно, кто еще заповданьшсь прихалъ на веселье. Къ новоприбывшиимъ гостямъ поступилъ Раевичъ съ поздравленьемъ; они изьянась обшались къ намъ. Тутъ увидалъ я передъ собою поого сына Льва, но о Боже въ якоу обществъ! Съ отцеу прекрасной Юли, и съ немъ же самоу! Ей! подумалъ я себе, то ненадзянное свѣтло! мой старий сосядъ, противникъ мой азмысловшии, уже верно одобрися на мене, коли призьмюеть къ намъ и позваный — на веселье. Приступивши ко намъ съ роспростертими рукави, обшалець онъ со мноу по дружески и сказалъ учтиво: „Здравстуй старий сосяде, счастливый Отець! ото привезъ я тебе твоего сына и еще оду, котору ты давнѣйше радъ былъ назвати сыновю. Прийми ю за свою дочерь,

а мене опять за друга. Мы старии воспарились, та за дурное глго; но дѣти наши были невными, та все любилсь и умвалъ за собою. Прийми ихъ, поблагослови — а да стогутеть веселье для третей пары!“

Таа бесѣда, сказаннива чистѣйшихъ азмыкоть, який обыкновенно прежде говоралъ мой старий сосядъ, привела мене въ крайнее восхищеніе. Я не погъ слова прсазиста, а только обвиналъ по несколько разъ то сына, то Юлію, то ей отца. Наконецъ пришедши въ себе, сказалъ вочти со слезама: „О Боже! чѣкъ заслужалъ я у Тебе на столько счастья? Ты возвратилъ мнѣ старого друга; Ты далъ узрети сына и его невесту; Ты мене уже тутъ награждаешъ любовью! Ахъ, дѣти мои!“ сказалъ я къ неукъ дочерямъ, которы томе восхитительно поздравляли побѣднихъ, „позвите сюда Мелу; позвите всѣхъ гостей; да будетъ радость наша общая!“

Моя Татьяна стояла уже при нѣхъ, и узрѣвши сына обшала его, котомъ его невесту съ матерномъ любезію. После того шили мы все исполненни радостію, въ довершии коннаты; за нами ступала цыганскіи бандрунсты, которы выдавши изъ зодъ только все сіе произшествіе и хотѣвши возвисити еще нашу радость своимъ играніемъ сопровождали насъ ажъ вовчуть коннаты, выводе на скрипкахъ и на бандуркахъ чудесного чардаша.

„Гей! нѣтъ красного чардаша, ажъ коли цыганъ его заграеть!“ воскликнулъ я весело, „нуже, грайте логалата! а мы нили гости пускайтесь въ цыганского чардаша! Богъ далъ, чго веселился в просвітъ насъ лишь емо на одно веселье!“

Такъ вошли въ чардаша все мои дѣти и чужии, и немъ сердце ажъ сказало съ радости, коли смотрѣлъ на лозуу яруу, пласящуюя вопора по своестъ приаде съ

таким сиею! А и гнани грали, ахь подрывало негана! Съ той никуты уже не выпушено ихъ изъ коннаты до белого дня; они принуждени были играти еще всакіи народни рускіи танци, когда неки тать городскіи, учении нузианты дрекали но кутань!

Текъ отбылося веселье обонихъ нашихъ дочерей во радость и удовольствие своихъ и чужихъ, друзей и знакомыхъ, и всаа Соловника....

Въ три недѣли послѣ того здали ни своа на веселье сына Льва, которое та-жежде отбылося веледально въ доизъ отца ильенной Юли, котору съ тать норъ называю и своєю красенькою синовою. Мой Левъ получалъ званіе настоящего учителя и останеть теверъ уже въ Галичину. Мой Ренанко не могъ прихати ни на веселье состричь, ни на братово; за то учатся нильно во Львовѣ — и только въ свободнѣйшее время сочиняеть поези.

Мой зать Степанъ Андреевичъ похваля со завянкъ приходского заступника на Подолье и наветь тать съ своєю Наталією счастливо; и Рясичъ будоеть невя въ Соловника хорошую хату и пространное обшество. — и розсчитывається со своихъ и-звьянкъ, которое, къ сожалѣнію, Долгискій обрешеньгъ значительнае долгиани. Иногда приидеть ому на душу яка пьеса, котору сейчасъ учатся на изъуть ого Аналіа и наши два надьчки, Владимиро и Данилко.

Ни стари обитають показать во дворахъ зата и радується счастіемъ дачей нашихъ. Моя жена есть ахь всегда душею домашняго господарства и выдаетъ указы всахъ дворскіи служантанъ. А я занимаюсь наукоими трудани; пишу „Запчачаніа о старорусловенскомъ и рускомъ языцъ,“ которы, къ сожалѣнію, сгорали были во время послѣднего пожара. Въ прочесть недостаетъ невя ничтего; все ное горе почезло и я

приобралъ все благо, икоо только желати можно съ той стороны гроба! Оби благодарность моя въ счастіи не была менши, ахь было прежде сиреніе ное въ недоли!

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ.

— Совершеннолиа наша, найблизшій госады Угорской имень брати, Словаки возництрава была оме поредъ нѣскольго годы воздигнута на гробѣ славного своего вѣаца и праспорчывого вѣтн Іованна Гогола достохвальнѣи наиантнхъ, и собирала къ тойже ивля ивѣаннми шортамъ, которыхъ домытъ считається виме 1220 р. ср. Абы дѣло тоо съ лучишъ усрахокъ ооверннхъ, составалось по соизволѣнію и. и. правого угорского наистванчества особное обшество, егоче предсѣдатель есть известнѣи издатель „Рускіиъ Промыслахъ,“ слаосенскій народолубецъ г. А. Паллаксій. Реченнѣи наиантнхъ будоеть стоати на гробѣ усогомо вѣаца въ мѣстоу Доброй Воды мѣжъ Бѣлани Горани ильовою Тернравомъ. Тать поредѣа будоеть слава великого дуна потонннхъ вѣацъ!

— Иадивеннѣи книгопродавца г. І. Милковскаго во Львовѣ издава замѣчательнаа книга въ польскомъ языкѣ подъ заглавнѣю: „Найновшео ичеловодство,“ снганна во правлѣннхъ Отца Даркова Ни. Витовскнхъ съ 34 дроворытан. Цѣна 2 р. ср. Любопытнѣи ичеловодства препоручаетъ сію хорошую книгу да пользуюся нею, вона не выдѣеть аюо дѣло тогочо содержаннѣи изъ рускомъ языкѣ. При токъ случѣа замѣчаеть что г. Кобривскій, рускіи самшоннхъ изъ Коломнѣ, свого, указывалъ поредъ двоа годъ ипользоворатно велику пользу и глубуюю основность ичеловодственнѣи гасетнѣи масского самшоннхъ Даркова, имень въ Влдовскомъ „Вѣстнику.“

— Въ Познаннѣ выдѣеть неваннхъ новое сочиненіе известнаго польского историка І. Доловола подъ заглавнѣю: „Народъ въ словенскнхъ краяхъ поредъ началъ Польши.“

— Славнѣи А. Гумбольдъ удѣлилъ обшеству учоннхъ въ Берлинѣ новни данкии о глубинѣ мора. Доселѣ вѣдала, что наибольша глубина мора ивѣеть 23,896 стопъ, с. о. больше одной землоснкой мли. Но 30 Ноовбра и. г. кантраль кантанъ Донгалъ глубину тѣхото осоваи на 43,380 стопъ, котора то глубина больша есть о 17,000

отъ наймышей горы Гинадан. Оловяная пыль, которую во время въ глубину отсыпано, потребовала 9 годичъ 25 павутъ, абы амъ до два д йт.

— Въ Банон - Гуналъ въ Сеноградъ, открыто 25 Аврѣла с. г. при новыи плавнии 232 штуки старинныхъ серебряныхъ монетъ. Мѣся иныя находили много. доселъ совсѣмъ неизвѣстныхъ съ словенскими надписями и нѣсколько десятковъ польскихъ.

— Нѣмцъ др. Шеверъ отчиталъ въ Берлинѣ 12 Мая передъ численно собраннми слушателями свое „астрономическое обозрѣнiе и старался доказать, что земля наша есть средоточннмъ тѣлоу всего міра, и что солнце и звѣзды вращаюся доколе ней. Попираючи такъ даюа теорію Тихона Браге, который тоже не вѣрилъ въ вращеніе земли возмиздралъ отъ одровергнути систему Коперника и Галилео, касательно чего возникла уже жаркая полемика.

— Найславнѣишій ваятель, пребывающій со-временю въ Берлинѣ, г. Янн, есть родомъ Моравцанинъ, и происходитъ съ селанского сословіи. Въ юности пасалъ отъ гуси и телата, причѣмъ изъ гуси вырѣзывалъ цмгискиишъ конопки изъ дерева розличныи засушился во дугахъ збрѣта или своихъ сотоварашей пастуховъ, и привелъ свою вичтоиую збавку до совершеннаго художества, такъ что теперь слышють за наилучшаго ваятеля. Нѣдновѣе его дѣло, которое пѣвательно всѣхъ посетителей выставъ художественныхъ утворитъ въ Берлинѣ, есть вырѣзанный изъ дерева истуканъ бессмертнаго Шекспира.

— Г. Андеръ, першій теористъ въ н. н. предворномъ театрѣ оперы въ Вѣднѣ, родомъ Чехо-Словенинъ, приобрѣлъ его сѣзью великую славу по розличнымъ извѣстнмъ зрѣлищамъ. Нѣмцъ зовуть его Орсеопъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ГОСПОДАРСКІЯ И ПРОМЫСЛЕННЫЯ.

— Порошокъ противъ бломинъ, блоханъ, таракановъ (швабъ) и пр. Отъ нѣсколькихъ лѣтъ вродитъ во Вѣднѣ и во всѣхъ большихъ горѣдѣхъ Австріи (во Львовѣ и Клейнѣ) новооткрытый порошокъ, антищій тою духе дѣбродѣтельное свойство, что своимъ запахомъ убиваетъ всѣи роды вѣсивныхъ осквернѣющихъ и

безпокоющихъ человѣческихъ жилищъ, итъ то сущъ ложкамъ, блохи, стоноги, сѣвци, тараканъ (швабъ) и пр. Порошокъ той продаваемъ во оламѣнцахъ, есть асшоветъ баромъ и вондетъ для человека при-ятно, итъ солодовый корень (Schabola). Изъ порошка того насыпается во небольшую шашку и шѣстие, сверннмъ робецтвоуъ заселенное (на пр. въ ложкѣ), въ сладкое чего тнъ истукании провѣи-ищю одной ночи выдыхають, алы оставуть на алытъ въ ящикъ будь то оагнѣиъ, такъ что уже легко ихъ можно выгубити. Выборный порошокъ тотъ, котораго въ Вѣднѣ для большой алыты наречею персидскнмъ (Persisches Inseeten tödtendes Pulver), происходитъ въ удивленію изъ шашку одной, въ иной Руса (на Украинѣ) рстущей былинки, котору ученыи ботаники называють Рудеиымъ сивѣишъ. У Донскихъ Козаковъ есть обычай, обсажати сею былинкою немъ и борозды, и на такое поле не садятъ николи шарача, бы земахъ былинки той есть и для ней смертоносность. Такъ даюа сталаъ она былинка известна въ сѣвѣ, и чѣмъ больше порошокъ изъ ней разсѣивается по Европѣ, такъ большу цѣну набираеть она въ господарствѣ ииной Руса. Тое дѣбродѣтельное свойство русской былинки поумило одного изъ Вѣднскихъ садовниковъ постарѣтисъ о ней шѣстие, съ которымъ изобрѣлъ отъ сего года асшншншнты: во листья ли она былинки розовѣти и вохъ тѣлошншнхъ побѣтъ? Не стоило бы труда, тотне омытъ и у вохъ сдѣлать?

— Слѣзъ изъ Камганонъ. Сварени каштанъ либо паромъ зъ думъ обобраны утерти на изгнѣ, либо проколочени на чернѣ поварамъ, сокотъ цитриновомъ срапанлнтся и дупротъ илнннхъ посымиваються, а будеть прозрачнае слѣзѣ.

— Великое пошншествованіе для торговли и господарства въ Галичннѣ предстоитъ черѣзъ управлѣніе рѣки Днѣстра которе рѣшншнтся, итътъ сме въ теченіи сего года и то во плѣну покойнаго гр. Стаціона. Итъ доиздученъ, опредѣлено уже на туу цѣль 300,000 р. ср.

— Тшаніотъ н. н. Галичскаго господарскаго Общества въ торговельной Палатѣ во Львовѣ, зовываються у насъ Общество въ илнѣ асшншнхъ управы льва и ковошѣхъ, иво и обобрѣннхъ изъ ошннхъ вырѣбѣхъ. Къ сей цѣли ишншншнть основнтелѣ того Общества собрѣти восредствоуъ ошннхъ илннхъ

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедѣльно въ Середу два листа, по штык голозой въ Листовъ 4. пр. н. н. — въ почтовомъ пересылномъ б. пр. н. н. — Желаніямъ четвертечно получить платать въ Листовъ 1. пр. 10. пр. н. н. на почтакъ по 1. пр. 30. пр. н. н.

ПѢСНИ РУССКОГО КОБЗАРЯ.

„Помогай Бога! Счасть вамъ Боео
Добры люди въ жива часть!
Томъ то красно вамо збонье,
Золотое, ахъ у насъ!

Живте, живте, не выдайте
Мешъ бразды сероной, друзья!
Да трудячися выслушайте
Пѣсни русскаго Кобзаря.

Туть на словѣ я усладу,
И ва побла загуду;
Заспываю — вамъ до снаду,
Заспываю — и пойдугу.

Ото, братья, Русь вамъ Мати,
Львовъ — найбільшій городъ Ея,
Но не много — ниль сказать —
Русскихъ въ немъ живеть дѣтей!

Бо привыкли русски дѣти
До земляногъ не сельна,
Неучены, неодѣты, —
Что не разъ ахъ встидно намъ.

Гей, какшо то бывало
Въ вѣмекъ край оного:
Было въ городѣхъ не мало
Умныхъ Русиновъ всегда.

Были гарады и богатство
По сельна и городна,
Якъ одно большое Брѣстско
Было Русь вся предѣлять!

И теперь бы не отъ того:
Линь оцѣлѣть бы труданъ,
И, съ помощю Пресвитера,
Будоваги русскій Храма.

Чей вы чули — хотъ не слышъ —
Что Народный русскій Домъ
Создастся во Львовѣ,
Церковь другая при томъ.

Домъ, злого въ сѣбъ краше
Невидѣли никогда;
Спѣсисто бысь въ середнѣй
Село ваше и стада.

А такъ будутъ поучени
Юмныхъ Русиновъ всею;
Тольно нушно помощь дати
Предпринятію тому.

Вотъ, на прикритъ: нѣбы слышъ
Колѣдй съ русскихъ поселенъ
Далъ на жерту той Свѣтлыя
Словъ шпелаччѣть нль ослѣтъ:

Варте, братья: дѣти вашѣ
Чей не знали бы бѣды,
Жива были бѣ сто прасны,
Русь была бы рай томъ.

Тамъ, на правду дѣтъ вѣщанъ:
Дайте колѣдй на вашъ Домъ
— При вышнѣмъ урошѣ —
Словъ — и что сто при томъ!

Видно А. Д.

ЗАСІДАНІЄ ВИДІЛА ГАЛІЦЬКО-РУСЬКОЇ МАТИЦЬ

дня 20. Лип. (1. Серп.) 1833.

Всечестний Г. Председатель Кузенівій отворивши засіданіє внісєє слідуєще: „Пожеже засіданіє Виділа на дни 17. (29) т. г. (Слэтра Зорю Ч. 20. с. г.) долге черетагулоєє и наряди надь многими предветами не окончилси, то зайшла потреба Ваши Всечестности на иньшиї денєє слова саросити, дабы черетати наряди дальше провадити, а что ухвалено будеть исполненію чередати.“

Дабы тїи наряди точнїше велси, вношу: чтобы черечитати протоколъ послэднего засіданїя.“ —

По вносенію Всечестного Председателя отчиталси протоколъ послэднего засіданїя, потоку вносєє Всечест. Председатель:

„Чест. Г. Леонтовичъ вивзалси изъ пренорученого ему на послэднею засіданїи дѣла, се есть: розскотрилъ и поволаилъ статута; отжеже прошу Вашихъ Всечестностей увагу свою свернути на тїи §., котори Ч. Г. Леонтовичъ улоналъ.“

Ч. Г. Леонтовичъ изъваляеть свое шїтьєє касательно заступства соединенїя, что Видаль заступаеть соединеніє вь дѣлахъ книжнихъ, напротивъ третїихъ особѣи и уряднїхъ; а Видаль заступаеть Председатель в секретарь.

Касательно продажи книжнокъ шїтьєє, дабы исполнити §., что Матица прислужаеть право продажю и розославїенїю книжнокъ своихъ заниматься, а касательно §. взглядохъ случасъ развїзаванїя цѣлого соединенїя шїтьєє деловити, что вь томъ разѣ все шїтьєє череходити на Дону Народнїи.

До того послэднего §. вносєєє Благороднїи и Високочетвеннїи Господнїи Рацїонсїи дедати, чтобы вь случасъ роз-

вїзаванїя в Дону Народного поставити таїї савїи §. изъ вь статутахъ Дону Народного на той случай.

Ч. Г. Леонтовичъ вносєєє починити вь статутахъ и нїи исправленїя, изъ на пр. лучшо разлїченїю членохъ дїйсствительныхъ отъ дошисавительныхъ.

Тому вносенію протївїтєє Всеч. Госн. Кульчицкїи сь причини. пожеже статута тїи на общохъ собранїи уложеи, а Видальови не праслушветъ право ихъ добротнїю взїнїати. — Мнїєє всеч. г. Кульчицкого подалло цѣлоє собранїє, а такъ по вносенію всечест. Председателя ухвалено составити комисїю, котора бы безъ всякого помїненїя рачи, только посполненїєи вь стїлїзаванїю статутохъ занїтєєи шїтьєє. До той комисїи упрощеи чч. гг. Ильичицкїи, Кульчицкїи и Леонтовичъ.

Далї вносєє Председатель слідуєще:

„На послэднею засіданїи ухвалено издати Жолатвеннїкъ, а не опредѣлено числа эксенларохъ того изданїя, отжеже всїрашаю Всечестностей Вашихъ рашити: изъ сколько эксенларохъ должино тоє изданїє состоити? При томъ уведомїлю, что начерасъ того издатиса шїтьєє Жолатвеннїка Всесветлой и Всечестнїишїи Консїсторїи вь одобренїю уже предложєє.“

На тоє вносєєєє были некотори члєи того шїтьєє сдѣлати изданїє вь 1.000 эксенларохъ. Всечест. крїшманнїи Леондїиї увїзавїю, что таїї великїи накладеиного бы стоєє, а вїдетокъ не скоро бы назадъ вернулси, чєє бы Матица значительнїи ущербъ славїє, советовалъ 2.000 эксенларохъ печатати.

Нїи сноєє дїлалї увагу, что ажь вь употребленїи окаретєє, будеть ли той нолбнїкъ отнеєдати потребнїхъ; — если бы былъ недостаточнїи, то при сторонъ изданїя логко бы далси усовершїти; — от-

ножь советовави 3000. оттисковъ печатати — и во послѣднѣиъ вносеніи ухвалено 3000 экземпляровъ печатати.

На дальшее воззваніе Всечест. Председателя отчиталъ Ч. Г. Леонтовичъ вносеніе свое взглядомъ Словаря, печатанное въ 20. числа Зори. Отворени надъ тѣмъ предметомъ дальшии обряды оказали, что целое собраніе увидало потребу занятися тѣмъ предметомъ. Всеч Председатель извѣстилъ собранію, яко уже давнише надъ снѣмъ предметомъ наряды точилися, и съ порученіи общаго собранія сношися Выдѣль съ Ч. Г. Скопоровскимъ. Однакожь сношенія тѣи были бездѣльными. Всеч. Председатель внось избрати комисію, которая бы вносеніе Ч. Г. Леонтовича розсмотрала, такъ надъ предметомъ сдѣлать, яко и надъ средствахъ, якии бы вносеніе Ч. Г. Леонтовича въ дѣло привести далоса, застановилася, и Выдѣльви дотачное предложеніе сообщила.

Выдѣль принялъ вносеніе Всеч. Председателя и уприсилъ до той комисіи Ч. Г. Леонтовича, Кульчицкаго, Ильницкаго и Жуковского.

Касательно завозванія тѣхъ честныхъ Господиновъ, которми съ датками за минушіи лета приостаи, ухвалено улошати допись литографовану, и такую поединоккилицемъ засылати съ прошеніемъ, дабы тѣи залегшіи датки сложили и изданныи книжки отбразли.—

Касательно сочиненія Исторіи библіиной извѣстилъ Всеч. Г. Кульчицкій, что возвалъ Ч. Г. Галька, дабы тойже сочиненіемъ такой Исторіи занялся. На тое возвасть Всеч. Председатель собранію, что Ч. Г. Галька писемки отнеса до него, и въ томъ письмѣ изъявлялъ свое мнѣніе, что одна в тѣиже Исторіи не можеть прислужати для школъ нормальныхъ и гимназійныхъ, и поверъ доводиши свое мнѣніе, про-

сечи о завѣдѣніи, которую онъ составилъ извѣсть: для школъ ли нормальныхъ, или для гимназійныхъ.

По мнѣнію Всечест. криломанина Летоцкаго ухвалено завѣдонити Ч. Г. Гальку, дабы Исторію библіиану для школъ нормальныхъ составилъ веллы.

Далѣи внось Всеч. Председатель, что о потреба изданія Исторіи Галицкой никто не сомнѣвается: и деть только о способѣ. иишь бы оуму получити?

По мнѣнію многихъ членовъ, былъ бы наилучшии способъ такую Исторію въ деревѣ нагороди (преміи) составити.

На тое завѣдонилъ Всеч. Председатель собраніе, что одинъ благороднии и воековочтаемий членъ соединенія Галицко-Русской Митци изъявлялъ свою готовость нагороду за сочиненіе такой Исторіи въ природномъ языкѣ, которая бы потребалъ отвѣчалъ. опредѣлти; въ бластнѣи тоге вносьтъ Всеч. Председатель слезити комисію, которая бы начеркъ объесть в пр-такой Исторіи составила, и предлагать и членовъ той комисіи честныхъ и достойныхъ Господиновъ: Яновскаго, Вавковскаго, Кульчицкаго и Жуковского.—

Въ концѣ возвасть Всеч. Председатель, что всеч. и достохвалымъ Господиномъ Бѣлецкій, извѣстимъ Гордещій 100. оттисковъ изданной книгъ Исторіи благодѣривающей соединенію деревалъ. Извѣстіе тое собраніе пришло съ благодареніемъ.

На токъ окончилоса засѣданіе.

Отъ Выдѣла Соединенія Галицко-русской Митци. Во Львовѣ для 23 Января (4 Серпня.) 1853.

ДОВЕРТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА СЪ БУАНА.

L

Здравствуйте!

Человекъ не по чувственному своему устроению всегда ощущаетъ вселю впечатліе, произведенное въ немъ непосредственнымъ дѣйствіемъ вещественныхъ предметовъ, окружающихъ его: такъ и по духовнымъ своимъ отношеніямъ вѣншноно трогается отъ дѣятельности тѣхъ, которые стараются дарами своими воспитывать усовершенствованію человеческого рода, стать многочеловечному вѣншноно благородному душею. Кто не знаетъ въ отношеніи духовной взаимности человека стравивающуюся въ немъ силу — то тайную силу, которая своимъ дѣйствіемъ являю громоподобного удара, поразительнае свершающей волни и быстро единического тона произвела дину вамъ и раздаетъ въ ней одобрителныя или отвратительныя письма? Тѣмъ самымъ удивительное, вѣнствіе же и достойнѣе высшего человеческого званія, свойство души вашей дѣлаетъ васъ способными, съ добрымъ успѣхомъ сотрудничать созданимъ великаго храма высочайшаго благоволучія вашего, назначенаго вамъ предвѣнствіемъ Промысла небеснаго. Ни одна мысль, ни одно предпріятіе, разв возникшее въ человеческомъ мірѣ не останется безъ разбора и соуду свѣтлаго показанія или осужденія.

Всякая возродившаяся мысль въ человеческой газетѣ въ спорѣ открытае она въ обществѣ, произведетъ всестороннее толка, и бываетъ постоиствомъ между людьми. Подобно снѣгу прозабаетъ она чрезъ нѣкое время, потомъ созрѣваетъ и по качеству своему производитъ или благодеянное плоды или смертоносную погубу въ человеческомъ родѣ. Должно въ сознательно сознаться, что тотъ послѣднее воле въ рѣшю истрачается на снѣгъ. Рѣшю не бываетъ, что зло оказывается частократно даже господствующимъ надъ благомъ до того, что вѣнствіемъ упадетъ духомъ и отчаивающъ въ улучшеніи вѣнствіемъ человеческого совершенства? Те дѣятельно помыслена, но такое помыслена слѣдуетъ, по имени нѣвншю, всегда являсаи помыслена устроенныхъ силъ лоншкъ, пролетѣвншю помыслена повторѣ обуслѣнѣ васъ нравственныя и естественныя порядки ншю, и во удаленіи отъ ншю съособно себя или совершенства. Со вѣнствіемъ сего ншю устроенныхъ, повторѣ отрицаи ншю васъ ншю не стоаеи, должно повторѣ

совѣнствіе быти вѣнствіемъ или совершеннѣе помыслена, тогда — то на самои дѣлѣ ншю осужденное. Вотъ! возбужденіе и помыслена нашо въ тошу, чтобъ вы неуспѣнными трудами продолжали дѣятельно намъ такъ и въ возвратѣ истроувовъ, ншю и въ кругу матеріальной нашей жизни, во сншю дашо на многостороннае ой неудачи, и только обобраа себе удивительнао мыслию, что повншю и предпріятія нашо не будуи тшюными и безаолозыными въ человеческомъ обществѣ.

Особое значеніе возметныхъ для народа нашего вѣнствіемъ и трудомъ составленныя существующія вами Газеты и въ разныя времена пронесутншя помыслена сочиненія. Въ нихъ созрѣваетъ вы сопровнщншю стравив, озаряющншя своими благодѣтельными дшю ролушю и сердце содленнншю ншю, Уже возношо ли, чтобы поставнншя ншю зерна проращншя народнаго во ншю плодородной почвѣ? Возношо ли, чтобы при ошючншю теломъ ншю не нагрѣвааа чувства нашо? Возношо ли, чтобы оаи, подобно голосу вѣнствіемъ въ дшю, безъ всякаго отголоса человекъ? Ншю! соудъ такъ во нервомъ системѣ человека, ншю и во обществѣ пошю его состоянію во лшю быти. Взвнраа всегда во подншю ншю литературно дѣятельно, стравиваа въ себе воудвншю воспитывааи ойвой во ошю ншю, и для того нравнаа за дшю ншю ншю въ вншю «Довѣрительныя Писма». Такъ во ошю рожденіе влншю дшю въ произведенію успѣха во вѣнствіемъ тошю, что отшю ншю литературно, ншю и благородно, то буди оаи соднрншя въ себя сообщенія, сообразншшя съ уважншю нравнаа, и обшюнаа мысли во предметѣ, согласншшя съ соднрншю и ншю вашей вреншю. Прншю благодеяншо ншю готовнои въ услужншю Вашишю и прошншю!

ТАКЪ ИНОГДА ЛЮДИ ЖЕНЯТСЯ.

Иногда.

L

Ей было осьмнадцать лѣтъ; она была душею хороша; а впады красншю, во ншю, ей Богу во ншю.

У ней былъ быстрин, карин очн черныи, долги рѣншю, сншю, веселое лице, розовыи губны, бшю, розныи зубны, успншю — прораеи! для ней ншю прнлншю.

Разсмотревши вышний огородец ише-го нира, въ которомъ вместо цвѣтовъ растутъ и развиваются красавицы — дивныи, вы найдете подобныя красоты; но уверю васъ, не въ такой совершенствѣ, но въ такой очаровательной гармоніи.

Она была похожа на недоразвившуюся розу блестящую въ свѣжій утренней росѣ

Осмынадцать лѣтъ чудесный возрастъ! Если вамъ 18 лѣтъ — благословляйте судьбу; если больше — вспомните прошедшее и вздохните. Одной юности дано завидное право смотрѣти на свѣтъ въ волшебный каюдойскопъ будущаго, слыно взрѣти въ счастье, вознести земное до небеснаго. Для того она такъ беззащитна, такъ весела!

Если бы можно осуществить все мечты юности, одѣти ихъ въ краски и звуки, пометили физическимъ чувствомъ: имъ бы ослѣпили отъ ихъ блеска. Живописецъ съ презрѣніемъ кинулъ бы блудныи краски. Дивинскій разбилъ бы скрипку, а потучій стахъ заверъ бы на устахъ юста! Для того лица юности такъ свѣтлы, такъ небожно — хороши.

Ей было 18 лѣтъ. Она любила все прекрасное: заглядывалась на луну, сладко то-сковала подъ унылую пѣсню соловья, и плакала надъ стихами Шилера и Тасса. Счастливымъ, тѣмъ поетямъ.

Часто видѣли ю въ хатѣ убогой родины, съ ласкою и утѣшеніемъ на устахъ, готовую нести поночь несчастію; часто видѣли ю въ саду подлѣ любимыхъ кустовъ розъ съ лѣнкою въ рукахъ. И убогая родина всегда благословляла приходъ ей, и роза оживала отъ ей посѣщенія. Она была добра, душе добра!

Я видѣлъ ю только одинъ разъ въ жизни, и никогда не забуду. Те было весною, когда такъ очарованная природа Буковины.

Лѣтъ бы теперь вижу тихое утро, туманный садъ, облитый бѣлыми цвѣтами, вижу шумѣть Серотѣ. На маленькомъ горбочку, въ густой тѣни черешень, она колыхалась. Станъ ей стогнало простое бѣлое платье, на груди колебался голубой василекъ. Скрестивши руки, поджавши очи къ небосводу, она дождала на колѣнахъ, а нѣтъ тѣмъ вернулъ лучи солнца, проразавши вѣтан, оставило розовыи блескомъ ей лице, а на щекъ, яко два перлы, два чистыи слезы. — чудное и живописное! Молитва дивныи, и утра! ... Сколько чистоты и прелести развѣтъ! Нѣтъ, а никогда не забуду того!

А головное такъ а забыть: она звалась Анна Васильевна.

и.

Онъ былъ человекъ лѣтъ сорока пяти; всегда носилъ зеленый, короткій сурдуть, черныи, широкии штаны, синюю канзельку; въ алмазъ той канзельки постоянно лежало чтото круглое, въ родѣ великой луковичи. Говорить, будъ то были серебряныи часы. Чоботы его сплывались кождого утра гусняиши широка. Голова была ить старорусска недстрижена, но бочкаъ ей торчала пара ушей, надъ носомъ топились щетинистыи брови, подъ которыи свѣтилась явными очи середной полчиныи, а подъ носомъ висали черныи, долгии уси, подъ усамъ былъ обыкновенный ротъ; только нижняя губа того рта была приката къ зубамъ, что казалось, хозантъ ей хочеть свиснуть въ ключъ. Василій Потроичъ, хвала кого ибудъ, съ особеннымъ, вездѣраженнымъ выраженіемъ говорилъ: прекраснѣйшій а любезнѣйшій, а въ те время подижалъ въ верху брови и плечи.

Онъ всегда курилъ ить долгого вышанаго трубка, въ который было вращено утинное перышко, читалъ старыи газеты и Котларовскаго, слылъ величійъ дессъ

шошь, и любил, чтобы все далось в о-
предельное время. Его звали Василь Пет-
рович; то был отец Анны Васильевны.

III.

Василь Петрович был Буковин-
ский дядичь одной изъ тѣхъ деревень ивно
котору Сергѣй, ахъ бѣшомый, дикій конь,
приходило лонветъ быстрый бѣгъ свой. На-
сколько десятковъ хинитъ и цѣлое море ла-
шу составляла итаніе Василіа Петровича.
Возлаъ господского двора, который былъ про-
сте больша хата, росъ ирекарасій садъ.
Въ домъ Василіа Петровича, царствовала па-
триархальная простота; изъ большихъ сѣней
пальво ходъ въ кухню, направо въ прих-
ную коннату, она же и столовая и гостин-
ная и сале; стѣны той коннаты чисто вы-
бѣлены, полъ правко набитый глинво. Подъ
двора стоить зелена скринка, росисанна
красными цвѣтами; дальше, подъ стѣною, два
пресла; за ивно столъ; тамъ еще два кре-
сла, столить съ шахматною доскою и еще ит-
сколько кресель розличного вида и величи-
ны. На стѣнѣ, поны наленьканы окнаны, вы-
ситъ веркало въ золоченыхъ полняннихъ
раникахъ и образецъ, на которомъ предста-
вляетъ пастушокъ, завизмывающій пастушце на
посачкѣ червоную вѣстакку; свиралка и па-
стухій носохъ лежать у ногъ его; голубокъ
пружитъ надъ пастушкомъ; за рожемъ захо-
дѣтъ солнце, и въ рожиъ посуете овца и со-
бака. У двора съ правой стороны прибитый
оленій рогъ для вѣшанья шеволгъ, и съ левой
вѣситъ стральба, сѣтъ, два дудочки для лов-
ла переполникъ и червоная скринка. Больше
ничого вы не найдете въ той коннаты, хо-
тя бы смотрѣли на шо свезъ окулари и
свезъ двойную лорнетку—разъ, когда на
одномъ изъ сториннихъ пресель садить самъ
господеръ, или стовная кухня, ошибкою за-
летаны сюда, гудѣтъ, стучитъ и парадаетъ
он, по сѣнѣтъ.

Описаніе слѣдующихъ двухъ коннать,
т. е. свальни Василіа Петровича и свальни
его дочери, принадлежить потонству; для
того, что современникамъ было далеко ло-
гиче проиикнути во внутренность Аерки но-
жела въ тѣ коннаты.

Василь Петровичъ былъ когда-то же-
нать; жена его происходила изъ убогихъ
родичей, но бывши воспитанна у образо-
ванной бабки въ Тернополѣ, отличалась до-
бросердечіемъ и благотворіемъ. Она по-
дарила его дочерью, воспитала ю и—умер-
ла, ахъ говорить сосѣди, на сухоты. Васи-
лій Петровичъ душе печалился и даже по-
нивалъ въ совершенное отчаіаніе, понема то
случалось во время жатвы и отшло на ит-
сколько дней людей отъ работы.

По смерти матери дочь его стала ту-
жить, плакати. Она полюбила еще больше
тѣнистый садъ, вѣсачными ноци, когда дич-
ватки облака, свивалъ и развивалъ, по во-
лаъ ветра, носуте куда-то далеко.. Она на-
шептывала итх посланіе къ своей Манъ.
взвѣла итх горячіи желанія, ноцалуи...и
ей ставалось легче.

Василь Петровичъ тихонько ворчалъ:
„тоскуетъ дѣвка; мора выдати ю звинужъ.
Для чегожь бо я не выдати? Но за кого?“
Посла того вопроса слѣдовадъ долгаа па-
за.—и Василь Петровичъ, потягнувши изъ
утинного перышка табачный дымъ, выпускалъ
его устани тоненькою струюю:

„Много есть людей, и человека найти
трудно;“ говорилъ Василь Петровичъ; „всѣ
ноя сосѣди, печастий итх знаютъ, ахъ не-
учтаво думаютъ: на однихъ даже не поны-
слить, что и когда ему должно дѣлати на
свѣтъ. Вотъ баронъ Шинальцъ лѣтъ двадцать
варилъ въ Черновцахъ патоку; камотсе,
человѣкъ учоний и аккуратный и прочее,
а такъ сейчасъ посла обѣда курить дѣлку.
нема тѣтъ когда ю должно курити, вставая

НЕНРА.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.
(изъ *Малюты* со вступительнымъ предисловіемъ)
(С. Онуфриенча)

Дѣйствіе третье.
Вечеръ въ хибинѣ.
Явленіе первое.

Милостыя и его жена Гостырева.

в отхода ко сну. Оно, кажется, в ничего, а то грѣхъ, милостивый господине! Не говорю о тѣхъ пустотолодахъ, которые латомъ носятъ суковыми орами и курятъ по двѣдцать сигаровъ на день: и въ достоинствахъ и въ почитаніи, — а вѣдь чѣй, когда скажи пера, вечеряють, когда раннии вѣтухи цюють! Такъ пяти значить гнѣвати Бога. Таже никогда не бывають вечеръ при восхожденіи солнца, вькогда не зрѣють арбузы около Рождества Христова! Много людей, а человека не найдеши!.....”

Послѣ такого разсужденія слѣдовала глубокій вздохъ. Послѣ вздоха Василій Петровичъ снисалъ со стѣны скрипку, ставилъ лѣвую ногу на окно, утиралъ одинъ конецъ скрипки въ козано, а другій въ подбородокъ, и начиналъ ю стронти, такъ странно держа смичкомъ, что, въ первый разъ увидѣ ту настройку, можно подумать, будто почтенный хозяинъ хочетъ переиграти туною пилочкою все струны. Настроивши скрипку, Василій Петровичъ спускалъ ногу на полъ, выправлялся, и глядя въ окно, начиналъ истрати журавля, подивая тихиы баюки слова той униой песни. Такъ проходила часть, иногда два и больше.

Если вы познаете журавля, или пожесть забыли, то я вамъ припоишу его въ томъ лѣдѣ, на кой поемий былъ Василіенъ Петровиченъ:

Былъ собъ журавель,
Та ильѣ саняю;
Наносили они стѣна
Полую повою, о
Тан итѣна духъ долга
Начинай сячала:
Былъ собъ журавель,
Та ильѣ саняю; и проч.

(Косокъ слѣдуетъ.)

Гост. Онъ казался быти такъ честнымъ человекомъ.

Мил. И я то гадалъ. Ты видѣла, что мы скоро аже братья полюблилися, когда ему рассказывалъ о моихъ походахъ на Татаръ. — Онъ далъ слово, что ильѣ слова придетъ, а то умѣ вечеръ и его еще вѣтъ. Я такъ часто уже досѣдчалъ въ шокъ итѣм, какъ то небезлично спускаться на людей. Наше цѣлое несчастье оттуда, а однако не могу быти хитрымъ; добро слово такъ ия розничають на дѣтину.

Гост. Я гадаю, что онъ еще придетъ.

Мил. Надѣюсь. Не можетъ быти онъ истребленъ, тогда могло бы золото на сѣбѣ и. цѣни —

Гост. Цытъ! Любониръ идетъ.

Явленіе второе.

Любониръ, вренсикъ.

Люб. Не хулѣть мене за тое, добрымъ люди, что вѣсь в той годниѣ поещицамъ.

Мил. Да и вѣсь наилучша годниѣ, въ которую вы приходите. Истинно, ваше присутствіе розвеселяеть ирачными дѣи нашей старости. Я позналъ ильѣгда. сауамъ. При-

жени изъ вала, говорилъ я съ моею женою о радостяхъ и терзаниахъ нитяи нашего: не откажи вы тутъ, случило ми, смею васъ не виню.

Люд. То не должно быти, Милостиге! наша жена вамъ жива, она вамъ осталася.— Якъ бы вамъ было, смели бы она васъ полюбила, вамъ извѣстила, и вы удадали бы въ горестномъ одиночествѣ?

Гост. Что вы говорите? какъ и то не могъ? мы побралися, ибо мы любились и оттогда наши чувства освещены въ долготу; а токъ могъ бы туя нарушити? Якъ то неметь быти?

Люд. О Боже!

Мил. Смели бы Господь былъ на него что такого допустилъ, то и бы былъ не дожила сѣдой старости.

Люд. Такъ не говорятъ о терзаниахъ!

Мил. Не терзала ли вничего, когда неже гонимъ, мое извѣстие какъ похитилъ— мой сынъ какъ умеръ!

Люд. О томъ вы плачете? что онъ умеръ? а смели бы онъ жить, а васъ заблудъ, другого отцева называлъ?

Мил. Вы говорите о невозможномъ!

Люд. Возможно! возможно! старику. На сѣнь свѣтъ дѣются вещи, при разлаживаніи которыхъ поблѣднело бы лице даме самого бездѣльника, и Господь терзати ихъ.

Мил. Сосѣди! что погрязаетъ вашу душу въ такое прискорбіе, когда говорить о человеческомъ житіи? Такъ ли уме ало на нашей Руси, что человекъ, какъ вы, пригнущенъ многодѣйствіи свои глѣтѣ даме въ сей вустмиахъ проводить въ воддыканіахъ? Отгаду те, сосѣди, что на нашей Руси се дни на день горитъ?

Люд. Силы Руси лукавствуютъ. Многимъ, бласломе нинного величія иноплеменниковъ осѣдлыми, оставили ибу сво-

ихъ отцева, возстають другъ на друга вражески и разлаживаются въ грѣхахъ своихъ; многіи оставляють свою мать, отрѣкаются Руси, съ иноплеменниками ругаются надъ ей безсиліемъ, въ которое и сами вовергли и терзають въ какъ хищныи волки свою добычу. По тому свергаетъ Господь на Русскіи дѣти бѣдствіе, и тое возрастати будеть со дня на день, дождеме не обратится къ Богу Отцу и не проліють отраду въ издохшее сердце Руси-матери!—

Явленіе третое.

Властимаи, прещеніи.

Власт. Мануило! если просити свѣю, не дади бы вы мнѣ молока напитокся?

Гост. Съ охотою, тотчасъ прилещу вамъ свѣмого. (отходитъ)

Мил. Се первый разъ, что вы посѣщаете мою хищину отъ четырехъ лѣтъ, и первое слово, которое отъ васъ слышу. Для чего не приходите вы до васъ времениа, какъ Любомыръ?

Люд. Несчастныи сообщаются охотно.

Власт. (сѣвш и приклонивъ голову и молчитъ).

Люд. Всегда то отрадѣнне, смели открываючи собственную горестъ узримъ слезу соболѣзнованіи въ очахъ пріятеля и нещастію другого, якую проліемъ. Наши сердца отворятся, всымають новымъ силой, новую жизнь.

Власт. Сила и жизнь только въ милосердіи Всевышняго.

Люд. Давній помъ терзаниа дасть намъ и утѣшеніе. Онъ не хочеть, чтобы наше сердце въ безчувственномъ ослабленіи упадало какъ листъ осенній.

Мил. Такъ какъ онъ далъ безмалому совѣтъ въ наказаніе, такъ далъ онъ честному и въ нагороду и утѣшеніе.

— Власт. (изумленно возстает и отходит)

Мил. Старик! оставься!— Что те!

Люб. Горе ему! вы прошибли мою душу
Вонзить судонь.

Гост. (приносить деревянный кубок) Где он?

Мил. Дай, я ему занесу. (отходит)

Гост. Для чего стоял он?

Люб. Вы знаете его дивное обхождение. Нынче во первый раз самшал я его беседу. Он оставил свою хижину по чью и по чью возвращается. Отъ мене удаляется. Сначала вынимал я, что он проводит день у якого человека въ близи; пошел въ слѣдъ за нимъ, и нашелъ его въ лѣсу, где онъ плакалъ, рыдалъ, Богу молился. Где онъ питается?

Гост. Можетъ быть, въ близкомъ селѣ.— Бѣдный старецъ! онъ нѣтъ не полюбился; онъ такъ тихо дышетъ нѣтъ шумно; сухой груди, что человѣкомъ слабе дѣтся.

Люб. Благо ему! явилъ Госнодь его воззеть.

Явленіе четвертое.

Милостъ сердается.

Мил. Я встрѣтился съ нимъ еще на дорогѣ. Онъ взялъ кубокъ отъ мене, и не занялся съ нѣмца, пока я его не оставалъ. Что вы о томъ думаете Любомира, что онъ точно удалился, когда я сказалъ о совѣсти беззаконныхъ и честныхъ?

Люб. То прошло душу его!

Гост. Тихо, нѣтъ казалось, яко бы кто ступалъ!

Мил. Тебѣ прочулося, Гостирадо! атомъ бы могъ до насъ прийти?

Гост. Можетъ быть, боярину, который у насъ почевалъ.— (Милостъ дивается, дабы молчала).

Люб. Правду кажете, ступаетъ у двора?

Мил. Кто тамъ?

Съ двора: О, впустишь насъ, прости!

Мил. Женскимъ голосомъ!— (отчищаетъ)

Гост. Странное посещение!

Люб. Кто бы то была!

Явленіе пятое.

Велера и Любомира ступаютъ, ариши.

Нем. и Люд. Добрый вечеръ вамъ!

Мил. Дай Боже здоровья! вы гбратете отоманъ отъ нашей дороги далеко, ибо въ близи нѣтъ гостиница.

Нем. Мы наманъ наму дорогу; намъ хотѣли до васъ (садается)

Мил. До мене? Знаете ли мене?

Нем. Я пришла выручити боярина, который у васъ почевалъ. Людмила! дай!

Люд. (подастъ монѣтку съ грошми) Прошу!

Мил. (тихо) Охъ я продать!

Гост. Гроши! нѣтъ! нѣтъ! мой чело-вѣкъ не давалъ ему грошей, и не хочеть отъ него грошей. Где другое? такъ ли держитъ онъ свое слово?

Нем. И где я принесла. Вознѣтъ гроши только во благодареніе.

Мил. Хотя грошей нѣтъ не потребно, но для тебе Гостирадо; явилъ на Госнодь прежде немела тебе къ собѣ заплать, будешь могла въ твоей старости нини замоватися. Благодарю васъ сударине! но для чего не пришелъ самъ боярину?

Нем. Онъ убитъ.

Гост. Убитъ! малъ нѣтъ его душе: былъ добрый человекъ!

Мил. Га! Богу такъ угодно было!

Нем. Где чумезенець, отъ которого получили вы саблю и цѣпь въ сохраненіи. (Мил. и Гост. устраниются)

Люб. Что то?— справедливый Боже! она сама!

Мил. О простѣть, простѣть! благород-
шай Либониръ, а во зло употребилъ ваше
дѣйствіе.—

Гост. Простѣть, охъ не виказатъ. Я
не давалъ ему совѣковъ, пока отъ ранахъ ва-
шу саблю и цѣпь не показалъ и не вру-
чилъ болриновъ на слово, что сего вече-
ра назадъ привезетъ. Чтѣмъ сдѣлалось зло-
го, смени тѣмъ госвоими о томъ знаютъ?

Люб. Ничего, ничего — О какъ дивно!

Нем. Добрый человѣкъ! отъ кого де-
стали вы ту саблю и цѣпь?

Люд. Отъ моего друга.

Нем. И охъ умеръ?

Люд. Умеръ для всѣхъ людей, только
тутъ живеть охъ въ прискорбномъ чувсто-
ваніи своихъ герцѣвѣ!

Нем. Какъ назывался?

Люд. Владимиръ Богоносъ.

Нем. Охъ! — и какъ давно умеръ?

Люд. Сорокъ дней уже минуло, отко-
со тамъ, куда Провидѣніе его покланало.

Нем. О какъ ташка, какъ ташка на разѣ!
Земле разстунися!

Люб. Господи! изволимъ менѣ силы!

Гост. Сударине, что вамъ? что излу-
чало васъ такъ нагло?

Люд. Ничто, манушу, ничто.

Нем. Не говорилъ ли — вамъ другъ
шлагетъ о своей менѣ?

Люб. Говорилъ, мысль о ей невѣрнос-
ти не оставала его и вогнала во гробъ.—
Охъ такъ мало есть радостей жизни, а
смени всѣ наши надѣи уничтожаетъ даже
тамъ, ешне бы однимъ стараніемъ быть
дажно, икъ унижати и исполнати; сме-
ли такъ сильную, сердечную любовь во-
ста, отъ невѣрности! — о когда о томъ мысль...

Нем. О — охъ! — сердце ни шукаетъ —
(надесть въ объятіа Людшманъ,

Люд. Дорогая графине!

Мил. и Гост. Воше! она ослѣваетъ!

Люб. Ей боль пронизаетъ мою душу! —
Графине! графине! слушайте мене! ва-
ше Владимиръ вамъ просталъ! охъ благосло-
вилъ васъ испускаючи духъ!

Нем. Что то? — Простилъ! — е, то про-
сваляетъ оскорбленного, во мое дѣйствіе
дѣлается черезъ те болриновѣннѣ, а со-
вѣсть мучительнѣйшею! — о невѣрчениннн
нерзость! томъ рукою его убилъ — волю-
бленного, преданного!

Мил. Убилъ! кого!

Нем. Такъ, томъ рукою убилъ — охъ
вы добрыи люди не знаете, якъ умасное
прокланіе на нѣтъ таинтъ. Я нѣшла нума,
якого только Господъ въ благоволеніи на-
шему роду дати пометь. По вати лѣтахъ
розлучилъ на коротонкое время во волной
нѣжности и любви, дабы ити въ Украину —
оставилъ на матеріи третьего сына.—

Люб. (тихо) Ахъ! мой сынъ!

Нем. Нѣтъ, вѣтъ, вамъ не подобаетъ
о томъ знати. То нерзость! вѣчная тьма
на мене! прочь!

Люд. Куда? Графине, ты несправдди-
ва противу себе самой, твоей отецъ полу-
чилъ вѣрносъ извѣстіе о Владимировой смер-
ти, якоже тутъ преступленіе?

Нем. Легкомысліе и невѣрности — о мой
отче! мой отче!

Мил. Уже снова стучается у дверей!
что то значить?

Гост. Пометь бити разбойники.

Съ двора: Отчинитъ!

Мил. Кто такъ?

Съ двора: Отчини, малъ спалие тѣ съ
твоою хиниюю!

Нем. Я провала, тотъ голосъ!

Люд. Сокрыйте васъ ради Бога, они
хотятъ васъ убити!

Мил. Сойдѣть въ тотъ съодъ! (убо дво-
ситъ дверь)

Люд. Охотно, охотно! Ходи графине!

Нем. Га! тенно якъ въ гробѣ. О Боже!
о Боже! сотвори мнѣ сіе въ гробѣ! (охо-
дять)

Люб. Идѣть Многого, они разраше-
ють дверь. (Прод. слѣд.)

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

Въ учебницѣ Заведенія Стваронгійско-
го въ Львовѣ отбыла для 1. Августа годовыи
исамитъ нѣтъкозъ того Института, Большая
часть нѣтъкозъ вѣстала таковыя нормальныя и
глицинальныя училища Касательно усѣбкозъ ихъ въ
нѣтъкозъ корновонъ, въ рунѣ Данвеси и въ
нѣтъкозъ Пасклин и въ прочиѣхъ предмѣтахъ, нѣтъ-
козъ сей зналъ ихъ всакой вѣхаломъ достоянны.
Особливо во арнаисаи должно постоянныи трудны
нашого родина Г. М. Рудковскогю, учителя ну-
визнального нѣтъкозъ, что сѣторочное теченіе знало столь
великии въ ономъ усѣбкѣ. Съ начала нѣтъкозъ отста-
чала нѣтъкозъ прѣпрасно вѣсть: "Царю небесныи,"
Г. Рудковскыи на оныи головоу улоуеу; по
сѣмъ слѣдовалъ предмѣты, котормыи нѣтъкозъ обу-
чался. Въ заключеніи отставала нѣтъкозъ "Тебо
Бога хвалитъ" и "Многая глѣта."

— Идѣтъкозъ Чешской Житныи зане-
чтыво снны для "Собраніе народныи слованикъ
нѣтъкозъ," котормыи, новеио близкое нѣтъкозъ соот-
ношеніе въ русныи народныи нѣтъкозъ, прѣпоруча-
онъ и нѣтъкозъ соотѣмственныи. Собраніе тое
составлено трудомъ извѣстнаго слованикозъ нѣтъкозъ
Людвѣнта Штура.

— Наибольшаа и безсоннѣтельно издѣлоро-
ншаа въ свѣтѣ нѣтъкозъ наколѣтся въ голоноиѣхъ храиѣ
города Москвѣ. Есть то "св. Евангеліе," даръ отъ
Наталіи Нарднннкозъ, нѣтъкозъ Петра Великогю, храиу
тону похѣртованнаи. Книга таа вычатъ нѣтъкозъ
и 60 еунгозъ и нѣтъкозъ двохъ сазныику нѣтъкозъ,
збыи въ сѣхъ нѣтъкозъ на нѣтъкозъ при обрѣднѣхъ нѣтъкозъ
первоныи нѣтъкозъ. Нѣтъкозъ еѣ, нѣтъкозъ золотныи рѣзбѣи, драгоцѣнныи лѣтъкозъ и нѣтъкозъ
чугунаи. стоить 1,200,000 рѣтъкозъ ерѣ.

— Первыи бѣтъкозъ нѣтъкозъ времени, прѣо.
Адріанъ Жисіе, ухѣръ для 29 Юніа с. г. въ Па-
рану.

— Славянъ французскыи аваднныи на-
уку рознѣсала нѣтъкозъ 1500 ернѣкозъ за нѣтъкозъ
лучшѣе сочиненіе: "О аваднныи романѣтскыи нѣтъкозъ
нѣтъкозъ и драматѣтскыи предмѣталоніи на прѣо."

— Найсавѣтъннѣ прѣродоиспытатѣль нѣтъкозъ
нѣтъкозъ, Англичаннѣ Фарадѣи, говори о сталодви-
нѣтнѣхъ, прѣроизводитъ сіе дѣятнѣе отъ нѣтъкозъ
воруменнѣ нѣтъкозъ (нѣтъкозъ) чѣлѣтѣтскыи ру-
ны и составлѣтъ дѣлѣе особѣннуи нѣтъкозъ, котормыи
нѣтъкозъ, что тутъ о нѣтъкозъ нѣтъкозъ, сѣстрѣтѣтскыи
сѣлѣ и пр. и бѣтъкозъ быти во нѣтъкозъ.

— Вѣсть о смертн славнаго агронома Араго,
сѣобщеннаа рознѣчныи Газетамы и нѣтъкозъ нѣтъкозъ
тавои нѣтъкозъ, оказалоа лѣтъкозъ. Араго нѣтъкозъ, одѣ-
нѣтъкозъ состояннѣ нѣтъкозъ его здѣлорова есть бѣтъкозъ.

ИЗВѢСТІЯ ПРОМЫСЛОВЫЯ.

— Нѣтъкозъ изъ дѣрева. Нѣтъкозъ господнѣ
въ Прусскыи Шлезску нѣтъкозъ способъ дѣлѣтъ
нѣтъкозъ изъ сѣстрѣтѣтскыи дѣрева. И: съ дѣлѣтъ,
того во откытѣ отъ оныи нѣтъкозъ; знатъкозъ дѣлѣтъ
стѣлѣтъ, что дѣрово толчѣтъ въ стѣлѣннѣхъ во дѣро-
внуи нѣтъкозъ, съ котормыи нѣтъкозъ дѣлѣтъ нѣтъкозъ
нѣтъкозъ еще для нѣтъкозъ способѣхъ нѣтъкозъ. Нѣтъкозъ изъ
дѣрева бѣтъкозъ большѣ нѣтъкозъ о нѣтъкозъ таишнѣи, во-
нѣтъкозъ изъ лѣтъкозъ. Сѣстрѣтѣтскыи дѣрово есть въ тоу
дѣлу найлучше, во добрыи есть таишнѣи лѣтъкозъ,
оснѣтѣкозъ и вербѣтѣкозъ. Дѣтъкозъ бы Богѣ, збыи то быи
нѣтъкозъ: тогда нѣтъкозъ быи нѣтъкозъ таишнѣи нѣтъкозъ, во-
торого нѣтъкозъ теперь нѣтъкозъ высиа, т. е. для рѣзѣи
толчѣтъ, аи быи нѣтъкозъ нѣтъкозъ голѣтъкозъ, и сѣ
того радѣ, новеио нѣтъкозъ нѣтъкозъ нѣтъкозъ.

— Въ англійскыи дѣлѣтъкозъ нѣтъкозъ, что
нѣтъкозъ нѣтъкозъ въ Лондонѣ нѣтъкозъ способъ сѣстрѣ-
тѣкозъ (лондоннѣхъ), котормыи на одну годнѣу 100
нѣтъкозъ удѣтъ. Мы знаѣтъкозъ, что нѣтъкозъ вози дѣлѣтъ
на годнѣу 4—10 нѣтъкозъ, тѣлѣтѣкозъ Ерѣтѣкозъ, о во-
торѣи уже доноснѣи нѣтъкозъ нѣтъкозъ. Читатѣлнѣхъ, 12—15
нѣтъкозъ, во 100 нѣтъкозъ на годнѣу, то найде во нѣтъкозъ
нѣтъкозъ. Кѣлѣ такъ есть во нѣтъкозъ, то въ нѣтъкозъ
дѣтъкозъ бѣтъкозъ за годнѣу въ Вѣднѣ(?)

— Другнѣи нѣтъкозъ способъ вози откытѣ съ
нѣтъкозъ сталодвижѣтнѣи. Случалоа то въ Ер-
нѣтъкозъ на Пѣморьѣ, гдѣ сдѣлаѣо нѣтъкозъ нѣтъкозъ
нѣтъкозъ даннѣуи сѣлѣ до ворумѣннѣи лѣтъкозъ. Стѣлѣ
установѣно на лѣтъкозъ, и сѣлѣ особѣ устѣлѣ крутоуи
нѣтъкозъ. Въ нѣтъкозъхъ 20 нѣтъкозъхъ лѣтъкозъ нѣтъкозъ съ во-
дою о нѣтъкозъхъ 30 нѣтъкозъхъ, нѣтъкозъ стала врѣзѣтъ,
а когда нѣтъкозъро еѣ одѣо нѣтъкозъро, сѣлѣтъкозъ
во малѣннуи арѣноу чертѣо и въ 40 нѣтъкозъхъ
нѣтъкозъ нѣтъкозъ. Путь сѣлѣ оворѣнено на нѣтъкозъхъ въ
28 нѣтъкозъхъ. Омытъ тоѣ нѣтъкозъро и нѣтъкозъ особѣи
нѣтъкозъ съ оныи дѣлѣтъкозъ усѣбнѣхъ. Нѣтъкозъ прѣоиссѣтъкозъ,

ВСЯЧИНА.

второй она при томъ опять увидала въ столбиданскую силу, возмозать шить вось учоний свѣтъ, дабы изъ того открытїа старавоа привести всяия невозможныа верытыа для науки а для прощисла. Увидя, что съ того дальше будетъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ЛѢКАРСКІЯ.

— Проессоръ великимъ въ Бланбургъ дръ. Си сонъ открылъ новое средство для леченїа скарлатъ, сухотъ и иныхъ грудаыхъ болѣзней. Черезъ долгіа лѣта лѣкарского дѣйствованїа замѣчалъ онъ, что въ сабривалъ, где овечая волна обдѣлывается, скарлатъ и сухоты весьма рѣдко встрѣчаются, что онъ приписываетъ имено дѣйствию паръ, изъ волны выстунившей. Дръ. Синсонъ достался такою, что виробники при такихъ сабривкахъ, жели уже отъ лѣва о добродѣтели дѣйствїахъ реченой паръ, и для того помыслил онъ водити свои дѣти и старшихъ сухотниковъ до своихъ сабривъ, и поше всегда случалось, что хворыа врятодали до здоровья.

— Громадная старшина города Вѣдла предложила обществу таюшихъ дѣларей свое желанїе, абы тѣмъ воламъ способъ, иныи бы завобѣчи поше злоупотребиенїа въоторыхъ ложныхъ дѣларскихъ средствъ, котормъ, выказаныи по газетамъ, продаванъ бывають за великіа гроши. Такъ на пр. ... "valencia arabica, препорученная газетамъ, яко чудовоое, чадѣвнѣйшее средство противъ сѣнъ слабости, и чюдесаиъ дорого, — а состоитъ, по вышнѣннѣннѣи хъ ичегеннѣи азглядваннѣи, по просту изъ соевачной и кувурчъной нуки.

— Лѣовстїи „Прїятель Доновой“ водееть сѣдлушаче, вошня простое, и по его увѣщенїа, благоутуннѣвое средство противъ провнѣстаннѣа: береться прапной, потогоченой наам четвертину обмѣвовенной чарн, туше всмнѣннѣается до палъ стилианнѣи благоа вина, которое устоновнѣается черозъ 24 годнѣа, абы втѣгнута могло въ себе асеи силу червоей наамъ. Въ лѣнь отъ провнѣстаннѣи польннѣи, долдѣеть хворнѣи равнѣеиоа вередъ сѣдлушачеиъ налнѣеиъ изъ того дѣа обмѣвовеннѣи лѣовчнѣи и тѣше пошторнѣи оше годннѣи, вря чѣтъ да наблѣдѣется строгое дѣа: набулѣше будѣеть, тогѣше лнѣ по вѣти ннѣчего ннѣ до обѣду. Молоде, терпѣеиъ, остроо внѣеиъ лучше ость въ томъ дѣларствѣ, вошеа стрѣе.

— По исчисленїю Хвачичевоа существоеть нѣръ Боннѣи 94.961.750. по счету Ноголоаъ 04.324.400 лѣта.

— Въ продолженїе долѣа послѣдннѣа лѣтъ переселѣлось въ Нѣвоичннѣи до Америки болше изъ пѣль шнѣлоиъ и ннѣтелъ, и то съ исчисленїемъ капиталѣа, бо съ 60 шнѣлоиъ нѣ р. ср.

— „Сербскїа дѣлннѣа“ воозвѣщаеть, что Черногорскїа ннѣа Данило I. будѣеть женнѣтнѣа въ Вѣднѣа съ дочерью барона Сннѣа, за которѣеа получнѣтъ преданнѣеа 700.000 р. ср.

— Недавно обмѣлнѣа въ Лнѣвѣ ннѣмъ лѣнѣа. Добусть, роднѣа съ Нѣвоичннѣи, голѣннѣу алѣанѣеа (амннѣннѣеа) во сѣла. Онѣ салъ ннѣлѣтъ 93 лѣта, а его жѣна 91, обоа перѣннѣа 13 лѣтъ въ ошурѣннѣеа согласнѣи. Родннѣа изъ той родной пары ошѣнѣтъ съ 309 ошѣтъ.

— За одну изъ голѣннѣахъ прочнѣа ннѣннѣеа дорѣговымъ земнѣннѣахъ дернѣтъ одѣа ннѣвоиѣа ннѣннѣахъ прочнѣеиъ ннѣннѣахъ салѣа: ннѣнѣа прѣлѣннѣа однѣа, въ томъ обмѣловнѣеа употребаельса прѣлѣа изъ жѣлѣннѣеа столѣннѣеа. На вышнѣннѣеахъ 16 ннѣвоиѣахъ ннѣеа ннѣеа ошѣтъ ннѣрѣа жѣлѣннѣеа, и таъ ннѣнѣа рѣтъ тогѣеа вышнѣннѣеахъ ннѣвоиѣахъ пошрѣтъ стѣлоа жѣлѣннѣеа, тобы пошѣа ннѣа 4 ошѣтъ ннѣвоиѣахъ; ошѣа по ннѣаа сула ннѣннѣахъ налѣнѣа въ ошѣа 5—4 ннѣвоиѣахъ, то долдѣеть она съ ошѣеа пошѣа ннѣа ннѣвоиѣахъ!

— Во ннѣахъ чудннѣеа стѣннѣа Его Величѣства нашѣа Цѣсара будѣеть воздѣннѣеа дѣлѣа зрѣнѣа для рѣлѣннѣахъ ошрѣловнѣахъ; по тогѣа прнѣнѣахъ учредѣннѣа унѣа въ Австрїа 142 рѣлѣннѣахъ добродѣтелиахъ замѣннѣа.

— Долнѣа Шарѣа въ Черѣнѣа, названнѣа таъ отъ города Шарѣа, предѣлѣеть, что до прѣсѣа природной, одѣа съ надернѣннѣахъ ушторѣахъ всего ннѣа, таъ что по шѣдннѣахъ жѣлѣннѣахъ ннѣеа рѣа въ той долнѣахъ ннѣаа. Цѣлѣа таъ рѣа пошнѣннѣахъ полуаа балѣсалнѣеахъ балѣгулнѣннѣахъ; таъ прѣснѣа ннѣвоиѣахъ не рѣстѣтъ ннѣа, аю таъ; салѣнѣа прѣрѣа ннѣннѣахъ асѣ свои прѣлѣннѣа по долнѣа Шарѣа. Но что на сѣбѣ ннѣрѣвоиѣахъ? Въ ннѣахъ Нѣа случнѣахъ въ долнѣахъ той стрѣннѣеахъ жѣлѣтрѣсснѣа; герѣа Шарѣа жѣлѣа, таъ что 10.000 ннѣрѣахъ ннѣахъ долдѣеть изъ пѣль его рѣлѣннѣахъ. Вся ошрѣннѣахъ рѣлѣннѣахъ ннѣахъ пошѣеау налѣннѣахъ, въ которѣахъ налѣннѣахъ ннѣахъ тннѣахъ и сѣкѣтѣннѣахъ.

— По ннѣннѣннѣахъ статнѣстнѣеахъ ннѣвоиѣахъ ошрѣннѣахъ авѣннѣахъ науа, ннѣнѣа на всѣахъ ннѣннѣахъ сѣбѣ 700 ннѣвоиѣахъ ннѣтелъ, съ которѣахъ ошѣннѣахъ ушторѣа 46 ннѣвоиѣахъ.

(Слѣдуеть Чѣсло 23. „Пѣучѣннѣа Черѣннѣахъ.“)

Издѣвоиѣахъ и таюшѣа ннѣннѣуахъ Стѣвоиѣннѣеахъ
Общѣннѣахъ Рѣлѣннѣахъ Бѣошѣа А. Лѣовннѣахъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Надается еженедѣльно въ Середу два листа, по пятъ годовою въ Листовъ 4. пр. 40. пр. к. н. — съ почтовым пересыломъ 6. пр. к. н. — Казанціа шестырьочно получати платати въ Листовъ 1. пр. 10. пр. к. н. на почтахъ же 1. пр. 30. пр. к. н.

ПОСЛѢДНЯЯ БОРЬБА.

Надо нвомъ буре выла,
Грохъ на небо грохоталъ;
Слѣбый укъ судьба страшна,
Холодъ въ душу проиналъ.

Но не нагъ я отъ страданія,
Горю выдержалъ уларъ,
Сохранилъ въ душѣ желанія,
Въ тѣлѣ силу, въ сердцѣ жаръ.

Что возгвалъ! что спасенье!
Будь что будетъ — все равно!
На святое Провидѣнье
Положила я даню.

И въ той вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Номъ жизнь моя полна;
Безконечно въ ней стремленье,
Въ ней волю я твину!

Но грозн-нѣ ностъ блудо,
Не зови, судьба, на бой!
Батися я готовъ съ тобой,—
Но не сладить ти со мной!

У мене въ душѣ есть сила;
У мене есть въ сердцѣ кровъ;
Ностъ востанетъ моя ногила,
На кровѣ моя любовь!

А. К.

§. 9. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО- ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII ВѢКА.

(Сочин. Антою. Петрушевскаго)

(Продолженіе.)

Самъ даже отецъ его Мишдогъ, взывшій Христіанству, некогъ никакимъ образомъ отвести Войшелка отъ сдѣланнаго имъ конешескаго обѣта, одна только несчастная смерть родителя его и кажда нести вырвала на трогодовое время кляза — нивоа изъ монастырскаго затвора. Признанный государемъ Литамъ избилъ Войшелка бесчисленное множество людей, называя ихъ предатели. Довлонгъ, одинъ изъ славнѣйшихъ родственниковъ Мишдога и винователь его смерти, бжалъ теперь въ Псковъ, преставился здѣсь подъ именемъ Тиносаи и билъ храбримъ защитникомъ Псковитякъ отъ суздальскихъ Нанковъ. Усердними помощниками Войшелка во всѣхъ его воинственныхъ подвигахъ были Шварно Давидовичъ и Владимірскаій князь Василько; послѣдній Войшелку называлъ своимъ Отцомъ и Господиномъ.

Въ сіе важное время дружескаго сближенія Литвы съ отечествомъ нашимъ, угасла дostoлная жизнь знаменитаго Данила, короля Галицкаго (1264) 95.). Вотъ, какъ прославляетъ русскій Исторіографъ нашего Данила. „Король Галицій, говоритъ онъ съ огнемъ, былъ славный воинскии и государственнымъ достоинствомъ, а еще болѣе отъявлялъ милосердіемъ отъ когото не могли отвратити его ни взятии, ни самая гнусная неблагодерность Воюръ илюстимыхъ: добродетель радкая во времена жестока и столь бурна. Милостивый къ подданнымъ, онъ и въ другихъ отношеніяхъ исполнялъ уставы нравственности: въ юности чтылъ князей старшихъ, изъяснялъ науку любовь къ матери и къ брату, получившему отъ него въ удалъ область Владимірскую; поинилъ благоудавіа, ему оказанныи; наблюдалъ правду иярности въ союзахъ, побѣдани и разуюноу утверждалъ безопасность и честь Держави Галицкой; помещаломъ Моголовъ разстроенный въ видахъ своей Политики, не утрачалъ бодрости духа: хотя не ногъ совершенно избавиться отъ ихъ свиряпаго тиранства, не закрылъ глаза съ надеждоу, что его иотонка будутъ счастливы, следуи принятой имъ системы держатиса союзи Государей западныхъ. иногда обольщати варваромъ золотоу и сирреніемъ, иногда устраниати сломъ въ ожиданіи, что они, какъ Гунамъ Атталіамъ, какъ Обрмъ, исчезнутъ,

95. Ист. Лвт. 302. „Король (Данила) башеть тогда ишлъ въ боиствъ велику, въ вой не и своеча ишеть своей, а полочина не поранъ святый Богородици въ Холмъ, ише бо самъ сядеть. Со ше король Данила ишлъ добрый, харобный и иудрый, аше оеода города ишети, а иарши и украси ѓ разволичими прощати: башеть бо браталюбость свѣтеса съ братомъ своимъ Васильмомъ; сей не Данила башеть оершій по Словенскъ.“

оокруженные или внутреннимъ междоусобиюмъ или общимъ усиліемъ Государей Европейскихъ. Сіа надежда не совозмъ обманува Данила: его проинни рабствовали поше имъхъ князей Русскихъ, уважаниомъ и Ханамъ и соседственнымъ христіанскимъ державамъ, которыя въ теченіе цѣлаго века считали княжество Галицкое зарнимъ для себе еилотомъ съ опасной стороны Моголовъ.“

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВСПОМНИКИ СТАРОСЛОВЕНСКІЯ.

I.

Како тоу, кто рано возншеть
Словъ Отцовъ, шъ славои и дѣламъ
Слушати речушо пошлшеть,
И съ утѣшениомъ, съ сирреніемъ чувствамъ
Зреть, что въ вошъ стоить в сѣтѣ
Къ шъ словомъ причлшеть речеть!
Гета.

Древнии Словене ишли великое почтанио для священныхъ мѣстъ, где божищъ своимъ поклонились. Пейславянскимъ мѣстцомъ словенскаго идолопоклонства и престолинимъ сѣдлшщемъ словенскихъ божищъ былъ городъ Архиовъ. Городъ сей стоалъ на островѣ Ругиѣ, въ балтическомъ морѣ, на северномъ островѣ того побережїи. Тамъ была святица съ иступаномъ ивишисаго божища Свѣтосида, а въ ней неизмѣрнии богатства и драгоценности. Было убо установлено по закону, чтобы третью часть военныхъ добычей жертвовати селу божищу, а крова того должомъ былъ князид Словенскъ, почести воздающій Ругиѣскому Свѣтосаду, платити громи ико поголовное въ пользу святица. Къ тому отдаваони были въ ерковскую окарбицу различими дармъ отъ князевъ, побожнихъ иутемешаениковъ, королей и даними подбитыхъ народовъ. При тойже святицѣ удерживае 300. рыцарей, аше почестную сенту

Световида, которыхъ добычь принадлежала также святымъ. Изъ того пребогатого соправнща Датчанскій Король Вальдекаръ I. слободили Аркосу и разорили поганскую святыню, воздвигнувъ 12. христіанскихъ церквей на острове Ругиѣ.

Якъ Аркоса, такъ и городъ Ретра былъ одинъ съ найславнѣйшихъ сѣдлицъ словенскаго идолопоклонія; городъ той былъ въ Магдебургскомъ княжествѣ, созданный на 9. островахъ; въ немъ были собраны все словенскія божища, отъ чего Словене изъ вѣднѣйшихъ сторонъ путешествовали въ Ретру, аю въ средоточіиъ наболенства западныхъ Словенъ. Мохъ божищамъ отдавано одинакомъ наибольшую честь Радегасту, котораго святыня была дужо богата и истуканъ изъ золота. Въ 955. году Немецкіи Цесарь Отохъ I. разорилъ и сожегъ Ретру, котору потоку снова отбудовано на 3. островахъ; но наконецъ разорилъ и вторично Генрихъ Левъ г. 1150. такъ, что на ей части стоитъ теперь село Пральнице, недалеко новаго Бранибора надъ ркою Долечесю, и только невеликій холмъ, носящій домища ния Ретры (Retraberg), возказываетъ древнее сѣдлице словенскихъ божищъ.

Кіевъ, уже въ первыхъ вѣкахъ Словенскими славныи богатствомъ, величиною и торговлею, былъ неменше важныи въ религіонъ отношеніи во временахъ поганскихъ на Руси. Тамъ бо найме все знаменитѣнн божища нияли свои истуканы и въ первыхъ годахъ владенія Владиміра Великаго сдѣлали оны истинныи наболенскіи средоточіенъ сѣверо-восточной Словенщины. Особлившую честь отдавано, по преданію Нестора, слѣдующимъ семи божествамъ: Перуну, Велесу, Дажьбогу, Хорсу, Мокоши, Смерглю и Стрибогу. Къ тему причислать нужно еще веротки русскіи божища: Колладу, Кувала, Лада, Лада и По-

леда, которыхъ именъ въ народныхъ русскіихъ пѣсняхъ домища упоминаются. Съ возведеніемъ христіанской Вѣры чрезъ того же Владиміра I. перестали Русскіи божищамъ такъ поклоняться.

Немгородъ ннать въ старину такоско значеніе, якъ Кіевъ и былъ такоско сѣдлицемъ божищъ восточной Словенщины. О городе семъ остало такое преданіе: Ннкій словенскій князь и чернокнижникъ Волхотъ или Волхъ учредилъ городъ Словенскъ, который въ послѣдствіи врементъ разоренъ былъ врагами. Городская старшина совѣщалась нагъ такъ, якъ бы новыи городъ учредить и назвать. Наконецъ рѣшено розослать воемъ и что нибудь она первого встрѣтитъ, тоо должно быти уголиить каменомъ будущаго зданія. Послѣ встрѣтила днтя, которое положено яко уголиить каменъ и воздвигнеи городъ, отъ того Дзтиница въ званіи. Но городъ, притяскаетъ былъ то чуюно, то ворогани и незадоло истонъ снова разоренъ. Жители переселились въ край надъ Дономъ. и ажъ во воздвигеніи Кіева въ 430. году вернула и учредили новыи геродъ, который съ такъ горъ наречено Немгородомъ.

Кромѣ такъ четырехъ найважнѣйшихъ сѣдлицъ словенскаго идолопоклонія было еще нѣсколько славнѣйшихъ геродовъ, въ которыхъ отдавано честь неоднокимъ, истиннымъ божествамъ. И такъ: Радциборъ въ Мекленбургскомъ (Ratzeburg) ннать святыню Живы, котора принадлежала къ Троици начальныхъ словенскихъ боговъ, и всюду была почитаема; наибольшу же честь отбирала у Словенъ Полубожища.

Щетанъ на Поморыи ннать богатую святыню Тривлава.

Гнзвно древній престольный геродъ Польскъ Налвисланскіихъ, ннать вельможный храмъ богани Нія.

Ренове, священное место в средоточіе божицъ у старыхъ Пруссовъ, которыя вразъ съ Латовцями стояли въ близкомъ средствѣ со Словени. Такъ почитано Троицу прусскихъ божествъ, а именно Перуна, Шикола и Потриина. Тамъ стоялъ Перуну посвященный дубъ огромной величины и такъ густой, что не проходилъ сквозъ него ни свѣтъ ни дождь. Дубъ той съ помѣщеніемъ подъ нимъ божествъ былъ ослепленъ сукнами, и его открывало только въ великія праздники, чтобы указать божество народу.

Вильне е, славное било почитаніемъ Перуна или Перуна, въ честь котораго удержавано такъ вечный огонь Сичъ.

Вингоградъ, егоже розвалими деселъ обратяются въ Моравіи, былъ престольницъ городовъ великой Моравской Державы и подвластныхъ ей краевъ, къ тому саднищенъ словенскихъ божествъ амъ до введенія христіанской Вѣры чрезъ словенскихъ вностодець Крала и Мееодія.

Берно, нкало славами хранъ бегни пресоты и лѣван. Красовани или Лады. Также почитано в Перуна, отъ котораго впроектъ самъ городъ сталъ называтися Пернонь или Бернонь.

Прага, учрежденная чешкою владичицею Амбустею, стояща Чешской Державы и головное саднище ботовъ, въ томъ вразъ почитаемыхъ. Наибольшую часть отдавано такъ божицу Яесоуи.

Гори бывали обыкновенно пѣстичь, где воганскіи Словене вбоженства свои отпрямля, и прежде, закътъ города повстали и вкакъ для божествъ храми изъ нихъ воздвигано, указано преимущественно гори и холми въ жилища боготъ. Мѣстъ тамъ знаменитѣиши были:

Радегость, или какъ теперь возуть, Радегость, найменитѣиши гора въ Моравіи,

недалеко шлезской границы. На той горѣ нкалъ Радегость свой хранъ а священнай гай; такъ обхожено враздники его и приношено жертвы, обыкновенно середъ лѣта. Сюда собиралось множество народа не только съ Моравіи, но в съ дальвейшихъ словенскихъ краевъ, принося божеству на жертву воли и овни, моля его о счастьи и побѣду надъ врагами, при чѣкъ отбивался звычайно велеганный впръ съ власскани и гудьбою. Такожъ после отнесенной побѣды приношено ему часть добычи на жертву. Св. Киралль и Мееодій, впривѣстіи Моравлянъ христіанскую Вѣру вразорали хранъ и истукакъ Радегостя. Съ такъ однакъ не кончилось почитаніе сей гори, бо окрестный народъ не вразрекъ своего обычая, а даме по вриятіи христіанства чрезъ долги вѣки собирался сюда толпами и чрезъ чвтире недѣль после враздника Ювнина Крестителя обходиль на той горѣ народными торжества со свизонъ, власскани и гудьбою, такъ что едва передъ нѣскольکو десатью лѣты обичай тотъ, по вправительскому запрещенію, усталъ.

Гостинъ, такъоъ гора въ Моравіи, близъ города Быстрицы, нкаеть по впредаданію, свое имя отъ гостинъ, которыи на тойже горѣ во честь Радегостя обходились. — Гора таа сдѣлалась славною 1241. г., когда Христіане скоронились на ней передъ Татарани; и когда, для недостатка воды, они едва не погибли отъ жажды, показалось имъ вмерало, чѣкъ ободрени, ударили на Татаръ и розгромилъ ихъ совершенно.

Соботка, гора на прусской Шлезску, недалеко вѣсточки тогоже имени. Кажется, что была она посвящена божицу Соботу, водъ которишь та именовъ почитали Шлезскіи Словене Перуна, какъ Полкии и Чехи водъ именовъ Есоа и Яесоуи. Названіе слав-

то-ювиевских огней Себетки и и, согласное съ именовъ горы, подтверждаетъ тотъ домысль о чести божища; понеже знаютъ, что Перуну посвящался огонь и во его честь соблюдался священный огонь Сичь.

Чернобогъ, горы въ Луницяхъ близъ Будинява, съ чудовищными скалами. Доселе показываютъ на месте, где югованскія Словено зверей на жертву убивали. Другая сторона горы именуется Прасица, отъ сорабского слова прасати (пытати, сиромшвати), где Луничено сиромшвали боговъ о будущей судьбѣ. Недалеко стоялъ истукникъ Флявса, божка восприсягающего жертвѣхъ.

Ракъ былъ также въ почести у древнихъ Словенъ, и то именовъ доказуютъ о подобіи Словенскаго богослуженія съ Индійскимъ, где также воду високо почитаютъ. Особенно была честь таа розширена у Словенъ восточныхъ. Изъ всѣхъ ракъ наибольше почиталась:

Бугъ, такъ одинъ, втекающій во Валу, якъ и другій, впадающій въ Черное Море. Именовъ же о почитаніи другого именовъ достоверными свидѣтельствомъ. Къ нему сблизалось всегда съ наибольшемъ почестіемъ, черпиво воду его съ благогованіемъ и никто не дерзнулъ въ него плюнуть или священную воду его явить будь способомъ оквернить.

Дневерь на Украинѣ дознавала таковой чести, якъ и Бугъ. Тринадцать пороговъ или водоводовъ его. ико и острова была посвящена божественной чести и народъ со всѣхъ сторонъ Руси путешествовалъ къ нимъ, якъ би ко святыхъ изстанъ. На одномъ съ его острововъ, на четыре дни путешествія отъ устья въ Черное Море, привосили Кіевляно ежегодными жертвамъ, именовъ въ посацъ Червию. Доселе находятся на берегахъ его великія пещеры, якъ намететъ,

забитки югованскихъ обрадоу дровищъ Русиновъ.

Донъ, Волга и инии реки были такоже почитаемы, однакоже только отъ югованскихъ жителей.

ТАКЪ ИНОГДА ЛЮДИ ЖЕНИТСЯ

Повѣсть

(Книжка.)

IV.

Осень быстро приближалась въ Бузовиню. Горы отивали и побликли. Только вран зеленели поля, засыпанные озимкою, и на дугахъ нестрали красными осенніи цвѣточки — предисертный румянецъ скороньке умиращей красавицы — гать. Утренній воздухъ дывался холоднѣйшимъ и чистѣйшимъ, застучали цѣпи на гунахъ, уставленныхъ золотыми сирдани; полетали на нѣгъ птицы, съ ги — конъ носкавали въ горы страпцы — охотники за быстринъ зайцевъ; до юблизкаго городка пришелъ новій отрядъ пѣхотнаго войска.

Физионіа городка того измѣнилась; но улацать стали ходати люди въ оуракахъ; всакий вечеръ передъ квартирною пѣхотнаго команданта грепали насѣньки:

Мы тебе любимъ сердечко:

Будь намъ Печальничковъ вѣче!

Полковній адъютантъ здѣлъ верхомъ на кудой кобылѣ; дочери пиванткихъ горожанъ набирали въ кулеческихъ лавкахъ на помы платя; въ трактирѣ стучала бильярдными шарами и стаканами; до Черновецъ носкавали курьеръ за картанами. Городокъ оживился, рождала проишленность...

И вотъ, изъ веселого городка, якъ отъ центра, въ розниціи сторонахъ поросходилась угоненниціи конни на зинки квартири. Въ деревнѣ Василія Петровича назначень ротный дворъ капитану Здрау. Привоканте себа хорошешко, вы чайне видали того пѣ-

штана. У него круглое, полное лицо, короткая, кудрявая волоса золотистой барам и колесообразны ноги. Въ полку онъ слылъ шпронголь, эдакольт, танцероль и ностероль роскорковати бутылка; онъ не високо цышилъ денсин бесяди, а вьсьня люблял пунить съ липоньомъ. Въ залку и теперь еще рассказывать много анекдотъ про капитана Здрава. „Послушайте,“ говорил некто недавно одинъ почтенный офицеръ, кой добрый знакомецъ изъ школы, „послушайте, а воть россказу удивительную исторію. Однажды, во время стоянки нашего полка въ Сучавѣ, капитанъ Здравъ проигрался до чиста, въ одну ночь все проигралъ, все решительно, даже ружейную отвертку... Плохо пришло доброду молоту! Что бы вы сделали на его мѣстѣ? А онъ ничего: банд! далъ ротъ приказъ: собраться на ротный дворъ въ полвои аунинця, забивши раницы сапоговъ. Рота двинулась, капитанъ осмотрыль шю, поблагодарилъ за исправность и приказалъ, для облегченія людей на возвратномъ пути выловути по ротному двору сыно. Цыши на оуражи были тогда огромныи; воть, вышинули солдаты сыно... Вечеромъ капитанъ вьставалъ въ банку возъ сыно въ десять рублей, ни прьстали; завязалась игра, и изъ сыгу Здравъ все воротилъ, да еще у одного нашего коручника выигралъ десять томовъ Кромеевского, лагавну собаку вь оурун кобылу. Воть такъ!“ Тутъ офицеръ быстро поверотился и помогъ шпринимъ прокази по коньцатъ, чтобы дати мѣня свободу соорозити всю удалъ того предприятія.

Капитанъ Здравъ прибылъ счастливо на зимній квартири въ деревню Василія Петровича, сейчасъ проводалъ, есть ли у помещика дочь, хороша ли, богата ли и проч. обыкновенными возросшими пункти устава коети почувающихъ мѣняховъ, а черезъ три дни по приѣздѣ, вышинули съ пріѣздали по три

стаканы липонного пунша, отправились энциконитись къ помещику, подарю емкая съ его стороны приглашенія.

Въ скучный осенній донь, Василій Петровичъ, осмотравши работы, читалъ „Ен е й ду“ Котляревского; погода была сырая, на дворе вечерало, и онъ едва ногъ окончати нераву нисню, взялъ скрипку, сталъ лацить къ окну и заигралъ журвала. Первое отдѣленіе нисни сой онъ только припавалъ, но когда дошло дело до второго, изъ него слеталъ музыкальный восторгъ: лавою рукою началъ Василій Петровичъ выигонзати ничканато, а правою артистувалъ въ тактъ смичкомъ по скрипочной досцѣ. Въ то время отворилась дверь, и вошелъ капитанъ Здравъ: ни вѣтъ былъ сонскій сурдуть, велакій голстухъ и въ рукахъ оуражика.

Капитанъ вьжливо рьстаркался. Василій Петровичъ смотрѣлъ въ окно; громкое ничканато звучало въ коньцатъ, смичекъ съ усердіемъ пловалъ скрипку въ розныхъ мѣстахъ, якъ бы пробуа, где она вкусѣиша. Капитанъ новѣсилъ на оловій рогъ оуражику, подбоченался и нутился вышлѣснати журвала. прикрикивалъ: „разъ, два, три, четыре! разъ, два, три, четыре!“ Василій Петровичъ оборотился, поспотралъ съ любовью на тлѣющаго а заигралъ съ нивѣишо.

Капитанъ танцовалъ;—Василій Петровичъ поремѣнялъ журвала на колонийку: быстрайшии стали движенія капитана; онъ леталъ изъ угла въ уголъ, якъ эластичная шилка.

Наконецъ Василій Петровичъ почти вергъ на столъ скрипку и кануло обниати Капитана. „Съ сой вери вы, милостивый Господомо, для мене любезнайшій человекъ въ свѣтѣ. Первого человека а вижу, который дѣлаетъ то, что нужно. Я играю—вы тан-

цвете. Я перестала — и вы перестали. — Так и должно быть! Слава Богу, а намелъ человека! Садитесь, похвалите.” Капитанъ шаркнулъ ногою, поправилъ галстухъ, и тяжело вздыхая, сѣлъ на кресло.

„А я вотъ все читаю новости,” началъ хозяинъ: „недавно выдукали новый темекъ, котораго прозвали Полькою; нушка для ней довольно хороша. Вы знаете туя пшаску?” — Не знаю. — „И хорошо, что не знаете: въ ней нужно крутиться такъ яко въ вальсе, а се темекъ не по нашему вкусу.” Подобнымъ разговоромъ продолжались во весь вечеръ.

Капитанъ обморозилъ Василия Петровича. Когда подали чай — Здравъпилъ чай; принесли пушкъ — онъ началъ пить пушкъ; подали вечерю — онъ сталъ есть; а когда Василий Петровичъ сказалъ: „я думаю, намъ пора спать,” онъ взялъ фуражку, прастукинулъ каблуками и исчезъ. „Милостивый Господи!” закричалъ хозяинъ уходящему капитану; — капитанъ явился, какъ сивка-бурка въ сказкахъ нашихъ дѣдовъ. „Я знаю хочю сообщить вамъ важное,” говорилъ Василий Петровичъ: „сделайте одолженіе, садитесь. Вотъ — скажу вамъ: у меня много и грашей и лану и всякого скота, только недостаетъ вата; вы человекъ достойный: хотите ли жениться съ моею дочерью?” — Съ наибольшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ капитанъ. — „Ну, такъ давайте вашу руку! Алетя пойдя сюда, дозволю тебѣ тосковать и плакать; вотъ — твоя женахъ.” Рукавице събжалъ съ лица дѣвизи; она змѣталась и оперлась рукою о столѣкъ. „Не церепенитесь же, капитанъ” продолжалъ Василий Петровичъ, „что вы какъ пугухъ грѣбете погрома землю? поцалуйте вашу невѣсту.” Бѣдная дѣвчанина не опомнилася, какъ Здравъпилъ поцаловалъ ю гронку, такъ гронку, какъ деревенскій староста свою жену въ

день воскресенія Христова.

Въ недѣлю послѣ того два холодинъ поручики сонгла целую четвертку турецкаго тютюну, толкуа в томъ: зкую зиткуа жену захватилъ себя Здравъ. А баронтъ Шпальцъ говорилъ соседу: „я полагаю, что зать Василіа Петровича удвоить набитоа кнатьа въ одноа году.” — Въ тотъ день и поручики и баронтъ Шпальцъ и соседъ возараталась со святѣбы пантана.

у.

Года молтера послѣ той святѣбы, какъ случалось прозакати Буквану. Я слышалъ на почлегъ къ Василью Петровичу. Солнце село, и тихій ветерокъ, прохладная воздухъ, приносилъ съ лану гронкиа пѣсни перепелки, когда я увидѣлъ деревню Василья Петровича. Кони, взнуоченныя днѣвникъ паронъ, начали шпркати и бодритесь, чуа скорый отдыхъ, и я дуналь увидѣти нилуа Анну Васильевну, услышати „мурала” и новости прошлаго года...

Вотъ вы уже у воротъ. Въ савѣтъ ли уже Василій Петровичъ? подумалъ я; у него на дворе шумъ и линовалье. Звучный те-поръ заводитъ яку-то отрявистую, обѣзную пѣсню; удалий хоръ подхватываетъ и и вторитъ съ прищелкиваньемъ, съ присвистомъ — сущая оргія! На крыльца стоить колченогій человекъ, въ сурдута съ червоныхъ воротничкомъ, опустившая руки въ кишени линовскихъ шарэвартъ. Передъ крыльцоа на маленькоа столѣку кинитъ саковаръ; дужай, красноногая дѣвка, живцеаъ взатаа съ карткаъ Теальера, приготавлиаъ пушкъ; кругомъ два десятка солдатъ и шарей ревуаъ разгульную пѣсню.

„Дуже радъ гостить,” закричалъ колченогій человекъ: „милости просить.”

— Я не знаю удовольствія знати васъ... Дога ли Василій Петровичъ? ..

«Я зять Василья Петровича, отставшии капитанъ Здравъ. Прому честиливо. вступаю до васъ.»

—Весьма радо. Но где Василій Петровичъ?

«На Василья Петровича, любезнѣйшій гость, уже больше года получаютъ провѣщать на другоиъ святъ.»

—Такъ оны уверъ?

«Давно, милый гостю, въ два поледи пошла моея святбы. Гей, Танька, нушу! Прому навѣстиса за уюкою батеньки!»

—А ваше сокруга?

«Отконадирозане... Его, да вы не шьете вушу? Пожалуйте, коронопн въ стору; ни люди военниа. Федькой что ускулъ? Ярославску!»

И хоръ запѣлъ:

Изъ волъ дуба, изъ волъ алы,
Изъ волъ вьзова перены,
Вьзаетъ зѣйка — геростайн,
Вьсетъ въ рукавъ вьзвену,
Про думу вьраску — вьвину!

«А якъ? милый гостю,» кричалъ Здравъ: «вѣдь те все хохлы! а вьхъ помучалъ, да пошьте вьнѣ по генераль-бассу! Гей, пой-те дальше ребята!»

Едва я ногъ отговоритиса отъ насень и отъ нуши, сказавши, что мене болить голова, и умелъ спати съ твердынь навьреннѣиъ прожити въ тоиъ онуте хоть два доби, не дождатиса Анни Васильевни. Празнвнъ — грашннй человекъ — нева хотѣлось поспотрати, якъ вьлоситъ она подобниа нуототи. Ушли со милое твореніе ногло вьривикнути къ тому своего нужа? а если нѣтъ, то я хотѣлъ видѣти, якъ она велеть себе вьросторонннхъ лодахъ и проч. словонъ, вьхотѣлъ ретрэнити якую психологическую задачу, которой и самъ не понималъ хорошнъше. То ни часто далають, только рад-но признаюса...

До полноти педавали мене свати днпозннй хазанн; неговъ ланнлосъ коньери съ

своини плакснннми елегннн, а таиъ — долги ли летниа ночь! — начало розсвѣтати. Восточное небо загоралось тонкннъ ружннцонъ, въ воздуху стало свѣтло. ногъ самннхъ окнопъ моея коннаты звѣла нлннновка. Кто просннветъ восходъ солнца, тотъ просннветъ лучшнй часм жизни. Снотри на ту великолнпную картану, а въ душъ моея прощанъ заблужденія солнценоклонннковъ.

Я одѣлся и вьшелъ въ садъ. Утро было такое; роса крупнннн капляни жемчужннлась на растаннхъ; птнчка весело члннкнла, отряхнвая крылочки, вьрпгая съ вьткн на вьтку. На Соретъ переклннкнвалася кулннка.

Года два якъ я бнлъ здѣсь, въ то снное время и въ такое же утро — и якъ съ таиъ хоръ переннлнса тотъ садъ! Дорожки покрьнлнса травомъ, нлнгоиъ дерева срублени, цвѣтннй огородецъ заросъ крапивою и даже лнбнннн вьстн розъ Анни Васильевни были сложенн разонъ съ травомъ, вьротнпо на корнъ для коней! Я невольпо водомелъ къ знакоюй альтанцъ; кудрнннн черешннн нзвала по прѣжнему, и — предствѣте мое уднвлѣнне — онаиъ въ якъ таиъ она полнлнса!... Прнспотрнваюсь — вь полурннцѣ балеть ей плѣтье, а поднраднваюсь и бережно розвожу рукави вьтан. Въ то время перанн лучн солнца розосклнлн таиъ и ярко освѣтлн передо мню балнй деревнннй крестъ: облнннй розовннй свѣтлонъ, казалосъ, отъ планннлъ незднннннн огнень; на цѣнъ было навнсаво налннн чернннн бузванн: «Здѣсь поконтѣса тѣло раби Божней Анни, бнвшей сокруга капитанъ Здрава...» Больше я не ногъ читати...

Въ полчаса я уже ахалъ дальшо отъ деревни Здравъ.

«Да, милый господине,» говорнлъ мене нлноръ отъ вьхотнго поля, когда я розоска-

заль ему нову встречу съ кантаванъ: „да, стубила жвантба доброго человека! Ксби не былъ ты жоньяса. Здрова — былъ бытоверь палоронъ! Охъ, тѣ женщины!“
К. Гр.

НЕМИРА.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

(им Малогого съ некоторыми персонажами)

(С. Онуфриевича).

Явленіе шестое.

Родославъ, Володинько, Богумилъ, Любеларъ, Малогость, Гостирада.

Род. А что? не въ состояніи ли я найти себя входъ? Не признаю тутъ двѣ госпожи?

Гост. О нѣтъ, благородный господинъ!

Род. Не былъ ли у васъ нѣтъ какой бояринъ?

Гост. Былъ, но госпожей не было никакихъ.

Род. Честны ли вы люди?

Мил. Честность есть все, что въ свѣтѣ нѣтъ.

Род. (приглядывается ему) Кажется, что истину говоришь; чертъ твоего лица не суть двосмысленны. — (до Володка) Останься у тѣхъ людей, пока не возвращусь, ты на злыхъ дорогахъ больше препинаешь, немалы помогаешь. — Старче! юноша останется у тебе, пока не возвращусь, не содѣлай ему оскорбленія ни на волосокъ, ежели ты и твоя жена хочете доброю смертью умерти! сохрани его, и тотчасъ возвращусь.

Мил. Сохраню его какъ мою жизнь! (Родославъ и Богумилъ отходятъ)

Гост. И чѣмъ поможешь, что и отпиралася госпожей? Какъ возвратится, те о нихъ необходимо дождается.

Мил. Невѣжливо! — Скажи мнѣ благородный вноше, кто тотъ горячій человекъ, который кажется только тебе любить?

Вол. Графъ Родославъ, мой отецъ!

Люб. (тихо) То охъ! мой сынъ! Боже! нѣтъ его не обрѣти!

Мил. Родославъ! Не въ тѣхъ ли сторонахъ вамъ дворъ?

Вол. Въ тѣхъ.

Люб. Родославъ твой отецъ? какъ ты называешься?

Вол. Владимиръ Богошось, такъ назывался мой родный отецъ, не охъ уже давно умеръ.

Люб. О мой, сыну! — мое бѣдная дѣтино! твой отецъ умеръ, а — я живу! — (обиниаетъ его) сыну мой!

Вол. Кто вы? а васъ люблю, жетѣ знаю. Кто вы?

Гост. Малогость! выпусти уже госпожи! (Малогость подноситъ дверь)

Люб. Теперь подобаетъ мнѣ ухаживать еще разъ! (обиниаетъ Володка и уходитъ)

Вол. Кто тамъ въ нѣтъ? Можеть быть то вертепъ разбойниковъ? для того ушелъ тотъ добрый человекъ, для того плакалъ и любилъ до мнѣ! но (хватаетъ за саблю) а буду бороться моею саблею (узрѣвши мать) о маме!

Нем. Володинку! Володинку! охъ! (цѣлуетъ его) где Родославъ, чего охъ тутъ хочеть?

Вол. Мы только что вѣрѣхали въ Ничевъ дворецъ, заралъ довезъ одинъ изъ вашихъ слугъ отцу, что вы оставили домъ. Тетчасъ сѣли мы на коня; но какъ мой отецъ знати ногамъ, что вы тутъ, того не поминать. Что вы тутъ робите, манушко?

Нем. Тутъ будетъ мое пребываніе, такъ Богу угодно. — Не истинно ли друшка,

что наилучшее тутъ?

Лид. Ахъ такъ, все чего ты боишься!

Гост. Сударины, я боюсь, чтобы не пришли назадъ тѣ бояре, которымъ вѣсь издавать. Скоро будетъ полночь. Я постану вѣшь на сокромтомъ мѣстѣ, где будете спать ночить.

Нен. Почти! если бы вы тоѣ учинили, добрая мена!

Гост. Ходить только со мною!

Нен. Добрый человекъ! емели графъ Федославъ во вратисъ, то дайте ему тоѣ (отвизууетъ золотую цѣнь отъ шнѣ и даетъ ему) и скажите ему, что я тутъ была, но теперь мена уже нѣсть — слышите? уже нѣсть! — Емели того молодца во вознеть; — то будьте вы ему отцѣнь.

Вел. Мано! для чего вы плачете?

Нен. Для чего не плачешь ты, мой сынну? Такъ, щадя твои слезы, чтобы никогда ты плакать ногъ на день, въ которомъ родилса, на каждый годѣлуй, который двалъ ты матери твоей! Ходить спати. Хотяи сонъ убѣгаетъ отъ несчастныхъ, которымъ наибольше его требуютъ, однако емели духъ мой не оставить эту гадку, то я буду лучше спати, немели вы всѣ! (отходитъ. Ненира и Людомила ведутъ Володичка за руки)

Дѣйствіе четвертое.

Въ дѣлѣ. Ночъ, вѣсь спати. Въ дѣлѣ романи Герцоговскаго князя; во передъ при бѣгъ поганъ съ престипъ надгробіа.

Явленіе первое.

Воспалала сидитъ на лѣжкѣ.

Ахъ до того вѣдетъ отступленіе отъ отаи честности! — Такъ легко быть честнымъ человекомъ, такъ прекрасно совѣсть твоя погоромаетъ; — старость добродѣтели отъ предчувствованіа небесныхъ

радостей! — а н! — о емели бы не было и никакого наказанія для бездѣльника, то сіе мученіе было бы уже наказаніемъ довольномъ. — Домько! домько! сколько разъ будешь мнѣ клала!

Явленіе второе.

Любомиръ подводитъ

Власт. Га! уже снова идетъ тотъ съ ужаснымъ своимъ видомъ!

Люб. Сосѣд! емели любите уединеніе спокойной ночи и темного мѣса, то обратитъ ваше сердце ко мнѣ. Мнѣи души одинаково истроены. — Все такъ величественно, такъ сильно дѣйствующе — даже наше теперѣшнее бѣдствіе уменьшается мнѣтскими радостями, мнѣи ны наследдтитса мнѣмъ въ воспоминаніи иль надѣянн!

Власт. (не азирая на него) Я видѣлъ однажды человекъ, который сдѣлалъ такъ великіи преступленія, что не было для него больше похитованія. — Онь умерталя себе!

Люб. Горе ему! онъ изирнулъ самъ себе въ вѣчное проклетіе.

Власт. Для чего?

Люб. (идетъ до него) Человѣкъ не нѣветъ никакой власти надъ своею жизнью.

Власт. Для чего же надъ своею волею? сіе можетъ онъ направитъ къ добруму или лукавому, се большая власть, немели власть надъ житіемъ. — Ой! чтото!

Люб. Я не слышу ничего. — Вы дрожите! чего вы боитесь? Я не боюсь ничего. — Стрину! я сомалю о вашемъ состояніи. Ходить, расказитъ мнѣ ваше несчастіе. Емели ваши терпѣнія тамши немели мнѣ, то облегчите мой боль; емели мои любѣянн, то вы будете могли утѣмтиса.

Власт. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Я всѣ боюсь, Вы истиннй ангель посланный исти-

тнеш, чтобы мою душу теряти. — Я вѣсь прошу, идѣть, дозвольте мнѣ сіе уединенное мѣстце, чтобы ја разговороваля съ гробомъ и смертію.

Люб. Старшину! не думайте о гробѣ, смерти, яко о покой и цѣли, а думайте, что се вхождѣ до вѣчности — (указуючи на могилы удаляется)

Власт. Откуда же сіа больнѣ? и и не могу больше оставися — о Боже! возьми сію тоску отъ мене — или — (отходитъ)

Явленіе третіе.

Валера.

Где и? — не блистаетъ ли ни единая звезда на небѣ, чтобы освѣтила мой путь? Ты повѣреннику моихъ ночныхъ воплей, веди мя туда! — (узрѣвши могилу) Га! вотъ она! — Милая, ты милая могила! ты мѣстимъ мои радости всѣ, мои надежы всѣ и мое счастье! — Не содрогайтесь кости, смели я прикоснуса до обители вашей, не содрогайтесь — смели моя кровь къ вамъ просияеть! — (сѣдаетъ на могилу и кладетъ коло себе саблю) для чего мнѣ бы Присноусущій гнѣватися, смели бы я сіе покрывало изъ себе кинула! ово обезображаетъ дѣло его созданія. Не продолженіемъ ли грѣха продолженіе моего бытія? — О тая надъ звѣздани обитаешь ты, блаженный! о глянѣ окомъ милосердія на бѣдствелную — ты гнѣваешься! ты грозисъ! Твое ли то лице, малъ того, который осуждаетъ! — Охъ! умо начинаеть наказаніе въ семь страсть! — Всесвятый умилосердися надо мною! (падаетъ на могилу) (Прод. слѣд.)

ПРЕКРАСНЫЙ ДАРЪ Г. МИНИСТРА БАХА ДЛЯ КНИГОХРАНИЛИЩА НАРОДНОГО ДОМА.

Его Превосходительство Господи Министръ дѣлъ внутренихъ, Александръ Бахъ благоволяа одинъ экземпляръ вышеозначеннаго Ко-

рѣза сочиненія: *Старо-Италія Славянска*,² о второиъ имъ уже вѣст. Читательнѣиъ извѣстнаго раба восточнаго, опредѣлени для книгохраненія созданнаго Русско-Народнаго Дома во Львовѣ и перелати ово въ томъ числѣни до вѣснаго Н. Ц. Предсѣдательства Краснаго Галлиціи. Его Превосходительство Г. Министръ Александръ Графъ Голуховскій прислалъ сіе сочиненіе для вѣснаго книгохраненія на руки Всего Господина Скейлорха М. Кузенскаго. Изъ стро книговерсиелечникъ книгу туя описать, предложитъ она въ Домъ Народный въ той цѣли, чтобы любители словесности могли и видѣти и разсмотрѣти. Сочиненіе сіе есть плодотъ многолѣтнихъ, тяжелыхъ изслѣдованій историческихъ. Ово повелитъ исторію вѣснаго словесности каленіа въ старой Италіи и сочиненіа историковъ, которые писали о Ерусалкѣ, о вѣснѣ - эллинистикѣ, аберсто - великіснхъ и германско - шибрикснхъ каленіахъ въ томъ же край. Въ вѣстѣ вѣснѣ несопорниимъ доказательствомъ, что вѣснѣ неравенствалниимъ италіи Италія были также Славосе. — Сообщая родичникъ нашнхъ вѣстѣ о томъ каленіа даръ Его Пр. Г. Министра, объявляетъ благодаритъ радость вамъ и то утѣреніе, что книгохраненіе Дома Народнаго сохранитъ сочиненіе ово имъ драгоценнѣимъ залогъ дружбы и ласканыхъ чувствъ Его въ русскому Народу.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Трудолюбивый родичекъ нашъ Г. И. Волянъ, сочинитель *Звѣрословія*, составилъ книгу часть природной Исторіи, вѣснѣ: О царствѣ ископаемыхъ или Минералогіи, которую, въ извѣстнѣ *„Отечественный Сборникъ“*, благоволяа въ министерство просвѣщенія, во одобреніи прое. Чернакскаго и вѣснхъ ученыхъ мужей, въ печатаніе на счетъ правительствѣ арнати. Г. Волянъ работаетъ современно и надъ *Цѣтвостровіемъ* или *Ботаникомъ*.

— Въ теченіи другого вѣснаго 1853. предладала на Пракснхъ всучающій прое. Дръ Каубскій Исторію литературы вѣсноснхъ и каленіа польскій; прое. Гавка гранатнику русскаго языка и Исторію словесности росск.; прое. Дръ Шлайхоръ каленіа старословоснхъ и литовскій.

— Въ вѣснѣ вѣснѣе недавне заветчелна каленіа вѣстѣ возгланіа: „Кіевъ и его де-

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИНТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Платится еженедѣльно въ Сербію два листа, по пятъ головокъ въ Листѣ 4. пр. н. н. — съ почтовымъ пересылкомъ 6. пр. н. н. — Каландикъ четвертьюче получить платитъ въ Листѣ 1. пр. 10. пр. н. н. — на почтахъ по 1. пр. 30. пр. н. н.

БЕЗАБОТНОСТЬ ПТИЧКИ.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не сажаетъ
Долготылого гнѣзда.

Въ долгу ночь на вѣтвѣ дремлетъ:
Солнце красное взлетѣло —
Птичка гласу Бога взыщетъ
Встрепенется и поетъ.

За весной, красной природою
Лѣто жаркое пройдетъ —
И туманъ и холода
Осемъ колдунъ вѣселятъ:

Людямъ суждено, ползать горе;
Птичка въ дальніи странах,
Въ теплыи край, за само море
Улетаетъ до весни.

А. П.

ЛИСТОКЪ.

Отъ дружной вѣтви отлученный
Слава, листокъ удивленный,
Куда летать?... „Не знаю самъ;
Гроза разбила дубъ родимый;
Съ тѣхъ поръ, по доламъ, по горамъ,
По волѣ случая говинный,
Страдальца жалкій, одинокаго,
Куда на свѣдѣ все стрелится,
Куда и листъ лазоревый кинется!
И легкій розовый цветочекъ!“

ВСПОМИНКИ СТАРОСЛОВЕНСКІЯ.

II.

Честь богатырей. Почитаніе богатырей основанно было именно на томъ, что съ такою честью соединялась благодарность и память для добродетельныхъ дѣлъ, тамъ же богатыри сотворенныхъ. Убоками и Славяне своихъ богатырей яко нами народи; доказательствомъ того суть народнии пѣсни и сказанья, звычайно въ далекую старину слагающіи, въ которыхъ таковыи богатыри украшены бывають надъобыкновенными свойствами и упоминены съ большаишъ почитаніемъ, не только и то обстоятельство, что по стариннымъ преданіямъ, таиіи богатыри возмывшими бывали на высокии достоинства, на вождествъ, управителей, князей и пр.

Однакожь не много осталось намъ съ такихъ преданій, дѣль вообще изъ дѣлѣй словенской идеологии. Въ сравненіи съ прочими словенскими наибольше осталось преданій русскихъ. Изъ большого числа нашихъ богатырей славянскихъ суть следующие:

Кошей и Чурило. Кошей представляется зло вредное и поганое существо, духе сильное и не погущее быть равнымъ. Онъ прославился зло великій чародѣй, который добычи своею нехажаетъ посредствомъ чаровъ и только хитростію можетъ быть побѣжденъ, но иногда убиваетъ. Въ богатирскихъ новѣстахъ именуется онъ великій богатырь, который похитилъ прекрасную Милолицу и держалъ ю подѣ страхомъ въ своемъ замку. Чернокииичица Баба-Яга взявши оную, передавши его во власть богатыря Чурила, которому вручила клубокъ нитокъ, развивающійся и вскакующій нуть до замку. Когда Кошей спалъ, перескочилъ Чурило на своемъ конѣ Тугеринѣ замковый муръ и увелъ съ собою Милолицу. На возвратной пути бракнулъ его конь, отъ чего Кошей пробудился и праследовалъ Чурила, однеюжъ вѣрннй конь Чурила коннулъ его и привалилъ Кошею великою горомъ, подѣ которомъ прижуденъ былъ конь псащевъ лежать, заковать коньхъ силъ избралъ, чтобы изъ-подѣ ней выдобыться. — Некоторымъ видѣтъ въ той новѣстѣ изъображеніе зми и лѣта, и толкуютъ тамъ сяособнѣ, что Кошей (отъ слова: кость) изъображаетъ змиу, котора еже конь псащевъ съезаетъ и потомъ снова возвращается.

Волхъ (чернокииичицк), славный русскій богатырь и учредитель города Словенска, названнаго потомъ Новгородомъ. Былъ онъ такою великимъ чернокииичицкомъ (Царь водховою) и обиталъ подѣ образомъ крокодила въ рецѣ Мутенѣ, котора потомъ ннн его получали: онъ воевалъ и разоралъ соседнимъ землям, ннъ поконецъ чертъ его удавилъ. Но жителямъ почтала его и во смерти, воздвнгли оную статуя и принесли во честь его жертвы.

Имя богатырскія нмена принадлежатъ въ большей части ко временамъ Владимира

Великого. Владимиръ салъ въ русскою исторію и народнхъ преданіяхъ салметъ зло найзнаменитѣй богатырь. Соединивши Княжество Кіевское съ Новгородскимъ, онъ учредилъ нсраву великую державу на востоцѣ. И роспространивши такнмъ дѣломъ свое владычнѣ, вознамерилъ аса словенскія божица въ Кіевѣ собрати и въ сенѣ престольноу города завести нзвко словенскій Пакесонъ. Онъ совокуналъ въ себя власть нрскую съ властью духовною, ч. е. былъ д Князекъ и священнкоу, для которыхъ обоухъ древннмъ Словене нзвнл только одно ннѣ: Князь. (ннзѣт. князнь), понеже достоинство Князя было съ достоинствомъ священника всегда получено въ одной особѣ. Въ томъ блеску найнсшой чести возсылають его народнми старорусскнмъ псннм, ннзванаго его свѣтлымъ солнцекъ, прнннмнхъ солнцекъ, пребывающнхъ въ алатоверхомъ города, во Кіевѣ. Токъ аса славнѣннмъ богатыря горнулса въ его дворѣ, чтобы предѣ его очнна доказывати свое удалство. Но наконецъ прнналъ онъ са. временнѣ. сочеталса съ Царгородскою княжнкою, воздворалъ на Русн стіанскую Вару, отъ чего получалъ прозвище не только Волхого, но такою и Свѣтого.

Со временъ Володнвнра помянутыа еще богатыри: Илья и Муромецъ, который дѣдени своини подобнмъ Геркулесу, отъ дѣтствн чорезъ 30 лѣтъ поживалъ въ бездѣствн, потомъ нншелъ ко В. Князю Владимнру, на пути побѣднлъ жестокаго разбойннцѣ Соловья, нустоившаго русскій край отъ 30 лѣтъ, свѣстающаго по соловыиному, ннннщаго во знаннкою и скакушаго волконъ: Илья угоднлъ его каденю страхомъ въ правое око и похнналъ саного живнцекъ. Надѣрно хотала жена и дѣти выкунтн его нзъ рукъ удалаго молодца, который прнставнлъ разбойннка Соловья передѣ В. Князя Владимнра въ Кіевѣ.

Акулиничъ, Новгородецъ, который на путешествіи своемъ въ Киевъ вождь Рязанію убилъ страшнаго змея Тугарина, который разоралъ тамошніи окрестности. За то подарилъ ему В. Киевскій Князь золотой перстень и выдалъ за него свою дочь Настасью.

Добрыня Никитичъ тоже Новгородецъ явился на дворъ В. Князя Володимира въ Киевъ, когда Тугаринъ, зызува по-чавра съ букашкина крылья, грозилъ за оскорбленію Болгарскаго Царя, убити В. Князя Володимира, и воев его Княжескій родъ истребити. Добрыня разрубилъ Тугарина своимъ мечемъ-кладенцомъ и воткнувши голову его на коніе, привнесъ въ Великую Князю; за то наречъ его Князь своимъ дворянцомъ и другомъ. По десяти лѣтахъ мирнаго житія въ Киевъ, впустился Добрыня на колодецкіи предпріятія. Въ него влюбилась молодая черниговичка Марина, котора, понеже отъ Добрыни не была любима, переняла его въ буйного тура и не возвратила ему человѣческой образъ скорее, пока не обаялся взятъ ю за жену. Ставшись опять челоукомъ, Добрыня порубилъ Марину, а за жену взял не у князя, не у боярина, а у везагого купца Микумъ дочь, Настасью. „Скорнѣи паркомъ“ говорить старинная сказка: „сострипалъ свадьбу. Дружбою былъ Ильи Муромецъ, тысячникъ (старостю) Владимиръ Князь а свяхомъ полада княгиня Апраковъ овна, а въ познанахъ воз князя и бояре Киевскіи. А приказни законъ. Добрыня жилъ привязавчи, а князини, состарился; состарился и переставился.”

Въ чешскихъ преданіяхъ встрѣчается, такожъ богатою число витазей; наибольшее однакожь почитаніе отдавалось Чеху, учредителю чешской Державы, Кроку славяному управителю и мудрецу, Любушѣ, котора по закону звуменію избрала земледѣльца. По радисада за мужа, изъ кагоже

родъ королевскій происходить. Она дамъ своему народу мудрия законом. на доскахъ писанна, а историхъ достохвално упоминается въ старинной прочтенной пѣсни „Добрушаномъ Судъ.”

Обращаемъ тутъ еще вниманіе на разсказъ о богатыряхъ — дзвинцахъ, которые начали борьбу противъ кучицанъ, извѣстную помянутой дзвичьей войнѣ. Преданіе о той замѣчательной войнѣ есть слѣдующее: По смерти Любуши, нехотѣли подружки и товарищи ей поддѣгати правленію мужескаго вола. Власта или Властислава, чешская княгиня, возмутила дзвинци всего края противъ кучицанъ, и началась жестокая борьба межъ обоими племенами. Богатырки тѣ подобие дзвичицки Алазонакъ, возманили учредить особенную женскую державу, создали законъ Дзвинчъ, и воевали черезъ семь лѣтъ съ наибольшими ожесточеніемъ противъ кучицанъ. Кроме Власты отличилось въ борьбѣ еще семь князичицъ, именно: Млада, Годка, Набка, Сватава, Врадка, Радка и Частава. Наконецъ побѣждены кучицаня; Власта полегла въ сраженіи; кучицанъ окружилъ законъ, повстались жестоко на дзвинцахъ, а законъ Дзвинчъ слобдил и соггил. — Много замѣчательнаго о тѣхъ событіяхъ сказано въ чешской Далекизовой хроникѣ, писанной при концѣ XIII столѣтія.

Весьма не много знаютъ о своихъ богатыряхъ сказати польскіи преданія. Въ нихъ упоминается съ большою почтѣніемъ Лехъ, учредившій по чудовищно маленіи большого ораа городъ Гавноу, столицу Лешской земли; Кракусъ, который убивши въ пощеръ своа, заложилъ недалеко шей городъ Краковъ, избравшій Клеменъ, и по смерти уснавалъ ему народъ погиду; Ванда, дочь Кракуса, не хотѣвшая выйти за чужина, пришедшого съ численнѣишъ воиствомъ, ско-

Кошей и Чурла. Кошей представляется яко вредливое и поганое существо, душе сильное и не погущее быти разонити. Онь прославился яко великий чародѣй, который добычь свою похищает посредствомъ чаровъ и только хитростію пометъ быти похвденити, но иногда убити. Въ богатирскихъ повѣстяхъ именуется онь великий богатырь, который похитилъ прекрасную Милолицу и держалъ ю подъ стражею въ своемъ замку. Чернокивица Баба — Яга взявши оную, передалши его во власть богатыря Чурла, которому вручала глубокъ шатокъ, розвивающійся и показующій путь до замку. Когда Кошей спалъ, перескочилъ Чурла на своемъ конѣ Тугеринѣ замковый куръ и ушелъ съ собою Милолицу. На возвратной пути бракнулъ его нечъ, отъ чего Кошей пробудился и преследовалъ Чурла, однакожь върний конь Чурла конуль его и привалилъ Кошею великою горомъ, подъ которымъ принужденъ былъ сень насыщать лежати, закънъ новихъ силъ избралъ, чтобы изъ-подъ ней выдохитись. — Накоторымъ видать въ той повѣсти изображеніе зми и лѣта, и толкуеть такъ способъ, что Кошей (отъ слова: кость) изъображеть змиу, котора еже сень насыщеть исчезаетъ и потонъ снова возвращается.

Волхъ (чернокивицк), славный русскій богатырь и учредитель города Словенска, названнаго потонъ Новгородомъ. Былъ онь таконъ великий чернокивицконтъ (Царь волховъ) и обиталъ подъ образонъ крокодила въ рѣкѣ Мутонъ, котора потонъ нѣа его получила: онь возеалъ и разорилъ соедни земли, акъ наконецъ чертъ его удаси. Не могла почитати его и по смерти, воздвигли ему истуканъ и приносили во честь его жертвы.

Нѣкии богатырскіи нѣкиа принадлежатъ къ большой части къ временамъ Владиміра

Великого. Владиміръ самъ въ русской исторіи и народныхъ преданіяхъ слыветъ яко найзнаменитѣй богатырь. Соединивши Княжество Кіевское съ Новгородскимъ, онь учредилъ нерау великую державу на востоцѣ. И роспространивши такыиъ дѣломъ свое аладаніе, вознамерилъ все словенскіи божища въ Кіевѣ собрати и въ сени престольнонъ городе завести нѣако словенскій Панеонъ. Онь совокупилъ въ себя власть кирсау съ властью духовною, т. е. былъ и Княземъ и священникомъ, для которыхъ обохъ древнии Словене нѣли только одно имя: Князь. (кнезь, книжникъ), понеже достоинство Князя было съ достоинствомъ священника всегда получено въ одной особѣ. Въ томъ блеску найвысшей чести воспеваютъ его народни старорусскіи пѣсни, называе его свѣтлимъ солнцемъ, пріятимъ солнцемъ, пребывающимъ въ алатоверхонъ городе, во Кіевѣ. Томъ все славнѣйшии богатыри горюнась въ его дворъ, чтобы предъ его очима доказывати свое удалство. Но наконецъ принялъ онь св. крещеніе, сочетался съ Царгородскою княжкою, водоорилъ на Русь христіанскую Вару, отъ чего получилъ прозвище не только Великого, но таконъ и Святого.

Со времямъ Володимира воинуются еже богатыри: Нль и Муромецъ, который далши своии подобий Геркулесу, отъ лѣтства череть 30 лѣтъ поживалъ въ бездѣствіи, потонъ ишегъ ко В. Князю Владиміру, не пути побѣдилъ жестокого разбойника Соловьа, пустошннзшого русскій край отъ 30 лѣтъ, свастающаго по соловьяноку, мнншаго во званіюку и свачущаго волнонъ. Княь угодилъ его каленою стрелою въ правое око и похитилъ самого княземъ. Надарно хотѣли жене и дѣти выкупити его изърутъ удалого молодца, который приставалъ разбойника Соловьа передъ В. Княземъ Владиміра въ Кіевѣ.

Акулина, Новгородка, который на путешествіи своемъ изъ Киевъ воль Рязаню убилъ страшного змея Тугарина, который разоралъ тамошніи окрестности. За то подарилъ ему В. Киевскій Князь золотой верстемъ и выдалъ за него свою дочь Настасью.

Добрыня Никитичъ тоже Новгородецъ явился на дворъ В. Князя Володимира изъ Киевъ, когда Тугаринъ, зная по вечерамъ съ бушманна крмлана, грозилъ за оскорбленіе Болгарского Царя, убити В. Князя Володимира, и весь его Княжескій родъ истребитъ. Добрыня разорубилъ Тугарина своимъ мечомъ - кладенцомъ и воткнувши голову его на коніе, привезъ ю Великому Князю; за то наречь его Князь своимъ дворяниномъ и другомъ. По десяти лѣтахъ жарного житія въ Киевъ, пугался Добрыня на колодеціи предпріятія. Въ него влюбилась молодая черновихица Марина, котора, понеже сѣ Добрыня не была любана, переняла его въ буйного тура и не возвратила ему человѣческой образъ скоро, пока не обещался взяти ю за жену. Ставшись опять человѣкомъ, Добрыня мурбагъ Марину, а за жену взял не у князя, не у боярина, а у веззкого купца Микуды дочь, Настасью. „Скорнѣ пркомъ“ говорить старинная сказка: „сострижали свадебку. Дружбою былъ Ильи Муромецъ, тысячникъ (старостомъ) Владиміръ Князь а свахою молодца княгиня Апраксѣ свиа, а въ позмакахъ возъ князя и боеаръ Киевскіи. А принявши законъ, Добрыня ильъ приговачю, а князи, состарался; состарался и пореставилса.”

Въ чешскихъ преданіяхъ встрѣчаются таково богатое число ватизей; наибольшее одлакомъ почитавю отдавалось Чеху, учредителю чешской Державы, Краку славному управителю в кудреку, Любушѣ, котора по вѣжюну вжуховію избрала, земледѣла. Перядисда за мужа, изъ ногово

редъ королевскій происходилъ. Она сѣмъ своему народу кудри закоми. на доскахъ писавши, а которыхъ доскехвалъе увеличавста въ старинной проточной посли „Добушникомъ Судъ.”

Обращаемъ тутъ еще вниманіе на рассказы о богатыряхъ - дзвизкахъ, которые начали борьбу противъ мужичанъ, извѣстку подъ именемъ дзвизчѣй войны. Продолніе е той замѣчательной войны есть слѣдующее: По смерти Добуши, вехотамъ подружки и товаришки ея подлетети правленію мужского пола. Власта или Властислава, чешская княгиня, возмутила дзвизки всего края протавъ мужичанъ, и началось жестокая борьба межъ обома поланн. Богатырки тѣи подобие дзвизкии Амазонки, вознамерили учредити особенную женскую державу, создали законъ Дзвизчѣ, и взошли черевъ семь лѣтъ съ наибольшимъ ожесточеніемъ противъ мужичанъ. Кроме Власти отличалось въ борьбѣ еще семь начальницъ, имено: Млада, Годка, Наба, Сватаса, Врадка, Радка и Частаса. Наконецъ побѣдомъ мужичанн; Власта полегла въ сраженіи; мужичанъ окружили законъ, повстались жестоко на дзвизкахъ, а законъ Дзвизчѣ одобрил и соглас. — Много замѣчательного е такъ событіяхъ сказано въ чешской Далекиловой хроникѣ, писанной при концѣ XIII столѣтія.

Весьма не много знаемъ о своихъ богатыряхъ сказати польскіи преданія. Въ нихъ упоминается съ большимъ почтеніемъ Лохъ, учредившій по чудовномъ явленіи бѣлаго орла городъ Глизно, столицу Лешской земли; Кракусъ, который убилъ въ шпора шюка, законилъ недалеко шей городъ Краковъ, избранный Кляземъ, и по смерти уснаилъ ему народъ ногли; Вагда, дочь Кракуса, не хотавши выйти за чужинца, пришедшого съ численнми войнствомъ, ско-

чала въ рагу Валу, а народъ усмалъ и на ей честь поглы. Пълетъ, оипрамай зошгедомкъ, но предъшюи иигеловъ стала хотонт польскит королетъ.

Мель литовени и богатыряи отаичаитс яисно: Гедлоъ, Витоля, Алиноъ, Куквоитсѣ. Койстутъ, Гедлавиъ, которикъ народъ хочатаъ полубогани.

Переданиа тутъ ижеа богатырскя, оохравени для насъ большюу частюу лагоинеицаи; однаконт для изъясненя въ томъ отиошеиия словенской старини могли бы дадео больше послужити сказаня проетонардыи, переходящи отъ устъ до устъ пезнаиши и содержашяи иногда старинни изъобреноиъ. Сказаня тѣи, подобно изъ сказаня порявскяи, суть многочислови и нешчервани у народотъ словенскихъ, и когда у юннхъ Словенъ розвиваея прешкудственно воеиъ розвиваея греческой, занеижеи оиъ у овернхъ Словенъ иэтиче богатырской поезиѣ. И хотя ижеговяиностъ ихъ уважеиотъ, кажеиотъ однаконт, что еще стоъ мало оиъ у насъ извъотимъ. *)

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЯ ПИСЬМА СЪ БУДИНА.

II.

Здравствуйте!

Въ мое начало трудо; а особенно въ отиошеиия разиаманя литературного тѣиъ затруднительно доказываетс ое, чѣмъ болѣе ошодалося преступленеие ваше къ дѣлу, а созанеи въ недостаткѣиъ помѣхъ. Наме литературная дѣятельностъ тѣиъ нова, изъ и самое наме гражданское состоанеие впервочистеиое. Наме иступленеие на вопроче литературное иэвѣтъ - то образотъ чонотъ удовоитися человекюу, выхлѣиену въ воспроизводѣиъ дѣсу, въ которотъ представляиотс язеротъ его рооженииъ проставениа тронити, проитъ того, чтобы оиъ имѣлъ, котораи изъ нихъ слушатъ въ особенноту а предъвоюу извѣденеиу изъ него, или чонотъ сравнитъ оеое съ человекюу съидяиъиъ проидеиу во тѣиъ и извѣное уиѣдѣианяиъ свѣтъ воли.

*) Сопревѣиенн оианеиъ а ижеговяиотъ трудоуу богатырскъ иэвѣиотъ отъ проидеиотъ съ Зоръ Галаициъ.

За четыре года проидъ ситъ, первая вреносениеиъ на рамонтъ русскоуу горизонтъ воссидѣа Зоръ Галаициъ, проидеиъ повлениа еидеиъ глаго- того вѣстрѣтитъ, иэсавшаго наишиъ изымотъ. Въ веротное воеиъ ней вренѣ отаъ выхлѣити: "Вѣст-вникъ" а ижеа словоу Богу! ижеиотъ уже и третью газету: "Деду." Се отъ оеовидий уиѣхъ дѣятельности трудолюбнхъ ижеиъ нашихъ, есть воеоспрѣиое доказателстволюбѣиъ въ ижеиотуиоу образованюи. Не чонотъ свидѣиотуеиотъ о вродуиеняи дѣиъ иродного у насъ тоие и рожиа сочениаи, ижеиотъ въ проидеиенеиъ ижеиъ оиановаго вренеиа. Однаконт ижеиотъ ситъ усѣихотъ нашихъ не дла оиъ заключити что уже проидолимъ всеиъ пренатѣиъиъ, устранимъ неудобства и проидеиотъ ирвннй путь отаосително литературного воеиого усовершеиствованя. Нѣтъ! Между нами еще много недоразуиеннй и отклоненнй вочти не основателнхъиъ литературнхъ началѣиъ. Намъ стоитъ оиъ на раскутиахъ, освѣлавниа отпрѣиошиа наъ валииъ свѣтотъ.

Но не шотреиъ на то уиѣиавеиъ, что вихлѣиотся между нами ижеиотъ неутоиной дѣятельности, котороу ижеиотъиотъиотъ дѣхотъиъ воборстнуитъ за востку и народное просвѣиенеие. Намъ уиѣиавѣиъ, что ижеиотъ уиѣиотъиотъ трудоуу всеиъ вобладѣиотъ. тѣиъ а свѣстелноуу иэвѣиотъ дѣлѣиоу уиѣиавѣиотъ побѣду ижеиотъ заблудѣиотъ Прѣидѣиотъ "Зоръ Галаициъ" тѣиъ образотъ, которнй пособотуеиотъ разогнати тѣиъ вѣиѣиотъ и распротрѣиенюу свѣтлѣиотъ и благодѣиотъиотъ вѣиѣиотъ, ижеиотъ оиъ всего усѣихъ, а Родина оиъ до будагоуоу свѣдѣиотъиотъ слѣзотъ вое оердѣиотъ — проидеиотъ!

ЗМЪЙ ПОТЯЙСКІЙ.

Поестъ се вренѣиъ борѣиъ Серботъ съ Туркии.

I.

Кое челоу се глумило!
Тѣиъ летѣиъ Прѣидѣиъ,
Чѣиъ на Сербѣиъ свѣтѣиъ
Воеиѣиотъ вѣспрѣиотъ!

Ижеиотъ ижеиотъ, воеиѣиъ
Душиа въ борѣиъ свѣтѣиъ;
Занеиъ для Гослоу Р, оиъ,
Отрѣиотъ оиъ ижеиотъ
Ижеиотъ сербскоуу странюу!
Фелиаъ Огъвиаъ, сербнй ижеиотъ.

Ижеиотъ сѣиѣе солдѣиъ надъ бербскоуу краиюу и веретиъ золотикъ лучей его розливаетъ огненннхъ волниа на воришиа проидѣиотъиотъиотъ Хелѣиотъ Кобѣиѣиъ и Овча-

ра, и отгуду слышали въ долину надпоравскую, позлачая поверхность раки Моравы пририси впадоучники, придавая цветоносныхъ луганъ и созрвующихъ колосякъ полей большую востроту. пріятнайшую свѣжесть. Но даромъ зовуть надпоравскую долину сербскихъ раекъ, и кто видѣлъ долину Тенше Грековъ или только слышалъ о ней или о пріятноиъ нѣмцахъ боговъ, или о вѣстцѣ, где отбиваются игры и хоровады бегавъ любви и вѣчной юности, тотъ пошеетъ себе вообразити красоту поравской долины.

Но во время оно, во время борьбъ, вѣданныхъ за свободу и независимость сербского народа, не были тѣ прекрасныя луга столько прелести какъ нима: вся Сербія была будто прикрыта жалобною ризою, бо стояла 1804. года еще подъ армоиъ турецкихъ или, лучше сказавши, подъ армоиъ боснійскихъ снаговъ, вельможъ мусульманскихъ. Досель еще владалъ въ Белоградѣ жестокой павезиниъ Агалия со своими поганими собратими Кучукъ-Алиноиъ, Моло-Юсуфовиъ и Феличь-Мехмедовиъ,*) вриверженными рабы ихъ явчари и боснійскіи сваги проходили досель по сербской краинѣ съ одного села въ другое, окверняли святые христіанскіи храмы, похищали церковными драгоценности и священными ризы, употребляли ихъ за покрывала для своихъ копей; досель принуждали они сербскіи красавицы, дабы въ найкрасивѣхъ одѣныхъ плясали передъ вши Коло**), и творили въ насиліе, посылая обдертыхъ и ислунагихъ

опять до родниныхъ хатъ; досель убивали они громадныхъ стариниъ и потомъ недого, о коиъ подозревали, что имеютъ какое вліяніе на христіанскій народъ, — словомъ ила Сербія равналась тогда лобову песту, на которомъ ютани были шотуреники Боснійци, а повнннми жертвами христіанскіи Сербѣ, и во всеиъ широкій христіанскоиъ мирѣ не было тогда ни одного человека, который бы галелъ своѣ поднесъ былъ противъ таковой свѣжести. Но кровь столь многохъ жертвъ не покрывала подарно сербскую землю.

Въ такіи то прехорошій день, кій въ началѣ своѣ повѣсти описанъ, шель сильный, молодой Юнакъ*) возлѣ берега раки Моравы, осмотривая бережливо востій гадъ, къ которому сближался, проглядаъ быстрилъ екомъ всякую долину и окружили горы предъ сого, закъ бы дерзнулъ выстунити изъ поза густолистныхъ деревъ на широкое поле. Широкии тонночервоими штани, зеленіи, золотомъ протканнй жупаничкѣ оказывали въ немъ Сербѣ; изъ его воинского пріездебленія въ волосахъ, съ черныхъ усомъ, долгой стральбы, которую всегда въ готовости держалъ, изъ широкого по обомъ страници въощреного ганджара узвати въ шѣ было Айдука, се есть: одного съ тахъ людей, котрымъ жизнь свою посвятили отчизнѣ, и днемъ и ночью гонялся за Турками губелн безпомядноиъ враговъ родной земли.

Ось, теперь сбочилъ онъ по шного изъ своей стожки, пускался туда — поближе геранъ, и со всахъ его движеній было познати, ако бы узрѣлъ нечто необыкновенное. Сгорбнннсь, укрився немъ долгииъ вукурзовиы бадилья и посувался съ легкойиъ въ передъ, воткнувши очи свои неподвижно въ

*) Ты мучилъ, къ которому причеслнли ауноиъ в Аи-Валача, были видѣли боснійскіи снаговъ и личаровъ, котрымъ повелѣли противъ Султану за поноведеніе, предпринятые вѣтъ въ нѣмъ водности державного благосостояніе, добыли Белградъ и господствовали въ весь по дунаву. Наибольше пресѣдованіе Христіанъ продолжалось во время господствованія тахъ поганихъ мучителей. И называли они себе денсано или дотвоявнотъ слова дѣиъ т. е. государь, шель!

***) Коло, народный танецъ Сербовъ.

*) Юнакомъ зовутъ Сербѣ воидиго, кто оделенъ бронею на воюиъ битвы.

одна пещера. Он, взоръ айдука быстрый и немой сей турбанъ укрытый былъ еще лучше въ густинѣ, которая застала подножье и хребтъ горы, а тамъ узреть бы его айдука!

„Где турбанъ, тамъ и голова Турка.“ думалъ айдукъ. „и хотя тамъ по виду въ зеленой густинѣ, куда она достигаетъ издали.— Гей, брато!“ шепталъ онъ про себѣ, „ты пометъ нависла дурь-земля, когда доразвѣи запускатися подъ гнздо коронныхъ Сербовъ, подъ село Дзбриню, или оставалъ дома послѣднюю дробинку турецкаго уна!“— При томъ облихиса онъ уже о стѣлку, что стрельба его могла навѣрно убить Турка; онъ остановился, прикинулъ — и въ нигъ раздался грекъ по долинь, отбивалса немъ скалани, а турбанъ отлетѣлъ дальше изъ густини; потонъ все утихло, во чути ни восклицанъ ни стонавъ равнинаго, ни кайлетного шовоту въ густинѣ нуста, за которишь чейже сидѣлъ укрытый Турокъ; лишь нѣсколько отстрѣленныхъ вѣточекъ и листовъ хрестале и шивале падала на землю, и коивѣтъ головою айдука шумало въ воздуху нѣсколько птичекъ, выстрѣловъ его изъ гнзда выстрашенныхъ.

„Тотъ чортъ тебѣ спанилъ!“ сказалъ се гнзевъ айдукъ: „выбери себѣ очи. Стояне!“ говорилъ онъ дальше, ударяя себе въ чело рукою, „и набей ихъ на другіи разъ вместо кули, аби въ будущемъ лучше называлъ, где только турбанъ, а где въ мѣстѣ и голова, а при головѣ живое тѣло!“ И набилъ стрельбу, и закинувши ю на плеча ступалъ, но укивалъ уже больше прежней осторожности, право къ горѣ.

„Богатій бой носилъ тебѣ!“ сказалъ онъ снова, поднимая изъ земли бѣлый шелковый черово-напряженный турбанъ и осматривая дорожнъ напѣны, которыи на немъ свѣтились. „Милъ огубалъ онъ тебѣ убаган по-

родъ Сербани изъ горы, или потеряли вѣздъ айдука?— Будь актъ будь, в таки видно, что братья на Моравѣ услышали богатирскій голосъ нашъ отъ Ядару и Раловнишъ *) и познали его, хорошо познали!“ И восклицанни на холмъ воскликнулъ громкииъ голо-сомъ къ долинь: „Свобода и Сербіа! Смерть дагисанъ! Урра!“ а съ другой стороны отъ ущелья свалъ, повторилось: „Смерть дагисанъ!“ и Стоякъ узналъ что онъ не былъ отгласъ его восклица. И спустившиися съ горы, востанвилъ долиною къ другой стороне; а когда узкая стѣнка въ бокъ закручалась, узреть онъ передъ собою среди зеленыхъ горъ ширинное село. Долина была тутъ пространийша и Морава согнувшись въ наблукъ сближалась больше къ селу, такъ что пріятно было взглядеи на всю прекрасную околицу.

Но Стоякъ не смотрѣлъ ницъ на красоту природы; въ селѣ былъ коноводъ; нѣскольکو оруженныхъ людей свѣтило въ горы, будьто ахъ назвалъ выстрѣлъ Стояна къ новой борьбѣ съ ворогомъ. Узрѣвши однакожъ айдука остановились въ половинѣ дороги, и онъ такожъ не много комдалъ, стагнулъ изъ себе новѣзъ, на которонъ новѣсиль былъ турбанъ, закутилъ усм, и ступалъ гордо къ селу.

„Богъ и пречиства Дѣва съ вами!“ назвала Стоякъ до жукой, къ которицъ теверъ сблихиса; „акъ акижу, есть уже а у асѣт для добраго Христіанина пріютное мѣстце. Петро Федоровичъ! а у тебѣ гостѣ. Слава Іисусу Христу!“

„Во аки акивъ!“ отрекъ Петро Федоровичъ, поклонившись головою, „зрадрствуй. Стояне Чуничъ; налицъ будешь гостецъ подъ моею страхомъ!“ И подавши себѣ руки, поцѣловала другъ друга въ лицо, те-

*) Источникомъ рѣки, называемой уна въ Воинѣ.

же одявлять Стоана Чунича и съ прочими нужани, и вотонъ вошелъ все до сала. Никто не обтяжалъ гостя повчасными роспросами, бо онъ не стагъ еще съ ними хлеба-соли, еще не усагъ себя подъ ихъ стрѣхою и не отпочалъ въ дружескомъ ихъ кружку. А не оелъ рознеслось ния примельца, поидий преглядается ему, радуется видъ и обшнаетъ сердечно гостя. Бо те храбрый юнакъ, а храброго брата — юнака знаетъ и печтаетъ все Сербія!

Князь^{*)} и начальникъ ихъ Петро Федоровичъ возвратившись недавно изъ Шувадіа и отъ Калубари^{**}) розказывалъ ихъ о побѣдѣ братьей надъ Яларемъ и Радованомъ, о возстаніи Сербовъ надъ Савою и въ Шувадіа, и розказывалъ о богатырскихъ подвигахъ Чурда и Чунича, говорилъ о юнаке Луке Даварелочу, о юнаке Яковъ Невадовичу; простыи были слова его, безъ украшеній; говорилъ правду, такъ къ чему украшенія? только ложь одявается высоковарными словами. И слушатели понимали его, именовольно начали голозани, подкручивали усы, скинали истуки и очи ихъ блестяли огнемъ, якъ бы готовились уже сейчасъ къ военному предирітію. Когда же Федоровичъ стагъ еще розказывать о Юріи Черномъ, якъ онъ снаговъ порашаетъ а всѣхъ Сербовъ водъ оружіе сбираетъ, тогда выступилъ изъ толпи Миловоко. Федоровича нерозлучной другъ, и сказагъ съ огнемъ: „Гой, брате! тако слово пошнано; въ одну руку атаганъ и въ другую оружіе — а муш на враговъ!“ И оглянувшись кругомъ говорилъ дальше: „Кто не запродатъ сердце турецкиятъ исамъ и не податъ сквати души своей путани рабства, пойдеть за пани!“ А Федоровичъ скочилъ

пони нихъ и окружилъ стрельбою вошалъ голозомъ: „Честъ нести пріймать — смерть дагисамъ!“ А нуши отрокли: „смерть дагисамъ и яичваромъ!“ И двисъ за оружіе, — и зекать несколько дней никуде, розликала Морава радостнѣеи велии свои савезъ освобожденни долини отъ Београда ажъ почти къ Дунаю и все Сербія оттовошила радостными воскликани ватазей; братія на Дринѣ слышала о братіяхъ надъ Моравомъ, якъ тіеже о нихъ.

Такъ и не диво, что везрадовалися они, видичи славного юнака нежъ собом.

„Добро то знана!“ говорили едиз, — „безоскитально приносить яку радостную вѣсть.“ дунали другія, — „что изъ того будетъ?“ пыталъ одинъ другого, но никто не обтяжалъ примельца повчасными роспросами, знилъ бо всакій, что и такъ о всемъ доведеться. — а вошли вотонъ сами кмети со Отоянокъ до хаты Федоровича.

Тутъ поздравилъ господарь еще разъ своего гостя и саловитыхъ кметовъ, кетими все поправилась панорель священномъ адою и поклонились иконѣ Троицы прескитой. Потомъ усага, господарь вышетъ изъ свѣтлицы и незадолго вернуни привезъ на деревяной тарелкѣ хлебъ и соль; за ниль вошла прасная сестра его Олена, слава дѣтцагъ и краса всей окрестности, неся въ одной рукагъ стакантъ, въ другой ликольт ометенную флажку съ улыбленнымъ славозанцемъ. И поглядзла любонитие на славного юнака; на правду, былъ то хороній мужъ, и немогла таки отъ него очей отвратити, когда съ братомъ доналъ хлебъ и соль; но паразъ задрожала, розолое лице еѣ носидалось съгономъ, и флажка туя-туя не вывала еѣ изъ рукъ; вскоря одизкъ онапнталася, хотя все еще со страхомъ смотрала на турбанъ, который ипогъ у юнака Стоана. Небога, то зять неространкала турбана, Дунаю, что при-

*) Князь (кметъ), старшиній въ громадѣ, вошь печтаетъ ствотъ второго ствотъ и вѣтомъ.

**) Калубара, рѣка въ Сербіи, впадала въ Дунаю.

шелесть вступившіи теперь въ ихъ хату. слышь его, пометъ недвижно, изъ годовин убитого человека; но она была Сербинка и на дорожъ видѣла многократно порубанными трупами и не боялась ихъ; такъ пометъ она турбанъ узнала? и что-то? одинъ другому подобный актъ лице иицу; умели были на томъ актин особливѣшии знаки, для ней только понятныя? Увидитъ!

Когда гости нечестовались хлѣбѣтъ — содѣм. обернулся Федоровичъ къ сестра, звалъ отъ ней стаканъ и фляжку и наливалъ для гостей.

Стоякъ Чуничъ возсталъ изъ шестна и поднесши стаканъ воскликнулъ: „На свободу Сербин в славу нашей православной веры!“ — и всѣ додали: „Да будетъ тако, аминь!“ Олена склонила голову, рукавицею покрывъ ей лице и она шептала пре себе: „Горе чева!“

Станамъ обойшолъ кругомъ и Стоякъ Чуничъ звалъ его снова до рукъ и говорилъ прощательными голосомъ: „Когда — то летѣли орлы Балкану ватронъ по всѣмъ странамъ, и вѣртели неопускали кирную Шунидю; видѣли ли вы полетъ ихъ такіи днѣми? Солнце идетъ отъ востока на западъ, но дикіи звѣри тагнутъ на северъ, въ златоверхолу Бѣлограду, а свѣтлыми стѣнами ого приприти ночникъ покривалонъ. Агачин и ого свѣты непрогляднютъ уже сквозь стаде дстребонъ къ небесному солнцу, самъ Господь смѣшалъ на передъ послонъ нашихъ, незадолго вридеиъ и ни, и для того шютъ они вын на очесте встачи своей съ нами вѣдъ златоверхинъ Бѣлоградонъ!“ И всѣ воскликнули съ восторгонъ, актъ би на доказательство, что бесаду ого понял: „Смерть дагвонъ!“ Стоякъ Чуничъ выдвинулъ стаканъ актъ до дна и ударилъ е столъ рукою, актъ би на потаверденіе приговора вклетотъ. И стали они совѣщаться е вѣсела-

ни Нотайского айдука, и даже не замечали, что Олена не вышла изъ свѣтлицы, актъ въ свѣчѣ было, абм устунали нещеними, когда нужи толкуютъ е важномъ дѣлѣ. Одинъ только Стоякъ занятнлъ ю, и часто кидалъ на ню очина, но было познати, что не желеть охъ, абм красная дѣвица удалалась отъ ого взоровъ. Совѣщаніе вскорѣ окончилось, бо где мысль одна и согласна воля, не нужно долго совѣщаться. Федоровичъ говорилъ: „Пойдеиъ къ Бѣлограду!“ е вклетотъ додали: „Чѣмъ скорше, тѣмъ лучше, каждая година дорога!“ и поконъ положено совѣщанъ.

„На кого выиреатъ былъ твой выстрѣлъ, который такъ громко роздался въ нашихъ горахъ?“ выталъ ажъ теперь господиръ дошу своего кроваго гостя, „ось и видитъ турбанъ у твоего пояса, то добрый отвѣтъ. Дивно метъ, что еще одинъ ошоздался на берегахъ Моравы.“ Олена приступила при тѣхъ словахъ поближе къ Стояну, и вырѣлъ наибольшого-вниманіи отбѣдас на ей лицу, хотя на силу старалась она удати хладнокровіе.

Стоякъ не много заруинился. „Обманъ зналъ не мож очи.“ сказалъ охъ. „и сгубилъ выстрѣлъ на поронный турбанъ. Вотъ охъ!“ и кинулъ нитъ ого на столъ, а богатая кашемирская шаль, изъ которой состоялъ турбанъ, розвинулась поредъ ихъ очина; очи Олены блиснули радостію, и актъ би уже довольно была слышала, выбѣгла изъ коннаты.

„Сей турбанъ?“ воскликнулъ Федоровичъ позравши изъ близка на розвинутую шаль, потѣтъ выбѣгъ и вскорѣ вернулъ съ танннъ же турбанонъ. — „Смотрито!“ говорилъ охъ обращаясь на всѣмъ, „какій чертъ ведеть насъ на дудковъ! и и страшилъ вчера въ тотъ турбанъ, и гладьте! во сходни ли они оба съ собой?“

«А, се дивно!» говорили кноты, непогнма новята причину такового случая.

Стоявъ Чуничъ почалъ, подкручивалъ себѣ усы, и было видно, что повагъ на а-кухусь дунку, какъ бы понималъ причину того приключенія. еднakoжъ поначалъ головою, и все почалъ, бо не ннлъ увѣренія, а предлагати самнмъ дописмъ не было смнч-онъ айдукъ. Никто не зналъ, что о томъ дунати.

И вышлн кноты, обнм ознаяннмъ наро-ду рашеніе свое касательно похода къ Бъ-дограву, а народъ загревалъ радостннмн по-оклдннмн в званолъ нечани, а боевая пѣснн заучала далеко по норавской долини.

(Прод. слѣд.)

Н Е М И Р А.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

(по *Виллема* со некоторыми перемѣнами)

(С. *Оуффрессича*)

Явленіе четвертое.

Востаннла неспяа заллу, которую за-приваево одною рукою она озира.

Власт. Я слышала тоскливый вопль, яко бы умирающаго! — можетъ быти духъ у-бншеннаго! (взираетъ на могилу) что тутъ?

Нем. Кто ты?

Власт. Милое дитя! чего вопиешь, что дѣлаешь тутъ въ поздной ночи? — не бой-ся мене, я старецъ, болѣзненный, умираю-щій старецъ; едва ногу стояти. (кла-детъ ланну на могилу, сѣдаетъ и уарънмн саблю) Что то? сабля!

Нем. Избавленіе отъ неопреченнаго бѣд-ствія!

Власт. Такъ ли ты несчастлива? кто ты? отауду приходишь? столь отваги въ женской душѣ! и я думалъ часто о такомъ избавленіи, но мой духъ содрогался на са-

нущи мнелъ. Милое дѣтнне, те великое пр-ступленіе себѣ житье отбирати!

Нем. Ни одинъ черталекъ не раздѣл-ается безъ воли сотворителя! ако можетъ окъ человека въ вашнмншнмъ мнговеннн его бн-тнхъ себѣ самому оставити?

Власт. Ну, то благослови его! се бо въ тотъ важннмъ мнговеннн послалъ онъ мнн. — О, какъ дивно! мое собственное горе обн-члается. Въ мою душу внпалеть свѣтло и мое сердце начннаеть надѣтнтся! Слнши ннѣ, мнлая дѣтнне, кто ты, и какъ твои тер-ннн?

Нем. Ахъ! тотъ гробъ!

Власт. Только видъ гроба! Я не знаю, чтобы тутъ кто умеръ. Чужеземецъ вын-наль снѣ могилу. Не твоего ли брата?

Нем. Моего нунна! — Старику! пере-читайте ннѣ, что тутъ написано!

Власт. Я того не заикчалъ, ибо я тамъ-ко ннше тутъ прихожу (береть ланну и чмтаетъ) „Остановнся страннну! воз-зри на сей гробъ несчастнаго; нещнрность мннмъ роддера мое сердце горестнн, и не-сѣяла мой нелель въ снѣ тьму. Я ннлъ отъ ней сына, и она дала ону чужаго от-ца, мене же возгнела боль въ смрунъ землн, ндѣже гннль и чернн мое дѣлае средство. Поманн нн.—

Нем. То я. Справедлнвыи Боже! пр-сти ннѣ, смелн я обаннше моего отца, онъ те сдѣлалъ, не я!

Власт. Твой отецъ! (вскочнла) о! те клонн ону, чтобы я слышала, клонн ону, чтобы я слышала, какъ дѣтннн снсеку отку-латн уннеть! Не вогнналъ ли твой отецъ въ смрунъ землн такоме своею жену, твою мать?

Нем. Вогнналъ, она умерла ннѣ нечани, какъ тотъ! (указуучн на могилу) — и я, и Родослава, всѣ черезъ него несчастлннн!

Власт. Родославъ! — ахъ! — Немира моя — (вмѣтываетъ къ ней руки и наде-
ется)

Нем. Вы знаете меня? старика гово-
рѣтъ! говорѣтъ! о помощи, его очи пому-
тились! только слово, прежде немели вашу
милость милосивѣтъ, только слово, кто вы? —
(разрываетъ его одежду) Назадъ смерть,
вода не скроетъ! на моей груди огрѣю
его — Могешь бытъ, пробудить его имя о-
тецъ! — отецъ! дарю, чувства его опустели,
и нѣтъ человѣкъ къ его спасенію. — Все-
могущій Боже! смели бы те око былъ! —
Вы ли мой отецъ? о скрѣпѣ нѣтъ, при-
нѣтъ мою руку, смели говорити не поме-
те! — нѣтъ, ни знала. Смерте! избавителю
веди ни тутъ еще одну жертву, и назови ты
благодѣтельнъ человѣчество! Голъ въ немъ
еще еще движени! (притискаетъ руку
до его сердца) Сердце его снова бьеть!
нѣтъ! помощи исхити. — Бѣдный старика!
поможетъ бытъ, лучше тебѣ былобъ, смели
бы ты больше не проснулся!

Явленіе пятое.

Милость пражина.

Мил. Что тутъ? кто вопиетъ такъ жалко.

Нем. О добрый человѣче! поможетъ
умирающему.

Мил. Старика умеръ! — нѣтъ, онъ е-
ще живеть! Богъ да будетъ ты милостивъ
старика! слышите еще? а Милость! хо-
дѣтъ въ мою хижину! (онъ и Немира
недвоятъ его)

Власт. Ахъ!

Нем. Око дышитъ еще. О Милость,
принесетъ прежде воду!

Мил. Добре знаете, тотчасъ. (отхо-
дитъ)

Явленіе шестое.

Немира, Властимилъ.

Нем. Кого ищете ваше ослѣпелое око?

Власт. Мое дитя — мое дитя — мою

дочь — мою Немиру —

Нем. Я ли?

Вл. Ты! ты! (вергается ей на
шею)

Нем. Такъ, такъ отецъ, въ семь объ-
ятій истина. Дивенъ Богъ! а протаяла моя
рука за смертію, а онъ далъ мнѣ моего
утраченного отца къ моему сердцу прима-
ты! (обнимаетъ его)

Вл. Моя дѣтино! какъ можешь ты ви-
новника твоего несчастія любить?

Нем. Не такъ, мой отецъ, не такъ!
вы мене любили и не могли будущее пред-
видѣти; слѣдствіа такого дѣла, которое вы
содѣлали въ добромъ намереніи, не можно
вамъ во вину приписать. — Се, мой отецъ!
изъ сего ока проливаетъ супруга слезы пе-
чали, а изъ сего ока проливаетъ дочь сле-
зы радости! (Власт. прѣлуетъ ей ру-
ку, которою она обтираетъ свои
слезы)

Вл. Ахъ добрая Немира! сколь шѣлъ
бы и тебѣ разсказывать — но мой языкъ
темель — я ослабѣлъ. Слами нѣтъ, какъ ты
тутъ пришла? живеть ли еще твои дитя?
где Родославъ?

Нем. Все розскаму, скоро только на-
берете силъ. Вотъ идетъ уже Милость!

Вл. Милая доню! не выдавай мене, по-
ка съ собою не поговоримъ. (Пр. сл.)

О НЕВѢЖЕСТВѢ ГАЛИЦКИХЪ СЕЛЯНЪ

записала кто-то подъ знаменіемъ букви — В — отъ
Дѣстра до гвонской газеты „Лѣбѣль“ подъ номеръ
12 серия с. г. такъ: „Мы уже въ давнійшомъ из-
савіи вамъ указали на некую необходимость,
упоминать простѣншіе селянъ галицкихъ больше,
агъ дошнѣ дѣлоса. Теперь розскажемъ о сла-
стѣнѣхъ повѣстѣхъ между селянами галицкими. а
тѣи суть: вѣра ихъ въ дѣво; держаніе предразсу-
дковъ; преданіе себе суевернымъ обрядкамъ; прѣвѣ-
нше ихъ особенное къ вѣдѣнн тайнымъ средствамъ
неаретнымъ вероламѣхъ харобѣ у людей а у сло-

тою так, что великія ігри и свистаційні роспорення Правительства даремні суть, и что такія уваженія тѣмъ разбиваются о упорство селенъ галицкихъ. Случалось тое, что только въ опустъ Колонизацію все учебное средство направитъ заремъ света употребитъ трува илди, которого выковали, и въ котлѣ сварили. Юху туз давали хорить спотати птицъ. Часто они привагуютъ аину оустошающей заримъ старитъ бобанъ, которыхъ въ воду запурають, чтобы такъ гадъ Божій уваговитъ. Съ тѣхъ предразсудковъ користають шогтін селане и селанки, котори являютъ нео пророки, оставивши роботу, и беручися до логчайшого заробку вероубитствотки, куститъ врачеваніемъ, и чарованіемъ. Никъ удаются съ логковирія своихъ близшихъ и дальшихъ сосѣдъ користати. Она ходять отъ села до села, представляють свою чудовищную силу въ продажѣ, и находятъ всегда логковирное ухо и отворенію вѣнчана. Недавно былъ такий логкий пророкъ койнать. Онъ удавалъ себе гвѣнцѣ, и знансіями (назовеніями) давалъ вѣста о навикъ и вовершакъ, о аунерахъ, котори на логерія вийдуть, и чинилъ аскані дѣла. Но н. н. Жандриерія учинила на нонъ тое дѣло, что прислала его говорити, а тогда его аирт, дѣлать дѣла, вѣнцѣ. Логкая ігра галицкихъ селанъ въ дѣловое проросходитъ отъ ихъ вѣнчана, *особенно же отъ логостатки поаміи релігійныхъ, понеже наука релігійна о селанъ галицкихъ во бивотнѣ, и тропн „Огче нашъ,” которого однако еще въ не утвѣтъ, аси наука релігійна галицкого селанна ограничаваетъ на воверловикъ обрадахъ и церемоніяхъ.* Ни онъ не знаетъ внутреннего зѣра и вышного значенія тѣмъ. Бокая наука Христа въ своихъ глубокахъ, внутреннотъ содеранія и въ своей нравственной силѣ на житіе человечество вѣно сделана селаннъ въ разувінію приближенія естѣ, а такъ они только въ суевірїи и предразсудкахъ своихъ вѣнчати и входить для себе аину душевану. Прилѣжное вѣнчаніе школъ, дальше учрѣденіе тѣмъ, вѣде всѣмъ не удачна наука церковная, на которю такъ доросими во волудн въ надѣла и свата кѣла бы ходити, была бы средствана, прогнати логкое вѣрваніе народа, и усвоити ану чистн релігійно-нравственнотъ поаміи. Если бы что изъ предположенного описанія было такъ сано, то имъ не хотѣли бы и солгосованіемъ навикъ вѣнчати, понеже злое вѣдостно естѣ вѣнчати. Однако прѣнчавотъ, что во дѣлѣ и вѣдѣ въ Галиціи, а также въ другихъ краяхъ, у другихъ народѣвъ такия вѣдостатѣ прѣнчаванія прѣнчати неможе.

Помысливъ тутъ въ пр. на *примѣрнѣ духомъ стѣпалами* Святихъ дѣлѣ, *уловожи ласала, и стѣпка, и аружидати ихъ воверсали своихъ шикъ и вѣрнати, будъ-то духи ругани вѣнчавотъ ишуть и дають вѣнчати въ міра духовного и въ вѣдостной глубинѣ прѣнчати!* Что естѣнѣ вѣнчаваніе, въ за словотъ а даме аружиданіемъ старитъ людей вѣрвати, что то не онъ а духи вѣнчати? Если *мыслимъ* человекъ хочеть у стѣпки салтанса, говоритъ: *Онъ не старитъ, ничего не будот!* Что стѣпка вѣде *мыслимъ* ругали обрамѣнѣтъ, чѣну онъ изъ тѣну духа? *Кованъ* бы Галичане русскіи были сіе вѣдѣ, въ бы то были ихъ вѣнчавані! А вѣнчане тое вѣнчавотъ въ шикъ прѣнчѣ и у пародѣвъ, котори хвалѣтѣ прѣнчаваніемъ, то не вѣнчавотъ вѣно солгосованіе, а трѣбууть слѣдѣ іграмъ, безъ которѣвъ человекъ отъ стѣпки отгоснѣтъ! Такъ имъ неможе на себѣ и на шикъ дѣла, въ шикъ прѣнчѣ, и шикъ народѣвъ, узнати! Чѣну только селане галицкіи и Солончане ихъ такъ вѣнчавотъ? Недавно тѣну стѣпки Логостатки вѣнчавотъ, а тамъ и во еракахъ а вѣдѣ паролованн, вѣнчавотъ и въ вѣнчавотъ до вѣрнѣки на *Новотъ Сѣтъ*, котори хвалѣтѣ, что сѣтъ *Нароловъ I* былъ у вѣдѣ. Тамъ имъ недавно читали о вѣрнѣкахъ въ западнѣхъ стѣрѣвахъ Европи, котори обичивали *дѣлѣ*, что неможе узнати, гдѣ вѣнчавотъ солгосованіе. Намъ аси вѣнчаваніе дѣла во Логостѣ вѣнчавотъ *сочинѣніе* съ вѣнчаваніе: „*Boglaubigig(?) Mittheilungen aus dem Geisteswelt und dem Nachtgebiete der Natur. Berlin 1853* (1)

Однако имъ не хочеть оправдвати вѣнчаваніе между навикъ народѣвъ, которѣ до вѣнчавотѣ имъ бы одно въ мірѣ вѣнчавотъ, и блѣматѣрѣ сну, что онъ ставитъ навъ свое прѣдѣ очн навнѣ, а вѣнчаваніе вѣнчавотъ естѣ, злое вѣнчаваніе и въ кустн дѣла во вѣрвати. При всѣмъ тоѣмъ имъ солгосованіе, чтобы все такъ вѣнчаваніе у вѣдѣ навнѣ вѣнчавотѣ. Суть вѣнчѣ и вѣдѣ свѣнчаваніи, котори ревно и аружиданіемъ вѣнчавотѣ слово Христа, и навъ шикъ, кѣланн, бѣстѣмъ и дѣмъ солѣтъ исараваніемъ. Также навъ грѣхотѣ-солгосованіи, словенскій обрѣдъ *ароловѣдѣла* силѣ свое внутренноту силу и свое значеніе сразуѣмъ. На руганъ до вѣнчаваніе, что *ново* устроѣнѣ вѣнчѣ вѣнчавотъ и вѣнчавотъ, ирѣнчѣтъ а богословскіи вѣдѣ селаннъ свѣнчаваніемъ силѣмъ въ вѣнчавотѣ человеческой и Божіей. До вѣнчаваніемъ открѣнчавотъ различнѣ прѣнчавотѣ вѣнчаваніе селанн галицкихъ. Но сіе егѣ уснотѣнѣ вѣдостатѣ, шикѣ не може онъ не указати на *мыслимѣ*, которѣ вѣдѣ

больше поуглубить силъ гласности и душевннхъ чело-
вѣкъ, его трудолюбіе, его заробокъ, его нѣтаніе,
что всего потребно, чтобы возникла и процвѣта-
ла и здѣсь привнесла шкѣль. Сіе вѣдѣство есть
также прачинное, что нѣкогда селане не приходило
до Церкви на Богослуженіе и на воуку вероуванію.
Бывало и то, что нѣкогда священники, востановиши
опити Божіихъ словенъ возвратитъ сего великого
грѣха, дозволяли несправности. На другій разъ во
будеть уже доискиватель заворотъ собъ нужди шадитъ
слово. Назовоуи ны соотвѣтуетъ чествоу Ду-
ховенству, свое провозданіе печатати, дабы нѣрѣ видѣть
трудъ ихъ, и дабы такъ были книги, восту-
пованіа нѣсто религіонныхъ поучительныхъ книгъ,
якіа народъ шилъ сторону ахтыю. Но пошею
сочинявше русскому во такъ легко оладити по-
чатіе книги: то прелесити Зора съ тою частію
своею, которая вѣнчается *Поученіа Церковна*.
Если бы умножилося проданіе на Зору съ силн
поученіа, то бы воже было распространити объ-
сѣтъ Зора, чтобы все подавати обильно и съ роз-
дѣлчихъ сторону шку душевну. Давно вышъ за-
рѣлъ нѣтъ для сегого чтевіа книги вшею: „По-
ученіа Церковна“ и „Житіа Святыхъ,“ и забыты
ташкѣ селане и грѣшныа женщина акасишъ
книгъ вѣдѣють еще во вѣнохрондѣлнхъ. Такъ
даже мыа совѣдѣши читали собъ свое поученіе
и во маловѣла изъ ступи горькою, которую вы-
шъ такъ шаре оладити — на свое не побобѣл
Исхмалъ Намшонскій.

ИЗВѢСТІА НАУКОВІА.

— Ятъ ны уже возбудила, пришло а. ми-
нистерство провѣщенія русскій „Бухваръ
пр. г. Кульчачного и Чтванту г. Добран-
ского, приходила съ Вазны сво учебника для
школъ народныхъ и гражданскихъ. Теперь до-
дѣшиса, что а. министерство распорядило, дабы вы-
шечни тіа заводомъ были въ русскій народнхъ
школахъ ужъ слѣдующаго 1854 года.

— Вѣнчѣніа произведенія русскіеи
словесности, издавши въ 1852 а вышпшюу году
суть слѣдующія: „Отчетъ Императорской академіи
шукъ во отдѣленіи Россійского языка и словесно-
сти, составленъ П. А. Плетковнхъ. Собъ 1853.“
Многа труднаа челоуѣ той академіи пероше нѣство
вѣнчѣють „Востнй Россійскій Словарь,“ ошею ге-
ловомъ нѣліе есть разлѣчнне словъ, котормъ вшею

великорусскому народу принадлежатъ такъ, ко-
торы употребляютъ только въ областнхъ языка
того нарѣчія; потомъ „Словаръ западно-русско-
го нарѣчія,“ начавшій составлятися подъ редакцію
Григоревича, а по его смерти продолжаемый
нѣтъ Макавнча. Особливо вниманіе обрамо-
но на новое изданіе „Словара русскіеи языка“
и рѣшено, въ семъ новомъ изданіи раздѣлнть сло-
во назущого языка отъ словъ першого, се есть:
старословенского. — Въ 1852 г. вѣнчѣташе „Опытъ
обшесравнительнй грамматикн великорусского язы-
ка, издаваній кониссіею академіи, которій такъ со-
отвѣтнмъ оказалоса потребнть времени, что уже
прнготовляется второе изданіе. Тою же кониссіею
шдало „Обзорніе акадѣмнхъ народнаго языка и
словесности,“ въ которомъ говоратся пространно
о востонародномъ языкѣ и словесности. — Въ „Из-
вѣстнхъ“ съ 1852 г. вѣнчѣтомъ вѣнчѣтнми стѣ-
тн а оизологн и исторн словесной отъ словнхъ
нужд, яно: Давидова, Восточкова, Шевнре-
ва, Срезневского и пр. Много полезнаго про-
изводитъ „Горноруднй земледѣлческій Институтъ,
которій сегогоже вѣнчѣють „Земледѣлческіа По-
вѣски,“ писанныа языкомъ вѣнчѣтнмъ для просто-
го народа. — Многочисленно и для Милорусннхъ сочи-
неніе есть: „Русскіа старнка въ вѣнчѣтнхъ
кнхъ перваго а гражданскаго обше-
ства“ съ изображеніемъ Мартннова и описаніемъ
Шенгнрова. Изъ того сочиненія вышло уже 17 вы-
пусковъ, вѣнчѣтъ съ 4 образца. — Великое внима-
ніе обратило на себе „Путешествіе изъ Рена въ
Іерусалимъ,“ сочиненное гр. Н. Адлербергомъ. —
Изъ вѣнчѣтъ вѣнчѣтнхъ умилбнвомъ сталае теперь
балалѣчскіа воена „Курганъ,“ составленн Маха-
иловъ Иртамшѣтъ, которого Россіаеа ставлѣтъ,
въ вѣнчѣтормъ отвошеніа, на ровной стѣпенѣ съ
Пушкиновъ. — Изъ драматическнхъ сочиненій заслу-
гуютъ вниманія вѣнчѣтнхъ „Дваумѣеса стѣмъ. —
Для простого народа вышло таюше нѣсколько по-
учительныхъ книгъ, яно: „Руководство въ провѣде-
нію лѣсовъ;“ „Габель отъ вустого хлѣвостова Глян-
ка сочиненіе, весьма удобншмаею а поучительнаею, а
такъ поправилася, что авторъ вѣнчѣтѣваетъ уже дру-
гое изданіе. Къ тому издавашъ: „Пошн великорус-
скнхъ вѣнчѣтормъ и вѣнчѣтнхъ.

(Слѣдуетъ Число 25. „Поученіа Церковнахъ.“)

Изданіеи а таюше Института Ставрополітннхъ
Отвѣтственный Редакторъ Евдѣамъ А. Давидовъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Среда два листа, по пятъ годовое въ Листъ 4. пр. 40. пр. и н. — съ почтовою пересылкою 6. пр. и н. — Жалованіи четвертьное получаютъ платати въ Листъ 1. пр. 10. пр. и н. на почтахъ по 1. пр. 30. пр. и н.

ЖАВОРОНОКЪ.

(Душка во Кралеворской ривониса.)

Подъ твѣю вѣтвистой берези
Красавица — дѣва садкая;
Рукой утиравши слезы, гласи:
Печальную пѣсенку вѣда.

И ось, жаворонокъ — птица
По травцѣ, по пѣточкамъ свѣтитъ.
„О чѣмъ тебѣ,” сказалъ онъ: „дѣвица,
О чѣмъ не тебѣ красная плачетъ?”

— Ахъ, вѣстико, я владу повѣзало,
Проплакала вѣлохъ дѣто:
А сердцу все больно и больно:
Нѣтъ друга, нѣтъ солныа, нѣтъ свѣта.

Но скоро, но скоро нѣтъ слова
Онъ вѣстико очу вочашеть,
Но скоро нѣтъ сладкое слово
Устави недомыи смѣють!

Ахъ, если бы вѣстико нѣтъ дали
И вершино дали бы въ руки:
Сказала — бѣ я другу вочали,
Сказала бы горькіи нуни.

Дѣсточно и вершино вѣту!..
Дѣти не, вѣлохъ летковрилий,
Ты къ нилону, къ солничу, къ свѣту —
И своей ему вѣстико о нилонѣ.

И. В.

ВСПОМНИКИ СТАРОСЛОВЕНСКІЯ.

III.

Хотя литовскимъ много вѣсть различ-
ныхъ словенскихъ божествъ для вѣсть со-
храненіи: но воспоминають однихъ ои
о ихъ подвигахъ, дѣланіихъ на шебѣ и на
земли. ихъ пребываніи немъ людьми, ле-
бовныхъ предпріятіихъ и пр. о вѣсть со-
внѣвается въ мнѣологіихъ другихъ народовъ,
и съ которыхъ можно бы шебѣ вообразити
отношеніе старинныхъ Словенъ къ рѣд-
нымъ ихъ божицѣмъ. Касательно того на-
онѣся еще много отъ послѣднихъ, предсерт-
ныхъ трудовъ глубокого иснѣтателя словен-
ской мнѣологіи, покойнаго І. Коллара; но
вока ои еще непечатани, доводивше, въ
недостатку чисто — словенскихъ преданій,
нѣкоторимъ ущербомъ литовскимъ мнѣсанъ. Ли-
товскимъ бо мномъ съ вѣстико только оти-
панія, суть вѣсьма сходни со словенскимъ,
и поганство на Литѣ удерживалось до кон-
ца XIV столѣтія, когда уже вѣсть почти Слѣ-
вонѣ законитныхъ вѣстико виситѣлобъ, котори
были въ состоеніи литовскимъ преданія те-
вѣйше для вѣсть сохранити. Приведемъ туу

иногда два предания, извлечения из Литовской Истории Нарбута:

Литовское предание о начале человека. Надъ небесами возносится надата Прабога, управляющего судьбою подвластных ему боговъ, людей и всѣхъ созданий. Палата сія именуется Праику, а обитающій въ ней наймстій управитель Праикнасъ т. е. управитель судьбы. Владѣнію Праикнасы нѣтъ начала на концѣ. Сойшо богъ, погляда однажды изъ своей палаты на свѣтъ, узрѣвъ въ немъ много зла, войны, разбоя, лицемерство и пр. Чтобы украсить грѣшникъ свѣтъ, послѣвъ онъ дохъ страшиныхъ великановъ, Ванду и Воя (т. е. воду и вѣтеръ), которыя съ грозой ударили на землю, а 20. дней и 20. ночей ю разорали. Праикнасъ позрѣвъ опять на землю, и грозъ водъ тотъ часъ орхка, выпустилъ луннику, котора узнала подалеку высокой горы. Различныя звѣрѣта в несколько людей явилъ принять въ той лунникѣ, въ которой великанъ уже яредитъ нѣтъ ногли. Лунника явилла по разрушительномъ поводити, а когда наймстій богъ въ третій разъ позрѣвъ на землю, унисордился надъ ея разрушеніемъ и укротилъ великановъ, затѣвша ихъ до своихъ жилищъ. Воды нечисти, бура устала, и отягождавшее солнце осушила землю. Слосенными люди разошлись по всѣмъ сторонамъ свѣта, а на литовской землѣ осталось изъ нихъ только едѣа пара. Также состарившись а предидла близкую кончину, аеталась чрезвирно, что не имѣеть никого, кому бы вернуть погла свое явиліе а кто бы ихъ похоронилъ. Праикнасъ послѣвъ нѣтъ утѣшительнику Лунискиону (т. е. дугу), котора советовала нѣтъ пересканивать землюны кости. Изъ доветьхъ слокотъ яветале доветъ паръ, которыя суть яротнаны доветьхъ литовскихъ покарній. — Зепочамъ достоино, что въ сѣмъ преданіи со-

вокуломъ изъображеніи библіини съ гротескини.

Ніюлѣ въ ндѣ. Царица Крунино (то же что Жива. Злата-баба въ словенской мифологіи) имѣла прехорошую дочку, Ніюлю, котора красими цвѣты принашила на луку. Найкрасшій цвѣтокъ ростъ надъ сахомъ рѣкомъ. Царевна извѣла багровую ризу и сошла въ рѣку за цвѣткомъ. Однакомъ дно рѣки разверзлось, и дѣвица утонула въ подземную пронасть. зовику Прагирасъ, где похитить ю боюкъ Полюло (Шеколь), владѣтель подземной державы. алюбленній въ красную царевну. Опечаленная нѣтъ встудѣ искала за дочерью, но на дарю. бо на зѣла ей не было. Крунино обошедши всѣхъ нѣръ, вернула въ свое отечество Литву безъ дочери, однакомъ въ сѣмъ странствованіи познала земледѣліе и научила свой народъ уирвалати землю. Тамъ яловотъ усчастилила своихъ подданныхъ, которыя прежде скудно кронтыялиса. По ой приказу вытнали однажды старовичиній лѣсъ, въ которомъ сноки пребывала. а тутъ открыго явлень, на которомъ наймстій богъ Праикнасъ предъ много сотъ лѣтъ яписалъ судьбу Царевны. Царица негрѣтативни явилась и узнавши о несчастной доли сласѣй дочери, сойшла розгнѣяна по ндѣ Тутъ явилла она свою безпертную дочь. окружену красимиыя виужки и уговорила ю, дабы на короткое время вернула на землю, где въ продолженіе ея отсутствія голодъ а нужда людей приглотала. Присутствіе ой возвратило урожай землѣ, и съ того времени убожалъ народъ прехорошу дочь Крунини. — Испитатали старини видѣтъ въ Ніюлѣ воображеніе плодотворной силы въ природѣ, въ отсутствіи которой ая зину владѣеть гододъ, съ возвращеніемъ же ой обновляется урожай а изъобиліе земныхъ плодовъ. Зепочамъ достоино то, что сіе преданіе имѣеть совершонное

подобіе къ нему в италійской Церере и Презериниъ.

ЗМЪЙ НОТЯЙСКІЙ.

Повесть со времени борьбы Сербовъ съ
Турками.
(Проложеніе.)

По отходе клятовъ, осталъ въ своей хатѣ Федоровичъ самъ на самъ со Стоянкомъ; чрезъ нѣсколько минутъ молчали оба, и каждый съ нихъ занятый былъ своимъ думкомъ.

Наконецъ проговорилъ Стоякъ: „Брате! у мене есть что-то на сердце“.

„Не добро, брате! скривати тоо не должно въ глубинѣ сердца, говори якъ передъ братомъ!“ сказалъ Федоровичъ.

„Сестра твоя красива.“ говорилъ Стоякъ „и не видалъ я дотоле ничего роскошнѣйшаго, хотя наша Сербія пребогата красавицами“ — и заиспалъ.

Федоровичъ поправилъ себя новъе и попукалъ: „Ну брате! говори дальше.“

„Кровь моя кипуча — в сердце встала на взмыцъ.“ продолжалъ Стоякъ неинного тревожннмъ голосомъ, „и поннзъ ннзніюкъ есть: что должно быти, тоо сбудется; — я люблю твою сестру!“

Федоровичъ свелъ шляпку и наполнилъ стаканъ сливовицею, половнику вынулъ самъ а другу подаль Стояку: „Пій, нилій побратнне! на счастья заручимъ!“

Стоякъ выпилъ, потомъ подалъ себѣ руки и поцеловались въ лицо. Уговоръ заключился.

„Олеви тепоръ въ огороде;“ навскнулъ Федоровичъ, и Стоякъ пошелъ въ огороде, а неки тѣмъ воеводитель надноравскихъ Сербовъ поспешилъ заняться приготоовленію къ походу на Белградъ.

Солнце уже западало, только верхи горы озарялись еще его лучами, а тонно-

зелени сосни красовались чудесномъ блескомъ румяного свѣтла; уже остали тамъ Кобларъ и Овчаръ въ огнемъиъ перѣ западающаго солнца, которое еще разъ всплывши повелъ ихъ головами — стасло. и вса окрестность покрилась вочерннмъ прокомъ.

Федоровичъ вернулъ до хаты, абы приготовить и свое оружье. Стоякъ сядлъ у окна и смотралъ въ прачую даль, кво бы хоталъ вечную дружбу заключити съ востаннмъ ночью, бо в въ его гудадхъ заалелась черння ночь. Прншество Федоровича отвелло его отъ разннмшеній.

„Брате!“ рекъ онъ, подавая ему руку, „сердце Олени не для мене сотворено!“

„Сердце женщины разлнмнется кво востъ передъ сильннмъ мужемъ.“ отвѣталъ Федоровичъ, „оно должно прежде закалении быти, абы могло прннати первую любовь. Такъ не журись, брате, погдето полюбнть в сѣ сердце.“

Стоякъ покруталъ головою. „Не для мене не согрѣется оно любовннмъ огнемъ — ннкогда! О, дай Боже, абы не домыслъ яе былъ правдомъ!“

„Что думаешь такъ сказати, нилій побратнне!“ спросилъ Федоровичъ не ннвогъ перестрашавшнй.

„Оставннь тоо.“ сказалъ Стоякъ, претеря скорщенное чело рукою. „однакъ, будь что нбудъ, нн, Петро Федоровичъ, останннь яе нерозлучннмъ побратннмъ!“

„Останннь!“ отрѣкъ Федоровичъ, „но однкъ есть Богъ надъ нами, и кво поможъ, дабы Дѣва пресвятая ходатайствовада за насъ и наше отечество!“

Федоровичъ пошелъ за своимъ дѣломъ, а Стоякъ погрузился снова въ разннмшенія, и возставши изъ вѣстца проходился слорннь крокомъ по колкаты.

II.

Ночь была полусная. высланными людьми вертели одинъ за другимъ, на отдаленныхъ горахъ видны были огненные думы и раздвигались водноюкн вистрлы изъ ручницъ. были то условленные знаки, подаваемые окрестнымъ странамъ, что вождь подморавскихъ Сербовъ зоветъ кужей къ оружию. Въ селъ Добрица все утихло каждый отпочивалъ на время. бо передъ зоремъ нужно былъ вытаскнати къ северу, разннхъ боснйскихъ сиваговъ и на окопахъ многославного Бялограда встреннхъ правноръ сербской свободы.

Отъ задней стороны хаты Петра Федоровича прочлаелъ какъ таиъ пкая женщина и прикрыто широкои покрываломъ бжннть какъ дава къ оной горе на той савшой стеникъ, на которой въ полудне пришелъ былъ Стопанъ Чуичъ. Никто не замечалъ ю, и нобы даже кто нибудь былъ у зреть ю — въ бжннть однинъ — въ полночной дбъ, — былъ бы перекрестился знаменитъ священного прста и отарталъ свои очи. бо и что бы то могла много быти, если не чародйная дава, которая обходить долами и горы, селы и города, абы аступннхи иногда во хату, где нати или нина во стережетъ дремлющего дитяти, надъ которого колдоблнн любить склонннхнсь чародйная дава в шокотати и шипати влвучшее ребатко.

Но дава наразъ останавливалелъ перестрашени, ей казалелъ, ако бы слышала когосъ идущего за собою, оглянувалелъ. однакожь только встреть замолчалъ къ кукурузовыхъ бодилехъ. а Моравъ шумела ударамъ тонкннхъ волнани о зеленни берега; а усннрнлелъ дава. хотя таиъ порочалелъ ей, что когда оглядалелъ. пронельнула таиъ немн высокомъ кукурузомъ, и позрала пристально въ свое плетце, — но таиъ во шовельну-

лелъ. Такъ слышала дальше. Наразъ, когда были уже близко у верху налого отрогннхъ горъ, услышала за собою грохотъ канончнковъ, которы легонкая стома ей верно не могла раскнпннхн; и снова перестрашнлелъ, но больше не оглядалелъ, бо по-врый гая, который таиъ дальше въ густой, многовочный лелъ розннрлелъ, сталъ молодець съ простертннн для аей рукави. — а оно радостно скочннхн въ его объятн.

На первое возрннне познати было въ оемъ молодцу Турка, боснйского беа. Его драгоценный турбанъ — къ удивленню! совелъ съ сходнымъ съ онымъ, коготоро Стопанъ Чуичъ принелъ былъ до селъ Добрннн, — покритый золотнннхъ лусканн, легкая катанка, доброе оружне, то все было лншь на-дозвнчнтельннхъ укравннелъ молодого беа; но его гордая поставка, складннхнть всахъ членовъ таиъ и тотъ нумественннхъ выразъ его лица, въ которомъ дае очей какъ две арчайннхъ звездъ блестяло, говорннхн най-вннннше, что молодець тотъ былъ любннцель двачать черноокнхъ, посленннхъ жель. что и сердце Хрнстнннхъ тревтело при во-зрнннн на него.

„Роза Авннскя! которую великнй пророкъ пересаднл въ тонннхъ лугахъ Сербнн, абы розограла сердца его любннцель!“ говорнлъ молодець, внннннхъ лнвнцу нннннннн къ грудннхъ, „уже думалъ я что оно ное не будетъ куаннхн въ красота твоея, нннъ голубко! а ото звездн очей твоихъ смотреть благословннн въ теннноту грудой нннхъ и стало асно къ душъ нннн; вннхъ и рослннннхъ въ чувствехъ любви и восторга!“ И обннннхн лнчелью ей обела до-лонннн. смотреть въ оно зорннн, розжрнннннхъ любовномъ страстнн, ако бы хотель всю красота и ннннхъ лнвннхъ воевати въ себе влннннннхъ возрнннелъ. „Отвори уста, сннъ чудову ротову чаму, съ которой

покалужил сосавъ небесную благодать, отвори красненькія уста, да услышу голоса твоего сладкозвучіе.” говорилъ съ восхищеніемъ. — не паразъ перестрашился благодати ея лица: „Алахъ! что вижу? есть ли то жаль или боязнь? — Говори, о говора, гуриско нол!“ покалужъ нетерпиво.

„Можетъ обою. любиче души моея!“ откликъ дзавца найже монотонъ.

„Обою?!“ невторилъ перестрашенный холодецъ.

„Такъ есть,“ сказала дзавца разшительно. „Жаль стискаетъ грудь мою. что и Християнна, дочь несчастливой Сербіи, отдала сердце свое врагу отчимъ моея и моего Бога —“

„Знаешь ли ты моего Бога, владичице?“ виталъ холодецъ съ книжъ — то упрямко, и говорилъ съ огнемъ дальше: „Алахъ да будешь свидатель неизъ и святой его пророкъ: Богъ мой — любовь. въ ней явиу въ мой и уяру, а въ разъ пророка Магомеда найду тебе опять. любезная дево!“ И протянулъ къ ней руки и прижалъ ю съ любовью къ груди; „о, а не желалъ бы зойти во область райского блаженства, и избралъ бы лучше сагарскую пустыню за свое жилище, кобы только ногъ отпочивати на твою лоню, владичице! Ты красна какъ утренняя зоря надъ Станбуломъ, красна, немела гуриска Магомеда и всѣ святини дзы наши, и для того величаю тебе, отдаю честь божественну и поклоняюсь тебѣ. дево раз!“ оказалъ онъ съ пристрастіемъ и живѣйшимъ огнемъ горали лашты его на устахъ красной Сербинки

„Престань, не говори такъ!“ конила дзавца въ соледкоу уноенія. „ты исторгнешь изъ мене моего Бога, какъ исторгнулъ еси изъ мене стадецію твою? бесѣды отчиву мое!“ И петличенная сладострастннлтъ огнемъ его очей, прижалась крѣпче

къ нему и снова отъ него отдалншия, смотрала пристально въ лицо его. „Ахъ, какъ виновата, что въ тебе страстно любилась? о, нѣтъ, нѣтъ! и сложила свое въ его объятія, „просвятая Дева отпусти ты меня, — ахъ, бо я немогу никакше!“

„Такъ тебе радо слушаю, солнце души моея?“ воскликнулъ холодецъ; „а что говорила ты объ отчима? Знаю и я отчиву словъ, и что я идиую, доказательствомъ те, что здесь борюсь за славу ея —“

„Ахъ, и та борба,“ сказала со злохоу дзавца, „есть причиною моего горя.“

„Оставь тою оставь!“ шепоталъ бой; „нездолго покортятъ раи“) нашену нечу, и полумъсанъ возсияетъ снова на сербскихъ горахъ.“

„Сохрани Боже!“ воскликнула съ ужасомъ дева и отступила отъ холодеца.

„Такъ чего желаешь?“ виталъ нетурный холодецъ. „оби разорился алкоретъ и оби и окранилъ своимъ кровію его медленіе?“

„Нѣтъ, какъ нѣтъ, того не хочу!“ воскликнула Сербинка, „да разорется алкоретъ, только чтобы ты меня оставил! И то лишь наполюють мене ужасомъ, что вижу любезная душа моя и родного брата въ борьбѣ противъ себя, единъ настаиваетъ на шшии другого —“

„Успокойся, моя нила!“ говорилъ бой отчасти съ нетерпиміемъ: „на Магомета, на святу Кааву и на любовь мою къ тебѣ являусь впередъ тобою, что руки своѣ не поднигу противъ твоего брата, хать би рука его напряжена была противъ моего“

„Га!“ отглаголила дева и дзы ея задрожали на ея лицу.

„Скажи, что еще сделать могу“ шепоталъ бой.

*) Раа поименуеа нидей Туринъ нидней Християнн.

„Оснано, любинчо! великодушный пущу!“ пресала Олена складая руки язь до шолити. „твое благоредіе есть безпринирное; но что оно нове колочеть? Я боюсь за жизнь твою, а кобы паль ты отъ руки Петра, а бы ненавидала брата. Я знаю иное средство.—“

„Открый язь оно,“ сказала Оснано радостно, „я рабъ твой выслушать охотно тебе, звезда душа ною!“

„Переставь проследовать твоихъ братьей!“ говорила дэва просительный голосомъ. „буль Християнны язь были отци твои, и раде поздравять тебе брать ною въ своей хатъ.“

Черная хлара просунулась по лицу Оснано, око его спочале пронизательно на дэву, потомъ склонилось къ земли и ослепленный холодецъ положилъ оба руки на сердце, яко бы хоталъ усмирить скутренний кучениа. Олена ждала съ тревожнымъ видень отвѣта, и вытала она разъ прощальнае рука свои къ нему, и въ такой моставъ стояла она подвигаясь изъ воста, язь бы оканчала.

„Олено!“ прервалъ долгое молчаніе Оснано заушаннымъ голосомъ, „я почиталъ веру твою и не желалъ никаки, абы ты отроклась своего Бога для любви по нѣ. бо а думалъ, что варишь подобно нове въ непреломную силу любви; — однакоже все на свете подлагать вынуждены, и все найдеть свой конецъ и Станбуль заедеть въ развалинахъ, язь вера ноа завалась въ твою любовь. Ты дала себе подносити, ты пререкла твоихъ братьянь, устребита всею свою силу наде явою. абы отратити немое отъ вери Магомеда, въ которой до шить входилъ и роскошь и блаженство; ты хочешь, абы я прокоя славы, наибольшее во отцахъ наследіе, и стала пренебрежонный ресеть — прощай, будь счастлива, — ни не увидана больше никаки!“

И отратившись яшелъ немалу въ густынку. Олена пада на колени и покланить, раздвинуя сердце, вырвалася изъ его груди, яко бы хранившаяся тамъ бедность ресторганъ ихъ хотала.

„Душе ною души!“ говорилъ жалостно холодецъ, „стирий язова звезды очей своихъ, дабы яшелъ а стожку къ твоей любви!“ И дэва салонила голову на грудь его, и почивала долго въ его объятіяхъ, прерывая молчаніе глубокими вздохами.

„Но оускай мене больше!“ просилъ Оснано, „ходи со мною во дворець отцевъ моихъ; тутъ оумно и неприяно, и не услышишь яного слова, язь о борьбахъ и проволонтин, въ томъ язь забыви для сердца женщини; ходи, о ходи въ великолзвини налетъ Сараяви, который называють коромомъ городоць, въ который не прекращается радость и веселіе. Тамъ услышишь песню соловья, а у ногъ твоихъ увидишь раба твоего, влающего твоею любовью! О, ты мое солнце! ближекъ буду тамъ а, а ты будешь ити радость полною чашею и уташатись непреходимый счастьемъ!“

Молчаніе дэвицы принялъ онъ за созвоженіе, и свистнулъ, а несколько деласомъ *) указавшись изъ за густыми.

Тутъ воздвигла дэвица голову и яко въ горячь говорила:

„Тамъ поиду — поиду съ тобою! Ахъ а знаю, что то жизнь въ отдаленіи отъ тебе. Но, про милость Бога, когда отчуждаль ты мене отечеству, оставь мене хоть моего Бога, никаки а позбывалева буду догаря въ твою любовь!“ И язь бы на мысль тую вернула ей прежняя отвѣта, задержала его, когда онъ велъ и уже до осадланного коня: „Щедра, любинчо!“ сказала она,

*) Долженъ — явлено предвѣстнае отъ нея яшелъ а божество божь.

„узнай прежде, что мне повелъ съ отеческого дома и принуждасть тебя последовати. Выпьемъаго для привоствъ славный айдукъ Стопанъ —“

„Знаю его, знаю“ рекъ Османъ прорывая еѣ беседу, „слава о конѣ не ложна. Однакожь — тутъ перелеталъ веселый уснакъ по лицу его, — однакожь я обманулъ его, того раю. и коби былъ не поинулъ тебо, не поинулъ ночного нашего свиданія, то былъ бы послалъ во грудь его оловяную штучку. бо едва на двадцать кроковъ стоялъ онъ конѣ на цѣли.“ —

Тутъ замучало въ густившя, якъ бы кто-то или приближалася или уходилъ подалеже. „Слухай!“ прошептала Олема.

„Не бойся, мила!“ отрекъ Османъ „пронюхившаяся птица слетаетъ съ глаза. Но скажи дальше, что знаешь о Стопанѣ?“

„Когда привнесъ онъ таин турбанъ.“ говорила Олема не много влекоена дальше. „я перестрашилась духе, и хотя не могла вѣрнати, аби онъ тебѣ изъ головы его свилъ. однакожь овладѣлъ мною ужасъ. Было то предчувствіе. Братъ мой прарекъ оу конѣ руку, и коби была я узнала его прежде нежели тебо, — о. я была бы его такъ само полюбила, того богатира несчастной Сербіи. Но теперь — все уже пронало, и принужденна убѣгати передъ любовью своихъ братьевъ а они будутъ прокляты квертну сестру и сыпати пепель на твоѣ ноздце, где она когда-то стояла и куда ходила — акинница отечества. Но я не изманила оу школы и всегда буду молиться за его благо! Такъ ходи, ходи!“ понукала она торопясь. „сердце мое бѣгетъ жалостію! — штъ, конѣ — я не изманила отечеству!“

„И не изманиши акино!“ оазалася за нею сильный мужескій голосъ; перестрашенна Олема оглянулася, за нею стоялъ — Стопанъ Чудачъ; гронный поититель отече-

ства, не узнава на Османъ и его делство, ако бы ихъ тутъ даже не было, но на Олему смотрало его око, а она дрожала, бо выроклась отечества и народа за шчтенную любовь Потурчовца; и хотя не помнила она все лукавство своего преступленія, но такъ дрожала и тревотала якъ осовній листъ. А Османъ и его делиси гляды съ удивленіемъ на леуострашенного шчачка. якъ бы не нога помати, аби одинъ айдукъ смалъ выстуати съ оружіемъ противъ башной саль Турковъ. дабы помстити измалу отечества; они ужаснулись, но начала бо помати о томъ жаръ сердца, съ акины верженный Сербъ милуетъ отечество и веру свою православную!

„Олема Фелоровна!“ рекъ Стопанъ хладнокровно, „ты знаешь законъ помѣ и знаешь что заслугуетъ изманица отечества. Не я оставлю судъ твою брату, для того ступай за мною, да услышиши преговоръ изъ усть его!“ возразилъ съ гордостію, претигава руку за Олемою.

Но она отступила и искала ехороши грудей любяцца. „Они убьютъ мене!“ воскликнула съ тревогомъ лавица и въ томъ же мгновеніи дожала безъ смысла въ объятіяхъ своего жениха.

„Гей, ты подлый рабъ!“ возгласилъ Османъ и атаганъ его замучалъ въ воздуху. „ворчишь якъ быкомый конѣ, соразившійся съ узвиз, на повѣсту своего Папа, ты все христіанскій!“ И атаганъ полеталъ ватромъ крико къ айдуку; но айдукъ быстрѣйшіи, чѣмъ атаганъ верженный рукомъ Турка, и тамъ пронахнулся Османъ, — айдукъ стоялъ на стороне.

„Слѣча Сербіи и нашей православной верѣ!“ кликнулъ гронный голосомъ Стопанъ Чудачъ, „погибай, хищнику дѣлать помилку!“ и съ такъ восклицаніемъ кануло онъ съ прѣстіемъ на Османъ, но тутъ стояли уже

долиси бей и ударъ Стояна отбавъ только у одного съ тахъ стаганъ изъ руки, который отлетавши, зарылся глубоко въ невь старинного дуба.

„Убійте того пса!“ прикрикъ Османъ, удалился со своимъ добычею, и вкочивши съ немъ на коня цочкался страломъ невь деревани.

„Свободо и Сербія!“ возгласилъ Стоянтъ; „суда, раби Ислана, изнанимени поклокниши лукавого корану, суда, суда!“ и держе въ одной руке долгую стральбу, въ другой ганджаръ роизахивалъ кини кругонъ себе; тутъ роздеръ коню желзвонъ воздари, конь становясь на дыби уступилъ назадъ; такъ зазвонило дуло стральбы о панцирь долиси, такъ что стравожений долиси едва не уналъ съ коня и носкавалъ на невь въ густвину. Гей! что стоянтъ три долиси противъ однуку айдуку? три веробъ противъ орлу? Шлоза те на вездуху, котору легкйи подуть ветра розвесесть на вса страши.

И долиси отскочали отъ айдука и зинадали изъ своихъ вистолетовъ; одна кулька летала боковъ и унаши на землю зашнйла въ кукурузовыхъ бадиляхъ, другая сорвала изъ головы айдука шапку а третя оспалила ему вудри на лавихъ виснахъ, аю бы ихъ кто на красный ладъ былъ подгалъ; но на одне не дотронулась его тла.

„Гого!“ овалеси айдуку розогнеть боовишь духонъ, „ахъ на Турка добрый былъ вистраль, однекош на волюсть пронахнулов!“ И при томъ выналилъ съ одного изъ своихъ вистолетовъ и одичъ съ делсовотъ застотталъ, вилоталъ изъ седла и уналъ на вичъ на землю; крвъ текла черномъ струемъ изъ груди. Други убегли, но Стоянтъ Чунчъ не преследовалъ ихъ, только обратилъ въ сторону, где изъ нова дорожъ утралъ былое платье Олеси Федорови, уз-

жавшей при боку бей Османа! и не уехали они еще далеко, бо схватка его съ делсани не трезала долме одной кинити. Стоянтъ зинтралъ стральбомъ, поставилъ ногу въ передъ и вистраль его роздался по долниъ и отбивался въ горахъ, пока не нечезъ въ протаживонъ шевотъ; но Османъ гонить дальше, и витазиниъ гуваншонъ диветь знати, что свистъ олова вромоналъ невреднико надъ его головою. А Олеса? — она не знала о себя, не знала, что кругонъ ней двется; бо в яко? тамъ покидала она колмбелъ своего дотства, покидала брата и еродинихъ, ногили отцевъ и святини, въ которихъ ногда — то зивала Бога; отсергли отъ себе отчину свою и ей аниашнее горе, и надежду ей на лучшую будущность; ей слези а радости ей при восходе позей зори, а носе то про ничтожнну любовь! Она Християнка предались вса найглавнйшему врагу ври своей, последовала съ розисловъи кнуку, который съ поруганьенъ говорилъ о ей Спасителю и забиралъ въ неволю братей единовердцевъ. Титъ и не дивно, что лежала она въ его паручи безъ символъ. Смерте то дивно, что при зоснонианнйи о ниуаушентъ, при мысли о будущнъ не розервалось ей сердце, абы оставити ногла неканоннну жизнь, дополь еще втеръ сербскйи ввалъ ей въ лице. Но подъ солнцевъ все познотно: даже визнати отечеству и Богу! — такъ я не диво, но диво!...

(Прод. слд.)

НЕНИРА.

Тригодиъ изъ пяти дйствнйахъ.

(изъ *Виллетова* со *иллюстраци*и *перелавали*)

(С. *Олуфрисевича*)

Явление сонос.

Виллетова, Людовика, престана. И Людовика
подводити, но оставити со далъ.

— Мил. Старину, валь уше лучше! но

потребуется, слава Богу! моей скудной ночичи.

Люд. О любезная графиня! что ты тутъ дѣлаешь? Въ мою жизнь не обидѣла на такой умасъ, какъ когда зачѣтила и твою отдаление.

Нем. Где мой сынъ?

Люд. Онъ спитъ такъ сердечно. Ежели пробудится, то добрая Гостирада приведетъ его до тебе.

Вл. (до Немирн) Твое дитя тутъ?

Нем. Скоро его узрите! — Добрый человек! помогите мнѣ завести болѣзненного въ вашу хищину. Лидонило! возьми саблю изъ гроба!

Люд. Графиня! тотъ гробъ —

Нем. Ахъ тотъ самъ! тутъ утратилъ я все, но что я тутъ снова нашла! — о Боже! нѣтъ ли плакати или благодарити? (недоноситъ о Милостивѣ старца)

Люд. Дозволь мнѣ его вести!

Нем. Гадася ли, что и бы утончила-ся? о Лидонило, я — и сама носила его уже отъ давна въ моемъ сердцѣ! (отвѣдитъ Властивила)

Явленіе осмос.

Любеларь. Людмила.

Люд. (выступаешь) Прому васъ благородная госпоже, останьтесь на хищилку.

Люд. Чего желаете?

Люд. Для чего поступаетъ себя ваша дружка такъ благосклонно со старцемъ?

Люд. Того я не знаю. Можетъ быти, я была бы уже дождалася, елики бы вы мене были не задержали.

Люд. Не жалѣйте того, Лидонило, елики любите только вашу графиню.

Люд. Откуда знаете вы мое имя?

Люд. Я слышала теперь и часто такъ же отъ моего друга, когда о своей женѣ говорилъ. Онъ называлъ васъ всегда кѣрною и

чистосердечною, только тое не могъ онъ понять, какъ вы допустить могли, чтобы его легкомысленная жена уличена была въ любовь дама Родославови руку, которая ей не принадлежала; онъ бо казалъ, что вы никакъ прежде надъ немъ великую власть.

Люд. Богомъ клянусь вамъ, любовь и никакъ ніякого въ томъ участія! тое супружество было дѣлать ей отча!

Люб. Такъ те правда?

Люд. Ахъ! елики бы любовь была ихъ сочетала; то имъ не былъ бы тутъ, и Родославъ не шель бы въ Украину.

Люб. Яко? онъ идетъ на Татаръ?

Люд. Пять лѣтъ училъ онъ своея плу и себе самого разными способами; наконецъ увидѣлъ, что напрасно надеется любовь отъ ней, которая своего Владыкира некогда не забудетъ. Нашъ рѣшился онъ и оставити!

Люб. О какъ дивно! Я обиталъ отъ десяти дней въ сихъ сторонахъ; елики старался дворецъ вашъ найти, дабы съ Нимиромъ поговорити, ибо моею дальностью было сіе сочетание разрушити; но я всегда сбивался съ дороги и едва находилъ села мою хищину. Любилъ ли Родославъ сына графини?

Люд. Истинно, какъ свое собственное дитя! Онъ сдѣлалъ его своимъ наследникомъ. Но, добрый пріятель, и не могу больше тутъ оставаться. Ходите, и иду до Милостива! (отходитъ)

Люб. Благодарю! некорно благодарю! и скоро надойду! — А! темныйи каменъ сила ты изъ сердца моего! Онъ хочетъ свое отечество оставити! благо ему и нѣтъ! Такъ Богу угодно! Теперь могу сказать: ты моя жена! ты мой сынъ! могу ихъ до моего сердца приняти, могу надѣяться снова счастливымъ быти, и в мое Нимиром — моею? — которая уже отъ не

ти дѣла — га! я не знаю откуду переросшее въ сей смысл; не то промываетъ мои уши какъ острыя сабли и навальютъ мимо душу омерзительнѣе и яростнѣе! — Нѣтъ, нѣтъ, вырву супруга изъ моего сердца, отцѣню только буду! заплачу еще разъ надъ ей утратою горькими слезами; заплачу какъ храбрый ратникъ, который въ разцѣптѣ житія и славы досищу своимъ малѣйшимъ дѣлаемъ отрубленную передъ собою видѣть. (отходитъ)

(Проложеніе слѣдуетъ).

ДОПИСЬ

къ Крамова для 6. (18) Августа.

Величайшего имъ дѣла торжества были участившимъ. Былъ то нарочитый день рожества Его Величества, нашего Цесаря.

Хотя были годны каже кто изъ чужихъ людей о рускіи Церкви старался, но сего дѣла приселеній нашъ Начальникъ Столичный, бывшій прежде членомъ округу Чертоваго въ Галичѣ, Голштинъ Мербахъ всѣхъ войскамъ и кирасамъ, а въ гражданскихъ достоинствѣхъ чиноупомно вознаглъ для отарамъ вѣдомства и до русской Церкви, которая такъ выполнялась всѣмъ достоинствами войскаго и гражданскаго чинства, — где всѣхъ цѣлѣ въ чиноначаліи Его Превосходства нашего Архіерея Юсѣпа Гаганиа безпророчу приносить жарту въ Церкь Крестъ за благополучіе и напроше царство любимого Императора.

Во званіи то была отпрена!..

Есть водъ Босидана старымъ Зеленинскіи оеде Ставчанъ, въ вѣтъ Русіи и приходилъ къ Госк. Намѣстникъ, Михаилъ Староній, котораго ни о вѣдѣннѣхъ при народѣхъ просвѣщеніи въ „Всплани“ больше роль прослѣвлено.

Въ томъ селѣ основалось трудолюбивѣе домашнее священника школа, — и при вышкѣ научилъ особливо нѣкое порочное а туи дитяеуся совершенствѣе становъ, чтобъ тому рожде въ утѣрѣной Русѣ во единити въ народѣ. —

Я теи нѣкое повелѣно дѣла въ школу просвѣщеніи Церковѣ въ Пршестѣ.

Дѣтей школыкъ двадцать, ключникомъ а дѣлакъ приправилъ каже школьникомъ Госк. Прѣ-

ходникъ съ отдаленіи 12 милъ до Пршестѣ, — а хоръ той нѣкъ представляющій народъ русскій Босиданѣе угорскихъ, — отдавалъ посыланнѣе нѣкъ до теора голоси нѣской въ умоленіе Бога о рождѣннѣе предъ 23 година Цесарю Австрій!

Кто того не слышалъ, найше почитъ во почитѣ нѣтъ а совершенствѣхъ и красотѣ сего вѣдомія. — Грохалка дѣтей еще предъ двома година повѣдѣннѣхъ что училимо значить, произвела нѣкое, которое въ сопровожденіи священника и учителя своего Гна Стрѣловскаго перепровозомъ, въ потчнѣомъ самѣлѣ слова, удивительнѣе было. — Пѣсни поедичнѣхъ частей литургій свѣатыхъ воше, Господномъ Староникъ, ученикъ муснализмомъ сочинѣномъ, перепроводилъ съ томъ точностию, образованностию молодихъ голосѣхъ, тѣмъ духѣмъ обрада русско-греческаго, что всѣ присутствующіи — въ большѣи части иностраннѣи достойнѣи немогли утанъ въ своей Церкви сочеетѣнѣи на нѣкъ сдѣланнаго.

Во священной Литургіи Архіерѣй богато угостилъ все достоинство, где во честь Его Величества, и Его Полатаи а войска хоръ дѣтей сѣлѣвалъ народнѣи пѣтъ русскнѣхъ языкѣмъ, и многократно „Многая лѣта“ съ тѣмъ воззваніемъ, которое празднѣе свѣатыхъ соотѣчалъ.

Но сего не доволно. По обѣдѣ началъ хоръ дѣтей сѣлѣвати повсворѣннѣхъ избравшомъ русскіи народнѣи пѣсни тѣмъ краснѣебнѣе которое такъ превосходне русскнѣхъ народнѣи пѣваннѣхъ соотѣнѣе было.

Явленіе такое до теора напроше было въ нашей угорскій Русі! — Достоинѣи всѣхъ отдѣловъ а членѣхъ восхитѣннѣи тѣмъ совершенностию одногласно привали, что толького таланта, тонкой внимательности изъ тѣмъ малолѣтнѣхъ дѣтякъ еще не вѣтрѣвали!

А то были Русіи, прости, предъ двома година еще воуни — поикъ двоугоднѣи школа, и леутоинное трудолюбіе. Приходилъ и Учитель не столь высокою степеню краснѣебнѣаго образованія вѣдѣлся при вышкѣ сѣлѣвалнѣхъ школьнѣхъ научаѣ.

Закнѣтъ той хоръ обдарѣтъ а прославѣтъ останѣтъ Пршестѣ и вѣдѣтъ въ свѣетѣ, имъ вспомнѣтъ, немъ много дѣлѣтъ одѣлѣтъ съ Русіи школа, какъ рождеи священника а способѣ оу во вѣдѣстѣебнѣе!

Милуѣтъ лѣта и имъ еще все припомнѣтъ дѣла той, — а воспомнѣннѣе сіе обѣснѣтъ случаемъ,

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛМСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Надается еженедѣльно въ Сергалу два листы, по пятъ годовою въ Листы 4. пр. н. н. — съ почтовою пересылкою в. пр. н. н. — Жалованіи четвертьное получати платити въ Листы 1. пр. 10. пр. н. н. за почтакъ по 1. пр. 30. пр. н. н.

ОПРАВДАНИЕ.

Мы шли все по праву, съ почтеньемъ для друзей,
И не спорили съ братьями, и все любилъ нашъ.

Одному изъволяемъ за то не быть снѣгу:
Что мы не величаемъ его извержати.

Но кто все величаютъ себя и у друзей
Халоднй снѣгъ похвалитъ: тотъ недостойнъ нашъ.

Други не высорбите намъ за насъ оное:
Будь — то мы съ Носкалами похвалимъ дное.

И стоишь любить нашъ въ злое, что чернотѣ съ чернотѣ,
Съ которыхъ Россіянъъ снѣгъ свой прохвалитъ?

Тѣмъ впередъ снѣгу, тотъ снѣгъ оноемъ нѣмъ
Вамъ по большаго части днѣмъ нашъ — а по нѣмъ.

И, что знахотѣли они тогда у насъ,
Мы право отборитъ намъ за сою братьямъ частъ.

Тѣмъ, прочъ всѣмъ, всерѣмъ! — и по боимъ нашъ:
У насъ все съ снѣгъ чистѣ, и духъ снѣгомъ, нашъ.

Свернется на по лонотѣ, мы для днѣмъ отѣтъ,—
А на утрѣмъ съ братьями у насъ и нѣтъ нѣтъ!
Видѣтъ А. А.

РОЗЕНТАЯ СЕРПИКА.

(Василъ).

Разъ серпика днѣмъ уламъ, и рооблаемъ:

Серпикамъ одному съ снѣгомъ,

И съ днѣмъ серпика — лучша отчуталасъ.—

Указаній право тотъ, кто въ нѣмъ бѣдотѣмъ былъ.

Дн.

ВСПОМЯНКИ СТАРОСЛОВЕНСКІЯ.

IV.

Знаемъ, что въ Индіи, долубомъ нѣмъ
ночи европеецкихъ народовъ, уже передъ
тысячелѣтіями развилася великое проше-
щеніе: и въ следствие разлитыхъ нау-
ковыхъ нѣмъ повстала также разлитыми бо-
гослужебными отступничества, а отъ того борь-
бы религіиными. Такъ ради религіиныхъ раз-
дорозъ выдавалася иногда казни похвалити
снѣгу въ Индіи и переселалася въ нѣмъ
земли. Знаемъ, что одна снѣга похвалити
давно надъ Нилотъ и основала снѣгу ие-
рархическую власть Египетской доржины.
Такое похвалити лѣтѣмъ, что други
снѣга переселалася на снѣгу и ушла
наду рекама Буготъ (Фасисъ) и Демонъ (Та-
наисъ) или Волгонъ. И такихъ индіиныхъ
похвалити нѣмъ во времъ оное большаго ш-
ревоителася въ края теперь словенскія. Такъ
только днѣмъ возможно похвалити, откуда
преходитъ великое подобіе словенскихъ
обычвовъ съ индіиныхъ, яко и нѣмъ съ
общественныхъ установлений, весьма отлич-
ительныхъ и усовершенствованныхъ, которы
доказуютъ, что предки наши получили ихъ

въ наслѣдіе отъ значительно просвѣщеннаго народа.

Одно изъ найвысшихъ знаній ероства Словенщины съ Индією есть великое почитаніе духовенства. Яко бо у Индійцевъ Бранини (священники) начальномъ была кастою, такъ и у поганскихъ Словенъ священники стояли на члѣхъ народа. И той великой чести, аию словенскіи священники пользовались. доказательствомъ есть во первыхъ: само ихъ названіе; слово бо Кнезь переводить найзрочнѣе отъ слова книга (какъ польское *Książę* отъ *ksiądz*, *księga*); такъ у предковъ нашихъ означалось князь; для того Кнезь значить столько, что священникъ, ученый, законодатель ии ииуеомии трудами и умноженъ, се есть: словенскіи священники были единственными учителями и наблюдателями наукъ и завіей въ народѣ, и съ тѣхъ достоинствъ соединено было всегда у воцковъ народа великое почитаніе. — Во вторыхъ: ииена Кнезь и Князь (Кнезь и Князь, *Książę* і *Kniaź*) не была различаема у древнихъ Словенъ, но оба тѣ достоинства были соединены въ одной особе; аидаиъ бо въ найвысшихъ временахъ, что священники были разныи вождями и правителями. т. е. не только служили въ храмахъ божествамъ, но также переводили на войнѣ и въ народныхъ собраніяхъ, открывая и заключаа военародное совѣщаніе. И то было весьма естественно, понеже Кнези были единственными учителями въ народѣ, и для того совокували въ себя духовную власть и иирску, пользовались тѣхъ большаиъ уваженіемъ и саломъ. Тѣхъ дѣлаетъ священники и у Словенъ были начальномъ кастою, и кажется вероятнѣе, что Словене иишедши изъ Индіи въ сладотнѣ религіаныхъ раздоромъ, иишли вождямъ оееннъ начальника аиой иибудь оенн, и съ того времени соединена

была у нихъ духовная власть съ иирскою. — Во третьихъ: Кнези (священники) были наблюдателями и поелчателями народнаго богослуженія, для того первымъ ихъ обязаніемъ было: возвѣщать народу волю божества и иаражати народный способъ почитанія боговъ обрядами с. е. жертвами, молитвою и обходами; понеже однакожъ съ богослуженіемъ соединена была война и предваженіе поизвѣстнаиъ событий но ииуменію божика, которому поклонились: для того народъ тѣхъ больше чувствовалъ своимъ отъ нихъ зависимость, и признавалъ ихъ тѣхъ большое уваженіе, власть и поелченіе.

Много того священники нехъ собою но была роиимъ, и раздѣлились принужденно на три разряды: найвысшій, середній и аидайшій, которыхъ одажкомъ ииэзвнн для насъ не сохранились; только историкъ Ткачъ поииваетъ, что священникъ аидайшого степенн звался Ра бо или Раба (рабъ); священникъ другаго степенн Микъ; а найвысшій духовникъ Кри се. — Такъ и у Пруссовъ раздѣлялась іерархія: найвысшій священникъ въ Рогово назывался тоже Кри се, ииимъ священники первого разряда ииенывались Вайделотани и Вурекитвани; кроиъ тѣхъ были различныи реди священниковъ: аке: Дигушони, Талушони, Свальгоны, Путони, Воени, Бунтони, Сваковы и пр. — Кроиъ настоящихъ священниковъ былъ еще въ коидой родитъ отецъ или иайстаршій священникъ (кнезюхъ) доиашникъ.

Къ тому дѣлился еще священники и но боиашникъ, которыхъ услуживали; и такъ были священники Перуна (Провена, Парона), священники Свѣтовиды, священники Жавы и пр. Была также священника, услужущи богинямъ или женскимъ божествамъ, на пр. во храмѣ Кривошани или Лады. Дѣже встрѣчаются олады' новашескихъ заведущи у Словенъ иделонеконникювъ. Тѣхъ при

храня Сватограда въ Аркопъ проща священниковъ слышало 300. воинствъ, яко богопольная свята божества, что вероугодно указуетъ на який рѣдъ церицковъ. При храпъ Красовани въ Бернъ находило такъ заведеніе для даваць, до которого найзвѣщитини поравскіи родни дочери свои отдавали.

О свойствахъ словенскихъ священниковъ мало сохранилось извѣстій; столько знаеть, что найзвѣщитинъ въ Аркопъ носилъ для отлѣчи долги волоси, что было естугуленіемъ отъ общо сѣмчя Сладенъ, которы волосья стрѣлка. Криза или Кривекривейта въ Ромове, начального священника Тройци Перкува, Никола и Петрунбы такъ летоисцемъ описуютъ: иль скроне, въ удалени отъ людей и янкоу не показывался. Кто его видѣлъ, уважалъ то за великое счастье. Сродники его и посланики, которыхъ Криза кивавши лѣскоу или ииить знаменитъ висмалъ, дозивали всядь великого почтениа. Если Криза надто сестрался, давалъ себе иногда свалити на мортву будто во свясеніе народа. Вероитно есть, что Криза поминалъ въ безженствѣ. Наследники его обирали священника.

ЗМЪЙ НОТЯЙСКІЙ.

Повѣсть со времѣнъ борьбы Сербовъ съ Турчанинъ.

(Продолженіе.)

Стоякъ смотрѣлъ за бѣглецами, иногда иелькивали они ему еще изъ поза дорѣвъ, ажь наконцоцъ совсѣкъ изчезли въ тенной густякъ.

„Проклята вѣсть!“ говорилъ онъ озлобонъ набивши снова свою стрѣлбу, „катора звиряла конь бѣглецовъ; но добре такъ! но что трачу даромъ оловъ и дорогій порохъ?“ И прибралъ будъ-то снова

свое хладнокровіе. бо набивши стрѣлбу оперся на ню и задучиво продъ себе сматра мочоталъ: „А я былъ и такъ любилъ горачо!“

На выстрѣлъ айдукъ озвалися взгляси и повия выстрѣлы отъ села Добриши; народъ сманилъ на мѣстце боевой схватки, а самъ Петро Фодоровичъ былъ на его челъ.

Стоякъ протеръ себя чело рукомъ, закинулъ стальбу на плечи и былъ хладнокровний якъ всегда; бо иже айдукъ Нотѣйскій иналъ бы указати тревогу ииить, если неказывалъ ю ниже тогда, коли илии обратники кругомъ него надали въ провадой битвъ? — И, якъ бы не слышалъ сблизющахся, приступилъ къ убитому далѣку в возрвни нашь, коснулъ его съ пренебреженіемъ погомъ.

„Поганий рабъ!“ сказалъ онъ, „такъ получаю ты отплату за то, что мочагаль своему Пяну выкрасти дѣву Сербянку! Но ака съ того користь конь? Мертвое тѣло Турка за дѣву, красу всяа хороней Сербин! ака недостойна замѣна! Такъ лежи скверний Турчине на сирой земли во коръ дѣкихъ зарей и горскихъ орловъ, дабы разъ уже насытились они такожъ нуудьманскими пѣсонъ. Гей! бо заделго огрызали они бѣлимъ коста убитыхъ силонъ Сербин. Но ужъ оружье теба не пригодется; се везаку во панатъ печальной ноивъ побѣди.“ При такъ словахъ согнулася онъ, отогнулъ отъ боку убитого Турчина пистолети и рожокъ съ порохомъ, и пресилывая рожокъ до своего рожка говорилъ со жалонъ: „Добрий те запѣлъ! за конъ две славы выстрѣламъ така награда!“ Едва уклонилъ свою роботу, облинился къ нуку Петро Фодоровичъ съ своими воинни.

„Гей, то Стоякъ Чунчъ!“ воскликнулъ молодой зомъ надноравскихъ Сербовъ, „рѣстий соколъ ночний; когда имъ отточивъ

востъ. онъ спросилъ на славный шуръ турокскихъ работъ и сдѣлать ниши нуть для своихъ братьевъ! И праступилъ бланк спросилъ съ любовью: „А говорилъ ты къ нить голосомъ своей стральбы? о, такъ!“ додалъ узраши трутъ делна. „аъ, аъ, аъ, говорилъ къ нить не дарно.“

„Майне не дарно!“ отвѣтилъ Стоякъ, „увели рабъ станетъ за Пана?“

„Что можешь. Стогне Чулицъ?“ выталъ Федоровичъ съ удивленіемъ и все товарищи его обступили айдука съ видными жеманіемъ узнать нуть про схватуу.

„Валитъ повану скажу тебѣ, Петро Федоровичъ!“ рекъ Стоякъ, „а вы, братія, устаньтесь кругомъ, дабы слышати погла пождое слово.— Что дундось, вондо надпораскахъ юнаковъ! говорилъ онъ къ Федоровичу, „чій то турбанъ былъ, который я нить до хаты твоей принесъ?“

„Турбанъ?“ спросилъ Федоровичъ съ удивленіемъ.

„А тотъ другій,“ додалъ айдукъ, „который ты передъ вчера на дороге нашель?“

„Я страхлъ въ него акъ и ты,“ отвѣкъ Федоровичъ. „я для того было нить нишнее твое приличіе удивительно.“

„Но я скажу тебѣ еще нуть дивнѣйшее,“ продолжалъ Стоякъ, „что напокази тебѣ нехотъ укасенъ.“

„Темке разъ въ жизни былъ я въ унашенъ положеніи, только разъ дрожалъ я,“ сказалъ Федоровичъ съ гордестію. „то было тогда, поди розарилась душа моя нестимъ, нель кони снаговъ тотали по барканъ шкель и шкетовъ нашель, а я не могъ розгренити враговъ, бо солнце наше еще нить не сѣтло.“

„Но, такъ лучше,“ сказала Стоякъ подкручивая усы, и было въ нить познати человека, который, нить довести пенилу въсть, не знаеть, акъ те печати. И обра-

тившись къ своему другу считалъ рашительными голосомъ: „Что бы сказала ты о Османъ бей?“

„Османъ Дюра бей?“ спросилъ Федоровичъ.

„Нилъ я его не знаю?“ рекъ Стоякъ, „о знаю! онъ стоить за десять нимкъ, я видаль его къ борбахъ на Ядартъ—“

„И я его знаю!“ сказалъ Федоровичъ, „танъ за гороу въ Клименъ стоила его хата, онъ былъ гордый, клевалъ на насъ, но не розбивалъ. Но и то не охранило бы его отъ смерти, хотя сама неслава, яна дѣлнть на его ниянъ, горше нежала смерть—однакожъ онъ убавалъ отъ нести нашей въ ноци передъ лампѣ возстаніемъ.“

„Ой, брато!“ рекъ Стоякъ и око его заблестало жаромъ, „твоя сестра корнила тебо одурокъ, а Османъ давалъ тебѣ его перель вчера яко днесь нить—“

„Дожили!“ воскликнулъ Федоровичъ дрожа отъ истерзанія и гнѣва.

„Стоякъ Чулицъ не агаль еще николи!“ говорилъ Стоякъ гордо. „по для чего дрожишь, Петро Федоровичъ?“

„Умо не дрожу,“ сказалъ тойже и очершился на долгой своей стральбѣ, приотрастно поинялъ дуло ей рукою, однакожъ лице его не оказывало ни назайшого возмущенія и рекъ хладнокровно: „Говори дальше!“

„Мы споживали разокъ хлѣбъ-соль,“ сказалъ Стоякъ, „вернись ли нить, брато?“

„Варн.“

„Такъ знай,“ преговорилъ Стоякъ поелъ короткого полчанія. „Олема Федоровна изникала отечеству, а пренде, закънъ мы сюда прійшли, бакала она съ Османомъ бейтъ.“

Воскликн ужасу, глаза и недоузанія выпривались изъ груди слухающихъ товарищей, но Петро Федоровичъ стоить недвижано, по-

что безъ чувствъ, будто въсть таа его даже не касалась.

„Турбаны его были для Олены Федоровны знакомъ, что юощадесть.“ говорилъ ей-дуть дальше. „а вы Петро Федоровичъ, вы сами были посланы въ его дукавонъ далъ.“

„Довольно того! кринулъ“ Федоровичъ и лице его покрывлось розширившимъ рунященъ, а око найже звышло кровю; „дольно того! въ котору сторону бжали?“ Мановенювъ руки указалъ Стояну сторону убжениа, а Федоровичъ носкочилъ на передъ, но Стояну задержалъ его. „Достигаа орла, тогда кружить надъ головою поночь небесью, а всякй высаетъ тебе. Кулька моя была быстрашо, а такй око недостагла. Въ землю не скривисъ, а куда бы бжали если не до Благграда? Тамъ ихъ найдентъ, съ оттанъ ихъ добудентъ.“

„Добудентъ! въ тое слово зрю якъ во спасеню и свободу нашего отечества!“ возгласилъ Федоровичъ и обривившася къ своимъ торарящанъ говорилъ съ цылымъ жаромъ возмущенного сердца: „Братя! намъ извѣстно, что а любилъ ю и зрю заступалъ для ней отца нашо; но да забуду все, а больше ю не знаю, а мое проклатю, проклатю итери Сербя да преследуетъ ю до смерти, а не аждетъ скорше ния ей изъ устъ конхъ, пока не падетъ голова ей во жертву оболщенимъ сестранъ и братянъ, во жертву оскорбленому единому Богу!“ — И ако бы акъ теперъ позналъ онъ былъ весь унашь, всю грозу выреченного приговора, выключалъ не много и — сказалъ хотонъ къ Стояну: „Бжали въ Благградъ? — такъ, нуже на Благградъ! тамъ ихъ достигнентъ судъ Божий!“ Се сказавши ступилъ нъсколькю кровокъ назадъ; все послыдала ему молча, почитали бо его болестъ. Въ Добрыню но одерживалася долго, прохода ниню не-лого приказалъ только, дабы воз нужи съ нинъ

оозокунулись, и спонейно выткнули ножи за показимъ, несчастливню вождетъ споней. Первое утро проблескивало уже за горани, когда калый отрядъ азощалъ на притивноложную возамшенность.

Оттуду свернулись все еше разъ къ родному селу, послали поздравленю своимъ менонъ, дятитъ и сестранъ, а унаши на колена, поились за себе и за ахъ, и лица ихъ были розвеселени: только Федоровичъ обернулся съ засуновивимъ челомъ, — ахъ, онъ не нилъ никого, кому бы постъ поздравленю свое послати, не оставалъ никого, кто бы за него возлиася; такъ едвал, котору любилъ и которой зралъ всащъ сердякъ, опустила его измивнически, убгла до наибольшого врага его, а онъ ступалъ нинъ въ военный походъ въ той калы, абы на ней исполнати прозавую ность за кыну отечества — такъ а по дивно, что съ очей его смыли горькй слезы. Стояну заикталъ тое. „Брате! перестанъ совѣтати!“ говоралъ онъ къ Федоровичу. „ты утратилъ сестру, — а а любиницу души моея, — моя утрата далеко больше!“ Федоровичъ покналъ ену руку и молча шиди обокъ себе дальше Чыкъ дальше проходили она ниню села понадъ берегонъ Моравы, тамъ больше унажалася ихъ число, пренебреженни рая опускали плугъ и сельское уединеню, и вались за оружю, абы защищати свои человеческй права, изъ земледельцъ и поруганнихъ рабовъ стались богатыри, славны ослободителы славной тогда-то Сербя. Изъ горъ сходили воинскй отряды, будъ своихъ клязони, будъ Отцемъ духовничъ, будъ акикъ айдуконъ ведениа, и когда только преходили ниню аное осло, всегда встречали клячущихъ менъ, стариковъ и дитой, азывающихъ о поночь и благословенство Бога, а всегда присодинялись къ нимъ нужи и молодцы-охотанки, а тамъ ближе подждади

ить Бєлограда, тамъ громче раздавалась сербская пѣсня:

„Кое чудо се случилося!
Тамъ катало Прованце,
Чтобы на Сербіи слышалося
Воспареніе востроумя!“

И великое ополченіе подъ предводительствомъ Петра Федоровича и Стоянъ Чунича обближалось къ Бєлограду, и „блудный городъ“ дорогой намятничъ сербской славы, окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ Сербіи.

III.

Уже третію неделю стоили Сербы подъ Бєлоградомъ страдая безустанно на сильныхъ украинцевъ, однакожь снѣги боронились мужественно в украинцевъ Бєлограда были для нихъ нерозрушимыи щитомъ. И загрозилъ шуми, однакожь только малыми куски канонички украинцевъ отбивали они чили не предли воево. И не были бы погледы Сербы нано всей храбрости родимый Бєлоградъ добыти, а голодомъ его заморити не было надежды, повеже корабли на Дунавъ и Савъ снабжали обсаженыхъ всякихъ кормомъ. Но Султанъ, которому своевольными, неправедными дѣла боснійскихъ снѣговъ уже несли были, нѣтъ нѣтъ случай покорити гордыхъ вельможей, котормъ величій его воспивалось; и выслазъ боснійского везира съ трона тысящани Турковъ разитъ на вночь! Въ докъ приближтія ихъ до сербского табера ударилъ радостивѣше шумки на украинцевъ Бєлограда и воеводи пѣсни отзывались по всему табору; только на восточной сторонѣ, где Петре Федоровичъ и Стоянъ Чуничъ со своими отрядомъ стояли, не раздавались шумки возгласы, хотя и тутъ венола была радость надъ неожиданною вночью, и только одна пѣсня раздавалась отъ вѣста того, котора предвѣщала смерть догвонити и погибѣль.

Сумно стало безнѣ, они зрели украинцевъ Бєлограда кривою обогреними, поспотрели на сербскій таборъ, тамъ блисталъ полумѣсяцъ; и задрожалъ Агамліа и его дуканми товарищи застонали. повзали бо, что Алахъ и великій пророкъ его опустили ихъ и они продадали свою погибѣль.

День склонился в ночь розложилась надъ таборомъ. Везде было тихо, только шескотъ редольно текущего Дунава и переличка ночной страхи прерывала тишину ночи. Тамъ и самъ у огнища сидѣли воины въ кружкахъ, разказывая себя о битвахъ. обѣ отчизнѣ о Бєлоградѣ и о томъ, скоро ли вездвинуть праворъ свободы на украинцевъ Бєлограда.

У одного огнища сидѣлъ Петре Федоровичъ съ вобратимомъ своимъ Стоянкомъ. Руки нѣтъ онъ оперты о колѣна и подперъ нини голову вѣчальными думками обреченноннуну. И Стоянъ иногда задумался, и иногда спогралъ на своего друга, который поднесши голову в позравши на Бєлоградъ говорилъ смущеннымъ голосомъ: „Тамъ пребываетъ она и кочиваетъ въ его объятіяхъ! Ушла снасть? и нежеть ли снасти — взыманна?“

„Любовь есть всемогуща, брате Петре!“ сказалъ на тое Чуничъ, „и хотя бы я въ черномъ умесеніи изннуну ей укаралъ шертію; однакожь чувствую нинѣ, что око мое залало бмѣ слезами в рука дрожала бы, якъ втронѣ колеблена тростина, когда бы врийшло ннѣ кровь ей пролнті.“

„Ахъ, то само дѣлало бмѣ и со ннѣю!“ отрокъ Федоровичъ, „но она погибнѣтъ — она должна погибнѣти!“ и оба погружались въ задуманье.

Наразъ встрѣснулъ собою Федоровичъ: „Самннннн, Стояно?“ „Самнуну!“ сказалъ

точно, напрягая свое внимание, до возможного приравнение."

"Тыся, ну же братья!" воскликнул Федорович съ таинственным видомъ. "заварь уткавать намъ изъ етъи."

И слова его повтаралъ одинъ другому и въ несколько мгновений двигались ради черныхъ тьмой. какъ сборища духовъ убитыхъ Сербовъ къ ракъ. И кажется, узрели они нечто на ракъ. бо все умолкли, только прерыванное плесканье волкъ оказывало, что на ракъ дается что-то необыкновенное. Тьма Сербовъ остановилась на берегу, а воздвигенный въ гору ручищи келькала, ивъ верхка пологого ласа.

Тусклое свѣтло, какое обыкновенно предшествуетъ восходу ласана, слынуло на всю окрестность, и быструю оу было можно переглянуть раку.

Рака покрыта была челвани, и еще слыли отъ города новии челви и лоди. Одни носли на себя снаговъ и яничаровъ, други дагисовъ — враги Сербии принуждени были бжати. Спокойно слыли она не работая весломъ, предавшись на произволъ свободныхъ волкъ, абы плесканьенъ не обудати внимательности тьмой, которыхъ теперь добре познали. Но в тѣи уважали, что дается, и приближились еще на несколько кроковъ къ берегу; ласъ ручищъ паразъ склонился, и громкѣи выстралм ихъ повесли грозу и смерть шорхающинъ челванъ.

"Алакъ!" раздалось изъ многихъ грудей, а изъ челвъ густое страшище на берегъ, и слысь теперь снаги весель и работали лиии какъ прежде ихъ рабы, направлаа путь къ противоположному берегу. Но изъ другой стороны надтагали уже воини и отряды къ Дунаю, кельмй сербскѣи таборъ возмущалос и слышиль на ночное ображонѣ. Снаги откылину отъ себе все оружию, абы не

гли скорайше повелани работати, всаки оеосия единю изъ багетъ. Но Сербѣи оеорвождали ихъ понади береговъ съ густо перестрѣлкою. Дагисм, икъа лучшиа лодъ ивъ прочѣи, оторвалос отъ своихъ повластннхъ братей, кыжоннми тирами оустили своихъ товарищей, и повчалос скорайше Дунаемъ, такъ что Сербѣи не успѣли ихъ преследовати. Одна лодъ, повалка, не логонька и скоронамуча, истретнгула и втрапалани снабжоннми лоди дагисовъ и страдомъ летала все дальше в дальше.

"Османъ! Османъ! Дура бей!" воскликнулъ Стоякъ Чунчъ, указывая на шорхающую лоду.

"Все мое икъно данъ току, кто туу лоду пойнаеть!" кыкалакъ Петро Федоровичъ.

"Оставъ себя свое икъно, повзачалнику! ни пойнаеть ю безъ всякой награды!" возгласили воини и въ тотъ же мѣтъ пустились за лоду, на ихъ челъ Стоякъ и Федоровичъ. Уже ю догнали, уже грехитъ добре вышороннми выстралм понади великии быстрого Дунаи, но ни одинъ подобный отвѣтъ ю роздается отъ лоди, только безустанно работаютъ Османъ и его товарищи веслами а лоды скользеть страдомъ. То порогонати она своихъ преследователъ, то снова тѣи ю порогонати. Мажн такъ взойшелъ ласкъ, и слывь погасъ при розблеску вставающей утренней зорн, — гонитво продолжается досель а лоды ичтис такъ скоро какъ съ начала, и кажется, что ни одна кула не досталаа своей цели, или что сидѣщи въ ней оуи охраненнми надприродною снагою передъ важиныа оловонъ Сербовъ. Но мѣтъ, слывно взойшло, и слывно на боковнхъ доскахъ лоди черты засохшой прови, слысакѣи кругонъ лоди ихъ чероннми ленты, икогѣи весла ивъузрамели кровлю, — а уже новодѣйшнми движутса, а лоды поводѣйшнми сунетса; Сербѣи не

страдані дитини. И вѣсѣтъ лоды дошлама къ градчанъ Сербіи: были уже Сербы готовы одишь выстраломъ погубити на ней все живое. За буквини доскии сокрылись сваги и догаси бѣи. готовы ризномъ паромъ салати Радитъ, но праготовленіа тѣи не обращали вниманія Сербоу.

(Кои. сѣба.)

НЕМИРА.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.
(или Малогостова съ некоторыми перемѣнами)

(С. Оуффрисевича)

Дѣйствіе пятое.

Въ Малогостовой хижинѣ.

Ивленіе нервное.

Воспаленно лежати на постели, Непира сидити коло него.

Нем. О когда бы тотъ спокойный сонъ навелъ на твои нити сѣмьези кровини, твои кости сѣмьези силою, иль когда бы я у Бога упросити могла, чтобы до вѣда твоей жизни опредѣленного долуживъ лишь столько лѣтъ, сколько а за тобою плакала; то а предала бы забвенію всѣ терзнія моего житія, всѣ мои гореванія перенѣвила бы на благодареніе за сію милость, и не слышадичиса смѣхъ счастья а заливала бы ея только слезами радости. — Теперь да онъ прійдетъ, тотъ жестокосердый человекъ, хочу видѣти, смели ли обезоружить его дростъ сіи сѣдми волосы!

Вл. (вспоконно пробудившица)
Дѣтино! дѣтино! гдѣ ты?

Нем. Тутъ мой отецъ!

Вл. Ухадѣвъ, далеко, далеко ухадѣвъ они протягивтъ свои лавы за мною!

Нем. Что покоитъ вашу душу? откуду сія тоска? остантоса! остантоса!

Вл. Кто ты? прочь! пусти мою руку!

Нем. Не узнаете ли мене? Не узнаете ли вашу дочь! вашу Немиру!

Вл. Немира! — Ты ли? — Нашелъ ли а тебе на гробѣ съ острою саблею? иль спидоса нѣтъ?

Нем. Нѣтъ, ванъ не сималоса. Вы наши мене на гробѣ со саблею. Не поминте ли, что а ванъ розсказывала о моихъ терзніяхъ и вы нѣтъ общали горестъ вашей души откратити?

Вл. Такъ, такъ, камется нѣтъ — о лютомъ Родославѣ — но, твой смѣхъ и Людонна вѣдай такому тутъ были, а теперь ны самы.

Нем. Они насъ оставили самыхъ, что бы не мѣшати ванъ сонъ. Икне ванъ теперь отче?

Вл. Лучше невели прежде, моя любко! а чувствую себе сильнѣйшимъ.

Нем. Могу ли насъ теперь спросити, для чего вы мене оставили, и акъ вы въ сію пустыню пришли?

Вл. О позволь нѣтъ молчати! а не хотѣлъ бы проклятіемъ твоимъ отагощень такъ стояти. — Однако тебѣ надобно все знати!

Нем. Розскажутъ, мой отче! мы самы!

Вл. Буду розскалывати. Когда бы цѣлымъ свѣтъ слышала, смѣхъ не слыкала бы моего языка. Кто такъ признается во преступленіи, тотъ проклинаетъ оное и можетъ надѣятиса прощенія. — Мой доню, не смотри такъ на мене, а не хочу видѣти твоего лица, чтобы не читати въ очахъ твоихъ болести и проклинанія. — Ты знаешь Немиро, кто тачю мать убилъ.

Нем. О а знаю я, туку скорбь, которая всякое мерало жизни съ адомъ мѣшатъ!

Вл. И кто принесъ того убійца, туку чуну въ доми? — Я —

Нем. О нѣтъ, нѣтъ отче!

Вл. Кто нѣтъ? Дѣтино! не берони мене противу мене самого. Я говорю съ

шить своим собственном руком вант заложити и чогожь вант больше куплю? Всякаж упорость и превращенія достоинь были бы им, если бы столько гали въ себя не почувствовала, столько руку во архаизма, дабы начато дало усовершенств. Если поидти изъ вант только двадцатку, ванку двадцатку вернуть на первичный сакъ выдвинуть цѣлой, (что не есть невозможнымъ), и ставить оба храни и вант украшеніи и ванту снабжени и вант останеть довольно на выносеніи. На ирваній составъ поужесточенной Австріи, по недостоинство и злени были бы им. если бы поуставша руна сарвинатъ вант заложитъ. Но прочь дрънота отъ вант! Родъ русскій надто благороденъ, дабы до оныхъ предаритій цѣлою душемъ не прельст. Емь въ густой тѣлѣ, или по упавшии великого Свѣтослава, извореть отъ вунери въ Дубноръ и освѣщать ползани его, ирльи сѣтъ истини съ восклиценіемъ и воздвигать новосветную храни Немидиону и образованіи. Отъ диктушии сѣбно рогстералъ срочити и вант варварскихъ ординеръ. И тотъ самъ народъ, призваденій великия дала въ старину, вант бы не довести до вант почетий трудъ столько славимъ? О вант, про двадцативъ до того не ирйдесть, дабы своей цѣлою славъ отгреса и дано съ своимъ очивадиомъ вольномъ разинулся!

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Якъ дождуеца, будетъ на Львовскомъ всучалищѣ преподавателъ въ зновомъ курсѣ 1854 году науку фармацеутики. Сдѣлаво уже аргоменованіи, дабы съ началомъ обьявляющагося курса преподавалася опытная физика для фармацеутовъ. За сіе ванное розширеніе круга дѣйствій званнаго всучалища, ако и за иреченое уже в. министровъ просвѣщенія многоколенное зведеніе выстакъ подчасескихъ науку, а тѣмъ дложа за предстоющее поднесеніи того же всучалища на степенъ четире-имъ дѣловихъ университетовъ, обьязани имъ благодарити продолженіи академическое начальства, попертии усильно черезъ в. правое Намѣстничество, ако же и наиспротѣйшому попоченію в. министретава, которое при поидой способности стараетса о поднесеніи Львовского всучалища, завиннаго по Вѣднъ и Празѣ третіи нѣсто немъ австрійскими всучалищани.

— При поидѣ 1853 года ишла Чошская Матича 1930 чловекъ, немъ тѣни 66 общестъ,

родитъ, гренадъ и пр. Почто же поидѣ 1851 г. считалось чловекъ Матичи только 1622, то прибыло ихъ въ продолженіи одного 1852 г. 308. Отъ арении са существованіи уорло 123 чловекъ. Грошей прибуло иштупенно года 14,635 р. ср. съ которыхъ третія часть алошена до иштупу, состоящего иштъ уже съ 37,791 р. ср. в се иштупеніемъ вворадывахъ еще иштъ в пр. 75,763 р. ср. послѣдніи двѣ третьи части опредѣлоши на закупленіи лучшихъ чешскихъ рукописей и выданіе книгъ.

— Днѣ 21 н. н. рѣшило общество Сербскій Матичи въ Поштѣ переселитса до Нового Саку (Наласацъ).

— Иштупеній польскій ученій, В. А. Иштупеній пересотрѣлъ и доложилъ своимъ „Исторіи Правдоавствъ Славянскихъ“ и иштупеніи въ позадолѣ въ 6 иштупахъ (иреченое иштупеніи состояло только съ 4 иштупа). Есть то алодъ 34 дѣловнаго труда и обьязавать въ своимъ обьязаваніи поидку користа для иштупеніи литературн.

— Въ Цареградѣ выдѣла сичи дѣлши 60-гарокса ванта подъ заглавіемъ: „Борисъ, первый христіанскій Царь въ Болгаріи“ оставилои Иваномъ Турновоградскимъ.

— Царь Францъ Імѣвль Наполеонъ преслалъ иштупу, составленую ради выдѣлшійи иштупинковъ для Шилера, Вѣдана и Гете въ иштупеній городѣ Ваймарѣ, богатій дѣръ на тушке корому цѣль 2000 ерванковъ.

— Парижское общество составленое для обьябаранія достояннѣиныхъ поветъ, получало сичи днѣ олку иштупеніи повету, втора не иштупеніи иштупеніи иштупеніи иштупеніи въ 1700 году поветъ Ренъ Хрств.

ВСЯЧИНА.

— Днѣ 18 н. н. въ поидку розрушило поидное замѣстрасеніи гроческіи городъ Фшамъ, при чонѣ 11 особъ погубло в иштупеніи дѣлши два выдѣлшисъ рѣпомъ съ водъ рувоицъ. Прочіи иштупеніи иштупеніи убивати въ поид. Король в королева послала сойчасъ 5000 драхтъ на занопого несчастливій иштупеніи розрушного городъ. И въ Ассенахъ было въ туше саку поидку замѣстрасеніи, однакожъ во сдѣлаво тутъ тѣловыхъ иштупеніи.

— Тѣни дѣлши упоръ въ Иштупеніи въ Иштупеніи старій поветъ Францъ Шонъ, достоян

и нашей словеники. Оты уродился 1767 г., въ 19 году своей жизни вступил добровольно въ ряды швейцарскаго войска, и служилъ въ войскъ 60 лѣтъ, а именно вождъ швейцарскъ Люсовицъ, Леопольдотъ, Францовъ и Фердинандотъ.

— На Балтичской моръ встрѣтилъ великаго зѣла (бука) чрезвычайной величины, въ существованіе свое даже не вѣрала доселѣ. Зѣидъ тотъ показася въ двухъ мѣстахъ, которыми на короткое время исчезли, и потомъ снова явилася, а наконецъ показася отъ въ видѣ крушащаго обруча морскъ. Объявъ его чрезъ нощъ вынести оолово 4, и долготѣ оолово 30 локтей!

— Слѣдствіе на возмѣщеніе храни во пенать свѣтскаго Его В. нашего Монарха въ Вѣдѣи состоятъ совершенно также полтора миліона р. р.

— Жизнь въ Угорщинѣ и въ иныхъ странахъ Австріи явилася сего года весьма обильнаго ягода, съ извѣстнѣмъ ягода, котораго сего года не богато. И загородъ долетъ всегда наилучшью ягода.

Извѣстія торговельныя.

— Въ торжѣ ягодамъ въсѣмъ Ангута продавано на торжкѣ въ Бодеховѣ, Буначовнахъ, Додѣхъ, Калугѣ, Ниволовѣ и Розоловѣ торжкѣ ягодамъ по 6 р. 30 пр. — 6 р. 24 пр. — 6 р. 40 пр. — 7 р. — 7 р. 15 пр. ште 5 р. 12 пр. — 5 р. 12 пр. — 5 р. — 5 р. 24 пр. — 5 р. 24 пр. — 6 р. 24 пр.: грѣшка 4 р. — 4 р. — 4 р. 24 пр. — 4 р. 40 пр. — оооа 3 р. — 3 р. — 2 р. 40 пр. — 3 р. 12 пр. — 3 р. 24 пр. — 3 р. 36 пр.: грѣшка 4 р. — 4 р. 24 пр. — 5 р. — 4 р. 40 пр. — 6 р.: кукурузы 4 р. 40 пр. — 5 р. — 4 р. 40 пр. — 4 р. 44 пр. — 5 р. 36 пр. — 6 прѣшолов 2 р. 24 пр. — 6 — 3 р. — 2 р. 44 пр. — 2 р. — 2 р. 24 пр. — Цотштръ стѣи по 40 пр. — 24 пр. — 1 р. 12 пр. 1 р. — 30 пр. — 24 пр. сред.

— Курскъ грѣшекъ на борѣ въ сѣвѣрской днѣ с Состъ.
Ано я червонцѣ 13 1/4
сребра 1 1/4

Отзывъ „Зорѣ Галичской“

съ дописывателя „Вѣстника“ съ вождъ Соколовъ. Въ 62 ч. „Вѣстника“ с. г. проситъ Вы его, „обѣи просилъ свою сестру „Зорѣ Галичскую“, обѣи тѣя поизвѣщати въ сѣзѣхъ передѣлать ягодамъ ягодамъ обѣи ягодамъ чужихъ востотъ, во возмѣщала только начальникъ ихъ бука въ полѣи ягода.“ — Мы отвѣчаемъ: что лучше дописывателя съ чужихъ (во передѣланныхъ, в сѣзѣхъ те во у-

разумѣніе для нашихъ Читателей нужно) образованныхъ твореніяхъ хотѣ бы начальную букву я-мени своего не ихъ сочинители, и въ начальную букву ягодамъ или прибранное ягодамъ „шри, любя и галѣи“ твореній тѣхъ нерасчистныхъ или худого ихъ исправлена. Ся последнее дѣло называемыя ягодамъ литературскою ягодамъ, которую — въ обличіи всѣхъ Австрійской Русѣ, — позволилъ содѣлать нашего брата „Вѣстника“, издаваемый тѣмъ самимъ Редакторомъ, „Отечественный Сборникъ.“ Зѣидъ доказательство:

Въ Хрестоматіи для дѣтей Галахова (Москва 1846) помѣщенъ на стр. 389. слѣдующій стихъ:

„Нагородѣ русскую ягодамъ, учершешу въ Неваотъ.

О Русскій, ягодамъ гостя изъ отдаленъ земли!
Молого тебѣ, ягодамъ съ ягодамъ бѣдѣхъ;
Зѣидъ матеръ и отчѣи ягодамъ ягодамъ;
Зѣидъ ягодамъ, ягодамъ изъ ягодамъ;
Иль ягодамъ отъ чѣи: во службѣ, ягодамъ;
Но ягодамъ споротвѣхъ:
Но ягодамъ ягодамъ,
А ягодамъ ягодамъ,
(подписано) Бѣтшншѣхъ.“

Въ 13. ч. с. г. „Отечественнаго Сборника“ стр. 52. читаетъ слѣдующе

„Нагородѣ русскую ягодамъ учершешу въ Вѣдѣи.

О любя, ягодамъ гостя изъ отдаленъ земли,
Молого тебѣ, ягодамъ на ягодамъ бѣдѣхъ;
Тутъ матеръ и отчѣи ягодамъ ягодамъ;
Тутъ ягодамъ, ягодамъ изъ ягодамъ;
— Иль ягодамъ отъ чѣи: во службѣ, ягодамъ;
Но ягодамъ споротвѣхъ:
Но ягодамъ ягодамъ,
Но ягодамъ ягодамъ! — ~~NY~~
(подписано!) ягодамъ ~~NY~~, ягодамъ обѣи ягодамъ ягодамъ ягодамъ Вѣстника“ (!)

То разъ; во ягодамъ: Состѣи, ягодамъ ягодамъ ч. дописывателя зѣи вождъ Соколовъ ягодамъ, „поизвѣщати въ „Зорѣ ягодамъ бы ягодамъ ягодамъ ягодамъ ягодамъ до ягодамъ востотъ, ны во ягодамъ ягодамъ: ягодамъ было бы те гѣхъхъ поизвѣщати ягодамъ ягодамъ ягодамъ и ягодамъ ягодамъ для ягодамъ ягодамъ Читателей. Лучше ягодамъ чужихъ „образованныхъ“ стихъ, иль свои „хотѣ бы ягодамъ ягодамъ“. Но бука ягодамъ, что ягодамъ и въ „Зорѣ“ ягодамъ ягодамъ во стѣи ягодамъ ягодамъ ягодамъ до ягодамъ ягодамъ востотъ. —

(Слѣдуетъ Часѣ 27. „Почувствіи Черношкѣ.“)

Напечатано въ типографіи Института Становниченскаго
Отечественнаго Редактора Бодѣи А. Додѣи.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Выдается еженедѣльно въ Среда два листа, но два годовыхъ въ Январѣ 4. пр. в. н. — съ почтовымъ пересылкою 6. пр. в. н. — Желающимъ четвертью получить платитъ въ Январѣ 1. пр. 10. пр. в. н. на почтахъ по 1. пр. 30. пр. в. н.

НА БЛАГОВИЩЕ.

Последней совани думъ вѣстятъ,
И съ душою на владѣнщѣ —
Ихъ нѣтъ счесть рыцарей, савастъ,
И зря на шпигъ тѣ аресты,
Но тѣ вогнали безъ заду,
И старыню, лѣтъ то лѣтъ
Сроками въ жалы въ одну
Свѣрхеныя в гордыня.

Здѣ видю почтѣность вѣсть
Всѣмъ вѣстятъ, а вѣнныя тутъ;
Обою лѣтъ вѣстятъ три лѣтъ,
Довольно — болше не вѣдуть.
Здѣ вѣстятъ лѣтъ вѣтъ
Смогла вѣстятъ три себя;
Содѣлалъ въ шпигъ не вѣтъ,
Содѣлалъ въ шпигу лѣтъ!

Здѣ вѣстятъ бѣтъ вѣстятъ
Нелюбимыя нуть свой вѣстятъ;
Здѣ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Здѣ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Здѣ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Здѣ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Здѣ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Здѣ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Здѣ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Здѣ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ

Здѣ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Что вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
И саволаство бѣтъ вѣстятъ
Крѣпко брѣтъ вѣстятъ;
Здѣ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Что вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Мальтъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Мальтъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Мальтъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Мальтъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ

Нѣтъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ;
Вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
И вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Съ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Съ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Съ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Съ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ

Чѣмъ нуть вѣстятъ съ Господыня вѣстятъ,
Кто брѣтъ вѣстятъ вѣстятъ;
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ

Кому вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Молитва была вѣстятъ,
Добротворитъ вѣстятъ
Вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ;
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ

Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
И вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
И вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ

Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Во вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ

О благо, благо, благо вѣстятъ!
Нѣтъ думъ нѣтъ вѣстятъ вѣстятъ
Во вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Некрасивой вѣстятъ вѣстятъ,
Где думъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Нѣтъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кому вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кому вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кому вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кому вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ

Вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Она вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ

Во вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
И вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
О благо, благо, благо вѣстятъ,
Что вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Во вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ

Тѣмъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Молитва была вѣстятъ,
Добротворитъ вѣстятъ
Вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ;
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ

О, думъ вѣстятъ! что вѣстятъ вѣстятъ,
Съ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Молитва вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Да вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
И вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Усвоившись вѣстятъ вѣстятъ,
Худитъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ,
Худитъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ

Н. Г. Шуръ.

ПЕРВАЯ УТРАТА. (Изъ Гота)

Ахъ, кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Саволаство вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ?
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ?
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ?
Ночью вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
И вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Нѣтъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ
Кто вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ?
И вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ вѣстятъ

©...

ВСПОМИНИКИ СТАРОСЛОВЕНСКІЯ.

У.

Уважаючи, что священники были въ почете и преимущественно богослужебныи образы, или честь боговъ, записаны ибоженствомъ отдаваему, нужно отъ нихже различать иныя лица, занимавшіяся такою же божественныи дѣлами. Были то именно въ шуми, предвѣщающія будущія событія иныи въ шуми, или божищъ, и вороженъ, отгадующія событія, сладствіа, будущее съ различныхъ знаменъ соотновъ воли въкого божища.

Отъ вѣщунствъ и вороженствъ нужно къ тому различити чернокнижниковъ или чародѣевъ, которые по народному вѣрованію съ помощью божествъ надъестественныи дѣла или чудеса творили. Чародѣичъ приписывано именно сообщеніе съ земными и подземными божищами, которыми изображались силы и дѣянія природы, въ которыхъ для нихъ технихъ поспурихъ илищъ называно черными и злыми (Чернобогъ, Злобогъ). Такихъ слугъ чернобожія называно чернокнижники, въ которыхъ где куда простоядныи досель вѣрять, уважая ихъ за служителей злого духа, и иногда вихорь возстаютъ приписываютъ то ему, говоря: „чернокнижники здѣтъ.” По преданію здѣтъ онъ свѣчаю на крылатой змѣи или амеррицѣ. Но ако Чернобогъ приписывано творенію чудесъ посредствомъ чародѣевъ и чернокнижниковъ, такъ и бѣлыми или добрыми божищами (Бѣлобогъ) приписывано ровную силу, являющуюся черезъ родъ священниковъ, которыхъ бѣлобога и звано. Тяныи упоминаеть, что подъ тѣмъ именемъ былъ на Шлезеску чародѣи въ великомъ почтѣніи, гѣрство вѣщунъ добрыхъ божищъ.

Чтобы въяснить значеніе вороженствъ и чародѣевъ, расскажем тутъ подробно, какъ

поганскіи предки наши поминали дѣла ворожбы и чарованій.

Ворожбы. Узнать будущую судьбу или событіе есть для всякого вродженныи любовишествовъ. Для того у всѣхъ народовъ входитъ вороженствъ. Греки вили при своихъ храмахъ ворожебныи пещеры, где про будущее спрашивали. Подобныи самыи былъ у Славянъ. У нихъ ворожено изъ крови жертвъ, изъ лету птицъ, съ лучей огня, изъ валовъ воды и пр. Иныи способы ворожбы были еще тѣи: вѣзано ярутью, змѣшено политамъ къ божищу, кидано истуканы ихъ на землю, и съ паденіи ворожили будущее. На Руси былъ нѣкій родъ перстеновъ двобарвныи, кружками званыхъ, которые въ гору кидано, и соотновъ тому, черна ли или бѣла сторона пала горою, ворожено счастье или несчастье. — Напславныи однакожь ворожба словенски отбывалась на островѣ Руги, где къ той цѣли служилъ священникъ, снаий конь Святонда, именно же тогда, коли приходило вести войну съ яныи народомъ. Ворожба сбывалась такъ: клали передъ храмомъ три ряды копій въ ровномъ разстояніи, но двѣ желѣзцыи въ землю воткнувши; по отбитыхъ яльбахъ священникъ выводилъ одного сивоша, коркорый, если въ тѣи ряды копій вступилъ правомъ ногою прежде нежели лѣвомъ, бѣлъ вѣщуномъ успѣшного конца войнъ; если однакожь разъ только вступилъ прежде лѣвомъ немъ копій, тогда военную выправу повсе не предпринимали.

Чары. Въ чары вѣрили поганскіи Славяне какъ все народы, уважая то за искусство творенія чудесъ съ помощью высшихъ духовъ или божищъ. А помене божища тѣи были двоякы, черныи и бѣлыи или злыми и добрыи, то и чары бывали двоякого рода: зо перныхъ: властными чары, которое то слово происходитъ отъ слова черныи, и по-

ЗМ'Й НОТЯЙСКІЙ.

Поестъ се проповѣдь борбѣи Сербовъ съ
Турками.
(Конецъ.)

Посередѣ лодѣ лежала на козлахъ лѣнница: похлѣдъ ю зналъ, бо ктошь не зналъ бы Олену Федорову? Малый крестикъ, который была нѣти ей еще зеленой лѣтнѣ яко охрану противъ ночныхъ Виланъ *) и противъ вредливому ихъ позрашю на шю новѣсла, держала она въ рукахъ, и подносила его къ небесамъ. Потомъ обернувшись къ сербской братіи, но совѣсть отрывала ю отъ того позрашя, и она смотрала на родимыя берега — и на волны Дунаа, и въ нихъ зрѣла близкую смерть свою.

„Я самъ исполню на тебѣ законъ!“ возгласилъ со гнѣвомъ Федоровичъ и, выстрѣливъ стральбою; рука его дрожала, око прачилось, онъ отложилъ стральбу и взялъ ю снова на цѣль. Стоящій стоялъ обокъ него, стральбу оперъ на пальцы ноги своей и слѣдилъ быстрой окошъ Османъ. Тотъ управлялъ лодѣю только самъ, другія взяли за стральбы и сокрылись за деревянныи стѣны лодѣ; Османъ сидѣлъ на возвышеннои мѣстцѣ и работалъ весловъ столь хладнокровно, яко бы для своей забавы гулялъ по Дунаю; однакожь вниманію его обращено было на все, что кругомъ него происходило. То смотралъ онъ на бѣгъ лодѣ, то на берегъ, и такъ узрѣлъ и позналъ Петра Федоровича; блѣдое лицо его не много зарумянилось, и уважалъ на каждое его движенію такъ внимательно, что казалось, не ушло его взоранъ ни малѣйшее порушенію лица Федоровича, и видѣлъ онъ, яко тойже опустилъ стральбу и снова ю бралъ на цѣль; видѣлъ тое двоявратно, и когда по третій

разъ сербскій вождь поднесъ спортовское оружье на рама и приналъ къ луку, обратился Османъ къ Оленѣ и говорилъ: „Завѣде души моея! сокрыйся на дно лодѣ; да не достигнеть тебе страля Асрава!), котора вымарена противъ тебе руку твоего брата; сокрыйся на дно лодѣ, мое гуриско!“ непонималъ онъ привѣтливо, но она его не слухала. Османъ спорилъ брѣжи и смотралъ на берегъ; уже плыла недалеко Сербовъ, и ноби еще только одна линута, а были бы уже въ безопасности. Тутъ напался Федоровичъ и — опустилъ стральбу къ земли. „Невозможно, порочится нѣтъ между очина!“ проговорилъ онъ.

Его воши возмущаются; въ отчаяніи смотритъ другъ на друга, ни вождь ни Стоящій не дають знака къ стральнымъ; шевельшукный гонокъ оббѣгаетъ ихъ рады, — а лодѣ врывается нину; тутъ выскочили товарища Османа изъ за деревянныи стѣны лодѣ, покинули оружье и ались опять за весла.

„Такъ не уйдешь нѣтъ!“ кликнулъ Стоящій, которого вершителность Федоровича таково возмущала, и око его встрепенулось уже въ Османа, который радостно содѣлался къ Оленѣ; и выпалъ. — блестя, динь и грохъ последовали въ однои мгновеніи, после нихъ прощительный воскликъ на лодѣ, — и Олена Федоревна кувается въ собственнои прова!

„То обинь ада!“ возгласилъ Стоящій и кокотавшись въ задъ вобладалъ ихъ стѣна; „или сой Турокъ стоятъ въ оговоралъ съ чертомъ?“

„Судъ Божій!“ зовали Сербѣ, „судъ Божій! ангель Господень занесъ слово въ оердце извѣнники!“

Горько узахнулся Петро Федоровичъ. „Ото, самъ Господь судилъ ю строгимъ

*) Намъ строгѣе въ изображеніи Сербовъ подобно ромъ, якъ у насъ Русскіи.

*) Асравъ, у Магомедъ Ахмедъ спитъ.

судомъ и никто не смѣлъ пролѣсти ей крови;“ сказала она въ Стояну. „ты былъ посланникомъ Божіей вѣсти, а я только ничтожный человекъ; обратившись напе не рече, иди на поле битвы со своими, а я —“

„Ты пойдемъ пожить со мною, Петре Федоровичъ!“ рече Стоянь, „я буду съ боротвѣ у моего боку, докола не дадутъ изгнать тебѣ ея?“

Федоровичъ покачалъ головою: „Докола не зрѣть ей крови. думалъ я, что то надоо даде съ холодною кровію убити неодостойну сестру; но она така сестра, и никто во знаетъ, что инакъ въ моруъ сердца. Иди съ Богомъ, Стояно! въ душѣ моеи потъ противъ тебѣ жалю, се во сбылось во Божіей волѣ; но я верну теперъ домой.“

Воскликни неудовольствія и удивленія раздалися въ яругу сербскихъ воиновъ, Стоянь не говорилъ хладнокровно: „Всякій и несть свой даръ. Одного поуждаеть нечестію къ великимъ дѣланъ, другого низвергаетъ оно въ жизнь бездѣлательну; и а которалъ много. Османъ Дюра есть воинъ должиникъ, и для того не отчаючу. нека съ яикъ не рзсчетаюсъ. Иди съ Богомъ. Петре Федоровичъ!“ — А обратившись къ воинамъ спросилъ: „Шумъ, братія! кте съ востъ послѣдуетъ нека до битамъ за отчину и веру православную?“

Вся обступила его, ни одинъ не осталъ при Федоровичу, который сунуе глядѣлъ поперѣ себе, а горній ухахъ игралъ на устахъ его.

Стоянь возрѣлъ радостно кругомъ себе и слышиша имену посликнулъ: „Свобода отечеству а слава святой верѣ нашей!“ и все несторили также слова съ восхищоніемъ. Федоровичъ обернулся и поймаелъ степюво въ родимыя горы.

„Петре Федоровичъ!“ зывалъ за яикъ Стоянь. „уохрѣеъ; также востъ наша его

не иикетъ!“

„Не иикетъ его!“ повторили воины одноголосно и спѣшили за повинъ своихъ начальникомъ въ Бѣлоградъ.

Торжественное страданье роздавалось въ Бѣлоградѣ и въ окрестности его цѣлый день. бо Сербы вошли еше въ ночь до оставленного Турками города, а боснійскій везирь, приславшій съ тремя тысящами Туркомъ Сербамъ на попочь, пополнилъ такомо убагающихъ дагисовъ и заточилъ ихъ въ бѣлоградской крѣпости. желая предстватити ихъ передъ судъ Султана въ Цареградъ. Но Сербы, озлобленнии противъ жестокосердимиъ дагисанъ, желали казнити ихъ смертію. зывава для нихъ справедливой вѣсти Невольно принужденъ былъ везирь сдѣлати по ихъ желанію, во уступилъ изъ города съ розгиваннмиъ сердцовъ, нахрѣя поистити посрамленію корону на сербскихъ раехъ. И приколъ своими дописани къ турецкому дивану*) до того, что Султанъ вопреки прежней воли своей далъ приказъ, дабы освобожденныхъ раевъ на ново покорити Туркамъ. И писано изъ Цареграда сераскара **) Кулишъ — Кнестана, жестокого, закореналого Турка, дабы исполнилъ приказъ Султана. Но нежъ такъ освобождена вся Сербія отъ яга боснійскихъ сяговъ, Стоянь Чучишъ стоялъ вѣрно со своими товарищани на сторонѣ отечества во всѣхъ кровопролитныхъ борьбахъ, яикогда оданкомъ не встрѣтился съ Османомъ, который, казалось, нечезъ где нибудъ въ безызвѣстїи. Не было головной битамъ въ которой бы Стоянь не яхалъ былъ великого соучастія, слава имени его возростала, а въ годъ по слобитїи Бѣлограда, с. е. 1806. г., собралось уже осеиъ сотъ

*) Диванъ, государственной советъ въ Цареградѣ.

**) Сераскаръ, пашаго въ войну.

айдуковъ подъ его хоругви. когда внезапно повая буря угрожала натори — Сербіи.

Жестокій Кулинь — Капетанъ собралъ 40.000 потурчаныхъ Боснійцевъ и тагнулъ съ ними на Сербію. дабы обновити власть ислана въ тѣхъ словенскихъ краяхъ и погубити все христіанское племя. Тутъ разслылось снова выше всѣхъ имя Османъ Дюра въ войску сарвакара сераскара.

И Стоянъ Чуничъ услышалъ то имя и со всѣхъ сторонъ созвалъ своихъ друзей. Въ Китогскоиъ лѣсъ было ихъ становище. Стоянъ обозрѣлъ свою дружину. возрадовался и покручивая усы говорилъ къ ней: „Красна нашъ горстка, братія — юнаки! Осенъ сотъ! Довольно на столькоиъ тысящой Османовъ. — или какъ думаете?“

„На осень тысящей довольно.“ откликъ на некоторыиъ. „однакожь ты забываешь, что ихъ есть сорокъ тысящей —“

„Или в того не знаю?“ сказалъ Стоянъ немного неудовольствъ „и вы же не знаете, братія. итъ Турки тагнутъ? Теперь отрядъ. въ полъ дня снова отрядъ и такъ дальше. И что думаете, ужели буденъ черезъ весь полъ день съ однимъ отрядомъ бороться. хотя бы онъ состоялъ съ осни или десяти тысящей; или, что не буденъ съ нимъ скорше голому? О нѣтъ.“ сказался онъ подбоченясь „знаю что нѣтъ!“

И юнаки смеялись, крутили себя усы и осматривали кузки у своихъ ручницъ.

Вскоръ внезапно доносчиковъ противъ войску Капетана, и закъиъ несколько годитъ инаудо, возвратились они поспѣшно, извѣщая, что сераскаръ перешелъ уже Арину и что передній его отрядъ уже въ лѣсъ Китогу.

„Кто ведеть передній отрядъ?“ спросилъ Стоянъ.

„Могли изъ Бана — Дука и Османъ Дюра Бей.“

„Османъ Дюра Бей?“ загремѣлъ Стоянъ вставая изъ янака, на которомъ былъ сидѣлъ, и око его возгорало дакомъ разлетію. „Братья! побѣда наша не нѣтъ! Османъ Дюра!“ сказалъ онъ съ натискомъ. „и теперь не уступитъ прежде, пока не буду нѣати его голому, а тую нѣа нужно нѣати! Братья!“ обратился онъ къ юнакамъ, „кто уверитъ нѣа, что хотя разъ одинъ выстрѣлю съ ручницъ, да назветъ нешо трусомъ. а нѣа нѣа нѣа! Ятаганомъ борется нѣа въ Стоянъ Чуничъ, слово не дотрѣнется Осману, а нѣа голому его нужно нѣати!“

„Ми принесеть ихъ теба больше!“ рекли юнаки.

„Хорошо, хорошо;“ отвѣтилъ Стоянъ „а тую одну, лишь тую одну нѣа! Уважайте, братья! Прѣдо всѣмъ благословитъ выхрѣтъ, котормъ нѣтъ нѣа очн засмигнеть ворохѣтъ, и будуть они такжо нѣаможемъ. когда прійдуть отпочивати на Салачское поле. Уважайте! Раздалися на четыре стороны: четыре ста нѣа вѣтъ зайнуть поле съ обохъ сторонъ лѣса, прочіи нѣаутся на тѣхъ, котормъ не достались още на отвертую просторомъ, бо бы то было не мудро дѣти нѣа всѣмъ совокупитись; и не страитѣ по одному, только вся на разъ, абы разризились цѣпки ради; то больше дѣйствуетъ и произведеть занятельство. А и со всадниками нѣаутся на нихъ, когда подѣтся нѣа добрый случай.“

Всѣ похваляли мудрыиъ тѣиъ повелѣніиъ, и закъиъ Боснійцииъ прійняли на край лѣса, было уже все праготовлено къ ихъ пріиматію.

Отрядъ за отрядомъ выстунагъ изъ лѣса, чернииъ бунчуки, зеленииъ прапоры вѣали ипогда горделиво въ холодинокъ, Жартовокъ воздуху, котормъ въ прочѣиъ пріятный былъ Боснійцаиъ, бо охладдалъ разогрѣтти ихъ лѣа.

На хоромахъ конь въ драгоцѣнной одеждѣ выхалгъ теперь Османъ Дюра изъ густыни на открытое поле; въ рудѣ держалъ онъ прапоръ знака своей родины, и приказалъ сильнымъ голосомъ уставиться въ ряды и наблюдать порядокъ.

Но еще не раздалъ всѣ приказы, уже загрѣвляя ружьицы; калмы рады авдали на землю; Босняки ужаснулись, одинъ бѣжеть въ ту, другіи въ другую сторону, аній стоять изъ вкованный въ мѣсте; и снова раздался грохотъ ружьицъ, в замѣтительство убольшается. Которы въ лѣсъ, добиваются на открытое поле, которы на поле, уступаютъ въ лѣсъ. Османъ скачетъ по вобожу осмиваемый дождѣ куль, взываетъ къ порядку, и одна посчастлилось ежу кравости который изъ своихъ отрядовъ въ боевой рядъ, уже кладутся Боснійцы отъ куль вѣдуковъ на землю или разбѣгаются снова на четыре ветри; только Османа не дотронулся ни одно зула, вкомы правду былъ сказалъ Стоякъ, что олово его не дотронется. Наконецъ удалось ему, составить въ военный порядокъ нѣсколько полковъ, которы двгались противу Сербамъ, се уваван на густую ихъ поростралку.

Но тутъ выскочилъ Стоякъ Чуничъ со своимъ всадникомъ изъ лѣса — вотъ, изъ своре мчтся изъ страшно выгладоеть! Велось роскинулся во врену ляду, шенку потералъ онъ на сучьихъ въ лѣсъ, око его жарится дланякъ огнень, съ атаганонъ въ гору воздвигивннмъ гонить онъ на впередъ. Боснійцы вставляютъ противъ нему балюшты, — но онъ, изъ чертъ бѣжеть понадъ ихъ голована, за нимъ скачутъ его всадники, и почалино резриваютъ рады перестрашонныхъ делово, середъ которыхъ находится Османъ Дюра Бей.

„Хашкину сербскихъ длацкъ!“ кличетъ Стоякъ, „всизвай своего пророка — онъ

тебе таки не спасеть отъ моей мести!“

„Рабе!“ возгласилъ Османъ и кинулся на Стояка, и ударились атаганонъ проталъ ему шелковый поветъ, а поветъ съ вистоло-тани покотался подъ ноги коня; но тутъ блеснулъ Стоякъ мечемъ, одиниъ рознахонъ прорезалъ горло бѣа, голова отскочила въ задъ, тулозъ склонился на коня и палъ на землю; Стоякъ вирвалъ ему прапоръ, а на его конекъ встренилъ голову Османа — бѣа. Делиси застѣнали и ако позвазавени уха бѣжать оттуду, скачутъ по трунахъ братей, а кони ихъ топтаютъ кемтани цалими ряды Боснійцевъ, и небыло уже для нихъ отпочника, каждый убѣгалъ на удачу, изъ ногъ и куда ногъ; и только малое ихъ число возногло достатися къ головному войску Кулижъ-Канетана; прочихъ же кости бѣзались на Салаченонъ волъ еще долгнъ лѣта.

Голову Османа последъ Стоякъ Петру Федоровичу со словани: „Слово я сдержалъ, ни оба понщени!“

Прозвошла битва таа 6. Марта 1806 года, и съ той поры называли Сербм своего богатыря славннмъ у нихъ прозвнннмъ: „Знакъ Нотайскннъ.“

(изъ вѣсннго, Ходолуша.)

Н Е М И Р А.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

(изъ Малолетого со влнсторнми переманнн)

(С. Онуфрїевича)

(Конецъ.)

Явленіе четвертое.

Люблиро, прѣстѣнн.

Люб. Чего желаете?

Вол. (бѣжнть къ нему и даетъ ему руку) А! вы тутъ? для чего убѣжали вы тогда такъ скоро? то были моя мама тамъ въ подземномъ свѣдѣ. Вотъ! то они! а то мой дѣдъ!

Люд. Га! твой дядь!

Вал. Такъ! правда нано?

Нем. Ванъ динно, что я найшла тутъ моего отца?

Люб. Нѣтъ, нѣтъ, но — Старикъ! молѣть Бога, чтобы простилаь вамъ, что вы на Владимирѣ содѣлали.

Нем. и Власт. Что?

Люб. Вы пытаетесь? — Кто вымыслилъ адскую дось о его смерти? кто розорвалъ святѣйшимъ умамъ, дабы безчестнымъ завязати?

Нем. Молчи!

Люб. Кто подулунитъ убійцевъ, которые сдѣлали нѣтъ тую дѣтину сиротою? Ва. О горе! такъ спроситъ на ошь судя! какъ я устою?

Нем. Человѣче! не опечалайте упреками немощного старца! Говорѣть со мною, разкауйте нѣтъ о носкъ Владимирѣ, и — дла чего не пристуствуете ближе?

Люб. Я буду такъ говорити, чтобы вы на слышали! — Жмелибы вы знали, что вашъ несчастный мунъ черезъ него терпѣлъ, то вы соединили бы вашъ голосъ съ номъ! Вѣрьте нѣтъ, кто такъ свирѣпо сердце розтерзалъ, тотъ не достоинъ, чтобы человѣческое сердце о немъ соболъзнавало!

Нем. Моментъ ли васъ дружба довести до такого местокосердѣя? Вотъ! вотъ! бѣднѣй старецъ! какъ то его болѣтъ!

Явленіе пятое.

Людилина обаяетъ.

Люд. Ахъ графиня! онь идеть! онь идеть! Милость и Гостиреда убѣгли изъ болани передъ нимъ!

Нем. Господи помони намъ!

Власт. Дѣтнн! что то?

Нем. Родославъ идеть.

Явленіе шестое.

Родославъ, Бегунна, Немира, Людилина

Властимила, Володяно, Любларъ.

Род. (маулонъ разглядываетъ)

Вотъ тебѣ благочестивая жена! отлучилси отъ своего мунъ и присовоукилася вустаникланъ! уме первое дѣло милости: боланихъ послѣднати. Не такъ ли? Ну, и какла ты себѣ уме развовети басни о твоинъ Владимирѣ? где тотъ, который тайнани торгуеть? — (до Любежира) ти мѣ ты костлаку челоувѣческой, слами нѣтъ, кто ты, смели тое слами укнѣшь!

Люб. Кто мене такъ вопрошаетъ, тоту не отвѣчаю я.

Род. Человѣче! негоднн! нѣтъ ли прости? — Я хочу знати, какъ зовется тотъ обманчикъ, который тутъ на противъ не не стоить!

Нем. О Родославъ! проку ты!

Род. Молчи, мнѣ! — тотъ плутъ уме ошѣдѣлъ.

Люб. Безрассудный, ты безчестннъ челоувѣка, которого не знаешь, такъ дѣлаетъ плутъ.

Род. Яко? Мене? (хватаетъ за саблю)

Вал. (стаеть персдъ Любежира и обинажаетъ своею саблею) Нѣтъ! нѣтъ! я не допущу, чтобы вы убилъ и сего доброго челоувѣка!

Род. А! днѣтъ! гадина, которую за нѣдрами огрѣвалъ я! — Жено! во снѣтъ не знаю я твой родъ!

Нем. О сыну! что дѣлаешь ты?

Люб. (обинажаетъ Володка) Га! теверъ буду я, теверъ долнѣнъ я говорити, долнѣнъ вамъ яльяснити бесѣду впрядѣ! Скажѣтъ! кто дерзнеть снѣи порицати, смели онь зашнѣдѣтъ своего безоружного отца!

Род. Ты! Владимирѣ!

Люб. Владимирѣ, мунъ Немираи теверъ Богомъ и землею!

Род. Всемогущія Вема!

Нем. (вергается къ отцу) О отцо!

отца! ссаврите ли перадо шова! (закрывает свое лицо)

Вол. Воше! вы мой отецъ Владимиръ?

Люб. Такъ сыну, твое сердце есть мой свидѣтель!

Вол. Для того я весь тотчасъ побѣгъ, скоро только первый разъ узрѣлъ! для чего вы такъ долго не приходили? ны гадали, что вы умерли! о сколько то слезъ не пролила о насъ моя бѣдная мама!

Люб. (до Люб.) Синайтеся надъ несчастством! долговременная скорбь съѣла ей силы, тотъ ударъ умертвить е!

Люб. Неширо! мене моя!

Род. Чѣм? (ударивъ) Оставайтесь! се волила мою саблю, прокинула мою грудь, но сечь узнаю, естли ты Владимиръ; я еще пошлю!

Люб. Прочь съ талими доказательствами! Се моя порука (указавши на Вол.) и се! (на свое сердце) Кого ты не убьдешь, тотъ не имѣетъ чувства для голоса природы! Вотъ несчастна потребуемъ пошочи! нелами тутъ великость твоей души; старецъ тамъ есть Неширы отецъ, прости ему, онъ налекъ на насъ все твое горе!

Род. Кѣ отецъ? га! теперь понимаю, она обманала мене твоею смертію! для чего дождала я до того дня?

Люб. Неширо! слухай мене! (поднесъ и)

Нем. Прочь! прочь! я насъ не знаю!

Люб. Твоего Владимира не знаешь? Не обманешь его по такъ долгой разлуцѣ? Неширо! мене моя!

Нем. (возвращая на него) Ты мой Владимиръ! охъ (горестно)

Люб. (постунаетъ къ ней, она уходитъ)

Нем. Нѣтъ! нѣтъ! я не знала васъ! не знаю сына, не знала мужа! — такъ, кто нибъ дастъ смерть се нѣше, тотъ будетъ мой

мужъ. — Какимъ бы я имѣла честного сына, но онъ не терпѣлъ бы, что бы мать его имѣла людей во мерзосте — онъ истребилъ бы во отъ земли. — Где моя цѣнь — (нацаетъ на шею) — где моя сабля — Изъ Казимира лиется кровь — тутъ! тутъ! мой отецъ умираетъ а! а! (хочетъ на него кинути, Люб. и Род. сдерживаютъ ю; она опирается на Людошину и безсильна падаеть)

Власт. Охъ, я не промѣш!

Вол. Мамо! любезная мамо!

Власт. Родославе — прителю — прежде немели умру —

Род. Премде немели умрешъ, богады ты претерпѣлъ тысячу разъ въ тѣмъ мученья, которыми налекъ ты на насъ. Яко державемъ своимъ лишаимъ языкомъ мое ния изрекаети? Хотя продиананіемъ злодѣяній твоихъ облегчу боль мой! Старый бездѣльнику! гланы въ твоє мнѣніе назадъ; тутъ умаснетел твоє душа пераде нехакими слѣдствіями твоихъ грѣховъ. Галы пераде себе за гробъ! что омидаетъ тебе?

Власт. Ахъ! дѣтино! поможи —

Род. Плачь, вопій о остреленіе твоего духа! Не правда ли, адскій умашъ прошиваетъ ты, когда воспоминаешь минушее и будущее! Итъ спасенія, нождъ тобою пропасть ада, нождъ тобою цѣлое брени твоихъ преступлений!

Люб. О помиди его! близкая кончина сама несчастіемъ.

Род. О, да вѣстел яко червь, червомъ быти было бы счастіемъ для него.

Власт. Милости — мой Воше! милости —

Род. Га! послѣ такого злодѣйствія еще о милость презенти! —

Люб. Лютый мучитель! перестань — Его очи уже покривились! — О! его сердце разорвалось нождъ твоими упрелами!

Год. Онь умеръ?

Бог. Умеръ.

Люд. Ахъ Боже! и сіе ослабленіе такъ уместно.

Вол. Мой дѣдъ умерли! о те помозишь моей мамѣ, помозишь!

Год. Богуниль! вытеси умершего передъ хитину, чтобы не утратила его Нешира, и накрой мамѣ плащень. (Богуниль выноситъ)

Люд. Дорогая графиня!

Вол. Мамо! любая мамо! пробудѣтся!

Нем. А! — где была я — (разглядаетъ) — Така тѣмъ очи еще разъ отворились! — Мой отче! Где онъ?

Вол. Ахъ! умерли.

Нем. Где? где? (хочетъ идти)

Люб. Стой! стой! помозишь ли его воскресити?

Нем. Могу, могу, я того хочу! Где онъ? хочу его воскресити, или такъ долго и сильно буду кричати, пока грудь моя не разорвется — Отче! отче! — На то я васъ найшла, дабы таменькій боль вторично мое сердце прошила! (плачетъ)

Люд. Слава Богу за тѣмъ слезы!

Год. Завидуешь ли твоему отцу въ счастіи, что смерть взяла его отъ земли? Не благодѣаніе ли то?

Нем. Но въ томъ состояніи!

Год. Неширо! такъ мы уже разлучились! — но еще не понимаю, что вижу. Какъ пришла ты сюда? (до Любомира)

Люб. Въ четыре лѣта послѣ моего удаленія дождался я о нашенъ сочетаніи, и пустился тотчасъ домой. На дорогѣ наказала я двоихъ убійцевъ, которыхъ Властивиль поддунилъ, дабы мене изъ свѣта изгладилъ, и пришла подѣ тумини именемъ тутъ, чтобы прежде убѣдиться о истинѣ, потомъ или отыскати нль несчастное тое сочетаніе развязати.

Год. Теперь позволь мнѣ въ послѣдній разъ твоего сына къ моей груди прижать, а потомъ — во свѣтъ —

Люб. (тихо) О какъ мнѣ его жалъ! — (голосно) Благородный муму! я знаю, что ты для него дѣлалъ; называйся отъкрыть его во свѣтъ.

Год. Саму! не любишь ли мене больше?

Вол. И простите мнѣ, что я —

Год. Умоляю! (обвиняетъ его сердчно)

Нем. Мои друзья! слушайте мене; но чтобы никто не прерывалъ мою рѣчь, ибо я хочу говорити, что добродѣтель нѣтъ возлѣвѣваетъ (тронута, но неестественно до Любомира) Ты видѣла и чуешь, что не находишь слова менѣ, которую ты оставилъ. Всякое чувство любви и кѣности исчезло изъ моего сердца — только матерья любовь осталась. Сія очи открыты еще, но только, чтобы слезы проливали, отверты сія уста, дабы малостыимъ волненью воздухъ прощивали. Мое око закоснѣло и ствердѣло отъ многихъ ударовъ судьбы. Я хочу тутъ идти съ добрыми людьми, въ семь безвольныхъ уединеніи алатися и сѣтовати. Возьми ты твоего сына. — Ты берешь лучшую часть моей души; но — помни! Можеть быть сія утрата скоротитъ мою жизнь. — Однако, смели бы ты мнѣ позволимъ иногда видѣтися съ нимъ; — ибо его совѣтъ утратити, было бы за много!

Люб. О мое сердце!

Год. Охъ!

Нем. Муми! смели вы плачете — — Годославе! иди, где ты омицаетъ бесмертная слава. — Благороднымъ муми! обойдутся еще дружески въ моихъ очахъ; тое видѣти, будетъ для мене утѣшеніемъ.

Люб. Друже Годославе! (обвиняетъ его)

Нем. Людоинно! ты останься при жи-

емъ смѣхъ, Володинко не оставитъ ни никогда.

Аид. Ты прогонишь мене отъ себе? —

Нѣтъ, нѣтъ, я остануся съ тобою въ семь убѣжищъ для несчастныхъ.

Нен. О милая! (цѣлуется ю) Мнѣ было бы болѣстно безъ тебя! беретъ за руку Родослава и Любомира, который деринитъ на другой рукаъ Володинка; Вѣчный Воше! возри на насъ! — Передъ твоими лицами давала я мою руку дванды во вѣчное сочетаніе! Будь и теперь свидѣтелемъ, оидели ю назадъ беру во вѣчную силуку. беретъ назадъ свою руку) Силу! дай ты сіи объятія тѣмъ, которые ихъ отъ мене требовати будутъ; отъ мнѣ закрывати будетъ черное покрывало лице мое отъ мужескихъ очей — — Теперь во вѣки, бывайте здоровы! (прикладываютъ свою голову къ груди Людиници. Звѣзса низнуокастен)

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Современо издалъ славный Ганка въ Празѣ новую книгу, печатану глаголитскихъ букваницъ подъ заглавіемъ „Божественная служба.“ Въ той книжцѣ воздѣлены утренніи, богослужбении и вечерніи молитвы, изаключены съ сочиненіи с. Отецъ. На послѣдней сторонѣ пребавлена азбука глаголитская, иерарская и чешская. Есть те иерарка книга, котора отъ первой до послѣдней сторонамъ напечатана во образцу Шаоарина глаголитскихъ букваницъ.

— Издирскій Словенъ, въ которыхъ прозвонилъ великій Конваторъ и Министръ, приобрати слова къ своимъ соотечественнику, Даворну Терстевану, нуна, который, трудясь на посылкѣ старинной Словенскій исторіи, предвидѣть великіи для ней полезности. Отъ завасалъ большое сочувствіе подъ заглавіемъ „Кто была Норичево и Шаоарина, Келти или Словенъ?“, изъ которого издѣлать издѣланыя прозвонилъ „Новице“ иерарскія страници, изъ видѣно одиномъ пометѣ пошло, изъ глубины свидѣла имѣть сочинителю о стариннъ словенскій. „Новице“ (Новици) сообщили вѣданно послѣ Шаоарина къ проо. Терстевану, въ по-

торить тотъ патриархъ словенской литературы издѣлать весьма нѣхальное нѣвѣие о историческихъ трудахъ г. Терстевана.

ПАМЯТНИКЪ КОПАЮ.

Изъ извѣстие, вознахранили были передъ нѣсколькими годами народолюбивыи нуни въ городѣ Званѣхъ (Званъхъ) въ Моравіи создати величавый памятникъ во честь хороброго и. и. полковника Карла Ковалея, который яко начальникъ славного X. баталіона Стральцовъ, сражался мужественно въ борьбахъ съ Италианцами 1848 г. Памятникъ тотъ уже готовъ и незадолго отирмется для всенародного обозрѣнія. Для сохраненія же памяти великихъ воєнныхъ дѣлъ полковника Ковалея и X. баталіона Стральцевъ хотѣтъ тѣмъ благоуханривными нуни учредити посредствомъ народныхъ складокъ фондъ для одного или больше пиваловъ, избираемыхъ изъ радныхъ тогожа баталіона, съ которыхъ одиѣ пребавая востаново въ городѣ Званѣхъ розказывати будетъ всенуку иривалю о воздѣвленіи памятника и о многославныхъ дѣлахъ батымъ воѣ Ст. Лучи и Мовте Бершо. На туи цѣль присилаю уже 500 р. ср. и Видѣтъ, составленннй для воздѣвленія реченого памятника, измываетъ всѣхъ австрийскихъ согражданъ до дальнихъ складокъ. Комуи, кто дастъ во пользу сего предиріятія во иривѣдѣ ирѣзъ 3 р. ср. получатъ на аванку бронзовую медаль, кто сложитъ 3 р. ср., будетъ къ тому авсанннй яко учредитель. Знан о добрыхъ нахривннхъ и готовости несонн благополасныхъ жертвъ у нашихъ соотечественниковъ, изаключеа, что причислаетъ и она съ своей сторонамъ въ осуществленію хорошого сего предиріятія. — Жертвъ ириванута въ нуническнхъ долахъ М. С. Эльсингера въ Валии (Mariahillf 57.), И. В. Баера въ Празѣ (Nov-Aleo 37.), въ пенной лавцѣ К. Виннера въ Берѣхъ (въ Моравіи), въ конваторъ Вѣдасной Газеты у М. Раибихи и у членовъ составленого на туи цѣль Видѣла въ Званѣхъ гг. Ф. Доламала, М. Эльсингера и Гаскуртера.

Извѣстія торговельныя.

— На торгу дна 12 с. д. въ Давоѣ продано иривѣтѣ шеницы по 18 р. 36 пр.; нѣтъ 13 р. 30 пр.; шеницъ 11 р. 40 пр.; оидъ 6 р. 42 пр.; изаключенъ 6 р. 32 пр. а. итд.

— Курсъ грошеѣ на бирѣ Вѣдасной дна 13 Сент. Алло и. теренонъ 18%
серебра 9.

(Слѣдуетъ Часо 28. „Почтоидъ Церковныхъ.“)

Издирскій и типошъ Института Стваренигъ (Словенско)
Оидѣлатель Редиторъ Бодило А. Дидичицъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедѣльно въ Среда два листа, во второй годовоі въ Листѣ 4. нр. 40. нр. н. н. — съ почтовою поросылкою 6. нр. н. н. — Желающіи четвертью получать платятъ въ Листѣ 1. нр. 10. нр. н. н. на почтахъ же 1. нр. 30. нр. н. н.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

(Душа.)

Когда въ сѣбѣ вечерній звонъ
Въ туманнѣй вечеръ сумно звонитъ,
Коль съ вѣтромъ въ вѣдѣ плачешь охъ,
И по дубравѣ тихо стоишь:

Тогда душа моя болитъ,
Несомно плачу по нестройной,
И душа все туда летитъ,
Где прелесть туго я зову вечерній;

Где въ первый разъ я полюбилъ
Поля приютилъ и дубромъ,
Где свѣтъ и радость а усталъ
И жаръ очи, черны брови...

Простнется все въ душѣ тогда
Вечерній звонъ нечтѣмъ разбудитъ!...
Слеза пробьетъ, а отъ тоски
Душа ась радости забудетъ.

О, какое, такий твой призывъ
Тому, кто нилой не живешь,
Душа болитъ и мерзнетъ свѣтъ.
А оно плачешь, сердце шлеть!

(Николай Петровичъ, Украинъ.)

ЛЮБОВЬ.

(Отрывокъ изъ русинской поэмы: „Дѣвѣ Еленѣ“)

О, сердце мое, чѣтъ ты
Уже любви выжилаешь,
Когда сме вѣщай нечтѣ
На чувствѣ своихъ не поминаешь?
Когда въ возможности своей
Еще ни свѣтъ, ни людей,
Налево волненьіи жизни знаешь?
Когда въ волненьяхъ ты сме!

О сердце, чѣтъ не выжилаешь,
Любви съ дѣвственнѣмъ зѣтъ уже?

Умѣтъ ась дѣлаи стоишь во много
Подобныи между собой:
Тѣ надѣломъ нишъ убого
А тѣ со всемъ шадротей;
У сѣкъ расуодитъ прощальнѣтъ,
Аругнѣтъ нечтѣ вѣщай сѣтъ;
Но нѣмо несогласіи тѣтъ
Оно ась средство нѣмо нишъ:
Любви то средство, нѣмо аськъ
Цѣлѣныи вѣщай золотѣныи.

О человѣчески любовь,
Прекрасна ты сама собой!
Но нѣмо грѣшнѣтъ боговъ
Тебѣ, чѣтъ бѣжитъ вѣромъ
Твоею предельнѣтъ, твоишъ
Дыхнѣтъ чѣтъ, дѣвственнѣтъ:
Тебѣ не нѣмо управленіи
Ни Платоновнѣтъ чуднѣтъ смѣтъ,
Краснѣтъ ты нѣтъ аськъ твореніи,
О человѣчески любовь!

Ты нѣтъ сослѣтъ вѣщай Боговъ
Емо въ нѣросодѣныи чѣтъ,
Чѣтъ бытъ той любви золотѣтъ,
Коемъ Охъ обѣщѣтъ нѣтъ!
Тѣ нѣтъ Отекъ твоишъ вѣщай вѣтъ,
Бессмертна а безнѣтъ
Во нѣръ сѣтъ и не друнѣтъ;
Тебѣ, о Дѣво разъ нѣтъ
Знѣтъ съ сорочнѣтъ твоенѣтъ
Своемъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ ушѣтъ!

Владимъ А. Д.

ВСПОМНИКИ СТАРОСЛОВЕНСКІЯ.

VI.

Одно съ наиболѣйшихъ свойствъ всахъ Словенъ есть благогованіе передъ незраннымъ божествомъ, являющееся какъ сильное чувство соединенія съ высшимъ существомъ. Тамъ же свойства отличались Словене уже во временахъ идолопоклонства, оказывая великую честь для своихъ божествъ, отъ которыхъ зависимость свою узнавали. Всегда являл они полно священническихъ борозъ, горъ, перелъ и ркъ убожанихъ, всегда много почитываемыхъ идоловъ, кургановъ и пр., а когда художества и ремесла распространились, являл много прекрасныхъ храмовъ и вступановъ, воздвигавшихъ на честь родимыхъ богать, какъ Игардъ говоритъ: «Вса Словенщина верою была божанна, поля в города полны вступановъ. Въ городехъ созданы святини и храми, посвященны различнымъ богать а въ поле и на холмахъ вадати много капищамъ ихъ изъображенія; равно и въ весниихъ вырвахъ носили они съ собою свои божиде.» — Касательно будовни такъ храмовъ, вознесали она на вырванныхъ столбахъ, и стамъ бывали изъ суконъ, которы только тогда поднимались, поля священническихъ приносили хранящемуся также божину всенародную жертву. — Набожность Словенъ являлась такою въ древности ихъ богослужбномъ мнѣн, отличавшемся сими наглыми, заушанными звуками, что отъ того происходило, почему Словене называли чувства свои передъ божествомъ съ непрекращающимся благогованіемъ; и тогда нагліи, ушныи звать осталъ у Словенъ въ церквенныхъ мнѣн даже доселъ.

Жертвы были у всахъ поганскихъ народовъ въ общахъ, а какъ дары, изъображенія преданности и зависимость лю-

дей отъ божества, ставили у всахъ народовъ головную часть богослуженія. Воображеніе, какъ бы Богъ требовалъ земныхъ вещей, или являл въ нихъ свою радость, было основаніемъ того обряда, и признается, что къ тому каждый приносилъ божищу своему во жертву тое, что назалось ему быть наилучшее. Каждому божищу давало однакожь особыми дары, такъ Перуну вили и овцы, Свѣтовиду колачи и вино, дошамъ божанамъ колоно и всякіи лѣтви.

Почему предки наши божествамъ своимъ поклонялись въ большей части на горяхъ и въ боряхъ, и аны воздвигали, и то лишь для некоторыхъ, храми воздвигали, то приносили жертвы свои на такихъ священническихъ мѣстахъ, где къ тойже цели поставленъ былъ удобный жертвенникъ. Жертвоприношеніе отбывалось въ аяздующій способъ: кровъ составилихъ поливалъ, акусал священническихъ еще передъ приношеніемъ изъ жертвенного напита, акусъ бывало вино, пиво, медъ, абочники; тоже дѣлали и присутствующи, аостатокъ же изъ чаши выливали на голову жертв. Определенное въ той цели зверъ убито, выбрано изъ него внутренности, съ которыхъ вороженъ предвѣщали; потохъ сожжено жертву, однакожь редко всю в только некоторыхъ части, и поило насими и костистими, прочее откладано на аиръ, который отбывалось съ изнѣнъ во честь бога, аласкомъ и гудьбю. Вообще Словене не отрывали тотъ обрядъ иначе, какъ съ тановымъ угощеніемъ, где было много пѣсней и радости; въ некоторыхъ временахъ однакожь жертвовали они только овцы, потохъ зверята, наконецъ, когда в некоторыхъ вми сямъ сосланныхъ народовъ къ нимъ перешли, приносили — не дуго съ рѣдка — железныи жертвы; случалось то именно, во время начинающагося распространенія Христо-

вой Вары, когда на туу падь особливо по-навистахъ Християнъ определяли. Дошедшии жертвы состояли въ томъ, что голова редины приносила еже вечера божицѣ подъ ихъ деревьями, розданныи встали, при чѣхъ отвозилъ молитвы и бился въ чело.

Яко особливои прирѣзъ жертвоприношеніа у древнихъ Словенъ подобаетъ упоминаи жатвенное торжество, празднуемое во честь Свѣтовиды въ Ругія. Былъ то родъ благодарственной жертвы, котора такъ съособенъ приносилась: наймощиіи священникъ, которому исключительно съобедно было входить въ святиню, занедалъ тууже днесь прежде, наблюдая тое правило, дабы не званулъ во время пребивенія своего во храмъ, того ради бѣгалъ безустанно къ дверцѣхъ, чтобы занерти въ себя воздухъ занежити свѣжннхъ. Душано бо, что отдыхъ даже человѣческой ногъ бы чистоту сего божества осквернати и его самого розсердити. Въ присутствіи собраного народа породъ хранюхъ убивано потонъ зварае, иенко агнецы, на ниръ определяюнии. Потонъ выносилъ священникъ рога изъобилія, которого божецъ въ руку держалъ, и который ежегодно наполняеъ бывалъ медонъ. Если въ продолженіи года убилъ ничто изъ того мелу, предвѣщало себя на будущее лето неурожай, и священникъ уклонялъ сберегати соголотное збоже; если же не убилъ ничего, ридовалса народъ на богатнн живна въ будущемъ году. Послеъ того во знанн жертвы, священникъ изналалъ останокъ незсохшого черезъ годъ нантнхъ у ногъ вступана, и наполналъ оный рога новнхъ медонъ, аналчалъ при томъ частократно божеству и проса его краспорачивннхъ молбани о благо, изаніе и умноженіе победъ. По свершеніи молитвъ прикиналъ рога изъобилія медонъ наполненнхъ къ своинхъ устакъ, и выдвннхъ его думкоръ, наполчалъ

новнхъ медонъ и вставалъ снова въ руку божица. Същонникъ взялъ потонъ кельцъ, увеченнхъ съ нуки медонъ розмншанной, такой величины, что пресмсалъ рослого челоука, и поставннхъ ого нехи себе и изродъ, спрошнвалъ присутствуюцнхъ, видать ли они его изъ за хлаба? и когда тн отвѣтали, что видать не много, изъавлалъ онъ свое желаніе, дабы въ будущемъ году изъ за хлаба его не выдалн. Такнхъ образомъ желалъ онъ богатого хнща. Окончнша сой обрадъ, священникъ привѣтствовалъ собраннхъ людей, и упоннчалъ ихъ къ частайшому приношенію хорошихъ жертвъ, прарекая въ нагороду за отдаваніе чести Свѣтовиду на моръ и на сушу победу. По свершеніи тахъ обрядовъ, прошежено прочн часн дня угощеннми, при которнхъ всака воздержанность почтнана была грехонъ и неподбротствоу.

ДОВѢРИТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА ИЗЪ БУДНА.

IV.

Здравствуйте!

Пустннхнхъ въ разбораніе газетъ вошнхъ, позволте нхъ ноглъ „Зоря Галнцкоѣ“ нчто сказати такно в о самой новѣйшей нашей газетѣ такъ называемой „Дада.“ Должно нхъ сознаться, что она нхъ везаннхнхъ своинхъ почтеннхъ, такъ и хорошихъ своинхъ выловъ мене особеце обворннла. По моему заннчанію нантнхъ онъ нхтроннхъ, таковомъ газетомъ быти для вола нхтнхъ, иже „Зоря Галнцкая“ для вола нхтнхъ. Занчнхъ своей восарнла она забаво всталаати и волего увеселати вошнхъ красавнхъ. Неосворно, что унованнхъ задача нхъ вошнхъ своинхъ красавнхъ, такъ и сущностнхъ своинхъ нхтнхъ. Съавно съ изданнхъ до снхъ вохъ часель онъ занчнхъ можно, то не для уталн, что она во ннннхъ ншнху доволно оналала своособности, соотвѣтствонти предрнтой задачѣ своей. Имъ встрѣчнхъ въ ней качества, рунчнхъ за успѣхъ нхтроннхъ онъ. Нантрно предлагаетъ, что разнобразность, наннность и забавоусть предметовъ, представляюцнхъ

нем, оно заключалось в той привлекательной силе, услаждать думата об благосклонности и величии Пуб-
блики.

Но вот: что только возманила она в им-
прет своей красоты, и стала распускать преле-
сти своей воности, уже устремились зоркие очи
Востанка на ты, и она печально пошла во прав-
дливое гонение его. Срашивает, зачем и где
случилось то несчастье вашей нашей газет? Азост
она предма начала сообщала? Честность правоты
нарушила? Азост невинность ваших красавиц в
опасности привела? Или обнаружил недостаток
в исполнении задачи своей? Нет, вовсе ни-
чего сего. Чтось там за причина гонения во Востан-
никего? Единственна та, что она не во вкусу
языка его выражается. Вот согласие во языке есть
поводом возникшего между ними спора! Вот не-
кое доказательство неугроженной нашей страсти в
исконно даря на воли сравнения азбучного, гречи-
шеческого и лоскостического.

Чтось думати? Нетъ такъ кажется, что въ
завидныхъ дракахъ во въ нашей власти, увеличива-
ется нтъ, но нужно нтъ схватиться, и хотя во-
время, кто будетъ победителемъ, рвнаться на
борьбу в бой.

Сутьность прошедшего спора въ претив со-
стоитъ въ слдующихъ:

Откуда - то доведено Востанку, что нкто
въ гобрании веборошо и душно выразился на тоиъ
языкѣ, который употребляетъ всегда Лада въ сво-
ей словѣ. То послушало Востанку случаетъ,
парозпротви и парикатуровати языкъ Лады. Ла-
да, вичной чувствительности молодика, во погнн
разводилово повости публично поругание, въ 11. ч.
ведомств наловый свой гонецъ въ Востанку,
отвостъ въ леку оно выслушо судью, в проситъ
у него улов. отворения. Востанкъ въ 61. ч. выелъ
нтъ повести вынестъ себе признаку Ладою,
нтъ повелюющий вынестъ не в въ собственнотъ
дядь сума во всей строгости толкаетъ наловую Ла-
ду, в обширое подаетъ ей повеление, акии она
вынестъ лозже повести. Между прочимъ зауаетъ
ей, чтобы она вынестъ вынестъ повеленная,
своей в во туиий языкъ употребила, в ншого
словара во прибавила въ своемъ языкѣ.

Мн, если бы снъ употребилъ своей тоию Ла-
ды повеленъ, вовсе не вступалась бы въ защиту
ей, потому, что она обратилась въ Востанку,
нтъ повелюющему в относительно требованю
быть претивле ую путь вошшо посредниче-

ству; но такъ нтъ употребилъ употребилъ воста-
нкъ разваженя общей нашей литературной жизни,
то считаетъ долготъ вынестъ, сказать нтые ные
во дду предписанныхъ Востанкомъ руководствоз-
ваний въ употреблении литературного языка.

Мы впередъ объясняемъ, что въ дядь вынестъ
не бореше за вынестъ въ Востанку, во въ
Публику, пусть она расудитъ оное. Лада, во
вашоу нтые ные лучше слдала бы, ожела
чувства себе оскорбленомъ Востанкомъ такне
отвостъ бы въ Публику, а не въ Востанку,
второму во прайней нтъ дозволено было сказать:
„Боже! прости нтъ, но знають бо, что востан-
рать.“ Но пора, приступити въ объясненю сообра-
жений нашихъ.

Повитного языка въ литературномъ отношеии
на знаемъ мы много, нтъ въ которомъ нмъ образо-
вания во вснхъ отрасляхъ науки. Мы могли при-
нстити въ общемъ обрашеню, что ожела кто ста-
неть говорить о предметахъ вынестъ науку, то
онъ необходимо прибегаетъ въ тоиу языку, въ ко-
торомъ онъ нтъ научался, хотя нарочетъ любить
материй свой языкъ в въ общепониманю кругу на-
шия нтъ дозволено легко в проворно говорить. Отсю-
да слдуетъ, что ожела кто хочеть въ своей газетѣ
сообщати свддвнн науку, тотъ долготъ воспользо-
ваться или таковымъ языкомъ, который тѣ науки
написаны, или оставити, такъ речею вынестъ но-
вый языкъ, который вынестъ употребитъ науку
выражати слдуетъ. Потому мы думаемъ, что Лада
нтъ газете, повеленная о сообщении ученыхъ пред-
метовъ, весьма хорошо вступается; ожела она для
употребления литературного во куотъ воику словъ
нтъ Востанкъ длаеть, во пользуется дровини
русскими словами, утверждениями в осваившими
общимъ употребленю.

Мы общепонимаго, то есть такового языка,
который бы ученыхъ такъ нтъ в наученны на-
рочетъ аргументальны бытъ, на себѣ не зна-
емъ. То в образности самая большая вынестъ.
Если бы таковой языкъ воделся, то слдвало бы,
что ученые человетки немо быти в безъ на-
уку, что само въ себѣ заключаетъ противоречю. У
всѣхъ народовъ всегда различны в различается
испольанный языкъ отъ простонароднаго, слдво-
ательно думаетъ, что в у всть ные во возможно
быти дду, в такъ должн мы нити одинъ вынестъ
или литературный, илии повеленное
общеню, в другий простонародный, разстну-
ннсь во наречияхъ, языкъ, нтъ во особенно у пре-

составились Изыком и языкъ народовъ обрѣтаетъ. Никто не задумалъ и не задумаетъ такого языка, который бы не вышелъ изъ объема языка простонароднаго, нося выразителся объ учебникъ предметахъ. Мы не задумывъ счастіемъ Востаника, если бы зналъ, что онъ для учебникъ и не-учебникъ дружелюбнѣйшимъ языкомъ пишетъ, потому, что то есть самое большое предвѣщеніе самого себе и объявленіе несчастья о литературномъ языкѣ.

Упрямство дала Востанику Языку въ употребленіи чуждаго языка. Мы предполагаемъ такъ счастливъ по языку въ Востаника, что онъ тотъ языкъ, который употребляетъ Лада въ своемъ словѣ, не считаетъ Готтентотскому, Абиссинскому, Китайскому или японскому - то странному языку, но откровенно лишь потому называетъ его чуждымъ, что она не пользуется темъ галллиціемъ, въ которую влюбился онъ самъ. — По нашему употребленію всеніи языкъ нашъ чуждѣй, если не обучились ему. Мы не разучили бы и языкъ Востаника, если бы мы ему не изучались, следовательно, языкъ имъ право требовать, чтобы, если Востаникъ хочетъ разучить Ладу, также изучался языку ея. Всеніи языкъ въ той мѣрѣ престаеъ языкъ быти чуждымъ, въ какой имъ его себе изучено правило. Если имъ въ состояніи научиться разнымъ племеннымъ языкамъ, почему не могли бы мы позволиваться со стариннымъ языкомъ языкомъ, который у насъ дотеперь лишь за несправедливъ случаю употребленія пренебреженъ былъ? То большій стыдъ и неблагодарность было бы, если бы мы отказались отъ языка, который въ древнихъ грамотахъ находится, который пользовался предки наши въ своей литературной жизни, который объявляетъ первоничны употребленіемъ и величается даже и нынѣ обильномъ литературомъ.

Нѣтъ предположивши снѣ нашихъ заповѣдей явно глупости, что Востаникъ безосновательно объявляетъ Ладу въ томъ, что она праблажаетъ словарь въ своемъ дунранѣ.

Если учебникъ предметы не могутъ сообщатися иначе языкъ учебникъ языкомъ, а всеніи языкъ даже и самый матерій въ отношеніи литературномъ до тѣхъ поръ языкъ чуждымъ есть, если ему не обучились: то Лада мудро и вѣднъ составить соотвѣтство вступать, когда она для тѣхъ, которые не учились на своей матерій языкъ изучать, помощью словаря объясняетъ несвойскія слова и такъ способствуетъ изученію учебникъ предметовъ. Но Востаникъ упрямство Ладу въ томъ, что она не то:

во учебникъ предметы излагаетъ несвойскія русскія слова, а что даже и общепонятнѣйшіе слова не изучитъ а во простонародномъ языкомъ выражаетъ. Мы и тутъ находимъ Ладу новое прѣвѣднъ. Не помыслъ здесь много словъ въ доказательство утвержденія нашего приводить, но мыслятъ языкъ единъ только словомъ объяснить дала. Вотъ Востаникъ бранитъ Ладу, что она вѣднъ дала простонароднаго слова чтобы и вѣднъ быти употребляетъ сами. Для чего то оглашеніе противъ слова сами? Не есть ли оно оглашеніе библіическомъ древоотнѣмъ? И не добро ли а языкъ называться въ писменномъ языкѣ, а въ простонародномъ выраженіемъ чтобы? Надо бы Востанику знать, что между Русскимъ и немецкимъ языкомъ находится свое название языка боты. Такъ въ Венгрии не однимъ языкъ употребляютъ Русскимъ: чтобы, но другимъ языкомъ, на третей языкъ или на широкъ, на широкъ широкъ. Потому, если бы не ставитъ писати на простонародномъ употребленіи языкъ, то будетъ у насъ столько языкомъ, сколько деревень. А учитель ли мы при такомъ раздробленіи составили литературу, соответствующую духу времени? Для чего языкъ вводитъ новые слова тогда, когда мы языкъ древній, обработанный, и у насъ только во несправедливомъ обстоятелствѣ свободный свой языкъ? Развѣ во увеличеніи языкомъ основывается образованіе людей? Мы знаемъ во несправедливомъ учебникъ нужды, что языкъ больше способствуетъ образованію между людьми, языкъ больше убавляется и число языкомъ между ними. Такъ въ Европѣ только 13. разнаго языка языкомъ, когда между народамъ, живущимъ въ разныхъ частяхъ Америки 420, въ степяхъ же Лорана 150. языкомъ считается (Сюринъ: Die Urgeschichte der Erde und des Menschengeschlechtes nach der Moaischen Urkunde und den Ergebnissen der Wissenschaften; von Sebastian Mutzl. Landshut 1843.)

Однако должно языкъ быти справедливомъ широкъ и кастально Востаника. Не хочеть оглашеніе прѣвѣднъ въ Ладу, и то въ языкъ Востаника языкъ, увеличенъ. Мы знаемъ, что Востаникъ совершенному языку языкъ, называя Ладу, чтобы она не думала, что употребитъ несправедливый и нечуждый языкъ, значитъ писати дружелюбнѣйшимъ языкомъ для Лады. Но в почему несправедливомъ то, что хорошо? Развѣ не значитъ то величій прѣвѣднъ нашему усовершенванію? Развѣ не способствуетъ имъ языкъ языкъ литературному, если будетъ прѣвѣднъ

или выражений употребляет? Им также вѣсть съ Востанкомъ осуждаютъ Лалу, оная она зарече по исторченію слова употребляетъ, однако оная то бѣзвѣсть по недостатку довольнаго свѣдѣнія исповѣнного языка, то оная измѣняетъ Лалу и погрѣшникъ выражений по поставленію ей въ виду. Мы же даже стали вѣсати нашии измѣнъ и такъ по вѣщанью отъ насъ требовати, чтобъ ни паразъ превидѣнныи измѣнъ нечелъ, и отказатися нанъ къ писанію томо не дла, потому, что поговорка насъ учить: „Кто не начинаеть худо, никогда не начнеть и хорошо.“

Но можемъ уволчати, что некоторыи объясненія Лалии проехали къ насъ нѣкое недоуменіе касательно употребленнаго немъ жаргѣ языка, однако силъ случаетъ прекратитъ наши объясненія по предмету сому, и предъставитъ изложенію ихъ къ иному пору, оная она лучше будетъ. Никѣ не заключаетъ нашии измѣненія, которыи им, нѣ выше объявилъ, отступилъ за общую нашу литературную пользу а не за свою Лалу, а вѣсть объясняетъ, что имъ нашии соображеніи всего нѣкому не называемъ, но только позволю, чтобъ она уважаси были или результатъ нашего собственнаго убѣжденія.

Извѣстие ное въ слѣдствіи большой и, можетъ быть, поруступившей справедливое предѣлы ноей къ Ванъ добротности и прошейте!

МАЧИХА И ПАННОЧКА.

Украинская повесть.

I.

Хороша была лебедь на синенѣй лина-нѣ; хороша яркая звездочка на свѣтлонѣ вечереннѣ небо: но краснѣ отъ нихъ была дочь старого Пана; иланѣнше ихъ лебедь выступала она, веселѣнше ихъ Бо жин звездочки смотрѣли ей очи. Когда она пѣла, соловей улеталъ въ рощѣ; утренная роза блѣднѣла передъ ей румянецъ. Богъ поградѣ Пана дочерью красавицею. Видно по всему было, что те Бо жин даръ; чѣмъ больше смотришь на ню, тѣмъ больше хочеть смотреть. Она была такая невогладная, ихъ серебрянотая луна, ихъ широкое, море ихъ высокое небо.

Даже уже упорла пяти Панички, и старый Панъ женился съ Полькою красавицею Съ утра до вечера наряжеться молодѣя Пана, надеваетъ золотыи парчовыи платья, украшаетъ черныи соболемъ и самоцвѣтныи камешкыи.

Молодая Паничка не радится; двѣ три встанки и широкая коса разбѣгаются по ей плечамъ, на головѣ вѣлокъ изъ подовыхъ цвѣтовъ. А все смотрѣть на Паничку, забывшая мишиую Паню. Блѣднѣеть молодѣя начиха; званѣтъ черною вѣзю обиваетъ ей сердце; Пана въ дума клѣветъ извести свое ю насрбу — красавицу.

II.

Ужо на дворѣ ночь. Въ свѣтлицѣ у Пани горитъ лампада. Пана сидитъ на нагольничѣ лежечку; подлѣ ней ворожея, старѣя чаровница. много грѣхъ не думѣ у той старухи. Надерко Пана позвала ю къ себе.

— У мене в очи чернѣншіи, и коса ширшая, и голосъ тончій; для чего же она краснѣнша отъ мене? сказали Пана; закрыла бѣлыи руками лицо, и рыдая, ушла на подумку.

— Не плачь, не журися, ное дитатно, говорила старуха; тому горю можно пособити: ты будешь краснѣнша отъ ней.

— Такъ пособи скорай, а ни — те я уру до завтра съ печали.

— Пожди, ное дитатко, крѣже выслушай: по нашии очи, не густая коса, не закончій голосъ, но гордая поступь делаютъ насъ красавицами: есть особная красота, она розлита на лицо, то живая красота; коли она улетитъ, красавица станеть безобразною; останеться те же лице, те же очи, но не будетъ въ нихъ прежней крѣзи, и та краса дже летуча. Случилось ли тебѣ видѣти, когда на престый цвѣтокъ садеть нестрий красавый пчелыцъ; ихъ хороше тогда цвѣтокъ! а дулукъ вѣтеръ, пошат-

цукла цвѣтокъ, шотылька не стало, и цвѣтокъ опять не красна въ крѣплену.

— Я уяру, бабулю, закнѣть ты оной чинь своей розсказъ.

— Пожди, дитатко. А все таки, якъ она ни летуча, ю кожно поймати; на все есть своя наука; недеронокъ ни дождан до садныхъ водось. Можно достати тебѣ, якую хочешь, красоту, хоть твоей вазѣрбы, только те дало трудное.

— Можно? Бабуню! идики мон, золотая мон, голубка мон сизая! научи мене скорѣйше.

— Для того надобно, чтобы Паночка умерла, и умерла скорою смертію, и якъ будеть умирати она, должно покрити ей лице вотъ тѣмъ зачированнымъ платкомъ: все красота перейдетъ въ платокъ; на мертвой останется простой образъ безъ жизни тогда надобно тебѣ умытиса на ночь на рѣшникъ колокомъ утергиса платочокъ, и ты станешь еще красою якъ она.

Пана выхватила изъ рукъ старухи платочокъ, уцѣловала старуху, и едва передъ свѣтомъ могла заснути. Ей снилось, что она красѣйша отъ пасорбицы, что все на ню смотратъ... И то такъ легко достається: нуно только сгубити повинную дѣвочку!...

III.

Чисто, безъоблачно небо надъ Украиною; високо горитъ солнце на небе. Въ Украинѣ давно уже весна; цвѣтуть густыи сады, цвѣтуть веселыи дуга, цвѣтуть зеленыи берега голубыхъ рѣкъ: отъ логкого зѣтерка нямъ разбѣгаются живыи волнаны, наворонокъ утонулъ въ небо и звонять такъ, якъ серебрянный колокольчикъ, кризывающій природу къ молитвѣ; кожда травка, кождий цвѣтокъ тако шевчутся между собою и кивають головками.¹

Былъ Троицкыи дѣнь; чисто было небо надъ Украиною, только въ поднебесьи веселье едно было облачко. То Ангелъ Божій летѣлъ осмотривати землю. Остановилсь облачко надъ Украиною. Сложивши руки, распустивши логкии крылья, съ усмишкомъ посмотрѣлъ Ангелъ на прекрасную сторону, и радостныи слеза удовольствія скаталась съ ресницы; замучила свѣтая слеза въ воздуху и розскалалась на Украинѣ свѣжикъ. тѣмъ дѣждонъ; облако скрылось; Ангелъ полетѣлъ дальше.

Земля стала оцѣ веселѣйша; она заосвернала въ дождовыхъ брызгахъ, якъ повесть въ слезахъ радости. Все зашло, заговорило, все радовалось; якую перестали время роскидывати свои рековныи сѣти; волчица забыла про добычу и весело играла съ волчатани въ колодонъ веселье жить; даже зная, когда переходытъ мимо ней человекъ, откидывала въ сторону свои дѣвнугу голову и безвѣчно гралась на солнышко.

Кажется, и людикъ можно бы въ те время оставити сауту а предатиса пономъ, тѣхому, безнатопоному. Нѣтъ, страсти людскіи плетуть сѣти хитрѣйше, коварѣйше, кожелы тарантъла; они жестокайшии якъ волчица, дѣвѣтшии якъ зная.

Пять рази поклановала Пана Паночку, выпроважала ю въ церковь, а до церкви отъ хутора было двѣ милы.

И вотъ Паночка села въ роззолоченную карету, украшенную окнами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Садый козакъ Махаръ тронулъ возжакы и карета покоталась се двори. Делго ажали они. Давно бы пора быти въ церковь, а на церкан, на сала невидко, кругонъ глухая стѣна; ужо солнышко полудни, а карета стучитъ колесани по стѣни и катится дальше; перестрашении стропети, савета крылани, поднимаются изъ

травы и раптовых кустовъ. крушатъ въ воздуху и опять садятся на прежнее мѣсто.

— Куда ты везешь меня? сказала Паничка Макару.

Макаръ молча нахлулъ багатовъ надъ конями, и карета покатилась быстрѣе.

Уже вечереть; золотое солнце тихо скатилось на землю; колокольскіе стеники вострѣли, какъ переломившія ланцады въ куполѣ великаго храма. подъ частикъ небомъ трепетали крыльяны. озолоченными послѣдними лучами дневнаго свѣтла. Вотъ не стало и солнца. Впередѣ черною полосомъ теннѣлъ боръ.

Случилъ челоуэку жить въ душиной тенищѣ; скачало вольнону стеникуну жителю захвати въ боръ; нѣтъ свободы очамъ, невидю чистого неба. Страшно стало Паничкѣ, а карета ахала скорше и скорше. а боръ придвигался ближе и ближе. Изъ бору выло прокладомъ; такъ ушло шентались зеленыи дуби и явори. Сердце Панички забилось, затрепетало какъ войлочнаго стачна въ рукахъ вташника. А карета все здеть, и вотъ уже въ лѣсъ, и стучить по дубовыи кореннѣи полесоня; вѣтви соткнули надъ каретомъ тенный омутъ; сарий волкъ сверкнувши очима, перебѣжалъ нитъ дорогу. Случило стеникуну захвати въ боръ.

Карета остановилась, Паничка вышла изъ кареты; старій Макаръ подошелъ къ ней. Въ слезахъ упала Паничка въ ноги Макару и просила сказать, где она и что съ нею будетъ?

— Не плачь, отвѣчалъ козакъ, а слухай: твоя нячка приказала мнѣ извести тебе; скверная баба, она думала, что козакъ можетъ поднять руку на такую добрую, молоденькую дѣвочку; видно, что она не бывала въ походѣхъ и не знаетъ козацкой службы, а в думая, не будетъ ей волъ — и не заплатило грѣхотъ своей души. Богъ съ тобою, Паничкѣ, оставайся здѣсь, то лѣса

Киевскіи, недалеко и до хаты; тутъ есть много всякихъ ягодъ и грибовъ — не упрямь съ голоду; только и не дунай кли до дому; такъ твои смерть не винувал, да и неа не виновати бды.

Макаръ сѣлъ въ карету, и скоро затѣхъ стучъ отъ колесъ уязкающей кареты.

Бѣдная Паничка одна въ лѣсъ, ночью; страшно Паничкѣ. Въ лѣсъ бѣгаютъ волки и медведи; въ лѣсъ ползають змеи, скользятъ различныи гады, шолестѣтъ холодныи ящерицы — страшно въ лѣсъ! А ночь все темнѣйше и темнѣйше! Уже близка полночь — пора умировъ и оборотней. вора, въ которую молетѣтъ надъ боромъ вѣдныи пировати на Амсуу-Гору. Дронить Паничка, какъ былинки отъ ветру; илетъ по лѣсу, шумѣтъ подлѣ ней широкіи листья каноротника, хрустѣтъ подъ ногамъ сухихъ вѣтви, колючій торковникъ царапѣтъ ей былинки руки, долгии вѣтви хлещуть ю по нижнему лицу а вдали слыишетъ лай — то ревъ лай — то воиль — такъ сердце и замираетъ. Упала Паничка на землю и долго молѣлась Богу, горячо клявала серебрянный престъ — благословеніе покойной матери, и пошла дальшѣе уже безъ страха, безъ трепета.

Чудесна сила молитвы! Когда васъ Богъ захочетъ испытати нещастіиани, молитесь часто, молитесь отъ глубины души, и вы будете спокойни. Услышитъ ли Паничка въ лѣсъ воиль, она, поцолась, илетъ въ ту сторону, и ова, кричащая такъ жалбно, уложотъ. Представитѣся ли ей умиръ; она илетъ къ нему, и находить обгорѣлый пенъ. Вдали сверкнула очи волка, она къ волку илетъ да илетъ, нѣтъ, то по волкъ то огонь — и бѣдная дѣвочка вздохнула свободнѣйше. Скоро она была у челоуэчской обитали и сидѣла въ чистой, спокойной хатѣ, а подлѣ ней четыре козаки, четири Иванни.

Все четыре Ивана были родими братья. Съ честію и славою въездили въ Сачи, получили много золота и много рабъ, и когда Сачъ заширлась съ своими соседями, они, вида, что не будутъ роботы ихъ съблять, удалились отдохнуть въ Кіевскія лѣса. Золота у нихъ было много; въ три дни носилъ дѣть, и они расположились въ нѣтъ отдыхать. Роботати нѣтъ не хотѣлось, гроши доставляли нѣтъ все. Да и что за отдыхъ, когда роботашь? Нѣтъ, они конутру молниисъ Богу и вымзкали из охоту, послѣ обѣда отдыхали, потомъ говорили о прошедшихъ походахъ, такъ вечерами и молились Богу, ложились спать. Звѣтрашній дѣнь проходилъ точно такъ, якъ вчерашній. Завидная участь.

Съ умисонъ выслушала Ивани розказъ Паниночи о ей несестіяхъ, а сказали ей: жива у вѣстъ якъ сестра наша; днѣтъ и ночью им будутъ охраняти тебе, и вотъ тебѣ клятва козацкая; или ты увидишь кичуху у ногъ своихъ, или нѣтъ не жити ни спать. Тутъ Ивани вышли изъ свѣтлицы и легли спать на двѣрѣ по четыремъ угламъ дома; Паниночка поцеловала свой серебрянный крестъ и тоже скоро заснула такъ тихо, такъ спокойно, якъ спитъ невниность.

IV.

А что же дѣлать ничиха? Долго въ Духовъ — дѣнь ждала она свою дочь, целую ночь не спала ни она, ни старій Паниъ: все ждали дочку изъ церкви, а дочка не ахала. Передъ свѣтомъ пришелъ Макаръ и розказалъ Паниу печальную вѣсть, что въ стѣни подъ ноги конанъ подлетало перекотиполое; что кони взбѣсались, закусили удила и пончались лѣзть съ дороги; что онъ узналъ и только видѣлъ и кироту и Паниночку; что исходилъ всю стѣну, но на нашель ничего, кромѣ платка. Тутъ Макаръ подалъ Паниу платокъ.

— Ахъ Боже мой, да се точно платокъ моей дочери, и по отдавъ его платку; да онъ нѣтъ останется на платкѣ; а любила ю, нѣтъ родную сестру, говорила радми Паниа, и целовала знакочий ей платокъ; а я нѣтъ будто чувствовала, что съ нею будетъ какое несчастье: три раза прощались, и когда нестало видно кареты, то нѣтъ такъ сдѣлалось сунно, что хотѣла послати заворотити ю до дому.

— Ты предчувствовала, моя нѣтъ, шеше несчастье, говорилъ Паниъ, и нѣтъ что-то было тоскно целый дѣнь.

Онъ нѣтъ обнялъ жену, и тихимъ слези молниисъ изъ очей его.

Гонци навѣснѣи посканали во все стороны искати Паниночку. Все было подарно; къ обѣду прибѣжалъ одинъ конь изъ упряжи, избитый, измученный. но ни кареты, ни другихъ коней, ни Паниночка нѣтъ не видѣла. не слышала, нѣтъ будто ихъ взяли Татари.

Съ начала заерлась Паниа въ свое свѣтлицу, стала передъ зорралотъ, и опять начала целовати Паниночки платокъ. но уже безъ слезъ, безъ воплей. Она умилась на ночь колоколы и нетерпѣливо нагнула на свое прекрасное лице волшебный платокъ.

Подивитесь, добрии люди! Паниа была у дѣлн своего желанія, и ей сейчасъ сдѣлалось страшно: мысль, что платокъ видѣлъ предсмертій вздохъ ей дочери, перестрашила ю; она съ умисонъ сорвала съ себя платокъ, посмотрѣла въ зеркало и на прѣкоръ душевной тревоги хотѣла засмыгаться; но те не былъ очаровательный уснхъ, который влѣклись все, и даже сама Паниа. Нѣтъ, злобно искривилась ей розовия губки; и нѣтъ блескулъ искіи — те змий огонь, и Паниа, надевельная собою, сердито сдвинула брови; легкіи порщиии кабажали на ей гласное блѣое чело и остались на нѣтъ на вынѣ.

Быстро, мгновенио, такъ что веробѣи

ше успеть слезать съ крими на землю, Пана прихватил подурала. Она съначала хотела - было наутиса въ ставъ и утонути; но она буду в нехорошая, подурала она, когда вода розовьетъ. свуталась мою косу. она и буду! И Пана не утоилась Хотела подвалитя лезъ и спорати съ нитъ — и те шепрасно; научилась баднак. тонилась и не шрадунала ни одной красной смерти: весь огонь душа ой выразиласе волонь, стонани, ридавилъ. Она своили бълонькини рунани рвала густик коси, и ощо больше подурала, в Пять два раза прислалат сказати, чтобы она не убивала себе падарно; волъат сказати, что кертвихъ слезани во ножно возверати. Пана тогда только усвокоилась, когда кришла къ ней ворожея и сказала. лезани ю за голезу: но нечались, шео дитатно, все перовонь.

(Кол. 1844.)

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Институтъ Ставроградскій во Даводъ положилъ свои дачни книги достохвалными заслуги для русской Словесности издавшею „Псалтири божественна Пророка и Царя Давида, съ подлитоци во войдъте изомствъ; съ псалми Мойсеовими и прочии святисталими польби.“ — Повеино, нъ извѣство, а истинство проствоненя пропоруило чиние Псаломъ Давида для назиматъ извѣство въстникъ гаваназій во ощи Австрийской Руси: для того послужитъ сія поволаданиа Псалтири во учебна книга для школъ русенкхъ, и въ утврестъ вѣст. Соотчественниство, что она выначатана восьмъ лучшии и больше читаниа буванни, нъ проини се поданіа, въ тому не въ овионь, для всакого утврестленіа удобнѣишею овириетъ г. о. въ 1844.

— Неутоншии сороботникъ на волъ русской словесности, извѣстий народолоубецъ языкъ г. А. Духовничъ издалъ издавше въ Будинѣ „Сокращенному русскому Грамматичу“, котору получить пощениши и въ книжной лавкѣ Ставроградскаго Института во Даводъ въ днѣ 16 пр. ер.

— На Франскоиъ посучашии будотъ издавше въ воронѣ куръ шведского года 1854

всего 158 предметоъ, изъ которыхъ 12 въ чешскомъ языкѣ. На философскомъ выдѣтъ будотъ издавше по чешски проо. Вонель „о Евсташи.“ проо. Толень „Исторію вострѣйской Дерлави, и „Способъ въ уразумѣніи нравствъ середовѣчиихъ.“ проо. Др. Каубоу „Грамматичу старочешского и польского языка; Гавна „Сравнительную грамматичу словесныхъ дартѣи“ и „грамматичу и литературу русскіску. По извонки же издавше будотъ проо. Др. Шлайхеръ „Грамматичу старословенского языка в проо. Кайбоу „грамматичу чешского и польского языка для Нѣнцонъ.“

— Чешскій географъ г. Занъ издиреть издавше археологично-топографическую археологич, оше издавшею пособствавати будотъ вѣстивеинни средствани такоу Чешская Мѣтла. —

— Г. Тохицекъ перевелъ извонкое сочиненіе безгертного Коллра „О значности Словенъ“ на чешскій языкъ.

— Такъ въ науковомъ, нъ и въ художественномъ отношеніи идутъ солоненниа наши Чехи споримъ проинъ на передъ. Къ тому пособствавати нъ вытревала прѣдѣнность, болшеишнство средствъ, а надо все знаменна любовь къ своему народу. У нъ сумествуотъ отъ извонкои языкъ общество для воднесенія прасной извонки, которо составилиши съ начала языкъ съ колъконднати членоъ, числитъ нъ въ сентъ году 1847, и извонки 5478 акцій. Капиталъ того общества ростветъ съ конднати годоъ значательно. На выстѣтъ обривотъ с. г. продаю 116 художественныхъ дѣлъ за 25,398 р. ер.

— Ф. Моравскій издалъ въ Познанѣ польскій, весьма удалый, переводъ пяти Биброномыхъ книгъ имено: „Маврота, Мазену, Слѣбѣтиса Коринь, Паризину и Узана.“ Въ Мавротѣ сдѣлалъ переводчици некотори книжонки, сдѣлани вѣдѣнне историческои прѣдѣ.

— Извѣстий словенскій писателъ г. Гурбавъ издалъ издавше своей алианцѣ „Нитра.“ которий содержитъ много заманательныхъ статей.

— Въ Ринѣ издѣлше издавше для, на церковной литературѣ душо извонко Есть те: „Fidrum nova Bibliotheca ad Pium IX Pontificem Maximam,“ собранна и издавше въ книгахъ кардиналоу Адриану Май. Первая книга содержитъ нежду провѣданиа ромачанкхъ Отношъ се. Церковъ такоу до 200 новостныхъ доводъ провѣдѣи са. Августина и ого „Дорвало,“ важное для томошо-

ніа св. Писма, второе книга 27 „Поученіи“ св. Кирила и книга Отцев. Третья книга сочиняетъ „Зачинчавіа“ Кирила въ Псалмъ и въ некоторыя посланія св. Павла, отринки потерянныхъ писемъ того самого Кирила, аюи книга Отцевъ восточнои Церкви. Четвертую книгу составляютъ 40 отрывковъ Евзобіа съ Кесарем, Григоріа съ Нисем, Христофора, Диави и исторія Монаховъ. Пятая книга предлагаетъ 3 новыя апокалипсиса пророка Исаиоріана, потомъ Слово и Поученія Федора Студита, по гречески и по латини; наконецъ въ шестой книгѣ находится любовитная зтопись церковныхъ событій во время Аполасія, его сирійскаго письма, 40 поминувъ сочиненій о греческой лагературѣ сорокового вѣка, и два поминатія Леона Алатія. Большая часть того собранія черпана изъ преобильныхъ перга Ватиканскаго виохраняюща.

ЗАМѢЧАНІЯ ГОСПОДАРСКІЯ.

— Свѣчки дорочаемъ. Оспробаныи и въ печи высушеныи пруты вербовыи заючи въ розстолепювъ воскъ, обаяи тоюкоу баньшоу, и повторительно въ воскъ уючи а колучишъ дошуюю въ а волки добрую савцу.

— Средства изгнанія робачтва изъ свихлорова. Сладъ хмелю въ свихлоръ будеть для изгнанія или недоушениа робачтва наилучшійи средствомъ.

— Ранняя выюста голоушета. Подобаетъ (по илѣ у насъ дѣтса растланъ изъ розсадыа вырмать, и снова на градѣ пересаживать, отъ чего илѣ по илѣ ворнатьса, уишмать и усмѣнать часто) розсаду тѣмъ вкладивати где растланъ быти илѣтъ. Въ той илѣ зерна розсадыи кауустланной садитса въ уирикованюу отдаленія отъ себе въ кокрую, или прошею водою салашоую градую небольшою $\frac{1}{2}$ илѣи глубиною, отъ чего илѣиъ скоро соидеть. Изъ соидѣннхъ растланъ одна наилучшійиа оставлетса а коло ней стоишиа обрѣзуютса. Растланъ тѣ возрастаетъ ошерше и отличаетса сильнѣишии и врсшннн голоушета илѣи по-расашии.

— Зюпанки пресаюшнн Сирнн зюпанн бѣтъ лунанъ и бѣтъ водою до горшка вкладыватса и бланшою покрншою прикрнши и съ дорочаюшомнхъ горшочкоу въ горячую печь всталаишса. Въ горячей печи зюпанки иеюишою годннмъ стоити пѣнать. Тѣмъ пресаюшншии прибрашуть аюшо, что отъ илѣи оторачтос годъ.

— Хруши вылущеное спароване зюзѣтъ. Наберай хрущѣтъ въ великіи горшки, залови соловою тѣмъ, чтобы пересерушнши горшѣтъ хрущѣи повоуметали. Тогда поючи горшки, а пересереннн хрушанн заловишии а соловою затѣиши горшки постави на воронншхъ, на верхюшхъ илѣ заловишии горшка выжогнши огню а хрушии ступитъ вѣчса. Изъ увеченнхъ тѣмъ способѣмъ хрущѣтъ свадеть вылущи чрезъ солоу до воронншхъ у саюду стоишнхъ горшѣкоу иеюишою толстоиу мѣбе олоу, который обыкшоушнне спароване въ дѣбрѣтъ пресоходитъ. Оснн квартъ хрущѣтъ выладуть 3 квартъ спароване до возѣтъ.

— Наилучшій способъ расолованнхъ масла. Съ одишхъ оуточѣи масла сѣнншъ лѣтъ сола кухонной, $\frac{1}{4}$ лѣтъ салтѣра и $\frac{1}{2}$ лѣтъ цукру: все тоо заловити добре и утолчи въ пресаюшншоу масло въ сосудъ дрѣвяннхъ. Масло сіе по преише илѣ по 4 одишнхъ уюгробаетса. Сѣнншѣи а прнѣтншъ аюшъ такоуого масла уадрншматса чрезъ иѣсколько годѣтъ. Я. Гр.

ВСЯЧННА.

— Дня 8 с. н. въ сѣмъ лѣтъ Богородици Аюи Марн св. заступнщи (патронн) Угорского края вышано вынѣтъ то особнншнхъ свѣтнхъ на пошъ илѣи Орманѣи королевсннхъ знатнхъ, аюи то, корону, аюшо, мечъ и снннѣтъ св. Стефанѣи а отвѣсно илѣ до Зѣлннѣи. Дня 10 предлошнн бѣли тнѣ драгоцѣнншѣи асѣлароую обѣрѣтнн. Изъ всѣхъ стороу обѣрѣтнхъ салсннхъ варѣтъ въ горѣду Зюлану и ариблншлса въ соишншнхъ пѣннлѣтъ тѣмъ съ благоуоушннѣи а полѣтннн. То обстоятѣлство, что она выдѣлса бнлн въ сѣмъ варѣчншхъ лѣтъ заступнщи Угорского края проишлое вышншншъ востѣръ въ варѣдѣ и надалѣ событнн тѣмъ илѣи вышою оснншннѣи. Вечерѣтъ освѣтленѣи всѣхъ горѣтъ, по всѣмъ улншнхъ розлавалѣи радѣстннхъ воскннн по благоуѣннствнн нашего Цѣсара, вышннхъ королего нннн, торжѣствѣннхъ отлѣснхъ всѣмъ зюшоушъ и грѣшнннхъ выстрѣмъ руннцѣи а шумѣи. Все тоо причнннлосъ въ осолоушнн днѣи, который вынѣтъ во илѣи Лорѣгоу оставѣтъ въ исторіи угорского народа. Въ тѣмъ вечерѣ сократѣ королевсннхъ знатнхъ снова въ шѣлзую ракоу, которыи въ иѣсколько днѣи отшѣвои будуть до Вѣднн, где по 19 с. н. прншоушлосъ для илѣи воишоуе торжѣствѣннѣи приишнѣи.

— Отъ иѣсколько лѣтъ дѣлаю въ Англнн прѣдлошннѣи, дабы поюдѣ городъ Лондонъ прѣвѣснн

попытку войны, которая повстанку, будет не далеко будучи. Уже составилось особое общество, которое направит дело оно к сейм еще году распустит. На той воздвигнутой войне заведется будет так званая атмосферическая система, по которой напор воздуха из воронки, погонит по лесам из земли укрытия румы, ахати будет савт собой споровозы И так станут защита жителей великанского того города савоз воздвигнутой таму. дядя надь соншии головани все брени лондинских дядий Что еще не смдунають остроумнии Англичани!

— Сь Виртенбергия столосилось 200 родити, палещаних кь сословию богатыхь сельити, неваз велити изь лускиних окрестностяхь Угорниин. Австрийное правительство отозвало их, что переселени ихь никто не будеть пренатствовати, если только выкажутса свидетельствами благоверного жити. Таломъ сь Бавария и вышкхъ ильпоидихъ прескъ пришли подобнии велани.

— Въ Кузнецоргия найдено кедровое дерево, которое числитя покое изь наибольшихъ изь свитъ. При земли шитеть оно 91 стовъ изь обьемъ, на 14 стовъ выше надь землею 81, вышина его выштитъ 265 стовъ в часмь оброчни слом, покое вышъ того дерева овердлети на 2,500 до 3,000 алтъ.

— Сь Америка возвышати о новозь откритихъ земляхъ шилъ изь старинныхъ лѣсахъ Канады, о существованьи которыхъ никому нике свидѣло.

— Достоинниа турецкого войска. Чинъ достоинниа въ турецкомъ войску раздѣляется на три разряда. Къ первому ряду принадлежатъ генералы, котормъ провозитъ себя ина баша. Подполковниа в подполковниа зоветса бей. Достоинниа низшиа сть полковника именуется сеодан; всь но прочиа ага. Турецкиа достоинниа вообще не возмунтса такыиъ почитатиелъ изъ въ вышкхъ оар. войскахъ войскахъ. Тонъ не рѣдко случаетса, что полковникъ вышлетъ по лѣку передъ раданъ войска майора, майору сотаниа и пр. Уважаетса приказомъ, дабы никого не возмиситати надъ майора, если возмаетъ хотя не шного читати, писати и числети. Намъ возмаетъ те почти невостротниа, дабы майоромъ не сть статиа неграмотниа человекъ; на такъ оаръ не истину, бо въ Царгородѣ сть много такыихъ майоромъ и даже одель бригадойи генералъ, котормъ не знаеть порочитати на одной бумки!

— Въ Америкѣ сть великииъ недостатокъ немциа. Отъ двохъ столѣтій уважатиа такъ число немциа, котормъ значительнио пренмшатиа число немъ. И чѣтъ далшио на западъ Америки, такъ рѣдше встрѣчатиа немциа. На противъ въ Европѣ немциа давле пошше изъ немциа; попомо перани переселитса оттуди въ разныма сѣлта стороны зайчатиа не въ Америку не возвращатиа кь изъчъ уше никога, и послѣднѣи, на такъ скоры изь переселению, оставиу въ отечествѣ, и гдѣ число ихъ не уменьшатиа. Мнѣю того недостатку немциа въ Америкѣ удавительно сть, что такъ не существуиу въ нѣкоторыхъ стѣронахъ рѣднѣиша сѣлта Морковонъ, у которой заведено многожество.

— Въ Дюлланъ показуиу теперь пров. Алдерсонъ двое карликовъ, котормъ обрамнати на себо великое внимание тамошнихъ жителей. Карлики ти принадлежатъ къ особой расѣ Антонъ званой и происхотитъ изъ середной Америки. Одинъ изъ ихъ хлѣбчикъ, весомна 3 стовъ вышотнѣи, друга двѣичка только 2 стовъ и шестъ палѣй. Кости у ихъ и состави суть наимѣ ничьей товности; голова чрезвычайно маленка, покрыта игольничъи, черниа и шенного кудрннхъ волосеньа, очи черниа, блестящиа, чело низкое, носъ думе изъ гору залертиа, брови гѣла оливная. Замѣчательно и то, что нико такъ маленкого гѣла, они довольно разумниа.

— На торгу дня 19 с. н. въ Дѣловѣ продано по рѣчь ишениа на 10 р. 12 пр.; шита 12 р. 55 пр.; шениа 11 р. 24 пр.; оса 6 р. 22 пр.; гречи 13 р. 25. пр.; земановъ 6 р. 87 пр.; шипаръ слом 2 р. 10 пр.; оловотаръ 1 р. 56 пр. 6д. в.

Извѣстия торговельниа.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденской дня 20 Сент
 Ано и червонца 10%
 серебра 9%

Перевѣсно

съ ч. Редакциею „Вѣстника“ Имъ изреченна Вашъ „Отбѣтъ“ пошлениа въ 61. ч. Вашей прошенниа — и не сорушатиа ширъ.

Ред. В. Г.

(Слѣдуетъ Число 29. „Почтовый Царь-вѣстникъ.“)

Изданное въ типошѣ Нестатора Ставропольскаго.

Отвѣтственный Редакторъ Ефимъ А. Лодикинъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Сераду два листа, по пятъ головокъ въ Листовъ 4. пр. 40. пр. и н. — съ
почтовымъ пересыломъ 6. пр. и н. — Желающимъ четвертью получать платитъ въ Листовъ 1. пр. 10. пр. и
н. на почтахъ же 1. пр. 30. пр. и н.

СЛОВЕНСКОЕ ПЛЕМЯ.

(изъ чешской Чтанины.)

Поздно лина расцвѣтаетъ,
Но полезный лѣтъ восощъ,
Человѣкъ съ него собираетъ
Лѣна, чешка сладкій медъ.
Тякъ Словенъ врепрасѣ плени
Поздно выдвѣваетъ лѣтъ;
Но съ него — въ будуще время —
Много спористаетъ съуть!

БОЛЬШИНСТВО ГОЛОСОВЪ.

I.

(по Ринету.)

Давно болшинство голосовъ съ споры разрешаетъ,
Но спорны вѣщности рѣшитъ подобаетъ;
Во вѣкъ чѣмъ бы съуть судыль изъ глушину,
А вѣщны сѣтъ вѣстѣ на сѣтъ вѣщину.

II.

(по В. Весте.)

Хочете болшинство о идеяхъ рѣшитъ? — но знатно!
Болшинство голосовъ обѣтъ Слѣстѣль на вѣстѣ!

ДВА ДИСТИХА

по Колеу.

I.

Дѣтъ сѣтъ вѣтъ вѣтъ спорныи сторонамъ; на усурисна:
Или бо о дѣтѣ вѣтъ дѣтѣ, или только о лѣтъ.

II.

Но говорятъ: «чѣтъ вѣщности чѣтъ вѣтъ вѣщности вѣщности?»
Дѣтъ вѣщности: «чѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ?»

Вѣтъ А. Д.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ СТАРОСЛО- ВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Наслѣдие Старословенскій. — Издатель в Младой. — Гм-
галитина. —)

Нѣтъ сомнѣнїя, что Словене еще шре-
дѣ Кирилломъ знали читать и писать. Под-
древнѣйшее свидѣтельство о князьногахъ
словенскихъ принадлежитъ Чехамъ и на-
ходится въ отрывкѣ изъ воени: „Судъ Ам-
буши.“ которой содержанїе относится къ на-
чалу VIII. вѣка, и рукопись къ концу IXго.
Тутъ говорится о доскахъ праводатныхъ,
на которыхъ начертаны были законы. Дѣ-
ларъ Мерзебургскій, писавшїй въ XI вѣкѣ,
свидѣтельствуетъ, что на купирахъ Словенъ
изчисленихъ были выражены числа боговъ.
Болгарскїй чорноризецъ Храбръ, котораго
Шваерникъ относитъ къ XI вѣку, говоритъ,
что Словене, будучи еще поганяны, не в-
нели книгъ т. е. писанїемъ, но читали и го-
дали чертани и рѣзани (разьбаки); со-
тогъ же короликъ изъ писанїемъ греческимъ
и риксанимъ. Въ 1836 г. найдены были въ
карнатскихъ горахъ неизвѣстными надпис-
ученикъ полагаютъ, что сѣтъ те писанїемъ
старо — словенскїй, для того, что Карницъ,

ше иныю некоторых, были исконою ко-
либелью словенского племени. Арабскій и-
сторикъ Ахвель, сынъ Фодлана, въ 923
году свидѣтельствуеть, что русскіи Словене
на погальныхъ холмахъ ставили столбы и
надписывали на нихъ ина покойника вразъ
съ именомъ русского Кнзя. Писатель X
века, Абуль-ибнъ-Исхакъ ель-Нединъ,
передаетъ розсказъ своего знаконца, чело-
вѣка во слованъ его вполне достоварного,
который сказывалъ ему, что посланъ былъ
въ русскому народу одинъ изъ Кавказскихъ
владѣтелей: что у русскіихъ Словенъ суть
свои письмена, вырѣзываемыя на деревъ;
при томъ онъ выдобылъ и показалъ Неди-
ну кусокъ блогого дерева, на которомъ бы-
ла вырѣзана фигура, въображавшія неиз-
вѣстно цѣли ли слова, или отдалыни буквъ.
Абуль ель-Нединъ привелъ въ своей
летописи образецъ тахъ буквъ, употреба-
емыхъ русскими Словенами, которыя не им-
ють ніякого подобія съ буквами Кирилла.
Еще больше домыслились можно того о
иныхъ Словеняхъ, которыя стояли въ без-
примѣрныхъ сношеніяхъ съ православными
Греками и Римлянами. Наибольше однокоръ
вѣлы для словенскихъ народовъ принесли
пріобрѣніе буквъ словенскихъ Апостоловъ,
святыхъ Кириллъ, который съ номощію
греческого азавита составилъ намъ словен-
скую азбуку.

Кириллъ, по прещенію названый Кон-
стантиновъ, и братъ его Меодій, при-
числяются къ верамъ добродетельнъ чело-
веческого рода, понеже они принесли сло-
венскимъ народамъ уже въ IX столѣтіи сію
вещную азбуку, что тако народи не-
гли читати Письма святое въ константи-
нѣ для нихъ отечественномъ языкѣ, нехъ тамъ
когда сія священная книга для прочихъ се-
редовскихъ Христіанъ еще носилъ долгиа
столѣтія была неразумительна и неслыши-

тельно въ рукахъ духовенства. Они роди-
лись въ началѣ IX века, въ городѣ Со-
лузѣ (Фессалоника), изъ достойныхъ родите-
лей словенского происхожденія. Первое вос-
питаніе получили они въ Солузѣ, въ кото-
ромъ, яко знаменитомъ торговельномъ го-
родѣ, могли уже въ юности пріобрѣсти зна-
ніе различныхъ языковъ; иныи о Кири-
ллѣ догадаться можно, что онъ зналъ языкъ
армянскій, чего вѣроятныхъ доказательство
есть сведеніе некоторыхъ армянскихъ буквъ
въ словенскую азбуку. Досланнымъ молод-
цемъ носили родители Константина въ Ца-
реградъ, где вскоре вступилъ въ санъ ду-
ховный. — Розсказуеть, что тогда прій-
шли до Царегорода носли отъ Хазаръ
напререніи, чтобы у Царя Михаила упро-
сити якого учителя Христіанства. По поруче-
нію Игнатія посланъ къ той цари Хазарамъ
красноречивого и побожнаго Константина,
который на своей пути пребывая несколько
временъ въ городѣ Херсонѣ надъ Днепромъ
научился хазарскаго языка и открылъ но-
щи св. Климента. Край Хазаръ распро-
странялся отъ Волги и Каспійскаго моря
ажъ до Молдавіи и Волощини. Нѣсколько
словенскихъ племей платили имъ дань; од-
накомъ во время посольства Кириллова, на-
чала власть ихъ уналати. Подданныи народи
стались ихъ врагами, потонъ ихъ завоева-
тели, ажъ наконецъ около конца X и на-
чала XI века держава ихъ разрушена со-
вершено. Константинъ окрестилъ ихъ Ха-
на, вольночей и якую часть народа. От-
туду пошелъ онъ проповѣдати Христову Вѣ-
ру Болгарамъ. Возвратившись въ Цареградъ,
составилъ словенскую азбуку, а когда нехъ
861 и 863 годовъ прибили туда носли
отъ моравского Царя Ростислава съ про-
шеніемъ о словенскихъ проповѣдникахъ Хри-
стовой Вѣры для подданныхъ соу Царю сло-
венскихъ народовъ, пошелъ Кириллъ съ бра-

тою своєю Меодієм до Моравіи, где оба проповѣдали св. Вѣру въ словенскій языкъ. После трехъ или четырехъ лѣтахъ воззвалъ Пана Адрианъ обоихъ братіи до Рима, и тутъ сложили они ноша св. Климентя. Пана посвятилъ ихъ въ епископы, а моравскихъ учениковъ, послѣдовавшихъ имъ до Рима, въ священники и діаконы. Константинъ принялъ посвященію, но не принялъ предлагаемой ему діоцези. Съ созволеніемъ Пана нарече оны Кириллы и умеръ въ 40 лѣтъ потомъ, 13 Февраря 868 года. Меодій возвратился того же года до Моравіи. Пана Іоаннъ VIII называетъ его въ своихъ допискахъ епископомъ Моравіи и Паноніи. Въ Моравіи велась тогда кровопролитныя борьба; словенскіи ой жители обращени были еще въ г. 798 нѣмецкими священниками въ Христіанъ, и употребляли въ церковныхъ обрядахъ латинскій языкъ. Меодій заводилъ въ такъ странахъ повсюду языкъ словенскій и святочную литургію по греческо-словенскому обряду. Для сего предпріятія намель оны въ Панъ Римскыи своего покровителя, который въ посланіи своемъ къ моравскому князю Салтопольку настаивалъ на томъ, дабы во всѣхъ моравскихъ церквахъ читали св. Евангеліе, для удержанія большого достоинства, сперва въ латинскыи, а потомъ для поученія простого народа, въ словенскыи языкъ.

Вопросъ: которую часть св. Письма перевелъ Кириллъ, которую братъ его Меодій, и якіи прабавленія дали безпосредственно ихъ наследники? не дастся рѣшительно разсказать. Слова пріобретенія словенской азбуки принадлежить исключительно Кириллу; но въ переводѣ св. Письма имель соучастіе и Меодій. По сказанію Іоанна Ексарха перевелъ Кириллъ только часть Евангелія и книги Апостоловъ, которая помянется въ такъ зовимыхъ Остромировыхъ

Евангеліи съ г. 1056, списанного, можетъ изъ третьей руки но первоизвору словенскихъ Апостоловъ, въ дошедшему уотребленію для Новгородского посланика, Остромира, близкого сродника великого Князя Изяслава. Но Діоклейскій епископъ, писавшій около 1161 г., приписываетъ Кириллу не только переводъ Евангелія, но и Псалтырь, а въ позднѣйшихъ временахъ также переводъ всего старого и нового Завета и греческой литургіи св. Василия и Христофора. Переводъ старого Завета не пріобрѣтается въ нѣкотои старинныхъ спискахъ, того ради найвѣроятнѣе есть, что Кириллъ перевелъ сперва только все Евангеліе, которую рукопись съ 1144 года хранится донимъ въ церковномъ книгохранилищѣ въ Москвѣ. Котору часть перевелъ Меодій, во все неизвѣстно. Іоаннъ, Ексархъ Болгаріи, жившій также въ IX столѣтіи, перевелъ на словенскій языкъ Іоанна Дамаскина. Въ теченіи X и XI вѣка созидали русскіи и сербскіи князья много учениковъ Грековъ, которыи знали языкъ словенскій, продолжали дѣло перевода дальше. Но свидѣтельству Нестора существовалъ уже въ XII столѣтіи переводъ Соломоновыхъ Притчей. Книга мудрости, проповѣди Саломона, Пророковъ и Іова переведено на сербско-словенскій языкъ въ XIII и XIV столѣтіи, а пять книгъ Моисея на русско-словенскій около 1400 года. То несомнѣно, что передъ концемъ XV столѣтія существовалъ уже словенскій переводъ всего св. Писанія. Московская рукопись съ 1499 года, сохранныя доселѣ, есть вѣрнѣе первыхъ полныхъ списковъ словенского Евангелія.

За Кирилло и Меодіи а въ первыхъ временахъ послѣ ихъ смерти употреблялись были старословенскій языкъ при церковныхъ обрядахъ почти во всѣхъ словенскихъ народахъ. У Чеховъ имель оны на старинное

ихъ порачіе значительное вліаніе. Съ Польши, Моравіи, Паноніи и Илиріи исключено его въ слѣдствіе розширившагося такъ римскаго вѣроисповѣданія, такъ что наконецъ обнѣзилось словенское богослуженіе на Русь и Сербію, а въ нѣкой части на Илирію и сосѣдніи ей словенскіи края. У такъ послѣднихъ однакожъ употреблено въ письмѣ не кириллскіи, только глаголитскіи буквы, о которыхъ происхожденіи не можно доселѣ ничего рѣшительно сказать. По нѣкую изъ которыхъ изслѣдователей словенскія старинныя записки Словене, еще передъ временемъ Кирилла, азбуку ту у Гоговъ или Готовъ, но нѣкую другихъ у Фриговъ и Фраковъ, а нѣкіи производили ю отъ святаго Іеронима, который въ XII столѣтіи буквы тѣ составилъ для дальнѣйшихъ Словенъ. Контитаръ, нашедши старинную глаголитскую рукопись, перенесъ ю въ половину XI столѣтія; но сами новѣйшіи изслѣдователи Шафарика доказываютъ, что глаголитская азбука была составлена еще около X столѣтія послѣ Рожд. Хр., вѣроятно по образцу кириллской, и употреблена сперва въ Словеніи въ Македоніи и Болгаріи, потомъ же съ половины XII столѣтія также въ Хорватіи, Истріи и Далмаціи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повесть.

III.

„Гадюка! гей, Гадюка! Гадюка!“

— „Чего, Пино Полковнику?“ —

„Чего? Чому не отидицаешся? уши задовья, что ли?“

— „Нив не заложатся они отъ твоего крику? Что такъ нужно?“ —

„А что дѣлается на дворѣ?“

— „То, что и дѣлалось?“ —

„Хорошо. Дожда нѣтъ?“

— „Откуда ему взяться?“ —

„Но говори такъ: люди скажутъ, дурень Гадюка! дождю есть откуда взяться, съ неба вознется, коли захочеть.“

— „Ахъ коли Богъ дастъ; а дождь самъ не схочеть.“ —

„Правда, коли Богъ дастъ; ты правду сказалъ.“

— „Когда бы я сказалъ по твоюму, люди сказали бы: дурень Гадюка!...“

„Можетъ и такъ. А долго а спать?...“

— „Майже нѣтъ дна; легъ зарать нослъ обада, а теперь уже зечерь подалеко.“

„Ого! вора подвечеряти! Вари подвечерю.“

— „Вари подвечерю! Просналъ подвечерю, да и хочеть подвечеряти; теперь скоро вечеряти вора!“ ворчалъ Гадюка, амходя изъ панской спальни.

„Жаль!“ говорилъ самъ себя Полковникъ: „разъ вечеряти прійдется позднѣйше? провалъ день; всею винютъ сотники.“

Полковникъ Иванъ дуже любилъ козацкіи здоровіи борщъ съ рыбою. Тотъ борщъ началъ приготавливать Гадюка на подвечерю, тутъ же, въ спальнѣ Полковника.

Онъ взялъ живого карна, и безъ поночи ножа, собственными ногтями очистилъ его и спялъ луску, къ неониссанною удовольствію Полковника, который глядя на ту операцію, несколько разъ повторилъ: „славное, Гадюка! ахъ волкъ управляется! добрии ногти! такъ его бери по смѣчу...“

Очистивши карна, Гадюка положилъ его въ малую донцу, амлялъ туда бутылку крапкого охту, додалъ горсть перку, соли, несколько луковиць и нагрѣлъ донцу тѣсно пришкою, потомъ роспалъ огонь, и поставилъ на нѣ долицу. Пока его снадобѣ шипѣло, кивало и варилось передъ очима Полковника, Гадюка стоялъ молча у дверей.

„Чудесный будет борщ!“ сказал Полковник, обоняя по прошенку нару. и подставу толкою струею из — под крышки.

— „Лучшего сварити не съузнаю.“ —

„И не нужно!.. довольно ли такъ соли?“

— „А тебя, Пале, хочется соленого после долгого просонья?“ —

„Что за просонья! Такъ власть прогнать стаянонь друтинь, третьянь; проклятый сотникъ, не ногу всюннути!... Дай мена стаянь горалка. Вдуналь у мене отпнати добро!...“

— „Господи твоа вода! что за пренева стали! Пржеде сотники отдавали добра Полковника, такъ в должно быти по чачаьству...“

„Не тебя говорити, не мене слухати..

Примель сотань в кланьется, приньсь турецкий истрелеть; — ну, то хорошо, чему для мене не принести хороши истрелеть? Я взял истрелеть и говорю съ сотаньконь, изъ съ человеконъ: Спаси — Богъ! что понимае службу; им тебе не забудеть и вознаградишь; достае и другий, коли случится, для парь тону. А онъ еще изше кланьется, и заговорил со мною язь съ иждонъ. — „Ваше,“ говорит, „земля вошла въ мою клинонь, такъ я пришел просити: продайте мена тотъ клинь. Служишь Гедюне?“

— „Служу, Пале!..“

„Я вижу, что сотникъ кругонъ дурень, взял его за воротникъ, вывел на крепостный язь и спрашиваю: „А где солнце всходитъ?“ — „Танъ“, отвчалъ сотникъ. — „А заходить?“ — „Вонъ танъ“, сказалъ онъ. — „Такъ знай же, Пале Сотанину, что и всходить и заходить солнце на земля Полковника, то есть, на моей земля, понимаешь? а ты, поганый человекъ, посягаешь на мою славу, хочешь оттагати у мене земля? Хлопцы, вагаекъ!...“ Пришли хлопцы съ нагайками; сотникъ видитъ, что не жаргы, —

повалился до ногъ; „я,“ говоритъ, „и свое земля отдать, понадуго...“ Мена стало жалко дурня; и клануль на него и почалъ доней, и на силу занить власть. Такъ дурень!...“

— „Дурень, Пале! правду люди говорятъ; дураконъ не сидеть, не съить, се-ни релеть.“ —

„Сани!... А что борщъ?“

— „Готовъ.“ —

„Фу! яка штука! въ ротъ огнень влитъ.“ говоритъ Полковникъ, пробух ложкою изъ дощичи борщъ: „козачка шма! въ горлъ будто свиратусонъ гризеть; здоровый борщъ!... а думаю, конь не състь того борщъ?“

— „Я думаю, лонветъ.“ —

„Така лонветъ! Одиць человекъ здороветь отъ него, для того онъ человекъ, асену начальникъ.“

— „И человекъ не всакъ! Добруну козачку лицарю оно здорово, и хидъ уареть.“

„Не возмать его нечистая сила! разъ не здороветь.“

— Нить, не выдержитъ, провадетъ иждь, хотьби на прикаръ в Герцакъ. —

Докажу, что не провадетъ. Чезова седи Герцака, Посмотритъ, провадетъ или нить.“

„Послушай,“ говоритъ Полковникъ Именъ входимену Герцаку. — „ни споритъ о важное дело: в знь свой любилый борщ в говорю, что дужо здоровъ, а Гадика уварить, будто для мене только здоровъ, а ты, на прикаръ, провадешь, коли его покушаешь. Бери ложку, зшь, Посмотришь, кто правъ.“

Герцикъ проглотить несколько язем борщу, и лице его судорожно искривилось, слезы градонъ пробьжали по лицу.

„Что же ты не зшь?“ спросилъ Полковникъ.

— „Бьсья е закладъ, съ третей лож-
ни онъ отдаетъ Богу душу,“ хладнопрочно
замечалъ Гадюка.

— „Я по ногу; те не человѣчье зло,“
сказалъ Герцикъ.

„Что въ а, собака, что ли?...“

— „Отъ того а собака лужить.“ —

„Такъ а лужитъ отъ собаки?“

— „Боже мене сохрани думать подоб-
ное! Те зло рыцарское, козацкое, силь-
ное, — а в слабый человекъ... а просто
дрань.“

„Но твою дело рассудити; зшь. коли
велеть!“ говорилъ Полковникъ, схвативши
левой рукой за шею Герцика, а правой
поднеса ему къ рту ложку здорового
борщу.

— „Но ногу, вельможный Пана! у-
иру!“ —

„То а в хочу знати — уирушь ты. или
нать; амь!“

— „Послушайте. Пана! у мене есть
великая тайна, а ось теперь иметь сказа-
ти а ванъ; позвольте говорити, а вины до-
бра желая, все думаю, что бы такое по-
лезное сделать; ам мой спаситель... ам...“

„Зшь, а несть розскажешь.“

— „Уиру а отъ того борщу, а ви ни-
чего не узнаете, а тутъ а ваша честь, а
все, а все...“

„Ну, говори, враній смку, только
скоро...“

Герцикъ вполголоса началъ что-то
шептать Полковнику, который бдливо слу-
шалъ его и закричалъ: „если ты врешь —
смертій отлачу тебе!...“

— „Моя голова въ вашихъ рукахъ;
къ чему мнѣ лгати!“ —

„Поддонъ скерто, Гадюка,“ сказалъ
Полковникъ. „а везиши съ собою враную
воръ-Веди, Герцикъ!...“

IV.

Та умъ ты слава
По всемъ свѣтъ стала,
Шо гдѣшня козаченька
Сердюковъ назвала.

Украинская пѣсня.

Легко заходило солнце, освѣщая за-
падный край неба; въ голубой верхине
являлись две три облака, переливаясь зо-
лотомъ и пурпуромъ; тани продолжались,
вытагались по землѣ; каждый вловучій ли-
стокъ на Удаю, стобель подной травки или
тростника, каждая волна и бризга горали,
проевѣчивали, тави въ золотъ. Въ Пира-
тиской красти благоустали къ вечерю;
чистый серебрястый звукъ колокола далеко
звонилъ, разливался въ теньомъ, сухомъ воз-
духъ в, перехода постепенно въ отголосокъ,
почти неуловимый для слуха, замиралъ, но-
ка другая волна звука не снмала его.

Въ то время, молодой человекъ, въ
синей черкескѣ, быстро проплылъ по Удаю
на легкой лодочкѣ къ островку, лежа-
шему между краестью и полковничьиъ
ловонъ.

Кругомъ острова зеленомъ станомъ сто-
ялъ великій тростникъ; дальше на покронъ
берегу росли курчавыи кусты лозы; още
дальше, на сушь, десятка два розвѣсистыхъ
вловучихъ вербъ; межъ ними калниовыи ку-
сты, черевити, черовутавиини хилонъ в
вересковъ. Дале, глушь, — только дрозды
выводять тѣмъ дѣтей на високихъ вербахъ
а въ лозѣ подзавтъ звыи; но между ку-
стави есть тѣмъ узонкая стожечка; одна
принятно вьется она у корней деревъ, хотъ
часто долгии плетви хилѣи, подая золони-
ни струани съ деревъ, кажется, совсемъ
заслоняютъ стожку, но они подорвани въ
низу, легко раздвигаются и дають проходъ;
густайше ерелѣси они въ сторонѣ отъ сте-
жочки: тѣмъ они смутались тавиоу вранномъ

отаном, что ни пройти, ни проехать.

Козакъ, подвзаякъ къ островку, оглянулся кругомъ, взмахнулъ веслами, и лодочка, шумя оокрылась въ тростинки; только дрожащии, стройными вершичка его, раздвигались въ стороны, показывая слать, где плыла лодка. Козакъ привязалъ лодку къ дозовому кусту, выскочилъ на берегъ и быстро пошалъ по степце; стошка окончилась у корена грубой вербы, которой вѣтви, перевитыи хилень, склонились до земли, образовали декола густую стаму, будто беседу.

„Ей кать еще,“ променталъ Козакъ, оббшедши вокругъ вербы, прислонилъ къ дереву ручницу, салъ на слонанныи ножъ и зачалъ:

Види дзачно, види рыбочно
За гай по коромъ.
Нехай же я подчалисъ
На тѣ чорамъ брови!

Козакъ окончилъ пѣсню и сталъ прислухиватиса. Наразъ онъ вздрогнулъ, быстро раздвинулъ вѣтви и радостно поспотралъ по степцу. Танъ никого не было; только якась желтогрудая птичка теребила зѣбокъ незрѣлии калиновыми ягоди и шелестала листьями. „Дурная птица!“ проворчалъ Козакъ, „и зубокъ не изветъ, а шумить, якъ балка;“ вздохнулъ и опять зачалъ другую пѣсню:

Ой ты дзачно горла ты вышша!
Чекъ ты до вове, съ вечера не вышша.

„Не правда, не правда!...“ проговорила злодоголоса колодая дзвочка, разво исдбача къ Козаку: „я и не гордая, и не вышша, и люблю тебе, мой милый Алексѣй“

— „Марина моя!“ говорилъ Алексѣй, обвиняя дзвочку: „я иссохъ не видя тебе, логно сказать три дни!...“

„А монъ, думаешь логче?... чего я не продумала въ тѣмъ три дни!... Отецъ

такий сордитый, все порчить!... какъ сътлужи не вырвуся, все спогнуть за вомо. И чего ему отъ мене хочотса?...“

— „А, хочеть ты сама не хотала вырватиса?.. Вотъ ты уже и плачешь, моя рыбочно!.. Перестань, не те — и не заплачу; не кристале пущина плакати, а заплачу, не выдержу, спогра на тебе!...“

„Я не плачу,“ говорила Марина, отирая слези: „а такъ сердце заболало, что ты нещъ не вярншь, сами слези потекли. Грахъ тебе, Алексѣй! Когда бы не хотала, зачекъ бы прійшла мнѣ?... Наша дзвочка чекъ, что ваша свѣтлая сабя; дожи — потуокнзеть, а я играю чекъстѣю... Въ очакъ потемнзеть, якъ подунаю, что я далам!... Увидигъ мене кто иабудь — провала и!... Вотъ, скажутъ, подковничья дочь, и те и другое, такое салотуть, что не только иаговорати, и аодунати страшно!“

— „Такъ ты боишся любить мене?“

„Я?... Алексѣй! ты ли те говоришь? чекъ страшнейше, такъ солодше чекъ!... Мой милый, ты не поварншь, якъ дроку я зси, когда одна — одиночка спочу къ лодочку и плыму къ островку!... Считалъ бы мене Тато, увидаль бы кто иабудь изъ его людей — провала и!... Ну, что же я дуню? проваду, такъ проваду, знаю за кого проваду... Проваду не за мелебе: ушло сердце нелюбити, сълузеть и витернати: умала слухати твои розговори, сълузю вислухати сбарю и проклѣтѣя; ступнуть бити мене, вснонию твои обѣтѣи и мене будетъ весело... Я козачка, Алексѣй! уиру, а буду любить тебе. Не жнѣи цѣтѣику безъ солнца, а ты мое солнце, ты моя казань, мой милый!“

— „Вѣрю, вѣрю, моя дзвочко,“ говорилъ Алексѣй, цѣлуя Марину. И долго позчѣли они приклонившись другъ къ другу.

«А хорошо, если бы я была ласточкою», сказала устывшая Марина: «весело было бы жить!... только чтобы и ты был ласточкою. — Я бы ни летала высоко, высоко... сажу бы оттуда на землю, на сад, на поля, на людей; сказала бы: смотрите люди, вот я, вот где; я люблю Алексея, и полетала бы отъ нихъ, — да сорядтся... Мы посланцы бы надъ Удавнъ, кушали бы въ воздухъ, обнимались бы крымлякини и калити день щелбали бы про любовь свою!... Не правда ли?»

— «Богъ знаетъ, что приходитъ тебе въ голову!... Когда слушаю тебе — будто чудесный сонъ вижу.»

«А знаешь, что наявь спалось?»

— «Что тебѣ спалось?»

«Спалось... странно рассказывать... ахъ, я пришла къ тебѣ крылатъ, — и не будешь страшнѣе. Видишь, въ тѣ дни я не видела тебе, душе тужила за тобою, а вчере дунала долго, долго...»

— «О конь?»

«Еще и сарашиваетъ!.. Дунала долго и заснула; не вонюю, ахъ и заснула, и кажется нехъ, что ни съ тобою рыби. Наявь было весело, душе весело; ни плавали въ аконъ — то великонъ озеръ; вода къ нехъ частая, свѣтлая, теплая; дно усмиано блямы весионъ, по носку лежать раковины всякихъ барвъ, будто извѣтъ въ поля, вода береговъ рогутъ травы, будто лѣсъ зеленеть вода водою, а рыби кругонъ много, много: плещутся, играютъ, багаютъ въ запуски... всахъ чудесъ не принонию... Вотъ ни гуляди, гуляли съ тобою, развались, пласивались и поилили отдохнуть къ берегу въ траву; приливаетъ къ траву, и она густо спрелась, поропуталась, ахъ ось той хвалъ; ни стали пробираться, чѣкъ дальше, все тепайше, тепайше... Жена стало страшнѣе: что те будеть тая? подунала я, и —

въ нигъ передъ мани огромная голова сонна, пастъ растворена, оскалены зубы; усм страшно подняты, — глазу — то мой Отецъ! Вотъ ось, тутъ! смотри... ось санъ... ахъ, мой Тато!...»

И Марина, затрепетавши, судорожно протянула дрожащии руни къ вѣтянъ ворбм.

Алексей посмотрѣлъ: — въ двохъ крокахъ грозно смотреть на нихъ изъ поза вѣтвой лицо Полковника...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НОЧЬ ЗИМОВАЯ.

(Два обрѣза.)

(Конецъ.)

II.

На противъ дворца графа Станислава стояла низенькая, въ половникъ запаивался хата, въ которой пребывало крайнее убожество, истощенное болѣзнями и бѣдою. Немилосердно продувалъ вѣтеръ сквозъ разбитыми окнами, а слабое догорающее свѣтло озаряло образъ умасной нужды. На обветшаломъ лонѣ, подстеленномъ соломою, лежала смертельно хворотою мучимая мати а при ней клочали два выбѣданы ангелы, одиннадцатилѣтняя Мариня и семилѣтняя Оленка. Въ уголку сидѣлъ четырнадцатилѣтній Семенко. Слабый огонь на перенечкѣ погасъ давно, послѣдній кусочекъ угола негдѣль въ печель; чѣкъ разъ минувшей вѣтеръ перелѣталъ екавъ овно и прошибалъ до крайности сѣднѣе отъ стужи тѣло хворой матери и маунышихъ дѣтей. Черазъ цѣлый тотъ день не было у нихъ въ хатѣ ни кусочка сухого хлѣба; подарно обѣдала Мариня съ Семенкомъ, дрема отъ холода, улицы города, ни одна милостивая рука не отворилась для нихъ. Пролѣбнѣи, голодными и опущенными спротаы, се слезами на щекахъ замерзшими вернули къ улицѣ

блещущей матери, усмехались къ ней съ злорадностью сердецъ, и не говорили ей ничего о гостящихъ ихъ голодѣ, дабы не умножить мученій и такъ смертельно заведумавшей матери.

Съ городской звѣни ударила одинадцать година. Какъ одно мгновение протекла иврующаго гостямъ годнимъ передъ полночью, когда немъ тѣмъ в нѣсколько отъ нихъ кроковъ въ убогой избочкѣ каждая минута ставалась страшенно долгою годиною.

Обѣ дѣвочки молились безъустанно у постели матери, Семенко все еще сидѣлъ въ углу, оцѣнчивый отъ стужи. Ами тутъ эвзались перекалки сторожевъ знаменующи, что отрама удалется уже изъ своихъ становищъ, ако конужна на опущенныхъ отъ людей площадяхъ. Лучъ надѣи засвѣтилъ въ очакъ бѣднаго Семенка.

„Можетъ быти,“ подумалъ онъ себя, „что теперъ удесть мнѣ войти въ дворецъ и упросити акого богато одѣтого локая о кусень хлѣба.“

Тайкомъ вышель Семенко изъ хаты, чтобы не пробудити патеръ и сестры. Надѣя не обманала его. Страма отступила и велѣнно приукрашенный предпкой былъ незапертый. Умисна бѣда перепогла всю болянь и несильность хлопчика. Онъ абѣмалъ до сѣней, перешель коридоръ и достался на одну галерею на первомъ ядру. Тутъ стоялъ якъсь преробогато убранный Панъ и передавалъ своему локую цѣлу горсть золота, вынренного въ фараона. Панъ казался съ виду довольно ласковъ и для того осмѣлался къ нему Семенко, палъ на колѣна и просилъ о кусень хлѣба.

Слостанный игрокъ кинулъ милости-вымъ окомъ на бѣдое и малое лице хлопича.

„Мой бѣдный робаку,“ оказалъ вельможный Панъ, „идъ у мене хлѣба, и

вотъ тебѣ гроши, купи себѣ за нихъ что хочешь.“

При томъ кинулъ онъ просящему хлопчику нѣсколько червоицъ, и побѣжалъ дальше искати счастья.

Слезъ радостного восклицанія потекли по лицу бѣднаго Семенка; сталь богатѣе не былъ онъ въ жити своемъ еще шваем. Вставши побѣжалъ онъ изъ дворца, чтобы тѣмъ скорше купить дровъ и хлѣба.

Уже далеко былъ отъ дворца и бѣгъ пустою улицю. Мысль, что искорнить и огрѣветъ наймалшную мать и бѣднымъ естрички, наводнила его помыль житиимъ. Онъ приближалъ къ малому краинку, гдѣ родина его самчайно куповала за нѣсколько дудковъ нужденное свое прокормленіе, — но на несчастье все было заверто. Надирно стучалъ онъ и добывался слабымъ рывъ къ дверямъ краинка. Было уже поздно, и никто не отворилъ дверей. Ударилъ вальомъ Семенко въ отчаяннѣ пробѣмалъ еще нѣсколько улицъ. Вся дома, въ которыхъ и дня продавано хлѣбъ, мясо и дрова и изъобилн, были пусты и затворены. Жители отпочивали въ снѣ глубокомъ. Все кланъ и все стуканье не помогли ничомъ. На что же придался золото и богатство въ томъ мгновени бѣднику?

Съ первомъ воранномъ годномъ сарпилас морозъ и подслеза на найвышнюю степеню. Дуновенье замерзало передъ устими и съ трудомъ, полумертвый, вернулъ Семенко ничего не сдѣлавши до хаты.

Въ убогой избочкѣ погасла умелннвар, кругомъ царствовало глубокое молчанн. Матеръ и сестры уснули на зимней теодой постели.

Въ измененнн уналъ Семенко на мнлю. Золото выпало ему съ прозавшей дачи и минвольный сонъ овладѣлъ страждущимъ мученикомъ.

На дворец ступить не уставала.

Гане же, когда одинъ перекуникъ вошелъ до задвижной хаты, чтобы уменитишь о златиной долгъ, намелъ оги въ томъ миллицъ нудимъ четырехъ труновъ. Отецъ небесный унислосердилса надъ дѣтми отъ людей оставленными и взалъ ихъ до себе. Бластачное залето лемало порозцаданию по земли.

„Гелотня померла“ сказаль перекуникъ хладнокровие, во узрвении золото, воскликнулъ съ удивленіемъ: „чемушь тѣ дурнымъ люди не затонили себя въ хатѣ, никакимъ не ниглямъ они больше грошей акъ товеръ.“

Правду сказаль человекъ твердаго сердца. Бѣднымъ люди не были никакимъ богачиници, акъ когда позвалъ ихъ на свое лоно Отецъ небесный.

Въ нѣсколько дней потонъ заѣхали богатыи повозки передъ дворецъ графа Станислава; ивъ ихъ высѣдали баловнии гости, котеры смѣячю поновали гостиниу у молодого графа. И не одинъ извозчикъ проклиналъ проходящій мимо, съ нѣсколько людей состоящій, похоронный походъ и чернѣ покрытми нары, на которыхъ почивали тѣла убогой и несчастливой родины . . .

Богатый человекъ не думай, когда убогий у ногъ твоихъ плачетъ, что ты все сдѣлаешь, если кинулъ ему милостыню, дабы высѣгнись акъ камень наслучного шебрана; воглянь лучше въ слезное око бѣдлака, захвѣтъ оно не попрачилось еще чувствонъ отчаянія и влоими съ любовію руку свою на его сердце, трепещающемъ отъ боли, а тогда будешь его ангеломъ — сторожемъ.

С.

ДОПИСИ

Изъ ПРИШЕВА. Сани наши получили имъ въ Лавою свое число систавляющъ пропрасной во

всаментъ отношеніи русской писатчи подъ заглавіемъ: „Восемь.“ Имъ радовались духомъ той новой Вести: она бо благовоно роспитла в удовольстворетъ полагати такожде нашихъ поддарицателъ Русскихъ, котеры засматютъ молочитъ, многозадовитъ сотрудничати ее искреннѣе благодарно! Да подаетъ итъ Господь прибавитъ силу къ дальшимъ труднамъ! — Имъ тутъ утврени, что только силъ способнъ одно быти пошесть тѣло и одна душа, и во воображеніи себѣ, на волни наше полюбѣ смотрѣть на предпріятіи вѣлоторыхъ нашихъ Писателъ, употребляющихъ для высшихъ наувоимъ предетовъ престоноароднѣи языкъ, или лучше, свѣщеніе престоноароднаго съ воисннѣи. Изъ сочиненія не соствѣтъ презунителамъ для пошекъ, бо итъ извѣстно, раздѣлится поддарицатное нарѣвіе отъ галичанаго, къ тому же во польски рѣдѣ кто у насъ говоритъ знаетъ. По той причинѣ „Дѣрзавъ“ хотѣ въ проченъ содернати въ себѣ много хорошихъ статей, но отъ нашихъ воблагоосклонно пріятѣ. Имъ старѣеисъ съслати вѣдуитъ — сородную иѣру въ руссконъ слезѣ, и вимѣтъ обшественно такъ, чтобы насъ и Галичане срозунили: кимъ дѣлать в Братіи Галичанѣе для насъ таково уступленіе!

Намъ почтеннѣишій Архирей чпаетъ съ удовольствіемъ „Зорю Галичанъ“, и преворучаетъ опривити въ свѣтъ „Почтовн Церковнама.“ Во обще, „Зоря“ восхищаетъ всѣхъ, и своитъ арпенетъ вознесетъ; „Лѣла“ не требуетъ еще вѣлоторыхъ улчменіи. Имъ моламъ бы, чтобы она рѣдше употреблила воиснн, поимитъ угорсинъ Русскихъ неизвѣстными выраженіи, акъ: стосовати, стосованѣ, доитро и пр., и чтобы была воисннѣе, итъ предъ очми, что для поимитъ намѣтъ, поимѣтъ воиснн прародою естъ; такъ дѣстъ Господь, что и оца удиврети.

На пошекъ возбѣдана ваитъ, что Пронисовная гилпазіа своснн; во сани дни прилили Пронисовстронимъ, котеры адѣсъ воисннѣтъ и отборутъ ю на себе безплатно. Одавѣтъ сего года во много учениковъ надѣлѣтѣсь, а Руссконъ дано нало, бо адутъ до Лѣвоочи, дабы тамъ слухати превозвавіи съ вѣлоторыхъ языкъ. Не знаемъ, будеть ли въ Прншѣтъ превозвавіи русскн языкъ, или нѣтъ; если будеть, а пріиду той трудъ на себе безплатно. А. Д.

Изъ КОШНИЦЪ. — Хвала Богу и Галичанѣ Братіи въ воисннѣе у насъ своа чило русскнхъ писмокъ. Поредъ вѣсѣдѣе днии прислало намъ Лавосное Становягнѣе Общество

должно первенить книг своего издания. Да будет ему за то честь и слава! Оно положило уже для нашей литературы столь много заслуг, и такъ приобряло себе нашу любовь на толико, что почти всякая книга, книжка издаваемая, у насъ, за такъ реку, пріятно и съ жаднотю-то большаго заинтересованія читается.

На дняхъ читали мы съ особливнѣмъ любопытствомъ разсужденіе Я. Головацкаго „О словѣ о воцку Игоревѣ“ напечатанное въ „Программѣ и. п. академической Львовской гимназіи.“ Оно связано съ глубокимъ знаніемъ предмета на славу науку и нашей древней литературы, и заслуживаетъ общее признаніе всѣхъ Русинотъ.

Всегда пріятно знать, что „Зора Галицкая“ не желаетъ, итъ является сверти съ пристрастными дописывателями „Вѣстника.“ И добро слазить; тѣ споры безполезны, и нитю ихъ разъ не читаешь. Лучше за то время творити что общепользоваго. Споръ за явномъ началъ, на пр. критическія, изъяслованія только тогда полезны и повсѣпствуютъ раскрытію истини, когда ведутся съ разумнымъ разсужденіемъ и съ хладнокровіемъ; во что, перочитавши допись въ Яворонѣ, издаваемъ въ „Вѣстнику“ возмещеную, неметъ ручатися, что таиій дописыватель съумѣетъ воздержати свое пристрастіе? Съ другой же стороны, дописывателю, итъ вашъ изъ Будина, въ соизвѣстнотю, во много.

Его Превосходительство, Комичиій Евископъ, соизволилъ итъ соизобрѣбати перниъ латинской такъ заавной академической или Езуитской, аона нама не выставляется; такъ предпринята въ 1851 году будоваля обращена, итъсто квалнимъ, въ домъ нарахіальннй, который уже сей знимъ будетъ обитаетъ русиннѣ приходникопъ. В. А.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Въ типографіи Львовского Ставропѣтскаго Института печатается вторая часть, „Библиотеки благополезнаго чтенія для Дѣтей“, которая содержать будетъ яравочительную новѣсть для молоднхъ Русинотъ подъ заглавіемъ: „Цѣлтаній Кошичовъ, написану во Х. Шинду Петромъ Яковичемъ, овархіа Пршмовской са, Богословіа ученикомъ.“

— Изъ Перемышля доивдуеня, что предѣлнми братья наши Перемышляне приготавили и на годъ 1854 русскій „Мѣсяцословъ.“

— Въ перомъ днѣхъ сего мѣсяца печалась наукомъ преподаванія въ Львовскомъ вступящнхъ. Предметы, преподаваннми въ селѣ школьнонхъ году въ руссконхъ языкѣ, суть по Богословствотъ Выдаѣтъ слѣдующіе: „Наставленія догматическія“ преподаются Іер. Я. Цыняновскнхъ, „Богословіа пастырское“ Г. А. Юзичискини, „Наставленія психическо-педагогическія“ Г. А. Чайвскискини; на одностовотъ Выдаѣтъ преподаетъ проо. Я. Головацкнй, „Грамматику русскаго языка“, „Исторію русскаго словословіа, начиная отъ XIV столѣтія и „Началнми основанія Естетикн.“ Каедрѣ польскаго языка и литературы и сего года образована.

— Ректоръ Вѣденскаго вступящнхъ избралъ сего года прооессоръ старословянскаго языка дръ Фр. Минюснчъ.

— Статистическая новнскія въ Кіевѣ арсирючила веданне своую чыоу г. Аодвасіену шкльдовата находншіся въ разлнчныхъ сторннхъ южной Руси (Украинѣ) старннми курганнми. Исслѣдованіа тнъ предпрннато отъ вѣдываю зѣтъ и въ ннмъ предѣлахъ Россіи а за старнннхъ рос. провнцнствѣа ннвно въ Новгородской губерніи. Ннстѣда наотавляе кургановъ таикихъ неизчнсленное множнство. Въ одномъ изъ ннхъ найдено востатъ(сочетаніе) снлнанаго человека, а глубоко подъ ннмъ въ томъ же самомъ курганѣ лежалнхъ востатъ человека огромнаго возраста. Ннкоторнми учеными утверждается, что въ старнхъ временахъ, если хворосе ннотъ главною богатнра, завоинывае надъ ннмъ за ннма таиоки его раба въ той цѣли, дабы пребнвалъ въ страхи у труна своего аластелена. Въ Полтавской губерніи, Лубенскаго новѣта при устьи рѣки Снзворода въ Сулу находнтся на крутомъ берегу Снзворода черволеннаа пасмн, которую окрестными жнми называють, „горошннотъ“, а вторѣа окрестнми псншннн и большнми курганнаа. Въ найденнхъ въ ннхъ ностатнхъ лежала головнни обрѣзана за закладъ. На востатъхъ найдено таиоки омерель (нашеишнн), поручннхъ обручи и серстекн. — Во общѣ, можно предѣлнхъ, что предпрнннтіи современно исслѣдованія кургановъ прннесутъ великую пользу для сторннхъ велико- и малю-русскнхъ, которы въ ннѣдннхъ время стали для всѣхъ знаменннхъ ученыхъ Словотъ умблнннхъ предметотъ зашнтіа.

— Въ Варшавѣ воздннжено на честь польскаго поэта са. п. арнааса Бароннча повелѣнннхъ памятннхъ.

СВѢДѢНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Извозъ, для 11 Оут. Русская литература утратила своего одного первоходожаго сотрудника, потерявъ Русь одного яркаго и преданнѣйшаго сына въ особѣ Петра Голованова, преставившагося въ вѣчную тишину для 26 н. н. въ Паставѣ. Писа нашего покойнаго друга представляють въ томъ извѣстнѣ, которыя дорогины стали сердцамъ всѣхъ истинныхъ Русскихъ; былъ онъ родной братъ Ивана и Якова Головановичъ. Въ г. 1849 работалъ онъ нѣко времени въ сотрудничествѣ при „Зорѣ Галицкой“, въ 1850 издалъ съ помощію нѣкоторыхъ благородныхъ покровителей нашей литературы свой мало-русскій переводъ Гоголевскаго сочиненія „Тарасъ Бульба“, въ томъ же году поставленъ былъ существовать всеобщей Исторіи при Тернопольской гимназійи и съ сего времени издалъ переводы Исторіи Пана; въ мѣсяцъ Января с. г. съѣзжалъ въ Львовъ явиться на процессора всеобщей Исторіи съ хорошими успѣхами, и нѣко беззастѣнливаго вида, онъ занятъ былъ тогда на его явку, ѣхавъ оттуда въ Тернополь съ нѣкоторыми вѣдомостями; черезъ двоихъ извѣстныхъ именъ началъ дѣйствительнѣйшаго учителя всеобщей Исторіи при тамошней высшей гимназійи; но безплодная смерть, выдворенъ изъ въ теченіи сего одного года и Андрей Балудявскаго, сорвала прервано развивающіеся цвѣты молодой жизни нашего друга и уничтожила всѣ его туземныя надежды. Да будетъ писанъ его вѣчная память, а душѣ беззащитной во Вышнихъ!

— Его Величество, нашъ милостивѣйшій Монархъ вернулъ для 6 с. н. поводомъ вразѣ со своимъ Братомъ, Его в аркиакезезъ Карломъ Людвикомъ изъ путешествія своего съ Варшавы назадъ до Відна.— Приватная телеграфическая вѣсть гласить, что Его В. Король Пруссій нѣмѣлъ пробыти для 7 с. н. вразѣ съ Его В. королевичемъ Наренъ съ Варшавы до Берлина.

— Для 11 с. н. померъ тутъ во Львовѣ г. В. Бѣхарскій, гр. коо. замолкъ съ Баншиномъ. Для 14 отбудется похоронный обрядъ, а помяну покойнаго отъезду къ Баншиномъ.

ВСЛІЩИНА.

— Россійскія газеты рождаютъ въ обществѣ впечатленія, случившагося подлагого Убийства въ концѣ мѣсяца Червня с. г. выдѣлахъ одинъ съ

Орионбургскихъ возоконъ въ возо по траву, и наладованимъ немъ возъ, сталъ въ огорченіи рушани. Нарядъ выстулся изъ трамъ утъ и воссталъ на два колѣны у лѣвой руки съ тѣмъ же словомъ, что козель торгунши рукою выткнулъ его изъ воза и подалъ посылить его чѣмъ скорше, сталъ трасти рукою лѣтъ ногъ наисклѣйшѣе, но то непомогало, и утъ высклъ все у двоухъ пальцевъ. Наконецъ ударилъ оутъ нитъ со всею силою о колесо у воза, и амъ тогда отпалъ оутъ и спрыгнулъ въ траву. Ужасеніе было душе сильное, а боль чрезвычайная, который сталъ уже посылать чѣмъ разъ выше амъ во лопотѣ руки. Козель не терпя присутствія духа, хваталъ за возни, обвязалъ нити арѣнко руки помыше лопота и погналъ до лону. На дорожѣ слыхла ену рука на лопотѣ чѣмъ душе, что подобна была скорше подиши; въ счастьи, пухлина не сагала выше веревкиши. Пробывши въ возо, встрѣтилъ старую возачку, извѣстную сельскую звѣрарку, котора обозарши руку, заслышалъ и рекла „не бойсь, возаче, ничего тебѣ не будетъ.“ Потомъ приказала она ену войти голубя, спрыгнута шейку и познокъ съ его головою вымаровити ужушено кистею и всю оуухлуу во лопотѣ руку. Козель принался за тоо средство, и въ сеѣ же часъ сталъ устывать боль и пухлина. По нѣкоторо времени выдорозала рука его совершенно и не оставо на извѣннѣмъ склду ужушеномъ.

— Коронови францускаго Царя Наполеона опредѣлена на день 2 Декабря с. г. Промдеговорено, что въ торжеству тому яридетъ и свѣтъ Отомъ съ Пана Римскій, но теперь не слыхати о томъ уже ничего.

— Ванобраніе въ Угорщину есть с. г. столь излюбленное, что господа почти не въ состояніи яриобрѣсти на амноградъ дозволено число палей.

Извѣстія торговельныя.

— На торгу для 10 с. н. во Львовѣ продавано поречъ пакеты по 10 р. 50 пр.; шиты 15 р. 51 пр.; мѣшны 12 р. 26 пр.; осы 8 р. 40 пр.; гречка 12 р. 56 пр.; жемчужь 7 р. 2 пр.— мѣшны 64мъ 2 р. 51 пр.; осы 1 р. 53 пр. осы дръзъ бутылкы 25 р. 18 пр.; осы 18 р. 40 пр. а. б. б.

— Куръ гречки на борѣ Вѣдвѣнской для 7 Оут.
 Алю н. червонцъ 11½
 „ серебра 12½

(Слудеть Число 32. „Почтоидъ Червннхъ“)

Изданіемъ и твомъ Института Статистическаго.
 Отвѣтственный Редакторъ *Борисъ А. Андрицъ.*

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ.
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Среду два листа, по пять колонок въ Листѣ 4. зр. н. н. — съ почтовым пересыломъ 6. зр. н. н. — Желающимъ четверточное получить платитъ въ Листѣ 1. зр. 10. н. н. и на почтахъ по 1. зр. 30. н. н.

ВСПОМНЕНКА О ПЕТРѢ ГОЛОВАЦКОМЪ.

Дождя буре, штыгъ пресрешный
Увлекъ на утробной морѣ!...
Погулъ окомъ на огнѣ!
А. Пушкинъ

Ой, такъ сумно въ сердцѣ стало,
Такъ дума болѣетъ;
Никитъ, братья, такъ насъ назо,
А другъ нашъ рѣзаетъ!

Смерть нестона, безплодна
Брата насъ избавил;
Днесъ его сирая, кланя
Скрываетъ погил!

Днесъ мы спотрихъ на Подолье
Слезини очина;
Завтра выйдеть словъ на поле,
Огъ не выйдеть съ нами!

Ставекъ полъ зину орати,
Святи, — и въ гѣтъ
Скудный колосъ тутъ собира —
А огъ въ лучшемъ свѣтъ!

Неразъ намъ пра большихъ трудакъ
Сила истощается,
И потниена гле на грудакъ —
Огъ не утоянется!

Неразъ буре, черни хлари
Надъ нами сбруетъ,
Прійдутъ води и пошари —
Его не посуется!

Неразъ вскрутъ кашени
Злоба на насъ знаетъ,
Подозрѣнотъ, клеветани —
Къ чему не дошеть!

Тотъ не алачете, братья наши
О сивой утратѣ,
Не тоскуйте у ногамъ
По усопшемъ братѣ.

Ему лучше въ той крѣпостѣ,
Где верогъ не летитъ,
Тотъ блаженъ знаетъ оцъ самъ,
И за насъ молитъ!

КЪ НАШЕМЪ НАРОДОЛЮБЦАМЪ.

Русь, старая Мати насъ родила,
Жизнь свою и сердце дала намъ,
Прежде такъ она богата была,
Но отдала все своимъ синичамъ:

Славою или в не лху дало,
И китале красное свое,
Силу думу, твердо-русску волю,
Словомъ, съ Божьей ласки дала все!

Гдѣ, кто правый смѣтъ, кто Катара любить,
Кто въ почитаетъ, кто ей радъ:
Тотъ приливное еи не стубитъ,
Но съ возрастомъ вернетъ все назадъ:

Тотъ своимъ трудомъ въ прославитъ,
И всю жизнь свою ей посвятитъ,
Зао чужое и свое исправитъ,
Кли съ верою истребитъ!

Владимъ А. Д.

КРОТКАЯ ИСТОРИЯ СТАРОСЛОВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Psalterium. — Первый Періодъ.)

По Восточному, славянскому изобретению вероубытннго вида старословянской рачи, раздѣляется исторія литературы церковнаго языка на три періода:

I. Періодъ: отъ Кирилла, или отъ IX. до XIII столѣтія. Въ продолженіи того времени писано чистымъ старословянскимъ языкомъ, какъ то встаетъ изъ сохранившихся рукописей съ тѣхъ трехъ столѣтій.

II. Періодъ: отъ XIII. даже до XVI. вѣка. Старословянской языкъ является тутъ уже извѣстнъ русскимъ переписчикамъ, и используютъ слова и выданіи такъ и велико-русского какъ и сербскаго языка.

III. Періодъ: отъ XVI столѣтія до нынѣшняго времени. Въ продолженіи того времени начали печататься писменныи византийскіи церковнаго языка, принадлежашіи будь къ I. будь II Періоду, и тѣмъ критически и грамматически разбираться.

Поэтому некоторые словесныи произведенія изъ первого Періода и всѣ изъ второго и третьяго принадлежать къ исторіи литературы Словенъ восточнаго племени: для того будемъ о нихъ говорить подробнѣе на ономъ мѣстѣ, где они такъ своимъ происхожденіемъ какъ и природою извѣстнаго ихъ котораго либо словянскаго наречія принадлежать. Тутъ представимъ только для общаго обозрѣнія ихъ переченьъ.

Первый Періодъ. Найстаршій писанныи памятники церковнаго языка являются одна въ половинѣ XI. вѣка. По мнѣнію чешскаго ученаго, Вачеслава Ганки найстарша словянская рукопись есть „Саза во Евангеліе, написанное собственною рукою св. Проклова около 1030 г., открытое въ

Ремъ во Франціи, где прежде присагали на немъ при значительномъ иронимованіи французскіи короля. Но памятникъ, о котораго старинности нѣтъ никакого сомнѣнія, и который сохраняется въ царской библиотекѣ въ Петербургѣ, есть выше упомянутое Остромирово Евангеліе, писанное въ 1056 году, вероятно изъ третьей руки по Кириллову переводу. Тотъ послѣдній яко и славянскій въ сто лѣтъ потомъ переписанъ его для русскаго князя Владикири Великаго но сохранился. Съ того же времени (1073 и 1076 г.) происходятъ два „Сборника“ церковныхъ писаній, хранимыи: старшій въ Москвѣ, позднѣйшій въ Петербургѣ Ассеманское Евангеліе, писанное глаголиткою, и хранящееся въ ватиканской библиотекѣ въ Римѣ в глаголитскую рукопись изъ библиотекки гр. Клода въ Тиролю причисляется къ XI. столѣтію Кенитаръ, а Синоскъ Суварасльскій къ тому же язы Милоскѣ. Въ тѣхъ памятникахъ, ако еще одинъ изъ XII. вѣка, именко Бомонская Псалтырь, писаны чистымъ старословянскимъ языкомъ и составляютъ собою всю литературу того языка, которыми говорили Словене въ Кириллово время. Прочіи же, хотя къ тойже литературѣ причисляются, но отличаются уже тою чистотою старословянской рачи, бывша, нѣмного больше, извѣстныи русскимъ, болгарскимъ и сербскимъ переписчикамъ, которыи будь припоровади подлинники къ своимъ, живущимъ тогда уже, наречіямъ, будь сами переводили сочиненія изъ греческаго языка или языкъ на извѣстныи или языкъ старословянской. Къ тѣмъ принадлежать: I.) изъ болгаро-сербскаго семки: Б о г о с л о в і е, Философія, Грамматика, сочиненія Іоанна Дамаскина, переводомъ изъ греч. Іоанномъ Ексархомъ Болгаріи, Риторика Георгія Хуровскаго, древній переводъ въ Свѣтославоу

Сборнику съ 1073 года; Слова из Ари-
кль, соч. Аполліа Александрійского пер-
еводникомъ Константинъ. Беседа на по-
повальшумо ересь Бегунца соч. Козь-
ми пресвитера; Творенія Григорія На-
зіанзина, известни по рукописи XI. вѣка.
2.) Изъ малорусской или Кіевоиной се-
ньи: Русская лѣтопись Нестора; Жи-
тье Бориса и Глѣба, его же; Сказанія
о Борисѣ и Глѣбѣ, его же; Правда ру-
сская; Поученіе Володимира Мономаха,
все тое известно однакожь только по такъ
званному Лаврентіевскому списку, найден-
нѣишей (съ 1377 г.) переписи сочиненій
пренедобного Нестора. Кромѣ того съ XII.
столѣтія остались еще: Пославія Ники-
фора Митрополита въ Владимиру Монома-
ху и Ярославу Святославичу, князю Муром-
скому (1120 году); Похвала Князю Вла-
димиру въ началѣ XII. в.; Пославія Іо-
анна Митрополита къ Папѣ Римскому и
Іакову Черкорузцу (1116 г.); Сочиненіе
Кирилла Туровскаго (1182. г.); Пу-
тешествовіе Нгумена Давида въ нача-
лѣ XII. вѣка; Слово о полку Игоревѣ;
Уставъ Владиміра о десятинѣ и
судахъ и Уставъ Ярослава о церков-
ныхъ судахъ. 3.) Изъ велико-русской
или лучше Новгородской сееньи сохра-
нились: Новгородская лѣтопись; По-
ученіе Луки Жидята (1060 года); Во-
просы Киринова (1136 г.); Грамота
Кн. Мстислава Юрлову новострѣцу (1132
г.); Слово Давида вѣточника; У-
ставъ Ярослава о мостникахъ (извѣст-
ный по списку XIV. вѣка); Уставъ Свя-
тослава Ольговича, данный Соедіискому со-
бору въ 1137 г.; Грамота Всеволо-
да Мстиславича, данная Новгородской цер-
кви Іоанна Предтечи въ началѣ XII. вѣка.
Кромѣ тахъ, всякого почтенія достойныхъ
памятниковъ остались еще съ того проиши

различни подвеси на канекахъ, гробахъ и
нѣкое чело поменьшихъ гранотъ, догово-
ровъ, указовъ и иныхъ писанъ, нехъ ве-
терини однакожь найбільшу цѣну и за-
чѣнне имѣють Правда Русская, о кото-
рой пространнѣше говорить будетъ въ Исто-
ріи малорусской литературы.

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повесть.

У.

Послѣ невѣрительной встрѣчи Полковника
съ холодомъ влюбленною парю исчезъ Ал-
ексей Поповичъ изъ Пиретана. Никто не до-
гадывался, куда онъ дѣлся. Рано вышел на
берегу Удаи пустую лодку, въ ней лежа-
ла шапка Алексѣя и все думали, что онъ
утонился.

Донесли о томъ Полковнику Цвану.

„Кали утонился, такъ ищите себя дру-
гого Попа,“ хладнокровно отрегъ Пол-
ковникъ, а сажъ къ вечеру онъ всажъ сво-
нѣи дворонъ похажъ въ Лубны.

Дѣе недѣли послѣ возврата Полковника
въ Лубны, прихажъ туда старій Запоро-
жець Касьянъ. Онъ уже не жилъ на Сечи,
а сидѣлъ где-то въ стѣнѣ запорожцонъ; по
старой привычкѣ занимался лодкою на Ве-
ликонъ Лугу, и привозилъ по временамъ въ
Гетманщину шкури выдеръ на такъ зовишия
кабардинскіи шапки, которы были въ вели-
кой модѣ на Запорожьѣ, и изъ подража-
нїи, дуже уважалась на Гетманщину. Рео-
продавши свой товаръ и накупиши где-то
въ Лубнахъ для домашняго господарства,
Касьянъ возвращался домой.

Запорожцы никогда не ѣздили въ ок-
панекахъ; по вѣсти различни грошовѣи ве-
щи верконъ было Касьяну не выгодно. Ка-
сьянъ купилъ въ Лубнахъ бѣду, то есть, ве-
зокъ на двухъ колесахъ, запрягъ въ осло-

бли оседлавного коня и покчалъ, проклятая при колдощъ толчку дурную аду возани.

„Покаралъ мене Богъ проклятыми оглоблями.“ ворчалъ Касьянъ: „тиснутъ коня въ бока, та еще и розвазуются. Ну, бурый, ну, старикъ! покарае и тебе лхая година! были вы съ тобою, бурый, холоды... Ой, ой, сверсная трисучка нозь кулакомъ толчетъ нозь бока. Ну, бурый! Дивноръ не далеко, нелом... Такъ то, бывало, заидишь въ старину? Онитъ розвазалось! теу тебѣ, встань бабская азда; колоко вы возити... Стой, бурый!...“

Касьянъ привезалъ оглобли къ хоноту, для крапкости зитягулъ зубани узелъ и проворчалъ: „чего лучше? истый калинцкій узелъ: уже не будешь нощ докучати проклятая оглобли!“ саль на бду, весело нахнуль богатою и засказалъ:

„Славо нити за ному:
Я земли не орю,
Я травю не ному,
А варчу не ному;
Силамъ чиститъ золотомъ.“

Гей бурый! несись вятронъ; Дивноръ недалеко.

На войтъ я рубить,
И за спорть не боить;
Безъ войтъ я ухитсь,
Ема въ хату нелозусть,
Лучше битись съ вергономъ!...

— „Здоровъ, дядьку!“ завузель чистий, вриятный голось за возникъ.

„Теу тебѣ, нечистая сила, якъ челезекъ изъ аду подираелъ!... здоровъ хлоче!“

— „Я не подираелъ, дядьку, а сивкалъ верхомъ; не ты ничего послышалъ.“

„Тутъ не де того, чтобы прислухиваться, проклятым оглоблям такъ и розвазаете, нозь живши рани изъ горшка, амъ звучаешься...“

— „Акъ занеешь песня.“

„Ого, акъ вострий! и песню занеешь;

такъ чтожь? тутъ стена, а въ стени сво-бно: номо, коли хочется...“

— „Но сердись, дядьку Касьяно, я жертовалъ только. Коли хочешь, а я съ тобою засказую.“

„А ты отъ кого знаешь, что я Касьянъ?... номотъ бити, а Довьянъ или Иванъ!...“

— „Якъ не зная! тебе возъ Лубимъ знають: у тебе ной Додъ купилъ себя шукуру... Но послухай, дядьку Касьянъ, ты доной задемъ?“

„Доной къ зинованкъ.“

— „А Сачъ далеко отъ тебѣ?“

„Далоченько.“

— „Послухай, дядьку: возьми мене съ собою въ зинованкъ.“

„Ни что ты нозъ?“

— „Пожди, дядьку Касьянъ; а изъ зинкови проведи мене до Сачи.“

„Тебѣ? до Сачи? та кури стануть сиватися, коли я приведу на Сачъ николаря! Варно, вивочти хочеть бакаларъ, такъ ты убьѣ изъ школы и не знаешь куда дзвятися.“

— „Нить.“ отвчалъ козакъ, снуствани полими слезъ очи въ зоню: „не сердлюбъ, дядьку, доведи мене до Сачи; дакъ тебѣ два червопци, у мене больше нить, а ухому отъ бды немичуей, отъ смерти... возьми мене; не то, канушь при тебѣ въ Дивноръ. — на твоей думѣ грахъ останеть.“

„Пожди, пожди... да скажи, кто ты?“

— „Ахъ, спаси-Богъ тебѣ, дядьку!... Я — не видай мене дядьку! Я — Алексий Певовичъ изъ Паратина.“

„Съ нами крестная сила!... Тотъ саний, который, говорить, утопалъ?“

— „Тотъ саний.“

„И ты живъ?“

— „Живъ...“

„Якщо хоча тебе волочитись безъ причини?“

— „Слушай, дядьку; я тебе признаюсь. Я любилъ, душе любилъ дочку Полковника Ивана.“

„Фя. ох. ея!“ просившая Касьянъ: „ну, что дальше?“

— „А Полковникъ засталъ мене съ нею...“

„Такъ оно.“

— „Я убивалъ и все считался нежъ богами, и пробрался на Сачь, пока тебе не увидать. Вези дядьку!“

„Сказалъ везу, такъ везу. Садай на бяду. . откудажъ ты взялъ такое доброе платье и коня?“

— „Платье мое, дядьку; а коня, грашничий человекъ, укралъ, не сердись...“

„Вотъ еще! Кто не крадъ чего-нибудь на заку?“

Перозная Дняперъ. Касьянъ думалъ: „чемъ больше живу, темъ больше уверяюсь, что дурнейшого сотворенья няль бабу нятъ таки на святъ! Якъ можно полковничкой дочкѣ влюбиться въ такого молодчика, въ школяра? Кобы былъ человекъ, здоровый, сильная душа, — еще скорше. Но и то, известно, куда бабъ!“

— „Что ты ворчишь, дядьку?“

„А такъ, вспомнилъ бабъ...“

— „Да и розсердился?“

„Да и розсердился.“

— „Отъ чего?“

„Не всанъ розсказивати! Состарился, присмотрался, живу долго на святъ, уипратя пера!“

VI.

Что прошло, то будетъ вилъ.

А II.

Кто изъ насъ не поинитъ своихъ юностихъ лѣтъ, когда видный миръ розскри- передъ человекомъ, еще неперешед-

шить жизнью, . емо не ослабощеними презвическими отношеніями быта? Тогда миръ Божій — прекрасный храмъ, въ которомъ ишоша гуляеть, уалеченный емодевно повили, рознообразними красотами природы; емо радуеть и первый весенній листокъ на дорова, и легкое облако, летищее по небу, и голубий кытокъ.. вонящій въ ствѣной, росистой зелени, и весна заворочка въ чистонъ поле, и цветная радуга на сизонъ лѣтучи, и розкази старухи или о бабъ-зван, чудной королевицѣ-красовицѣ и злнхъ черовничкахъ: сердце взруеть во все чудеса безъусловно, не признавая на воношь холодногю уна; вничотлзвнн жыви, неизгляднн. И долго емо потонъ, когда человекъ, виведенный лѣтами и обстоательствами на случливое поле жизни, делается труженникомъ, съ кождимъ днѣмъ розрушая свои мечты, розбивая лучши надежды, овъ часто обертаеть на прошедшее, и воспоинанія ребическихъ лѣтъ, тихн, свѣтлы, подобно лѣтннхъ сновидѣнннхъ, заколмсають его въ днѣхъ страданій, которыхъ овъ, гордый, действующій но собственному розуму, почти всегда свнъ бываеть причиною.

Паматаетъ и теперь розкази доброго старика Макарія, который жаль въ нашомъ селѣ и говорилъ старикъ и молодикъ про всякую вѣсчаву. Ему было выше сто лѣтъ; и овъ бывалъ далеко по Божьему миру, бывалъ по всей Украинѣ и въ старинномъ городѣ Киевѣ. Томъ зналъ овъ розсказивати и про Шведовъ, и про Татаръ, и про Запорожцевъ... И солнце, бывало, зайдетъ, и прнпн звяздочки сверкнууть где куда на сонѣкъ небе, и роса станеть садитися на широкн днѣтя прбузовъ и днѣтя, а старикъ все розсказивають... Прибавишь до доку, — цѣлую ночь святса рннн Шведа на курчавнхъ коняхъ, Полкии, заколмнннхъ въ сталь отъ головы до пятъ, Татари ш-

весьма, черным, плечистым, пласконосим; стоять въ струю, уставляя копыя, яко охъ шивальи; воть скачуть Запорожци красави. чероном - одати, будьто плавя. вють чубы, шуметь бучуки и воедямъ знамена; вередъ илии Дорошенко, усм въ воль аршиза, на плечахъ такия булав. Ударили, трестъ, стонъ... проснешься — и радъ, и жалко чудесного сна.

Но веселми теверъ зренена, не веселми; ²говориъ бывало старикъ Макариъ, „акось-те стало холоднйше, и скучнйше; — гоъ, и солнце саятъ уже не по прешену: станутъ вочерати, такъ шубу надъвай. А вотахи теверьшан, соронъ сказета, пилка та горалка — бабсинъ вотахи. вать характериства, совсакъ вать!... Когда бывало люди на Украинъ необсвають въ поля, совсакъ необсвають, и гречку воевать, и косить еще рано, тутъ и пойдуть гуляти: паробка оденутъ хорошевно, выйдуть воевъ обода на выгонъ, лягуть на зеленой трава, и глуда на небо, курать дьалки, и воятъ песьи. или что-нибудь розказивають, такъ до вочера воесятъ; вочеромъ, извьство, прийдуть дьвочки, и вачинается другое воесье. — Воть такъ вногда лежатъ паробки, да и вогарятъ жень собом, что довольо уже лежала, набралъсь силъ, и не знаютъ куда истратити; а тутъ, где имъ возмись акй-нибудь изъ Запорожья характерникъ, вьростетъ вередъ ваки будьто изъ земли, да и станутъ воехалатосъ: „воть“ говориъ, „где лежатъ гречкоси; видно, имъ одней козацкой души вать, а вое кабанмъ норлешии;“ — и прочее вое такое обидное... А знаете что — те былъ характерникъ? — Характерникъ бывалъ человекъ дуже резунимъ и зналъ воекую воечку; ого в куда не брала в сабли не рубала; ого в куда не вое было оредетайе в воесье, на вое хорошео.

слово в польза. Характерники знали вое броды, вое плавы во Днъпру и другий рькаки; характерникъ изъ воемъ виводилъ сухого а изъ огня мокрого; у нихъ была лицарская совесть и добродушю; Татарини и прочую вьрзость вали, грабили а о церкв в не забывали. Воть что были характерники. — Хлопци, бывало, розсердятся на характерника, за воешми аставутъ и воехотать ого ворадио воеколотити. Тогда характерникъ ожекетъ: — „Идино, хлопци воть такъ! не говори козаву лихого слова! Только воестойте. вать сваратися ни вачто; а вину, что вь вете добрии козацкии души, а в язъ Сечи характерникъ. Жертъ вартонъ, — а за него воеставлю вать ведро горалки, а вь вое не вравы; не пристало вать сидати, сложивши руки, когда вора гуляти. Я недавно отъ Днъпра; охъ вать влянется, найже уже на берега воепухли... Ждетъ гостей...“ На то скачуть паробки: Изъ воесды видне человекъ! не втрагайте ого хлопци; охъ добрий человекъ; имъ и сами дунала изъ гулянье, те не было ваташка: тебе сахъ Богъ прислалъ, батьку, веди вась куда знаешь. Не смотри, что имъ воедими, а вое-таки знаешь козацкую воеведению. Воть ваки чубы, дери сколько угодно, веди, батьку, куда воешь. — „Ну, добре, дати, а вину, вь вородъ знающей службу! Вивередъ воеведу вась до корчим; вачлачу ведронъ горалки за воесваши; у вась в сахъ Комовий платитъ, когда воесятъ надъ козаконъ.“ — Вь вилиши вь корчимъ горалку, хлопци съ характерниконъ вдутъ въ другое село, въ третье, въ четвортее, и — смотри, въ три дни наберете сотни дьз охотниковъ; тогда вдутъ во Днъпру, дьвекъ вьрнутся въ густьваннахъ, въ вустахъ, а вочью воехоньконъ не одному человекъ воеказивають на коняхъ въ воешихъ востнахъ рьку, собира-

ются въ кружки и глядишь — на рассвѣту замшала татарская колонія! И такъ днѣтъ прымаютъ въ лесахъ, ночью съ прикомъ нападуть на пастека, бьютъ неприѣтеля, грабятъ, и коли почувють, что Татары обираютъ проткѣ ихъ войско, такъ доной въ розмышну, переваливуть Днѣпръ, в дона-Гей, тутъ-то гулянье. Ай, давно такъ бывало!

Тутъ, бывало старикъ набожно перекрестится и долго, долго дунаеть понуривши садую голову. —

Точно такая затѣга охотниковъ росколомилась почевати въ лѣсу у Днѣпра недалеко отъ деревни Докантова, чтобы съ розсвѣтомъ амахати на болошь, и такъ, выкорнивши черезъ дѣнь коней, на слѣдующую ночь отправитися въ набѣгъ на Днѣпръ. Козьки сидѣли въ кружкахъ и весело розговаривав, зли походную кашу изъ деревянныхъ корыт.

„Добрый вечеръ, Пани молодци!“ сказалъ молодой человекъ, подходя къ одному другу.

„Хлѣбъ да соль;“ сказалъ молодецъ дошевляясь за угощеніемъ.

— „Бѣтъ, кто свой, а ты у порога постой,“ отрекъ характерникъ.

„Где тутъ у черта порогъ! давайте и мене, братья пастеко,“ сказалъ пришедшій, вынимая изъ кошели деревянную ложку.

— „Вотъ, догадливый козакъ. Вечерній, братику; садись возлѣ мене,“ выкрикнулъ характерникъ, очищая пастеце пришельцу.

За вѣчерью розговорились. Пришлецъ сказалъ характернику, что онъ изъ Пиратина Алексей Поповичъ, что его засталъ одинъ важный Панъ съ своею дочкою, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы то кончилось, если бы онъ, Поповичъ, не впаулся въ лодку и не ушамль, а что теперь пошелъ по свѣту искать счастья.

— „И ладно!“ заметилъ характерникъ; ты козакъ съ виду, а ученъ — еще лучше. Поздѣтъ теперь на гулянье за Днѣпръ, а тамъ а зеведу тебе въ Сечь. У насъ нѣтъе привольное, и розумному человеку нечесть, только не гордись своимъ розумомъ. Года четыре вьзодѣтъ, въ канъ прстала въ бору подъ Києвомъ замъ братъ студецъ, а теперь, не на шартъ скавати! онъ Кошевичъ! Ну, да и голова!.. Въ Києвѣ, видншь воскорилъ съ начальствомъ за бабу, за дурную бабу. Начальство посадило его до росарами въ свѣтлицу съ желѣзными прѣтани; Грицко Богъ не садилъ не оспорбилъ: схватилъ молодецъ за прѣты — и остались въ рукахъ, онъ вылазъ окшошь, тай въ лѣсъ, и прстала къ канъ; теперь не каньтеть.“ —

„Грицко?“ спросилъ удивленный Поповичъ: „тавій балокурій?..“

— „Да, то канъ тевераншій Кошевичъ, Грицко Зборовскій. Ты изъ его знаешь?“

„Нѣтъ; я зналъ въ Києвѣ Грицка Стрижку; онъ таконъ убывалъ вѣредъ сѣтирныа года изъ клятви, а Зборовского не знаю.“

— „Ай, ты молодецъ голова! онъ по намену Зборовскій; у насъ долгъ вѣдѣтъ двѣти всякону козку прозвище, а у насъ онъ былъ Стрижка или по-Стрижка, канъ нѣтъ дѣла! Призели молодца изъ бору, такъ онъ и сталъ Зборовскій... Такий високій, балокурій, на правой шеѣ боре-давка.“ —

„Кои такъ, те а его знак. Великій былъ мене прѣтѣль Грицко; учился на азбуку разокъ и говорила о Пресвѣтой стѣхи и вѣли нѣальми въ Києвской бурѣ.“

— „Чего не лучше? Такъ кошо гулянья адець въ Сечь?“

„Вдѣтъ!“

(Продолженіе слѣдующа.)

КРАСА СЕЛА.

(Повесть.)

Ах, на томъ сѣбѣ смерть все стаетъ,
Черезъ и въ будущіи нѣтъ грѣхъ.

Мари, Калаченко.

Прѣзжавши по хорошей Подольской кривой стапулѣ в одною дня по полудни въ селѣ, котораго прекрасное, отъослѣненное иъ. тоположеніе живо мене заняло. Жители его отличались тою первобытною простотою въ обычаяхъ, якой надарно ницѣвъ въ селлахъ, лежащихъ при большихъ городахъ. Я рѣшился провести тамъ цѣлу ночь, а по обѣдѣ пошелъ осмотривати околлицу.

Первое, что наибольше свернуло на себе мою увагу, была сельская церковь. Она и стояла обокъ ней звонница, хотя все не отличалась отъ обыкновенныхъ зданій того рода, но представляли черезъ свое положеніе на небольшо возвышенности немъ старыми, широко лонаристыми липами прехорошей, истинно плѣнительный видъ для путешественника, который родился и возрасталъ въ пріятномъ русскомъ селѣ, въ близости такоюже смиренной церкви и розкошной готтанди ей, яхочъ поросшей, звонницы. Позвинулъ своему внутреннему чувству благоговѣнія и потянутый привлекательнымъ положеніемъ сельской церкви, я вскорѣ пошелъ на агорье, на которомъ она красовалась. Вечеръ былъ думе пріятный. Передъ полуднемъ недалеко дождь по въ само полудне выяснилось, и хотя черныя хиары пересушались еще по небосклою, однакошъ отъ западной стороны сіялъ широкій золотистый рубецъ, съ низа кѣгогоге заходящее солнце ниланитъ и тоскливыиъ уснѣхомъ пращало вертанщю на почный отпочиноль природу. Зрѣлище тое подобно было къ послѣдней годнѣ правого Христіанства, когда въ чистотѣ сердца укрѣ-

плень сильною вѣрою умираеть съ блаженнымъ уснѣхомъ на устахъ, убѣжденный, что воскресеть къ лучшему житію.

При самой церкви на тойже возвышенности находилась пріютное кладбище. Уснѣши на камени, лежащихъ обокъ травомъ зарослой могилы, раздумывалъ я о прошедшемъ, о минувшихъ дняхъ радости и печали, понималъ давнихъ друзей, тѣхъ къ которымъ отдаленіе не остудило во мнѣ чувствъ почитанія и привязанности, ровню якъ и тѣхъ, которы разсталися съ симъ свѣтомъ оставилъ по себѣ широкій неутоимыйъ жалъ и блаженную память. Наразъ родился отгласъ колоколовъ изъ соседной звонницы, и звуки тіи хотя сумными вторили мнѣ думкамъ. Долго тревало то, закътъ узналъ я, что се звонять на похороны нового жителя того пріюта уснѣшихъ.

Незадолго узрѣлъ я похоронный процессъ, тагнуищійся серединкою селъ; окъ ступалъ повольню узлою и выгнутою стеждою, то исчезалъ мнѣ изъ передъ очей, то снова являлся, амь наконецъ прибылъ на мѣстце, где я сидѣлъ. Молодыи дѣвчата въ бѣлыхъ платьяхъ носли раковъ (труну), а одна изъ нихъ молодша всѣхъ шла на переду держа въ рукахъ вѣнецъ изъ бѣлыхъ рогъ на знамя, что упокоившаяся была молодою дѣвою. Родители яшли за ракомъ съ повагой, котора оказывала, что принадлежали къ богатшимъ громады той жителя. Казалось, что отецъ умѣлъ усмирити свою малость, однакошъ взоръ его замусованныиъ, смерщныхъ брови и посмурное чело доказывали амь надто о внутренномъ возмущеніи. Жена оперта на его рамени плакала въ голосъ и дрожала на всенъ тѣлѣ.

Я пошелъ за ними въ церковь. Тутъ поставлено раковъ на малобный рыдвалъъ передъ церковъ, и на ней положено вѣнецъ

изъ бѣлыхъ розъ и простой деревянный вратникъ.

Всякому известны невѣрными впечатлѣнiя, доставляемыя во время похороннаго набожества; — но гдѣжь тотъ счастливый, который никогда въ жизни не сопровождалъ любимыхъ особъ къ могилѣ? — если же жертвою неуловимой судьбы пала юность и красота въ самоцѣ розцвѣту жизни, о сколь невѣрнѣйшее впечатлѣнiе, сколь много больше трогательный видъ! Подъ чашъ малоблагоуцерковнаго пѣвiя, отдаивающаго посмертнымъ останкамъ матери-земли, съ которой произшли они, заливались молодыя товаришки покойной дѣвнцы горячими слезами неутолимою жаждою.

(Отецъ, казалось, боролся съ своими чувствами и утѣшался надеждою, что блаженны помершiи о Господѣ, ихъ убо есть Царство небесное; но мати болѣла все только надъ утратою дитяти, единственной радости и надежды житiя, и не прiймала никакого утѣшенiя.

Когда вернулся я назадъ до села, рассказано мнѣ тамъ повѣсть о умершей. Была то найкрасивѣе въ селѣ дѣвица, единственная дочь богатого господара, именемъ Мелавнѣ. Воспитанная дома въ простотѣ сельскихъ обычаевъ, ходила она потомъ до приходской школы, гдѣ стала въ наибольшую любимѣею овечкою малого того стада. Честный приходникъ заботился съ отцовскою любовью о ей воспитанiи, прировнявъ оное же къ тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ суждено ей было жити, стараясь сдѣлать изъ ней украшенiе и образецъ для того сословія, которое само по себѣ честно есть, благородно и отечеству весьма полезное, но къ сожалѣнiю, иногда презрѣно другими и пренебрежено. Превозвеличенная попечительностью родичей и увольненъе отъ простыхъ работъ около сельскаго господарства удер-

живали въ ней природную красу — гнѣзную свиходительность въ кондотѣ ей словъ и дѣлъ, такъ что со внѣшнюю красоту соединилась у ней и внутренняя красота благопродной души, неискорченнаго сердца. Она выдавалась немъ своими товарищанми въ нѣжный цвѣтъ огородный, который случайно вырастаетъ немъ дикими владями намъ.

Подружкамъ ей участвовали и утѣшали въ ней безъ зависти туи вышнюю природу, котору подносила рѣдкая саркоинность, несравненная доброта и благопродѣ души.

Село тое принадлежало до тѣхъ отдѣленныхъ мѣстъ, гдѣ сохранилась еще память, старинныхъ русскихъ обычаевъ. Тамъ обхожено еще со всею точностью сельскiя праздники, торжественныя забавы, и даже сохранено хорошей старословенскiй свѣтъ прiязтствованiя Бесны въ вероухъ днѣхъ Мал. Головнымъ хранителемъ и общовѣтелемъ той священной свадницы нашихъ предковъ былъ тевершiй приходникъ, Отецъ Артемиѣ, прiестрѣнный почитатель старинныхъ обычаевъ и одинъ изъ тѣхъ добродушныхъ Христiанъ, которы думаютъ, что исполнили свою задачу, если расширять или укрѣпляють миръ и радость на земляхъ во человѣчѣхъ взаимное благоволенiе. За его старанiемъ обсаживано ежегодно въ праздники прiязтствованiя Весты сельскiя улицы и дороги липами, а огороды садениною. Кто наибольше насадилъ тѣмъ дѣреть, тотъ получалъ изъ гронатѣхъ доходовъ награду. Отецъ Артемиѣ, зналъ въ которыхъ старинныхъ обычаяхъ, походящихъ со вречъ словенскаго сунѣбриа такъ хорошо соединити съ христiанскими обрiдами, что черезъ тои не только укрѣивалась у сельскъ святая Вѣра, но и происходила для нихъ многосторонняя польза.

Прекрасное положенiе села яко и обхождение тѣхъ особлѣнныхъ народныхъ

пращаниковъ обращали не разъ вниманіе людей, случайно сюда прибывшихъ. Мени нимни мѣхалъ разъ до того села въ неравы дни Мая молодой офицеръ, котораго полкъ стоялъ недавно въ соседномъ чѣстечку. Его влѣпалъ необыкновенный видъ простонароднаго торнистава, а еще больше красота Мелани, котора того дня представляла Краеу - Весну и обходила, въ кругу помощикъ молодыхъ порушковъ, съ зеленымъ вѣнцемъ на головѣ, съ пріятнымъ усмѣхомъ на розовыхъ устахъ, все село и окрестныя поля. Цѣлый тотъ дивнѣйшій приходъ ронялся вѣнеу съ чудною торнистау Русалокъ, жемъ которани сѣла Меланиа, краса всего села, вѣла Весна Богини.

Свобода сельскаихъ обычаевъ улегмила ошу способъ съ нею познатьи, а вскорѣ нашель оны дорогу къ ближнему съ ней обходжанію и лѣстля ей незрочно, какъ те молодые свѣтловы люди свѣчаино играти любять съ сельскою простотою.

Обходженіе его невозбудило ни обавы ни отращенія. Оны даже не говорилъ никому о любвѣ, однакомъ есть способъ вынонѣйшій отъ слова и прониканціи до глубины молодое сердце. Блескъ очей, голубой голось, и тысящратныи ивнныи израженія въ словахъ, взрѣніи и поступкахъ — все тое есть истинною бѣсѣдою любви и дается легше понати и срзумѣти, какъ описати. Дивно ли, что въ короткомъ рѣшеніи пральстель оны сѣе молодое, неинное и для любвоимыхъ влѣпий виступное сердце? И она любила ничевольно, безсознательне, не вѣдувала даме, какъ те возрастающая страсть усмалываетъ въ ней всѣ нмыи нмыи и чувства, или какъ съ того пронзодуть вѣдѣдотва. Она не смотрѣла въ будущее. Когда были разомъ, лѣпниала его взорѣніи и слова всю ея увагу; если его не было, думала только о томъ, что промече-

дло жемъ нини подъ чась послѣднаго свѣданія. Въ его товариществѣ проходилась она по цѣлѣтнимъ лугамъ и зеленымъ гаямъ, а оны указывалъ ей новыи красоты въ природѣ, говорилъ къ ней лзыкомъ высшого, просвѣщеннаго свѣта, вливалъ въ ея чистую чувствительную душу понати о романтизмѣ и выученой поэзи.

(Конецъ слѣдуетъ.)

ДОПИСИ

Изъ Прѣшева.

Узнавая есть древняя русскаго народа Исторія, показуемая, какъ народъ той неврѣтиво дѣлалъ на парти, боролся самъ съ собою, астреблялъ роднуу, а на конецъ исчезъ въ тѣниокъ прака, оставая мало исдулихъ лотонновъ, несчастную габель народа своего вѣдающихъ, воукъ санаа Церкв святими до сихъ цоръ чудесно емо удержала. Узнавая, говорѣ, есть древняя Исторія; но не меньше умныи будетъ и наша у нашихъ истонковъ, которыи не ниво те переждутъ отъ насъ какъ несогласный споръ и неждообвѣну брань и такъ мало но ниду востыднныи сами себе, вонна изъ будетъ наша вѣнати, перестанеть какъ будущиость, а величавое народное знаніе будетъ во обывающе голанъ! Дай Господи, чтобы а дохнмъ былъ пророкомъ, но неврѣтанныи Часовисей нашихъ свѣры все теи предвозвѣщавтъ, тогдакъ одна съ другою, горькии острѣбленіяи завннать бѣдно читательство!

Вострѣветель радостіи духъ истиннаго русскаго народолюбца, когда въ худомъ волѣ, на узельвонъ горлантъ своенъ три понатъ Часовисей, а всѣ три, вѣрнни своей задѣчъ и своенъ занію, во всенародную пользу илланюци: «Въ стѣи и къ» прѣладаеть вѣсти полнѣтческіа отъ общаго дѣржавъ Прѣстола, оны увѣнать вѣстоашее время, и есть общепредѣлнмъ вѣстичомъ для простыиныхъ, и прѣвѣщенихъ; «Зора» востынать воспитательно ученихъ и есть полезѣйшннъ средствоу для людей съ выснннъ понатенъ; «Лѣла» не есть любезною корнланцою повнннхъ замѣкъ дѣвнкъ, будущахъ Матерей Народа; — и кто вѣсегъ протнву такогъ стоитъ земнѣ? кто обдантъ свѣтѣ хорошии вѣстрѣннн которей любѣ нтъ ннхъ? — Я люблю всю три и прнннваю нхъ съостороно, хоти и не всѣ въ вѣдѣнъ отвѣчати пошу вкусу; но ниво того восты-

нимъ Редакторъ почтенъ или прилягнетъ про-
свѣтлительнаго нашего народа, которыя не всяка власт-
ными волею трудятся про общее добро, подчиняютьъ
бдливую роднику отъ творцата сна и зебоніи. — Но
нашъ и начальное чувство дотыкаетъ грудь мою,
егда смотрю на такъ скорую между нами борьбу,
на борьбу между родными братьями, которой тро-
ношми отгласи неаріанство дѣйствуютъ на рознѣша-
ющея народа просвѣщеніе!

Миръ вамъ братья! Тѣмъ бо любовь и со-
гласіе могутъ днхнути удавшее доновство: "только
согласіемъ растетъ нелее дѣло, раздоромъ же и
наибольшее разрушается." Вручю вамъ братія лю-
бовь, вы войдетеся всѣ въ лонохъ не нилого на-
рода, только будете свирепымъ и нирнымъ нощъ со-
бом! — Не саратесе на нустихъ словехъ, которыя
суть орудіемъ взаимнаго поравнукія, напише сущ-
ту, время же само обявлять силу нѣтнхъ; доселѣ
еще во злато у котораго есть нелзъ. Моисей по-
нрающій намъ нелзъ; будете довольны, что нелзѣ-
го вѣстъ разнуетъ народъ, и что всѣ три есте на-
роду полезныя.

Пріятели Братья сердечнѣйшій советъ сдѣлава
вашего друга

Дулавича.

Нѣзъ Желвоваго.

Утѣшительно есть сердцу всякаго человеколюб-
на видѣти волеки успѣхъ просвѣщенія нощъ обра-
зованннхъ народки, но не нельшня радость на-
водннеть его, когда зайннть, что лучи божест-
веннаго свѣтла проннхаютъ даже въ область отнчннхъ
тѣмъ и совершеннаго невѣствна.

Съ порученія Его Преосвященства, Перемы-
шльскаго Епископа Григорія, розославо во вѣсти
набѣстннчестватъ нашей діоцезіи: "Второе годовое
сравозданіе Общества Марія, составленнаго для
поднесенія нвоуческой Массіи во внутренней А-
орцѣ." Нѣзъ того сравозданія влнхтъ, что всякое
въ добротѣ ннтернн пренаріатое, будъ и ннтру-
днѣншее дѣло, увнчнчается хорошии успѣхохъ, егда
въ нощу прннлесе соединеннми силани и съ по-
стоаннхъ, неуемннхъ трудомъ. И такъ, при по-
ноша Божіей, подъ покровнтельствомъ нашего нл-
остнннѣншаго Монарха, при содѣйствіи нногахъ бла-
гоуправленнхъ людей всен великой Австрійской Держ-
авы заносонн саннн спаснтельной Хрнстовой
Вѣры и лучшаго челоувеческаго образованія въ от-
даленныи предѣлы Аврнн, гдѣ доселѣ ннли полу-
днннхъ народы во нрнцѣ невѣствна и цнхлхъ упо-
днлнющаго ихъ рабства. И тн ннннхъ духомъ про-
свѣтлнють въ своонхъ влнхъ Господа и прнблнжа-

ются обогащеннми и очнщеннми сердцнми въ сла-
воту Его престола. Да будете вѣсты и слнзи тнхъ
нущнхъ, которыя во свотри на аскннхъ преннннхъ,
ставнннхся ннхъ такъ со стороимъ ннпрннннхъ прн-
родн ншого глубока-нншого рѣдннннхъ, ннхъ и со
стороимъ арнннннхъ бнлоку Евронеку черннхъ
племнхъ арнннннхъ, во свотри на аскннхъ вѣл-
статнхъ, нннхъ обнчнннннхъ бнвалнхъ въ нннннхъ
такового пренннннхъ, въ свотри на грннннхъ съ
розннннхъ стороимъ нннннхъ, нннннннхъ рннннхъ
заноснхъ свѣтла Вѣры тнхъ нннннхъ! Съ рннннхъ
и уднвлнннхъ свотрнхъ ннхъ на величнннхъ
ннхъ поднннхъ, и съ горлестнмъ созннхъ народъ снн-
ннхъ, что ннхъ 12 ннннхъ, заннннннхъ ннннннхъ
нннннхъ ннннхъ Аврнн 1853 года, есть большн
волеванн словоннаго пренннннхъ! Пннннхъ
нннхъ преннннхъ ннннхъ: авостатскій преннннхъ
дрѣ Кнobleхеръ, свнннннхъ Добакъ, Ко-
нннннхъ, Мннннннхъ ннннхъ Кннннхъ ро-
донъ Крннннхъ, свнннннхъ Мннннхъ Сннннхъ
(съ Карнтннхъ), в огородннхъ Груннхъ Чехъ. Такъ у-
внннхъ нннхъ, что и въ ннннхъ хорошии прен-
прннннхъ ннннхъ австрійскнхъ Словоннхъ самое
большее учасіе!..

Вѣстъ во вѣстнхъ нннннхъ нннннхъ нннннхъ
авостатскнхъ дннннннхъ русскнхъ нннннхъ
прн нннннхъ восточной Галнннхъ прннннхъ
въ нннннхъ востннннхъ Ннннхъ нннннхъ
сннннхъ, и ннхъ съ радостнмъ прннннхъ, что в. Пре-
ннннхъ нннннхъ преннннхъ преданнхъ ннннхъ
ннннхъ доврннхъ и величннхъ добродѣлннхъ съ сво-
ей стороим. Н.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Въ Львовской первой, русскѣй (академиче-
ской) гимназій прннннхъ съ конннхъ 1853. го-
нннхъ 31 учоннхъ въ ннннхъ преннннхъ (Matru-
nalsprüfung), съ отличннхъ (ausgezeichnet) снн-
ннхъ сой ннннхъ 7 учоннхъ, ннннхъ тннхъ двѣ
русскнхъ: Мннннхъ Гннннхъ и Лннннхъ Лн-
ронскнхъ. Съ прннннхъ преннннхъ сннннхъ
сой ннннхъ 15. учоннхъ, ннннхъ тннхъ русскнхъ:
Грннннхъ Дннннхъ, Іосннхъ Дннннхъ,
Нннннхъ Кузачковскнхъ, Антоннхъ Рннннхъ
нннхъ, Днннхъ Сабатъ, Нннннхъ Сабатъ, Ан-
тоннхъ Стрннннхъ. Во второй Львовскій ннннхъ
ннннхъ ннннхъ обннннхъ дрн ннннхъ прен-
нннхъ нннхъ оиднхъ Русскнхъ Іосннхъ Арннннхъ,
которнхъ отннннхъ нннннхъ того ннннхъ. Такъ
труднннхъ ннннхъ сннхъ нннннхъ ннннхъ!

— Годы школьного 1834, записалось до гимназии Львовской порою, русской (младшею): до Класи I 80 ребят учон., покуда тамъ рус. 46.

• II 80	•	• 37.
• III 65	•	• 41.
• IV 58	•	• 32.
• V 57	•	• 27.
• VI 54	•	• 23.
• VII 60	•	• 39.
• VIII 66	•	• 33.

Совоо: 540 русскихъ 276.

— Россійскій князь П. Визинскій, прибывшій недавно по купево въ Карловыхъ вартахъ (Карлсбод) въ Чехахъ составил во память дружба свои съ чехами ученики, Висоцкороу Главном, пошлу „Письмо русскаго воина.“

— Славный славонскій писатель Анджевъ Штуръ издалъ недавно въ Бретислави (Пресбургу) свои „Историческiи писма.“ Главнымъ предметомъ большей части тѣхъ писемъ есть знаменитый славонскій богатиръ Милое изъ Тренича, погнанный изъ славной родины Чановъ, который пошлору представилъ Л Штуръ самымъ извѣстнѣйшимъ образомъ.

— Въ Загребѣ составлялось общество въ видъ выдвѣсива пародичкхъ составовъ, и вошло въ Юго-Славонъ въ соучастіе, прирочна подати пошлорити рѣку пошлору, кто бы толико на отечественной языкъ хотѣлъ трудиться. Тамъ является у соавснениковъ лашки Хорватовъ досточайное стремленіе, вспроти и вдовосити все, что свое, народно-славонское. Точо у Чеховъ встрѣчается пошлорина, подрываніа досточайны, угнѣа, акт то именово въ Празѣ существуетъ уже немъ врочина народное зрѣніе, въ котороу преимущественно представляются драматическiи произведенія, основаннiа на словенской исторіа. Кога дождатся того и пашъ?!

— Кроуъ италянскіахъ и францускiахъ всеучаши въдревнѣйшiахъ суть словенскiа; въ году 1347 пошлорилъ польскiй король Казимиръ В. уголомъ каменъ для Кроповского всеучашиа, Пранское всеучашио учреждено 1348 г., Вильонское же оидо въ 1365 г. Въ члѣой Нивенчій вѣтъ ии оидо всеучашиа, которое было бы старшиа отъ Кроповского или Кроповского. Отъ г., 1777, когда ете во вѣтъ европейскіахъ всеучашиахъ про-

двѣно етъ науки въ латинскѣ языкѣ, заводеть былъ уже въ Кроповскомъ всеучашиахъ польскiй языкъ, иио языкъ наукомѣхъ преподаванiа.

ВСЯЧИННА.

— Въ 3 селенiахъ ии Буковинѣ, ако и въ 2 Чертновского и 3 Золочевского округа явилась нѣвоо холера, и съ 12,366 таочиниахъ жителей захворало на иио вѣтъ 193 оидо, съ тѣхъ ии вышлорилло 87, умерло 84 а 12 оидо ете хворихъ. Завѣтити оидаконъ нушно, что въ нимѣхъ, ниско не отдаленнѣхъ отъ границъ сторонѣхъ краа, дае спорадичныи новѣам холерѣ думѣ рѣико случившета и впрочетъ се вѣлно нѣнахъ нимѣхъ знановѣхъ грѣащого значительное ширинѣ холера.

— Средства противъ холера. Завѣчано отъ лави, что люди работавши около вода, не заподла на холеру; тоо не увачано и во время жестоко алагдашео холера въ Штоагольцъ и Петербургу, и потверждено оидомъ, что пошениа на грузѣ ивленинѣхъ платоу предохриваетъ отъ холера. Еме въ г. 1823 соавснорилъ славный дѣваръ Ганеаиа носити ивленинѣ платиа яко предохривательное средство противъ холера, и тоо средство оказалось въ пошлорѣе время свѣаственинѣхъ.

— Дна 28 и. и преставился въ Цареградѣ греческiй Патрiархъ.

— Прусскiй еа иаеціонеръ Райхардъ, пашеъ во время пребывания своего въ св. земли, въ горѣхъ Галаен илдовское селеніе Букче, которого жители суть гнии земледѣльци. Естѣ то рѣднотѣ во истину весьма завѣчательна. Они суть пошлорива тѣхъ илдовъ илганиаиоа, которыи до добитiа Іерусалима черезъ Тита вореселились въ Галилейскiахъ горахъ и моиа тѣхъ, когда одновѣрци ихъ знаниащето илдовъ торговлею или илдовъ, оидо обдѣлываюаъ языкъ въ оидоохъ отеческуму землю.

— Въ Терлицу въ австр. Шлезиску породла недавно оидоа женщина двоо пертыма дѣвчатоу, которыи животѣаи были срочлениа а руни держали акт бы въ объятiахъ оидоа другоу на шѣа.

— Курскъ грочетъ на бѣрѣ Вѣдальской дна 13 Окт.	
Актѣ и. оидоошлѣ	16%
оидоошлѣ	12

(Слѣдуетъ Число 33. „Поученiа Церковныахъ.“)

Изданіеиъ и тавоуъ Института Стараинагiаевого.
Отвѣаствениый Редиторъ Еоидо А. Дидимѣ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Среда два листа, во кѣмъ годовое въ Листовъ 4. зр. 40. пр. к. н. — въ
почтовомъ пересылкомъ 6. зр. к. н. — Жалованіи четвертьное получаютъ платитъ въ Листовъ 1. зр. 10. пр. к. н.
и на почтахъ по 1. зр. 30. пр. к. н.

МОЛИТВА СИРОТКИ.

Вечеръ былъ, сверкала звездамъ,
На дворъ порезъ трещалъ;
Шелъ по улицъ малютка,
Посылалъ я весь дрожалъ.

„Боже!“ говорилъ малютка,
„Я прощаю, эти ячюу;
Ктожъ согрѣетъ и накормитъ,
Боже добрый, сироту!“

Шла дорогая старушка —
Услышала сироту;
Приняла и согрѣла
И эти дала еду.

И въ постель положила —
„Якъ тепло!“ проповалъ онъ;
Заверъ глаза, уснулъ хуся,
И заснулъ... Своей маминъ согъ!

Богъ в птичку въ поятъ кормитъ,
И пропитъ росой китютокъ,
Безаритного сиротку
Также не оставитъ Богъ!

К. П.

ЗОЛОТО И БУЛАТЬ.

(Басня.)

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказало булать;
Все куплю, сказало злато;
Все возмю, сказало булать.

А. П.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ СТАРОСЛАВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Второй — и третий Періоды. — Реданское изданіе — в
наше русское изданіе.)

Второй періодъ 1. Изъ болгаро-сербской семьи принадлежатъ следъ: Житіе Неофита монаха, пер. съ греч. известно по списку съ 1219 года; Повесть о Александрѣ, царѣ Макед. соч. Арріана; Житіе Саввы, перваго Архіепископа Сербскаго, соч. Деметіана (1236 г.); Краткій лѣтописецъ патриарха Никитора, во списку 1282 г.; Шимитовацкое Евангеліе съ XIV. столѣтія; Интургия, рукопись Новака, писана глаголитикомъ; Креница врененныхъ книгъ Георгіа Амартели, по переводу съ г. 1348.; Лѣтопись Константина Маниссія, по переводу съ г. 1348.; Сказаніе тороразна Храбра в писменахъ (1348 г.); Псалмъ Иерусалима, пер. съ греч. Іоанномъ 1399 г.; Паралипоменонъ Зомири, пер. съ греч. Григоріеихъ 1408 г.; Житіе Стефана, Деспота Сербскаго, соч. Константина 1427 г.; Житіе св. Григоріа Опитратскаго, пер. съ греч. Андроникомъ 1432 г.; Пандекты Антиоха и Петерихъ съ XV.

важ; Христіянське въ к. Ваденской бібліотецкѣ; Великия Александрія, позовъ о Александрѣ; царь Македонской, во 140 главахъ, неизвѣстнаго писателя, по списку 1496 г. 2.) Изъ валорусской семьи: Посланиѣ епископа Синова къ Полкарну, 1226. г.; Посланиѣ Поликарна къ Акиндия съ 1226. г.; Договорная грамота Синоловского князя Метиселеза Довладичи 1226. г. съ Ригю и Гетонихъ берегкѣ; Правиле Кирилла митрополита, заповѣщающѣ въ себе дѣяніа Владимирокого собора съ 1274 г.; Вопросненіе Феогности, епископа Сарайского Цареградскому собору Владихъ съ 1201. г.; Правиле митрополита Максима о постахъ, 1205 г.; Латинскія Кіевская и Володимирская; Привилегіи, выданныи Интовскими Князьми Мало-русскому народу за услуги: Ягайда 1410. Владиславъ 1434 г.; Судебникъ Козаира IV, дѣяній Литовской Руси въ 1468 г. и много различныхъ грамотъ. 3.) Изъ великорусской семьи: Путешествіе Архіепископа Автона въ 1200. г.; Новгородскія договорная грамоты съ русскими Князьми съ 1265 года. Актіи юридическіи съ половины XIV. века. Сказаніа о шестисти Батыи и Маная; Путешествіе Аванасія Никитина въ Индію съ XIV. века; Повесть Симоона о Флорантійскомъ собора; къ тому значительное количество грамотъ, постановленій соборныхъ, уставовъ монастырскихъ, посланій святителей, наученій духовныхъ, житій святыхъ и пр.

Третій періодъ. 1.) Изъ болгаро-сербской семьи: Похвалное слово Кириллу и Меодію, извѣстно по списку XVI. века; Коричная книга, Разговоры между Папою Григоріємъ и Петромъ діакономъ и Житіе Варлаама и Исидора съ того же века; Греческая или

Бронтологіонъ съ XVII. века; Литургія, початая глаголиткомъ въ 1483 въ Венеціи; Октоихъ, початанный въ 1493. г. въ Цотинъ на Черной Горѣ; Псалтирь, початанна въ Яссахъ 1680. г. 2.) Изъ малорусской семьи: Литовскій Статутъ 1566 и 1586 г.; Посланиа Острожского князи Константина Василія съ 1595. г.; Евангеліе, початанное въ Острогу г. 1591.; Сочиненію Іоанна Златоустаго съ XVI. века; Герасицъ Даниловича предисловіе къ Острожскому Библіи 1580. г.; Грамматика и Словарь Лаврентія Зиванія 1596. г.; Доктора Скорнии переводы библейскихъ и церковнослужебныхъ книгъ, 1517 — 1525 г.; Отисъ Острожского клирика на листъ Ігнатія Потои и описаніе Флорентійского собора соч. Кир. Лукара, учит. Острожской школы, а потомъ Константинопольскаго патріарха, съ 1598. г.; Словарь Павла Берниди 1627. г. и пр.

3.) Изъ великорусской семьи: Степенная книга царского родословія; Записки Курбского; Повесть объ осаде Пскова Баторіємъ; Исторія о Казанскомъ царствѣ; Повесть Корниліи о началъ Печерского Псковского монастыря; Путешествіе Василія Зосими, Симоона, Трофана Коробейникова; Сказаніе о неудобъ копилельныхъ рачехъ (Словарь); Азбуковникъ, и много грамотъ, уставовъ, посланій и пр.

Кромѣ всѣхъ приведенныхъ тутъ памятниковъ церковной литературы хранится еще въ различныхъ бібліотекахъ и монастыряхъ много старинныхъ рукописей большой и меньшей цѣны. Церковная бібліотека въ Москвѣ сохраняетъ сама выше 700. списковъ; Петербургская Академія Наукъ имѣеть почти равное число старословенскихъ рукописей. Мень бібліотекии иныхъ краевъ едва найдется така, которая бы вовсе ихъ не имѣла. Особливо богаты въ томъ отно-

шени библиотеки Ваденьская и Ридская.

Закатаи книжо, что произведеніа изъ другой половини первого, всего второго и третьего періода, происходящія изъ на-де-и велико-русской семьи по отличаютсѣ почти всею языкомъ; въ обѣихъ семьяхъ извѣстенъ церковный языкъ на ед-динъ ладъ, въ обѣихъ встрѣчается тотъ же способъ прииорозленія церковного языка къ даюшъ тѣмъ восточнословенскимъ нарѣчіямъ, такъ, что даже самыя глубоководнейшія язы-костовы не въ состояніи сдѣлать нежъ нини якового различія. Ихъ только различити мож-но по мѣсту или странѣ, въ которой писаны были, и по происхожденію ихъ сочините-лей. Слѣдуя тому способу различенія, мы при-числимъ литературныя произведенія, состав-ленныя въ Малой Руси или где либо, по Мало-Русскимъ къ малорусской, другія же, писанныя въ Россіи или где либо, по Рос-сіянскимъ къ великорусской семья. А поиме въ первомъ періодѣ средоточіемъ литератур-ной жизни Малорусіи былъ городъ Ки-евъ, Россіянъ же Новгородъ, для того малорусскому семейю того періода можно спра-ведливо назвати также Киевскою, а вели-корусскому Новгородскою.

(Конецъ статьи.)

ЧАЙКОВСКИЙ.

Украинская повесть.

VII.

Но буденъ широко говорити о подвиг-гахъ охотниковъ за Дняпромъ. Они прошли съ огнемъ и мечемъ лѣсами до рѣчки Вмси, за которою уже начинались великия степи, раздѣлили добычу и поехали домой, а ха-рактерникъ съ Алексѣемъ Поповичемъ, по-рѣшавши руку, углубился въ зеленое мо-ре степей.

Перомъ изъ подъ коньскихъ ногъ выле-тали са-самонъ стеними стрелы, воромъ,

роздвигая ракеточны кусты, пронзалъ во-родъ нини огромныя зелены-желтыя змѣи, и поднимши голову надъ травомъ, злобо-е шипялъ во слѣдъ за ними; перомъ, тру-сливый зайць, астрозомонный коньскыя те-нотекъ, срывался изъ подъ широкихъ ла-стѣвъ дикого хвара и будыте шила усти-валася въ зеленую даль. А наши путники все ахали и ахали на юго-востокъ; кругомъ были степь и небо, но характерникъ ахаль-къ по битой дорожѣ, и въ послѣднее днѣ она была близко Сечи.

Характерникъ остановился, излазъ съ коня, протеръ ему ноздри, тоеже посоветовалъ сдѣлать и Алексѣю, и отпустилъ коня пастися, привязавши конювъ длогого рессе-ного поводъ къ своему носу; потемъ сѣлъ на траву, поджавши ноги по туркии и сказалъ Алексѣю:

— «Сядисъ, братниу.» —

Алексѣй усалъ.

— «Ну, ось мы скоро буденъ въ Се-чи,» продолжалъ характерникъ, поймавъ люльку.

«А далеко ли она?»

— «Отсюда не видно, а подьдемъ блан-но, и шапкомъ допниемъ.» —

«Ты уже и розсердился бѣтьку?»

— «Я не сержусъ. А къ чому добро-брому козаку право допрашиватися чого-нибудъ?... будыте баба, у которой языкъ свербитъ, или надъ нечестий!... Ты ось еще дурень во позачесты, къ я важу. Ко-закъ все знаетъ, а чого и не знаетъ, ни-когда не спрашиваетъ, разъ вывадасть по-латично. Ты сказалъ бы: „должно быти, къ вечеру дождетъ,“ а я бы отвѣчалъ: „разъ ты птица; дай Боже завтра къ вечеру.“ Осъ ты и коналъ бы, къ оно ось. То разъ. А другое: не зевя нене больше батькомъ, ни дядькомъ; на гетманщина дло шное: такъ я важъ важъ дядько, и вашку подманш-

ку, да и не гетнала по душе снотрати ота-
ну: такъ я Запорожцъ. Ось что! На гу-
льми я былъ вахтъ ватажко, начальникъ,
вы мене и звали батькохъ. А тутъ ни воя-
розни: я козакъ славного Запорожьа, ты
простаеши въ наше товариство — ни ре-
ши. Называй мене, братику, просто Никита
Прихвостень. Удаляешися — снотра-
са? — такъ что? не подобалось вое прозва-
ше?... Посмотритъ, акое емо тебе ла-
дутъ! У насъ все перекриваютъ прозва-
ше: и не въ прозвище далю; не оно те-
бе украситъ, но ты его украси. Я про-
стий человекъ, такъ — себе, прихвостень, а
на воюи Прихвостень впередъ всахъ, в При-
хвостенъ кличутся Куреннии и самъ Ко-
шовий говоритъ: „Прихвостень удалий ко-
закъ.“ То два. А третье: хотъ бы ты прежде
и былъ дружень съ нашимъ Кошовимъ,
не признавайся къ нему съ разу, вока онъ
самъ теба не скажетъ, что тебе похвонтъ.
Бывало время, ви бурсаковали разонъ —
хорошо, бурсаковали. — такъ бурсакова-
ли и кончено. Теперь онъ великий началь-
никъ, ему не будетъ удобно, коли вска-
ная драва станеть ему лезти въ прители:
ты по драва самъ по себа, не въ козаче-
ствъ емо толкати. Похвоньшъ? —

„Можетъ и такъ.“

— „Такъ оно и есть. Теперь у мене
къ теба есть просьба. Любишь ты ге-
ралку? —“

„Употребляю изъ полтвники, изъ нале-
жить человеку, а не то, чтобы великий
былъ изахъ.“

— „Такъ после черки, другой, деся-
той, не перивають ли тебе прогулати все
до чиста, до вятки, не тягнеть ли даже
душу золотата?...“

„Такой оазисъ не бывало.“

— „Ну, ладно! Сосрий, прошу теба
ось тн изъ дукатовъ, и не отдавай нощь,

изъ бы и ни просилъ, изъ бы ни прика-
зывалъ, что бы ни далъ — не отдавай
до Сачи, а съ остальнии я управлюсь.“ —

„Что сладшеши съ остальнии?“
— „Прогуляю!.. Ди и на беса они новъ? въ
Сачи все обще; что твое, то мое. — та-
кое уже братство, все обще, крокъ кони и
орунья: то уже сказано съ душою, изъ чу-
бутъ съ дилкою. — Я бы и пяти дукатовъ
не оставилъ, но знаешь, нужно поклонитъ-
ся Куренному и Кошовому; не будь то-
го, все кусталъ бы я на волю. После черки
у мене такъ и загоритъ въ очахъ: хочетъ
са музика, псалой, грому; розгуляеши ко-
зацкая душа, такъ я гулай!... А тутъ,
варно, за грахи мои, авитос чертъ який
и сидеть на носу... ой-Богу, ось така и
сидеть верхохъ, изъ на кобылу, и вижу, а
не могу снати, такъ и аздать, такъ и вор-
титос и шепчетъ: „давай, Никита, громи
на гералку.“ Ось така оазисъ.“ —

„Гдезь будешь гуляти, брате Никита?“

— „Овать спрашиваеши во бабки!
Охъ, изъ тн балоручникъ гетвани!... Ко-
закъ не безъ доли. Сидись, поадеши.“ —

Козакъ похвали ровномъ ризю. Въ оскора
Никита началъ оглядыватися по сторонамъ,
приложилъ кулакъ къ правому оку, долго
вскотривался въ даль и закричалъ:

— „Такъ и есть, вотъ близко. Берегъ,
Алексей!“ —

„Где?“

— „Чей же ты не видишь въ породу
ничего?“ —

„Ничего, крокъ птица.“

— „Ось така птица, что летитъ, то
есть берегъ.“ —

„Мало ли ни видьши птиць!“

— „Птица птица по роса: то ворона!“

„Ворона птица такъ — себе.“

— „Для того и хорошо, что такъ-се-
ба; ворона — дуракъ; вольный протеть,

словно козакъ. быстро летаетъ, а ворона греческѣея рѣде; третья около хаты; увидѣвъ ворону — в хата близко.... Слѣхи за мною...»

За полъ часа прискакала на край крутого оврага; подле него глубоко, едва приметно тесенкомъ вѣлся по восточному дну маленькій ручеекъ; по сторонамъ грохотались, торчали огромныя сѣрые скалы; въ ущельяхъ лѣзла терновникъ и выбѣгалъ примитивъ зеленины раціоналы гордый кустъ, вѣстившій на Украинѣ по своимъ крапинкѣ, выгнѣстившій чубукавъ. Въ низу колодез дзючка, сиди на камнѣ у берега ручья, мыла ноги.

— «Ось и Варварикъ оврагъ.» сказалъ Никита: «тутъ и ей замовникъ.»

Дзючка быстро опрокинула назадъ голову, взглянула въ гору, аспиринула и исчекала.

— «Якая нѣзъ проворила Тавька!» проворчалъ Никита: «те сестраиница Варки, весела дзючка!»

«А Варка кто?»

— «Варка вдова нашего козака, по смерти мужа сидѣть на корчѣ тутъ недалеко отъ Сачи. Духу мужского нѣтъ здѣсь, все бабы, — она и ей сестраиница; а нивѣтъ хорошо; все громи нѣни скронь-козаки тутъ оставляють. Тутъ ноють, тутъ гуляють, тутъ... А вотъ она сана.» — Въ то время, по подалеку изъ-за скалы показалась женщина лѣтъ сорока; волоси ей были собраны подъ козацкому шапочку — наберлянку: лице и шея смуглыя, загоралы; надъ тѣмными, сверкающыи очами черною скобкомъ лежали густыя сросшиися брови; въ волосокъ у ней была пара пистолетовъ и татарскій ножъ, въ рукахъ турецкыя ружья. Уставивши дуло ружья противъ козаковъ она грозно очитала: «по волѣ, или по неволѣ?»

— «Ось такъ лучше!» отвѣчалъ захотавши Никита: «известно, по волѣ! И своихъ не узнала, Варка Ивановна...»

«Тоу, вѣсть не узнала!» сказала Варка, опукала ружья: «настрашала мене! Дунала, по знати кто, такъ прикардѣлся Никита Прихлостень! Откуда, коли по волѣ?»

— «Пшоенку полади.»

«Доброе дало! А куда нѣво?»

— «Есть небого!» отвѣчалъ Никита, добракала въ кишени дукатаны: «вѣста съ собою носикъ.»

«Милости вросни! Отвалѣте къ каменю... А то новотимъ?»

— «Еще телатко, и будетъ волкомъ.»

Козаки отвѣдали каменю, и нѣтъ представилась узкая стопка, на которой они съ трудомъ сошли и свелъ коней. Коней сокрыли подъ навѣсъ скалы, а сами вошли въ корчю. Корчя была въ родѣ земляны; она состояла изъ большой комнаты и двухъ маленькихъ свѣтлицъ по сторонамъ; налѣвѣн были савьяны корчварки и трѣхъ ей сестраиница, а большая служала сборникъ кѣстиевъ для козаковъ. Вокругъ подъ стѣнны, стояли лавы и столы. въ кутѣ бѣлка горалки, на которой частѣ, сидѣ перхонъ, засыналъ нѣи-нѣбудь характерникъ; надъ немъ, въ примѣчкѣ, стояли бутылки съ розличными лавѣтканы, коши, ставаны; на стѣнахъ висѣли сабли, ружья и ивѣтѣлѣты.

Поспурный Никита воссе перемѣнился, вошедши въ корчю, где уже ожидала ихъ Варка съ бутылкою и чаромъ въ ружьяхъ; три дзючки, довольно хорошия, сидѣ у нея, — те-то шили.

— «Солнѣ извѣсно, вечеръ близокъ.»

Прѣиди ло мене, нѣе сердитѣ!»

весело засѣвалъ Никита, прикивая чарку, вынулъ, поглядѣвъ усы и обратившись къ дзючкавъ, сказалъ: «Здравстуйте, нѣе

перевелки! Живы, здоровы? ждали въ гости доброго козака?

„Куда — ахъ ждали!“ закричали левочки въ одинъ голосъ: „много вась такихъ поганихъ!“

— „Ха - хи - хи! го - го - го, затрещали сороки! А куда-то поганимъ добытое золото, не такъ дасызавате... Ба! что те за новый крость у вась, на токъ боругу?“

„То такъ,“ отвѣчала корчмарка: „третого дня подгуляли хлопцы, не много поспорили и одинъ остался на вьста.“

— „Все по арешному, горачи голову! Ктожь остался?“

„Старый хряпъ, войсковий писарь,“ сказала снзась Танька: „сталъ мене целовать, душень, при всьхъ; я закричала, козакъ зоступилъ за мене, и Максимъ Шпанка, такъ нечаянно потагулъ его саблом, что онъ уже и не всталъ изъ вьста.“

— „А попробую я подловата тебе; посмотрю, убьеть ли кто нево,“ сказалъ Никита, обвивая рукою шею Таньки.

„Уступилъ! еще не выросли руки обнишати мене! ей - Богу закричу, сейчасъ закричу! веть, закричу!“

— „А я тебѣ ось такъ ротъ зашну.“ говорилъ Никита: „дори краче зубани!“ И дашни ей въ ротъ червонецъ, начала цаловата, преговоривая: „ака королезна! — Что ты сидишь, братику Алексѣю, ахъ о волудки сова на березѣ? Пий, гулай — а влечу! Видишь, ахъ воселе! Спавай пьсно, тагни за мною!“

Давидъ Варю

Еще черку,

И Поповичу воль черку.
Вьшомъ — вобу ставеть шарю!

Охъ, моя Татьяна,

Червобрива похана!

У прасешии корчмарки,
У воселной тети Варю

Много водки, меду, вина,
И сосранички на двои!
Охъ, моя Татьяна,
Червобрива похана!

Вьшорула и прасеа
Тетьяночка червобрива,
И блестятъ немъ позачани,
Ахъ дунать немъ ватакани!
Охъ, моя Татьяна,
Червобрива похана!

Ось вайъ и пьсна, сейчасъ, съ разу сложилъ, така моя козачья натура — хвалъ въ голову, пьсна изъ головы, а ничего не училъ... Ей, братику Алексѣю! что то было бы изъ мене, если бы учили, ахъ бурсака!

Къ тещеру вриэхало еще четмре козакъ, поиниети, ахъ они говорили, покойного писаря, и подналась страшная пьнтка Никита идалъ ватаки и червоици и, безарестивно шедкам себе по носу, ворчалъ: „Уже тутъ! уже усаьса, проклятий! Ось Божая кара!“

„Если бы музнику,“ сказали козакъ: „то-то было бы потаха!...“

— „Истинная была бы потаха!“ далаъ Никита.

„У мене ось бандурка; Супона прощлой неделя заложилъ за бутылку горьлки,“ говорила корчмарка. „Играйте, коли умаете.“

— „Хорошо, хорошо!“ закричалъ Никита: „давай ю сюда!“

„Давай ю сюда!“ закричали козакъ.

Принесли бандурку.

„Хорошо!“ говорили козакъ, посмотривая другъ на друга: „а кто шь заграеть?“

— „Кто заграеть? ака штука! мило а видаль играющихъ! Кто хочеть, да играеть, только не я.“

„И не а! и не а!“ отвѣвалось со всьхъ сторонъ.

— „То бы то вышло: ось въ горпяти поделю, да голоза не алзеть!“ сказалъ Никита; „не умаете ли ты, Алексѣй?“

ты человекъ гранотный.“ —

„На гуслихъ то я не много играю, а на бандурку никогда не пробовалъ,“ отвѣчалъ Алексѣй.

— „Пустое! гусли, бандурка, балайка, свисталка — все одно, все играетъ, все веселитъ! Ей-Богу, оно все родное нежъ собое! Игралъ!“

Алексѣй положилъ бандурку на колѣна, взялъ гусли, взялъ два три аккорда, и вышла какая-нибудь музыкальная пляска въ родѣ козачки. Козаки пришли въ восторгъ и встали въ присядку.

Никита съ товарищами гуляли на рощахъ, съѣли годовалое поросатко, выжила немаловажное количество всякой всячины, и до полночи у Никиты не осталось ни гроша въ карманѣ. Корчмарка перестала давать горалку, и не хотѣла брати на заставѣ на оружія ни кона.

— „А чѣму жъ ты не берешь моего добра? моя сабля дорогая и конь добрый: отдашь за малое. Берн, дурная бабо!“

„Ты самъ дурень, Никита; не можно такъ и не беру. Кошевой не приказалъ.“

„Правда, правда,“ говорили козаки. „только позволь проиневати оружье, за недѣлю на всю Сечь останется одинъ пистолеть.“

— „И одинъ пистолеть въсьхъ перекочу!... Такнъ то вы добрыи товарищи, Богъ съ вами, тагнего руку за бабою! Варно, моя така несчастная доля,“ жалобно говорилъ Никита; — „еще бы чарку другую, и довольно... и ось пошла бы спать!... Но постойте, постойте! а я забылъ! у тебе, Алексѣю, суть моя гроши?“

„Есть нѣтъ дукатовъ.“

— „Хорошо, давай ихъ сюда!“

„Не дѣкъ.“

— „Якъ ты сивешь не давати ему ого грошей!“ саросила козаки.

„Отъ самъ по велель; нужно, генералъ, остаати на гостиницѣ Курешку.“

— „Да, да, правда, Алексѣю! нужъ поклонитесь начальству, нужно... Осъ, тригатель; поиди сюда, а тебе поцалуй.“ —

„Вотъ еще; великая птица Курешинъ!“ сказали козаки.

— „И те правда, якъ подуметь,“ продолжалъ Никита: „не велика птица, е-Богу! былъ простиый козакъ. а теперь Курешинъ! ни выбрала — и стала Курешинъ, а былъ простиый козакъ, якъ и а, и акъ ны. Пожыву, и мене выберуть за Курешного. Выберете, хлопци?“

„Выбереть, выбереть!“ закричали козаки.

„Выберите его сейчасъ,“ сказала корчмарка.

„Хорошо, хорошо! сейчасъ. Здары былъ нашъ Курешинъ Никита Прихвостемъ ура!...“

Козаки какъли шапками въ гору; Никита неважно поклонился, поблагодарилъ за честь, сѣлъ на лавку и подбоченясь, сказалъ: „Ну, теперь, Алексѣю, отдашь гроши своему начальстау; оно тебе приказиваетъ.“

„Не отдашь, хоть бы ты на правду былъ вначальникъ; просишь — тогда отдашь.“

— „Его! твердо сказано, характеръ Хлопци, изъ него люди будутъ! А вы чѣмъ такъ сивотесь, баби? дунете, не отдашь поспотричь. Хлопци, оташте медля тебъ пизинника, такъ, сабля вонъ!... Ну, чѣмъ теперь отдашь братану?“

„Не отдашь.“

— „Не отдашь?“ проташно сказалъ Никита.

„Чукинъ, чукинъ!“ закричала Тамъ въбѣгая въ комнату: „слушайте, слычуть! стони.“

Одинъ козакъ припнулъ ухомъ къ

на в значительном смысле, „Сильно скачутъ; вѣрно, за гнѣвъ погони.“

„Я вздрадею,“ проговорила корчмарка, схвативши се стѣми ручищу: „а эм подчѣте, гасите огонь!“

Огонь погасили; въ темнотѣ зашелкали кури ручницъ и пистолетовъ в прошептала одна козакъ: „Скачутъ, сильно скачутъ; ужь не Крымци ли? говорятъ, они собираются на Гетманщину.“

И все стало тихо, якъ въ гробъ. Чѣмъ легкая рука сильно схватила за руку Алексѣя и кто-то прошептала ему на ухо: „Отувай за нѣмъ, а оясу тебе!“

— „Кто ходитъ?“ спросила Нинка.

„То я,“ отвѣчала Татьяна: „оудите ты; нѣмуду, проведу, что дѣлается.“

Она вышла и вывела за собою Алексѣя.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

КРАСА СЕЛА.

(Повѣсть.)

(Конечъ.)

Николѣ неметъ не была любовь немъ двома лицами обого пола чистѣйшею, якъ у той невинной дѣвочки. Приятна и пріятельная поверхность молодого любовника и оказальность войскового одѣнія плѣнили напередъ ей око, но нѣмны свойства оказали дѣвочкѣ ей сердце. Она зрѣла въ немъ якое высшее существо, и любовь ей къ нему равнялась убожанію. Онь бо былъ въ состояніи за короткое время возбудити въ ней высшіи понятія, вознести душу ей къ идеаламъ красоты и величія. О романтичн роду, сословіи и инстинктѣ она не знала и не подумала, бо чужини былъ для ней всѣ общежитейскіи понятія великого сѣята, и только романтичн въ просвѣщеніи и способѣ обожденія, якое оказывалось немъ омъ любительскѣи и повседневною сельскѣи

обществомъ, подносило цѣну его въ ей очачь и влекло ю къ неизреченному почтѣнію и наирезивѣйшой любви.

И онъ не менѣе восхищался ей свойствени, но любовь его соединена была съ чувствами больше смысловыми. Легкомысленно вошелъ онъ съ нею въ сношенія, бо часто слышалъ, якъ товарищи его выхвалялись побѣдами, отнесенными на сельскѣи настыркахъ и ему казалось, что побѣдоносимъ торжества того рода нумны сѣйтовому челоуку. Однакожъ та неустойчива, вѣтрѣнная жизнь войсковая не испортила еще за нѣмдо его сердце; для того воспыдало оно мимовольно отъ огня, который онь самъ розмарилъ, и закѣмъ тое замѣтилъ, уже на правду влюбился.

И что было ему дѣлать? Наразъ представлялись ему самыя чуждыя препятствія, валиющіяся въ подобныя нерозвѣданныя случайхъ. Его становнице въ обществѣ — его завѣсность отъ гордаго, неупросительного отца — все то не соизволяло ему думать о женитбѣ, но въ присутствіи той ангельской невинности, той чувствительной и всѣмъ сердцемъ преданной ему дѣвы уступали изъ его души всакии недостойныи помысленія, всакии неправдыи намыренія.

Надарно старался онъ поумити себе многократными нехорошими прикѣрами легкомысленныхъ, великодуштовыхъ молодецъ, надарно старался угасати въ себѣ искру благородныхъ чувствъ холоднымъ порицаніемъ, съ якимъ они обыкновенно говорили о женской слабѣ; но сблизившись къ Меланѣ сейчасъ почувствовалъ силу таинственного вліянія неповредительной дѣвичей чистоты, въ ямѣ посажденной области не можетъ возстати никака мысль грѣшная.

Вскорѣ пришелъ отъ полкового начальника приказъ къ дальшему походу, и тѣмъ умножились трудности вояженія и замѣ-

жательство въ душѣ молодого любовника Меланин. Черезъ нѣсколько дней былъ онъ какъ не свой, не могъ ничего рѣшительнаго предпринять, не смогъ даже отарыти печальную вѣсть тую передъ дѣвицею. Наконецъ въ вечеръ передъ днечъ своего отъѣзда возбудилъ ей о выданномъ изловонъ приказу.

Мысль о разлуцѣ не занимала ю прежде николи. Среди пріятныхъ думокъ о своемъ счастьи смала вѣсть таа на ню ило громъ разгнѣваныхъ небесъ, и уважая случай тотъ за внезапный ударъ завистой судьбы плакала горенько, какъ плачетъ дитя, коли въ первый разъ разлучится съ возлюбленною матерью. Онъ принималъ ю къ своимъ грудамъ и цѣловалъ слезами срошенное лице дѣвицы; она неопиралась, бо бывааетъ иногда пора въ житіи, котора освѣщаетъ кѣмности привязанія. Кровь отъ природы горячая, видъ красоты, такъ ему преданной и розпывающейея теперь слезами въ его объятіяхъ, чувство власти надъ нею и обая утратити ю на всегда, все тое разомъ пригасило въ немъ благодаривѣйшій чувства и онъ вознамѣрилъ сойтвовати ей, чтобы кипула домъ родителей и родимое село, и сопроводила его на пути обоенольного ихъ счастья.

Неопытный еще въ искусствѣ прельщенія задромалъ онъ на саму мысль о своемъ лукавомъ нахѣреніи; однакожь не много оставало ему уме времени къ размыслу; онъ дернулъ предложить ей свой недостойный сойтъ. Красная жертва нерозважныхъ его замысловъ была еще столь невинною, что сначала не могла даже понати причинамъ, для чего нужно бы ей было покидати родное село и смиренную страху своихъ родичей. Когда наконецъ чистая душа ей понала истинную мысль его предюменія, неострашилась она и исполнилась печалію.

Оно не плакала — не обтѣмалъ стъ пѣякини укорани и не рекла ни слова, — но задромала какъ бы узрѣвши страшную жикъ возрѣла на него тревонимыи окомъ провалающимъ въ глубину души и замыслии руки въ отчаяніи, какъ будто бы немъ охраны ушла до хаты своихъ родичей.

Молодой офицеръ отошелъ въ снѣжин, съ увлореніемъ и жалеть въ сердѣ. Неизвѣстно, что бы произошло было отъ той борьбы чувствъ, если бы мысль о сиромъ отъѣздѣ не была надала шное намерленіе его суминныи думамъ. Новымъ прѣмшествіямъ, новымъ зантїямъ и забавамъ, сътовомъ товариществомъ разогнали въ незадолго утрели млой совѣсти и мало по малу затрѣм впечатлѣніи первой любви; а одлакомъ среди шуму и смута войсковой жизни, среди забавъ и увеселеній съ товарищамъ въ воинскихъ рядахъ, и даже среди громоз пумокъ на полю бытвомъ, перепогасла отъ неразъ мыслию къ зрѣлицу сельскаго споодствія и простоты сердечной, и ставала ему передъ очи любленаа хата съ соложаномъ стрѣхомъ, стѣнка издолми серебряного ручья и она прекрасная дѣва, дами идучи еперта на его рамени съ выразомъ сердечного поххищенія, вслушивалась въ самдукую его бесѣду.

Ударъ, заданный бѣдной дѣвицею, разрушиши весь ея міръ идеальный, былъ для сердца ей великии болѣстный. Она зрѣла есходящего любинца будто съ великимъ горьмствомъ при отгласѣ трубы и бурьныхъ кипула на него послѣднее возрѣніе болести, когда восходящее солнце освѣтило его лицъ а вѣтеръ раніишъ порушалъ блистательнымъ воинскимъ приборамъ; незадолго исчезъ онъ ей изъ передъ очей какъ мгновенное сіяніе свѣта и оставилъ ю въ тѣнотѣ. На передъ драмъ и омѣльнѣ потрясли утлимъ составъ ея тіла, а послѣ нихъ наступило травалое нѣст

щающее умниѣ. Она убѣгала товариществъ, и одиноко бродила по тѣмъ мѣстамъ, где наиболѣе пребывала съ своимъ любимцемъ.

Она плакала въ тишинѣ и укромтѣхъ, и предавалась чѣмъ разъ большому отчаянію. Иногда видѣла въ сидлицу у дверей церкви, и сельскія дѣвчата, подружки веселыхъ ей дѣтскихъ лобазъ, слышала пераъ помертая съ волнъ, какъ надъ ручьемъ сѣвала жалостную пѣсню, какъ прежде такъ и теперь предавалась съ ревностію набобнымъ упражненіямъ и во всѣхъ богослужебныхъ церквонныхъ отиравахъ отличалась всегда истиннымъ благоговѣніемъ и живою вѣрою; старымъ людямъ видѣла въ столько умную, а одинакомъ съ горячковами румянцемъ на лицу, столь молодую, а одинакомъ съ выраженіемъ печали и отчаянія въ мивонъ догда-то и выхлопъ олу, уступала ей съ дороги, какъ бы надменному существу, и поглядая на ню потрясли головою и предобавляли печальнымъ концемъ.

И она знала какъ надѣе добре, что скорымъ кродемъ обливается къ ногамъ; но тужила за ню какъ за пріютемъ многомелкого отпочинка и свободы. Серебристая лить, вамашая ю съ нитіемъ на земли, прерывалось на всегда, и казалось ей, что нѣтъ уже для ней счастья подъ солнцемъ. Сначала сердце ей, такъ умною обольщенное, было ненаеміемъ противъ невѣрному, но всаоръ простила ему, и въ годнудъ болестного размалъваіа невисала млетъ, ластъ простосердечный къ нему, но чераъ те тѣмъ чувствительнѣйшіи. Она возвѣстила ему, что вдалеко переселится въ лучшую жизнь, не скрывая передъ нимъ, что его обжонденіе есть кричиюмъ прондворешенной кончини. Описала ему только всѣ изученія, какъ испытала со времени разлуки съ нимъ и замечала благороднымъ измненіемъ, что не млетъ умирати сполобно, дождь по веро-

млетъ ему свое прощенье и благословеніе.

Въ короткомъ времени истощилась ей силы такъ, что не могла выхондти изъ хаты. Однимъ теперь утѣшеніемъ для ней было сидѣти у окна и радоватися красотою одрестной природы. Николи однакомъ не нарекала она и не маловалась на свою судьбу, николи не открывала передъ людьми, какъ то великая слабость точить душевными ей и тѣлесными силами. Николи не проинюсила даже имени своего любимца, лишь часто приклоняла отягощенную голову на лико матери, и такъ плакала потайно!

Бѣднымъ родичи съ болестію и тревогою смотрѣли на тотъ увядающій цвѣтъ ихъ надежды, утѣшались всегда, что можетъ еще оживеть, что румянцемъ, выступающій иногда на ей поблѣднее лице, есть знаменель повергающаго здоронья.

Одной недѣли по полудни сидѣла она такъ съ родичами; руки ей почивали въ рукахъ матери, окно было отверто, а пріятнымъ вѣтрецъ позвѣвалъ въ избочку благовоиннымъ отдыкомъ огородныхъ цвѣтомъ, которыми она собственною подъ окнами посадила руюю.

Отецъ ей една что огчиталъ главу изъ библіи о суетѣ земскихъ благъ и о небесной жизни, и тѣмъ гнѣющимъ слова принисамъ утѣшеніе и улегшеніе онечалеинюму ей сердцу. Они ей обратились въ сторону, где стояла старая колокольня, въ которой теверъ звонено на вечерню. Побонными селяно нилии подъ тотъ часъ до церкви, а благоговѣйшая тишина выцарилась въ одрестности. Онечалеинными родичи позрѣли на ню съ малостію; слабость и умниѣ, соединенными съ сильною вѣрою и спокойнымъ самоотверженіемъ, надали ей лицу выразъ ангела. Слезъ макрутилась въ голубонъ ей олу. Мамъ пригадала она собѣ невѣрного любимца?... или можетъ перемелась мыслію на

сельское владѣнціе, середѣ котораго садятся нѣжно и для ней пріятные мѣлнцы.

Нарзъ заслышался тонотъ коня,—аікійсь ѣздокъ скавалъ носкорше къ ихъ хатѣ—остановился, изсѣлъ передѣ оклами—бѣдная двачина скотила съ напярменіемъ послѣднихъ силъ, крикнула и сповь пала на столецъ: былъ то сокрушенный любимецъ. Онъ вошелъ къ избу, сблнжился къ милой, чтобы примати ю къ своему сердцу; но ей увадшее, бѣдое лице—бѣдое, а однакомъ такъ еще миле—поразило его умасомъ и съ смертельною тревогомъ узналъ ея къ ногамъ. Онъ не была уже въ силахъ недонестися изъ мѣста,—хотѣла протягнути къ нему свою руку—уста ей задрожали, якъ кобы хотѣла что-то говорити, но не произнесла ніякого голоса, взгляла на него съ выразомъ неизреченнаго чувства—и сомкнула очи на вѣки!—

Ото суть подробности того печально-го событія, которымъ собралъ я во время моего въ селѣ томъ пребыванія. Они необильны и не отлнчаются новостію. При мнѣшномъ зачлнованіи къ повѣстанъ о надѣобыкновенныхъ, умасныхъ приключеніяхъ, выдаться могутъ они малозначительны и повседнежны; однакомъ мене тогда думе заняли, и въ соединеніи съ малобнымъ обрядомъ, котораго свидѣтелемъ былъ я, произведи на душу мою сильнѣйшее впечатлѣніе, якъ не одно страшное происшествіе. Въ нѣсколько лѣтъ потомъ проѣзжалъ я снова мимо тое же село, и съ лучшнхъ побужденій якъ изъ самого любопытства пошелъ и до церави. Былъ то вечеръ зимовый, дерева стояли обнаженныи изъ листьевъ, владѣнціе выглядало пасмурно и дико, а острый вѣтеръ шумѣлъ кругомъ.

Но могла любннцыя села была покрыта свѣжею травкою, а плачущая верба угнмалася надъ нею съ сумною повагою. Две-

ри до церави были отвергнн,—я вошелъ къ ню,—и оглушнвшисъ узрѣлъ у бѣловаго агара вѣнецъ изъ бѣлыхъ розъ, тотъ самъ, который передѣ нѣсколько годъ жналъ и раклъ покойной Мелавн; цвѣты были ужъ ували, но рука доброй какойсь подруги стерегла ихъ отъ разхнщенія и отъ поруху, бо были чисты, якъ сердце невшной дннцы. Я видѣлъ много памятниковъ, и некоторые искусство употребило всѣхъ удивній для возбужденія сочувствій зрителя, но ни одинъ изъ нихъ не проговорилъ такъ живо къ моему сердцу, якъ таа прота и чувотнтельная вспоинила угасной невшности!

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Извѣстное Створенгійское Общество сроведило изъ Вѣны отъ н. вошеисъ пропанъ шпаныхъ книжокъ значительное количество шпаныхъ книжокъ, которы продаются вѣтъ въ русской шпаной лавкѣ. Меньше тѣмъ выказана суть таковыя русскія, а именно: „Гривантнн вѣнецнаго языка“ I дѣвнцкаго въ цѣтѣ 20 гр. „Зѣтресловіе“ В. Велана, 29 пр.; „Чтатка“ В. Ковальского, 41 пр.; „Бухварочъ для дѣтедъ“ (пр.: „Наставленіе къ умчсленію“ для I класса, 8 пр. и „Наставленіе къ умчсленію“ для II и III класса, 16 пр. среб.

— Россійское аривательство оверднло 5000 рублей среб. къ изданію новаго „Велно-рускаго Словара“, составленнаго Павловскнхъ.

— Нѣнн ученикъ Россійскнхъ выискалъ русулеленіе „О всѣхъ на свѣтѣ существующихъ шпаныхъ и партнкахъ.“ По ого счету есть въ Азн 337, въ Европѣ 387, въ Аорнтѣ 226, въ Америкѣ въ Австраліи 1264, всѣхъ же разномъ 2814 партн. Отъ ачслнлтъ таковы, что съ. Пашле шаревскн на 139 языковъ.

— Моравская Матнца выдала ш сѣ годъ лѣтесловозъ подъ заглавіемъ „Колладъ.“ Имъ прочала весьма занимательныи статья, а именно такъ таковы: „Чертъ изъ ннзн Малорускнхъ“ В. Дуларъ; „Пословнн и прнводенн частнхъ събеслоснн Малорускнхъ“ и „Малорускнхъ шаровъ сказанн и прнводенн“ В. Дуларъ; „Образокъ ш ннзн Малорускнхъ.“ Такъ часто любѣтъ соединнванн вама Чеха и Моравцы говорити о Малорускнхъ.

— Въ Празъ вышло сии двии восьма англо-гомоние подъ заглавіемъ: „Литурга проповѣдъ словенскихъ въ вѣночнхъ, или предместованіи Фр. Человѣчского въ Мудрословіи Словенъ въ послоніихъ, списаное въ чешскихъ языкъ Дрочъ. П. Гаушмонъ, бывшій профессоръ оологоіи при Любогостъ вѣучающій Оно стоить і. р. 30. пр. ср.

— Подъсвѣіи писатель г. Масальскій издалъ въ Варшавѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: „О старбе:ъ словенскихъ, преимущественно же о гравіативнѣ воельского языка.“ Отъ доводитъ, что усовершенствіе языка значитъ: привести его къ первоисточнику совершенству: переобитиимъ же языкомъ называють отъ той языкъ, который Адамъ и Ева говорили въ рай! — Такия печатается II часть „Сербскихъ народныхъ вѣстей.“ переведенныхъ на польскій языкъ г. Занаричицъ.

— Въ Хорватіи собираются добровольными жертвы къ цѣли воздвигненія памятника отличному поэту — словенского поэта, св. и. Стакии Вразъ. Въ вороткахъ преданъ собрано уже 360 р. ср.

ВСЯЧНА.

— Въ европейской Турціи считается 11 миліоновъ Христіевъ (немъ тѣмъ 5 мил. Словенъ, 4 Меліанъ — Валаховъ в 2 Грековъ), а только 3 миліонъ Магометовъ. Изъ тѣхъ 3 миліоновъ вѣтъ однаковъ больше актъ 1 миліонъ правдивыхъ Турковъ (съ давнего поговѣзана), прочіи же суть потурченныи Греки, Валахи и Словене, котормъ, по слобитіи Цареграда черезъ Турковъ причали магометанскую віру будъ изъ близки будъ для вѣсна неохватительныхъ свѣтскихъ выговъ.

— Теперашній турешскій Султанъ, Абдулъ-Медиадъ, есть 31мъ владѣтель турешскій изъ родовъ Османа, в 28мъ по завоеваніи Цареграда черезъ Турковъ г. 1453. Есть то нунъ рѣшительного характера. Засиля недавно свое благоденіе тѣмъ Дериванъ, котормъ старался о иривное разрѣшеніе россійско-турешского вопроса, додалъ отъ тѣхъ слова: „Наши вѣрныи любими Цареградъ съ нечесть въ руцѣхъ; если не судьба предала бы теперь городъ сей аному владѣтелю, оставишь край, въ которомъ вѣрныи наши вѣрныи пребыли, только только съ нечесть въ руцѣхъ; за нашу віру, за отечество наше будъ отчосенъ побѣду будъ упреть оно воини!“

— Великая пушка при слобитаніи Цареграда черезъ Турковъ. Во время слобитаніи Цареграда пришелъ къ султану Мутаноду II индарскій пушкаръ Орбанъ, который, бывшии прежде въ службѣ у греческого Царя, корейше теперь на сторону Турковъ. По приказу Мутанеда вылазь отъ для разрушенія стѣнъ Цареграда огромную пушку, наибольшую, яку когда-будъ прежде сего въ свѣтѣ видано. Набивано ю 12 потпарными кулами: 80 паръ воловъ едва могли ю рунуть изъ мѣстна, а 700 людей работало около ней. Въ Адріаново мѣсто длаво съ юмъ вероумъ пробу. Возвѣщено напередъ писателямъ, чтобы не страхались: набито пушку съ великими трудомъ, и когда выстрѣлъ роздался, потряслась вся окрестность, весь городъ поворылся лѣвомъ, и аула зарылась на 12 сажень въ землю. Потому возли пушку туию протавъ Цареграду; 50 паръ коней тагула ю, в съ южной стороны имло ю 200 людей, дабы ю удерживати въ ровновѣзъ. Два вѣскимъ везено ю тою аутию, котора смывало въ доухъ лѣвѣхъ сарышется. Въ патнѣху черезъ Волнодичицъ, дна 6 Аврѣа 1453 г. ставуль Мутанедъ воли Цареградотъ, а огромную пушку поставлено передъ брамомъ св. Романа. Дѣтъ годнии нужно было на то, абы ю набити, и только 7 рази на доухъ лѣвѣхъ было изъ ней выстрѣлти. Но въ испольно днѣхъ аула она, и розторгала найстра своего Орбана. Потому испрошено ю, и вынѣрено противъ стѣнѣхъ Цареграда, но безъ найстра она нило уже была вредливою. Вскорѣ однавокъ явилась въ турешскихъ таборѣхъ другіи Мадиръ, носоль Ивана Гусляда, котормъ поставула исполусъ впророчеству, исполнитися названену въ пользу Христіанства, а выдѣлѣкъ тому, что Турни не знають съ великою пушкою обходиться, научишь ихъ юмъ управлѣти.— Такииъ длаотъ причинолѣсь дна Мадиръ въ паденію Цареграда!

— Въ греческомъ городѣ Фивахъ треваетъ землетрясеніе уже отъ испольно недѣль почти безпреставно. Городъ самъ обращеть въ ровновани. Такииъ въ Аоніахъ, въ Ливади и Халкидѣхъ бывають отъ часу до часу коротко-тревающее землетрясеніе.

— Куръ въ греческѣхъ на бортѣ Вѣдальской дна 22 Окт.
 Ано и, упророчить 18%,
 13%,

(Слѣдуеть Число 34. „Почуеніи Царьконыхъ.“)

Изданіемъ и таковъ Института „Старороссійскаго.
 Отдѣлительный Редакторъ Бодило А. Дидонскій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Платится ежегодно въ Среда два листа, по пятъ годовод въ Листовъ 4. ар. 40. пр. и н. — съ почтовым пересылкомъ 6. ар. и н. — Жалобы четвертьечно получати платитъ въ Листовъ 1. ар. 10. пр. и н. въ почтахъ же 1. ар. 30. пр. и н.

ХВАЛИ ТВОРЦА!

Хвали Творца, лишь день начнется!
Хвали, когда земля проснется!
Съ восходомъ солнышка твой духъ!
Хвалу прилежьть Богъ любя.

Хвали Творца, цвѣтотъ съ сѣненьемъ,
Съ шумненьемъ вѣтъ, вѣтъ побѣтъненьемъ:
Съ вѣтъ обильнѣ хорощъ свой твой духъ:
Богъ близко, Божій вѣсудъ слухъ.

Хвали Творца, гдѣ полдень събитъ.
Хвали и ночью: Отъ закнѣтъ.
И въ ночь и въ день твой чистый жаръ:
Молиты шовотъ, сердца даръ. 2.

СОНЕТЪ

къ Коларовой поэмѣ: „Дочь Славянъ“

Брате, не могу того уприти
Въ простотѣ сердечной предъ тобой,
Что я за народъ любезней свой
Много принужденъ былъ за свовѣтъ.

Не хочу однакъ за тое мѣтати
Недругамъ упрековъ, ахъ порой
Показати мнѣя молодой,
Юно должно бытъ въ бѣдѣхъ порой.

Дай мнѣ жизни дѣтъ, а я, мой дружокъ,
Обѣ радъ отдать за свой народъ!
Но одно мнѣ болѣе тѣхъ думѣхъ:
Что ны гласъ въ кустыхъ волнѣхъ,

Что не познать себѣ народъ,
Дѣтъ той рабъ, во толпотѣ шумѣхъ!...
Владимъ А. Д.

КРОТКАЯ ИСТОРИЯ СТАРОСЛО- ВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Печатана въ Вильнѣ. — Филологическая типографія —
Дубровскій. — Вильна.)

Въ другой половинѣ XV. вѣка были печатаны старословенскія книги: первая книга (Словенская Антургия) печаталась глоготискии буквами въ Венеціи 1483 годъ. Кириллицоу начали въ первый разъ печатати въ Краковѣ, гдѣ Свѣбодзь Фодъ уредилъ въ 1490. году кириллицоускую печатню. О два лѣтъ позднѣе стали и въ Сербіи, а отъ 1516. года въ Венеціи печатати словенскія книги кириллицою. Въ г. 1517. — 19. нанечатано одну часть поухаго Зивѣтъ, по переводу Бѣло-Русина Саврима, въ Прагѣ, а въ г. 1525. Последнѣя тогоже сочинителя въ Вильнѣ. Въ г. 1564. печаталась въ Москвѣ трудовъ двѣхъ многопечатальниковъ въ первый разъ Анастоль Тин дво предуриницики по нашимъ свѣстѣхъ и Россіи, а однихъ съ нихъ занялся печотъ печатальникъ тойже книги во Львовѣ, другій издавательскъ Евангеліи въ Вильнѣ. Первое полное старословенское Евангеліе печаталось 1581. г. въ Острогѣ, старинотъ многогласушеннаго о благо слово-ру-

ского народа князя Осторожского Константина. Второе печаталось в 1808. году в Москве. Съ того времени издаваемо были св. Книги еще несколько летъ в Москве, Киевъ. в Петербургъ в г. 1804 и въ будущае.

Съ появленіемъ третого періода ставятся словеснымъ произведеніемъ въ старословенскомъ языкѣ чашъ разъ родичина, и даже тѣмъ, которые во временахъ явились, суть такъ дуже изволени истинными наречіями своихъ сочинителей. что ихъ рачительно причислени подобаетъ къ литературѣ того словенского народа. отъ котораго сочиненія гъ происходили. Хотя такія челоу съближалась уже литература церковнаго языка къ своему концу; но за те стали появлятися съ того почти времена первыми «идологическія творенія. относящіяся къ тому языку а вотомъ и критическія разсмотрѣнія литературныхъ его произведеній. Уже въ 1596 году вышлѣ въ Варшавѣ Грамматика и Словарь старословенского языка. свч. Давронтія Зизанія, и то еое сочиненіе издако вторично въ 1819 году вразъ съ достопамятнымъ Предисловіемъ Мелетія Спотрицкого. Въ 1827 напечатано въ Вильнѣ Словарь Павла Берянди. Сочиненія тѣмъ, писанныя частію въ вѣдо-и напорусскомъ наречіи, уважано долго за единственныя и наилучшія учебники, съ которыми которыхъ можно было познать съ церковнымъ языкомъ; и она служили въ XVII. и XVIII вѣка за основу для всѣхъ грамматикъ. Россійскій ученикъ, Стрѣловъ нашель въ Парижской библіотекѣ рукопись старословенской грамматикѣ, писанной по латинѣ Іоанномъ Уцевичемъ, слушателемъ Богословія въ Парижскомъ вѣсучалищѣ 1643. г. Съ года 1784. вомель въ употребленіе «Краткій Словарь Славеноній» Евронія, а е 1817. большій «Словарь церковнаго языка» Алексеева. Въ г. 1821 издалъ Авра-

амъ Иризовичъ свою «Словенскую Грамматку» для Сербовъ и почти въ то же время Лучичъ своимъ для Русиновъ подкавказскихъ. Въ тѣмъ вѣкамъ были однакожъ не точны и относились больше къ позднѣйшему извѣщенію, акъ къ самому старинному чистому словенскому языку. Тотъ послѣдній приобралъ перваго основательнѣйшаго вѣсследователя въ чешскомъ ученикъ, Іосифъ Добровосковъ, который издвину въ г. 1822 своимъ «Наставленіемъ къ старословенскому языку» и нимъ того рода глубоководными твореніемъ, сдѣлалъ въ своихъ временахъ критикъ грамматикъ церковнаго языка извѣстными и положилъ начало совершеннѣйшимъ критическимъ вѣсследованіямъ словенского языкословія. Доброе начало произвело сами прехорошія наследствія. По немъ явились великія кореня старословенской литературы, Востоковъ, Копатаръ, Шафаракъ и Миклошичъ. Съ ними, иновно съ Востоковымъ, начинается новая эпоха словенского языкословія. Посвѣтавши одинъ десятокъ своею жизнью изученію и критическому разбору добытого въ 1806. году изъ забвенія Остропророва Евангелія, занялъ онъ первый ноль столько вѣковъ, что вжущіеся нимъ неправильный языкъ того напечатанка есть чистый, ликины порочившия несовершенный старословенскій языкъ, аки въ, по его мнѣнію, говорили не только Кириллъ и Мефодій, но и съ невеликою отпачкою, всѣ словенскія народы; отъ перваго открылъ значеніе буквъ ставшихся до него уже ленинотами, вѣсно старословенскихъ ѿсоль, и ѿсоль, которы звучали акъ польское *g* и *g*, и составилъ по своимъ природнымъ тому языку правила къ короткую Грамматку и Словарцъ, прибавляя къ его изданію Остропророва Евангелія въ 1843. году въ Петербургъ. Съ нимъ совершенно вступилъ на поприще сло-

воинского происхождения знаменитый ученый. В. Копитарь. Словенец по происхождению, и доказал именно в своем издании Клязменского Глаголита 1836. г. глубокое знание старословенским. Обоих превосходить муть европейской славы, наиблаженнейший искутатель словенской Исторіи и филологів. испрошій Словенъ народомъбѣтъ, Юсифъ Павель Шафарикъ, егоже изреченія въ дѣлахъ всей Словеншии суть въ нѣтънѣтъ аренои разсмѣлительниии не только для насъ, но и для чужеземцевъ. Яко филологъ стоять съ нимъ на равной степеня, достойный ученій и соотчественникъ Копитаря, гениальный и владовитый соработникъ на полъ словенциимъ, Фр. Миклошичь, который выдалъ 1850. г. между прочиии первый полный Словарь чистого старословенского языка и безиростивно зацниваетъ филологическии труднии во всехъ словенскихъ нарѣчіяхъ.

Наизрядъ говорити когда-то подробнейше о трудахъ такъ отличительныхъ словенскихъ языкословововъ, имъ окончатъ Исторію старословенской литературы и поведеть — съ поношїю Бога — къ Исторіи чешской словесности.

ЧАЙКОВСКІЙ.

Утренняя вѣсть.

(Продолженіе.)

Ночь была тиха, безвѣсна; звѣзды ярко горали на чистомъ небѣ; одна слышно журчалъ ручей, в порои шелестала земля, слышавшаяся изъ подъ ногъ корчмарки, которая осторожно пробралась межъ скалами по степцу. Въ дали на стоии раздавался глухой топотъ. Съ полъ версти шмель Алексей за Танькою въ нѣтъ по ручью; пототъ она быстро спочила на скалу и потчи вытѣщала туда за руку Алексея, раз-

двинула терновнии кустъ, села на камень, посадила возле себе изступленного Писемча и сказала: „Не бойся, ничего не бойся; нежь малко стало тебе, они бы тебе убилы ни за что; потъ и я выдустила въ степь козачкихъ конои; кони небагаютъ, гдѣ прибѣгутъ сюда, а выиниъ гулакалъ страху задала: они забыли о тебѣ въ запашени. Сиди тутъ: акъ уснутъ выни, имъ убьютъ; твоего коня и еще другого я шорочно оставле; я украду у Варки намотъ дунтовъ, и имъ будутъ счастьее жити. Хочешь?“

„Изволь, убьютъ, а тебѣ за то заплачу, а золота не предя у тетки, грахъ красти.“

— „Яна она нежь тетка!... Твоей за плати и не возьму: не вѣтъ же нежь все дѣлать за платню... Сиди спарче, востъ завтра будетъ далеко, у насъ на Гетманшии.“

„Нѣтъ, я хочу на Сечь!“

— „Зачѣтъ тебѣ на Сечь?“

„Видишь Татьяна: я люблю дѣвочку богату, знатную, люблю и по ногу назвати ю своею; такъ да пронадегъ моя голова, кони позволила сердцу полюбити поревни. Поеду въ Сечь, и ось, въ сквѣтъ слову голову подъ пометъ Татарана.“

„И ти ю любишь?“

— „Душо люблю!“

„И она хороша?“

— „Красна изъ всехъ на сѣзѣ! Я ю люблю больше всего, больше своей жизни. Если нежь доведогся умерти за ню, я благодарю Бога; нежь будетъ всездо и упрети.“

„Я бы убилъ ю!“

— „За что?“

„Тавъ чому она счастлива? чому нежь никто не любилъ такъ? Даскали нежь акъ собаку, и акъ собаку оттолкывали ногою.“

когда и наскучила ить Алексею, поцалуй мене, ить сестру, хоть ить милосердыя... Я полюбила тебе съ первого взгляда; а спысалась, жртовала, пала передь тобою, — а ты былъ скументъ, даже не усмехался, когда хохотала другія; даже не смотралъ на мене, и меня стало совѣстно самой себе; а была сердита; меня казалось, а венавику тебе, казалось, готова была убить тебе, и не знаю, чего бы не дала, чтобы свести тебе отъ нынѣхъ козаконъ... Богъ съ тобою, любви другую! не дунай обо ить, только поцалуй мене... Меня ночью првснится твой образъ, твои стмдливый очи, илми бесдым, твой поцалуй, и меня ствнеть весело, весело... Поцалуй же мене! Посмотри, а плачу, ей-Богу, плачу!... Ну, такъ сваси Богъ! Свиди сирише, снн на здоровье; козвкн прснится, — все забудуть; они люди добрии; вы поезде разовъ...”

И жарко, судорожно обнявши и поцеловавши Алексея, Татьяна вползла въ терновыя кусты.

Нѣсколько времени былъ слышенъ товетъ около оврага, потому гроніи голосы козаконъ, ловившихъ коней, потому послкннцнн: „А — говъ Алексій! где ты? а говъ!...” За такъ янлсь весня, звукъ розбитого стекла, еще янлсь отголоски, все тамъ в тише... и Алексій заснулъ.

Было уже около полудня, когда проснулся онъ; передь нимъ стояла Татьяна.

„Я прийшла будить тебе,“ говорила она, „и жалко было будить, такъ хорошо спалъ ты. Вставай скорее: Никита, и козакн твои ахати на Сачь.”

— „Ахати, такъ и ахати,“ отвѣчалъ Алексій.

Никита, увидѣвши Алексея, дуже возродовался; козакн удивлялись, ить онъ погръзвети ить порчки, будыте оковы вонлю

прывалался, и предракали изъ него въ будущентъ великого характерника; но и Никита и вся вообще не могли представить, ить ночь человекъ вытерпнть, не отидти на ипнтку чужихъ грошей, и даже едва не поналъ черезъ тою въ велику беду.

„Дурное дело для мене бабы,“ говорилъ Никита вывзяная изъ оврага: „якоко икъ не войнотъ. Хочешь поцеловать Таньку — быть по рукамъ, царапается ить коточка; а вывзвасешь — не вытерпнть, заплачетъ!”

Алексій оглянулся: стоятъ Татьяна надъ оврагонъ, смотритъ ить въ следъ и отирнть очи бльмля влнткомъ!

VIII.

Обычая заворонскіе днны; выступни днны, а бесдым и выспалы острн и большн на претнлуку волонн. Наталья Корнн.

Начло вечерята, когда передь нашими путешествовннкнн явллсь красота, обнесенная высонннть землнннть валонъ съ глубокннть ровонъ вокругъ и налсиданн; валъ былъ усталоенннй пушкнн; за валонъ роздавался говоръ, дннлнсь конннн, блестягъ золотннй крестъ и торчалъ высокая звонннца; изъ ей окомъ глядлн пушкн на все чотнре стороны.

„Вотъ и Сачъ Мати!“ сказала Никита.

— „И святая Покрова!“ додали козакн, силнн шакн, перокрестлнсь и выахали въ городскіи ворота. Козакн поахали по своинъ куренннть, а Никита прнко къ Козовону представляти нолобранца.

— „А что, узналъ ты Зборовского?“ выталъ Никита, идучи отъ Козового къ куреню.

„Якъ не узналъ? Онъ тотъ самнй Стрннка, съ которннть не разъ нн гулалъ въ Кіевской бурон. Я уже хоталъ признатнсь, да такая въ меня новага!...”

— „Важная особа, козакннй Козовннн!

ною гримасу голову. Но буря поднимает
таких волн — те заложит ватери кол-
бавит волю!... И надо ли еще грехов на
нас!... Берите, братья, канюи и выдуйте
вене съ нахъ. ”

Алексей Поповичъ, выдалъ балую со-
рочку, увалъ из колына, началъ полнитися.
А неки танъ, ватерь сталъ утахати. Ко-
зави пореглапулись и закричали: „Молись
Алексю! молись! твои полтивм спасамъ
насъ. ” Въ споръ ватерь совершенно утихъ,
заходящее солнце светло и радостно гла-
нуло на море; волии улоглись; чайки, якъ вти-
ни, слетались совсахъ сторонъ по зна-
ку къ лодки Кошевого, и на ночь приста-
ли отпочати къ невеликому острову, не-
далеко отъ Зинана. Посчитали лодки, лю-
дей, и къ удивленію всахъ, не было ви-
кой утраты. Тогда съ припини радости пол-
нава позики на рукахъ Алексія, называа
его спасителемъ, а по вочери, за черкою
горалки, тутъ же сложили про него пес-
ню, котора и до сихъ норъ живеть въ у-
стахъ украинскихъ кобзарей и бандури-
стовъ:

„На Черному Моря, на блону ками?)
Ясневий соволъ жалобно каинтъ, проиниле.
Смутно себе нас, на Черное Море свилна поглядие,
Що на Черному моря не добре са - вачине:
Що на себъ усь завиди вотнарило,
Половина писана въ хиари вступило;
А изъ впау буйний втерь воставе,
А по Черному моря супротивни хвала вставе,
Сува позавани на три части розбаве:
Одну часть ввало,
Въ земли Агарську завесо;
Другу часть горю,
Дунайско пошерло;
А третью — где ся - нас?
Въ Черному моря потонае!

При той части бувъ Гришко Зборовскій,
Отанаръ позавий Запорожскій,

Той по судку повозже, словеса проиниле:
„Кто съ нещъ наша, Павоно, великій грѣхъ на себѣ нас,
Що съ душе злаа куртоине не насъ валила.
Свободяйтесь, Павоно, жалосердиною Богу,
Черному Моря, а нещъ отанару Кошевому!

Въ Черное Море валилте,
Войска повозже не губите!
То казани тое зачували,
Усь замолчали:

Бо изъ грѣхихъ себѣ не знавали.

Томлю обозвали Пасюра войсковий,

Козакъ лейстровий

Партизанскій Поповичъ Олександр:

„Добре ви, братца, умилите,

Мене самого освободите,

Менѣ черном морею очи змилуйте,

Да и у Черное Море свободите!

Нахѣй буду однихъ побавати,

Козацкого войска не збавати!”

То казани тое зачували.

До Олександра Поповича словеса проиниле:

„Тинѣ святое писанье у руки борети, читане,
Насъ простили лядей на все добре виставили;

Якъ же найбільше отъ насъ на себѣ грѣхихъ виста?

— „Хота святое писанье я читалъ,

Васъ простили лядей на все добре виставили:

А в все самъ не доборе виставили.

Якъ в изъ города съ Партиана, Павоно, виставили,

Опрощены съ Павъ - Отиса

И съ Пани - Митюно не братъ;

И на своего старшого брата великій грѣхъ виставили,

И близкихъ сусѣдовъ хлѣба

И соли безвезили” обозвали:

Дѣти назвали, вадомъ старши

Строменень у груди старшомъ;

Безвечно по улицѣ пошевѣ гулял:

Противъ церкви, дому Божого, прѣвнчалъ —

Шанка съ себе не спиналъ.

За то, Павоно, великій грѣхъ нашъ,

Теперь поганамъ!

На естъ се, Павоно, по Черному Моря ками вистави;

А естъ се — мене отпусти

И матераски полтивм заре!

Козакъ мене сля

Хуртовина злаа

Въ морѣ не утопила,

Отъ смерти полтивм боронила;

То зналъ бы в отиди и потера шановати, поганамъ!

То зналъ бы в старшого брата

*) Дум та написана въ „Сборнику украинскыхъ песенъ” изданномъ Михаиломъ Максимовичемъ, въ Киевѣ 1849 годъ.

За радного отпа почитати!
И сестру радному за пеньку у себе мати!"
Го так стая Попович Оленскій грѣхи свои сповѣдати:
То стала злая куртована
По Черному Мору стихати;
"Уднѣ позвали до горы, изъ руины подымали;
До Тесдрова острова прибавали,
То всѣ тогда позвали днѣмъ днѣвали:
Що по вилу Черному Мору,
По быстрой хвилѣ потопали:

А ни одного позани съ воли войска не утерали!
Отъ шо тогда Оленскій Попович изъ судна вышлоше,
Бере святое нышло въ руки, читаше,
Грѣхъ добрыхъ людей на все добро изучаше,
До позановъ проваляше:
"Отъ, такъ бы то, Павло, треба людей позанати;
Занъ-Отна а Пани-Матуку добре шановати!
Бо воторый человекъ тое уробаше,
Повѣтъ той счастья собо наше,
Смертальнѣй нѣтъ того ниваше.
Дтшаше и ваторше позанта со для мора выйваше;
Отъ грѣбаше смертальнѣй думу откуваше;
На шель и на морѣ не попомѣ помаше!"

XI.

На другій днѣ въ вечеру, вся Сачъ встрѣтила Кошового в началѣ чайки; при радостныхъ крикахъ rozdалили награбленное серебро и золото; быстро ходили по рукавъ пикалѣнки за здоровьемъ Кошового и войскового Писаря; по всѣмъ куронамъ слышно была новая пѣсня:

"На Черному Мору, на блону канит,
Всѣмъ той советъ казюбно канитъ, проваляше."

И где ни проходилъ Алексѣй, летали въ гору шапки и rozdавались радостнымъ посланки. Къ вечеру, возвилъ Алексѣй Кошовый.

"На ловца и зверь банитъ," сказалъ онъ вхождению Алексѣю: "лѣро волка говорѣть, а онъ тутъ! Вотъ Лубонскій Полковникъ. Иванъ, проситъ нашей помощи: Крынамъ узнала, что половина его полка ушла по гетманскому приказу къ польской границѣ, и хотѣтъ повести на Лубим. Топоръ Полковникъ проситъ плѣтъ, изъ до-

брихъ сосадовъ, повети ему, коли что случится недоброе. Такъ наивши ему, что я радъ съ товариществомъ понагати ему, нашему собрату, одноварку. изъ Богъ пожелалъ — только коли онъ отдасть свою дочь за войскового Писаря Запорожцѣ. Алексѣя Поповича. Наивши скорайше; и подившу и отдай тому посланцу — надобно торопитись."

Теперь только взглянул пристально Алексѣй на полковничего посланца и радостно закричалъ: "ты ли Герцикъ?"

— "Я, Пано войсковый Писарь," отвечалъ гоноецъ, низко кланяясь.

"А ты его знаешь, Алексѣю!" спросилъ Кошовый.

— "Знаю, батьку: то искусный человекъ. Здоровъ ли Полковникъ?"

"Здоровъ, и Полковникъ здоровъ, и его дочка Марина, и всѣ здоровы..."

— "Думалъ ли ты мѣно тутъ увидѣти?"

"Никъ не думалъ: всѣ полагали, что вы утонули ловячи рыбу, и плакали по вамъ, а вы тутъ... великий Панонъ. Сильный Господь въ Словъ."

Вечерали у Кошового душе весело. Каждый нилъ на то свои причины. После вечера Кошовый отдалъ нышло полковничю гоноцу, приказавши ему торопитись.

Алексѣй позвалъ Герцика на минуту въ свою палатку.

На дорожѣ ихъ встрѣтилъ Никита Прихвостень; онъ былъ веселѣйшій и душе щелкалъ себо по носу, проговоривая: "Счезай, проклятая гадина, съ козачного носа! Козачскій носъ — вольный носъ; лета себѣ лучше ось къ тому Пану, староду шляхтичу... такъ хорошо сидѣтъ, выгодно и спокойно. А вотъ, и вѣтъ Алексѣй Поповичъ, удалый козакъ... и бьетъ ворага изъ нухъ, и на гуслахъ аграетъ, и Богу молится за

наше товариство!... И вѣсян есть, ей-Богу, есть... ось она вѣсян:

На блѣзю море на соловьиному морю,
Черной вѣсью вѣшать, провѣшал!...

Тутъ что-то не такъ, одно слово не такъ поставлено, — но мнѣ мнѣ уже не сказать... Куда жь ты идешь, Паво Писарь?"

— «Снати вѣра брата Никита, в ты ложишь снати.»

«Куда тебя снати, тутъ такая комедія. Слухай, прихожу въ курень и сѣзь вѣчорати; подля мене новобранецъ, колодчикъ, сидитъ и млече не ѣсть; в ему кихайлики — не ѣсть, говоритъ: нездорова братику. Я ого янтаю: вѣзь тебе зовуть? онъ мене на тоо: «Алексій Поповичъ съ Паратина.» Такъ у вѣсь топоръ двоохъ Алексѣвъ съ Паратина.»

— «Что ты говоришь Никита? Який то у вѣсь другіи Алексій Поповичъ?"

«Таки есть въ намонъ курень Алексій Поповичъ; но тантой тебе не нара; колодо, зелено; хоть и хорошего росту, но кѣжмий и тоненькій, новъ тростяна. Онъ хочеть съ тлобом свидатися и просиль мене, дабы ему тебе показати.»

— «Дивно, если то тебе не снится.» отвѣчалъ войскосвий Писарь

«Въ Пиратинѣ, сколько помню, не было другого Алексія Поповича.»

— «А вѣлся, ей-Богу, вѣлся! ось в тебе его помяну.»

«Отложижь на завтра.»

— «Нѣтъ на завтра, мнѣ покажу. Никита Прихвостевъ, справодливый Козакъ, вѣшити вѣшьеть при случае, а лгати не будетъ; мнѣ тантону обѣщаль, такъ мнѣ; правду, сейчасъ приведу Паратинца, до кажу правду...»

Ох! не соловьиному морю, но черному морю, блѣзю море вѣшать, провѣшал!...

И Никита пошелъ къ Поповичевскому дурень, навѣзал новую вѣсью. Алексій Поповичъ пошелъ въ свое вѣдстоуноу палатку, разговаривалъ радо съ Герцикомъ, надавалъ ему множество порученій и въ Лубим и въ Пиратинѣ, свабдилъ на дорогу нѣсколькихъ дукатик и подарилъ дорогіи турецкій кихалъ, осмиваний алмазани, говоря: «Я санъ своєручно убалъ вашу, и снѣлъ съ него тотъ кихалъ; да будетъ онъ зологонъ вашей дружбы.»

Герцикъ со слозани обѣщаль Алексія, обѣщаль выполнить все порученія, сейчасъ дати знати о вѣсью на Сѣчь, и вѣшьеть.

Еще тихо возмбалась, още не успѣла ускоконтиса онуценоная мола палатки войскоского Писара, когда паразъ слова возмбалась — и вѣсью вѣшьеть колодидъ, стрейный козакъ; изъ-за него выгладывала голова Никиты.

«Ось твой землякъ!» говорилъ Никита: «толкуйте съ собою про Паратинца, — и пращайте, мене зовуть. Никита, говоритъ, дурень, Никита верти-сѣять; а Никита все свое...» Последніи слова едва слышно отдавались за палаткою.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДОБРОЕ ОБЩЕСТВО.

«Будь остороженъ, Владиславу, держись всегда добраго общества!» была послѣдняя наука Пана Пышкинцого, дѣдича съ Придубинецъ, при отиралисин сына своего въ Львовское училище.

Прошу тебе, Стефану, выбирай всегда добраго общества!» говорилъ Отецъ Василій, приходивалъ съ Придубинецъ, отвозачи своего сына въ тоѣмъ училище.

Но никто въ сѣвѣи не могъ различитише думати е однихъ и тѣхъ же словачъ, какъ тѣмъ два Придубинецкіи сосѣды.

По мнѣнію Пана Пышницкаго, доброе общество означало людей, превысшающихъ нашъ рожденіемъ и состояніемъ. Только въ томъ отношеніи уважалъ онъ общество; и степени сравненія его со всемъ точносію согласовались съ снмъ рожетомъ. Такихъ образомъ, если онъ называлъ простое Шляхтича добрымъ обществомъ, то якій нибудь Дѣдичъ принадлежалъ къ лучшему, а Графъ или Князь къ наилучшему изъ всѣхъ, разумеется, съ условіемъ, если тотъ Графъ или Князь не бѣдный, бо въ такомъ случаѣ богатый Шляхтичъ могъ равняться съ нимъ. Сообразно съ снмъ правиломъ, Панъ Пышницкій полагалъ, что великая цѣль, для которой выбираютъ товарищи, состояла въ томъ, чтобы славою и участіемъ ихъ сдѣлать молодому человѣку успѣхи въ свѣтѣ; и для того призывалъ онъ своему сыну предпочитати тѣхъ людей, которые подавали лучшую къ тому надежду.

Съ другой стороны, Отецъ Василій почиталъ добрымъ обществомъ то, которое отличалось добрыми правами и природнымъ умомъ, — а лучшимъ въ то, где съ тѣми не спойствани соединялось истинное образованное обхожденіе. Такъ какъ высшіи преимуществе воспитанія соединены бывають въ нѣкоторой степени съ высшимъ знаніемъ, то онъ желалъ, чтобы снмъ его выбиралъ товарищамъ своимъ тѣхъ, которыхъ положеніе въ свѣтѣ представляло больше случаевъ къ хорошему воспитанію; но никогда не училъ его избгати людей съ добрыми свойствами и дарованіемъ, въ якомъ бы состояніи они ни находились!

Панъ Пышницкій чувствовалъ въ себѣ великое отвращеніе къ злему обществу, въ которомъ онъ почиталъ людей низшаго сословія, не отличавшихся ни богатствомъ, ни видными видами, — но следовавшихъ надъ, однимъ словомъ, шалкамъ творений,

никому неизвѣстныхъ, которыхъ онъ называлъ голотою.

Отецъ Василій ровно не навидѣлъ злое общество, называя снмъ именемъ людей необразованныхъ, не знающихъ съ другими благопрістойно обходиться.

Большая часть добраго общества Отца Василія была злымъ обществомъ Пана Пышницкаго; и весьма многіи изъ лучшаго общества Пана Пышницкаго принадлежали, по мнѣнію Отца Василія, къ набогорушму.

Каждый изъ сыновъ поналъ мысль отца своего и послѣдовалъ ей въ точности. Владиславъ старался съ самаго вступленія своего въ училище, приобрести благосклонность всѣхъ молодыхъ людей знатнаго происхожденія, разомъ съ нимъ учившихся, и вскорѣ сдѣлался востованнымъ ихъ товарищемъ во всѣхъ забавахъ и увеселеніяхъ. Они обходились съ нимъ съ надтою великою снѣлостію, доходившою часто до презрѣнія; но слѣдующи другому правилу отца своего, что мѣлающій поднятиса долженъ прежде согнутиса, Владиславъ сносилъ хладнокровно все. Онъ совсѣмъ не думалъ о науцѣ, уважая ю нечтнмшо и совершенно несообразною съ своимъ намѣреніемъ, и проучалъ много грошей, которыми отецъ — для добраго общества — съ начала посылалъ ему щедро. Однакожъ выдатки его со временемъ сдѣлались такъ велики, что любезный Пана, который и снмъ держался добраго общества, не былъ въ состояніи точно удовлетворати его требованій.

Середѣ сихъ несчастныхъ обстоятельствъ Панъ Пышницкій умеръ, оставивши по себѣ многочисленную рѣдину и весьма малое долги отагощенное мнѣніе. Владиславъ, возвратившись изъ училища до дому, вскорѣ расточалъ въ добромъ обществѣ неос-

укинути, як вилупитися на честь мою і без всякого сарказму обоманити на о клевету. Клевети тоді дійсно було допустити, ослабити думку і надумати явил і блуду пону заважають; во зъ твоїх сторони совість похитає. Въ моїй статті не витягувати нічий особу, але держатися писаних і зъ світь оценокъ слобъ, а по більшій часті і висвітлювати, въ повторяхъ тія слова заходяться, не осуджувати такої речі о списанихъ вадъ і блудъ але витягувати правдию. Бо чиязъ не читавши востанію азъ писати публичнихъ, не змизти нашъ народній естество, „простий і грубий, змизти черни, болтовни простолюдины почтешны Грацины або, востуха пиятка,“ — а клеветателъ его на суть „пречинни воступленника, низини невідани, въ змизт доселъ проинавешити, арособратавшини вилучу науку собственого змизта, преглушавашинися тольо востонарному розговору совіхъ слугъ і работниковъ?“ — Чиязъ тому нестерте?

Чи намъ змизти писати нисна тія, ихъ сочинителъ історичу, на которій тія слова заходяться? Но такъ наша правда во потребуе дальшихъ доказовъ. А чиязъ теперъ тія, во змизти народній повидуть а чудного члвачитъ, бо і само зна на чуду оруну веропривають; жо въ публичнихъ ниснахъ гдѣ народній змизти виступають і вергують; жо зовоачивають россіійскихъ вимуть і вадъ на книжкы во кельманачитъ разъ говоритъ, жо для галинчихъ читателъъ вимуть; жо писателъъ народного змизта пречинни воступленника, низини невідани і въ змизт проинавешити називають; жо проститице нѣе ворадо во три книжочкы (политическій, катехизисъ, Уагларъ) ограничавитъ — во заслугитъ во ослобѣ правдъ і справедливости на нисна порочивають, неадичитъ і варадять смилъ русскі? Точъ нѣе свободо народній змизт і его виставелъ публично гудити вгѣдѣти, а поетъ во свободѣ сказати нѣе правду въ очи і назвати ихъ вимовля, на которіхъ своини дѣлани заслужило?... О г. Ам. Ивановичу К! во а, але нисна клевети перерватъ моєй чести доустала. Бороначи сарами народомъ отъ публичного поругана, вивоначавитъ дослѣдствъ каждого проинавешителю русскі, і поетъ у вѣстъ самитъ Гдѣ! ославъ не заслужитъ во ачеловѣкѣ то тѣмъ невідѣмо самъ на осуджованно о клевету; — а во запалани, во потребуе ала порогъ смилѣтвомъ публичномъ ала порогъ ої потемнѣти оправдаться. Но вы г. Ивановичу, вадича чьстъ мою публично і осуджовачи на безосновно

о клевету, вилуча порогъ судити власною совѣсти оправдати возмозже? І чьсти нічий не варадять, воступають думъ на нѣхъ ошибочномъ і безосновномъ а вродлани словесности вашій, і на публичнихъ поруганахъ нар. змизти і его писателъъ (чочоизъ востого доказати) а вы г. Ивановичу! тоє клевету огомъ називаєте? А если публичного ніка: ніктоизъ назуа, чиязъ го ослестуетъ? Но Богу слава! ани права поразлини ани политични такъ не судитъ! — Правда не каждій свое власное вибѣи нати носе, і „розличномъ путію къ одвоі кѣли стрѣнити ношна“ — азъ въ тобѣ велика ошибка, если нѣе вистателъъ і писателъъ народного змизта, съ ругателани его, покичувашини го а члвчавашини нисного, ала нѣе одвоі кѣли стрѣнитъ назавѣе. — Жо до моєй особи і чьсти, номѣте во калятъ і ослестити доволъ, во тѣмъ во злугрете слоюмо думи моєй, бо будѣте перестѣдочачи, жо што справы народномъ боронитъ публично, тобъ за шо и поругана і терити готовий. На вопросъ отвѣдаю:

1. Жо нисна 100 словини въ моєй дописи ухитешени находится 90 слобъ такихъ, которіа въ надинъ россіійскіхъ словарѣхъ находитъ, а 80 такихъ, которіхъ Несторъ і давнѣшніи рускии писателъ уживали (самъ правда?), востоятъ чьсти зъ того, жо россіійскіа, а нисна русскій змизт (і Несторъ і давнѣшніи наши писателъ были такою руссомаи а вѣшали въ своихъ ниснахъ слова переконни съ варадинни), ихъ і болгарскій і церковный і пр. еслѣтъ розличнихъ змизначи, але діалективни одного словенъского змизта, а протѣе тія слова наидутъ і въ словаряхъ ниснихъ варадчій хоть въ отивагѣй троха ооразъ — вочастъ зъ того, жо нашъ змизт съ россіійскіхъ нѣе наблнжачи сослѣдъ такою до себе суть каинолобитиміа: — а вочастъ зъ того, жо Москаль хоть отиваго говорить, однако подобно нашъ вимуть і а. вимуть: Одесса, отекъ, вонетъ, побѣшалъ, его, котораго — а говоратъ: Адыесса, атьтекъ, ваюетъ, набѣшалъ, ево, которова. Але невазъ наденъ Москаль не злоче вѣдичитъ, жо россіійскіа і нашъ назорусскій суть еднни і тѣмъ самитъ діалектовъ. Порбаначитѣ устими бѣсѣди а не нисна, а перестѣдчавте до волѣ.

2. Тачъ нѣе еранцузскій змизт протѣе, жо про летимскія слова (и. и. in, во, qui, еот, plus, utile, juste, innocence, science, home, vertu, и пр.) которіа одлаво знамое виваляло, жо номѣте быти называемій летимскіхъ; — азъ россіійскій нѣе не вѣдичитъ съ наши слова, жо номѣте быти называемій нелозучивитъ; — тачъ і на отворѣтъ змизт моєй дописи

— По увеличению изобретений, выбухла колера тошова въ Селая и Парлачу.

— Въ Пештъ отбудется назалого любонитиши проба съ новымъ машиною, такъ званною «всегда — движущаго» (perpetuum mobile). Машина такъ прежде будетъ въ движенье само только динамическимъ силою, котора, безъ содѣяствія нари или иного побудъ много аконатательного средства, движати будетъ всю машину вразъ съ соотвѣтными ей брешовомъ по тому направлеюю, яко: переобитому надаетъ ей человетчская рука. Изобретателемъ той машины, надъ оныя изготовленіемъ многіи механики голову себѣ молаа, есть ивній столяръ изъ Сегедина, именованъ Карлъ Богачъ. Если проба удался и машина окажется не самими вустмихъ теоретическими нечтавіемъ, но дѣйствительными орудіемъ въ практикѣ: тогда прочь всѣ паровыи машинами — тогда будетъ здати, палкати, волоти и всю такую роботу исполнати съ помощью самой всегда — движущей динамической силы!

— Мени воядини 10,000 жителей австрийской Дерзавою есть 7,039 римскихъ и орнаскихъ православныхъ, 987 греческихъ православныхъ (соединенныхъ), 844 православныхъ (греческого строеннозданія), 377 еванг. гелетоского а 343 авсбургского строеннозданія, 14 унитаровъ, 185 иудовъ и 1 изъ немскихъ сентъ.

— Со времени заведенія постоянного войска амъ до вытѣшного дна ушло 259 и. австрийскихъ генераловъ и полковниковъ въ битвахъ съ неприятелемъ.

— Въ Тенешварѣ росписалъ одинъ швецъ проинунерату на чоботы. За предплату 3, 10 и 20 р. ср. получить можно черезъ каждыи годъ новые чоботы. — Вотъ, до чего те вымъ люди берутся! Проинунерата въ чоботы! Теперь когда арешованы ноло ивнѣтъ проинунератовъ, найдутъ ихъ швецъ больше швемъ.

— Въ Пруссахъ, где всѣ публичные дороги обсажены деревьями, приказано правительствомъ, чтобы вмѣсто динихъ дѣсныхъ дорогъ или тошовой садики теперь только совозимъ дерева.

— Въ Крушовѣ въ Чеховъ живеть одна 90 летняя женщина, которой, выростаю подолово 3 пошны зубы и вмѣсто стѣныхъ подстратическихъ подологовъ растутъ пошны черныи волосы.

— Наидущий въ свѣтъ плмкъ выбудовалъ омытъ Авлачанинъ на островѣ Мельта. На другомъ

плдру того плмва вемпуется збоны, а на долъ вышнмать хлѣбъ уже унчоний. Архидювова труба исполняетъ большую часть работъ. Она лететь збоны, перотавляетъ пукъ, роздѣляетъ ю въ рѣдъ, пересмыуетъ до бочокъ, сирываетъ водою, закипаваетъ и вымываетъ тѣсто, длатъ на боковыи и всушеть тѣсто до печи. Млмтъ тотъ принопиваетъ на ену повоиству Манхгаузена о машинѣ, до которой одною стороною владается тела, а другою выводитъ уже тотомыи чоботы изъ телачей кожи.

— Американская шальва заводится уже во мѣстѣ большиихъ городовъ Европы. Изобретатель ея, г. Муръ получилъ патентъ свободы на Прусси и Австрию, и таковыи российское правительство законило у него 50 таковыихъ машинъ. Черезъ употребленіе той машини уменьшится восторъ число правочной челеди.

— Въ одномъ ивстечку случилось такое удивительное средство. Старый вдовецъ влюбился въ молодого дѣвичь и оженился съ нею. По его весельи оженился таковыи в смѣхъ оного вдовца, а то съ интересъ своей начехи. Въ сдѣяствіе пошнѣмъ сей сталъ отекъ затемъ своего родного сына, а пона его, не только пасербомъ своего собственнаго пасерба, но таковыи тешемъ своей родной ватери, а такъ своихъ пасербомъ родной своей дошны, впрѣдъ тотъ нушь ся отчаниомъ, своей начехи, аво и темень своего родного отца!

— Средство противъ вышнмъ и шурми въ столахъ. Ивнй старшй, опытный господаръ совѣтуеть, авыи черезъ свезеніемъ збоны въ столахъ, наидати ихъ наибольше свѣлыхъ галузювъ свѣчячяго блу на сподъ засѣнокъ, где обыкновенно шурмы и вышны пребываютъ. Господаръ тотъ утѣшаетъ, что отъ шего дѣтъ всегда унчаваетъ того несомнѣннаго средства, и что отъ того времени ивнѣтъ новосвѣдана предивныхъ г^д Арата его столѣмъ.

— Курсы грошей на биржѣ Вѣд. авсской дна 5 Ноя.	
Амѣ и червоцкыи	19
„ сербскыи	12½

ИСПРАВЛЕНІЕ.

В. 35 ч. на заглавной страницѣ въ 2 страницѣ 2 переѣдана въ дну случилась ошибка: вмѣсто: Дѣрово волево старословенскыи Копилево печаталось, должно быти: Вѣрова волево старословенскыи Библиа печаталось.

Сдѣлать 26 ч. „Дружескій Церковникъ“ и „Справедливый Комитетъ Народнаго Дѣла.“

Изданіемъ и таковыи Института Старонороднаго, Отвѣтственнымъ Редакторъ Бодданъ А. Додичицъ.

всегда говорить: „здоровъ, братики!“ будь-то простой козакъ, и такъ скажетъ братику, какъ бы былъ не отцу братъ, только кланяешься — истый козацкий начальникъ.”

— „Я думаю онъ узнаетъ мене.”

— „Молчи, братику, онъ узнаетъ тебе; то а сейчасъ занятъ; и думаю себя на уме, верно такъ надобно. Правду говорить всяки:

Только Богъ святой знаетъ,

Что Козомый думаетъ, галаетъ!...

А вотъ, имъ уже близко нашего Пововичевского куреня. Есть ли у тебе въ именьи копейка?”

„Большо есть.”

— „Я не спрашиваю больше; а есть ли копейка?”

„Найдется.”

— „Ну, такъ войдемъ въ курень; въ скорь станутъ вечерать.”

Курень была одна огромная конната въ родъ великого рубленнаго сарая (шпихлера), безъ перегородокъ, безъ отдаленій, погушая вьстати большо нати или шести сотъ людей; кругомъ, подъ станиви куреня до самыхъ дверей, были вьставлены частымъ деревянными столами, вокругъ нихъ скамьи; передній уголъ былъ уставлень иконами въ богатыхъ золотыхъ и серебряныхъ рамахъ. Украшенныхъ дорогими камешками и висяло великое серебряное церковное наикладило; насколько десятковъ восковыхъ свечъ ярко горали въ немъ и, отражаясь на блестящихъ рамахъ образовъ, освещали весь курень. Подъ образами, на столонъ, на первомъ шестке сидялъ куронный Атаманъ.

Когда Ниянта съ Алексонъ вошли въ курень, козаки уже собралась къ вечеру и толпою стояли середъ коннаты, громко разговаривая про воякую вьсачину. На слухъ протолкались они къ Атану нахъ козака-

ни, которимъ, похотено подаваться въ сторону отъ шедрыхъ толчковъ Никити, продолжали свои разговоры, даже не обращая внимания на то, кто ихъ толкаетъ.

— „Здорово, братику!” сказала Никита, кланяясь въ носъ атаману; Алексий сделалъ тоже.

„Здоровы. Паши вьледцы! Чья Богъ обривалъ?”

— „Вотъ. Козомый прислалъ въ твой курень нового козака.”

„Радъ.... Ты, братику, веруешь во Христа?”

— „Верую.” отвчалъ Алексий.

„А что тебѣ говорилъ Козомый?”

— „Показати старшихъ, бати Буурмановъ.”

„Добре!”

— „Говорилъ: стоити до смерти за общину и святую вьру; ничего не вьйти своего, кромя оружия; не жонитесь.”

„Добре, добре! И ты согласишь?”

— „Согласенъ, батьку.”

„А еще что?”

— „А вьсакъ сказалъ: ты еси Пововичъ, такъ и ступай въ Пововичевскій Курень; такъ же и козаковъ тебѣ не достасть.”

„Правда, нать у мене тебѣ и четыре сотенъ полныхъ; небого осталось въ Круну, царство нить небесное!... А былъ то нашъ курень съ вьсакъ току назадъ, какъ бы вьползевший уль!... Ну, вьорекрестись же передъ образами и оставайся въ шестокъ товариства.”

Межи такъ куренни кушара уставили столы деревянными коританами, съ горчачоу камешъ, и такими же тапани (бочками) съ вьинкомъ и водонъ, на которыхъ висали деревянные ковши съ причеватыми ручками — тѣ ковши назывались въ Соча „вухайликани,” — развесили хлебъ и рѣбу, такъ уставили, чтобы она была обращена

головомъ къ атаману; принесли на чистой, долгой доскѣ великанского оостра, востанили его на возвышеніе передъ атаманомъ, сложивши на груди руки, низко поклонились, говорячи: „Батьку, вечера на столъ!“

„Спаси—Богъ полодницъ.“ сказалъ Атаманъ, всталъ, закрутилъ седни усы, выприхлился, и громко началъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.“

„Аминь,“ роздалось въ курень, и все благоговѣнно замолкло.

Куренный внятно прочиталъ короткую молитву, перекрестился на сѣзъ за столъ. То было знаковиѣ къ вечери: за нинѣ услади козани, где кто почалъ; пошли по рукамъ нихайлики, поднялись разговоры, шумъ, смѣхъ.

„Ахъ, у насъ на Сечи здѣтъ чисто, о-прятно; а къ вкусу, будь-то у Гетманя!“ говорилъ Алексѣй своему товарищу Никитѣ: „одно только дивно...“

— „Знаю,“ отвѣчалъ Никита: „что ни здѣтъ изъ коритѣ? правда?“

„Правда.“

— „Служилъ яму потоворку: ви Гетманци, здѣтъ съ тарелки та худо, а ни изъ коритѣ до сита...“

„Дурна къ нами Гетманци: они перовиняють у Запорожья только дурное, а ни хорошее не смотрѣтъ.“

— „Люблю за правду; видно, что будещъ козакъ. Вышель още по нихайлику.“

Въ конку вечера, кухари собрались въ кружокъ середъ курени: Атаманъ всталъ, за нинѣ всѣ козани, прочиталъ молитву, поклонился образамъ, и всѣ козани тоже; встотъ козани поклонились Атаману, розо-клавились межъ собой и отдали по поклону кухарямъ, говоря: „Спаси—Богъ, братки, что вискорнили.“

„А то для чего?“ спросилъ Алексѣй Никиту.

— „Такая поведениця, изъ молитки. Они такіа же козани, лицари, якъ и про-чин: за чотомъ они какъ служили? Ось, ни ихъ и повиняють.“

Послѣ вечера, Куренный подошелъ къ деревянному ящичку, стоящему на особномъ столѣ, кинулъ въ него ковайку и вышолъ изъ курени; козани дѣлали тоже.

— „Кидай словъ ковайку,“ сказалъ Никита Алексѣю: „завтра за тѣи гроши купитъ кухари припасовъ и сготовитъ намъ обѣдъ и вечерю.“

„Дивнымъ обичая!“ дуналъ Алексѣй, выходячи изъ курени.

А вокругъ курени уже греяли пѣсни, звенѣли бандурки; кто розсказывалъ страшную повѣсть, кто про удачный походъ, кто подсканивалъ трюака.... И полодный нѣснцъ серебрянными сорновъ выходячи изъ за выской знонаницы, наводилъ нѣжное, дрожащее свѣтло на тѣи рознообразныи козаковъ кружки.

IX.

Проснувшись рано, Алексѣй Поповичъ замѣтилъ въ курень необыкновенное движеніе: козани на скоро одѣвались, брали оружіе и торопливо выходили. Коло церкви былъ слышенъ глухой грохъ.

— „Зовутъ на раду,“ сказалъ Никита: „пойдемъ!“

„Пойдемъ,“ отвѣчалъ Алексѣй: „Зачѣмъ же насъ зовутъ?“

— „Придемъ, такъ услышимъ. Мо-жетъ, походъ куда, или что другое, Богъ-тоо знаетъ!“

Площадь передъ церковью Покрова кипѣла народомъ; у столба, середъ площади, стоялъ лѣтавршичъ и билъ долбана въ литаври. Въ ростворенныхъ церковныхъ дверяхъ стояли священники и діакони въ полновѣнъ облаченіи. Не вогъ ударили звоны, засеркали звономъ Косового начальства:

вертаци, бунчуки, замутили хоругви, предвлекся до земли — явился Кошеский Атаманъ. Священники вышли къ нему съ престана, народъ приветствовалъ его громкимъ „ура.“ Кошеский былъ одетый; какъ престый козакъ въ зеленой суконной черкескѣ съ откладными рукавами, въ червонныхъ чеботахъ и въ невеликой круглой шапочкѣ — набардинцѣ, обшитой на крестъ золотомъ лентомъ; только булава, османская драгоценными камнями, и три алмазные пуговицы (гузики) на черкескѣ, отличала его отъ рядового Запорожца, неки такъ, когда Бунчужими и другіи изъ его оанты были въ красивыхъ каштаняхъ, изукрашенныхъ серебромъ и золотомъ.

Кошеский приложился ко кресту, взойшелъ на возвышенное мѣсто, марочко для него приготовленное, и, обнявшаи свою бритую голову, поклонился козакскому народу.

„Здоровъ, батьку!..“ закончала народъ в утихъ.

Дитавры перестали бити, зовми закричали.

„Я вѣсть созвалъ на раду, добрии молодци, запорожское товариство! Якъ вы арисудите, такъ и будетъ.“

— „Реди слухати!“ закричали козаки.

„Вѣсть известно молодци, что Богъ взялъ у насъ войскового писаря. Такъ Богу угодно, противъ Него не поспоримъ! Жаль человекъ и увѣрь, а мѣсто его всегда живое: другіи человекъ живетъ на немъ. Такъ и мы увѣрь и во насъ будутъ жити!“

— „Правда, батьку! Розумно сказано!“ отозвалось въ толнѣ.

„Вотъ, и у насъ теперь осталось мѣсто войскового писаря; изберите, молодци, достойного человека.“

Кошеский стоялъ спокойно, опершись на булаву, а немъ народомъ пошелъ говоръ;

тысячи вѣсть слышави были въ разлѣчныхъ концахъ; не было согласія. Долго стоялъ Кошеский, наконецъ поднялъ булаву, нахмурилъ, и говоръ прекратился.

„Ваму.“ сказалъ Кошеский: „что дело трудное: Ивану хочется Петра. Петру Гришка, а Гришку Ивану, и кто правъ? Дело тонкое, въ чужую голову не влезешь; коли былъ споръ о храбрости, а характерствъ, сейчасъ бы рѣшали, — то дело видное, — а вѣстность не по мѣстъ...“

— „Правда батьку!“

„Хочете ли молодци, а вѣсть предложу писаря? Вчера ариселъ къ намъ въ наше товариство Поповичъ изъ Парташи, а съ нимъ говорилъ вчера и удивлялся его розуму. Санъ Богъ его прислалъ на мѣсто покойного: изберите его — и будетъ по во человеческому выбору, а только по воля Господа.“

Алексей слушалъ и не вѣрилъ умать своего.

— „Хитрый человекъ нашъ Кошеский! мѣсталь ему Никита, толкая въ бокъ.“

Межи такъ народъ заговорилъ.

„Да онъ молодець“, кричалъ одинъ козакъ, „не задумается надъ выхаживомъ!“

„А вѣдъ характерный!“ предлагалъ другій.

„А якъ играетъ на гусяхъ и на бандурицѣ!“ подхватилъ третій.

„Лучше той, хоть его и не знаю, нежели волокита Отуць!“ кричалъ четвертый.

Говоръ частъ отъ часу далася сильнейшій, одобрительнейшій, — и вразѣ молодецкии позвонили шавки въ гору: Алексей Поповичъ былъ избранъ за войскового Писаря. Тутъ же на площади, надали на него почетную одежду, правысли до бокъ саблю, а къ поясу войсковую черншакку (калпакъ) и разонъ съ Куремшица, Атаманни и прочіи достоиншакки, повели на

спаданье до Кошевого. Простому народу выставляли на площади жареных быков и бочку горюлки.

По спаданью все разошлось. Кошевой оставил у себе Писаря ради военныххъ дачъ. Когда они остались сами, долго Кошевой смотрел на Алексея и сказал:

„Алексю! разве ты не узнаешь мене?“

— „Давно узналъ, но не ведалъ какъ признать до тебе.“

„Ну, обвиненся, старый товарищу! Вотъ, где мы сошлись съ собою!.. Понимашь Кіезъ? быстрою Парашъ?“

— „Поняю, Грицко! а какъ сордилось начальство, когда узнало о твоихъ побугу!“

„А правда?... что говорили?“

— „Сказали, что ты знакомъ съ нечистомъ силою, а безъ ней не выжилъ бы врать. И въ голову не пришло, что я подражалъ въ нелюю...“

„Вотъ не забуду твоей услуги. А Параша что?“

— „Три дни плакала, на четвертый утѣшилась, а на пятый вышла за того жъ бакара, что посадилъ тебе въ тюрьму.“

„Поговаа! да я о ней больше не думаю... Расскажи мнѣ лучше, какъ ты сюда достался.“

Алексей началъ говорить.

„Вотъ нашъ Кошевой трудящій человекъ... говорили за вечерю по курениямъ козани: „отъ рана до самого вечера занимался съ возмизъ Писаряныхъ военныххъ дачъ; Писарь у него и обдавалъ.“

А у Кошевого во весь тотъ день о военныххъ дачахъ и понятия не было. Алексей рассказывалъ свои приключенія, какъ онъ извѣлъ въ Сечь и пр. и рашительно объявлялъ сильное желаніе умереть. Кошевой утѣшалъ его, обещалъ при случае ходатайствовати у Полковника Иваня, а по-

ня прочитъ сказалъ, что вскоре будетъ лучшей олу отличиться, а заслужками известность хороброго рыцаря, лично просити о руку дочери Полковника, „для того.“ додалъ онъ: „что въ несколько дней мы отправимся порезъ на Крымскіе берега; наши доносчики извѣстили, что Ханъ хочетъ напасти на Украинку, — скоро узнаешь, что Татары вышли въ походъ, имъ на чайка, и новъ снегъ имъ головамъ падеть на ихъ города и села. А до тѣхъ поръ ты займи палатку войскового Писаря: она ось радеть съ конизъ комолъ, тебѣ теперь, яко старшій, не пристало жити въ куренѣ; и при людяхъ не показывай вида, что ты старинный пріятель: Запорожцамъ думе подозрительнымъ — и тогда мало могу сдѣлать тебѣ полезного, но опасенся нестрадати своею власти. Ну прашай, Алексю!..“

— „Прашай Грицко!“

Старинный пріятель обнялся и разошлись.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ОМЕРЬ - ПАША.

(Краткое жизнеописаніе.)

(Служу наилучшого военачальника въ турецкой службѣ вѣдетъ Омеръ-паша, который совершенно вѣдетъ головное начальство надъ арміею въ Болгаріи. Какъ многин турецкіи достойники, такъ и онъ есть человекъ словенского происхожденія, родился г. 1806 въ Огулинѣ на войсковомъ австрійскомъ пограничій въ Хорватіи, и звался по родовому имени Михайлъ Латакъ. Отецъ его былъ округовымъ комиссаремъ, а стрій греческо-каatholicскимъ священникомъ. Принятый молодчикомъ до математической школы въ Туринъ близъ Карастаду въ Сениградѣ, и совершивши съ отличіемъ школьными науки сталъ кадетоу въ ц. австрійскомъ войску, и яко кадета пребывалъ отъ нѣсколько времени въ Задрѣ. Въ ту пору

проиграл отецъ его несчастливый случай 100 р. среб. изъ ераріальныхъ грошей и въ слѣдствіе того утратилъ службу. Молодой Михаилъ долженъ былъ своими малыми доходами помогати родичамъ и малодшей сестрѣ. Въ г. 1830 посварившись за какое-то малое дѣло со старшиномъ, ушелъ изъ Задро до Босніи, и перешелъ въ Баня-луцъ на нагомеданску вѣру. Оттуда пошелъ онъ до Видина, где велиръ Гусейнъ-паша принималъ его за учителя для своихъ дѣтей. Пять лѣтъ пребывалъ онъ у велира, и научился черезъ то время говорить по турецки и по арабски. Г. 1834 прибылъ Михаилъ Латакъ до Царограда, и тутъ принялъ его Козрекъ-паша, тогдашній министръ войны за своего писаря и адъютанта. Въ томъ же году сталъ онъ начальникомъ баталіона, и именовался Омеромъ. Съ того времени содѣйствовала онъ успѣшно въ важнѣйшихъ предпріятіяхъ Козреванши, который нигдѣ о немъ особенное попеченіе, и поручилъ ему въ некоторыхъ труднѣйшихъ посольства и дѣла военными. Матомъ въ Сиріи и друга въ Альбаши въ 1844 г. подали ему способность отличиться и обратили на себе вниманіе самого Султана. Годъ 1845 покорилъ онъ возмущенныхъ Арнаутовъ. То возбудило зависть у нового министра войны Руседа-пашы, который обвинилъ Омера передъ Султаномъ, будто онъ надто строго поступаетъ съ Турками: Не смотри на то, Султанъ послалъ Омера почетный мечъ съ бриліантами, а въ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ выслалъ его противъ смятеннаго Курдестанской области, которую покорилъ Султану въ продолженіи одного мѣсяца. Въ г. 1851 отличился Омеръ-паша чко начальникъ арміи, высланной противъ возставивша въ Босніи; малыми силами усмиривъ онъ сію весьма грозную и небеспокую матень. Въ зимушнемъ

году послано его противъ Черногорца въ челоъ 30,000 шуга правительного войска: въ нѣбѣтно, посредничестве Австріи пошло конецъ той выправѣ прежде, заливъ Омеръ-паша возмощъ приступить къ рѣшительному дѣлу. Современню стоить онъ въ Шумль на челоъ 100,000 войска въ рививаетъ въ чуту велику дѣятельность въ устроении военныхъ силъ въ тѣхъ сторонахъ, которы могутъ статися повращать войны.

Омеръ-паша есть человекъ нѣрвого возраста, лице его полное воинского выралу. Живу нигдѣ сперва Туркини, потомъ Гречанку. Въ Буларештѣ ознакомили съ Никлою, дочерью Симонича изъ Сешитрада Онъ говорить хорошо по сербски, по турецки, арабски, италянски и по французски.

ДОПИСЬ

къ Коземъ-бего.

„А будетъ ниръ“ отвѣчалъ омакии гомецъ въ „Зоръ“, когда сварилъ, почлашася лена важныя преповѣсали, дохладилъ уже до крайности: и ото, за ниротъ прогласилъ въ „Зора“, и „Вѣстникъ“ и, изъ кажется, дава „Лала.“ И а дѣло святаго совокой, и говора съ любезнѣмъ амантъ Духовичемъ: „правннши ось три преповѣсали наши чистосердно, хоти и не ось въ нелѣ отъчавать по-ему вкусу;“ — одаломъ, промова тавотъ промудъ словъ ч. доингивателъ нашего изъ Комничъ, который въ 31 ч. „Зора“ весь прошилъ сказало: что „спори за любуна лачала за пр. азмисловани, послимъ бывавотъ и прачинитотъ въ расстрати вѣстномъ, если водутса они съ резуннѣмъ раскукло-нѣмъ и хладнопроегитъ.“ Но кантрамъ а изъ моего удивленія задлчичное поитъ редакторани нашихъ преповѣсали достохвалное прашаріе порумети, или неиритнѣмъ лена нини споръ на поитъ респондици: отъ того сохрани ниво Господи! То уже прѣблнл: одинъ дружокъ сказало въ свое время изъвѣстнѣ горькакъ слово, благословеннѣ читателъ проститъ нѣ все тое отъ сердца, — и дѣло кончилось.

Но тутъ идеть нелѣ гомецъ о другомъ. Рашитѣ вышодъ литературы, нашего языка, есть для всего народалюбного Русина дѣлоитъ ниротъ-нѣмъ.

О том предмете не дается никогда перечня составленного словаря, и разобранье того вопроса есть, как и всякая душевная работа, безплодное. Мы обучаемся, мы развиваемся и вместе с тем идём вперёд вперёд. Заставляем себя, что мы были бы вперёд тогда нашего поколения, а что мы бы вперёд тогда ожидали. Что мы имеем? Тогда едва могли мы, с помощью отстудированного простонародного языка, высказать наши недостатки, едва могли повествовать, что для наших высших чувств и понятий, приобретённых перед 1848 годом при помощи чувств, развитых языков, нужно соответствующее слово. То чувствовали тогда уже всякий просвещённый Руський, и всякий с цивилизацией пришедший к тому образованию нашего языка. Господь благословляет нашу труд, и в том смысле можно считать достойным им участие в нашей литературе. Много полночислительных слов, большое количество заимствованных из хорошей беседы наших предков, вошло в употребление не только в книжной словесности, в научных сочинениях, повестях, трагедиях и даже школьных учебниках, но также в жизни нашей, разговорной речи. Наши язык имеет величайший, обширнейший в выражениях, и мы можем уже произнести на язык все, что прежде только чувствовали и понимали в действительности, имеющим или только пользуясь языком. Заслуга эта принадлежит такт с одной стороны нашему народу, как и принужденности нашей Ученики. Мы радуемся, что успели сделать так много!

Но горе! наши литературные возмущения обруганы, высказаны и замечательными проклятиями со стороны так именованных братьев, что сами же трудящиеся наши и досел не имеют сочувствия. Думают тут именно г. Юсиф Дозинский, которого донос „с Яворова“ поминан был в 64 и 65 ч. „Вестника“ с г.

Но будет запускаться в разобранье дописа г. Дозинского, скажем только, что она написана не шумными остротами сердца, с пристрастием и возмущением для наших в части других. Это писано кистью, что только со значительной порочностью речевому допису. И всякий признает, что можно превратить в шепот клятво, можно стрелить в одной из или своим кутис: но при том не достойно есть действие клеветнических братьев, „покачивая своим словом, порочившими, изред-

ками!“ Да стыбит г. Дозинский сам за сём клевету перед судом цивилизованной Публики и нашего поколения: как же да будет свободою наш предокни ому, как и всякий достойный думать, замечательна измислования изследования, та два вопроса:

1) Отъ чего происходит то, что язык почитают 100 словъ, приведенных в речевую допис г. Дозинский на изсражение и истребление размаршился у насъ этой-то покровно - болгарской литературн. есть около 90 словъ такихъ, которыя выходятъ въ почитъ россійскомъ языкѣ покровского Словаря, и въ том же сотни словъ около 80 такихъ, которыя употребались Историкамъ и всяки русскими писателями древнего и среднего Периода, которыя г. Дозинский очевидно уважаетъ за Болгарь?

2) можно ли для того язык допис г. Дозинского называть покровно - болгарскимъ или чистымъ изорусскимъ языкомъ?

Предложима тѣмъ вопросы, изъясняетъ на вопросъ, что возмизетъ въ уваженіе только такихъ ответовъ, которыя дамы языкъ будутъ съ разумнымъ рассужденіемъ, съ хладнокровіемъ и вниманіемъ чести другихъ. Мы уже вероюли речевыми глѣ, мы сострадали, и не слушаемъ больше шипованныхъ шумениі сердца, но ради бы языкъ всякий величайший дѣломъ заставить съ хладнокровнымъ разумомъ, и уваженіемъ нашихъ литературныхъ совершено на слова великого Гете: „Alles Orprouren geht auf Negative hinaus und das Negative ist nicht. Wenn ich das Schlechte schlecht denke, was ist da viel gewonnen? Nenne ich aber das Gute schlecht, so ist viel geschadet. Wer recht wirken will, muss nie arbeiten, sich ums Verkehrte gar nicht bekümmern, sondern nur immer das Gute thun. Denn es kommt nicht darauf an, dass eingelassen, sondern dass etwas aufgebaut werde, wenn die Menschheit reine Freude empfinde.“

Сочиняте, а не раздумайте!

Андрей Ивановъ К.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ.

— Ам 23 н. выступилъ въ Львовскомъ зрелищъ во второй разъ въ гражданской оперѣ „Червильская сирота“ соотечественникъ нашъ, отличный басистъ Г. Борковскій, и удостоился вса-

нихъ похваля вѣднѣнопротамтъ вызваній. Г. Борноскій прославился уже отъ дѣтства гдѣ въ русскомъ церковномъ вѣствіи въ Бучачѣ, Перемышлѣ, Жолтеѣ и во Львовѣ, и представляетъ нынѣ соучастникъ здѣшней оверы хороній павданій для искусственого вѣствіа. Голосъ его возмозумный, пріятный и способный до самыхъ пышннхъ тоновъ. Совершенно притоготовленъ отъ до большнхъ роль въ оверохъ „Жидовск.“ „Циганск.“ и „Дукрочнн Борнн.“ Да будетъ ому во сентъ воарннхъ счастлнво поведеніа, да првовереть отъ славу русскому иновн!

— Жители Кіева заняты совершенно памятннхъ, который воздвнженъ въ нхъ городѣ во честь св. Владннра Великого. Емедннево удалотся иновество людеѣ на Александровскую гору водалатя вожднстоотнннхъ начннатнхъ Тотъ же выднхъ изъ бронзу, и представляеть великого князя Владннра, воздннющего благодаренія небосамъ, въ томъ иновеніа, тогда народъ на его воззаніе свнхнть принятн съ преноніе въ рѣкѣ Лѣварѣ. Мысль таа арорасно поята и отвдчнтельно воцнонена ватолокъ. Памятникъ сей, достонный расаространнтеля Хрнстовой Вѣры на Русн, будетъ съ тѣхъ воръ найбогатнннхъ города того управленія.

— Недавно сообщнла Петербургскія газетн извѣстне о отыртіи пощерь въ Кіевѣ, которыхъ знатннхъ отъ исполновій остъ старннннхъ словенскннхъ ваднскннхъ и которыхъ приказалъ Его В. російскій Царь старано сохранять. Мнншого нзданца прнбнхъ до Кіева самъ великій князь, Николай Николаевича, въ нхъ осмотроніа тѣхъ же пощерь.

— Научное заведеніе Осоловнскнхъ во Львовѣ возантраветь нмготовнть нѣкобѣ изданіе польско-словенского „Словара“ Лндлого, и издватя „Научною врененннскъ, посланневу Исторіа, взычанной словеностя и научною прнтнть.

— Профессоръ Внзекьского всеучнлнща, Иванъ Н. Лободковъ даровалъ чешскому Музею въ Прагѣ всео своею бнбліотеку книгъ велико-русскнхъ. Сннн днани прнвозово книгъ тнн числохъ 404, съ Внльа до Прагѣ. Мннн вани находится сочиненія найзавонннннхъ ватолокъ вѣствіа отразой велико-русской лнтературн. Такъ нѣкѣ поатанн суотъ такъ: Пущннхъ, Лодоновскъ, Дерманнхъ, Батннннхъ, Востовскъ, Сунарковскъ, Глннка, Дальннхъ и Давндовъ; нѣкѣ повѣствованнннхъ: Марннскій, Загоснннхъ, Бугдоргннхъ, Гречъ, Половоѣ, Назднновъ; въ томъ находится такъ рознчннхъ Петроградскій газетн въ альманахн, Кловарн, Исторіа

лнтературн, граматнкн, нѣкѣ тѣмъ и великій вононій Словаръ Лндлого; дальне бнбліотеконіа, ннже-ованннхъ, исторнчсконіа сочиненія, нѣкѣ тѣмъ Исторіа російского государства Карамзнна. Благодарнннхъ нтель соѣ бнбліотекн, г. Лободко, прнхнхъ былъ въ г. 1851 въ вероній разѣ во Прагѣ, учндетя нхъ чешского языка и подалъ подробнннхъ ннннннхъ о чешской лнтературѣ Петроградской академіа нхъ. Отъказанъ тогоже года до Россіа, прнреть г. Лободко, встннн слнланъ старнннхъ о тое, дабы во прнннхъ нхъ народный чешскій Музей нѣкѣ получнть большое количество книгъ великорусскнхъ, и теверъ въ нхъ нмвалотся нхъ данного слова.

— Маларскій арененннхъ говореть достохвалю о великомъ соучастннхъ, тѣотъ въ нхъ нннннхъ вренннхъ ваднотся въ вѣствіа веретя народа для языкн и лнтературн чешсконіа. Особенно отлнчатся въ томъ дѣлѣ маларскннхъ языкта, которо по возмозннстн старается о образованіа простого народа. Ннннннхъ величоннхъ проворучнхъ сннннхъ днннхъ маларской словеностн составнть для нхъ днннхъ бнбліотекн маларскнхъ сочиненій. Съ ннннннхъ успнхонъ розннннннхъ о внхъ лнтературн прнствонрочннхъ и беллетрнстннхъ.—Всѣ вадуть на парадъ, нѣкѣ и нѣкѣ во задѣ во остнватн!...

ВСЯЧЕНА.

— Парнскіа газетн сообщнла достонннннхъ нннннхъ сленного дѣварн Бурга, съ которого встнватъ, что нѣдѣя и ставъ суотъ ваднчннхъ прѣдѣохрнтельннхъ средствъ протнвъ члвсербъ, и что въ лѣтахъ 1831 и 1849 лннн, работанннхъ о-воло нхълн и ставн, свободнхъ были отъ тоѣ хворотн. Аръ Бургъ гнннхъ холерчннхъ гдѣлъ способонъ, что вадннннхъ нхъ во руннхъ и нѣкѣ оброчннхъ нхъ нхълн и ставн. Парнскія академіа нхълнхъ вознннотся соврнннннхъ прѣдѣохрнтельнхъ тоѣ отнратн.

— Муганнелъ II. и Царградскій патрнрхъ. Султанъ Муганнелъ II. овладнннхъ во слоботннхъ Царградѣ всею византнннхъ дѣрннннхъ, роудннннхъ особенно вадъ томъ, нхъ бнннхъ ваднннхъ нннхъ Хрнстннхъ усннннхъ н послужнннхъ нхъ себѣ сннннхъ. Яко просвѣтлнннхъ, въ старогречскнхъ языкнхъ и Арнстотеловѣ оласовоніа искусннхъ повархъ, приказалъ отъ заплнннхъ нхъ себѣ оласовъ съ найдостоннннхъ соотннннхъ греческого Царя Константнннхъ II., нннннхъ: ученного и мудрого Григоріа Славаріа, оласовъ славо ваднннхъ бнннхъ и нхъ. Когда Славарій вадннхъ, прнреть отъ Муганнелъ: „о

нужно бы ему главно, дабы удержати Христианъ въ повиновеніи. Схолярій совѣтовалъ ему право сѣсть, дабы возобновилъ порядокъ и возвратилъ достоинство греческой церкви, которую, по вѣломъ державы, пралъ съ патриархомъ и синодомъ учинити. „Когда бо Господь,“ говорилъ мудрецъ соб., „отобралъ державную власть Римлянамъ и Грекамъ, и отдалъ ю въ твои руки, то не осталось ниъ ничто большое, кль са. Вѣра и церковь. Если же въ нуждъ своей шитьи найти потуху и тебе охотно послухати, обрати очи свои на ихъ церковь и воздай имъ то, чего Вѣра ихъ требуетъ. — Воистину, рече Мургаль II., старъ твоихъ слованъ. И для того варшамъ тебе патриархомъ, воздвигни греческую церковь по древнѣмъ ея уставамъ и управдай юмъ такъ, чтобы народъ доволелъ быть своему глубокъ и нисшо благословилъ. — Всюду поютъ Схолярій, пришеюта ево патриархъ или Гонимъ, возводитъ былъ торжественно въ султанискую палату: Султаны одѣлъ его вѣсточною бешмъ и возставилъ его на ряду съ высшимами достойнѣими государства. При томъ Султаны подадъ ему собственною рукою 100. мидиатовъ, говоря: „Того ты не потребуешь, бо я сдѣлалъ тебе богатѣмъ: однакожь дамъ тебѣ сіе во знакъ: что ничего отъ тебе не могомъ, во что застави я къ тебѣ и пришеюта, — и томъ да послушавиъ слуги мои и мои наследники и слуги ихъ всегда.“

— Въ Царьградѣ Авраамъ нового греческого Патриарха, именуетъ Авраамъ.

— Замѣчанія достойны суть вынощенія родовыхъ именъ у различныхъ народовъ. Такъ на пр. имена старинныя Римлянъ вочленись обыкновенно во усь. У Ниневитъ, у которыхъ въ средовѣчїи развилось сословіе рыцарскаго дворянства, нѣкоторо свое племя и звали на возмѣщенности и славянтыхъ герцахъ, встрѣчавшихъ вѣдственно дворянство провози съ законченіемъ на бергъ, или стѣнѣ. Маларскїя имена означаютъ обыкновенно на и. іи. Томъ и словосочинїя имена нѣтъ свое народное گویش. Однакожь по раздѣленїи Словенъ на различныя племена, различались только и тіа законченїа. И томъ мало-руссїа и сербскїя имена вочленись обыкновенно во ичъ, болгарскїя на овъ, польскїя на сѣй, чешскїя на онъ. Законченїа тіа во мало причислени къ характеристикамъ различнѣмъ словосочинїамъ племенъ, и для того обыкновенно будутъ именъ ихъ законченїа. Законченїа малорусскїхъ и серб-

скїхъ именъ происходятъ изъ глубокой старинъ и творилась вѣдственно таковыя способомъ, что сить прибавилъ до крестного имени своего еще или отиа, прибавя къ отцовому имени законченїю ичъ. второе тіа въ дѣломъ означать потомка и отбѣдствъ греческою законченїю влостъ, на пр. Павловичъ с. о. сить или потомокъ Павла. Подобныи образомъ творилась законченїа восточно-руссскїхъ именъ: законченїа во овъ и овъ есть законченїемъ именъ прилагательныхъ прилагательныхъ, отбѣдщавшихъ вопросу чїдъ при которыхъ переобитно подразумѣвало: сить, на пр. Даниловъ т. о. сить Данила. Законченїа польскїхъ именъ на сѣй отбѣдствъ ичъ, поимому титулу оовъ или роуанскому до, на пр. Благородскїй отбѣдствъ ичъ поимому оовъ Вайсгербергъ. Чешскїя имена на онъ носятъ знакъ утонченїа, чѣмъ имено весьма изъблудуютъ именъ чешскїхъ, на пр. Гавекъ с. о. малый Гай.

— Дня 3 Ноебря италъ Маршалъ Радонскїй обходилъ 87 уиъ вѣстку рожденїа в 70 уиъ своего вступленїа въ царскїю службу.

— Отъ другой половины Юнїа до вышнѣшаго дня умерло въ Шаекїи, Норвегїи и Даниї 19,000 людей во холеру.

— На островѣ Эльбъ унакъ дня 6. и. и. графъ вѣдщившїи вѣдщивши и сдѣлалъ повсюду волонїа шведы. Нѣкоторые брѣли граду вѣдщивши имено вѣдщивши 1 и 2 оунты

— Въ французскѣмъ селѣ Морговъ отбѣдщивши дня 12 и. и. рѣднѣ свадьба. Женнхъ, 87 лѣтнїхъ старѣхъ, есть отица и дѣломъ 73 лѣтнїхъ и ичѣсть имено 100 британцевъ в сострѣвннѣхъ, невѣста во его вѣдщивши 73 лѣтъ, а имено сѣнтѣлани, вѣдщивши со старольюю вѣромъ поредъ олтарь Господень, во было ни одного молодого 70лѣтъ. Женнхъ и невѣста вѣдщившави уже во два раза въ своей жизни.

— Каменъ съ гроба древняго испанскаго Царя Левида, откритый Французомъ Суалье, вѣдщивши поведено до Парижа.

— Въ именовъ сторонахъ Чехъ вѣдщивши новый родъ вѣдщившихъ гадитъ, именъ въ томъ вѣдщивши оно вѣдщивши.

— Курсы грошей на биржѣ Вѣдщившїи дня 21 Отъ	
Лно и. вѣдщивши	18 1/2
серебра	12 1/2

(Слѣдуетъ Число 35. „Поученїи Царь-вѣдщивши.“)

Изданїемъ и тисненїемъ Института Стариновскаго.
Отвѣдщившїи Редакторъ Еводанъ А. Даниловъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедѣльно въ Середу два листа, но пятъ головой въ Листѣ 4. пр. к. к. — съ четверною поресилкою 6. пр. к. и — Желающимъ четверткою получить платятъ въ Листѣ 1. пр. 10. пр. к. и. на почтахъ же 1. пр. 30. пр. к. и.

КЪ ДРУГУ.

Зачего счастья им не вѣдать,
Длилъ привыкли им читать;
Собѣ им оба не вѣдывать,
А нѣтъ не могутъ извѣдать.
Дерзновать.

Тогомъ и началю гостемъ,
Свѣта, всякой ночью листомъ —
Колн нѣтъ нерозно и слушоу нѣтъ —
Кому печаль нѣтъ тогда открыта?

Тебѣ мой другъ — отрадоу ты нѣтъ!
Тебѣ печаль нѣтъ открыта в:
Бо ты нѣтъ лишь одинъ еще (пріеми),
Мою печаль со мною подвѣсь.

Ты rado баившись въ нѣтъ рукахъ,
И проповѣдай въ дружескихъ словцахъ,
Въ которыхъ вѣтъ нахоу утѣшенье,
Отрадоу, сладость, улегченье.

Въ словахъ твоихъ, не вѣдючи самъ
О томъ, ты подвѣсь нѣтъ балъсать,
Который злату сердца нестѣлать
И нѣтъ любовь во нѣтъ сей вѣдывать.

Счастливымъ! кто такой спарбъ пріобрѣтъ,
Кто дружества ушь сладости вкусилъ;
Житю ему слышываетъ любовь — нѣтъ,
Въ душѣ его есть завсегда веселье.

И если добродѣтель вѣтъ любовь
Получать два сердца въ одное нѣтъ:
Нѣтъ святѣмъ той узелъ во розважать,
Нѣтъ въ нѣтъ съ нѣтъ одно не вѣдывать! —
А. съ и.

II

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕШСКО- СЛОВЯЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Чеш. — Норвалле. — Словац. — Редкѣмъ чешско-
словацкой литературы на нѣтъ вѣдывать.)

Чешскій народъ, о литературѣ по-
корого хочеть нѣтъ говорить, зашла градъ
кельтійскихъ Бовъ (отъ нихъ Богеміемъ зван-
ный) около VI. вѣка. когда тѣмъ тѣмъ бы-
ли Марковани въ юго западную часть Евро-
пы. Народъ сей пріимолъ сюда изъ Бѣлой
Хробиціи, котора лежала на сѣверной сто-
ронѣ Карпатъ. Его нѣтъ производять оби-
новенно отъ вѣсна князя Чеха, которо-
го лице некроу пнеологическою званіемъ.

Чешскій народъ пользовался изъ дре-
де тѣмъ стовенемъ образованія, на нѣтъ
столамъ тогда вся Словенскія племена. Въ
старинныхъ чешскихъ латонскихъ упоми-
неться о судебныхъ сборахъ, въ которыхъ
председательствовали оправданный Князь
Крокъ и дочь его Либума, и съ тѣмъ
нѣтъ сборовъ вѣдывать, что у Чеховъ
было порядочно устроенное общество и тѣе
патриархальное соотношеніе, въ силу кото-
рого спорящія стороны съ датскою вѣсто-
рностію рѣшались князья своихъ амивамъ в
нѣтъ повиновался. По рѣдкію тѣмъ по дѣ-

тогдашней пришла Любоша въ 733 г. по Рожд. Хр. в епископа (ископала), который предвѣщаніи ея описалъ оловенскими буквами. Также выгнана, говорятъ, обудовала престольный городъ Прагу. Она же избрала за мужа, съ отверженіемъ всѣхъ родовъ достойныхъ невяховъ, осланина Премислава, что доказуетъ о существованіи въ то давнее время свободнаго, независимаго селенія сословія. Малымъ, отъ прежнихъ князей заведеннаго области совокунилъ Премиславъ въ послѣднихъ лѣтахъ своей жизни въ одно княжество, которое наследовалъ 753. г. сынъ его Незанислъ и кадалъ оному вѣщномысленное управленіе.

Моравляне, по языку и происхожденію наиблизшіи братья и соседи Чеховъ, пріймали вѣротно въ тоже самое время до нынѣшнихъ своихъ князствъ. До 1029 г. составляли они народъ, особый отъ Чеховъ, шили своихъ князей, и край раздѣленъ былъ на несколько помѣстныхъ областей. Стара моравская держава сагда пристрастивъо далеко въ предѣлы угорскія, и такъ званнми панноніи Словене возникновались ей князьятъ. Уже около 7. века (сирѣчь, прежде всѣхъ словенскихъ племенъ) пришла значительная часть Моравлянъ Христіанскому Вѣру отъ помѣщикъ священниковъ. Въ послѣдствіи времени послали моравскіи князья Ростиславъ и Сватополкъ (Сватопоуль) за словенскими проповѣдниками въ Цароградъ. Въ половинѣ 9. века явились са. Кириллъ и Меѳодій на ихъ дворѣ, и заводили въ народъ образъ словенскій.

Съ Моравянъ пришло сзѣло Христовой Вѣры до Чехъ, хотя уже 845. г. 14. чешскихъ князей покрестилось въ Регенсбургу. 894. г. пришелъ чешскій князь Боривой съ, прощенію, одноколь его послѣдники а съ нами и большая часть народа отвали снегова отъ святой Вѣры. Ажъ въ другой поло-

вину Х. века прекрестился весь чешскій народъ и съ того времени пребывалъ въ Вѣру Христу по русинскому образу, который тогда заведенъ былъ на место существовавшего въ одной части Чехъ словенского. Около того времени заведено такожъ латинскіи буквами вместо досель употребляемыхъ кирилловскихъ. По рожденіи великой Моравской Державы (1029 г.) пришла нынѣшняя Моравя къ Чехамъ, отлучалась отъ нихъ въ продолженіи времени несколькократно и стала въ началѣ XVII. века вразъ съ чешскими королевствомъ порозрвнною частію Австрійской Державы.

Оба тіи братніи народы говорятъ, съ дужо малымъ измѣненіемъ, однихъ языкомъ, который есть такожъ отъ части принадлежностію Словаковъ, живущихъ въ горнобытнхъ словенскихъ поселеніяхъ немъ Карпатскихъ горамъ и рѣками Тиссою и Дунаемъ. Съ той причины произведенія чешско-моравской литературы суть столь же понятны и столь же принадлежатъ Словянамъ, сколько произведенія словацкой Чехамъ и Моравлянамъ. Полежо однакожь большая часть Словяковъ, следуа немного различному вѣстному своему нарѣчію и особеннымъ обстоятельствамъ, развивала о себе отрубаму литературу: для того снуженъ о сей послѣдней нечто еще съ особна, здѣсь тое лишь замечая, что отрожденіемъ самыхъ знаменитныхъ ученыхъ Словяковъ, именю Шафарика и Колара всегда было: новостя у всѣхъ тѣхъ трехъ словенскихъ отраслей одинъ языкъ, одну вѣрвонисъ и совокунитъ чешско-моравскому а словацкую литературу въ одно цѣлоо.

Исторію чешской литературы раздѣляють на нѣтъ періодовъ.

Первый періодъ отъ найдавнѣйшихъ известнхъ временъ ажъ до Гусса, с. е. отъ г. 550 по р. Хр. до 1400.

Второй періодъ обозначетъ точно одинъ вѣкъ, отъ Гусса до розширенія типографическаго искусства.

Третій, золотой вѣкъ чешской литературы, сягаетъ ажъ до битвы подъ Белымъ Горомъ въ г. 1620.

Четвертый тягнется отъ сей инаищей Штамъ ажъ до отрожденія чешской словесности въ г. 1774. — 1780.

Пятый періодъ начинается отъ 1780. г. и продолжается до нынѣшняго дня.

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повесть.

X.

Во времена Запорожья, Великій Лугъ, то есть болотистыя острова и низкии части Днепровскаго берега, былъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ: изъ того лѣсу казаки строили большія одиночтовыя лодки, впащавшія въ себя до сотни людей, и къ удивленію породавцовъ, безопасно переплывали въ нихъ Черное Море, вывалились жежданно даже въ Малой Азіи, грабили, разоряли города и безопасно возвращались на Сѣчь. Тѣхъ лодки были узки, долги, легки на ходу и назывались чайками, врозьню по своей быстротѣ, и для того, что по краямъ съ обохъ сторонъ они были обшиты сплоскимъ тростяникомъ, который давалъ имъ видъ птицы со сжасанными крылами и не давалъ лодкѣ тонуть, хотя бы она и наполнилась водою.

Свѣжій, южный вѣтеръ быстро гналъ по Черному Морю васьколько сотъ козачиныхъ чалекъ; въ переду всѣхъ вырзвывалась лодка Атамана, съ невеликиихъ крестикомъ на пачтѣ. Вѣтеръ дулъ ровкии, подносилъ тихіи паруса изъ грубого полотна, замлетаннаго бархатомъ и турецкии шалми. Козаки подививши весла, одихали, гурили люль-

ки; было горяче; полуденное солнце шло, вѣтеръ дивалъ зноить будто изъ жарнаиной печи; Кожовиі и васьколко Буревниихъ розстоглуши врозятки сорочень, полудренали, прислушивался къ однообразноу ропоту и плеску морской галки; вѣсковий Писарь, лежа, порадистывалъ акунто церковноу книгу; корчиі, старій везекъ, сидѣлъ на корнѣ подививши ноги а по спуска очай съ лѣннстой струи, бывавшей за корномъ, вѣлъ заунывнуу пѣсню:

„Где ты ходишь, где ты бродишь,
Ковался долъ!
Прилила позачина
Горькая новолъ!
О — охъ, охъ е — хо!
Горькая новолъ!
Лѣтъ не влещени, ни роду;
Тяжко пачи въ сѣтѣ!
Ну, хоть врасстѣ съ пачтѣ въ воду,
Доло неа, гдѣ ты?
Отвалясь моя долъ
По тогъ боги Атаманъ:
„Терпи новолъ, а лѣстни
Татарского Хама;
О — охъ, охъ, е — хо!
Татарского Хама!“

Наравъ лодка дрогнула, наклонилась, парусъ занлескалъ по водѣ, поднялся, остропоулса, будто живое существо, и обрызгалъ всю лодку. „О — го!“ сказалъ Кожовиі, быстро вскакивая на ноги: „долоу парусъ, спускай пачтѣ!“

Сейчасъ увалъ парусъ, и пачтѣ тѣло легло повоздолъ атаманскаго чайки; другіи сделали тоже. Веслара принались за весла. Ни корнѣ старій козакъ сидѣлъ по прачтѣнуу споконію, неподвижно и стѣвалъ:

„Доло неа, гдѣ ты?“

„Гей, якъ розыгралась погода.“ закричалъ Кожовиі. „молодецкая погода, потѣшная погода! А ты, старій хрѣтъ, тягнешь бѣбскую пѣсню, накликаешь бѣдъ

на свою голову! Ну-то, хлопцы, хороще а веселыше, и работати лучше съ вое-славны."

Веселари пороглянулись, прилегли на во-да и завали вразъ:

„Съ попольеи ватерь взеть,
Постыають;

Ватерь долочку лютыи
И вачають.

Гей, х опим, киво, киво!
Въ Счаи вода, въ Счаи киво;
Будеть отамчати,
Будеть отамчати:

Дружно въ весла! чайной чайу

Обтаають!
Про Подвою, Наливайду
Застыають.

Гей, хлопцы, войте втаны,
Якъ бы втаны въ полнебесны
Вольны поють,
Вольны поють!

Казалось, людки ношли на веслахъ е-ще быстрейше, они будто поплыли по-спину, веселись якъ птицы, смело скакали по волнамъ. А ватерь все выдалъ кранче и вразче; и все сильнйше колыхались вол-ны; морскыи валы алескали, смывались, разбивались другъ о друга, кидая на Мо-реплавальцевъ брызганя и вмяны: Черное мо-ре всегда готовое пошуметь, погуляти, розыгралось не на шартъ. Оно кивало, сто-нило, хлопотало: надъ водою поднялся ту-манъ отъ брызговъ взволнованого моря, на вебъ не было на облачка, солнце выло своимъ путію, одноколь помернее, зловя-щее, безъ лучей, новъ червоно-желтый шаръ. Козачьы чайкы розлетались въ раз-ныи стороны, одна потерала другую изъ виду.

На стаманской чайцѣ веселари выбались изъ сна, полежили весла; немъ начало, кидало якъ мякомъ; старшынны и козаки се-брались вокругъ Кошевого.

— „Дивная погода, Кошевий батьку!“ говорилъ одинъ Куренный: „видное нака-

занье Божие! Была бы туча, буря, громъ, дождь, молнія и прочее. — оно бы ничего; а то дуетъ. Богъ знаетъ откуда и зачѣмъ? Видное наказание!“

„Но придумаю, чѣмъ прогизвали Бо-га.“ отвчалъ Кошевий: „до церкви им хо-дили, посты держили, возвращаеися съ ли-царского подвига: няго истресбили бусур-манскихъ головъ, чтобы Христианамъ было жати на свѣта шарше. Крмиъ долго насъ не забудеть!“

— „Такъ; а зачѣмъ же оно дуетъ такъ страшно, и чего ему хочеться?“

„Я знаю, чего ему хочеться.“ поре-билъ Коричий: „ему хочеться грязной го-ловы; пока не кинеть въ море тую голо-ву, ватерь не утихнеть. Помню давно, е-ще при Стенанъ Баторія было на насъ та-кое доущение; кинули въ воду грашника, — якъ это бабъ поментало: разонъ утихло.“

— „Чтожъ, одному не штука уверти для славы и добра всего товариства,“ за-кричали козаки, падак на козляна: „слу-хай, Кошевий батьку, нашу исповѣдь; чинъ грахи большыи, того и кидай въ море.“

„Погодите.“ сказалъ войсковый Па-саръ, Алексій Поноричъ: „заяжите мене, братья, очы черномъ китайкою; привясьте къ шеъ кинеть и кивьте въ море. Я грашникъ; а одинъ погибну за все славное козацкое воинство.“

— „Якъ?“ заговорилъ Кошевий и ко-зачки; ты святое писмо читаешь, народъ на добро научаешь; или ты грашнйшій отъ насъ?“

„Я лучше себе знаю, братья товарищи; тѣки мои грахи: я умелъ изъ дому, якъ злодѣй, не попрацался съ отцевскомъ погн-лою, кинулъ безпонощную старуху ма-теръ... Слышите? то не ватерь выетъ: то она плачетъ за недостойного сына!... Не море хлопотеть — греться ей проклатія на

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Середу два листа, по пятъ годовою въ Листовъ 4. пр. 40. пр. к. н. — съ почтовым пересылкомъ 6. пр. к. н. — Желющимъ четверточкѣмъ получить платитъ въ Листовъ 1. пр. 10. пр. к. н. на почтахъ по 1. пр. 30. пр. к. н.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИСПЫТАНИЕ САМОГО СЕБЯ.

(Изъ Писемъ)

Очей до сиа ты не смылай,
Пока себе не вопросилъ:
Якъ вышій а день прожылъ?
Якое дѣло заимылъ?
Тякъ передъ спомъ себе китай;
Кому бо грѣхъ свой счтися,
Тому не нило савися.

Слушай ли ты лукавону?
Иль дѣло оставилъ любонъ?
Тогда не пометъ Богъ тебе
Любви, ни ты самъ себе.
Сивни то сердцу своему,
И вѣну словность злоу
Брани иль аранъ злоу.

И то, что вчера доброго
Не сдѣлалъ ты — дѣло учини
И всегда сие помни:
Что, кто дорогой истини
Идетъ, в отъ душевного
За есть всегда свободный,
Тотъ Богу есть угодный.

ЖИЗНЬ ПРИПМЪРНАЯ.

(изъ того же)

За истивою слѣдуй
И живи вѣсти во вѣй,
Другимъ благотворити,
Но лишь во для очей:
Сближаетъ смертного
Къ Творителю его! К. съ Я.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО- ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТІЙ ВЪ ГАЛИЦКѢ И БНЖЕСТВЪ СЪ ПОЛОВНИИ ИХЪ ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Августъ Иструмента.

(Продолженіе.)

По смерти польскаго Государя Болослава, возникли въ Польшѣ несогласія съ тою, кому быти княземъ, ибо бездѣтный Болославъ оставилъ пять вѣнчанниковъ, изъ которыхъ претендентовъ польскіе бояре избрали одного Лешка (Лестка) и посадили его княземъ въ Краковѣ. На противъ тоу влестолюбивый Лешъ занималъ самъ быти наследникомъ Болослава и Государемъ всей Польши, или по крайней мѣрѣ присвокуити при себѣ способности нѣсколько польскихъ украинныхъ городовъ, сѣнскихъ своей волости: но, когда польскіе вельможи сопротивлялись его намеренію, въ досаду вѣхалъ онъ самъ въ Оуду къ Ногаю и просилъ у него помощи для входа своего въ Польшу (102.). Ногай въ сановѣ далъ отпустилъ съ нимъ трехъ своихъ воеводъ съ

102.) Имя Лешъ. 306. „По смерти не великаго князя Болослава не бысть кто князи въ галицкѣ“

ретью. съ которой Девъ зиню со сиконъ своихъ Юрьскъ вторгнувъ въ предѣлы Польши, гдѣ сопровождали Галицкаго князя, братъ Мстиславъ и Князь Владимиръ и оуболю Татарскою (Ипат. Лѣт. 208), т. е. шехетю и изъ повнновенія Татарскъ. Подъ городомъ Суднипронъ на леду перешла русскіе и татарскіе полки р. Вислу: оставила Суднипръ въ покоѣ, пошелъ Девъ на Краковъ и былъ въ окрестности города Крошвици разбитъ Демконъ. Девъ, говоритъ Лѣтописецъ, возвратился назадъ съ великихъ богатствемъ, когда князь Владимиръ, разбивъ гдѣ то засахшихся въ леса польскихъ жителей, ушелъ домой съ захваченою добычею (1280). Съ слѣдующихъ годовъ не заедмалъ Демко откити князю Льву, и вторгнувъ въ его волость соежъ городъ Переворскъ и умертвилъ всѣхъ гражданъ: между тѣмъ, другіи отрядъ польскаго войска, опустошила окрестности Брестя, былъ побжденъ вооружившиися Берестянами (103).

земля... и воскобъ собъ Девъ земль, но бопре бахуть силани на дама ому земль... избреша собъ Дестка и посалиша в Краковъ... Песомъ на Девъ воскобъ собъ части въ земль Ладисей, города на въкраини... Объ Управнѣ западной ст. выше яриць 66. Къ извѣстю, уже Василью Гостиславичъ вознакилъ перабити собъ Польшу, о чьѣ думалъ тавомъ и Рованъ Мстиславичъ, подобно вѣтъ волѣтне государя Болеслава Храбрый и Демко Бѣлый возмущалъ присоединити часть итаву русскою земля во своей державѣ. Хотя именовъ несчастлиа Польшъ завладѣти отчужденъ ванивъ, и даке поурядствоъ бракъ, присоединити собъ Ляву и большу часть Руси, однако не судилось ей признатностью своею, поверати собъ на всегда русскаго вѣлшана, съ которымъ подружился онъ, и неела признати его во своему ооруду повелась она обманути въ арваніа обѣтаніа его.

103.) Другомъ (Сб. VIII. р. 831) пишетъ, что по-

Владимиръ Васильковичъ для непріятельскихъ отношеній Руси съ Польшою, пособствовалъ въ междоусобной войнѣ сиконъ вѣствъ Семовата Мазовскаго князю Кондрату, противъ брата его Болеслава покровительстауанаго князень праковскіиъ Демконъ. Юрій Львовичъ племянникъ Владимира въ тоѣ время отправляясь въ Суздаль почитиса, предоставилъ въ распоряженію дяди всѣхъ своихъ бояръ и людей. Русскіе полки, подъ предводительствомъ Васильки князя Стоунискаго, вступили въ Мазовію; прошедъ мимо Сохачева осадили городъ Гостинной, «который былъ уаосолитъ ольцимиъ иэстоиъ Болеслава Семовитовича 104.); не смотря на уворную защиту городъ былъ взятъ, ограбленъ и выжженъ, и такъ заключають Лѣтописцы (Ипат. 310): „воз-

роль польскій Демко Черный вторгнувъ въ Галицкую землю, и опустошилъ города елладю до Львова (иоцею ad Leopolum), тогда на противъ току современній Волинскій Лѣтописецъ арауательно говоритъ подъ 1261. годомъ „Иде Демко на Ляву, и взя у него городъ Переворскъ, извѣсто люди въ ночь вса отъ нале до велина и городъ захыже, и поиде назадъ во своеи; слѣдовательно не дошелъ Демко до города Львова. Другомъ кажется нлохо воишь слова Лѣтописца (Ипат. Лѣт. 311); гдѣ четска: „коди Демко взя Переворскъ городъ Львовъ (т. е. городъ Переворскъ принадлежалъ князю Ляву) томо Лѣтоисею вѣсвахъ в Берестя по Краковъ.

104.) Городъ Гостинной осьъ нивнншій польскій городъ Гостинъ (Бовуа), былъ осьъ повннованъ иэстоиъ в краковомъ вѣсодствѣ Раискаго, дохитъ надъ р. Сарвою. Въ тоиъ сѣлонъ Гостиславичъ залку прокивалъ въ заключеніи Царя Василій Шудскій съ двома братьями, гдѣ спочивалисъ 1613. г. была поторонемъ (во словѣхъ Кобрицкаго) подъ артаніа зана, отгуда брешие остатни ахъ поволннотъ Сигискунда III. провосою въ золотешнику, въ той нѣли пострѣсноту, на предградіа въ Краковъ.

вратилася повсюду съ побѣдою и честью великою. Коудратъ же князь поѣхъ во свою городъ, везъ на се вѣнецъ побѣдннй и сложивъ съ себе сорочку, по ночю брата своего Владиміра; а Василью князь поѣде къ Берестю, со множествомъ полонна и посла предъ собою вѣсть господину своему князю Володимиру" (1261).

Русь не могла долгнѣ наслаждаться миромъ. Предводители Татарской рати Ханъ Ногай и Телебуга заимели теперь похоть въ Закарпатскую страну: когда одна часть многочисленнаго войска ихъ переправилась чрезъ Сединградскую землю на Брашевъ (Кронстадъ). Другая появилась въ отечество нашемъ для перехода, ушлииши Карпать или какъ латонисецъ говоритъ поперекъ Горю, въ угорскую область. Татары везли съ собою кти Русскіи князья, Лву, Жиславу, Владиміру и Юрію Львовичу; они не смѣли ослушаться, ибо тогда князь Русскіе находилась въ волѣ Татарской (Ипат. Лѣт. 210). Такъ пошли въ Венгрію, кромя князя Владиміра, который по свидѣтельству современнаго латонисателя былъ тогда „хронъ ногою — но послалъ рать свою съ Юрьемъ синовою съ собою. Между тѣмъ названный князь Болеславъ, вѣда русскую землю лишениую защиты и пользуюсь молодогенъ князей оа, вторгнулъ въ волость Лва, опустошилъ окрестности Щекарева и съ плѣномъ разграбленнхъ десяти селеній, будто гордый побѣдатель всей Руси умелъ доной 105). Лѣтъ, увидѣвъ о томъ, отприслалъ у Татаръ для обороны своей земли, и возвратившии явилася боль-

ноу Владиміру чрезъ своего посла гонера: „Брате! сложишъ съ себе ооренъ сою; пошла возведи Литву на Болеслава." Литовцы, всегда скоры къ грабительскимъ набѣгамъ, обещали похоть. „Владиміре!" восклицали она „добрый княже, правдивый! похоть за та гонерамъ своимъ сложити; коли ти любе, есо оими гонерами!"

(Ипатонисецъ сдѣлать.)

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повесть.

XVI.

А дѣлужи въ сондѣннѣ лѣтъ,
Ляса шапка не пристаетъ! А И

Занорошскіи зновокнн были то хуторы, въ которыхъ жили женатнн Занорошцы; они были огорожены сѣлькннхъ оловотъ иногда даже канонннхъ наснннн. въ которыхъ находилась новолннн отворстїа; изъ ннхъ знтель зновокнн часто высннтривалъ на стѣнн друга и недруга, и въ потреба воснндалъ недругу прннать олованнню кудькомъ. Такий наснлтъ упрямонъ бывалъ съ верку густннхъ выконъ изъ сухнхъ вѣтвей колннчого стѣноваго терновнннн, чтобы тѣмъ невыгоднннннхъ сдѣлоти перелазъ для непрннтели. Хата середъ того оловта слошт-

карева и въ десять селъ, в тѣмъ влнннѣтъ влалъ съ великою гордостѣмъ; творннть бо ся онъ всю землю влѣтъ. Гореть русскій Щекаревъ знкется быти нѣсточно Щекаревскнн (по польскому прозвоненнн Szczekarowice), о которонъ вннеть Литовскъ вольт 1412 (И. XI р. 231) Rex Wladislawus Cracovia egressus, apud castra, oppidaque sive et curias videlicet: Novem Civitatem (Корчунъ), Sandmiriam, Prischow, Szczekarowice, Lablin, Chelm, Rabieschow, transitum faciens. Сѣдосветельно лѣгалъ онъ далеко за рѣкою Вепоркъ, за которонъ она до снхъ пренетъ русское племя обнѣтѣтъ.

105. Ипат. Лѣт. 210. „Болеславъ же бнннѣтъ оно горнлса съоннѣ безумнѣтъ, усннотрнѣтъ веронн такою, прнннѣтъ по ду стѣ вося ооло Ще-

на была изъ каменной, и покрыта солоном или грубыми стволани стовенного буряна. Зиновики тѣи бывали часто обширим, и въ своей каменной оградѣ заключали все господство. даже старты збожя, и стада.

Уже была вечеръ. когда Чайковскій съ женою вѣрхали на зиновику Касьяна и остановились у порога. Казалось, нѣтъ въ немъ ни одаой живой души. будто крутая багтереа стоялъ зиновику обведенный високомъ каменномъ стѣномъ. часто натканномъ съ верху терновникомъ; только собаки, мочулиши чухнѣть, отзывались за оградомъ.

„Отвори, дядьку Касьянъ!“ закричала Марина.

— „Не такъ говори ночью съ Звнороженцѣ. Марино.“ сказалъ Алексѣй: „бѣду накличешь. вотъ слухай!“

Въ самою дѣля. ктось подошелъ изъ вутра къ оградѣ; стаа вороблювъ. древавшихъ на теровнику, вспорхнула; съ легка шокнулъ ружейный курокъ...

— „Пугу, пугу!“ закричалъ Алексѣй, приложениши къ рету кулакъ.

„Пугу?“ вопросительно озвался танаственный голосъ за оградомъ.

— „Козакъ въ дугу.“ отвѣчалъ Алексѣй.

„Давно бы такъ сказали!“ проговорилъ голосъ: „Хлопци отворяйте ворота, а поной понашайте тамъ, где и наши. Гостей просить до хаты.“

— „Ваши головы. Цню господарю и товариство.“ говорилъ Алексѣй, иходя съ Мариномъ въ хату.

„И вы ваши головы!.. Прешу садати.“ отвѣталъ господарь:

„Откуда Богъ несетъ?— Хлопци дѣйте воду!... съ дороги не зло вышита...“

„А ты и не узналъ мене, дядьку Касьянъ?“ сказала къ господарю Марина.

„Да узналъ. бо причала у порога, якъ бога.“

„Отгадалъ дядьку.“ река Марина.

„Благодари Бога, что съ тобою розумный товарищъ и знаетъ вся наши новеденія. бо подалеко было бы тебѣ попровати кульки.“

„Я вѣ что?“

„Еще и за что? пошла на Сечи хотѣ не много, а уха ни крошки не набралась! Всякого народу бродить по стѣнцѣ; коли кто не откликнется по намену, такъ и не памъ; коли ночью ходитъ. такъ и неприятель. а коли неприятель, бѣдъ его. пока онъ тебе не убилъ. Благодари своего товарища...“

„Онъ немыче товарищъ, а нушь.“ отрекло Марина.

„Якъ те нушь? да онъ Запорожець изъ Сечи!“

Тутъ стаа Чайковскій толковати Касьяну въ чонъ дѣло, и стармѣ Запорожець поклонившиши молодой нарѣ говорилъ дальше: „Теперь мое обязанности узнавати тебе: ты еси жена славного Запорожца Чайковского; памъ Кашовый вѣсь поважаетъ, и не забылъ мене старика; отаравилъ ко нѣтъ въ гости; спаси — Богъ ему, жийте у мене, пока не соскучитесь...“

Алексѣй и Марина кинулись обвиняти Касьяна.

„Довольно, довольно, дѣти! вы задумите старика.“ говорилъ Касьянъ, отпращивъ слези: „вы добрый народъ. Богъ вѣсь благодолви!... Были и у мене дѣти, была жена... Нѣтъ дѣтей, нѣтъ синевъ; одинъ утонулъ въ Черкомъ Морѣ, другого сбили на Днѣ, и третьего конь убилъ, свой конь!.. добрый былъ конь, а убилъ синя!... ни за что, ни про что пропалъ человекъ!... Вотъ, пятый годъ якъ умерла жена, и я одинъ дожываю вѣтъ съ хлопцями... Спаси — Богъ, что вѣрхали. — Не вы чай голодомъ съ дороги. Гей, кухаръ, изготова“

наль вечерю; у него гости, и понолеждать двадцатью годами."

И въ полъ години заставили хлопцы великій столъ блиндами съ тоторокѣмъ и макалнгомъ, улюбленными потѣхами Запорожцевъ; въ тому принесли и варенуху, т. е. вареное вино съ сухими плодами и припими кореньями.

За столомъ, старикъ Касьянъ развеселился и обещалъ, что если черезъ недѣлю не будетъ никакихъ вѣстей изъ Сѣчи, самъ поедеть въ Дубамъ къ Полковнику Ивану, и во что бы ни стало, добьется отъ него отвѣта. «А теперь вышенья по чаркѣ варенухи,» продолжалъ Касьянъ: «та съ дороги, пожесть кону и свята нора. Но завтра, нужно тебѣ Мариню переодѣтась, акъ принадлежить; на тебѣ влючь отъ сирини, которая столѣть въ святлицѣ; отвори ю, и принаражайся акъ знаешь; таиъ ложать наряды новой покойной жены, у ней были добрыи наряды в чаркѣ много и всякой всячины. — не стыдно надѣты полковничьей дочери.»

Послѣ тѣхъ словъ встали изъ за стола и попрощавшись на «добра ночь» розошлись спать.

На другій день рано Мариня чудно была хороша въ новонъ нарядѣ: занавеска яркнхъ бархъ, перехваченная красными шелковичи носонъ, прелестно обозначала ей стройный станъ; подъ тонкою, блною, вышитомъ шелкомъ сорочкою, вольно дрожала круглая грудь; на головѣ ннзла она брихетный корабликъ (родъ женской шапочки.) На плеча накинута легкій кунтуштъ изъ зеленого атласа. обшитый золотою ленточкою, поспотрѣлась въ чистое зеркальце, и поспрѣлась отъ удовольствія.

«Ей Богу!» говорилъ Касьянъ, вхождая въ святлицу: «ей-Богу, она красавица! И козачкою ты была прехорошенька, а козачкою въ двое похорошѣла!»

XVII.

Но они несли во тѣхъ ночахъ,
Четверою ходить за рѣкой. А. П.

Ждали погоды — нѣтъ вѣстей; прождали еще два дни, и Касьянъ поехалъ въ Дубинъ; выбралъ доброго коня и легкое вооруженье. т. е. саблю и пару пистолетовъ, въ канчुकъ насапалъ рокиевского титану, положилъ кусокъ стали, новый промень и сухого трута, привязалъ за седломъ великій комокъ поджаренного въ масле хлеба и поехалъ. Выбрался Запорожцу въ дорогу было дуже легко, но зада черезъ степи была опасна.

Украинскіи степи, никому не пришедшими, служили ареною безарестанннхъ боевымъ схваткамъ; тутъ извѣдичали, полюдествовали полудинніи народи; въ походѣмъ оврагу было опасатись неприятельской засадѣ, въ походѣмъ кусту ракиты козари было подозрѣвать скрптого врага, который нѣтъ зная ползавъ немъ травомъ, спотрѣты въ Запорожца зоркнми очима и въ туманѣ отагагать сильннмъ лукомъ, или ведеть за нншь варное дуло ружннн, ожидая удобной минуты спустити курокъ.

Первого дня ахалъ Касьянъ довольно весело, беззаботно называлъ подъ носомъ пѣсоньки, разговаривалъ съ конемъ, спривалъ колодинъ вѣтви дикого хрѣва, свѣжкою опускалъ поводья и курилъ дымку. Подъ ночь, Касьянъ, яко опытный козакъ, призналъ свои нѣри: вѣхавши въ глубокую долину, нусталъ коня напастъ, но привязалъ напередъ конекъ долгого ременного поводѣ къ своей руцѣ, раскинулъ на травѣ бурку изъ овечьей шерсти, для предосторожности, чтобы не подползла нѣкъ гадина, особливо тарантулъ, который во ннстантку боится овечьей шерсти, даже овечьяго запаха, будьто знаа, что овци любитъ загрѣ-

зати его собратей. и тихо уложился на свою бурку, даже не кряп лямки, чтобы дышность не напикати беду на свою голову. Передь светомъ Касьянъ былъ уже на коша, но на себъ разъ что-то его безпокоило; часто онъ озирался, часто всмотривался въ даль, разширялъ ноздри, нюхалъ воздухъ и пристально глядѣлъ на росистую траву; видно было, что его душа чуть не добѣе. А кругомъ все было чисто, тихо; воевало всходило солнце, добрый конь схватывалъ ивдоходитъ извѣстныи верхушки травъ и прискакалъ. когда роса пошла оу въ ноздри.

Касьянъ увидѣлъ въ сторону извѣстную траву, слезъ съ коня, долго разсмотривалъ траву. ворча: „такъ и есть, а такъ и дуалъ;“ потонъ праналъ ухомъ къ землѣ, вслушался во много, съѣлъ на коня, и поворотниши нинъ на лѣво, пошелся якъ страда. Проскакавши нѣсколько верстъ, Касьянъ ошатъ поехалъ по первому направлению довольно спокойно, и около полудня только сверотилъ на право и снова началъ безпокойно оглядаться по сторонамъ. Уже ввечерѣе, до Дивьяра было недалеко, доброй зды до ночи по больше, когда Касьянъ, эжавшій легкой рысью, ивразъ остановился, будто ошавонилъ на вѣсткѣ, прилетъ на шю коня и внипательно смотрѣлъ на далекой, едва видный въ дали курганъ. — „Ошъ!“ сказалъ Касьянъ, слезва съ коня и вода его за поводи: „они проклатиы Крими! наши никогда по три человекъ не възъзашатъ на курганъ; у насъ одинъ выдѣтъ ва трехъ, а теперь в готнищамъ заказано купно възъзати для дозора... якъ би прибылъ во время!“ Спустившися въ долгий, глубокой оврагъ, который конетъ былъ когда-ибудь русломъ рѣчки, впадавшей въ Дивьеръ, Касьянъ поехалъ вдедь оврага; но, порекавши нѣсколько верстъ, азъ предъ-

осторожности слезъ съ коня, вышелъ пригнувшися изъ оврага, и увидавши недалеко курганъ, поползалъ къ нему, чтобы съ висоти висмотрѣти неприятеля. Курганъ былъ покрытъ густою, високую травою; на верхушкѣ его стояло нѣсколько кустовъ ракиты. Яно вужъ полезалъ межъ травомъ Касьянъ, бережно разводилъ въ сторону руки, хватался нини за траву или упирался въ землю и тихо шевела вснъ тѣломъ, поднимался выше. Наконецъ онъ всползалъ на самъ верхъ кургана; оставалось только раздвинуть кустъ и осмотрѣти окрестности; уже Касьянъ поднятъ рука — и остановился, затвилъ дышанье: за кустомъ послышался шорохъ, зашавелилась трава и съ ногъ ракиты вползла страшная зия; увидавши человека, она быстро подала назадъ свою голову, завила въ нѣсколько колець, сердито сверкнула очини, и отворниши страшную часть протянула замикчала; но ввратно безъ подвѣтнхъ рукъ Касьяна, отскочило въ сторону и поползала въ низъ по кургану. Когда скрылась незванная гостья, Касьянъ протянулъ къ ракитѣ руку; но едва коснулся вѣтвей, они будто по черодайному ивиновени сами раздвинулись и ножи нини вилалъ голова Татарина; ей узки очи криво уставились противъ очей Касьяна. Татарина съ своей стороны, видно закѣтившій изъ далека конного Касьяна, опасался засады и тоже полезъ на курганъ висмотрѣти неприятеля.

Нѣсколько ивиновени враги были неподвижны, якъ би обдумывая, что нитъ влчати; потонъ страшно облыкались азорами, проникаутыми глубокою ненавистию; лица ихъ судорожно испривались, и варазъ, якъ би по командѣ, схватилъ одинъ другого за горло; полче, во подвизался отъ земли, изъ ошосени откритися врагамъ. скали они, другъ друга шлестими руками; но Тата-

ринь былъ если не слабшій, то легшій отъ Касыяна. Для того последний осулувшись въ ивль, улепъ за собою Татарина и они клубомъ скатились съ кургана. Жестока была борьба ихъ; безъ звука, безъ стопа, они тиснули другъ друга объятіями смерти, гризли зубы, какъ дикіи звѣри; заходящее солнце по временамъ освещало то гладко остриженную голову Татарина, то чубатого Заворожца: они попеременно поднимались въ гору кождый разомъ страшнѣе, сильнѣе, облиты кровію, обрызганныи влѣвомъ. Наконецъ Касыяну удалось достать изъ за чобота широкой ножъ: то положило конецъ борьбѣ.

„Сейчасъ смеркнется.“ думалъ Касыянь, отходячи отъ заразаного Татарина и спускаясь въ оврагъ: „вороти кониши скорше икъ а будутъ у Дизира, хоть я и конекъ поеду: по конь будетъ еще стучати конятами по стени и мене выдасть... лихо! надобно ихъ загнати въ другую сторону..“

Потомъ сдѣлалъ изъ своего кобенака и травы ложного козака, привязалъ его на оудю, и сорвавши якоесь козякое колючее растеніе положилъ подъ сядло, на голую спинку коня и проворно подтагалъ подпруги, и въ тоже время ударилъ коня пугайною говора: „прощай, мой добрый коню! недолго увидиши.“ — Горячій конь скочилъ, и чуя боль на спинѣ отъ колючей выпки, помчался какъ птица въ степь по дорожкѣ къ своему зивоннику. Долго свивалъ одиноко быстрый конь все шибче и шибче, беспрепятственно попускаемый колючкою, и уже губился въ отдаленіи, когда наразъ зискочила за ивль цѣлая стая Крышцевъ въ погоню, будто борзые номъ за зайцемъ. Увидѣвши тое, Касыянь уснахнулся, нахнулъ рукою, и смуктавшись въ оврагъ, скормилъ крокомъ мешкомъ, почти побѣжалъ къ Дизиру.

Была уже глубокая ночь, когда Ка-

сыянь измученный споромъ хальбомъ, пришелъ къ Дизиру, казался, осажить дни и голову студеню водою и съ легка вошелъ на берегу, чтобы лишнего отдохнуть, и избравши удобное мѣсто противъ сугру перолиста рву. Все было тихо; ночь безвѣстная, по звездная; за рекомъ на широкихъ лугахъ, переликалась карестомъ; поромъ сонная рыба поверчалась, всплскивала хвостомъ воду, и жабы перестрашонными ходомъ Касыяна, скакала съ обрывистого берега въ раку, нарушали общее молчаніе. Когда все утихло, оденъ только Дизиръ плескался своими вѣчными волнами. Въ воздухѣ разивалось благоуханіе цвѣтовъ и травъ, съ которыхъ крушиль дождень спадала роса на Касыяна, когда онъ раздвигалъ, разривалъ ихъ, идучи по берегу; но вотъ на противоположномъ берегу затопило что-то будто сельска звонница.

„Фигура!“ сказалъ Касыянь и пошелъ на другую сторону.

На границѣ Готманщины, адезь по лѣвому берегу Дизира, начиная отъ Орели до Коискахъ Водъ, построены были около сонной воды звѣздніи двори, называемыи радутами; двори были обведены кракшиль платомъ; во внутри находилась просторная хата крытая соломомъ и стайни; въ каждомъ радутѣ поившалось пятьдесятъ мужа готманокыхъ козяковъ съ асаудомъ, которыи оставали пограничнику сразу и ошогло обивались. Радуты всегда будовались такъ, чтобы изъ одного было видно другій, отдаленный одинъ отъ другого на версты двадцать, десять а даже больше. Около каждого радута, не ближе четверти версты, для осторожности отъ огня, была сугру, сложенная въ видѣ башени или звонницъ изъ спеланныхъ бочекъ; для того подивали землю соломомъ и ставали на про-

степь шесть сползших бочекъ, къ которымъ было только широкое дно; бочки ставили одну около другой и связывали краемъ выскобленными веревками, уважая, чтобы во внутрь образовалась правильная круглая пустота въ родѣ чаши (куом); на тотъ кругъ ставили другіи такіе же кругъ, только изъ пяти бочекъ, съ верху третій кругъ изъ трехъ бочекъ; на тотъ ставили еще два, а на самый верхъ, какъ трубу на самоваръ одну пустую бочку, но называю я и нижняго, и верхняго дна. Въ той бочкѣ была сделана перекладина изъ желѣзного прута, а черезъ перекладину былъ перекинутъ потузъ, котораго оба конца спускались до земли; къ одному изъ концовъ привязывался великій кулъ початки, вываренной въ селитрѣ и розличныхъ горючихъ веществѣхъ. У египуръ находилось два или три кула часовыхъ.

Уже было недалеко до свѣта; ночь будто чув близкій конецъ свой; стало еще темнѣйшею; все въ природѣ затихло: ни звука, ни шороха, даже вода льется вале, будто въ дремотѣ; на всѣ созоренія налагають неодолимый сонъ, ночные птицы не летаютъ въ то время, кони перестаютъ ѣсти, дремлютъ оуставивши голову или даже лежатся.

Въ той предразсвѣтній часъ вышелъ Касьянъ на берегъ, около египуръ. Кругомъ была гробовая тишина; коростели не перекладывались, жабы не скакали въ воду, рыбы не плескались; правдо выслася на теплонъ небо египура. Два козакъ спали ногъ египуру; недалеко три коня лежали будто убитыи, откинувши ноги, вытягнувши шеи; сторожевой козакъ, овернись на стрельбу, вздремнулъ и — не заметилъ Касьяна.

— «Добрый вечеръ!» крикнулъ Касьянъ, подкада къ часовому.

Часовой вздрогнулъ, уступилъ назадъ и выстрѣлялъ по Касьяну.

Выстрѣль отскочилъ надъ ракою, далекое эхо повторило его по дубравѣ, дымъ накрылъ Касьяна: кони вскопчили на ноги, козакъ изъ подъ египуры прибѣжалъ къ товарищу.

— «Да довольно вамъ дурачиться.» говорилъ Касьянъ, подходя до козковокъ: «не узнали старика Касьяна!.. а еще козакъ!.. Здоровъ ли вашъ асаулъ Сенель Михайловичъ Динка?.. что же вы оглухли?..»

«Та то въ сапогъ дала Касьянъ.» говорили козакъ.

— «Ей, ты брате часовой! не стоишь и шага табани, ой-Богу, не стоишь; спишь-но сказати, дремлешь на часѣхъ надъ ручницею, будьто баба надъ прахомъ, та ещо и стрѣлата не знаетъ; стрѣлялъ до мене на пять локотъ и только верхъ шапки росворолъ кулькою.. На посмотри кою шапку, кола не взривъ.»

Во время того разговора прискивалъ изъ ратуа съ нѣсколькю козакъи асаулъ.

«Кий тутъ шумъ?» строго слыталъ Асаулъ.

«Ничего Пале Асаулъ,» отвѣчалъ одинъ козакъ: «Зиноровецъ съ тантай стороны, а часовой обманулся в выстрѣлялъ.»

«Добре слыалъ, хотѣи бы не обманулся; да чортъ не носитъ въ такую пору; кий танъ козакъ? зачанъ ошь?»

— «Не сердись, Сенеле Михайловичъ, а человекъ вамъ звякомый; уже два рази въ то лето гостилъ у васъ во ратуѣ, чей ещо не узнали Касьяна?..»

«Здоровъ, старикъ! Что же ты плываешь не почанъ, будь Русаликъ?»

— «Хоталось попробовать якъ стрѣляютъ Гетманци; да во лихо стрѣляютъ, на пять локотъ промахнулись.»

«Довольно жартошь.»

— «Смеръа жарти, а потонъ будотъ в дело. Доставай, брате, огнара, та заалай египуру: Криши за ракомъ?»

„Ты выдалъ?“

— „Но только выдалъ. но и силъ про-
бавалъ, и коня черезъ яхъ лишился; за-
светишь огонь, увидишь якъ нено исцара-
валъ, новъ коты..... на силу добрался до ра-
дуть. чтобъ востъ подати.“ (Прод. слѣд.)

НОВЫЙ МОСТЪ ВЪ КІЕВѢ.

Въ Кіевѣ посвящено сими днями въ присутствіи Его Высочества великаго князя Николая Николаевича славный мостъ въса-
дѣй на Днѣпрѣ, сооруженный англійскими
инженѣрами г. Виволь. Еще въ другой по-
ловинѣ 1844 год. дня 30 Авг. освѣчено
будовамъ реченного мосту и нужно было
больше нати лѣтъ для сопряженія машинъ
и иныхъ орудій съ Англій и для отда-
ленія перевозъ, якии сама становла приро-
да. Днесь отсторонено тѣмъ препятствіямъ и
мостъ Кіевскій стоить на ряду съ перва-
шними того рода мостами въ Европѣ и сдѣ-
лаеть безсмертными имя своего сооруди-
теля. Обрядъ посвященія совершень Его
Проев. Филаретомъ, Митрополитомъ Кіе-
вскимъ, среди тысяща зрѣтелей, подра-
вавшихъ дѣла тою съ правдивою радостію.
Якъ извѣстно, прибываетъ до Кіева оме-
годно съ разлитныхъ сторонъ російско-
го Царства выше 444,000 богомольцевъ, и
то весьма часто случается, что путеше-
ственники съ отдаленныхъ краинъ Сибі-
ри, достигши къ берегу Днѣпра, огорить
только на верхи Кіевскихъ горъ, на велии
церквей, и не иметь для взволнованныхъ
стихій достатка на другій берегъ рѣки.
Даже въ послѣднихъ лѣтахъ якъ на пр.
отъ 1839 г. не было въ Кіевѣ постоянной
закны, и Днѣверъ думе часто выступив-
ши изъ береговъ, вальмъ середнюю русла,
не соизволяя ніякой переправы. Отъ того
аскии отношенія съ губерніями Чернигов-

скомъ или Полтавскомъ были совершенно пре-
рванны. Днесь не только отстранены рѣкы
на всегда тѣмъ природными препятствіямъ, но
къ тому и другое дѣло причисляеи къ
улучшенію такъ неспудной коммуналіи. Съ
оконченіемъ бо мосту отворте таланъ бо-
тую дорогу отъ мосту обѣкъ вадншии горъ
Кіевскихъ для общоіи пользы. Тѣмъ дѣ-
ломъ начеть Кіевъ съ той перы или
новымъ интентъ, и торги, контракти, сно-
шенія съ Петербургомъ, Московомъ, Хар-
ковомъ и Полтавомъ причисляеи не шлю
къ водноспію того отбѣчного города.

(Чтк.)

Изъ Пенуыа.

1.

Уже болше, болше вѣтъ голъ по Великимъ
извѣстѣ, а вѣднѣи перевозѣмъ лѣщѣ Сошариин
голосочку, ни то въ „Всплску“, ни въ „Зорѣ“, а
однакомъ намѣ Читательство нило повстало бы
всплску восточку, называющаеи славного отъи
Питовень. Днесь, что соборомъ где нѣи
лѣтъ, тѣмъ Вѣтъ угляюще, не сдѣлаю
проевскіи, оми она найдутъ нѣтъ въ „Зорѣ“, тѣмъ болше,
не вѣднѣи переправе нѣтъ всегда было
тѣтъ есть и шлю улыбонными для
Русска предвѣстѣи.

Почему нѣтъ „слова Слово Свастели на
прѣстѣ“ славного повоизатора Юсвои
Гайдеса или Льюсвои Сенярии оисеналара
востдѣтъ и къ сопряженію
головотории Соваги нитовцаи оѣ
производѣтъ, сповозомъ чене
шлюе-оисенале тѣмъ нѣтъ
нѣтъ на учиненію въ Зорѣ
валъ, а Господице Реллѣторѣ,
предлози. — До Соваги II. „Днесь
се нѣтъ будѣтъ въ Рѣд“, и до
Соваги VII. „Вѣтъ рѣтъ
твои Госводи прѣдла дѣтъ
воѣ“, которыи отъ 1834
производѣтъ езгодице, въ
текущѣи 1853. прѣдѣла
и IV. Соваги: „Боже воѣ,
Боже воѣ, почто на оѣ
оставля. Тѣмъ Соваги
во глази мужескии рѣдѣ-
лономъ, черодѣицеи
своимъ негодѣи амгогодѣи
чувства и духа водѣвѣтъ.
Пѣтъ во общѣ
бѣтъ вѣтъ
воправное и совершѣное,
голоси добрии.

*) Сю короче составлено „Жизнеописаніе І. Гайдеса“ о-
днимъ обшаромъ оисеналара болше нѣтъ оѣ
нѣтъ въ оисеналарѣ на туи нѣтъ
уступити, шлюе-оисенале
спиритѣи вѣднѣицеи Рѣдѣицеи
русскѣи литературу въ оисеналарѣ
воѣ оисенале.

развлекать их ничем больше нельзя. Их честь и похвалу гонится тут вспомнить, что восток черп свойственный под предводительством Ч. Дибовича Совету IV. Возвучимъ въ великую пору вечерней, тут со великимъ преданиемъ въ великую Пятичку выжила въ семинарской Церквѣ, — изъ чего все произошло, что Пшемъ тут въ величавомъ степенъ вставили и вправили. Кто сей въ величавомъ встану въ внутренней строй сей, просилимъ окутаны и слышать полетомъ перекатной, уны и сердце вливающей Совети, и ой величавомъ интонация, той удирито, что природимъ таланта хоромъ у насъ развиваются. — И прочимъ членамъ Совети дали бы са перепроводити в улокати, если бы великая вѣрла была, что можно дладусть во услышаніе правды. Обава во есть безсаданна, нравство бо, что вѣно семинарское отъ времени его величаво волело всегда на преданію отъ года въ годъ. Самчаво были всегда природими талантами ударованы мнози, которы точили въ величавомъ сладостнаго духовности мелодій, само себе собирала творчій частоту слуха и чувствительного сердца в творили музичній—извращившимъ кругу. Можно сказать, безъ глубокой теоріи и высокой науки, ихъ природима вдохновения интонацій своимъ за вѣкъ приводить сухихъ взглядователей человеческихъ галъ на мысль: установити строгія правила въ системъ. Тому то наши вѣномъ, во взглядами строго на правила теоріи, большъ послѣдичи природному вусу, въ удивленіе приводить слушателей!

Найпродвѣннѣе подана законить вѣмену величавому Г. Дибовичу, который неутомимыми трудами своего величавости на высокую степенъ вѣно переповное въ Семинаріи, провѣщавши величавы заслуги. Но, кто подъ величавостель Дибовичій воше удирито: суть то уше оставши съ интонацій голотъ своего семинарского вѣно, бо не Г. Дибовичу, во оставши Его вѣрній востанить. По величавомъ части теоретичній вѣномъ уше съ снѣкъ голотъ окутати Семинарію, и вступили въ застѣнотъ нормъ предшественника благообразными осуществили. Не будетъ больше предводителъ такъ искусного, дабы то, что во снѣкъ было, возлохъ спасти отъ закутѣннѣи... — Несомнѣннѣе, дабы нашему народу убѣвало во природимыхъ талантахъ, — дабы индѣ Гейль во шель возмѣннѣи! Только востанутелей и редиктъ Институтъ нашъ музичній! — Жалко намъ величаво, что скоро только индѣ величавы въ востанить будъ востанъ отъ благодѣлнннхъ дарованннхъ

возмѣннѣе, наибѣннѣе своего языка и вохотенія отреннѣе, а дунаеть луннннѣ быти, если свое приролу беру чудномъ пономъ похити беретси! Были давами вѣномъ Трубадуры, Министрелы, вѣномъ, которы вошею съ музичномъ соопочувствіемъ, богатирскія дѣла будуннѣи воколѣвннѣи перелавали. Намъ Болеу золотого вѣно звучимыи гласи овалъ славу и слау ннннѣи и Болеу рѣднннѣи! За нннѣи безсонннѣе были и нннѣи, во тіи въ погубномъ ннннѣи чуждеродимыхъ статей загнннѣи! Вѣно-нннѣи одна—одна лнннѣи остана, и народное преданіе, съ уше до уше переходннѣи хотъ въ интоначннѣи отнннѣи и востаннннѣи отгласекъ поронннѣе нннѣи отъ давной нашей славы!... Въ Галич, въ Малич, въ Надарнннѣи, въ Англіи, въ Италчннѣи развиулася и утвордннѣи музичнѣи подъ величавомъ Королей, Императоровъ, Архіепископовъ, Величавомъ и прочого императорского Сана; такъ утвордннѣи общннѣи, нннѣи консерваторннѣи, во нерннѣи рѣдннѣиного, в пономъ ннннѣиного образа; и сего рѣдннѣи рѣдннѣи музичнѣи на два рѣдннѣи: во церковному, и на ннннѣи. Покровннѣе величавомъ роспротерлохъ и на нннѣи художества и науки, которы лѣсннѣи своего внннѣиного развитія особлннѣи въ западной Европѣ.

Въ вѣномъ во отечествѣ во Болеу, сколько величаво народа снннѣи, вступили Иррннѣи и Бандурннѣи. Иррннѣи вѣномъ нннѣи во всей вѣной Руснѣ, отъ хатъ до хатъ переходннѣи, скудномъ одѣномъ похитннѣи, Богу честь вѣномъ возданнѣи, и нннѣи о славу внннѣи нннѣи вѣно востаннѣи, за внннѣи поданнѣи, преданіе народное вѣрно сохранннѣи. А Бандурннѣи, во днннѣи Величавомъ востанннѣи члѣднннѣи хлѣбомъ, во болахъ и лѣвахъ за дворннѣиного угнннѣи, во консервннѣи трудахъ при вечерннѣи огнннѣи, на бнннѣи и вѣрохъ за грѣшъ въ валлннѣи, за чѣрку въ ротъ, за оурукъ хлѣба вынннѣи и востанннѣи прѣславную старннѣи. Внннѣи то стороны народное славу храма!

Леснѣи съ Болшова.

Назъ Западной Галичннѣи.

Глубокутое рѣдннѣе и овлѣннѣе „Слѣна е полку Игоревъ“, который неутомимый профессоръ востанннѣи Г. Голѣнннѣи вѣномъ вѣно прослушннѣи, вынннѣи и тутъ у насъ въ днннѣиному тошу нашей Славосннѣи вѣнннѣи такъ величаво вѣномъ, что въ ннннѣи той героической руссой пономъ борутси во только нннѣи осуществннѣи Полаша, во дамо Пшннѣи; и у

число 1853 года 29.763,000 жителей, и бюджет съ помощи с. г. по исчислению впа. газети „Австрия“ 29.150,000 дукатъ.

— Изчислено, что въ всѣхъ податковъ, вносимыхъ и посредникахъ, принадлежитъ на одного человека въ австрийскихъ Равусахъ 12 р., въ австрийскихъ Равусахъ 8 р., въ Сгаринъ, Корутанахъ и Крайхъ 6 р., на войска. Пограбичинъ 6 р., въ Тиролъ, Чехихъ, Морави и Шлезеху 5 р., въ Галичизнъ и Далмацинъ только 3 р. среб. ежегодно.

— По новѣйшимъ статистическимъ исчисленіямъ принадлежитъ на вождикъ 1000 жителей Австріи 406 Соловетъ, 216 Романовъ (Италійцевъ и Волокоховъ), 211 Князей и 167 людей вѣнскаго происхождения т. е. Надаровъ, Жидковъ, Орпачъ и Шагаловъ.

— Россійскою православною церковью управляютъ 52 епископовъ; она же имѣетъ провъ того 462 пущикахъ и 118 мещанскъ монастырей.

— Россия ввезла слѣдующимъ способомъ: въ г. 1573 занята была Сибирь, 1644 г. Малая-Русь, 1710 Ливонія и Эстонія, 1773 Белая-Русь, 1783 Крымъ и Бессарабія, 1793 Латвія и Курляндія, 1795 часть Польши; 1801 Георгія, 1809 Финляндія, 1812 персійскія области, а въ году 1815 Варшавское Княжество. Неутративши ничего изъ своихъ владѣностей, приобщила Россия въ продолженіи 290 лѣтъ ежегодно около 1000 милъ квадратныхъ (въ вѣст.)

— Въ Одессѣ и повелъ Черный Морекъ відбула великою жестокою холера и подкажетъ человеческими жертвы. — Напротивъ того востановилъ съ различными сторонами Галичизны, ввезло же съ Жолтоскаго округа, где такъ же владѣла холера, что она значительно усмирилась, и съ дикимъ помидомъ уступать въ австрийскъ предѣловъ.

— По новѣйшимъ исчисленіямъ, есть на свѣтѣ 333,000,000 Христіанъ, но въ котормъ 200 миліоновъ принадлежатъ, 80 мил. протестантовъ и 75 мил. Христіанъ греческаго исповѣданія.

— До конца влупшого вѣкаа задало въ Мессинѣ

6,893 людей на холеру, и въ тѣхъ умерло 3,013.

— Ошибки со столодовникомъ изъ продолжались любознательнымъ людямъ такъ у насъ въ и въ различныи сторонахъ свѣта. Недавно сообщили въ-которымъ французскимъ газетамъ хорошии стихи покойнаго англійскаго поэта Байрона, который будто владѣетъ ихъ посредствомъ столодовнической свамъ. Въ россійскихъ газеткахъ находилась такого же рода стихи, ободривши Россіанъ въ борьбѣ съ Турками. Такъ же „Защита Топлянская“ предложила великому волынскіи стихикъ, котормъ посредствомъ столодовника ввезла Урмулька, дочь славнаго поэта І. Кожановскаго, умершая дѣткою еще во время владѣнія польскаго короля Запискувала І.

— Извѣстъ Англійчанинъ совершилъ въ продолженіи 6 вѣснечъ на пароходикъ провозку кругомъ свѣта, для которой потребно было девятилѣтне во крайней вѣрѣ 3 лѣтъ.

— Въ Парижѣ обратила на себе всеобщее вниманіе первая пѣвица (prima donna) томошскій италійской оперы. Словеса Петровичева, внуша сербскаго богатыря Кара-Дюрыа.

— Отъ трехъ лѣтъ существуетъ въ Парижѣ словесно-научное общество, откоже заграничнъ есть въ-Словенъ въ одну вѣрною соединити, славити тѣмъ способомъ путь въ вѣрною священію преступившимъ и возновити царство Божіе на земли. Кромѣ той религіозной идеи предложено оно себя такъ же подогнати у Словенъ прогрессію и обидъ эти ихъ ввезло на полъ ивѣидъ о дѣлахъ Божіихъ. Общество то имѣетъ свою церковь, въ которой еженедѣльно рано отчитывается служба Божія а во полудни вечера, котомъ же проповѣдь въ русскій языкъ, но посреднику воли встанъ словесника нарѣчію.

— Курсъ рубли на борсѣ Вѣдальской на 3 Авг. 1853 г. вѣрнѣе
Апрѣль 21
сентябрь 15 1/2

Слѣдуютъ числа 40 „Поручикъ Церковникъ.“

Тѣхъ нашихъ почт. Г. Г. Премунерантовъ, котормъ не получили с. г. книгъ либо предсказаній изъ чрева „Зора Галаиконъ“, просимъ уваживатися у насъ о тѣхъ незначительныхъ и неоразновѣсныхъ дѣлахъ, и те въ-наоборотъ, вонюка съ концемъ сего мѣсяца дадутся въ оставшіи похъ великии экземпляры нашей вренюписи ввратити въ особеннымъ книгъ. — и не будетъ те нама ввно. если потомъ во возноможъ внои рекламици удовольствити.

Род.

Надпечатано и тавомъ Института, Старонивнѣвскаго. Отпечатанной Редакторъ Богданъ А. Дидичицъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОРВЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ.
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Надается еженедѣльно въ Середу два листа, но нѣтъ голодой въ Листѣ 4. зр. 40. пр. к. н. — съ почтовою пересылкою 8. зр. к. н. — Желаніи четверточкою получить платитъ въ Листѣ 1. зр. 10. пр. к. н. въ почтахъ по 1. зр. 30. пр. к. н.

ЗИМОВЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря нглом небо крыеть,
Вихри сѣбими крутъ,
То вѣтъ зѣтра она завьетъ,
То завлечетъ вѣтъ дѣтъ;
То по кровлѣ обветшалой
Вразъ солоной замучитъ.
То вѣтъ путникъ заводалый
Къ намъ въ оконце вступитъ.

Наша ханша старая
И печальна и тѣня,
Что же ты, моя ли ая,
Приутожила у она?
Или буря завывалень
Ты ужъ такъ угодила,
Или дремлетъ подъ кукушкинъ
Своего веретена?

Вышесть, добрая подружка
Бѣдной вѣности моей!
Вышесть съ гора! где же кружка?
Сердцу нильше будетъ съ ней!
Своей нѣтъ вѣсно: вѣтъ синица
Тихо за порезъ нила;
Своей нѣтъ вѣсно: вѣтъ дѣвица
Равнотъ за волою шла.

Буря нглом небо крыеть,
Вихри сѣбими крутъ,
То вѣтъ зѣтра она завьетъ,
То завлечетъ вѣтъ дѣтъ.
Вышесть, добрая подружка
Бѣдной вѣности моей!
Вышесть съ гора! где же кружка?
Сорачу нильше будетъ съ ней!

А. В.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО- ЛИТИЧЕСКИХЪ И НЕРБОВНЫХЪ ПРОИСШЕСТВІИ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII ДО КОНЦА XIII. ВЪЕКА.

Сочин. Авдѣеи Петрушевскаго.
(Продолженіе.)

Володигиръ и Левъ соединили свои силы у Берестя и здѣсь дожидались Ляти, но она не пришла въ срокъ: тогда русскіе князья выслали въ польскую землю своихъ воеводъ, которые опустошили окрестности Вышегорода, забрали множество скотины, скота и коней. Наконецъ появились Литовцы — Князь Владигиръ послалъ ихъ товарища снова воевать Лешковую область за то, что воины его когда то захватили пограничное село Волицъ, и польскій Государь велѣлъ возвратити взятыхъ или пленнаго. Лять бросилась на Люблинъ и разорить окрестности его ушла съ добычею, за которою также воеводи Львови и Владигиреви, съ безчисленными племеномъ, возвратилась домой (1285) 106). Между тѣмъ какъ выше сказано, порозирались Татари Карпатани

106). Имятъ Лтъ. 211. И востану Володигиръ, онъ ирше того Лество воевалъ Люблинъ, иль башетъ у него село на Вѣтринскихъ именихъ Волицъ... Но есть-ли истинный германскій

въ Венгрію, но ихъ походъ былъ неудаченъ, они наполнили страшинамъ Карпатскія трущавы своихъ войскою: гдѣ подлежало ити три дни, тамъ Татары скатались насаду „блуда въ горахъ водилимъ гизвонъ Божинъ.“ Голодъ и моръ истребиль около 100.000 человекъ и Телебуга, предпринявъ совершенно разрушить Угорскую землю, былъ принужденъ, потерявъ коней, уходити въ свои кочевья, но словомъ лютвища „лашь съ овоемъ меню объ одной кобилѣ пооранонъ отъ Божъ...“ (Ипат. Лвт. 211. подъ 1282. г.) 107).

Болеславъ Мазовецкій не переставалъ дѣлать злое волостану Владиіра и Юрья Львовича. Первый изъ нихъ призвалъ къ себѣ Литву и отправилъ ю съ ратью Львовомъ на Мазовецкаго князя. Соучаствовавшая въ томъ походѣ Юрья возвратилъ князь Левъ изъ Мылвака, опасаясь, чтобы Литва не отстала оу на его синаъ за убійство Войшельга. Русское войско съ Литовскими взяло городъ Сохачевъ и оноошннхнсь возвратилось въ свое отечество.

Татарскіе полководци Ногай и Телебуга, не смотря на послѣдній неудачный походъ ихъ, неслись снова съ своими полками на берегахъ Вислы; невидя другъ друга, къ счастью Польши не действовали

Ногай (Wobу) князь Радзиво въ Берестской русской Кларкн, дромнй Воиу?

- 107). О несчастной Телебузиной рети и для Русскихъ основательно Ипат. Лвт. подъ 1288 г. стр. 219. ижеола добродтели Володннра Воспаловича говорить: „стада рздава убегишь ладель, у кого те коней итуту, и твѣ ие што негнблнвъ Телебузинурати. Трудно врати съ Карпатскою тону, чтобы Русскіе вичево были алохнн кутоводители для Татаръ, и такиъ образомъ сдѣлаи себе добротное чрезвѣрный урокъ въ ладель и коняхъ. Сн. ннне врати. 108.

они совокупно, принудили однако Заднѣпровскихъ князей и Волынонхъ, князя Льва, Могислава и Володннра пойти съ собою въ Польшу.

Русскіе князья, отправившись неволею съ Татарами за Вислу, опасались не только о свои волости но и о жизнь, чтобы Татари продавъ ихъ смерти, горда ихъ не опустошили Телебуга, иде ннно Володннра, не взялъ сего города, но причинилъ великій вредъ его жителямъ, и оставилъ здѣсь Татарскій отрядъ, корнннхъ любимыи кони, сачъ не порешель по льку рку Вислу сталъ напрасно осаждаи Судоннръ: Ногай вторгнувъ чрезъ Перемншь въ польскую область безуспѣшно приступель къ Кракову и жестоко опустошилъ окрестности его, подобно какъ Телебуга города Судоннра. Оба татарскіе полководци началъ въ занннхъ гнзвъ и непріязни сой походъ возвращалнсь такою домой особо обременени великою добычею. 108). По удалоніи Татаръ ужасно опустошонная

- 108). Другой (lib. VII. p. 847.) утверждаетъ, что во время упоминаемаго Татарскаго нашествія. *Felix ducissa Kinga (Кусевула), Boleslai olim Cracoviensis Ducis, vocati Pudeci, relicta, cum septuaginta monialium Sandacenium coeta, nec non et duabus germanis suis Iolepta Boleslai Pii Calissiensis ducia, et Constantia Danielis Russiae Regis relicta, quae et ipsae sacram religionem et habitum induerant multaque Sacerdotibus et militibus, in castrum Pielany, quod supra fluvium Danalox et prope oppidum Krocziensko, consistens, situm habet natura et arte munitionum, uno tandem angusto transitu adibile, se contulit, et illic per tempus variatione Tartaricae vocata manavit. Нарумовичъ (V. p. 441) догадывается, что то не была Констанція жена короля Данила, но Салтослава дочь князя Льва отъ неои его Констанція дочери Болы IV, о которой Амонннъ владіаіи Ганскаго пишетъ на стр. 43. Anno 1304. Swatoslava magni ducis Russiae filia ordinis S. Clarae obiit.*

польская земля была поражена страшною поровомъ дымомъ: не только дорого стояло Галицкую Русь посещению Татаръ; ибо Телубуга шелъ назадъ изъ Польши черезъ владѣнія князя Льва, черезъ городъ Львовъ.

(Продолженіе слѣдующа.)

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повесть.

(Продолженіе.)

Асаулъ выкрасилъ огня, положилъ трутъ на горсть сѣна, размахалъ его своими руками, и когда сѣно загорало, подпалага сначала, привязанную къ ногузу и потянулъ ногузу за другіи конецъ: огненнымъ склономъ подпалага горница ночала въ гору, толкался о бочка, и осмиывая огуру испрари, вошла въ пустую бочку на сакомъ верху огуры; сейчасъ заняла верхняя бочка, якъ изъ конна высокии столбени подпалага изъ ней яркое пламя и скоро загорела вся огура, великолѣпно отражалась въ темныхъ водахъ Дняра. Въ нѣ-

сколько минутъ удалено въ лѣсу загоралась другая огура, въ праву третья, за ней еще, и еще, и весь Дняворъ свѣтился звонящими огнями; стаки подпалага перестраменными птици въ густинѣ и трестинахъ, наполная воздухъ криками; стада лизли коной. древашии у Дняра, вскакала въ степь, пробужая далекую окрестность звонящими тономомъ. Не одинъ солданинъ, застигнутый въ лѣсу или въ волѣ на початку страшными огурами, терпѣливо свѣшалъ доной снасти старуху потеръ или колоду жону, или колодухъ дѣтей отъ смерти, та отъ позорного пламя татарского; не одна нати, со страхомъ взглядан на звонящій пожаръ, боливо прижимала къ груди дѣтину и босими ногани въ одной сорочкѣ, но некушей кропивѣ, но калачицу терпѣнику — пробиралась въ непроходимую тѣщу лѣса; не одна дѣвица со страхомъ вскакала о своей красоте, о своей молодости, тронца передъ сластолюбивыми Татарскими... Въ ночь, когда горели огуры, покойно спали только безчувственно — шанинъ человекъ.

Видниси чарку горалии изъ рукъ Асаула. Касяиъ взялъ въ радуа доброго коня и носкавалъ въ Лубин, свѣдѣиъ дорогомъ кусокъ черного хлеба. Съ заду негъ неба было залито пожаромъ огуры и по вреноканъ раздавались выстрѣлы. Въ переду розсталаглась степь; но уже не шертвою пустинною лежала степь: то тамъ, то снѣтъ раздавались безреставими оклика; взойшло солнце и освѣтило тронечный преобразъ: у дороги, чуника, едѣлашии въ тамеихъ возезъ ограду, выгладѣли въ за ней якъ изъ крепости, сверкала дузины ружницъ, безъ которыхъ тогда шитѣ не отлучалась въ дому; солдани чѣль скорше гнали изъ степи въ село стада волозъ и табуни коной; заставляла въздѣ въ

Въ тое же время татарские шайки, под руководствомъ Ногаи разоряющія окрестности Кракова, во всей яростности адержали таинство въ умеліи Татаровъ въ городѣ Номигторгъ (Nowy targ), гдѣ засѣдѣиъ среди Татарани народъ (Zakopane) былъ или нехилоство увершаломъ, о чѣхъ таинство народное арѣданіе и множество разбросанныхъ ностей на площади урочища Костяваска, до снѣхъ доврѣ свѣдѣиъствуетъ. См. Dziennik podróży do Tatrow (Bezskutackiego) Petersburg 1863. Не нашла ли Телубузина рать въ здѣшнихъ горахъ свой гробъ, будучи въ тѣснихъ ущельяхъ польскихъ Татаровъ, называемыхъ днѣе русскими путеводителями Татаръ. Туда нанотся часть Батиновой рати уже 1241. году переправляясь въ Закарпатскую страну. см. Дѣльну статью геог. К. Шайнохи вогъ вѣдѣиъ: Święta Kinga, приближеніе: Szlak Wain-Chana. Dodatek tygodniowy przy Gazecie Lwowskiej N. 37. 6 Lipca 1863. г. в. 146.

деревню рогатками, закопавши въ землю всякое добро, и сбожье завывавши въ кошачьи нѣшки, скрывали до бочек гроши, и обускали ихъ въ глубокія колодези, въ ставы и на дно рѣчекъ: съ постояльцами доски, и заводили лодки въ непроходимыя тростники.

„А далеко?“ пытали люди Касьяна, когда онъ възвѣжалъ въ сало, накрытый шалью и котомъ.

— „Вотъ, вотъ за горою.“ отвѣчалъ Касьянъ.

„А куда Богъ несетъ?“

— „Въ Лубни къ Полковнику. Переняешь меня коня, скачу по вашному дяду.“

„Бери, хоть всякъ дядю!“

Тотъ перенялъ коней. Касьянъ, конечно сказати, леталъ день и ночь въ Лубни. Тревога и удачъ той эды колодезникъ Касьянъ; онъ не чувствовалъ утомленія, онъ не чувствовалъ на себѣ оковы десятковъ лѣтъ, и подьячій въ Лубнишъ палъ вѣселымъ пѣсни.

XVIII.

Одарила плетью не допрела.

Ахъ, ось Харьво у тату обѣла.

Поль лану винулъ свой батѣгъ:

„Свои Татары на насъ завала!“

Онъ съ замкнвиюмъ сказыль. С. Я.

— „Гадюко! Гадюко!“

„Чего, Панае Полковникъ?“

— „Скучно, Гадюко, дуже скучно! не знаю отъ чего...“

„Можеть, обьялся. Панае.“

— „Уинный человекъ, а говорить дурчества. Обьялся! чего я у дьявола обьялся? когда еще не обьядалъ, а только сподалъ?“

„Чего жъ бы тебѣ и скучати, Панае? Жатье хорошее, посылки твои всѣ залопыли, амцарезин; чего жъ бы скучати?“

— „Я тебѣ питаю, а ты мене питаешь. Те дурасъ.“

„Чей позвати кобзаря?“

— „Кобзаря Боминъ люди, та изъ ума поскодрили — ни одной мѣсины хорошей не знаютъ. Уме высказали все; горло у нихъ уже пустое, новъ избитая бутылка... А мѣна така скучно. Варишь ли, уже и чарка не идетъ въ душу; азалъ мина до усть черку, та едва не выплюнуль... такъ скучно!.. Ей, Гадюко, двай яку погаду!“

„Такъ не послушали бы вы, Панае, сказки?“

— „Хорошо, только лицарскую сказку, а готовъ слухати. Жаль, Герцикъ пошелъ на охоту; онъ много знаетъ сказокъ... жаль!“

„Я знаю сказку, коли хочешь слухати — розскажу...“

— „А хороша твоя сказка?“

„Она сказки не сказка, а быль; я не Циганъ/самъ своего товарища хвалити не стану; одно знаю, что Герцикъ не розскажетъ той сказки!“

— „Не говори, Гадюко, Герцикъ дуже розумный; но у него сидитъ въ носѣ уха, великая уха!...“

„Можеть я не одна.“ гвалливо проворчала Гадюка.

— „Но ворчи, Гадюко!“ сказала Полковникъ Иванъ; „прикажи часовому, чтобы стоялъ у моей двери и никого не вусналь, хоть бы кто приймень на судъ или съ жалобомъ; — да, присунь ко мнѣ ту бутылку и чарку, можеть при сказкѣ пойдетъ тихохонкомъ въ горло. Ну, начини!“

„Жиль быль.“ началъ Гадюка сказочникъ тономъ: „одинъ Полковникъ, и стало скучно Полковнику; ходитъ съ коняты въ коннату, хлеба кусокъ не идетъ ему въ душу, чарка не летаетъ въ горло. И сталъ онъ розсмотривати новую ружаницу, что отпавъ недавно у акогося не то Лаха не то Турка.“

— „Молодець былъ Полковникъ.“

„Видно колодець. Долго смотралъ охъ на ручицу: на ручицу была хорошая ограда, серебрянная; но серебру будто пероръ выведенъ люди и заври в козакъ. Вотъ, несмотралъ Полковникъ на ручицу та и захоталъ и попробовати отъ скуки; собралъ сотню колодецовъ, салъ на коня, и колодець съзи и поквали погуляти.“

— „Хорошо, Гадюка! добрая сказка.“

„Не сказка, а быль.“

— „Одинъ чортъ: и сказка и быль.“

„Одинъ. Паме, та не одной вѣста. —

Вотъ, адутъ они густить лѣсокъ, а въ лѣсъ пахнеть не хорошо. Гей, хлопцы, сказалъ Полковникъ: чуете вы, пахнеть неперном костимъ? поганом провѣм пахнеть? — Чуетъ, отвѣчали колодецы, видонъ пахнеть. Послали змика; змикъ вернулъ и говорить: съ версту отсюды надъ ракомъ стоять нестечко; а въ нѣтъ народу нѣтъ, только миди; шидъ на миде та мидонъ погнаиветь. — После того козакъ слезли съ коней, притавились въ глубокомъ сарагу и выжидали вечера, чтобъ ударити на нестечко.“

— „Хорошо, говори дальше, та поди нѣтъ другу бутылку; тва поронна. Добрая сказка! самого тагнеть въ лѣсъ. Душъ весело! Ну?“

„Насталъ вечеръ.“ продолжалъ Гадюка „и было въ пятницу противъ суботы. Поскорше собрались миди по доманъ, заверла лавки, пересчитали заробокъ въ потънахъ, чтобъ никто не видалъ, и тогда уже засвѣтили свѣчи; и въ нестечку стало ясно будто въ праздникъ якій, а то было въ постный день въ пятницу!... Въ тотъ вечеръ прійшелъ въ свою хату надъ Борохъ, прійшелъ и синъ, не то ребенокъ, не то человекъ, а такъ подлетокъ. Старуха, Рохля, жена Бореха, держала на рукахъ трехлѣтнюю дочку и прижала оуна и сына рибомъ съ веронкѣ. Вдять оуна, адеть — амъ

туть въ окно засвѣтитъ луна. — Козакъ запалили нестечко. Раздались выстралы, крикъ, шумъ, разла... Жидовскій подростокъ висключилъ изъ хаты, — а въ хату войшелъ козакъ: сабла на голо, шапка на правѣтъ уху, усм въ гору. Рохля увала на полкъ, схватила на руку шильную дочку и сталъ пресити в плакати: „убій.“ говорить, „мне, а не бій дочки! и все розскажу, где есть в золотѣ и серебру и все отдавъ.“ Выслухалъ козакъ где золотѣ, побилъ колыми кинжины золотѣ, и взял на руку жидовочку.“

— „На что не козку маленькая жидовочка?“

„У Полковника нѣтъ охочини козакимъ было пять Запорожскѣ: а Запорожскѣмъ жидѣтей хорошо платять осылами, что шивуть на зиновиннахъ; потъ Запорожскѣмъ и взял дити и продалъ его за гроши, и слово лицарское сдержалъ, не убилъ дитяти: оуна за то не душъ лучше. И розграбили козакимъ нестечко, потомнилися и вернулъсь деией...“

— „Цела сказка?“

„Не цела сказка, есть еще в хвѣстѣхъ. Козакимъ уехали, а Рохля не взола нестечка сила. Собрались миди, которми указали, поплакала надъ покариментъ, и стали упрекати Рохлимъ: „Ты, говорить, „продала козакимъ дѣтей; синъ возхалъ съ ними едѣтъ въ козаккое платѣе, а дочку увезъ козакъ на коня; та и донъ твой не спалим козаким, и оуна тебе не убилъ.“ Подиим Рохля къ рабину, и вмѣстъ в плачѣтъ, и долге говорила съ ними, а къ вечеру провала.“

— „Якъ? Повѣсила?“

„Нѣтъ, ботъ вѣсти провала, нѣтъ нестечки провала, почвала, будто не кто змиконъ съ земла слазалъ. Скоро потонъ повалилась съ Днѣпроу веронкѣ, захарилъ,

душе вехоная на Рохлю, и стала мента-ти нравсловавшии людякъ, и лачитъ привсладиваиъ, и коуи не комечеть, кого ни назовутъ зельяни — все умирить, будь-те отъ чужи. И много уже летъ ходитъ она. изводитъ честный народъ, приходитъ вочюм на кожду связку ногилу и хохо-четь. окаянная, и веселии песни поеть.”

— „Ухъ! сила крестная съ нами! Что жь и не изведуть то?”

„Попробуйте. Пано. Где видано споро-ти съ нечистом салом! . . . Погана она! — А вотъ снъ ей прикинулася хрестияни-нонъ, иветъ немъ козакани, якъ намъ Герцикъ.”

— „Но камай тутъ Герцикъ! Я те-ба разъ уже оказалъ. не говоря зло о Герцику; а знаю. все не любать Герцика для того, что онъ нева врно служить, что и ену и отекъ в пателья родина, а то дру-гичъ не нравится; другин ради продать Полковника за амьлку тютюну, за чарку горьлки... Я сказалъ — и будетъ такъ! Мое слово прада.”

Полковникъ занявъ послѣднѣи слова чар-кою вина. и скоримъ крокомъ началъ хо-дити по комнате. Гадюка замолчалъ. стоя у порога. и умыло смотралъ изъ-подлѣва на Полковника.

— „Ну, что же?” проговорилъ Пол-ковникъ, прерывая долгое молчаніе.

„Ничего. Моя биль хотъ и кончена... извѣстно, пометъ и выдумка. а пометъ и прады зерно есть...”

— „Разувайтесь! сказка. Где же снъ?”

„Живеть немъ козакани; порочить добрыхъ людей. не бы еще ничего, а, то говорить...”

Но сказка Гадюка не кончилась: дверь въ светлицу съ шумомъ респорчалась, и часовый козетъ предстолуль передъ Полко-вника; за нимъ въ дверяхъ стоялъ воору-

женный седий Запорожець.

— „А ты якъ сналъ входить, когда не приказано?”

„А якъ снаеть вестеръ ходити по полю? а Запорожець родимый братъ втру;” ска-залъ Касьянъ, вомедни въ светлицу: „я и изъ Кошовому хошу. коли дало есть, — а не баба. не прииду болтати о соседкахъ. Дало есть. нужное дало — вотъ и все.”

— „Посмотрить, якое танъ дало!”

„Два дала есть у мене;” сказалъ Ка-сьянъ: „первое: прикажи скорше заипрати ворота, вооружай людей — Татары идутъ...”

— „Где они танъ у дьавола?”

„Вчера вочюм чей перебрались черезъ Днѣпуръ; а нимъ. чей уже напали на твой полкъ. Я присланъ отъ Зборовского: Олъ дасть тебѣ вполочъ.”

— „Танъ чего тутъ стоишь?” закри-чалъ Полковникъ на часового: „ворона! ступай на дворъ и вели трубати тревогу.”

Козакъ вымолъ.

— „Ну, коли ты отъ Зборовского и знаешь наши нужды. то спаси — Богъ тебѣ за вѣсть, хотя она и не дуже прѣтна. Да не оставляй насъ, погости; пра оборо-ну города одинъ, говорятъ. Запорожець стоитъ за десять нашихъ людей.”

„Дало извѣстное!” отвѣчалъ Касьянъ: „теперъ другое: плачется тебѣ твоя дочь”

— „Дочь? а она жива?”

„Жива и здорова, и...”

— „Ну, пойдн сиде. мене обвини брати-ку! Слава Богу, что она жива; а о ей бабскихъ далахъ розскажемъ потомъ; те-перь надобно дубим еписате; слышмшь, трубать тревогу!..”

„То не нашему, но запорожски, ли-царская бесѣда трубъ, Пале Полковникъ!”

— „Видишь брате,” самодовольно от-вѣчалъ Полковникъ; „и у насъ души За-порожскіи!...”

И они вышли на широкій дворъ, где на возвышеніи стоялъ трубачъ и трубилъ тревогу; народъ стекался отсюда на дворъ.

Вѣсть о близкомъ нападѣ Татаръ скоро разнеслась по городу; кто чистилъ оружье, кто дѣлалъ патроны, кто точилъ сабли, кто сносилъ добро въ церковь. А въ церквахъ священники въ ползкахъ облачоніи слушали полебин; толпы женщинъ, узнавши на колоде на церковный колоколъ, ревно ползли въ плакали; порохъ доходилъ туда козакъ; билъ поклоны, ставилъ свѣчку передъ образомъ Свастела, и поспѣшно выходилъ заниматься своими работами; гонимы скакали въ окрестности села; изъ сельниц толпы народа боронили и скоронити въ крѣпость, нисли женщины, неся на рукахъ грудныхъ детей; гнали скотину, громко шумѣлъ народъ, бабы причали, дѣти плакали, скотина уныло ревала, бессмысленно поспотривая на незнакомымъ улицъ и дома. На Касьяна спотрѣлъ народъ съ акинь особенимъ уваженіемъ, какъ на Запорожца, та еще бывшого вчера въ схваткѣ съ Крымцями; Полковникъ на конѣ безпрестанно спускалъ во улицы; за нимъ Герццкъ и Касьянъ; на валу зарядили пушки; поставили сторожевыхъ; пушкарки сѣдлали на лафетахъ; къ воротамъ завезли бревенъ и каменей, чтобы на ночь завалити ихъ; на валу въ особенихъ земляныхъ печкахъ поставили котлы, наполнили ихъ сжоломъ и накою омыстомъ, подложили подъ нихъ дровъ и сухого тростяника, чтобы въ случаѣ нужды сейчасъ вскипятити ихъ и ляти съ валу на Крымцѣвъ. Къ вечеру все было готово; завалили ворота крѣпости, розложили на валу сторожевыи огни, и Полковникъ, звучащій дзевинни трудами, пошелъ на нкого отпочать, приказавши Герццку не спити до полуночи, а съ полуночи разбудити его самого. Герццкъ привелъ

Касьяна въ свою комнату; хотъ сиромъ, крѣпкую, и съ желзными кратами, но арко освѣщенуи огонь, вылащивши къ посту; тамъ жарился баранина и варилась вкусна варенуха. Пріятно змыло старому Касьяну отдохнути, и подарыити силмъ послѣ тяжелой зды, добровольного поста, двухъ бессонныхъ ночей и двухъ дѣей, проведенныхъ въ тревозѣ. Касьянъ хотъ былъ Запорожецъ и народъ двадцати лѣтими предлазалъ бы в тую ночь, однако лѣта крѣп свое постъ куски баранины и пьсаломъ чарокъ теплой варенухи, прійшла на него дремота, руки поосладели, ноги стали будто не свои, и наконецъ оиъ склѣпнвшисъ на лавку, захранѣлъ наледенцѣвъ спомъ.

XVIII.

Закураласъ Хмельняного сѣды газова,
Що при постѣ на сонливостъ на потовѣщавъ се на.
Часть протолѣтъ унчратъ
Никому порадмъ лѣта. Ур. Луцъ

Розсвѣтало. Проснулся Касьянъ, потоглусть, зынулъ и поспотривши на окно, проворчалъ: „Старый уже Касьянъ! позанити проснать до утра.“ Въ разбѣгѣ оиъ черезъ крѣты, вышло утреннюю свѣстѣтъ; где-то недалеко стѣшомъ былъ шорохъ, будто отъ хлѣдщого человека. Касьянъ вздохнешъ къ оиу; за окномъ узкое подворье, оговоренное високою станомъ; на подворьи никого не было; только зоробецъ, сѣтъ на вѣтцѣ сухого кустяка, издувался и встряхивалъ крылами. За дворьни своа поспѣшало шорохъ; Касьянъ взглянулъ на соннато — нѣтъ ого оружіа; подошелъ къ двери — дверь заверта.

„Штука!“ ворчалъ Касьянъ, ходя на лавочкѣ коняго, „хитра пропориза штука! Где то видано: призвати гостя, унчити, обобрати оружіе, ча и заверта въ клѣтку? Не хорошо! Зачѣтъ немо доржати въ клѣтку?... Дурень я, не догадался

вчера, когда пришелъ въ туя клетку, разбить было ядовитому неказу голову, приговаривая: „не води умотати въ тюрну великого Запорожца!“ А я поддался старый дуракъ! Не дарно тотъ перекничкалъ такъ ласкался, подлазкалъ ко мнѣ, и респиривалъ и о Чайковсконъ и о Мирницъ, и явилъ ихъ здоровье будьто они ему родна явилъ!... Не догадался, ой не догадался! Что я ему за пріятель? Правду говорить: коли человекъ душе тебе ни съ сега ни съ того ласкаетъ, стережись: или оуъ обманулъ, или обманути хочеть...”

За дверью снова послышалася шорохъ ходящего человека; Касьянъ подошелъ къ двери и слышею въ дернулъ — нѣтъ отвѣта; только за дверью застучалъ тихій желѣзный замокъ.

— „Гей, ты! отозвись! Коли ходишь, такъ и говори ти ушьеши. Кто тамъ?“

Молчаніе.

— „Ну, что же ты не отвечаешь?“ продолжалъ Касьянъ: „злыка нѣтъ? Верно же человекъ ходить, но корова ходитъ.“

„Врешь, не корова, а козакъ,“ отвѣчалъ за дверью голосъ, оскорбленный не-привличимыя сравненіемъ.

— „На силу те отозвался! Скажи мнѣ не шлость, что за конодію со мною вграбъ? Зачѣмъ мене звнерли сюда? Можеть боалсъ, чтобы я, укнхавишъ, не розбралъ вашого города? га!“

Молчаніе.

— „А да что же ты не говоришь? Отозвался подлавно якъ человекъ — и заполчалъ изъ рыба.“

Молчаніе.

Касьянъ нахнулъ рукою и началъ ходить по кончатъ; подошелъ къ окну; такъ снова только воробокъ весело скакалъ по сухнѣмъ веточкамъ темлаго кустика, и поднеси голову въ гору, отряхиваете перодки-

кался съ товарищемъ, который отзывался где-то на даху. Касьянъ вилнулъ — воробокъ улетѣлъ; все стало тихо.

— „Жидосная стала!“ сказалъ Касьянъ, отходя къ своей постели, салъ и задумался.

Богъ знаетъ, что думалъ Касьянъ; но звать не веселое, бо ворча въ полъ голоса, набо ко мнѣ перейшелъ въ пѣсню и запѣлъ трогательную украинску дуну о „побѣгу трехъ братьевъ изъ Азова“:

Изъ города изъ Азова, не асликии тлвами астанали:
Три брата родимыхъ съ ташной неволи убѣгали.
Ана поимихъ, третій яшій за ани побѣгають;

На сирин порекъ,
На балии кашкы,
Ноги свои визанции постыають,
Кровь слани залкають;
До поимихъ братей добгають;
Словами проноають:
„Станьте вы, братья! пошей понаають,
Мене подождите,
Съ себомъ возьмите...“

Съ первыхъ стиховъ заштилъ Касьянъ, что невладный голосъ за дверью подтягиваетъ ему; Касьянъ запѣлъ гринче, началъ выводити голосомъ трудными переходами — голосъ за дверью вторалъ ему верно. Касьянъ не амдержалъ и, по кончанна пѣснн, закричалъ: „Славно, брате! ей-Богу: славно! И голосъ у тебе хорошій... Ты до конца знаешь туя пѣсню?“

Голосъ улюкъ.

— „Дивный человекъ!“ продолжалъ Касьянъ: „пѣсть хорошо, и говорити не хочеть.“

„Говорити не хочеть!“ сказалъ самъ себя козекъ въ полголоса: „радъ бы говорить, ти коли не приказано!“

— „А, вотъ что! Говорити не приказано, такъ тебъ же нѣти можже. Ну, мой пѣть, я начу.“

И Касьянъ засоваля:

„Ой по горѣ зорѣ засветилъ...
Свѣтъ нѣтъ еще прелуду, позвѣтъ колодезникъ!
За что мена похитило въ тюрьму посадили?
Колѣнникъ затворилъ тюрьму затворилъ?

— „Ну, чѣмъ же ты не поешь?“ сказал Касьянъ.

Видно, часовому понравилась разговоръ въ позвѣтъ рѣды, и для того вскорѣ отвѣчалъ на писемъ Касьяна:

„За что тебе посадили, а того не знаю;
Я такъ себе человекъ, моя хата съ правомъ...“

Касьянъ:

— „Та якому жъ я обязанъ собравши смену,
Что не въ полѣ, а въ тюрьмѣ, чѣмъ такъ заткну?“

Колѣнъ:

„Ой снѣтъ козакъ надъ горомъ, сабля съ боку,
Коль вършилъ такъ посетя подалеко.
Прійшли двѣ темной ночи по лежонку,
Обоюбали козаченна по тихонку:
Тамъ Натъ велѣлъ, старшій велѣлъ, говорили.
И козаченна въ темницу затворили;
А темницу заткнулъ заперъ напскій чухра —
На немъ влаетъ козачное, а вѣтура...
А натура по козачья, по...“

Тутъ перорвалъ козакъ шашку, бо задвинувши дверяны долгихъ сѣной въжалъ розгвазанный Горцикъ и несваривши на него за спыванью, пристунилъ къ дверяны кончатки, въ которой сидѣлъ Касьянъ. Отворивши маленькое оконце въ дверяхъ, проговорилъ Горцикъ до Касьяна съ напашкою: „Здравствуй, дядьку, здравствуй храбрый Запорожецъ!“ Касьянъ молчалъ.

„Не сердись, запорожскій мшаре, не сердись; не моя вина; виднѣтъ Богъ, якъ я тебе люблю; уже за одно тое люблю, что ты далъ пристанище бѣдному другу Александру! Ахъ, что онъ небогій теперь далаеть...“

— „Что тебя хочеться? Уступи отъ мена!“ сердито сказалъ Касьянъ.

„Чего мена хочеться? Ая, Боже мой! Ничего мена не хочеться; я возмѣт доволекъ, съ ласки Полковника, — славный человекъ Полковникъ, только хитрый, подосеритель-

ный... Цѣлый день стора кучалъ мена и все говорилъ: бойся и, Горцикъ, того Запорожца; кто знаетъ, можетъ онъ прислать Кришанна, та мнѣ и ворота отворять! — Богъ съ вами, Паше мой, говорилъ я; такій ли то человекъ? та онъ и свѣтрать не такъ. — Натъ, говорилъ Полковникъ: я не верю, что бы и моя дочка была жива. — И все такое подобное... даже хотѣлъ тебе брати на тортуру...“

— „Мена?“ громко сказалъ Касьянъ: „на тортуру брати Запорожца?“

„Ой такъ; и длати было бы ничего; но я упростила, чтобы тебе хѣтъ тамъ же посадити въ тюрьму.“

— „Вотъ, и за те спаси-Богъ! Видно, что добрый еще человекъ!“

„Правда, добрый. Но бойся, Касьянъ: тебя будетъ хорошо; ты будешь и снѣтъ и влѣтъ, а когда прогонши Татаръ и Полковникъ увидѣтъ, что ты правъ, то онъ ия похитѣтъ къ тебѣ на заповникъ. Полковникъ простилъ дочку; она прѣдетъ сюда съ купонѣтъ, и будетъ вѣслае, — нѣтъ великій!... Не случай, Касьяно! Не сердись на мена, я тебѣ добро желаю; а якъ выластятъ, онъ говори Полковнику, что я былъ у тебе; онъ думе подозрительный человекъ, и мѣтъ дже будетъ! Прощай, Касьяно! Не сердись на мена, не случай, и эсти и нѣтъ приесть тебѣ вдоволь, отпочивай съ дорогѣ.“

— „А где моя сабля?“

„Сабля у Полковника, виситъ на стѣнѣ надъ образани; въ почети твои сабля, добрая сабля! Не можно ли мѣтъ погуляти съ мѣю мѣтъ Татарани?... Съ мшарению саблею и самъ станемъ мшарени.“

— „И не дунай!“ закричалъ Касьянъ: „до сихъ норѣ вѣрно слушала моя сабля, прѣстала головы повертѣтъ, не выхришлась, не тупалась; до сихъ норѣ чужа рука не трогала ю — и не тронетъ; укру-

завещаю похоронить не во гробъ со мною... Ты, похоть биты, и добрый человек; Богъ тебе знает, что у тебе на утѣ, только не третай зной сабли, не оскорбляй старика, та еще заключенного, не сваришь со мною."

"А. сохрани мене Боже!" говорилъ на отходъ Гордиакъ: „Прощай даядку, не сердю; а Поликовнику передай твою волю: добрый козакъ любитъ саблю какъ жену, больше жены, сте разъ больше....Прощай!"
(Чрезъ сѣда.)

ДОПИСЬ

Изъ Новорыцк.

и.

На словъ твоеихъ стало у насъ черкочное пѣніе! Оно бѣдный дѣлъ со дѣтства, нашимъ отроцтвемъ, восторжало нхъ слуха, самогласно (пернодой *) воше, иногда хранившись голосомъ (бо «суха ложка горло др»), карлоложнымъ наложіемъ твоѣмъ дѣтскаришню цѣлое богослуженіе вымучивалъ, что лучше душе о томъ воспоминаю. Такіе дѣтъ твоего дѣла вымучивалъ, сего ради и тоной звукъ постоенно почалъ свѣрчатывае. Школа в заведѣніи, пѣнію церковному посвященныкъ, общенапредѣлѣтъ, во нѣтъ ни на нашей Руси, провъ гла въ раздѣленныкъ свирѣдальныхъ в большихъ Монастыряхъ. Были правда во Львовѣ, **) въ По-

*) Изучили вы са когда дѣлѣтемы твоимъ изданіемъ „Черкочное пѣніе поны подожжено“ обрѣсти наль оной у О. О. Виславскаго Своярещскаго (1709) напечатаномъ о поговортъ Ва. Г. Вубришнѣ въ упоминатѣ. Румынскыя пѣнны оны густо часто во Черновѣль отъ дѣлѣнныкъ старѣйш! — Говало бы са нѣмъ сплетены отъ погубенныкъ свирѣд! — Въ Пастовѣ, сѣлъ оное Надиромъ пѣдѣтъ в румынскій Черкочныкъ въ великомъ оворѣтъ душо старено пѣланы, тамодѣ в два содѣланы Св. Каллепымъ, порошо оворѣнны и добро содрѣнны! На Пасторѣ и въ Горѣль, куда ѣхалом все увѣчѣнныкъ Татаръ и Турчанъ во десѣлѣмъ, пѣдѣтъ сѣмъ вошо румынскыя пѣня. Но что сплетѣтъ отъ раздѣренны Татаръ, то стало отъ постоенно оворѣнныкъ дѣлѣмъ. Не въ оной Черѣтъ дѣлѣнны оны пѣнныкъ пѣнны на постоенно сѣбѣтъ в на лѣдѣтъ. Тѣшнѣтъ противѣ!

**) На шипыи Новорыцкѣ предѣлѣтемы сѣбѣ люди слышо шѣнныкъ пѣнныкъ постоенно блѣнныи пѣнныи Прѣсвѣтѣнныи Крѣпѣнныи отроцъ Шѣнныи Своярещскаго въ Шѣнныи, Пѣнныи оныи Шѣнныи пѣнныи оворѣнны. куда Вѣнныи Дѣлѣнныи предѣлѣтъ предѣлѣтъ оной предѣлѣтъ Каллепѣ въ постоенно

чѣнныи, въ Вѣнныи, въ Хѣлѣнныи хѣнныи пѣнныи со инструментаціемъ по образу заплѣнныи слычѣтъ въ Свѣтѣнныи пѣнныи заплѣнныи, оныи пѣнныи во обоѣ нашоу образу оны не приволои, бо предѣлѣтъ хѣнныи в Коновѣнныи бывала по зайболѣнныи части чѣнныи, пѣнныи на духа нашоу богослуженіи на духа народа, сего ради нѣтъ дѣло нѣе сухое дерево не пѣдало корени в плѣну нашоу. Наиболѣше причѣнныи бурсы, заплѣнныи въ Киевѣ при Могилѣнныи Академіи, въ Вѣнныи и во Львовѣ, въ сохранѣнныи нашоу чѣнныи церковного; оны постоенно пѣнныи въ томъ дѣлѣ заслѣтъ. Но постоенно на тѣ обѣнныи цѣлу просторѣнныи Русъ ударѣнныи пѣнныи заплѣнныи?

Правду слычѣтъ, что если бы чудное провѣдѣніе Боже нашоу отечеству не благолатно приволои, — нашо восточное калѣнныи Богослуженіе въ своиѣхъ временахъ подѣлѣ копѣнныи пѣнныи оны в такъ вразрѣнныи и поруганно, о нало нѣмъ чѣнныи на Русъ было бы загинуло! Судьбу нашоу рѣшала высока рука Авѣнныи пѣнныи великодѣнныи Австрійскыи Монархѣтъ! Заведеніе генѣрѣнныи Сенѣнныи во Львовѣ сосредѣнныи сѣмъ постоенно народа. Великіи то дѣръ, за котѣрѣмъ в горахъ подала в провлѣнныи неволовѣнныи въ Августѣнныи Дѣлу чѣнныи пѣнныи Габсбургѣтъ! Такъ то при унѣнныи образованіи, соотвѣнныи звѣнныи душѣ-пастырѣнныи, в пѣнію церковное, ако отразѣлъ необходимо пѣнныи, нѣтъ бы пѣнныи оворѣнныи булѣнныи, стало хорошо развѣнныи. Отъ того времена востенно такъ росѣнныи прѣнныи и нашоѣнныи пѣнію по русскыи Церѣвѣнныи, что во доволенно пѣнныи любѣнныи Врсѣнныи и истѣнныи удрѣнныи оворѣнныи провѣнныи на нашоу земли о нало во вседѣлѣ встрѣнныи можно. Корѣнныи привѣнныи, — только тую пѣнныи пѣнныи оворѣнныи. — Къ возрастѣнныи пѣнныи въ Сенѣнныи

нѣмъ Богослуженію в постоенно собрѣнныи народа цѣлу отроцтѣнныи развѣнныи. Гукумѣ, съ дѣлѣнныи отроцѣтъ со своими свѣнныи, отѣмъ дѣлѣнныи привѣнныи на нѣтъ слычѣтъ постоенно, постоенно дѣло увѣнныи что слычѣтъ в Черѣтъ пѣнныи пѣнныи, нѣтъ гудѣтъ, трудѣнныи бранѣнныи, в дѣлѣнныи (пола) гудѣтъ дѣлѣнныи, в дѣлѣ о нало постоенно до того, что когда пѣнныи въ соотвѣнныи шѣнныи чѣнныи заплѣнныи оное пѣнныи Алѣнныи, гудѣтъ цѣлу пѣнныи почала нѣе вошо постоенно пѣнныи, нѣ о нало во постоенно не заплѣнныи. Прѣнныи утъ слычѣтъ нѣе когда соотвѣнныи дѣлѣнныи, отъ увѣнныи, куда нѣе слычѣтъ „Губѣнныи-трѣнныи“ Тамъ пѣнныи Вѣнныи-Русѣнныи про отроцтѣнныи пѣнныи! —

омое," в оди статьи, составлена из чистоты воле-
Богарского партии. (Сейтговил).

— Особливое внимание російских ученых обратили на себе новые издания „Народнаго Блюрузскаго писма.“ Они отличаются не только приращеном своим красотом, но и чистотом аросто-
розного, во внешнею весмае обильного слога
того, что в законити поэт не стылал бы са
подвесити водъ или свое яна. Замеченіа достойно
ость, что писан тіа собрани в изданіи явлю по-
нимом г. К. П., котора в томъ отношеніи для
первой артири въ словесномъ умомъ лірі, где
еще не оди женщины во выступала съолобенихъ
обращеніи народныхъ піесод.

— Известный російскій землеисковъ и
историкъ, генералъ Масловскій, пребываетъ со-
происхожди въ Вадни.

— Фр. Двохоскій издаеть въ Варшавѣ:
„Собраніе польскихъ поетовъ и прозаиковъ съ пер-
выхъ 25 лѣтъ XIX вѣка.“

— Славяну являеику писателю, Герлару
ведомителю на івѣстъ его рожденіа, въ городку Мо-
рушевѣ, величайшии пантиникъ. Нѣтъ извѣстна, былъ
Гераръ въ всѣхъ знаменитыхъ писателѣхъ явнен-
ныхъ въкарведишии и для того сужденіе его о
Славосицихъ всегда было самое явное и для той
вѣсны благополное.

— Англіекин и Вденскіи астрономы от-
примли явлено воумъ планету нашей солнечной си-
стемѣ. Есть она 27ва въ числѣ такъ званихъ а-
стероидовъ, съ которыхъ еще передъ 10 лѣтъ из-
вѣстна было только 4. Сію явдуку 9ой величини
названо Ентеронъ, и замечетелна нехъ явни явду-
ки дорога ея повторяеть домыслъ астрономовъ,
что всѣ астероиды суть лишь обломки одной ве-
ликой планеты, котора въ слѣдствіе якого то не-
отгаданного случая раздробилась на больше малыхъ
частей.

В С Я Ч И Н А.

— Ка пор. Высочество явгана Баварская, зару-
ченнаа поестя нашего милостиваго Монарха,
Классетта, подучала отъ Ея Величества російс-
кой Парлам орлоу съ Ентеронимъ. (Вѣст.).

— Въ теченіи друтой половины и. н. явлась
поэтра отъ слѣдующихъ явстакъ Галичанинъ:
въ Док. Городкину, Вышинскъ, Воршиковъ, Горн-
скальскъ, Сталльскъ, Жолкии а въ Великихъ Мѣстахъ;
напротивъ нехъ явстакъ явдеи явнованіи она
будъ совѣтъ будъ отъ части перостала. Со яв-

номъ обовленіа на посыленіа (днѣ 30 Авг.) у-
перло всего 331 особъ. Со обилиеиомъ явни на-
дѣлится одномъ, что хоюера у насъ уже совѣтъ
перостановѣ.

— Величайшии, уоиклукити уже явни, явни-
никъ В явза Киевского, св. Володимира, воз-
двигниомъ въ Киевѣ, явнеситъ розомъ съ подста-
вомъ 9 сажени. Саяа ступа, 3 сажени высоча, яв-
лила съ броню и вынитъ 140 четпаровъ. Особа
явза обрешена явнеть въ Дибару, изъображенъ
полатомъса, для того въ одной руцѣ держитъ ша-
пу а голова открыта; въ правой руцѣ явнеть крестъ.
Отъ одѣтъ въ явстакъ, а на раненыхъ закинетъ
явнеть, явнѣданиши въ стиблахъ (оалдахъ) въ по-
лѣннѣхъ. Пантиникъ сей стоить на горѣ и явдѣтъ
надъ городомъ и задѣлываемомъ оиростностию.

— Снотра на Исторію турецкой дорнави
не мотъ бы товершишии великии явзартъ, Оперъ-
наша, подѣлится явдѣлываними явдѣлостей въ будуще-
ти. Отъ явзача турецкого царствованіа въ Каровъ
было 280 великихъ явзартовъ, съ которыхъ поло-
вина явзвона была смертію, ахъ на пр. Кара-Му-
става за явдѣлывомъ поведеніе въ войнѣ надъ Вла-
хомъ.

— Прославленнаа танцорка Пенита де Оли-
ва обѣдѣлывани Прѣсбургъ, Пемтъ и Прагу вернула
уже во третій разъ до Вадни и явдѣлеть въ театръ
Карла во явдѣлеть ея любители явнѣлении тан-
ци. Отъ явзача явзвонѣ сталась она не только
явдѣлеть явдѣленими статей но явнѣлении ге-
зетовъ, но явнѣлеть явдѣлеть явдѣлении по-
номіи, явдѣленими по явдѣленими театрахъ
нохъ явдѣлении: „Ложнаа Пенита.“ Въ Вадни по-
сѣтъ явнѣлеть в явни одѣтъ или украшеніа, на ко-
торыхъ изъображена явнѣлениа Пенита. Такъ от-
гравировъ явнѣлеть явнѣлениа танцорка, отличателна
съ большою красотомъ явнѣлеть ахъ явнѣлеть явдѣлеть
явнѣлеть артисти, явдѣлеть явнѣлеть!

— Навіи Французъ Геленскъ явдѣлеть явнѣлеть
явнѣлеть, въ которой явдѣлеть, что соупити явнѣлеть
явнѣлеть явнѣлеть, явнѣлеть явнѣлеть съ явнѣлеть
явнѣлеть за сто лѣтъ с. е. 1933 г. Сію „явнѣлеть“
явнѣлеть отъ съ явнѣлеть „столодѣленими саяа.“
Бессомнително одномъ явнѣлеть явнѣлеть явнѣлеть
явнѣлеть уже сего 1853 года!

— Днѣ 30 Ное. сторталъ въ Познанѣ явнѣлеть
явнѣлеть явнѣлеть, явнѣлеть явнѣлеть явнѣлеть явнѣлеть
явнѣлеть Польши.

Сѣдѣть члѣно 41 „Явнѣлеть Явнѣлеть.“

Изданіеиомъ и явнѣлеть Института Становинииского.
Отвѣтительный Редакторъ Бордана А. Андѣлеть.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Надается еженедельно въ Среду два листы, по пятъ годоводъ въ Листовъ 4. пр. к. н. — съ почтовою пересылкою 6. пр. к. н. — Желающимъ ежеквартально получить платать въ Листовъ 1. пр. 10. пр. к. н. на почтахъ же 1. пр. 30. пр. к. н.

СХВАТКА.

Перестрѣла за горами;
Тамъ враги, тутъ козакъ,
На конѣхъ предъ козакани
Смачеть дорогъ на кони.

Татарникъ! не суниса къ ливъ,
Покажи свое нитье;
Въ нить конецъ твою забавъ!
Понадемся на ливъ!

Гей, козакъ! не ранихъ къ бою:
Татарникъ на всекъ силу,
Сражеть саблю правую
Съ плечъ удалу голову.

Мчатся, смѣлихъ изъ обичей враку.
Посмотрите! акомъ?...
Татарникъ пональ на ниву,
А козакъ безъ головы! А. П.

КЪ ЕМ И Д И Н.

(на Гейас.)

На ливъ твоюхъ прекраснѣхъ
Лето зимное ливътеъ,
А во сердѣхъ холоденкохъ
Хладна зима нивътеъ!

Но за то тебѣ, Емилъ!
Отослать любовь сана:
Знай, — на сердѣхъ будеть ливо,
На ливъ твоюхъ — знаи! О. И.

ЧАЙКОВСКИЙ.

Украинская поестя.

(Продолженіе.)

А лежи тамъ, при перахъ лучахъ
солнца сторожевы козакъ съ
краснотыгетъ вала приняты въ
дали великіи клубы дыма,
и въ скоръ показались на степи
легкіи отряды Татаръ. Вооруженныи
козакъ высились на валъ; шумари
стали у шуметь; добрыи, опытни
стрѣльцы лавель ручными
свои въ поле, а приваши за
шигиши, ожидали неприятеля;
Татары подьхали къ крепости,
пуская иногда свои стрѣлы,
которые, не долетая къ цели,
увадали на землю. Козакъ не
стрѣляли. Нѣсколько разъ
козакъ просились у Полковника
къ крепости погудити за валомъ
и поглядѣти съ Татарани; но
Полковникъ послурно отвѣчалъ:
„но пора!“ или: „не сезиште
предъ отца въ околю;“ — и съ
нетерпѣннѣхъ поглядѣлъ на северъ.
Еще втора, собѣсь по приѣздѣ
Кисельна, Полковникъ Иванъ
подалъ гонца къ Полковнику
Цыркухону просити коноши; но
тогочъ не вылезла, кони не
было. Слѣдѣишъ Татары
начали блико подьзѣхати къ
валу; но съ краснотыгетъ

гранула шумя, другая, третья, и они разсыпались, оставая на пещице несколько людей и коня: один Татарь локалъ бокомъ, будто съвалъ; другій, ложа на знакъ, нажалъ ружави почти до полудня, якъ бы взтронний илинь, а раненный конь, все сидѣлся поднятись, ставалъ на переднїи ноги, езда на заднихъ. якъ песь, судорожно вытягалъ долгую шею, глаза на крѣпость, такъ что страшно было смотрати на него.

Насталъ полудень тихій, парный. Татары, выхавши изъ выстрѣла крѣпостныхъ шуметь, стояли густыми толпами; надъ чистымъ полемъ кружилъ въ небѣ великій коршунъ; росаустиши широкіи крыла, вытягнувши ноги, вооруженни острими ногтями; съ логна оаускался онъ на труни, и торопиво отскакивалъ къ сторону. будто нехота поднимался въ гору, когда раненный Татаринъ сильно нажалъ ружави. По полю бѣгала явлася нестрая собака, опустивши хвостъ, свѣсивши голову и долгиіи высунутый языкъ; утоплевни, остановилась она вередъ трунани, кругомъ понюхала поле, завывла и поджавши хвостъ кинулася бѣжати со всѣхъ силъ. Полковникъ, отирая слопчешное лицо, смотралъ на саверь — ни стверъ никого не было. Только чистая степь, раззерванная полуденными солнцѣмъ, а по стови, будто бѣгущиіи стада бѣлыхъ овецъ волыла въ порю жаркїи вѣръ на далекомъ небосклонѣ.

Герцикъ совѣтовалъ Полковнику слѣлти вылазку; Полковникъ не соглашался, ожидая скорой помощи.

«На что вамъ помощь, къ чему вѣръ помощь, нели вы сѣтъ великїи лицарь?» говорилъ Герцикъ; «прїидеть помощь, ам разобьетъ Татарь, а вѣз окажутъ: не самъ разобьетъ Полковникъ Иванъ, люди помощи.»

— «Знаю, друще мой, знаю, сваси-

Богъ тебѣ за добрый совѣтъ; дѣсть Богъ, устанеть жаръ, а съ ними погулаю, а докажу, что самъ побью тую погань, бѣзъ Прїлуднихъ дѣтарей... хоть осторожность не вродить... А что Запорожець?»

«Сидитъ подъ стражемъ.»

— «Слава Богу! Ты хсрощо совѣтовалъ мѣнь сокрыти старого лиса. Сваси Богъ, за то, брате; конь и въ голову не прїишло сначала, что то лазутчикъ отъ Татарь; надѣлали бы кислого борщу, если бы оставили его на волю...»

«Правда!» Вы самъ, Пане, вѣрже о томъ думали; но не хотѣли оскорблѣти лицаря; вы сейчасъ и сдѣлали, что думали.»

— «Яка головъ у тебе, Герцикъ!» сказавъ самодовольный Полковникъ: «нисли конь даме знають.»

«Я ничто противъ васъ, Пане мой; но и сѣзницѣвъ иногда Господь удумаетъ... А яку исторїю выдумалъ тотъ старакъ: будто покойниа Марина, царство ей небесное, воскресла!»

— «Дивно и мѣнь тое показалось, но долгъ лицарскїи не велѣтъ допытыватись о бабѣ... А что, если она жива?»

«О, Боже жъ мой! казакъ, Пане, хертвни воскресаетъ? Самъ и видѣлъ, якъ она взойшла на подностки. — та я уже говорилъ вамъ. . испулу уишелъ изъ Сечи, и мѣне бы казнили, если бы иаишли, такъ разломѣлась тѣи мѣзери!»

— «Не говори такъ, Герцикъ,» уишло сказавъ Полковникъ: «они хрїстїанскїи лицари, но бабъ не любятъ у себе... Гей, не думалъ я пережити мѣнеи Марани, не сдержалъ слова покойной жѣне...»

«Что съ вѣза упало, то провало, Пане мой. Чѣмъ, ослабъ и остался въ живыхъ Марана?»

— «Видѣтъ Богъ, а бы отдалъ ю за Алексея... Я и тогда хотѣлъ со слѣлати —

но что говорят мне о том!.. Выспыпалася ты вчера Заверонца о моей дочке?"

«Цалый вечер... та говорил неблизки, старий дася! Прійшли, кажетъ и живуть у мене; но все путается въ беседа; живучи на зинванку, оны варно не знагъ того, что вы знаете изъ письма Кожевого и моихъ словъ... та выдумалъ сказку, — дуналъ, что вы баба, — отъ того, что она всахъ насъ Гетланцевъ называють бабичи — а расидаетесь при восточъ о дочери и дасте ему волю длати, что захочетъ для Крилицевъ. Варно получалъ отъ хана не одного дуката....»

— «Такъ, такъ! пожди, собака! у-правилсь съ Татарани, те живуче его, якъ поспихатись съ Полковника Ивана.»

Начало вечера. — Татары невелики-ни толкая стали розъязнати по полю передъ кривостию; одна изъ нихъ больша подъехала ближе и оружала труби товарищей. некоторые изъ нихъ слезали съ коней, будто хотая подняти и увезти мертвшин тела. Пушкаръ прилагъ къ пушицъ, а съ кривостию вала грянулъ выстралъ: адриувало въ середину толпы; якъ живое серебро, разбризулись Татары на все стороны, оставивши на мѣстѣ еще несколько товарищей и два долги пави, зоткнути въ землю; на пивахъ торчалъ сважо отрубанными козачьи головы, кровь струилась по долги деревкамъ; вечерній вѣтерокъ покачивалъ ихъ въ сторон и ввалъ черниши чуприники...

— «На коней, хлопцы!» сказалъ Полковникъ, засирежавши отъ злости губами: «дажъ къ живъ! А где Гадюка?..»

«Готовать вечерю для Пана,» отвѣчалъ Горлицъ: «та позвольте я поеду за вана. Не что ванъ Гадюка?... Ждати долго...»

— «Скажи, Горлицъ! что у тебе за коро не шанецъ?»

«Заговоръ отъ пухля и страхи а вского оружія,» отвѣчалъ Герлицъ, выжимая ридонъ съ Полковникомъ изъ кривостихъ воротъ.

Быстро понеслись козакъ на Крилицъ и въ минуту завязалась по всему полю яркая схватка. Около десятъ Татаръ ударили прямо на Полковника. Полковникъ съ Герлицомъ сползалъ на нихъ. Въ двадцать кроковъ отъ Крилицевъ, Полковникъ выхватилъ изъ за пояса пистолетъ, саусталъ курокъ — не вышлалъ; другій пистолетъ тоже не выстралъ; кинувши в тотъ же время, Полковникъ поджалъ руку, вооруженную таккою кривою саблей, сверлящею въ мѣтлѣ, якъ сватлий рогъ колодого пласна, во въ то же время два стралы вышлись ему въ грудь; Полковникъ заматался на сѣдлѣ, опустилъ поднятую саблю, а Татары, схвативши за поводья его коня и коня Герлицна, покыпали въ степь. Козакъ кинулся выручати своего начальника; но ихъ было мало, — а Крилицъ унижалась съ каждою минутою, былъ козковъ и тѣсилъ въ кривости. Паразъ страшный воалъ огласилъ волю: изъ кривости скакалъ якийсь воишь, на неосадланномъ дикомъ конѣ; быстро леталъ онъ, схвативши его за гриву и поверачивая миластою рукою во все стороны, будучи поводни; голова безъ шапки не страженна, нечесанная, нога обнажомъ до колѣкъ, руки до локтей, въ правой руке владилъ великій топоръ.

«Где вы дѣли собаки, моего Пана?» страшно кричалъ онъ, рывушись въ телу Татаръ: «Пане мой, Пане! тутъ а, тутъ Гадюка!..» кричалъ онъ, сильно опуская на право и на лѣво такий топоръ, отъ позорого якъ своимъ отъ бури, валались Татары. Отбивши реионного Полковника, Гадюка порокнулъ его повереть коня и вачался въ кривость; но въ сладъ за шилъ

поискали и Герцикъ и козакъ, тесниши со всѣхъ сторонъ множествомъ Крымцевъ. Уже были они у крапостныхъ воротъ, неся на плечахъ своихъ непріателя, когда съ востока въ «ура!» ударила съ боку Пиратинская сотня, приставшая по приказу Полковника Иванъ на помощь; Крымцы перестрашились засады, ужаснулись передъ сошедшій войскою, и преследуемии козакими, убѣжали въ степь, присоединяясь къ своимъ обозамъ. Пиратинцы, роспустивши сотенные знаки, вошли въ крапость, привѣтаваемии народомъ. Визсто раненого Полковника, принявъ начальство надъ крапостію Пиратинскій сотникъ.

Настала ночь. На далекой степи, будто звездочки, засвѣтились сторожеими огни Татаръ; во крапостной залу козакъ удвоили стражу.

Въ главей отпочивались, на широкомъ ложу, покрытомъ до полу азіатскимъ ковромъ, лежалъ Полковникъ Иванъ, сильно страдающій отъ ранъ; козакаъ звяхарь осмотралъ раны, перевязалъ ихъ и покачалъ головою.

— «Что?» слыталъ слобинъ голосомъ Полковникъ.

«Ничего Пана Полковникъ!» отвѣчалъ звяхарь.

— «Нѣтъ надежды?...»

«Богъ все возможно!»

— «Оставь то... я не баба... А по твоюу яку?... что?...»

«По воюу личе.»

Полковникъ покачалъ головою и тихо спросилъ: «А Галика где?»

«Леникъ раненый.» отвѣчалъ Герцикъ.

— «Личе!... Останься со мною, Герцикъ; а вы всѣ...» Тутъ Полковникъ нахнулъ рукою — всѣ вышли. Герцикъ заперъ двери и подошелъ въ Полковнику. «Слухай, Герцикъ,» говорилъ Полковникъ: «вычитайся того Запорожца о ношій Марш...»

ношъ все выжестъ, что она жива... Козакимъ не поймутъ мене, подумишь, а безъ характера... а ты любишь мене, слухай: если то правда...» И Полковникъ началъ шепотомъ говорить Герцику.

Наклонившись надъ Полковникомъ, Герцикъ долго слушалъ, вперивши свои быстрые очи на умирающаго, в страшно злѣвался; когда умоллъ Полковникъ, онъ съ дикою радостію проишелся по кончатѣ, подошелъ къ ложу, наклонился къ лицу Полковника, внимательно прислушивался и сказалъ: «Хорошо, Пана, какъ невѣртію свѣтло днѣ, а ось оберну къ стѣнѣ!» Потомъ обернулъ Полковника лицомъ къ стѣнѣ, накрылъ его сивниъ походимыи, плашомъ и отоймедши на середину кончатѣ, кашланулъ и сказалъ довольно громко: «Теперь хорошо, Пана? га?»

— «Хорошо.» отвѣчалъ Полковникъ слабыи шепотомъ.

«Хорошо, хорошо!» сказалъ Герцикъ: «теперь я пойду исполню вашу волю, Пана мой, слыните?»

— «Слышу.»

Герцикъ вышелъ.

«А что? а что?» мытала Герцица старшыми, бывшии въ другой кончатѣ.

— «Ангелская душа!» отвѣчалъ Герцикъ со слезами на очахъ: «онъ чуеъ близкій конецъ, а обо всѣхъ повиняеть.»

«Такъ?»

— «Такъ; говорилъ, если я умру, Герцикъ, скажи, чтобы отдали Пиратинскую сотнику моего черкесскаго коня сивни...»

«Добрый конь!» говорили старшыми.

«Можь съ нимъ и не управляетесь!» сказала сотникъ.

— «А хоружикому Подметку,» продолжалъ Герцикъ: «мою старую ручику.»

«Знаеъ, что я стралякъ; добрая душа!»

— «Асаулу Полободу — Присадковскую соробраниую чару.»

„Улысь изъ той чарки,“ сказалъ Нелюбова - Присядковскій „ей-Богу, улысьсь...“

— „Асаулякъ Гошаку и Трошаку по пара червонныхъ кобеть съ серебрянными подковани.“

„Спаси Богъ!“ говорили Гошаку и Трошаку: „спаси Богъ! дай Боже ему...“

— „Здоровья?“ лукаво спросилъ Герцикъ: „чему не кончатъ?“

„А такъ, здоровья!“ торопливо отвѣчалъ асаулъ: „ни отъ горя не договорили... Богъ съ вами и съ подарками, лишь бы здоровы былъ нашъ добрый начальник!“

„Такъ, добрый начальник! дай Боже ему всего, что имъ ему желаютъ,“ повторилъ хорощъ прочіи. „А тебя что зависалъ, Герцикъ?“

— „Еще ничего; можетъ что вѣтъ спешить; велѣлъ вѣтъ призвати. А ты Потанъ,“ сказалъ Герцикъ, обращаясь къ часовену: „иди сейчасъ, въ тюрьму; узнай о здоровьи Запорожца Касьяна: Полковникъ велѣлъ; а оттуда бѣжи къ Панъ-Отку, попроси его съ св. дарани: Полковникъ просить Слышныи?“

„Слышу,“ отвѣчалъ козакъ, выходя за двери.

„Христіанская душа! благословенная душа!“ тихо говорили старшины, входя въ полковничью отничивальню.

Полковникъ лежалъ обернувшись лицомъ къ стѣнѣ и такно вздохнулъ, когда вошелъ старшина и сталъ почтительно у дверей.

„Старшины прийшли,“ сказалъ въ полголоса Герцикъ, наклонясь къ Полковнику.

— „Добре!“ тихо отвѣчалъ Полковникъ, и что-то началъ говорить въ полголоса.

„Полковникъ, отъязанъ нивъ на сраженіе, написалъ свою волю и запечаталъ въ войсковомъ печатіи, а тецерь просить на

случай чего-нибудь подорого, чего Боже сохрани!“ говорилъ Герцикъ: „просить ескал старшани вѣтъ туи волю и исполнити имъ случай смерти Пана Полковника.“

„Святе исполнитъ,“ отвѣчали въ одинъ голосъ старшинамъ.

— „Спаси - Богъ!“ шевелитъ отвѣчалъ Полковникъ, все еще отвернутый плечамъ къ своимъ водчинивымъ.

„Где же зависъ, Пана мой любезный?“ спросилъ Герцикъ.

— „За образани... охъ!“

„Погляньте тамъ, Пана сотникъ,“ сказалъ Герцикъ.

Сотникъ приблизился къ образамъ, ударилъ земляныи коленомъ, и перекрестившись, вынулъ изъ-за образа вѣкеть. запечатанныи полковничью печатію. Герцикъ, взявши изъ рукъ сотника вѣкеть, подошелъ къ Полковнику и виталъ, поднесши его къ своему лицу Полковника: „то твои воля, Пана!“

— „Ова... охъ... душею!“

„Душо, Пана? не отперти ли оскатъ?“

— „Добре...“

Гошаку отворилъ окно; и Полковникъ снова началъ тихо говорить; Герцикъ слушалъ его со вниманіемъ и поточъ сказалъ старшанинъ: „Полковникъ хочетъ усновокитись и на единъ поклонитсь Богу о грѣхахъ. Выидентъ, Пани.“

„Якѣи у него грахи? чистая, добрая душа!“ говорили старшины, выходя изъ коннаты; съ поруду имелъ, вѣса звинный запечатанныи вѣкеть, Пиратинскій сотникъ, гордячись дозрелностію Полковника.

Въ четверть часа зависа священникъ, вошелъ въ отничивальню и своею возвертился, говоря: „полгетесь; братіа! онъ уверъ!“

„Уверъ?!“ возричали старшинами.

— „Уверъ!“ сказалъ священникъ: „Уверъ пероскаланныи! въ грахахъ уверъ деловъ! молитесь...“

„Царство ему небесное!“ кричалъ по-
членно говорили все присутствующіе, и лю-
ди ихъ опречало горькое родудіе.

XIX.

Въ полночь протанний звукъ соборно-
го колокола извѣстилъ Лубенцавъ о смерти
ихъ Полковника; другіе звонницы отвѣчали
той же звуку, и скоро цѣлый городъ загре-
мѣлъ колоколами; народъ проснулся и тол-
паша всю ночь до самого свѣта приходилъ
смотреть на усопшаго Полковника, кото-
рый лежалъ середъ конницы на долгомъ
лубовѣнъ стойлѣ, одѣтый въ богатую нар-
човую одежду; кругомъ стояли въ тѣнкахъ
подсвѣчникахъ горали свѣчи; въ головкахъ
шюпа, и надъ немъ сложенныи крестообраз-
но перичи и булава. Входячи въ комнату
козакъ прѣстившъ, ползъ о думѣ усопшо-
го, а выходя на дверь огрими проклиналъ
Крилицевъ, собирав охотниковъ, дабы
сдѣлать вылазку на розсвѣтъ и дорого ола-
тати новоричи въ своего Полковника; но
вылазки не дѣлали, къ великой печали охот-
никовъ.

Крилицы знали черезъ своихъ лазутчи-
ковъ, что въ Миргородскій полкъ посланы
гонцы за помощью, и удлишавши въ городе
звоненіе и тревогу, воображали, что идетъ
отдаленная помощь, и вообще любя больше
печалиныи напады и разбои, нежели пра-
вильную войну, ночью убѣгли по тихоньку,
оставили запертыми сторожевыи огни; такъ
весь дунали въ Лубнахъ — а конотъ были
и другіи причины. На розсвѣтъ козакъ съ
вагу не заметили Крилицевъ, послали не-
мнѣшій отрядъ, — но тѣи шюпо не нашлы,
будто новричи зарылъсь гдѣ подъ землю,
будто ихъ розсѣвало, унесло отърани.

Цѣлую ночь не спалъ Касьянъ, дуналъ
о причинѣ необыкновеннаго злочина, и читалъ
часового то престои бесѣдомъ то пѣлилъ; но
часовой почталъ уверно. Рано загрохъ-

ли зашии, окрикнули на ржавыхъ петлахъ
двери, и въ тириу войшелъ Герцикъ.

— „Поздравляю тебе, дружо мой Ка-
сьянъ, поздравляю.“ весело говорилъ Гер-
цикъ, обвиняя Касьяна.

„Съ чѣмъ? не собрались ли повѣсати
меня?...“ умило спросилъ Касьянъ, отым-
хавъ Герцика.

— „Боже мой, что за человекъ! не-
тій зонкъ, истий Запорожець! Крилицы уй-
шли; теперь ты свободенъ.“

„Ей то холодици! гетманци! чѣй вы ихъ
прогнали?“

— „Да имъ ихъ добре повѣли вчера,
а они почѣмъ ушли; зарно переотражились
звонотъ; дунала что имъ недоброе противъ
нихъ проишлелъ.“

„Ой, есть чѣмъ гордиться, такъ вы
звонили прогнали Татаръ, будто слѣтѣв-
шю сарачу? баби!...“

— „Нѣтъ, Касьянъ, ни звонили но
другой причинѣ; чѣй ты знаешь о нашей
печали?“

„Откуда бы и зналъ?“

— „Ты не знаешь! О, Боже мой!
Плачь, Касьянъ! Полковникъ умеръ! Кри-
лицы его убили!“

„Умеръ!.. га, царство ему небесное,
а влѣкати немъ не пора...“

— „Якъ хочешь, Касьянъ; то твоѣ
дѣло; ты умный человекъ. Но теперь бра-
те, поидеиъ уже на раду; вотъ твоѣ ору-
діе; и прѣберетъ его изъ лубна къ тебѣ;
поидеиъ на раду, уже собралась она. Одиъ
Богъ знаетъ, а такъ полюбилъ тебѣ Ка-
сьянъ!“

„Что немъ дѣлать на вашей радѣ?“

— „Тѣмъ все старинныи, а Запоро-
жець самъ не прѣстий человекъ; а немъ
старинныи тебѣ дадутъ мочотъ; тѣмъ бу-
дутъ читати послѣднюю волю Полковника;
конотъ оцъ что талое и о дочѣ написалъ,

и о пость пріатель Алексея; тебѣ не ли-
хо знати: поедешь, нѣ передашь радость.”
„То дѣло важное; хорошо, войдемъ.”

Собрался радъ. Сотникъ и старшимъ присягнулъ, что передъ смертію Полков-
никъ вручалъ нѣ то само завѣщаніе и
просилъ исполнить послѣднюю волю; после
того священникъ роспечаталъ и поважно
перочиталъ завѣщаніе:

„Во имя Отца и Сына, и святаго Ду-
ха, аминь. Я, не имея родимыхъ, въ слу-
чай моей смерти, завѣщаю въ Лубенскомъ
соборномъ церковъ сто черномыхъ, а въ Пиря-
тинскую зинковскую пятьдесятъ, а остальное
все мое имѣніе движимое и недвижимое от-
даю въ вечность и безповоротности другу
по моему Герцику за его полезность моей осо-
бѣ службы, съ тѣмъ, чтобы онъ кормилъ
до смерти Гадюку и наливалъ для него е-
жегодно бочку пива изъ слезъ, кувлеви-
на по вольницѣ казанъ въ восточку Чер-
нухакъ. — Славного войска запорожско-
го полка Лубенского Полковникъ Иванъ.”

Священникъ сложилъ завѣсь и поклонил-
ся Герцику; все старшины тоже стали
сцу кланяться и поздравляти съ наследствомъ.

Но Герцикъ обратившись къ нянь, ска-
залъ твердымъ голосомъ: „Нянь, а не
хочу наследства. У Полковника осталась
дочка; она наследница; ото, честный
Запорожецъ; онъ пріѣхалъ съ поклономъ
отъ ней; ей принадлежить имѣніе, а не
моя...”

„Нянь, нянь!” закричали сотникъ и стар-
шими: „вспни ей нянь въ завѣщаніи; онъ
ей нарекся; она ушла отъ него...”

— „Можетъ бити покойный не зналъ,
жива ли она?” заветила Герцикъ.

„Говорилъ ли ты, добрый человекъ,”
считалъ священникъ Касьяна, „говорилъ ты
покойному Полковнику, что его дочь жива,
и правда ли то?”

„Говорилъ, сейчасъ какъ пріѣхалъ го-
ворилъ Полковнику; а его дочка и теперь
живетъ на зинковку.”

„А то завѣщаніе писано вчера,” ска-
залъ священникъ. „то значить, онъ съ у-
мысломъ заповѣдалъ о дочери; хоть и зналъ,
что живетъ она; значить, онъ устранилъ
и отъ послѣдней своей воли, и ты, Гер-
цикъ, не смѣешь отказываться отъ испол-
ненія воли умирающаго, долженъ принять
все его земныя блага и стараться о при-
обретеніи таковыхъ же на небѣ.”

„Не смѣю взять перечтѣ.” отвѣчалъ
Герцикъ, широко улыбаясь.

Старшими получали подарки, назначен-
ными нѣ по словесному приказанію Пол-
ковника. Его же похоронили при грохотѣ ку-
шомъ, звуку трубъ, — и къ вечеру все
старшина нирвала у Герцика. За столомъ
сперва пили печальными кубки за усоп-
шаго усомнаго и пили вѣчнымъ пивать; во-
томъ начали пѣти здоровье Герцика, потомъ
сотники и старшины, закричали „ура,” за-
пѣле ипоглатъ лета и передъ сѣтотъ разош-
лись дужо довольныи собомъ.

Когда разошлись гости, Герцикъ осту-
пилъ въ полковничью отпочивальню. — она
теперь ставась его кончатомъ — весело про-
шмель по ней нѣсколько разъ, потирая ру-
ки, дико усмѣхався, и сѣлъ на ложе, въ
которомъ въ прошлую ночь лежалъ умира-
ющій Полковникъ. Герцикъ задумался и вз-
дрѣзъ вздрѣгулъ, быстро всталъ изъ пога,
и подмигивъ коверъ, тревожно вѣспотрѣлъ
подъ ложе: тѣмъ ничего не было — „Ду-
ракъ!” променталъ Герцикъ, сѣлъ и опять
задумался. Лице его сдѣлалось страшнѣе,
болезненная дрожь прѣбывала во венѣ, во-
ромъ губы его судорожно вѣспрыгивались —
Богъ знаетъ отъ злого усмѣха, или отъ тѣ-
кой боли сердечнаго страданія.

Уже было утро, а Герцикъ все сѣлъ

..Царство оу небесное!" кричае почально говорили все присутствующи, и лица их опрачало горькое роздуміе.

XIX.

Въ полночь, протанний звукъ соборного колокола известилъ Лубенчанъ о смерти ихъ Полковника; други звонники отзывали тому звуку, и вскоря цѣлый городъ загремѣлъ колоколами; ивродъ проснулся и толпами всею ночью до самого свѣта приходилъ смотреть на усопшого Полковника, который лежалъ середѣ комнаты на долгомъ дубовомъ столѣ, одѣтый въ богатую нарочную одежду; кругомъ стола въ танкахъ подсвѣчникахъ горѣли свѣчи; въ головахъ икона, а надъ нею сложенный престображенно перначъ и булава. Входячи въ комнату позавки престидись, молясь о душѣ усопшого, а выходя на дворъ страшно проклинали Крилицю, собирая охотниковъ, дабы сдѣлать вылазку на розсвѣтъ и дорогою ослатити поварничи за своего Полковника; но вылазки не дѣлали, въ великой печали охотниковъ.

Крилиця звала черезъ своихъ лазутчиковъ, что въ Миргородскій полкъ посланы толки за попомъ, и услышавши въ городѣ звононіе в тревогу, воображали, что идетъ отдаленная попомъ, а вообще любя больше починными напады и разбои, нежели правильную войну, ночью убѣгли на тихоньку, оставивъ исполонии сторожевыи огни; такъ все думали въ Лубнохъ — а пометъ были и другии причини. На розсвѣтъ козляи съ валу не заветали Крилицю, послали нешніе отряди, — не тѣи винное не найшли, будто поварничи зарылъ гдѣ подъ землю, будто ихъ розсѣла, умело втрапи.

Цѣлую ночь не спалъ Касьянъ, думая о причинѣ необыкновенного звона, и вытѣлъ часовой те протомъ бесѣдомъ те шеплетъ; но часовой началъ уварно. Рано загромъ-

ли залив, скрипнули на ржавыхъ петлахъ двери, и въ торну войшелъ Герцикъ.

— „Поздравляю тебе, друже мой Касьянъ, поздравляю.“ весело говорилъ Герцикъ, обвиняя Касьяна.

„Съ чѣмъ? не собрались ли повѣстити нево?...“ умло спросилъ Касьянъ, отмихавъ Герцика.

— „Боже мой, что за человекъ! истый вонитъ, истый Заворожецъ! Крилиця ушли; теперь ты свободенъ.“

„Ей те колодци! гетманци! чей вы ихъ прогнали?“

— „Да имъ ихъ добре побали вчера, а они почію ушли; врно переобрашились звоновъ; дунали что имъ недоброе противъ нихъ промышленъ.“

„Ой, есть чѣмъ гордиться, такъ имъ звонани прогнали Татаръ, будѣте слѣзавшую саранчу? баби!...“

— „Нѣтъ, Касьянъ, имъ звонани по другой причинѣ; чей ты знаешь о нашей печали?“

„Откуда бы и знатъ?“

— „Ты не знаешь! О, Боже мой! Плачь, Касьянъ! Полковникъ умеръ! Крилиця его убали!“

„Умеръ!.. га, царство оу небесное, а плакати нечь не вора...“

— „Якъ хочешь, Касьянъ; те твое дѣло; ты уиний человекъ. Не теперь брате, поидѣтъ уже на раду; нощъ твое оружіе; а приборога ого изъ любани къ тебѣ; поидѣтъ на раду, уже собралась она. Одишь Богъ знаеть, а такъ подибалъ тебѣ Касьянъ!“

„Что нощъ дѣлати на вашей радѣ?“

— „Такъ все старшани, а Заворожецъ самъ не простий человекъ; а нощъ старшани тебѣ дадутъ почесть; такъ будѣтъ читати повѣданию волю Полковника; пометъ оуъ что такое и о дочкѣ написаль,

и о покое пріятеля Алексея; тебѣ не лишне знать: пойдешь, или передашь радость.”

„То дело важное; хорошо, пойдешь.”

Собрались рада. Сотникъ и старшинъ присагнули, что пора въ смерти Полковника вручить или то само завѣщаніе и просилъ исполнить послѣднюю волю; после того священникъ расчиталъ и поважно порешилъ завѣщаніе:

„Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Я, не имея родныхъ, въ случаѣ моей смерти, завѣщаю въ Лубенскую соборную церковь сто червонихъ, а въ Пирятинскую замковскую пятьдесятъ, а остальное все мое имѣніе движимое и недвижимое отдаю въ вѣчность и безповоротность другу моему Герцику за его полезныя моей особѣ службы, съ тѣмъ, чтобы онъ кормилъ до смерти Гадюку и плавалъ для него ежегодно бочку пива изъ сливъ, купленыхъ по волынскъ канавѣ въ восточку Чернухахъ. — Славного войска запорожскаго полка „Лубенскаго Полковникъ Иванъ.”

Священникъ сложилъ завѣсь и поклонился Герцику; всѣ старшинами тоже стали ему кланяться и поздравляти съ наследствомъ.

Но Герцикъ обратившись къ нимъ, сказалъ твердымъ голосомъ: „Нѣтъ, я не хочу наследства. У Полковника осталась дочка; она наследница; ото, честный Запорожецъ; онъ пріѣхалъ съ поклономъ отъ ней; ей принадлежить имѣнье, а не мнѣ...”

„Нѣтъ, нѣтъ!” закричали сотникъ и старшини: „имени ей нѣтъ въ завѣщаніи; онъ отъ нея перекрестъ; она ушла отъ него...”

— „Можетъ бити покойный не зналъ, жива ли она?” заметилъ Герцикъ.

„Говорилъ ли ты, добрый человѣкъ,” смѣялся священникъ Касьянъ, „говорилъ ты покойному Полковнику, что его дочь жива, и правда ли то?”

„Говорилъ, сейчасъ итъ пріѣхалъ говорилъ Полковнику, а его дочка и теперь живеть на замковскъ.”

„А то завѣщаніе писано вчера,” сказалъ священникъ, „то значить, онъ съ умысломъ замолчалъ о дочери; хоть и зналъ, что живеть она; значить, онъ устранилъ отъ послѣдней своей воли, и ты, Герцикъ, не смѣешь отказываться отъ исполненія воли умирающаго, должокъ принять все его земли блага и стараться о пріобрѣтеніи таловыхъ же на небо.”

„Не слыю нѣтъ пересчитъ,” отвечалъ Герцикъ, смирно кланяясь.

Старшинами получили подарики, назначенныя имъ по словесному приказанію Полковника. Его же похоронили при грохоту пушекъ, звуку трубъ, — и къ вечеру всѣ старшины пировали у Герцика. За столомъ сперва шли печальныя тубки за усопѣ души усопшаго и шли вѣчную канитъ; потомъ начали пить здоровье Герцика, потомъ сотини и старшини, закупили „ура,” запивали многая лета и передъ сѣзотомъ разошлись думѣ довольны собою.

Когда разошлись гости, Герцикъ аступилъ въ полковничью отпочивальню. — она теперь стала его коннатою — весело пройтись по ней нѣсколько разъ, потирая руки, дико усмѣхался, и сѣлъ на ложе, въ которомъ въ прошлую ночь лежалъ умирающій Полковникъ. Герцикъ задумался и вразъ издрогнулъ, быстро скочилъ изъ шата, и подыми коверъ, тревожно посмотрѣлъ подъ ложе: тамъ ничего не было. — „Дуракъ!” прошепталъ Герцикъ, сѣлъ и опять задумался. Лицо его сдѣлалось строгое, болѣзненная дрожь пробѣгала по шепъ, воровъ губи его судорожно истривалась — Богъ знаетъ отъ злого усмѣха, или отъ тяжелой боли сердечнаго страданія.

Уже было утро, а Герцикъ все еще

сидеть на лонѣ, задумчивый, печальный, опустивши голову на руки, упертымъ въ колѣна, и только тогда поднималъ ю, когда стирнула дверь, и на порогѣ показался Касьянъ. Видно было по одеждѣ, что Запорожецъ выбирается къ дорогу.

— „Ты, Касьянъ?“ спросилъ Герцикъ.

„Уже никто другій, отвѣчалъ Запорожецъ; „вродай, и сейчасъ яду.“

— „Куда?“

„До себе на зиновникъ. Тутъ нечъ ничего дѣлать.“

— „Пожди, Касьянъ; погуляй съ пали.“

„Спаси — Богъ. Но весело нечъ. да и тебѣ, якъ видно, не дуже весело.“

— „Правда твоя, Касьянъ; не весело нечъ; а лишился благодѣтеля, в тутъ чѣмъ покойникъ оскорбилъ бѣдную свою дочку; видитъ Богъ, якъ я отказывался... что же дѣлать; рада присудилъ: не можно говорить, переименити званіаніа; воля покойника, говорить, свята.“

„Но солгу, слышалъ.“

— „Ну, андишь, сагъ не знаю, что а бы не далъ. дабы тое переименити... Видать Богъ, Касьянъ, а добрый человекъ; нечъ Алексей Чайковский великій пріатель; вотъ, посмотрити книжаль, то его подарокъ; скажи ему, что виситъ у мене, андишь, где? на почетнионъ пистецъ. А Марина всегда была твоя ласкалая, всегда выпрашала, когда бывало статоу нечати покойникъ хотѣлъ мене за что нибудь выбить.“

„Спаси — Богъ и за доброе слово. Прощай.“

— „Нѣтъ, нежда, Касьянъ; скажи Маринѣ, что а всегда попию ей и все имѣніе Полковника буду уважати за ей имѣніе; а буду вродо ей вродаръ; все ей доставлю: теби въ ничѣмъ не нуждалась, ала и нидѣ изъ серебра, ходила въ бархата; — слышишь?...“

„Слышу.“

— „А на первый разъ возьми ось той пашонъ дукатонъ, кланійся отъ мене, и ей нушу кланійся, скажи, что а съ нимъ скоро уажаусъ... Вотъ, только уажаусъ съ далами, сейчасъ пріеду къ вамъ на зиновникъ. Погуляешь разонъ, забудетъ горе...“

„Нѣтъ добрыхъ усть доброе слово,“ отвѣчалъ Касьянъ, уладивъ пашонъ въ кармане своихъ безконечныхъ шальваръ.

— „Теперь вродай, братану, прощай; — а якъ же нечъ пойти твоей зиновникъ?“

Касьянъ розсказалъ дорогу, поклонился и вышелъ. Вскоръ вздохнулъ онъ свободно на широкой родной степи. Вѣтеръ вѣялъ, трава шумѣла, добрый конь скакалъ, Касьянъ спѣвалъ пѣсню, подѣзжая къ своему зиновнику.

XX.

„Ой полети, галко,
Где мой родный батко,
Нехай мене отиде
Колѣ мене жалко.“
Летитъ галка, враще,
А дѣточка плаче:
„Нѣтъ у мене родимого, —
Только ты возаче!“

Уа, Штаня.

„Что вамъ сказати, моя дѣти?“ говорилъ Касьянъ Чайковскому и жене его, сидя за столонъ въ своемъ зиновнику. „На Гетманщинѣ, якъ а заметилъ такъ все перенуталось, переименвалось, будьто волосья въ войлоку: вродану нѣтъ; одно только нечъ днине, хоть и аэрию, что Герцикъ смотритъ великии поименниконъ: а говорить в дѣлаетъ хорошо; у него душа выгинается, якъ тростинка.“

— „Ты батку, днине говоришь; тутъ что — то есть.“

„Ничего нѣтъ.“

„А что Полковникъ?“ сказала Марина.

„Начего. Известно: умеръ, захоронили. и все тутъ; вѣкъ прїидется унраги... Вотъ, ты уже и плачешь, дѣнн! Но хорошо.“

Но Марина его не слушала; она рыдала и жалостно восклицала: „а топу при- чном, на нов голову надеть смеръ его.“

„Вотъ говори бабамъ правду! за- нятъ Касьянъ: „они изъ пухи вола одла- ютъ; и давай плакати... Тотары его убили. а не ты; онъ не дуже о тебѣ безнокондса...“

Когда немного утихли рыданія Мари- ны, Касьянъ рассказалъ всю исторїю своей проздки въ Дубки, и заключилъ въ слова- ни: „Вотъ, а прїхалъ до вась съ ничотъ, крокъ того мамка дуняговъ... Что ни гово- ри, а Герцикъ добрый человекъ.“

„И отецъ не проклялъ мене?“ питала Марина.

„За что бы онъ проклялъ тебе? Та ко- лавъ и проклятъ, а не сарилъ бы того.“

„Канонъ свадился изъ моеи думи... Ме- не не проклялъ отецъ... Благодарю тебе; Гос- поди! Теперь я ничего не боюсь, а още не одна на свѣтъ...“ И Марина, обнявши Чай- ковскаго прильнула къ груди его и тихо плакала.

„И давно бы такъ!... Богъ знаетъ, за- чѣмъ плакати!“ сказалъ Касьянъ: „Вы оста- нетесь у мене; гроши у вась сугъ и още будутъ, зовите мене батьконъ, а уну — вась зиноникъ и все ваше; будутъ у вась дѣта. — сими, носилайте служити на Сачъ: послужать, узнають политнику и характер- ство — будутъ люднн. Такъ не плачьте, дѣ- та, не плачьте!“

Спокойно шалъ Чайковскій на зинон- нику; днѣкъ ходилъ на лова, а вечеронъ слу- шалъ розкази Касьяна о подвигахъ Запо- рожцѣвъ въ давно нукувшнн времена, и ко- гда на лкїи набудъ подвигъ была сломена пѣсня, — то все палд тую пѣсню и было ве- село немъ нннн и радостно.

Въ нѣсколько шдлаъ, одного рана, ста- рий Касьянъ дуже прилагово вырзывалъ изъ куся сужого лнвоного дерева стагоуш ку- ку; Марина, сѣла у окна, вышншла ко- ннмъ шелковъ хустку для нуке; Чайко- вскїй, выбрався на лова, посадилъ на ру- ку ученого астрѣба и склнкнвалъ гошчкѣ всогъ. Наразъ раздался конскїй топотъ; не- сколько козакѣвъ остановнлѣсь у верѣтъ зно- новннка и сарашнвали хлѣнца, ходншого по двору: „чѣй то зиноникъ Касьяна?“

Касьянъ выншелъ, и вѣсера возвратн- лса, ведучи гостя, одного въ богатѣи нн- ралъ.

„Алексю, друже мой!“ закрнчалъ гостя, носншая обаннати Чайковскаго.

— „А, те ты Герцикъ!“ сказалъ Але- ксѣй: „а едва узналъ тебѣ!.. Панѣтъ сталъ теоперь...“

„Охъ, тнжно немъ тоо Панѣто! Не го- ворн о немъ, брате! Касьянъ знветъ, якъ то случалось... Сердце мое такъ и режѣтъ къ тебѣ... Якъ вослѣтрон на твоѣ клнжалъ, и вослонн маме прощанье на Сачъ... охъ, такъ сердце и рвется и шѣпочѣт немъ: ось у тебѣ другъ, ты забылъ его... Видѣтъ Богъ, правда.“

— „Постой, Герцикъ, а человекъ пре- мннй, отвортнй; скажи немъ, ты зналъ, ко- гда былъ на Сачъ, что полковнчнча дочка, теоперннна моя жена, ось отца уннла?“

„Зналъ ли я! розумѣется, зналъ.“

— „Чѣму же ты немъ не сказаль?“

„Ехъ, брате! не такъ легко сказати печаль, якъ радость. Ты былъ такїй воссл- днй, что немъ малъ было тебѣ печалнтя; да и ны самы не зннлн, где дѣтъ Полковнч- нн — пропала, а только. А убнла она, пропала, или утонула, или ѣ кто взвелъ со свѣта — ннкто не зналъ... Якъ же немъ было сказати тебѣ!.. Внносать я, что печалнлтъ те- бѣ; а видншь, все выншло на дучше... Чѣму

домение сіе надъ роззугу, пометъ поведо бы си Вышъ за податливость возникъ Высочодостоймилх, Прощающейшихъ въ Всащелостайшихъ Предстоителъ у Высочого и. в. Правительства оу поможъ выдести; пометъ бы Проволобитий въ Всащелостайшій Рентаргъ генералей Сенатаря приключившася къ себъ полезней или изволитъ оу поможту на обиталище чрезвечити; пометъ бы Ви ч. Патонци при началъ кондого школьного года подарилъ гла что влазминна складочка, добы учителя нузины вывогасити прилично на оеъ годъ, а провчтанію поможтывозъ властимилъ способитъ пособити.— Раздудайте надъ тѣмъ, а уадритесь бессонительно, что безъ оглоуаніи твоей школы сегоднею ипроивозвочетое илне на поствъ удержитася не возпометъ, а что единае средство для воднесенія заместо первоного илне заключитася въ зведеніи доброй вчашей школы. Яная польза изъ таюого зведенія пометъ на будущность произойти, сами те хорошо знаете.— а кону выгона заслуга и сердечная благодарность будеть, сано дѣло засвидѣтельствоеть. Бодрстаудію и дѣлано, а не отдалокайно! Поощетъ на воласть, когда оу воюею изъ рукъ вывогаситъ, рухани гоуиниа грѣбеть но вомажт, добы чованковъ къ боругу добитася: и ии, Соотечественники! прииденася за дѣло хотбы иланиа грелстали, а не подлинъ наму ленту на возможность на оларъ възняного искусства возолити. Прошайте и заравстаудіте, осли не а желаніа нон преклоаренно обавилъ, отуствіе нестл.

Пословъ съ Болмова.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Ямыслевини трудъ илиторикъ росейскихъ ученихъ вивють возниое значеніе и для Мадорусности. Уме прое. Срезневскій въ своинхъ „Мысльахъ о исторіи русскаго языка“ обривилъ виваніе на языкъ старорусскій, который ареннучествоно развивалася въ южной Руси; а свазалъ поасательно того предмету много достоявного; знаиотный возноселъ въ илывшое время 1853 г. рос. Зааровскій, издалъ вольна заичательное сочиненіе: „О языкѣ русскіихъ втонисей,“ въ которонъ доказываетъ, что языкъ древнихъ вившихъ втонисей, хотя впрочетъ слованиа и грамматическини вѣдана тѣмъ душо сходимый со старословенскіихъ, раздичаетася однаковъ отъ того послѣдьяго своимъ арвоисемю и вчсторусскіихъ характеронъ, что его свраведливо назвети нушо старъ русскіихъ, илъ

старословенскіихъ. — Въ росейскій по свавности виваніа достояни сочиненія сунъ таюки: „Путешествіе А. Дюклова по южной Руси и въ Крымъ или: Угры, Волошину и Молдавію;“ „Состояніе царской библиотеки въ г. 1832;“ воторъ вольна остроумной роини надъ заглавіиъ „Витеръ,“ сочинетъ словонъ вивстателею Олгою Вельновоню, а вновецъ строгонъ III. части илиторическаго Губальцова дѣла „Косица.“

— Г. Новоселскій вивчиветъ отъ вившого времени въ „Древнину Варшавсконъ“ вольна заичательнымъ статьи „о поможтѣ илной Руси.“

— Польскій ученикъ Лабанскій составилъ „Словаръ для русскаго терминологіа.“ Частю возникитъ словъ, отустанивитъ въ русскаго а вчнствовавимъ бул изъ давнѣйшихъ и вомнхъ ввстателъ, будъ изъ вивихъ устъ воряно, вомнхъ 5 до 600. Таюое богатство вѣдъ естъ и у нѣтъ!

— Нѣмскіи учениа, заимчившіе арвоиселъ илиторикъ словосказу сочиненій, арвоисрѣтуютъ трудитъ своинхъ дѣлою большае ворянст, илъ сами сочинителю воздвинили. Таюъ по ар. вчнчскій переводъ сербскіихъ драмъ „Пара Лазари“ илшеетъ уже въ грѣбнѣхъ вланиа, вѣтъ тѣмъ, вольна сочинителю воздвинити, И. Николаича, не распривилъ оне и воряно, хотъ сербскій вольнотѣ въ гра разѣ донешій отъ вѣн. воряноа. Таюоа вивнѣ илн. воряноа „сербскіихъ воряноахъ вѣтче,“ илтъ оксониларъ арвоисрѣтъ во 4 талароа, вивчнхъ въ Нѣмчонѣ много возуничивотъ. Естъ те вчворивше для вѣтъ доказательство, что Нѣмчи вивчтѣ вричи Словонъ дѣлою большае, илъ сами не Словонѣ!

— Въ Вѣднѣ вивчлѣ вѣдѣно „Сербскій воряноа арвоисрѣтъ,“ собравши вчворившіе сербскіихъ арвоисрѣтъ вчворивъ Стооивочетъ Карадвичича. Собирателъ роидилъ ихъ, аю дѣлѣнне воряноа илне, на арвоисрѣтъ (аричтѣ) илнеого роа, т. е. таинъ, въ котороихъ содерживае илнеетъ чудовищныи и возвоичивимыи, и на вчворивши (сказни) нушного роа, аюне содерживае вчворивно: естъ и арвоисрѣтобное. Завчнванъ достояно, что илиторикъ съ тѣхъ сербскіихъ арвоисрѣтъ склани сунъ съ русскіихъ, илнею оаи содерживаиотъ и вчворившіе вольна свавствонна со скланио „о Иванѣ Царевичѣ въ странѣ воужу,“ воряноа вчвахани скланиитъ росейскіихъ вчворивъ Жуковскіихъ. Современно воряноаитъ дѣчь словонто Вука Каравича сербскіихъ арвоисрѣтъ на языкъ вчнчнскій.

— Молодой арстронетъ въ Готтингенѣ, г. Клингероусе отквившій вчворивше вчнчнскіихъ

последнего конета, уарьдъ для 2 с. и. другого, который передъ вселюво днаи видать былъ таковъ Виденскій астрономъ.

ВСЯЧЕНА.

— Нѣкій Французъ, г. Бронъ, опредѣлилъ автору 40,000 р. ср. для того, что бы вышестъ върне средство противъ холеръ.

— Храгъ са. Сооин въ Цароградѣ, будовало черезъ 6 лѣтъ 10,000 амей; царь Юстинианъ, одаривъ работникамъ заплату, и избраннымъ художникамъ плату. Когда доложено будовало, восплашукъ царь: „Солононе, треба проломелъ!“ Храгъ тотъ есть найзавошгидий конитинъ греческой будовли. Палато теверѣнхито султана, тагъ знаиый серагъ, стоить на тогъ мѣстѣ, гдѣ прежде обитали гомеменни сооисного храна. Завошатель Царограда. Маронель, избралъ себя тоо мѣсто, съ ваирраштитъ въ аѣловъ свѣтъ половеику за сѣдалоо свое. Нышнѣишій гералъ состоить изъ аѣсалоо ваить, бамъ, пошой, оговолонъ, илмхъ таотъ и пр., и въ пошь обитаетъ оолоо 6000 амей. На половею сооисного храна создалъ себя Туринъ пошегъ Солтана, воздвоиеннъ съ аѣноей, ваитмхъ изъ храна са. Коосинъ въ Халесонъ.

— Англичане ваирраштитъ своеа презаирваити одно величаное дѣло: хотѣтъ они сбудоовли по волъ море изъ въ днѣ мори (такъ знавоо морского пролѣи Каналъ да - Магъ раздѣлишого Англия отъ Франци), ваѣлаую волдъ, которая въ глубинѣ 18 сажней прерита будеть для ваивоеленѣ свѣтла стоканшоо пролѣи (дагонъ), тагъ галоншоо и сѣлашоо, чтобы устоата погла предъ вапоронъ и глѣношкѣ стучеюей воды. Сѣ водѣорсино прѣвада трѣваа бы тольо годну. Нѣтъ прѣсѣлаа то ваель: отвоишумалъ паровои Иаина вагъ порѣтъ, а во боаитъ толамъ величанхитъ шителѣсъ родинѣ! — Тутъ ваѣваитъ ете, что въ Англии сущестуетъ уже ваѣлаоо волдѣ, сбудоована въ ваѣбный спѣообъ повадѣ порѣтъ.

— Нѣтъ извѣстие прѣдоложаетъ въ Ханхѣтъ междоусобица война болашоо частѣю съ добригъ успѣхомъ для возстанѣиъ, которые о сколько въроисвоѣдианѣиъ своихъ блина суть въ Христѣианхъ, авствѣно изъ сообщеннхъ нами недавно извѣстѣй о нѣтъ богослудюбнхъ вагагахъ. Они возстали противъ дотевѣршаго Царя Гіеаъ-оуагъ, происходяшого отъ непавашого для Хинчитоаъ племенѣ монголао-татарского. Гіеаъ-оуагъ имѣтъ теверѣ 22 лѣтъ, человекъ нѣрвоо возраста, широкооачѣиъ, съ высокииъ челоуъ, укусиаиъ очиаи, и съ то, чѣшчииъ ваѣсамѣаюо шѣкаи. Прѣданный роспомаиъ и ваѣваиенію, есть отъ изъ тоху ваирраштитъ, асмышлчаннй и вогъ свой изъкъ мѣстоиѣи. Его не прѣваиитъ, началннъ ханснхъ возстанѣвоъ, авногѣ Гіеаъ-ти, есть правннхъ погоникомъ дѣлоо: авствѣно чистѣ ханснхъ, имѣтъ олава 23 лѣтъ: автогда задушанный и наловоиамъ, ваитѣса быга челоуѣкомъ совершаиитъ; етооно авошннъ счаставное поведеио чѣтъ разъ блина въ чѣли его стрѣленѣиъ прѣводитъ. Черты его днѣиъ авраиѣиъ, и имѣтъ ваираъ прѣтатиъ и авраиѣнательннй. — Тиъ два полодамъ вадутъ съ собою имѣтъ проваирраштитую боръбу, ваермъ съ авуѣлѣношю мѣстоного Татарина, другій съ умонъ завошателя и рѣлагійного реоорнатора, и нишо не соиѣваитѣса, что Гіеаъ-ти воздѣлетъ незадолго на прѣстѣлъ аврѣтоиъ и 300,000,000 поагѣ авсѣаионитъ съ европеисѣаиъ аврѣваиѣиенѣиъ.

— Въ Наангнѣ въ Ханхѣтъ существоваа отъ старннхъ лѣтъ велѣдѣиша ваеа, сооружѣннѣа изъ саикѣиъ порѣлаамъ, и уважана было за чудѣ свѣта. Ваеа таа саушнла для монголао подооо-авоелѣа, и наиѣннѣиъ возстанѣиъ, борѣишнса за реоорнѣваиу съ Христѣианшоо склѣчѣиъ вауру, раздѣлаа аволаво при добытнѣ Наангнѣ тотъ драгоцѣнннй храгъ ханснхѣио поагѣаиъ.

ИСПРАВЛЕНІЕ.

Въ 30 ч. на заглав. стор. въ 1 страницѣ 2 передела случился значительная ошибка; а именно: Начальное существительное Доржигина должно быть: Начальное существительное Доржигина.

Слѣдуетъ читать 42 „Почтовый Церковный“.

Съ послѣдующихъ Числоаъ кончитѣ VI Годъ существоваиѣа „Зоря Галицкой“, и такигъ дѣлоаъ послѣднее четвертьгодиѣ 1853 г. Почт. наишѣхъ Прѣдѣлатѣлаъ прѣснѣтъ о благовреиеннѣу аврѣсылку аврѣномерѣиъ на будущій 1854 годъ.

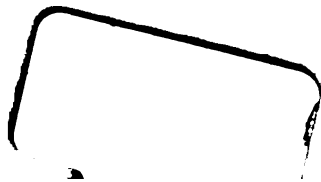
Издвоиеннѣиъ и такигъ Иастватуи Ставрополаиского. Отвошительннй Редакторъ Коодоаъ А. Абаваиѣиъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ

из продолженія на третье четвертьгодіе „Зора Галицкаго“ и „Почувствій Церковника,“ начинающагося со 1. Октября 1853 г.

Поль года минуло съ того времени, откогда „Зора Галицкаго“ выходитъ изъ беллетристическаго писанія. Поль года, — не долгое то время для постепеннаго развитія литературной жизни: — а однакожь довольно, какъ на наши невеликія силы, довольно. Что нужно бы было издавати въ особенныхъ книгахъ съ большими трудностями и выдатками: тое повѣстилось съ тѣсныхъ переделкахъ нашей временницы, и составляетъ нынѣ довольно значительную часть въ невеликомъ объемѣ возрожденной нашей Словесности. Тожь всякій признати долженъ, что и наша временница, положивши прежде сего хорошія заслуги въ дѣлѣ политическаго на Руса образованія, причинилась черезъ сіе короткое погодовое время своего обновленнаго существованія къ поднесенію и розширенію изысканной Словесности. Сія послѣдняя развивается у насъ нынѣ вланию съ большими успѣхохъ, какъ въ самомъ началѣ нашего пробужденія, разъ: понеже, следуячъ всеобщему правилу чѣмъ бѣзъ высшаго природнаго развитія, перешла уже саму низенькую степень своего прозаванія, во сторыхъ: понеже сиріаетъ ей къ тому и чирное вышнее время и благосклонность высокаго Правительства. То убавденіе наполняетъ всякаго народолюбнаго и просвѣщеннаго Русина радостію.

Есть однакожь одно обстоятельство, которое ставляется для Словесности нашей препятствіемъ, и на писателей нашихъ заводитъ оступленіе и, да такъ скажемъ, тревогу. Есть то недостатокъ Читателей не только для русскихъ временницей, но и для большихъ или меньшихъ окроушникъ русскихъ сочиненій. Около трехмиліоновъ Австрійская Русь имѣетъ только три временницы, а ни одна изъ нихъ не можетъ повеличаться ниже одинъ тысячъ читателей, — бо, два Львовскія ни даже по-длинному! Не знати, приписать ли тое нашей великой бѣдности, совершенному недостатку средствъ вещественныхъ, или вораданію и хладнокровію къ русскому слову! Не можемъ приписать первому, — бо не така еще у насъ беда, то и временница наша — въ сравненіи съ чужестранными — вовсе не дороги; не смѣемъ говорити въ голосъ о другомъ, — бо то встыдно, дуже встыдно. и утѣшители для недруговъ! Мы приписывали доселѣ тотъ недостатокъ читателей на Руса къ тѣнѣ около государства, которое въ дѣлѣ больше вынатеетъ времени и отрываетъ вногда отъ чтенія трудолюбивыхъ нашихъ Соотечественниковъ. Но теперь укочивши жизнь — укочилось головное занятіе сельскаго государства, — плодъ прилежныхъ трудовъ сохраняется въ столахъ, скучная осень обливается къ намъ и ротаи и принудитъ насъ отпочивати въ родниномъ кружку у вригнутаго огнища —

Widener Library

2044 099 653 263